
М 47
73

УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ

РОССІИ

ПРИ КНЯЗЬЯХЪ РЮРИКОВИЧАХЪ.

ВѢЧЕ И КНЯЗЬ.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ

УСТРОЙСТВО И УПРАВЛЕНІЕ

ВО ВРЕМЕНА КНЯЗЕЙ РЮРИКОВИЧЕЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

В. И. СЕРГѢЕВИЧА.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА. БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА, Д. № 7.
1867

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Древняя исторія Россіи распадается на два періода, не одинакіе по времени и различные по характеру своихъ учрежденій. Въ теченіе перваго, княжескаго періода, Россія представляется раздѣленною на множество независимыхъ одно отъ другаго княженій; въ теченіе втораго, царскаго, она является соединенной въ одно государство съ политическимъ центромъ въ Москвѣ.

Предметъ настоящаго изслѣдованія составляетъ княжескій періодъ нашей исторіи.

Переходъ отъ одного періода къ другому совершился не разомъ: объединеніе Россіи было достигнуто еще при князьяхъ, точно также къ эпохѣ князей относятся и первые зачатки нѣкоторыхъ учрежденій царской Россіи, какъ напримѣръ приказовъ. — Эти зачатки новаго порядка вещей, только по времени принадлежащіе княжеской Россіи, составляютъ переходъ къ слѣдующему періоду и должны быть раз-

сматриваемы въ связи съ его учрежденіями. Изслѣдованіе о нихъ не входитъ въ предѣлы настоящаго труда.

Мы далеки отъ мысли исчерпать всѣ вопросы устройства и управленія княжескаго періода нашей исторіи; предлагаемые «очерки» касаются только нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Къ наиболѣе крупнымъ явленіямъ государственнаго права, которыхъ мы не могли коснуться, относится судоустройство. Изученіе судоустройства не можетъ быть отдѣлено отъ изученія судопроизводства, а это послѣднее совершенно отвлекло бы насъ отъ главной задачи настоящаго изслѣдованія.—Въ области управленія мы останавливаемся только на трехъ вопросахъ: правительственномъ дѣленіи, личномъ составѣ администраціи и военномъ управленіи, вовсе не касаясь другихъ вѣтвей административной дѣятельности,—церкви, полиціи и финансовъ.

Приступая къ изложенію устройства и управленія древней Россіи, мы имѣли въ виду представить опытъ обработки учрежденій общихъ всей Русской землѣ; а потому только мимоходомъ останавливаемся на нѣкоторыхъ особенностяхъ, свойственныхъ отдѣльнымъ областямъ.

Москва. Октябрь, 1867.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. УСТРОЙСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пространство и время, въ предѣлахъ которыхъ дѣйствовалъ вѣчевой бытъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Устройство вѣчевыхъ собраній.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣчевые порядки и предметы вѣдомства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объясненіе взаимныхъ отношеній городовъ къ пригородамъ на основаніи вѣчевыхъ порядковъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Князь и его отношенія къ вѣчу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Взаимныя отношенія князей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Порядокъ распредѣленія волостей между князьями.

КНИГА ВТОРАЯ. УПРАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правительственное дѣленіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Органы управленія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Войско.

КНИГА ПЕРВАЯ.

УСТРОЙСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пространство и время, въ предѣлахъ которыхъ дѣйствовалъ вѣчевой бытъ.

Народъ и князь суть два одинаково существенныхъ элемента древне-русскаго общественнаго быта: съ одной стороны, народъ не можетъ жить безъ князя, съ другой—главную силу князя составляетъ тотъ же народъ.—Участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ проявляется подъ формою — вѣча. Прежде чѣмъ разсматривать составъ вѣча, предметы его занятій и порядокъ рѣшенія дѣлъ, необходимо бросить взглядъ на время и пространство, въ предѣлахъ которыхъ жила эта форма.

Вѣче не создано княземъ; оно составляетъ первоначальную форму быта. Отечественные памятники разсказываютъ о народныхъ рѣшеніяхъ еще до призванія Рюрика. Такъ, описывая кіевскія событія, послѣдовавшія за смертью трехъ братьевъ — Кія, Щека и Хорива, лѣтописецъ говоритъ: «поидоша Козаре на Полянъ.... и реша: платите намъ дань. Сдумавше же Кіяне и вдаша отъ дыма мечь» [1]). Другое извѣстіе изъ времени, предшествовавшаго распространенію власти Рюриковичей по всей Русской землѣ, относится къ сосѣднему племени Древлянъ. Въ первой половинѣ X вѣка они еще имѣли своихъ князей не Рюри-

[1]) Сузд. стр. 4; въ Лавр. стр. 7 вмѣсто «Кіяне»—чит. «Поляне».

кова рода. Убивъ Кіевскаго князя Игоря, Древляне посылаютъ къ его вдовѣ посольство, приглашая ее выдти за мужъ за ихъ князя Мала. Послы ихъ говорятъ Ольгѣ: «посла насъ Деревская земля» [2]). Призваніе Рюрика было также дѣломъ народнаго постановленія: «поищемъ себѣ князя» рѣшили Кривичи, Славяне, Чюдь и Меря, не находя возможности установить изъ своей среды такую власть, которая бы удовлетворила всѣхъ одинаково.

Во времена князей Рюриковичей форма эта встрѣчается на всемъ пространствѣ княжеской Россіи: гдѣ были князья, тамъ было и вѣче. Новгородъ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія: его бытъ есть бытъ общій всѣмъ городамъ русскимъ. Разница, которая замѣчается въ его жизни и жизни другихъ городовъ, —есть разница количественная, а не качественная. Богатѣйшій и населеннѣйшій изъ всѣхъ городовъ русскихъ, Новгородъ распадался на многочисленныя и сильныя партіи, которыя имѣли не одинъ поводъ къ враждебному между собой столкновенію. Существованіе сильныхъ партій и легкая возможность столкновенія между ними, условливаемая вѣчевымъ бытомъ, и была причиной, что новгородская вѣчевая жизнь текла шумливѣе, чѣмъ жизнь другихъ городовъ, менѣе населенныхъ и менѣе богатыхъ, и вслѣдствіе того представлявшихъ большее однообразіе и спокойствіе жизни. Кромѣ того, Новгородъ имѣлъ еще и то великое преимущество передъ другими городами, что татарскій разгромъ вовсе его не коснулся. Благодаря этому обстоятельству, вѣчевая жизнь сохранилась въ его стѣнахъ гораздо долѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Не всѣ города оставили намъ свои лѣтописи, а потому свидѣтельства источниковъ о вѣчевой жизни древней Россіи распредѣляются далеко не въ равной мѣрѣ между отдѣльными ея частями. Мѣстные же лѣтописцы, какъ напр. кіевскій, волынскій, суздальскій и др., труды которыхъ вошли въ составъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ, далеко не восполняютъ этотъ недостатокъ особыхъ лѣтописей; описывая довольно подробно

[2]) Лавр.

происшествія своего роднаго города, они только мимоходомъ и вскользь касаются внутренней жизни чуждыхъ имъ городовъ. Несмотря на эту не полноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, однако, указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія. Мы соберемъ здѣсь въ одно мѣсто эти, часто слишкомъ краткія, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнныя свидѣтельства и такимъ образомъ представимъ наглядный очеркъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ были распространены формы вѣчеваго быта.

Бѣлгородъ. Въ 997 г. Бѣлгородцы должны были выдержать продолжительную осаду Печенѣговъ. Когда всѣ запасы истощились, а помощи отъ князя не предвидѣлось, они «сотворили вѣче» и рѣшили сдаться [3]).

Владимiръ Волынскій. Въ 1097 г. Володарь и Василько, требуя у Давыда выдачи людей, намолвившихъ его на ослѣпленіе Василька, подступили къ Владиміру. Прежде чѣмъ начать враждебныя дѣйствія, осаждавшіе обратились къ Владимірцамъ съ такою рѣчью: «мы не пришли на городъ вашъ, ни на васъ, но на враговъ своихъ—Туряка, Лазаря и Василя, они намолвили Давыда, онъ послушалъ ихъ и сотворилъ зло. Если хотите биться за нихъ, мы готовы; а лучше выдайте враговъ нашихъ.» Выслушавъ это посольство, граждане «созвали вѣче» и послали князю своему, Давыду, такое предложеніе: «выдай мужей этихъ, мы не біемся за нихъ, но за тебя биться можемъ. А если не хочешь, мы отворимъ врата граду, а ты промышляй тогда самъ о себѣ.» Давыдъ отвѣчалъ уклончиво на это предложеніе: «требуемыхъ людей нѣтъ здѣсь; я послалъ ихъ въ Луцкъ, а съ дороги Турякъ убѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь воротились въ Турійскъ.» Слыша такой отвѣтъ, «люди кликнули на Давыда и сказали: выдай кого у тебя просятъ, а не выдашь, мы предадимся», т. е. признаемъ своими князьями Володаря съ Василькомъ; выше то же самое рѣшеніе было выражено въ

[3]) Лавр.

другой формѣ: «отворимъ врата граду, а ты промышляй о себѣ». Давыдъ уступилъ и выдалъ [4]).

Въ 1099 г. Мстиславъ Святополковичъ затворился отъ Давыда во Владимірѣ. Отражая одинъ изъ приступовъ Давыда, Мстиславъ былъ убитъ. Его смерть «объявляютъ на вѣчѣ». Собравшіеся на вѣчѣ люди разсуждаютъ такъ: «князь нашъ убитъ, если сдадимся Давыду, Святополкъ (отецъ убитаго) погубитъ насъ всѣхъ», и рѣшаютъ отправить къ Святополку посольство съ такими рѣчами: «сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода; если не придешь, мы будемъ вынуждены сдаться» [5]).

Владиміръ Игоревичъ, преслѣдуя Романовичей, посылаетъ въ 1202 г. къ Владимірцамъ посла, говоря имъ: «не останется градъ вашъ, если не выдадите мнѣ Даніила и Василька Романовичей». Владимірцы оскорбились такими рѣчами и едва не убили посла [6]).

Берестье. О призваніи князей Берестьянами имѣемъ два свидѣтельства. Въ 1204 г. они зовутъ къ себѣ дѣтей умершаго Романа, которыя были тогда у Лешки, и принимаютъ ихъ съ радостью «яко великаго Романа жива видяще». Въ 1289 году, еще при жизни князя своего Владиміра Васильковича, они вступаютъ въ сношеніе съ Юріемъ Львовичемъ и цѣлуютъ къ нему крестъ на томъ, что «какъ не станетъ стрыя твоего, ино мы твои и городъ твой, а ты нашъ князь». По смерти Владиміра, Юрій дѣйствительно сѣлъ въ Берестьи, но скоро принужденъ былъ бѣжать [7]).

Рязань, Муромъ и Пронскъ. Въ войнѣ Олега Святославича съ Мстиславомъ Владиміровичемъ, сторону перваго держали Рязанцы и Муромцы. Послѣ неудачной для Олега битвы у Колтеска въ 1096 г., онъ принужденъ былъ бѣжать сперва въ Муромъ, а потомъ въ Рязань; но получивъ извѣстіе о приближеніи Мстислава, онъ долженъ былъ оставить и этотъ послѣдній городъ. Преслѣдуя Олега, Мстиславъ пришелъ къ Мурому, гдѣ Олегъ оставилъ брата своего Ярослава: «и сотвори миръ съ Муромцы», говоритъ лѣтописецъ, «и поя

[4]) Лавр. [5]) Ник. и Лавр. 1097 г. [6]) Ипат. [7]) Ипат.

своя люди Ростовци и Суздальци». Придя за тѣмъ къ Рязани, Мстиславъ точно также заключаетъ миръ съ Рязанцами и освобождаетъ своихъ людей, плѣненныхъ Олегомъ [8]). Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ переговоры были ведены не съ князьями, а съ гражданами, которые и согласились на предложенныя Мстиславомъ условія мира [9]). Надо думать, что Олегъ потому и бѣжалъ изъ Рязани, что граждане не изъявили желанія поддерживать его долѣе. Объ этомъ должны были вестись переговоры, образчикъ которыхъ мы только-что видѣли во Владимірѣ; но лѣтописецъ не сохранилъ ихъ.

Въ 1177 году, послѣ плѣненія Рязанскихъ князей Всеволодъ Юрьевичъ посылаетъ къ Рязанцамъ съ требованіемъ выдать ему Ярополка Ростиславича, укрывавшагося въ Воронежѣ. Посолъ говоритъ Рязанцамъ отъ лица своего князя: «вы имѣете нашего врага, выдайте, или иду на васъ». «Рязанцы же сдумавше» поѣхали въ Воронежъ за Ярополкомъ и выдали его [10]).

Лѣтописи сохранили еще три извѣстія о дѣятельности Рязанцевъ и одно жителей Пронска, но также безъ употребленія слова «вѣче». Эти извѣстія относятся къ началу XII вѣка. Всеволодъ Юрьевичъ, узнавъ о враждебныхъ ему замыслахъ Рязанскихъ князей, вмѣсто предположеннаго похода на Кіевъ— пошелъ къ Пронску и Рязани. Вѣсть о его приближеніи заставила бѣжать Пронскаго князя, Кира-Михаила; но Проняне призвали къ себѣ Изяслава Владиміровича и затворились съ нимъ отъ Всеволода. Не желая кровопролитія, Всеволодъ шлетъ къ нимъ посла о мирѣ. Къ сожалѣнію, лѣтопись не сохранила ни словъ посла, ни отвѣта Пронянъ; она говоритъ только, что рѣчь ихъ «была буяя». Проняне отказались отъ мира и оборонялись отъ Всеволода въ теченіи 3-хъ недѣль. Не имѣя возможности сопротивляться долѣе,—они говорятъ своему князю: «мирися, или промысли, како ти въ насъ водѣ быти». Изъяславъ проситъ

[8]) Лавр. [10]) Лавр.

[9]) Лѣтописецъ упоминаетъ только одно условіе мира — освобожденіе плѣнныхъ: «и поя своя люди Ростовцы и Суздальцы».

мира и уходитъ въ свою волость; а Проняне принимаютъ отъ руки Всеволода дружественнаго ему Олега Владиміровича.—Рязанцы въ началѣ также оказали было поддержку князю Роману Игоревичу, но послѣ перваго пораженія перемѣнили политику. Узнавъ о движеніи самого Всеволода на Рязань, они отправили къ нему посольство съ поклономъ, моля не ходить къ городу, не пустошить мѣстъ честныхъ и обѣщая исполнить его волю. Всеволодъ послушалъ ихъ. Нѣсколько позднѣе «Рязанцы сдумавше» послали къ нему во Владиміръ и остатокъ князей своихъ съ княгинями; тогда же цѣловали они и крестъ ко Всеволоду, т. е. признали его своимъ княземъ. Но въ слѣдующемъ 1208 году они измѣнили сыну его, Ярославу, присланному въ Рязань на столъ, похватали людей его, однихъ заковали, а другихъ побросали въ погреба, гдѣ и поморили. Когда Всеволодъ подошелъ къ Рязани съ войскомъ, Рязанцы послали ему «буюю рѣчь, по своему обычаю и не покорству», прибавляетъ лѣтописецъ [11]).

Во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ лѣтописецъ ни разу не употребляетъ слова «вѣче». А между тѣмъ они совершенно ясно указываютъ на то, что Рязанцы, Муромцы и Проняне, точно также какъ Бѣлогородцы и Владимірцы, имѣли свои народныя собранія, къ которымъ и обращались какъ ихъ собственные князья, такъ и князья сосѣднихъ волостей.—Особенно любопытны въ этомъ отношеніи тѣ немногія свидѣтельства, которыя мы имѣемъ о внутренней жизни—

Смоленскъ. Въ 1185 г. Смольняне отправились съ княземъ своимъ Давыдомъ къ Кіеву помогать южнымъ князьямъ, Рюрику и Святославу, на Половцевъ. Достигнувъ Треполя, они отказались отъ дальнѣйшаго преслѣдованія Половцевъ. «Смольняне, разсказываетъ лѣтописецъ, начали вѣче дѣлать, говоря: мы пошли только до Кіева, еслибы непріятель встрѣтился, мы бились бы; но искать его далѣе — мы не можемъ, мы изнемогли». Давыдъ долженъ былъ возвратиться [12]). Итакъ, Смольняне дѣлаютъ вѣче во время похода (подобный случай встрѣчается у

[11]) Лавр. и Сузд. [12]) Ипат.

Новогородцевъ и Псковитянъ), припоминаютъ то условіе, съ которымъ отправились въ походъ, и высказываются противъ его продолженія. А между тѣмъ лѣтопись не сохранила ни одного извѣстія, въ которомъ упоминалось бы о «вѣчѣ» въ стѣнахъ самого Смоленска; хотя и не разъ говоритъ объ общественной дѣятельности Смольнянъ. Такъ въ 1096 г. они «не приняли» Олега (у нихъ княжилъ тогда братъ его, Давыдъ). Въ 1175 г. они «изгнали» Ярополка, котораго оставилъ у нихъ ихъ князь, Романъ Ростиславичъ, уходя въ Кіевъ, и призвали дядю его, Мстислава Ростиславича. Подъ 1186 г., находимъ такое извѣстіе: «вставь быстъ Смоленскѣ промежи князя Давыда и Смольяны». Это несогласіе князя и гражданъ улеглось не скоро и очень ослабляло Давыда. Въ 1195 г. оно ободряетъ Черниговскихъ князей напасть на Давыда. Олегъ Святославичъ приводитъ дядѣ своему, Ярославу Черниговскому, такое доказательство въ пользу этой войны: «сказывали мнѣ, что Смольняне не добрѣ живутъ съ Давыдомъ, и многіе изъ нихъ схвачены имъ; болѣе удобнаго времени не будетъ, выступай не медля, теперь то возьмемъ мы честь свою». Подъ 1401 г. встрѣчаемъ болѣе подробное извѣстіе. Въ этомъ году Юрій Святославичъ (Смоленскихъ князей) и Олегъ Рязанскій, его союзникъ, подступили къ Смоленску, гдѣ сидѣли намѣстники Витовта. Въ городѣ обнаружилась розпь: бояре хотѣли Витовта, а остальное населеніе «гражане» отчича своего, т. е. потомка прежнихъ Смоленскихъ князей. Князь Юрій вступаетъ въ сношеніе съ расположенными къ нему гражданами, а они «не можаху долѣе терпѣть насилія отъ поганыхъ ляховъ, говоритъ лѣтописецъ, предашася Юрію, отвориша ему городъ». Намѣстниковъ Витовта перехватали и бояръ своихъ побили [13]).

Галичъ. Въ лѣтописяхъ не рѣдки извѣстія, свидѣтельствующія объ участіи, которое принимали Галичане въ рѣшеніи своихъ общественныхъ дѣлъ. Мы не будемъ перечислять ихъ всѣ, а остановимся только на двухъ. Первое относится къ 1189 году, когда Галицій столъ занималъ сынъ короля Венгерскаго. Въ этомъ году «Галицкіе мужи» послали къ Ростиславу, сыну

[13]) Лавр. 1096 г., Ипат. 1175 г., Воскр. 1186 г., Ипат. 1195 г., Воскр. 1401 г.

Берладника, зовя его въ Галичъ на княженіе. Онъ послѣдовалъ приглашенію и уже занялъ два галицкихъ города. Но «мужи галицкіе» не всѣ были одной мысли: тѣ изъ нихъ, сыновья и братья которыхъ были взяты королемъ въ заложники, держались королевича. Къ этому присоединилось и другое невыгодное для Ростислава обстоятельство: король прислалъ въ помощь сыну новые полки. Слѣдствіемъ этого усиленія королевича было то, что и тѣ изъ галицкихъ мужей, которые держали сторону Ростислава, оставили его въ рѣшительную минуту. Онъ былъ разбитъ, раненъ и едва живой внесенъ Венграми въ Галичъ. Увидавъ его, «Галичане», говоритъ лѣтописецъ, «возмятошася, хотяче отнять его у Угоръ, и взять себѣ на княженіе; Угре же, усмотрѣвши то, приложили зелье смертное къ ранамъ его и съ того умре». Мы выбрали именно это свидѣтельство потому, что въ немъ ясно различены два слоя галицкаго общества: бояре (галицкіе мужи) и просто галичане, и показано участіе въ призваніи князя не только первыхъ, которые весьма рано обособились въ сильное сословіе, значеніе котораго не можетъ быть подвергаемо сомнѣнію, но и послѣднихъ. Убійство Ростислава помѣшало Галичанамъ осуществить ихъ намѣреніе.—Еще важнѣе въ этомъ отношеніи второе свидѣтельство отъ 1235 года. Давыдъ, узнавъ, что галицкіе б о я р е пошли съ княземъ своимъ, Ростиславомъ Михайловичемъ, на Литву, спѣшитъ къ Галичу, «любили его г р а ж д а н е», поясняетъ лѣтописецъ. Подъѣхавъ къ городу, онъ обращается къ гражданамъ съ такою рѣчью: «о мужи градскіе, доколѣ хотите терпѣть иноплеменныхъ князей?» Граждане отвѣчаютъ на это: «вотъ нашъ держатель, Богомъ данный, и пустишася яко дѣти ко отцу»....Это единеніе гражданъ и князя заставило смолкнуть враждебныхъ Даніилу бояръ: Ротиславъ, узнавъ о принятіи Галичанами Даніила, бѣжалъ въ Угличъ, а бояре возвратились въ Галичъ, прося милости новаго князя. Подъ 1231 годомъ встрѣчаемся и съ обычнымъ терминомъ народныхъ собраній: «Даніилу созвавшу вѣче».

З в е н и г о р о д ъ. Изъ галицкихъ городовъ имѣемъ еще очень ясное свидѣтельство о Звенигородѣ. Въ 1146 году, во вре-

мя осады этого города Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ и его союзниками, Звенигородцы сотворили вѣче, желая передаться имъ....[14]).

Полоцкъ. Мы имѣемъ отъ XII вѣка много свидѣтельствъ, указывающихъ на призваніе Полочанами князей и на «ряды» съ ними, въ соблюденіи которыхъ князья цѣлуютъ къ Полочанамъ крестъ [14*]). Подъ 1159 г. Ипат. лѣт. встрѣчаемъ и обычный терминъ: Полочане собрали вѣче, на которомъ рѣшаютъ вопросъ о призваніи князя.

Друцкъ. Въ 1159 году Ростиславъ Борисовичъ, лишенный братьями волости, входитъ въ сношеніе съ Дручанами. «Дручане же ради быша ему», ѣдутъ къ нему въ Слуцкъ и зовутъ къ себѣ: «поѣди, княже, не медли, говорятъ они, ради тебѣ; если бы намъ пришлось за тебя биться, будемъ биться и съ дѣтьми» [15]).

Черниговъ. Въ 1138 году, во время похода Ярополка Кіевскаго съ сильною ратью на Всеволода Черниговскаго, «людіе Черниговцы», боясь неравнаго боя и опустошенія земли своей, возопили ко Всеволоду: «ты надѣешься убѣжать въ Половцы, а волость свою губишь, лучше отложи высокоуміе твое и проси мира; мы знаемъ милосердіе Ярополка, онъ не радуется кровопролитію....». Всеволодъ послушался и заключилъ миръ. Въ 1180 году Святославъ Всеволодовичъ, замысливъ рать на Ростиславичей, собираетъ на думу сыновей своихъ, младшихъ братьевъ, дружину и всю черниговскую сторону, или волость. Въ 1234 г. во время войны Михаила Черниговскаго и его союзника, Мстислава Изяславича, съ Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ и союзникомъ его Даніиломъ Галицкимъ, двое послѣднихъ вторглись въ Черниговскую землю, взяли много городовъ по Деснѣ и направились къ Чернигову. Но у стѣнъ Чернигова прекратились враждебныя дѣйствія: «сотвориша миръ, говоритъ лѣтописецъ, Мстиславъ (двоюр. братъ Михаила) и Черниговцы съ Владиміромъ и Даніиломъ» [15*]).

[14]) Ипат.

[14*]) Лавр. 1127 г., Ник. 1132 г., Ипат. 1151 г., 1167 г.

[15]) Ипат.

[15*]) Лавр. 1128 г., Ипат. 1234 г.

Курскъ. Извѣстіе, сохранившееся о Курскѣ, относится къ 1147 году, когда Курскій столъ занималъ Мстиславъ Изяславичъ. Узнавъ о походѣ на него Глѣба Юрьевича съ Святославомъ Ольговичемъ, Мстиславъ объявляетъ объ этомъ Курянамъ, приглашая ихъ стать за него (лѣтопись не сохранила самыхъ словъ Мстислава, но, судя по отвѣту Курянъ, надо думать, что смыслъ ихъ былъ именно таковъ). Куряне отвѣчали: «противъ Ольговича — ради биться за тебя и съ дѣтьми, но на Владимірово племя, на Юрьевича, — не можемъ поднять руки». Слыша такой отвѣтъ, Мстиславъ выѣхалъ изъ Курска къ отцу, а Куряне послали къ Глѣбу Юрьевичу и взяли у него посадника себѣ [16]).

Стародубъ. Въ 1167 году Олегъ, обдѣленный Святославомъ Всеволодовичемъ, входитъ въ сношеніе съ Стародубцами, получаетъ отъ нихъ «приглашеніе» и отправляется къ нимъ на столъ. Но онъ былъ опереженъ: «помочь Ярославля» (брата Святослава) въѣхала въ городъ прежде его, и горожанамъ — послѣ этого усиленія враждебной Олегу партіи — «нельзя было исполнить мысли своей» [17]).

Ростовъ, Суздаль, Владиміръ на Клязьмѣ и Переяславль. Древнѣйшее свидѣтельство о дѣятельности этихъ сѣверо-восточныхъ городовъ относится еще къ княженію Юрія Долгорукаго. Подъ 1158 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что Юрій, желая по смерти передать волость свою младшимъ сыновьямъ помимо старшихъ, укрѣпляетъ свою волю согласіемъ гражданъ: Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и Владимірцы «цѣлуютъ ему крестъ — на младшихъ сыновьяхъ», т. е. обѣщаютъ имѣть ихъ своими князьями и не искать другихъ. Подробности этого крестнаго цѣлованія и предшествовавшіе имъ переговоры до насъ не дошли. Мы знаемъ только, что крестное цѣлованіе не было исполнено. Въ 1158 г., по смерти Юрія, «Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы всѣ сдумавше взяли Андрея, старшаго сына Юрія, и посадили его на отчемъ столѣ — въ Ростовѣ, Суздалѣ и Влаладимірѣ». Въ 1175 году, по смерти Андрея,

[16]) Ипат. 1147 г. [17]) Ипат.

Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и Владимірцы снова собираются для избранія князя [18]).

Кромѣ этихъ извѣстій, относящихся ко всѣмъ четыремъ городамъ вмѣстѣ, мы имѣемъ не мало и такихъ, которыя указываютъ на существованіе народныхъ собраній въ каждомъ изъ нихъ порознь. Приведемъ нѣкоторыя.

Въ 1164 г. въ Суздалѣ, во время открытія ереси леонтійской, «бысть тяжа велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ и предъ всѣми людьми» (т. е. споръ между леонтійцами и владыкою Θеодоромъ) [19]).

Любопытно свидѣтельство о Владимірѣ отъ 1176 года, когда въ немъ сидѣли Ростиславичи. Лѣтописецъ не хвалитъ ихъ кратковременнаго княженія: они были молоды и слушались бояръ, а бояре учили ихъ «на многое иманіе». Видя ихъ неправды, Владимірцы «начаша молвити: мы есмы волная князя пріяли къ себѣ и крестъ цѣловали на всемъ; а си яко не свою волость творита, яко не творящися сидѣти у насъ, грабита не токмо волость всю, но и церкви. А промышляйте, братіе!» За этимъ рѣшеніемъ послѣдовало посольство къ Ростовцамъ и Суздальцамъ, въ которомъ они являли имъ обиду свою, а вслѣдъ за тѣмъ и изгнаніе Ростиславичей [20]).

Когда Владимірцамъ (въ томъ же году) удалось наконецъ, несмотря на сопротивленіе Ростовцевъ и Суздальцевъ, посадить у себя Михаила, Суздальцы шлютъ къ нему посольство съ приглашеніемъ къ себѣ на столъ: «мы, княже, говорятъ они, въ полку томъ съ Мстиславомъ не были (т. е. въ полку, который ходилъ противъ Михаила), но были съ нимъ боляре, а на насъ лиха сердца не держи, но поѣди къ намъ» [21]).

Въ 1177 году, по смерти князя Михаила, Владимірцы призываютъ брата его, Всеволода.— Ростовцы, несогласные съ этимъ выборомъ, зовутъ къ себѣ Мстислава Ростиславича. Послы ихъ говорятъ Мстиславу: «пойде, княже, къ намъ, Михалку Богъ поялъ, а мы хотимъ тебя, а иного не хотимъ». Въ

[18]) Ипат. [19]) Суад. [20]) Ипат. [21]) Сузд.

возгорѣвшей вслѣдъ за тѣмъ войнѣ между Ростовомъ и Владиміромъ. Ростовцы и бояре, узнавъ о желаніи Всеволода покончить несогласіе миромъ, держатъ такую рѣчь къ своему князю: «если ты дашь ему миръ, мы не дадимъ». Мстиславъ принужденъ былъ драться, потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Новгородъ [22]).

Въ томъ же году, Всеволодъ, съѣхавшись у Юрьева съ Переяславцами, которые были въ одной мысли съ Владимірцами и стояли за него противъ Ростовцевъ, объявляетъ имъ о нежеланіи Мстислава мириться. Переяславцы поддерживаютъ намѣреніе Всеволода — силой отразить нападеніе: «ты ему добра хотѣлъ, говорятъ они, а онъ ищетъ головы твоей, поѣди, княже, къ нему....» [23]).

Приведемъ нѣсколько извѣстій изъ XIII вѣка.

Въ 1213 году Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ отъ отца своего Переяславль, созываетъ всѣхъ Переяславцевъ ко Святому Спасу и говоритъ имъ: «братья, Переяславцы, се отецъ поиде къ Богови, а васъ отдалъ мнѣ, а меня вдалъ вамъ въ руцѣ (ему было 22 года), да рците ми, братіе, аще хощете мя имѣти себѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы свои за мя сложити? Они же вси тогда рекоша: «вельми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ, и цѣловали къ нему вси крестъ. И тако сѣде Ярославъ въ Переяславлѣ на столѣ, идѣже родися», замѣчаетъ отъ себя лѣтописецъ [24]).

Въ 1214 году Владимірцы съ княземъ Юріемъ изгоняютъ Іоанна съ епископства, «зане не право творяше», а Симона ставятъ [25]).

Въ 1216 году тотъ же Юрій, потерпѣвъ пораженіе у Липицъ, бѣжитъ во Владиміръ, созываетъ людей и говоритъ имъ: «братіе, Володимерцы, затворимся въ градѣ»... На это людіе отвѣчаютъ ему: «княже, Юрьи! съ кѣмъ намъ затворитися? братья наши или избиты, или побраны въ плѣнъ; а которые домой прибѣжали, тѣ безъ оружія, съ кѣмъ же мы станемъ?»—А князь Юрій

[22]) Лавр. [23]) Лавр. [24]) Сузд. [25]) Сузд.

нимъ: «все это вѣдаю, только не выдайте меня брату, князю Константину, ни Владиміру, ни Мстиславу; дайте мнѣ выдти своею волей изъ города». Они же обѣщали ему это [26]).

О Переяславлѣ сохранилось извѣстіе и отъ XIV в. «По смерти Даніила, разсказываетъ лѣтописецъ, Переяславцы яшася за сына его Юрія и не пустиша его и на погребеніе отче» [27]).

Наконецъ, мы можемъ привести и мѣсто лѣтописи, упоминающее слово вѣче для всѣхъ этихъ городовъ. Подъ 1262 годомъ читаемъ: «вложи Богъ ярость въ сердца крестьянамъ, изволиша вѣчь, и выгнаша поганыхъ (татарскихъ откупщиковъ даней) изъ городовъ: Ростова, Суздаля, Владиміра и Переяславля» [28]).

Москва. Древнѣйшее извѣстіе объ общественной дѣятельности Москвичей относится къ 1176 году. Въ этомъ году они были на сторонѣ Владимірцевъ, призвавшихъ Михаила и Всеволода Юрьевичей, противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, которые хотѣли посадить — Ростиславичей. «Москвляне», какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, отправились было вмѣстѣ съ Владимірцами сопровождать Михаила по дорогѣ изъ Москвы, куда онъ былъ принесенъ больной, во Владиміръ. Но узнавъ, что на нихъ идетъ Ярополкъ Ростиславичъ, они возвратились назадъ, «блюдуче домовъ своихъ». — Въ 1382 году великій князь Дмитрій Ивановичъ, не найдя поддержки въ русскихъ князьяхъ для отраженія Тохтамыша, принужденъ былъ оставить Москву и отступить на сѣверъ къ Костромѣ. По уходѣ великаго князя, «на Москвѣ, разсказываетъ лѣтописецъ, бысть замятня велика, бяху людіе смущени.....овіи хотяху сѣсти въ градѣ и затворитися, а друзіи бѣжати помышляху, и бывше распрѣ межи ими велицѣ....; и сотвориша вѣче, позвониша во вся колоколы....». Подобный этому случай встрѣчается и въ 1445 году, во время войны вел. князя съ дѣтьми царя Махмета, но безъ употребленія слова вѣче. Послѣ плѣненія великаго князя Василія Васильевича въ несчастномъ для него бою у Суздаля, великія княгини Софія и Марія съ дѣтьми и боярами оставили Москву и ушли въ Ростовъ.

[26]) Воскр. [27]) Воскр. 1303 г. [28]) Лавр. и Соф. I.

«А гражане, продолжаетъ лѣтописецъ, въ велицѣй тузѣ и волненіи бяху: могущеи бо бѣжати, оставивше градъ бѣжати хотяху, чернь же совокупившеся начаша врата градная преже дѣлати, а хотящихъ изъ града бѣжати начаша имати и бити и ковати. И тако уставися волненіе, но вси обще начаша градъ крѣпити, а себѣ пристрой домовной готовити (городъ только-что сгорѣлъ передъ тѣмъ)» [29]).

Тверь. О Твери имѣемъ извѣстіе отъ 1293 года, памятнаго страшнымъ опустошеніемъ сѣверо-восточныхъ городовъ Татарами, которыхъ привела на Русскую землю распря Андрея Александровича съ братомъ, Дмитріемъ. Татары были недалеко отъ Твери. «Бысть же печаль велика Тверичамъ, разсказываетъ лѣтописецъ, не бяше бо у нихъ князя (Тверской князь Михаилъ былъ тогда въ ордѣ); они же цѣловаша межи себя крестъ и сѣдоша въ осадѣ, укрѣпившися на томъ, яко битися съ Татары, а не предатися» [30]).

Ярославль, Кострома, Нижній. До насъ дошли краткія извѣстія о бывшихъ въ этихъ городахъ вѣчевыхъ собраніяхъ.

Подъ 1262 годомъ, Ярославль упоминается въ числѣ тѣхъ городовъ, жители которыхъ созвали вѣче и рѣшили изгнать татарскихъ откупщиковъ даней [31]).

Въ 1304 году Костромичи дѣлаютъ вѣче на бояръ, надо думать, тверскихъ; въ спорѣ Михаила Тверскаго съ Юріемъ Даниловичемъ о великомъ княженіи — они, кажется, были за послѣдняго [32]).

Подобное же вѣче было и въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1305 [33]).

[29]) Ипат. 1176 г., Воскр. 1382 г., 1445 г.

[30]) Воскр. [31]) Лавр. [32]) Воскр. и Львов.

[33]) Тамъ же. Въ нашей исторической литературѣ существуетъ мнѣніе объ особенностяхъ устройства новыхъ сѣверо-восточныхъ городовъ, которые будто бы составляли собственность князя и не имѣли вѣча, чѣмъ и объясняется возникновеніе на сѣверо-востокѣ Россіи новаго порядка вещей, приготовившаго Московское государство. См. С. М. Соловьева—Исторію Отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 17. Тотъ же авторъ на 21 стр. XIII-го тома своей Исторіи Россіи, указавъ на это различіе, продолжаетъ такъ: «Андрей Боголюбскій переселяется жить изъ стараго города Ростова Великаго въ новый Владимиръ на Клязьмѣ, гдѣ нѣтъ вѣча, гдѣ власть княжеская не встрѣтитъ преградъ».—Это мнѣніе противорѣчитъ только-что приведеннымъ свидѣтельствамъ источниковъ.

Брянскъ. Очень любопытно то извѣстіе, которое сохранилось о Брянскѣ. Въ 1307 году Святославъ Брянскій на предложеніе митрополита Петра подѣлиться своей волостью съ Василіемъ Константиновичемъ Галицкимъ, отвѣчалъ такъ: «Брянцы мя, господине, не пустятъ, хотятъ за меня головы свои покласти». Мы не знаемъ, въ самомъ ли дѣлѣ Святославъ былъ такъ дорогъ Брянцамъ; скорѣе есть основаніе думать, что его надежда на нихъ была слишкомъ преувеличена: въ вызванной этимъ отвѣтомъ войнѣ—участія Брянцевъ не видно, Святославъ бьется только съ своимъ дворомъ. Но приведенное извѣстіе тѣмъ не менѣе важно, ибо указываетъ на то значеніе, которое придавали волѣ городовъ въ политикѣ того времени [34].

Послѣ этихъ въ большей части случаевъ довольно подробныхъ свѣдѣній объ участіи, которое принимали древніе города въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, приведемъ и тѣ краткія указанія, которыя дошли къ намъ еще отъ двацати трехъ городовъ. Часто все извѣстіе лѣтописи заключается въ одномъ словѣ: горожане такого-то города «предались» князю, или «затворились» отъ князя или Половцевъ, или «бились» за князя, или «вышли на встрѣчу» къ князю. Изъ предшествовавшаго мы знаемъ уже, какъ надо понимать такія выраженія. Граждане предаются князю, бьются за него, выходятъ къ нему на встрѣчу,—когда хотятъ имѣть его своимъ, въ противномъ случаѣ— они затворяются отъ него. Въ этихъ выраженіяхъ высказывается результатъ воли народной. Для настоящей главы все равно— свободно высказывалась эта воля, или подъ гнетомъ посторонняго давленія; предметъ ея не изслѣдованіе условій, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали вѣчевыя собранія, а только пространства и времени, въ предѣлахъ которыхъ они встрѣчаются. —Мы приведемъ замѣченныя нами указанія въ хронологическомъ порядкѣ.

Минскъ. Въ 1067 г. Мѣняне затворились отъ Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей; жители Минска были

[34]) Соф. I. По Воскр. же лѣт. Брянцы сперва стали было на сторонѣ Святослава, но послѣ сами его выдали.

за Всеслава Полоцкаго, съ которымъ воевали помянутые князья [35]).

Луцкъ. Въ 1085 г. Лучане предались Владиміру [36]).

Переяславль южный. Въ 1096 г. Переяславцы затворяются отъ Половцевъ. Въ 1148 г. они зовутъ къ себѣ Глѣба [37]).

Изяславль. Въ 1127 году къ Изяславлю подступили Вячеславъ Туровскій и Андрей Володимірскій. Князя не было въ городѣ; Изяславцы затворились и начали биться съ наступавшими. Дня черезъ два, на помощь къ осаждавшимъ приходитъ Изяславъ Мстиславичъ, которому между тѣмъ удалось взять въ плѣнъ и князя Брячислава, сидѣвшаго въ Изяславлѣ. Изяславцы, видя своего князя въ плѣну, сдаются подъ условіемъ, не быть отданными на щитъ, въ подтверждніе чего требуютъ отъ Вячеслава клятвы, «аще ли даси на щитъ, то Богъ межи нами, яко не насилія ради даемся», говорятъ они [38]).

Ладога. Въ 1142 г. Ладожане собираются отражать Емь [39]).

Путивль. Въ 1146 году Путивль былъ осажденъ—Давыдовичами, Изяславомъ и Владиміромъ, воевавшими въ союзѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ противъ Святослава Ольговича, посадникъ котораго сидѣлъ въ Путивлѣ. «И не вдашася имъ Путивлечи», говоритъ лѣтописецъ. Когда осажденные крѣпко бились съ города, Давыдовичи подъѣзжаютъ къ нимъ и говорятъ: «не бойтеся, цѣлуемъ къ вамъ Святую Богородицу на томъ, что не дадимъ васъ на полонъ; они же не дашась имъ. И приде Изяславъ Мстиславичъ съ полки своими; они же выслашась къ Изяславу Мстиславичу и поклонишась ему, и тако рекоша: «тебѣ есмы ждали, княже, а цѣлуй къ намъ крестъ». Изяславъ цѣлуетъ къ нимъ крестъ, Святославова посадника выводитъ, а своего сажаетъ [40]).

Вырь. Въ 1147 году Святославъ Всеволодовичъ, подступивъ къ Вырю, говоритъ Выревцамъ: «если намъ не предадитесь, отдадимъ васъ въ полонъ Половцамъ». Они же рекоша: «князь у насъ Изяславъ! и не дашася имъ». Въ 1160 году Выревцы

35) Воскр. 36) Лавр. 37) Лавр. 1096 г., Ипат. 1148 г.
38) Лавр. 39) Ник. 40) Ипат.

затворяются отъ Юрія Ярославича и не пускаютъ его къ себѣ [41]).

Червенъ. Въ 1157 году Владиміръ Андреевичъ, подступая къ Червену, такъ увѣщаетъ жителей, затворившихся при вѣсти о его приближеніи: «азъ есмъ не ратью пришелъ къ вамъ, зане есте люди милiи отцу моему, а язъ вамъ свой княжичъ, а отворитися». Не приняли [42]).

Дорогобужъ. Въ 1150 Дорогобужцы, при приближеніи Изяслава, выходятъ къ нему со крестами и просятъ, чтобы ихъ не пограбили Угры, сопровождавшіе князя [43]).

Корческъ. Въ томъ же году Корчане выходятъ на встрѣчу къ Изяславу и кланяются ему съ радостью [44]).

Туровъ. Въ 1158 г. Туровцы въ теченіи 10 недѣль отстаиваютъ своего князя Юрія Ярославича противъ Изяслава Давыдовича и его союзниковъ [45]).

Римовъ. Въ 1185 г. Римовичи затворяются въ градѣ отъ Половцевъ [46]).

Перемышль. Даніилъ, призванный галицкими боярами, противъ которыхъ замышляли Игоревичи, склоняетъ на свою сторону города, еще преданные послѣднимъ. Въ 1211 году онъ подступаетъ къ Перемышлю, гдѣ сидитъ Святославъ Игоревичъ. Граждане крѣпко бьются противъ Даніила. Но Даніилъ вступаетъ съ ними въ переговоры: «почто стоите при томъ князѣ, иже обидѣ васъ много? говоритъ онъ. Я вашъ князь, на него пріидохъ вамъ въ помощь!» Перемышльцы слушаются Даніила, отворяютъ городъ и выдаютъ ему Святослава [47]).

Дмитровъ. Въ 1214 году Дмитровцы не приняли Владиміра и крѣпко бились противъ него съ города. У нихъ княжилъ Ярославъ, но его не было въ городѣ [48]).

Козельскъ. Въ 1237 г. въ Батыево нашествіе «Козляне совѣтъ сотворше не датися Батыю, рекше: яко аще князь нашъ младъ есть, но положимъ животъ свой за нь!» [49]).

[41]) Ипат. [42]) Ипат. [43]) Ипат.
[44]) Ипат. [45]) Ипат. [46]) Ипат.
[47]) Густ. [48]) Суэд. [49]) Ипат.

Возвяглъ. Подъ 1257 годомъ лѣтописецъ говоритъ о жителяхъ этого города: «Возвягляне же солгаша передъ Шварномъ, поемше тивуна, не вдаша ему тивунити». Непринятіе княжескаго чиновника равносильно непризнанію самого князя, а потому въ слѣдующемъ году Даніилъ предпринялъ походъ на Возвяглъ и отправилъ впереди себя Шварна съ приказаніемъ обложить городъ, чтобы никто изъ горожанъ не могъ убѣжать. Съ Шварномъ было только 300 воиновъ. «Гражане же, говоритъ лѣтописецъ, видивши ратныхъ мало съ княземъ, смѣяхуся, стояще на градѣ». Но при приближеніи Даніила со всѣми силами, ужасъ овладѣлъ ими, они не устояли и сдались. Городъ былъ сожженъ, а жители раздѣлены между побѣдителями [50]).

Изборскъ. Подъ 1343 г. читаемъ: «Нагадавшеся Псковичи съ Изборяны и поѣхавше воевати земли нѣмецкія»... [51]).

Двинская земля. Въ 1397 г. в. к. Василій Дмитріевичъ посылаетъ бояръ своихъ подговаривать Двинянъ задаться за него, а отъ Новгорода отложиться. «И Двиняне, Иванъ Микитинъ, и бояре двинскіе, и вси Двиняне за великаго князя задались и цѣловали крестъ великому князю» [52]).

Устюгъ. Въ 1399 г. Яковъ Прокофьевъ, преслѣдуя новгородскаго бѣглеца, Анфала, пригналъ къ Устюгу, гдѣ былъ князь Юрій Андреевичъ. «И рече Яковъ князю и гражданамъ: стоите ли за бѣглеца новгородскаго Анфала? И князь съ Устюжаны рече: мы за него не стоимъ, ни пособляемъ, по князя великаго цѣлованію» [53]).

Заволочье. Въ 1435 г. «Заволочане задашася за князя Василія Юрьевича и крестъ къ нему цѣловаша, а отъ Новгорода отъяшася» [54]).

Галичъ сѣверный. Въ 1450 г., послѣ пораженія Шемяки на горѣ подъ Галичемъ, в. к. Василій Васильевичъ направился къ Галичу: «гражане же предашася ему» [55]).

50) Ипат. 51) Пск. I. 52) Новгр. I.
53) Новгр. IV. 54) Пск. I. 55) Воскр.

Вятка. Подобно этому Вятчане предаются въ 1468 г. Казанскому царю Обреиму. Въ 1469 г. они «отказываются» идти войною на Казань [36]).

Приведенныя здѣсь извѣстія, которыми мы никакъ не думаемъ исчерпать все содержаніе нашихъ лѣтописей, обнимаютъ собою всѣ главные центры древне-русской жизни, начиная Новгородомъ, Кіевомъ, Псковомъ, [37]) Полоцкомъ, Смоленскомъ, Владиміромъ Волынскимъ, Галичемъ, Черниговомъ, Рязанью, Ростовомъ, Суздалемъ, Владиміромъ, Переяславлемъ, и оканчивая Москвою и Тверью. — Помимо этихъ отдѣльныхъ указаній на существованіе вѣчеваго быта въ томъ или другомъ городѣ, мы можемъ привести и прямое свидѣтельство современника въ пользу его всеобщности. Суздальскій лѣтописецъ, размышляя по поводу знаменитой въ его время борьбы Владиміра съ Ростовомъ и Суздалемъ, говоритъ: «Новогородцы бо изначала, и Смольняне, и Кіяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости) якоже на думу на вѣча сходятся...» [38]). И такъ, по свидѣтельству лѣтописца второй половины XII в. во всѣхъ волостяхъ тогдашней Россіи существовалъ старинный обычай—сходиться на вѣче, какъ на думу; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не различаетъ Новгорода отъ Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова и всѣхъ другихъ волостей, сколько бы ихъ ни было.

Отсутствіе прямаго свидѣтельства лѣтописи о вѣчевыхъ собраніяхъ въ извѣстномъ городѣ и въ извѣстное время, при указанной уже неполнотѣ источниковъ этого рода, — никакъ не можетъ служить доказательствомъ существованія въ этомъ городѣ инаго порядка вещей. Въ только-что приведенномъ мѣстѣ лѣтописи Смоленскъ названъ вѣчевымъ городомъ; а между тѣмъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, лѣтописи ни разу не говорятъ о вѣчѣ въ Смоленскѣ. Точно то же и съ Ростовской волостью. Въ своихъ общихъ размышленіяхъ лѣтописецъ при-

[36]) Воскр.

[37]) Извѣстія о вѣчевыхъ собраніяхъ Новгорода, Кіева и Пскова такъ не рѣдки, что мы не сочли нужнымъ приводить ихъ.

[38]) Лавр. и Сузд. 1176 г.

числяетъ ее къ вѣчевымъ еще во второй половинѣ XII вѣка; а прямое свидѣтельство о вѣчѣ въ городахъ Ростовской волости сохранилось только отъ второй половины XIII вѣка, цѣлымъ вѣкомъ позднѣе.

Вѣчевой бытъ былъ явленіемъ необходимымъ въ древней Россіи, а потому и всеобщимъ. Князь, призванный элементъ волости, не имѣлъ еще своихъ собственныхъ, достаточно развитыхъ орудій управленія. У него не было ни полиціи, ни войска въ теперешнемъ смыслѣ слова. Между княземъ и исполнителями его воли не было даже той поземельной связи, которая даетъ такую прочность отношеніямъ феодальнымъ и помѣстнымъ. Отношенія служилыхъ людей къ князю были до крайности шатки, они могли прерваться ежеминутно и по односторонней волѣ служилаго человѣка. Эта слабость собственныхъ силъ князя естественно заставляла его искать опоры въ согласіи съ народомъ, выдвигала народъ на первый планъ. Хотя вѣче и не было создано княземъ, но онъ долженъ былъ обращаться къ нему.— Такимъ образомъ вѣче не есть явленіе одиночное, стоящее внѣ прямой связи съ другими учрежденіями княжеской Россіи: оно составляетъ необходимое къ нимъ дополненіе.

Переходимъ къ послѣднему вопросу, къ вопросу о времени, до котораго продолжалось господство вѣчевыхъ учрежденій. Какъ по возникновенію своему вѣче было безыскусственнымъ произведеніемъ самой жизни, а не зрѣлымъ плодомъ законодательнаго акта; такъ точно и отмѣна его совершилась не столько въ силу сознательной воли законодателя, сколько въ силу измѣненій въ древнемъ общественномъ бытѣ, которыя хотя и не были направлены къ отмѣнѣ вѣчевыхъ учрежденій, но произвели то, что народныя собранія сдѣлались ненужными и мало-по-малу вышли изъ употребленія; только подъ конецъ разсматриваемаго періода встрѣчаемся съ законодательной волей, сознательно направленной къ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ вѣчеваго устройства.— Мы обозначимъ здѣсь какъ самыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ происходили эти измѣненія, такъ и крайнія точки времени, въ предѣлахъ котораго они совершались.

Первый шагъ на новомъ пути былъ сдѣланъ татарскимъ завоеваніемъ. Хотя Татары не остались въ Россіи и не подѣлили между собой завоеванныхъ земель, тѣмъ не менѣе Русская земля сдѣлалась «улусомъ» Ордынскаго царя. Вмѣстѣ съ этимъ центръ Русской политической жизни перемѣстился за предѣлы Россіи—въ Орду. Князья нисходятъ на степень ханскихъ подручниковъ, для которыхъ исполненіе воли хана составляетъ безусловную обязанность. Народъ, также какъ и князья, не имѣя возможности сопротивляться преобладающей силѣ Татаръ, находится въ необходимости подчиняться всѣмъ требованіямъ Орды, для удовлетворенія которой возникаютъ новые и обременительные налоги. Занятіе столовъ перестаетъ зависѣть отъ воли народа: ханы жалуютъ ихъ, кому хотятъ. Такимъ образомъ, самостоятельное рѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ въ силу взаимодѣйствія народа и князя смѣняется молчаливымъ исполненіемъ воли сильнаго завоевателя.—Татары не отмѣнили вѣча; но какъ скоро центръ государственной жизни перемѣстился въ Орду, исчезли поводы, призывавшіе гражданъ къ участію въ общественныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, большая часть Русской земли повторяющимися нашествіями Татаръ была доведена до крайняго опустошенія, уровень общественнаго благосостоянія сильно понизился, и городамъ, которые подвергались почти періодическимъ разореніямъ, [59]) было не до разсужденія объ общественныхъ дѣлахъ. Право сходиться на вѣча существовало по прежнему, но къ его осуществленію или вовсе не приходилось обращаться, или, если и обращались, то въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, вѣчевыя собранія начинаютъ выходить изъ употребленія, хотя объ отмѣнѣ ихъ еще никто и не думалъ.

Дѣло, начатое Татарами, завершилось окончательно: во 1-хъ, измѣненіями, происшедшими въ отношеніяхъ служилыхъ людей къ князю, и во 2-хъ, объединеніемъ Россіи. Установленіе по-

[59]) Для сѣверо-восточной Руси ср. Лавр, 1237 г. и Воскр. подъ 1281 г. и 1293 г.— три страшныхъ опустошенія, которыя имѣли мѣсто въ теченіи неполныхъ 60 лѣтъ; кромѣ того для отдѣльныхъ городовъ см. Лавр. 1294 г., Соф. I. 1316 г., Воскр. 1318 г., 1322 г., 1325 г. и др.

мѣстной связи между служилыми людьми и княземъ положило начало самостоятельной военной силѣ послѣдняго и его независимости отъ силы и воли народа. Объединеніе же Россіи въ одно государство съ центромъ въ Москвѣ сдѣлало невозможнымъ прежнее участіе народа въ общественныхъ дѣлахъ подъ формою вѣча, а новой формы, болѣе соотвѣтствующей измѣнившимся потребностямъ времени, не было, да и исторія княжескаго періода вовсе не къ тому шла, чтобы ее выработать.

Конецъ XV и начало XVI в. можно считать тѣмъ временемъ, когда новыя условія общественнаго строя достигли значительной зрѣлости и перешли въ общественное сознаніе. По мѣрѣ приближенія къ этому времени старый порядокъ вещей все болѣе и болѣе утрачиваетъ свои силы. Вѣчевыя собранія, слѣды которыхъ сохранились отъ второй половины XIV и XV вѣка, составляютъ исключеніе, а не правило; это послѣдніе отголоски древняго быта. Къ концу XV в. Россія представляется раздѣленной на двѣ мало похожихъ одна на другую части: Новгородъ и Псковъ являются представителями стараго порядка, Москва—новаго. Вѣчевое устройство, сохранившееся въ сѣверо-западномъ углу Русской земли, мало вяжется съ устройствомъ остальной Россіи; послѣдніе Московскіе князья вступаютъ въ прямую борьбу съ нимъ и выходятъ побѣдителями: въ 1478 г. Ивану Васильевичу удается отмѣнить вѣчевой бытъ Новгорода, а въ 1510 г. сынъ его, Василій, уничтожаетъ и Псковское вѣче.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Устройство вѣчевыхъ собраній.

---

1. Округъ.

Округъ, жители котораго составляютъ народное собраніе, есть волость: «волости, говоритъ лѣтописецъ, сходятся на вѣча, какъ на думу» [1]). Что же такое волость? Слово это никогда не употреблялось въ значеніи только города: въ древнѣйшее время оно обозначало или цѣлое княженіе, или его подраздѣленія; въ томъ и другомъ случаѣ волость включаетъ въ себя одинъ или нѣсколько городовъ. Въ разсматриваемомъ мѣстѣ

[1]) Для правильнаго пониманія этого мѣста необходимо привести его вполнѣ. Описавъ несправедливыя дѣйствія Ростиславичей, лѣтописецъ такъ продолжаетъ: «и посылахася Владимірцы) къ Ростовцемъ и къ Суздальцемъ, являюще имъ обиду свою; они же словомъ суще по нихъ, а дѣломъ далече суще, а боляре князю тою держахутся крѣпко. Владимірцы же укрѣпившеся послашася Черниговъ по Михалка, рекуще: «ты еси старѣй въ братьи своей, поиди Володимерю; аще что замыслять на насъ Ростовцы и Суздальцы про тя, то како ны съ ними Богъ дасть и святая Богородица». И далѣе, послѣ описанія возникшей вслѣдствіе призванія Михалки войны и побѣды Владимірцевъ: «да подивимся чуду новому и великому и преславному Матере Божья, како заступи градъ свой отъ великихъ бѣдъ и гражданы своя укрѣпляеть: не вложи бо имъ Богъ страха, и не убояшася князя два имуще въ власти сей, и бояръ ихъ прещенія ни во что же положиша, за 7 недѣль безъ князя будуще въ Володимери градѣ, толико возложше всю свою надежду и упованіе къ Св. Богородицѣ и на свою правду. Новгородци бо изначала, и Смоляние, и Кіяне, и Полочане и вся власти якоже на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль и вси боляре, хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья, но «како намъ любо» рекоша, «такоже створимъ, Володимеръ есть пригородъ нашь.....»

слово волость употреблено въ смыслѣ княжества: на вѣча сходятся жители отдѣльныхъ княженій, Новогородскаго, Кіевскаго, Смоленскаго, Полоцкаго и т. д., и независимо отъ того, гдѣ они живутъ, въ главныхъ ли городахъ, или въ пригородахъ. Согласно съ этимъ, источники сохранили прямыя свидѣтельства объ участіи пригородовъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ. Для примѣра ограничимся указаніемъ на избраніе Андрея Боголюбскаго на столъ древней Ростовской волости, въ которомъ принимаютъ участіе не одни Ростовцы или Суздальцы, но и Владимірцы, «пригородъ ихъ» [2]. Приведенное въ 1 прим. мѣсто Лавр. лѣтописи не противорѣчитъ такому пониманію. Лѣтописецъ не говоритъ, что Владимірцы, недовольные своимъ княземъ, не должны были высказываться противъ него и такимъ образомъ возбуждать вопросъ о его перемѣнѣ. Высказанное ими желаніе изгнать Ростиславичей, онъ приводитъ какъ фактъ и не порицаетъ ихъ за него. Ростовцы и Суздальцы, съ своей стороны, въ отвѣтъ на это желаніе не говорятъ, что призваніе князя есть ихъ исключительное право и что, поэтому, Владимірцы должны оставаться при Ростиславичахъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно имъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Наоборотъ, «на словахъ»— они были за Владимірцевъ и тѣмъ показали, что послѣднимъ принадлежитъ такое же участіе въ дѣлѣ призванія князей, какъ и имъ самимъ. Что касается до самихъ Владимірцевъ, то сознаніе о своей равноправности съ старшими городами, они ясно высказали въ словахъ, обращенныхъ ими къ князю Михаилу. И такъ, лѣтописецъ не отрицаетъ ни однимъ словомъ права «новыхъ людей, мезиніихъ Владимірцевъ» на участіе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ. А въ возникшей вслѣдъ за избраніемъ новаго князя розни, онъ не стѣсняется даже стать на сторонѣ пригорода противъ старшихъ городовъ и восхвалять обнаруженное имъ при этомъ случаѣ мужество

2) Ипат. 1158 г.; другія мѣста см. ниже стр. 42. Что же касается до самаго порядка участія пригородовъ въ вѣчевой жизни волости, объ этомъ будетъ сказано во IV гл.

и правдолюбіе.—По поводу этой розни, лѣтописецъ обращаетъ свои взоры къ другимъ волостямъ. Тамъ онъ также встрѣчается съ участіемъ пригородовъ въ вѣчевой жизни главныхъ городовъ; но въ противоположность къ Ростовской волости, онъ замѣчаетъ тамъ единеніе городовъ съ пригородами, которое и выражаетъ въ слѣдующей формулѣ: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ». Противопоставленіемъ выраженій: «старшіе думаютъ» — «пригороды станутъ» лѣтописецъ вовсе не хочетъ сказать, что пригороды не думаютъ, или неимѣютъ права принимать участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ, что противорѣчило бы яснымъ указаніямъ источниковъ. «Станутъ» въ противоположеніи съ «думаютъ» значитъ только соглашаются, принимаютъ мнѣніе, высказанное старшими городами. Лѣтописецъ заявляетъ этимъ фактъ единенія, образчикъ котораго представила и сама Ростовская волость въ 1158 г., когда Владимірцы вмѣстѣ съ Ростовцами и Суздальцами избрали Андрея Боголюбскаго, и нѣсколько ранѣе, когда тѣ же города цѣловали крестъ Юрію «на меньшихъ сыновьяхъ». — Какъ достигалось это единеніе: было ли оно слѣдствіемъ сравнительной слабости пригородовъ, не рѣшавшихся выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ, или совершеннаго совпаденія интересовъ, предупреждавшаго всякое раздѣленіе, — это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго лѣтописецъ не входитъ, ограничиваясь заявленіемъ самого факта единенія.

Итакъ, волость, составлявшая народное собраніе, есть ничто иное какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило, обыкновенно, нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія.

Болѣе значительные пункты населенія обращались въ города [3], которые въ свою очередь подраздѣлялись на главные, или

[3]) Слово «городъ» означаетъ собственно всякое укрѣпленіе съ цѣлью обороны. Въ Ипат. лѣт. подъ 1219 г. читаемъ: «...и созда градъ на церкви»... или въ Новгр. I подъ 1224 г.:«..., сталъ бо бѣ на горѣ, надъ рѣкою надъ Калкомъ, и ту створи городъ около себе въ кольѣхъ, и бися съ ними изъ города того по 3 дни». Согласно

города просто и на пригороды. — Древній русскій городъ имѣлъ свой особый характеръ, рѣзко отличавшій его отъ городовъ новыхъ. По внѣшнему виду—это укрѣпленное мѣсто, отъ чего онъ и получилъ свое родовое имя; по населенію — онъ не составлялъ противоположности къ остальной землѣ: земля тянула къ городу, она была собственностью горожанъ. — Не смотря на крайнюю бѣдность нашихъ лѣтописей по всѣмъ вопросамъ, касающимся поземельныхъ отношеній, мы можемъ, однако, привести нѣсколько свидѣтельствъ, указывающихъ на связь земли съ городомъ,—связь, объяснимую только тѣмъ, что земля, часто на очень значительномъ протяженіи отъ города, составляла собственность его жителей. Такъ въ 1067 г. Кіевляне требуютъ отъ князя своего Изяслава, только-что потерпѣвшаго пораженіе отъ Половцевъ, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ нихъ, и свое требованіе мотивируютъ тѣмъ,

съ этимъ, выраженіе «ставить городъ» означаетъ обыкновенно только сооруженіе стѣнъ около существующаго уже поселенія для огражденія его жителей отъ внезапныхъ вторженій. Такъ извѣстія о построеніи Новгорода напр. встрѣчаются въ XI, XII, XIII и XIV в.; см. Ник. 1044 г., 1116 г., Новгрд. I 1262 г., Львов. 1302 г. Древнѣйшее же указаніе на построеніе городовъ съ цѣлью защиты относится еще ко времени, предшествовавшему призваніе Рюрика. Въ 859 г.—Кривичи, Славяне, Чюдь и Меря, изгнавъ за море Варяговъ, которымъ до того времени платили дань,—немедленно начинаютъ «грады ставити», т. е. укрѣплять свои поселенія, чтобы тѣмъ упрочить только-что завоеванную самостоятельность. Воскр. Призванные вскорѣ за тѣмъ князья являются продолжателями народа въ этомъ дѣлѣ охраненія самостоятельности Русской земли. — Иногда, по стратегическимъ соображеніямъ, — города ставились и на новыхъ мѣстахъ, гдѣ прежде не было поселеній. Въ такихъ случаяхъ лѣтописи не ограничиваются обычнымъ выраженіемъ «поставить городъ»; но еще прибавляютъ къ тому и извѣстіе о населеніи такого города пришлыми людьми. Такъ въ Сузд. лѣт. подъ 989 г. читаемъ: «и нача ставити Владиміръ (Св.) грады по Деснѣ и по Остри и по Трубежу и по Сулѣ и по Стугнѣ и нача нарубати мужи лучшія отъ Словенъ, отъ Кривичъ, отъ Чюди, отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады: бѣ бо ратенъ съ Печенѣгы». Любопытно, что въ своей колонизаторской дѣятельности в. к. Владиміръ находитъ помощниковъ въ лучшихъ людяхъ изъ среды тѣхъ же сѣверныхъ племенъ, которыя призвали Рюрика. Славяне и Кривичи находились на высшей ступени гражданскаго развитія, чѣмъ другія племена, а потому, естественно, они были и болѣе другихъ способны явиться колонизаторами окраинъ Русской земли. — Эти въ полномъ смыслѣ новые города не могли по своему характеру отличаться отъ старыхъ. Хотя лѣтописецъ и не говоритъ, какъ они были устроены, но необходимо предположить, что переселенцы изъ Славянъ, Кривичей и Чуди получили земельные надѣлы, единственное условіе существованія въ странѣ, въ которой только-что возникаетъ гражданская жизнь.

что «Половцы разсыпались по землѣ» [4]). Если Кіевляне защищали земли, лежавшія внѣ стѣнъ Кіева, то, конечно, только потому, что эти земли принадлежали имъ, что тамъ были ихъ села и животы. Подобныя же указанія сохранились отъ Чернигова, Владиміра на Клязьмѣ и Полоцка. Въ 1138 г. Черниговцы побуждаютъ своего князя Всеволода къ миру съ Ярополкомъ Кіевскимъ на томъ основаніи, что въ случаѣ войны «онъ погубитъ волость свою»; въ 1176 г. Владимірцы изгоняютъ Ростиславичей за то, что они грабили «волость всю» [5]). Въ 1186 г. Полочане, узнавъ о движеніи на нихъ Новгородцевъ и Смольнянъ, спѣшатъ встрѣтить ихъ на границѣ Полоцкаго княженія, опасаясь, что въ противномъ случаѣ они «сотворили бы землю ихъ пусту» [6]). — Обладаніе землей было такимъ важнымъ условіемъ политической силы въ древней Россіи, что количество поземельной собственности, принадлежавшей гражданамъ того или другаго города, можетъ быть прямо считаемо мѣриломъ ихъ политическаго значенія. Извѣстно значеніе, которымъ пользовался Новгородъ по самый конецъ XV в.; объясненіе ему надо искать въ громадной поземельной собственности, принадлежавшей его горожанамъ.

Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ. Небольшіе укрѣпленные пункты, расположенные по окраинамъ волости, могли быть очень полезны во время хищническихъ вторженій, столь обыкновенныхъ въ древнее время: жители селеній вмѣсто того, чтобы искать спасенія въ стѣнахъ главнаго города, часто очень отъ нихъ удаленнаго, могли съ гораздо большимъ удобствомъ пользоваться для этой цѣли оградой ближайшаго пригорода. Это служебное значеніе пригородовъ по отношенію къ городамъ видно изъ того, что города сами нерѣдко заботились объ укрѣпленіи своихъ пригородовъ [7]). Пригороды, слѣдовательно, составляли ихъ насущ-

[4]) Лавр. , [5]) Лавр. 1138 г., Ипат. 1176 г. [6]) Воскр.
[7]) См. Воскр. 1257 г.; Львов. 1323, 1330 г., Новгр. I. 1372, 1387 г., Новгр. IV. 1384 г.; Пск. I. и II. 1414, 1431, 1441 г

ную потребность Понятно, что потребность въ пригородахъ была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ далѣе простирались поземельныя владѣнія городовъ; наоборотъ, города небогатые легко могли обойтись и вовсе безъ пригородовъ. Этимъ объясняется то, что пригороды были распредѣлены между городами далеко неравномѣрно. Не нужно, однако, думать, что вся земля извѣстной волости составляетъ собственность жителей ея главнаго города. Пригороды, около которыхъ была расположена поземельная собственность Новогородцевъ, имѣли своихъ особыхъ горожанъ, которые, также какъ и Новгородцы, не могли существовать безъ поземельной собственности [8]).

Наши источники ничего не знаютъ о томъ порядкѣ, которымъ шло занятіе земель при первоначальномъ разселеніи племенъ, точно также какъ и о связи, существовавшей между разными пунктами поселенія одного и того же племени. Не имѣя поэтому возможности прослѣдить по источникамъ, какъ сложились поземельныя отношенія городовъ къ пригородамъ, наблюдаемыя въ періодъ князей, мы ограничимся краткой догадкой. Главные города первоначальныхъ волостей обозначились въ самой первой древности, таковы: Новгородъ, Полоцкъ, Ростовъ Смоленскъ, Кіевъ, Коростенъ и др. Надо думать, что въ этихъ пунктахъ, при первоначальномъ разселеніи племенъ, осаждались наиболѣе значительныя части переселенцевъ, чѣмъ и условливалось послѣдующее ихъ преобладаніе. Съ теченіемъ времени и увеличеніемъ народонаселенія долженъ былъ почувствоваться недостатокъ въ первоначально занятой землѣ, потребовались новыя занятія. При этомъ распространеніи поземельной собственности, жители главнаго поселенія должны были сталкиваться съ другими поселеніями, которыя могли принадлежать или аборигенамъ или пришельцамъ Славянамъ, селившимся болѣе въ разсыпную. Это столкновеніе не непремѣнно вело къ войнѣ и об-

[8]) Такъ напр., Новогородцы имѣли поземельную собственность въ предѣлахъ Торжка; а въ Торжкѣ были свои особые горожане, какъ бояре, такъ и черные люди, которые также обладали селами въ предѣлахъ Торжка, какъ и Новогородцы. Ср. Новгр. I. 1167 г. и Воскр. 1478 г.

ращенію въ рабство слабаго непріятеля; оно могло имѣть и мирный исходъ, заключеніе союза, въ силу котораго жители главнаго поселенія получали часть земли или дань, а ихъ слабые сосѣди пріобрѣтали могущественнаго покровителя. На ряду съ этимъ могли быть и выселенія изъ первоначальнаго пункта поселенія на вновь занятыя земли [9]). Но выселки, отдѣляясь, сохраняли, однако, связь съ своею метрополіей, ибо должны были чувствовать необходимость въ ея защитѣ. Такимъ образомъ могли образоваться тѣ волости съ нѣсколькими пунктами поселенія, составляющими одно политическое тѣло, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ княжескій періодъ.

На основаніи источниковъ можно только утверждать, что племенное различіе не имѣло рѣшительнаго вліянія на образованіе волостей. Славянскія племена, заселившія Россію, не отличались рѣзкими особенностями, которыя могли бы на долго обусловить особый для каждаго племени ходъ политическаго развитія,—явленіе, замѣчаемое въ исторіи Германскихъ племенъ. Наши лѣтописи въ самыя отдаленныя времена, о которыхъ только они сохранили воспоминаніе, разсказываютъ какъ о соединеніи разныхъ племенъ въ одну волость, такъ и о распаденіи одного племени на разныя волости. Такъ Изборскъ, населенный Кривичами, съ древнѣйшаго времени принадлежитъ къ волости Новгородской; а съ другой стороны, остальные Кривичи въ то же самое время были раздѣлены между двумя разными волостями — Полоцкой и Смоленской, историческія судьбы которыхъ весьма различны [10]). Болѣе сильное чувство племеннаго

[9]) На выселенія указываютъ такія названія городовъ, какъ Новый-городъ, Новый-торгъ.

[10]) Еще подъ 859 г. Лавр. лѣт., перечисляя сѣверныя племена, платившія дань Варягамъ, называетъ Чюдь, Словянъ, Мерю и всѣхъ Кривичей. Это «всѣхъ» вызвано именно раздробленностью Кривичей на нѣсколько волостей: лѣтописецъ хочетъ обратить вниманіе читателя не на однихъ только Новогородскихъ Кривичей, но и на Полоцкихъ и Смоленскихъ, о которыхъ встрѣчаемъ прямыя указанія въ Лавр. на стр. 5 и подъ 862 годомъ. С. М. Соловьевъ на 24 стр. III-го т. своей исторіи допускаетъ мысль, «что первоначально границы волостей соотвѣтствовали границамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ, продолжаетъ онъ, какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей, это совпаденіе границъ было нарушено.....»

различія встрѣчаемъ на югѣ: Древляне въ періодъ до-Рюриковскій воюютъ полянъ [11]. Но и это не надолго; при Ольгѣ они входятъ въ составъ Кіевской волости и совершенно сливаются съ ея населеніемъ. — Въ этой слабости племенныхъ различій мы можемъ видѣть подтвержденіе только что высказанной догадкѣ о томъ, что первоначальныя волости складывались въ силу случайныхъ удобствъ, выпавшихъ на долю того или другаго поселенія. — Въ княжескій періодъ число волостей значительно возросло: распространеніе предѣловъ Русской земли въ это время совершалось не столько увеличеніемъ границъ одной какой либо волости, сколько возникновеніемъ новыхъ. О зарожденіи этихъ новыхъ волостей лѣтописи сохранили намъ также мало свидѣтельствъ, какъ и о зарожденіи волостей древнихъ, кромѣ того случая, когда новая волость возникала въ предѣлахъ старой, чрезъ обособленіе пригорода. Пригородъ, благодаря счастливому стеченію выгодныхъ условій положенія и историческаго развитія, могъ не только сравняться, но и превзойти главный городъ какъ населеніемъ, такъ и богатствомъ. Вмѣстѣ въ этимъ онъ долженъ былъ все менѣе и менѣе чувствовать необходимость въ покровительствѣ своей метрополіи; болѣе же сложные и развитые интересы жизни могли даже повести его и къ прямо враждебнымъ столкновеніямъ съ ней. Результатомъ такого новаго положенія дѣлъ является обособленіе пригорода въ особую самостоятельную волость, въ предѣлахъ которой въ свою очередь возникаютъ пригороды. Примѣры такого обособленія не рѣдки. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. обособленіе Пскова и Владиміра на Клязьмѣ, довольно подробно за-

Какъ бы ни было «первоначально», трудно, однако, допустить, что первое нарушеніе этого совпаденія произошло уже по призваніи князей, едва самое призваніе было результатомъ рѣшенія, въ которомъ принимали участіе разныя племена.— Что же касается до южныхъ племенъ, которыя вообще развивались медленнѣе сѣверныхъ, то здѣсь дѣйствительно смѣшеніе разныхъ племенъ — Полянъ и Древлянъ, Сѣверянъ и Вятичей въ одну волость происходитъ уже въ періодъ князей. Но составляли ли южныя племена—каждое одну волость, или распадались на нѣсколько, для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ слишкомъ мало указаній: см. Лавр. стр. 5.

[11]) Лавр. стр. 7.

писаны лѣтописями. другіе мы встрѣчаемъ какъ уже совершившійся фактъ [12]).

2. Населеніе волости.

Вопросу о личномъ составѣ вѣча необходимо предпослать общій очеркъ населенія, а потому мы разсмотримъ здѣсь свободное населеніе волостей, какъ оно является въ противоположность къ князю и его чиновникамъ. Описаніе орудій княжеской администраціи составитъ предметъ особой главы въ книгѣ объ управленіи; здѣсь же мы коснемся этого предмета только на сколько это будетъ необходимо для уясненія главной задачи изслѣдованія.

Древняя Россія не знала сословій. Это явленіе царской эпохи нашей исторіи; только первые зародыши его относятся къ концу княжескаго періода. Въ княжескую же эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другаго—достоинствомъ, а не правами. Различій по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей и промыслами. Каждый имѣетъ право на все, по одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется какъ человѣкъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ, — характеризуется эпитетомъ «меньшаго» человѣка. Такимъ образомъ возникала цѣлая лѣстница качественныхъ различій одного и того же рода людей. Ступени этой лѣстницы не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки, человѣкъ самъ собою поднимался на слѣдующую ступень и на оборотъ.— Изъ этого не слѣдуетъ, однако, заключать, что возвышеніе «меньшихъ» было дѣломъ легкимъ, что стоило только захотѣть, что бы сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ. Экономическія условія большинства «меньшихъ людей» могли быть такъ тяжелы, что

[12]) Любопытна въ этомъ отношеніи судьба Новъ-города. Судя по названію,—онъ не родился старшимъ, а между тѣмъ не сохранилось никакихъ указаній на тотъ городъ, которому онъ служилъ пригородомъ.

имъ не только никогда не удавалось подняться въ средній или высшій слой, а наоборотъ многіе изъ нихъ чрезъ посредствующія ступени наймитовъ и закуповъ нерѣдко спускались въ сословіе рабовъ.

Наши памятники обозначаютъ однимъ словомъ—все свободное населеніе, со всѣми его подраздѣленіями. Такихъ всеобъемлющихъ словъ у насъ два: людіе и мужи. Самое широкое значеніе первому слову даетъ договоръ Игоря съ Греками: въ I ст. введенія къ этому договору «людьми» названо все населеніе Русской земли, за исключеніемъ однихъ князей. Русская Правда подъ словомъ людинъ разумѣетъ все населеніе, кромѣ княжихъ мужей [13]). Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ зовутъ положить рядъ о Русской землѣ передъ епископами, игуменами, мужами отцевъ своихъ и предъ людьми градскими; а подъ 1103 г. сельчане вообще названы также людьми, какъ и горожане въ только-что приведенномъ мѣстѣ [14]). Черниговцы, обратившіеся въ 1138 г. къ князю Всеволоду съ требованіемъ о заключеніи мира, названы просто: «людіе Черниговцы». Подобно этому и всѣ Псковичи подъ 1178 г. разумѣются подъ словомъ «люди» [15]). Точно такое же широкое значеніе имѣетъ и слово мужъ. Съ эпитетомъ «свободный», оно обозначаетъ въ Русской Правдѣ все свободное населеніе, со включеніемъ даже княжихъ мужей; свободному мужу противополагаются только рабы [16]). Подъ 1178 г. жители Торжка вообще названы—мужами [16*]). Подобно этому договорная грамота между Полоцкомъ и Ригою начинается такъ: «мы мужи Полочане».... [17]).

Эти же слова, употребляемыя для обозначенія всего населенія въ его совокупности,—служатъ и для обозначенія разныхъ его слоевъ; для этой цѣли къ нимъ присоединяютъ указаніе на бóльшую или мéньшую степень достоинства, присущую тому

[13]) Сп. Троиц. и Карам. ст. 3. [14]) Лавр. 1096 г., Воскр. 1103 г.

[15]) Лавр. 1138 г., Ипат. 1178 г. Въ лѣтописяхъ очень не рѣдко встрѣчается обозначеніе всего населенія общимъ терминомъ «людие», см. мѣста, приведенныя въ примѣч. 10.

[16]) Сп. Акад. ст. 16, Троиц. ст. 58. [16*]) Сузд. 1178 г.

[17]) А. А. Э. Т. I. № 16.

или другому человѣку. Для обозначенія людей высшаго слоя служатъ прилагательныя: лучшій, вячшій, большій, старшій, нарочитый; нисшаго—мелкій, меньшій, простой, черный; вовсе безъ эпитета—эти слова указываютъ на среднихъ людей, если по смыслу не слѣдуетъ принимать населеніе въ полномъ его составѣ. Въ 1259 году, когда Татары пріѣхали въ Новгородъ съ требованіемъ дани, чернь не хотѣла исполнить волю татарскую. «И раздвоишася людіе, говоритъ лѣтописецъ: большіи веляху меньшимъ ятися по число, а они не хотяху». Итакъ, изъ «людей», населенія Новгорода вообще, выдѣлились два слоя: большіе люди и меньшіе, или чернь, иначе черные люди. Подъ 1255 годомъ люди высшаго слоя названы — вячшими [17]. Подъ 1471 годомъ — эта противоположность выступаетъ, какъ противоположность людей лучшихъ и мелкихъ. Въ Кіевѣ подъ 1093 годомъ люди мелкіе названы простыми [18]. Меньшею растяжимостью обладаетъ слово «мужи»: оно почти не встрѣчается съ эпитетами умаленія достоинства, а только возвышенія, или и вовсе безъ эпитета, но въ примѣненіи не къ однимъ только среднимъ людямъ, а и лучшимъ; такимъ образомъ, слово мужъ само по себѣ, безъ помощи прилагательнаго, заключаетъ въ себѣ понятіе о большемъ достоинствѣ, чѣмъ слово людинъ.—Подъ 1146 г. встрѣчаемся въ Кіевѣ—съ «лучшими», а подъ 1228 г. въ Псковѣ—съ «вячшими» мужами; въ 1178 г. упоминаются въ Новгородѣ просто мужи, но съ самымъ торжественнымъ назначеніемъ: какъ послы за избраннымъ Новгородцами княземъ, слѣдовательно, какъ лучшіе люди [19].

Эти три слоя населенія, обозначаемые однимъ и тѣмъ же словомъ съ разными опредѣленіями, обозначаются кромѣ того и особыми терминами, свойственными каждому слою въ отдѣль-

[17] Воскр. и Новгор. I. Для черныхъ людей ср. Ипат. 1185 г. съ Ник. и Новгор. I. 1135 г.

[18] Воскр. Для нарочитыхъ—тамъ же 987 г., Лавр. 1093 г. Въ Ипат. подъ 1161 г. находимъ «лѣпшихъ Кіянъ».

[19] Новгор. I. 1228 г., Ипат. 1146 и 1178 г.; ср. еще «мужи Ростовскіе» въ смыслѣ среднихъ людей, Лавр. 1230 г. Подъ 1186 г. Воскр. встрѣчаемъ и въ Смоленскѣ «лучшихъ» мужей. Въ Новгр. I. подъ 1230 г. встрѣчаемъ «моложшихъ» мужей.

ности. Для людей мелкихъ мы встрѣчаемъ техническое слово—смердъ; для людей лучшихъ—бояринъ и огнищанинъ, послѣднее, однако, довольно рано вышло изъ употребленія; для людей среднихъ — купецъ. Что бояринъ означаетъ вообще лучшаго человѣка, а смердъ — худшаго, это видно во 1-хъ, изъ того, какъ разныя лѣтописи или разныя мѣста одной лѣтописи называютъ однихъ и тѣхъ же людей, а во 2-хъ, изъ того, какъ одна и та же лѣтопись въ разныхъ своихъ мѣстахъ называетъ хотя и разныхъ людей, но играющихъ одну и ту же роль. По Лавр. лѣт. Древляне посылаютъ къ Ольгѣ «лучшихъ мужей»; въ Суздал. лѣт. эти лучшіе люди названы боярами. По Воскр. лѣт. и Никон. Новгородцы осуждаютъ Всеволода за то, что онъ не соблюдалъ «черныхъ людей», по Новгород. I—Всеволодъ не соблюдалъ «смердовъ» [20]). Подъ 1178 г. Новгородцы посылаютъ «мужей своихъ» за Мстиславомъ; а нѣсколько ниже тѣ же самые мужи названы боярами Новгородскими. Подъ 1200 г. въ такомъ же торжественномъ посольствѣ—мы встрѣчаемъ не бояръ, что очень обыкновенно, — а просто «лучшихъ мужей» [21]). Точно также и «огнищане» упоминаются лѣтописями на томъ мѣстѣ, которое обыкновенно занимаютъ бояре, или лучшіе люди [22]). Въ лѣтописяхъ не рѣдки указанія на смердовъ какъ на низшій слой населенія: это постоянные жители небольшихъ, а слѣдовательно, и не важныхъ пунктовъ поселенія — селъ, ихъ главное занятіе хлѣбопашество. Согласно съ этимъ различіемъ бояръ и огнищанъ отъ смердовъ, Русская Правда говоритъ о смердахъ и объ огнищанахъ, какъ о двухъ крайнихъ слояхъ населенія [23]).

Тремя указанными слоями далеко не замыкается лѣстница фактическихъ различій въ составѣ древне русскаго общества. Лучшіе люди, какъ и люди вообще, не стоятъ всѣ въ совер-

[20]) Лавр. и Суzд. 945 г.; Воскр. 1136 г.; Ник. и Новгор. 1135 г.

[21]) Ипат. Любопытно свидѣтельство Лавр. лѣтоп. подъ 1018 г. Новгородцы, желая поддержать Ярослава противъ Святополка, облагаютъ — на покрытіе издержекъ войны: мужей по 4 куны, старостъ по 10 грив., бояръ по 18 грив. Тѣмъ образомъ бояре—непремѣнно богаче мужей; чисто имущественное начало различія.

[22]) См. мѣста, приведенныя С. М. Соловьевымъ въ его исторіи Т. I стр. 245 и 246.

[23]) Сп. Акад. ст. 31 и 32, Троиц. 71 и 72, Карамз. 89 и 90.

шенно одинакихъ внѣшнихъ условіяхъ; одни изъ нихъ болѣе выдаются впередъ, другіе — менѣе. Отсюда является такое же качественное дѣленіе въ средѣ лучшихъ людей, какое мы наблюдали въ средѣ людей вообще. Лучшіе изъ нихъ въ свою очередь называются большими; упоминаніе «о большихъ боярахъ» мы встрѣчаемъ напр. подъ 1269 г.; меньшіе—называются молодшими боярами [24]).

Чтобы составить себѣ вѣрное представленіе о значеніи купца въ древней Россіи, мы должны совершенно отвлечься отъ того понятія «о купеческомъ сословіи», которое сложилось гораздо позднѣе. Купцы въ древнемъ русскомъ обществѣ не составляютъ противоположности къ остальному населенію, къ людямъ вообще. Они воюютъ также какъ и люди; кромѣ того, они являются государственными дѣятелями и въ мирное время — или вмѣстѣ съ другими, или и совершенно одни, — и въ такомъ случаѣ за всѣхъ другихъ. Такъ въ 1215 г. Новгородцы, много думавши, посылаютъ за княземъ Ярославомъ посадника, тысячскаго и десять человѣкъ купцевъ, «старѣйшихъ мужей». Въ 1177 году во Владимірѣ на Клязьмѣ собираются бояре и купцы и требуютъ отъ князя своего Всеволода, чтобы онъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ только-что побѣжденныхъ имъ Рязанскихъ князей. Бояре и купцы говорятъ Всеволоду: «княже, мы тебѣ добра хотимъ, мы складываемъ за тебя свои головы, а ты держишь враговъ твоихъ на свободѣ: либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо дай намъ» [25]). Съ другой стороны, право торговать не принадлежитъ исключительно какому-либо одному роду людей: торговать могутъ всѣ, начиная отъ князя и до послѣдняго смерда.—Соображая только-что указанныя факты, мы приходимъ къ такому заключенію. Купцы не составляютъ особаго сословія съ исключительно ему принадлежащими правами, и наоборотъ, они не исключены отъ пользованія какими-либо преимуществами, которыми пользуется остальное насел-

[24]) Соф. I. 1260 г.; молодшій бояринъ—см. Псковск. II. 1471 г.

[25]) Новгор. I. 1215 г. О прямомъ участіи купцевъ въ войнѣ см. еще тамъ же 1193 г.—Лавр. 1177 г.

ніе; купцы—это только новое названіе «людей», заимствованное отъ занятія [26]. Говоря, что это названіе заимствовано отъ занятія, мы тѣмъ самымъ указываемъ и на тотъ слой людей, который по преимуществу могъ обозначаться именемъ людей торговыхъ, купцевъ. Въ древней Россіи, когда движимости не были такъ разнообразны и цѣнны, какъ въ настоящее время, когда главное условіе богатства и силы заключалось въ обладаніи недвижимостями—землей и угодьями, торговля, какъ исключительное занятіе,—не могла доставить положенія равнаго съ положеніемъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Согласно съ этимъ второстепеннымъ значеніемъ торговли, именемъ купцевъ вообще — обозначается средній слой людей: это не лучшіе люди, не бояре, но и не черные, не смерды; при перечисленіи разныхъ слоевъ населенія — купцы стоятъ обыкновенно ниже бояръ, но выше черныхъ людей [27]. Но такъ какъ торговля можетъ составлять важное подспорье и для богатыхъ землевладѣльцевъ, то и эти лучшіе люди, бояре, если они извѣстны своими торговыми операціями,—могутъ быть также названы купцами. Впрочемъ это случается рѣдко, для нихъ болѣе обычно названіе—лучшихъ людей и бояръ; мы можемъ указать только на выше приведенный примѣръ изъ Новгородской исторіи подъ 1215 г., когда для торжественнаго посольства за княземъ Новгородцы отряжаютъ посадника, тысяцкаго и 10 купцевъ, старѣйшихъ мужей, т. е. 10 лучшихъ мужей, или бояръ, извѣстныхъ между прочимъ и въ купеческомъ мірѣ. Купцы, какъ средніе люди, въ свою очередь дробятся на тѣ же три слоя, какъ бояре и люди вообще. Подъ 1166 г. мы встрѣчаемся въ Новгородѣ съ вячшими купцами: Ростиславъ призываетъ ихъ вмѣстѣ съ огнищанами (т. е. боярами, лучшими людьми) въ Луки для ряду [28].

[26]) Всеволодъ на только-что приведенное требованіе бояръ и купцевъ Владимірскихъ отвѣчалъ заключеніемъ въ порубъ плѣнныхъ князей. Недовольный этимъ народъ снова приходитъ на княжій дворъ. При описаніи этого новаго народнаго собранія лѣтописецъ вмѣсто купцевъ—говоритъ «всѣ люди». Тамъ же.

[27]) См. напр. Соф. I. 1471 г.

[28]) Новгор. I. Купцы, которые вели торговлю внѣ предѣловъ своего города, назывались гостями. Ср. Ник. 1152 г., Новгор. I. 1215 г., Воскр. 1216 г. Для этой торговли требовалось, конечно, больше средствъ, и потому естественно, что съ понятіемъ о гостѣ соединяется понятіе о вячшемъ купцѣ.

Въ Новгородѣ и Псковѣ встрѣчаемъ еще «людей» съ особымъ эпитетомъ: житейскихъ людей, или сокращенно—житьихъ. Прежде чѣмъ произносить сужденіе о житьихъ людяхъ, мы приведемъ нѣсколько характеристическихъ для нихъ мѣстъ изъ лѣтописей. Съ самымъ общимъ значеніемъ встрѣчаемъ житьихъ во Псковѣ: Въ 1471 году великій князь Иванъ Васильевичъ, замысливъ войну на Новгородъ, посылаетъ пословъ къ Псковичамъ: «къ посадникамъ, житьимъ людямъ и ко всей землѣ Псковской»[29]. Здѣсь подъ житьими разумѣется все населеніе города Пскова; кромѣ житьихъ упомянуты только посадники, да Псковская земля вообще. Новгородскія лѣтописи даютъ нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ подъ житьими должно видѣть—то лучшихъ людей, бояръ, то среднихъ. Такъ въ 1386 году Новгородцы посылаютъ къ великому князю Дмитрію Ивановичу пословъ для заключенія мира — 5 человѣкъ житейскихъ, отъ конца по человѣку. Для такого важнаго порученія могли быть назначены только лучшіе люди, бояре, названные здѣсь житейскими; такія свидѣтельства не рѣдки[30]. Псковская первая лѣтопись называетъ даже и прямо боярами тѣхъ самыхъ людей, которыхъ Воскрес. обозначаетъ именемъ—житьихъ[31]. Въ 1478 г. Новгородцы посылаютъ къ великому князю пословъ: владыку, 5 посадниковъ и 5 человѣкъ отъ житьихъ, а въ числѣ этихъ пяти находится Яковъ Царевищевъ, «купецъ»[32]. Такимъ образомъ, купецъ есть также житейскій человѣкъ, какъ и бояринъ.-Воскресенская лѣтопись, разсказывая, что Новгородцы призвали великаго князя Ивана Васильевича судить своихъ посадниковъ и бояръ, называетъ призвавшихъ — черными людьми, чернью; а Псковская первая тѣхъ же самыхъ людей называетъ житьими и моложшими[33]. По Псковской лѣт., слѣдовательно, житьи очень близко подходятъ къ чернымъ, забираютъ въ свою среду весь средній слой. Съ особенной ясностью это видно изъ

29) Воскр.

30) Воскр.; ср. еще такія же посольства: Новгор. I. 1397 г., Воскр. 1456 и 1471 г.

31) Псков. I. и Воскр. 1476 г.

32) Воскр.

33) Воскр. и Псков. 1476 г.

договора Новгорода съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ въ 1317 г. Этотъ договоръ составленъ — «отъ бояръ, житьихъ и отъ черныхъ». Такимъ образомъ, лучшіе и худшіе люди названы спеціальными именами; а вмѣсто всѣхъ среднихъ людей со включеніемъ и купцевъ поставлено—житьи люди [34]. Сличая эти мѣста, приходимъ къ тому заключенію, что житьи люди есть общій терминъ, служащій для обозначенія всѣхъ слоевъ городскаго населенія за исключеніемъ однихъ молодшихъ людей. Такимъ образомъ, понятіе житьихъ людей будетъ равняться двумъ понятіямъ, взятымъ вмѣстѣ,—понятію лучшихъ людей и людей среднихъ. По причинѣ этой широты своего объема, понятіе житьихъ людей уступаетъ свое мѣсто болѣе тѣснымъ понятіямъ—бояръ и купцевъ всякій разъ, какъ только лѣтописецъ хочетъ обратить вниманіе читателя именно на разные слои городскаго населенія. При подробномъ перечисленіи разныхъ слоевъ, названіе житьихъ удерживается иногда, какъ спеціальное, для обозначенія тѣхъ среднихъ людей, которые не могутъ претендовать ни на какой другой болѣе характеристическій признакъ, кромѣ своего жительства въ Новгородѣ или Псковѣ. Они занимаютъ при этомъ мѣсто между боярами и черными лыдьми—то выше, то ниже купцевъ, съ которыми они одного достоинства [35].

Мы разсмотрѣли всѣ болѣе видные слои, встрѣчающіеся въ населеніи волостей древней Россіи. Для удобства обозрѣнія мы представимъ ихъ въ таблицѣ:

Люди или мужи

мелкіе люди или черные, они же: смерды,	люди или мужи, они же (частью) купцы			большіе люди или лучшіе мужи и просто мужи, они же: бояре и огнищане		
они же: мужики (Воскр. 1471 г.)	меньшіе купцы	купцы	вячшіе купцы	молодшіе бояре	бояре	большіе бояре
	тѣ и другіе вмѣстѣ: житьи люди					

[34]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 13.

[35]) Соф. I. 1471 г.: «...посадники, тысяцкіе, бояре, житьи и купцы, весь Вели-

Такимъ образомъ, тѣ три слоя, на которые рѣзко раздѣлилось населеніе новѣйшей Россіи (сельскіе обыватели, городскіе—мѣщане и купцы, и дворяне), обозначились въ самую древнюю эпоху нашей исторіи, но только фактически, безъ преимуществъ и ограниченій въ правахъ, съ постепенными переходами отъ одного къ другому и съ возможностью слитія разныхъ слоевъ въ новое цѣлое.

Различія слоевъ, какъ фактическія, не наслѣдственны. Но въ силу естественной близости дѣтей къ отцамъ, достоинство родителей распространяется и на первыхъ. Такъ, мы встрѣчаемся съ дѣтьми боярскими, какъ особымъ слоемъ, непосредственно слѣдующимъ за боярами [36]).

Въ заключеніе необходимо остановиться на тѣхъ элементахъ, которые вносились въ общій составъ населенія волости служилымъ сословіемъ. Служилые люди, какъ уже было замѣчено, состояли съ княземъ въ очень шаткой личной связи; съ своей стороны, князья вовсе не были обязаны сохранять за служилыми людьми своихъ предшественниковъ то положеніе, которымъ они при нихъ пользовались. Обыкновенно, князья раздавали мѣста своимъ ближайшимъ приверженцамъ, людямъ новымъ и нерѣдко пришлымъ изъ другихъ волостей, съ устраненіемъ старыхъ [37]). Это отсутствіе прочной связи служилыхъ людей съ

кій Новгородъ....» Воскр. 1478 г.—«Посадникъ Псковскій степенныи, старые посадники, бояре, купцы, житьи люди и весь Псковъ... »—Благодаря общности своего значенія, житьи встрѣчаются иногда на самомъ первомъ мѣстѣ, послѣ посадниковъ и тысяцкихъ: въ такомъ случаѣ они служатъ какъ бы общимъ введеніемъ къ слѣдующему за тѣмъ перечисленію, Соф. I. 1471 г.: «...... Посадники, тысяцкіе, житьи, бояре, купцы, черные люди, весь Великій Новгородъ»....

[36]) См Ипат. 1149 г.: Болеславъ Польскій, союзникъ Изяслава Мстиславича, опоясываетъ въ Луцкѣ — многихъ сыновъ боярскихъ. Воскр. 1259 г.: Князь Александръ приказываетъ сыну посадника и дѣтямъ боярскимъ (въ Новгородѣ—оберегать Татаръ. Ипат. 1281 г.: Владимиръ, кн. Владимира Волынскаго, въ походѣ на Ляховъ потерялъ своего дворнаго слугу, любимаго сына боярскаго, Михайловича, именемъ Раха.

[37]) Такъ напр., Юрій Суздальскій, занявъ Кіевскій столъ, сажаетъ по городамъ и селамъ своихъ мужей — Суздальцевъ. Ипат. 1158 г.—Въ 1162 г. сынъ его Андрей, по смерти отца, не только лишаетъ мѣстъ мужей послѣдняго, но и изгоняетъ ихъ изъ волости. Тамъ же. Въ Кіевѣ Всеволодъ Ярославичъ лишаетъ довѣрія своихъ собственныхъ старыхъ дружинниковъ и приближаетъ къ себѣ людей новыхъ. Лавр. 1093. Ростиславичи, призванные въ Ростовскую волость, раздаютъ посадничества «Русскимъ дѣтскимъ», пришедшимъ съ ними изъ Чернигова

княземъ поддерживало связь ихъ съ остальнымъ населеніемъ волости, съ которымъ у нихъ было много общихъ интересовъ по землевладѣнію, главному источнику богатства и независимаго положенія какъ передоваго слоя населенія вообще, такъ и служилыхъ людей въ особенности; частая же смѣна князей и — необходимое ея слѣдствіе — раздача мѣстъ новымъ людямъ вынуждали служилыхъ людей, лишившихся своего положенія при князѣ, совершенно сливаться съ неслужилымъ людомъ. Такимъ образомъ происходитъ постоянный обмѣнъ между населеніемъ волости и служилыми людьми: одни поступаютъ на службу князя и получаютъ прибыльныя мѣста, другіе — теряютъ эти мѣста и снова смѣшиваются съ населеніемъ волости.

Передовые служилые люди не имѣли своихъ особыхъ названій; они обозначались именами, общими всѣмъ лучшимъ людямъ. Это были тоже «мужи» и «бояре». Отъ неслужилыхъ людей отличались они только эпитетомъ, указывавшимъ на ихъ связь съ княземъ: это были «княжіе мужи», «княжіе бояре» въ противоположность мужамъ и боярамъ не княжимъ [38]). Оставляя службу, они утрачивали этотъ эпитетъ и за тѣмъ почти не отличались отъ остальной массы бояръ и мужей [39]). Судя по частой мѣнѣ князей, процентъ служилыхъ людей, возвращавшихся въ общую массу населенія, долженъ быть весьма значителенъ. Совершенно естественно, что эти старые служилые люди занимали самое передовое мѣсто въ средѣ лучшихъ людей, если только ихъ богатства не очень отставали отъ ихъ служебной опытности.

[38]) «Свои бояре» см. договоръ Игоря съ Греками, ст. 3 введенія и Лавр. 987 г. «Княжіе мужи» см. Русск. Правду ст. 1 и 3 по Троиц. сп., Лавр. 1094, 1096 г. и Ипат. 1164 г.

[39]) Старые служилые люди очень рѣдко выдѣляются изъ остальной массы неслужилаго населенія. Въ примѣръ такого выдѣленія можно указать на мѣсто Ипат. лѣт. подъ 1169 г.: Мстиславъ, призванный въ Кіевъ, рядится не только съ Кіянами, но и съ дружиной. Это, конечно, не его собственная дружина, а старые служилые люди прежнихъ Кіевскихъ князей, осѣвшіе въ Кіевѣ. Иногда князья упоминаютъ объ нихъ особо, какъ о «мужахъ отцевъ своихъ»; см. Лавр. 1096 г.

3. Личный составъ вѣча.

По отношенію къ личному составу вѣча мы укажемъ въ настоящей главѣ только на кругъ лицъ, который могъ принимать участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ; разсмотрѣніе же самаго характера этого участія составитъ предметъ слѣдующей главы.—Участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ понималось въ древней Россіи какъ право; право это принадлежало всѣмъ свободнымъ. Принимающіе участіе на вѣчѣ обыкновенно обозначаются въ источникахъ самыми общими терминами: это людіе безъ всякихъ ограниченій [10]. На тѣхъ же людей въ широкомъ смыслѣ указываетъ обозначеніе участниковъ по имени города: Новогородцы, Владимірцы, Рязанцы, Кіевляне и пр., что значитъ то же, что «люди въ Кіевѣ», какъ выражаются мужи Ростислава о Кіевлянахъ, или «люди Ростовскіе»; иногда названію по городу предшествуетъ опредѣленіе количества словомъ—«всѣ», напр. «всѣ Переяславцы», «вся Галицкая земля» и пр. [11]. Кромѣ этихъ общихъ терминовъ, указывающихъ на участіе всѣхъ свободныхъ, мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и прямыя указанія на участіе отдѣльныхъ слоевъ населенія, начиная съ высшихъ и до послѣднихъ. Такъ, въ Новгородѣ участвуютъ не только лучшіе люди, но и меньшіе, черные, смерды, даже—худые мужики; также и въ Торжкѣ [12]). Во Владимірѣ на Клязьмѣ кромѣ бояръ упоминаются еще купцы; но нѣсколько дальше эти два специальныхъ термина оказались тѣсными, а потому вмѣсто купцевъ здѣсь поставлено «и всѣ люди», т. е. не одни только купцы, но всѣ люди какого бы занятія и достоинства они ни были [13]). Подобныя же извѣстія имѣемъ для Галича, Суз-

[10]) Для Кіева см. Лавр. 968, 1067 г. Ипат. 1154 г.; для Владиміра на Клязьмѣ Воскр. 1216 г.; для Ростовской волости встрѣчаемъ «людей земли нашей», какъ говоритъ к. Всеволодъ Юрьевичъ Ипат. 1183 г.; подобно этому въ Галичѣ южн. упоминается «вся Галицкая земля», тамъ же 1187 г.; въ Суздалѣ—«всѣ люди» Сузд. 1167 г.; для Новгорода—Новгор. I. 1259, 1273 г.

[11]) «Люди Ростовскіе» Воскр. 1320 г.; «всѣ Переяславцы» Сузд. 1213 г.—Названія отъ города встрѣчаются очень часто, см. главу I.

[12]) Новгор. I. 1259, и 1340 г., Воскр. 1171 г. [13]) Лавр. 1177 г.

даля и Смоленска, гдѣ низшее и высшее сословіе распадаются на два враждебныхъ лагеря [44]).

Мы уже выше замѣтили, что вѣчевая дѣятельность не ограничивается только главными городами волости, что она распространяется и на жителей пригородовъ. Вѣчевая жизнь послѣднихъ проявляется двоякимъ путемъ: они или участвуютъ непосредственно въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ, или составляютъ свои особыя собранія въ предѣлахъ пригорода. Указанія на участіе пригородовъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ дошли до насъ отъ Пскова, Ладоги, Владиміра на Клязьмѣ, Переяславля Суздальскаго и Изборска. Подъ 1132 г. лѣтописецъ, описавъ удаленіе Всеволода изъ Новгорода въ южный Переяславль, и возвращеніе въ Новгородъ, послѣ изгнанія его Юріемъ изъ Переяславля, продолжаетъ такъ: «и бысть встань велика въ людяхъ; и придоша Плесковичи и Ладожане къ Новугороду и выгнаша князя Всеволода изъ города; и паки сдумавше, вспятиша и, Устьяхъ; а Мирославу даша посадничать въ Плесковѣ, а Рагуилови въ городѣ». Судя по этому свидѣтельству, Псковичи и Ладожане пришли въ Новгородъ для рѣшенія вопроса о князѣ и посадникахъ по собственному побужденію, безъ Новгородскаго зова. Въ 1136 г. Новгородцы, желая подвергнуть новому обсужденію управленіе князя Всеволода Мстиславича, сами призываютъ для этой цѣли въ Новгородъ Псковичей и Ладожанъ. Въ 1148 году на вѣче, собранное кн. Изяславомъ въ Новгородѣ, сходятся Новгородцы, и Псковичи Въ 1217 году Новгордцы, къ которымъ, во время похода на Чюдь, пришли послы отъ Чюди, начинаютъ «гадать» объ этомъ посольствѣ не одни, а вмѣстѣ съ Псковичами, бывшими съ ними на походѣ. — Точно также и въ Ростовской волости старшіе города думаютъ вмѣстѣ съ младшими. Такъ въ 1158 году призваніе Андрея Юрьевича на отчій столъ было рѣшено по думѣ Ростовцевъ и Суздальцевъ съ Владимірцами. Въ избраніи Ростиславичей (1175) участвовали

[44]) Ипат. 1180 и 1235 г., Сузд. 1176 г., Воскр. 1401 г.

кромѣ того и Переяславцы; а въ одномъ спискѣ сказано, что участвовала вся «область», т. е. вся волость. Въ 1343 году Псковичи отправляются воевать Нѣмецкую землю, «нагадавшеся съ Изборяны» [45]).

Въ заключеніе мы должны указать на единственное ограниченіе, которому подлежало у насъ право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ всего населенія, всѣхъ людей. Въ 1147 году Кіевляне на приглашеніе Изслава Мстиславича идти къ Суздалю на Юрія и Святослава Ольговича отвѣчаютъ отказомъ: «не можемъ, говорятъ они, на Владимірово племя руки подъять; а на Ольговичей пойдемъ и съ дѣтьми» [46]).—Отцы, слѣдовательно, рѣшаютъ за дѣтей, которые тѣмъ самымъ устраняются отъ личнаго участія въ народныхъ собраніяхъ. Ограниченіе, о которомъ идетъ рѣчь, условливается, такимъ образомъ, семейнымъ правомъ. Участіе въ вѣчевомъ собраніи предполагаетъ возможность говорить и дѣйствовать по личному усмотрѣнію; дѣти, согласно общепринятому взгляду, не имѣютъ своей воли, они состоятъ подъ отеческой властью, а потому для нихъ и не возможна самостоятельная дѣятельность на вѣчѣ. Приведенное ограниченіе можно формулировать такъ: при жизни отцевъ дѣти не участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ. При той строгости, которая составляетъ характеристическій признакъ отеческой власти у всѣхъ юныхъ народовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что это ограниченіе простирается и на совершенно взрослыхъ сыновей;—оно дѣйствуетъ, пока живъ отецъ, не смотря на возрастъ дѣтей [47]).—Что же касается до опредѣленія нормы физической зрѣлости, по достиженіи которой самостоятельный человѣкъ (т. е. вышедшій изъ-подъ отеческой власти) дѣлался способнымъ участвовать на вѣчѣ,—на это мы не находимъ никакихъ указаній [48]); точно также не находимъ указаній въ источникахъ

[45]) Новгород. I. 1132, 1136, 1217 г., Ипат. 1148, 1158, 1175 г.: для 1175 г. ср. еще Воскр., Псков. I. 1343 г.—Для отдѣльныхъ вѣчевыхъ собраній по примѣрамъ см. напр. Новгор. I. 1228, 1266, 1340 г., Воскр. 1393 г.

[46]) Ипат.: подобное же извѣстіе сохранилось и о Дрючанахъ, Ипат. 1159 г.

[47]) См. замѣтку о значеніи слова родъ въ концѣ главы.

[48]) При равенствѣ правъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ, вышедшихъ изъ-подъ оте-

и относительно вліянія, которое оказывало на право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ состояніе наймитовъ и закуповъ.

ческой власти, старшіе лѣтами, старцы, естественно играли передовую роль. Такъ напр. Владиміръ въ 987 г. (Лавр.) спрашиваетъ совѣта у бояръ своихъ и старцевъ градскихъ; остальные граждане, не старцы, обозначенные лѣтописцемъ — общимъ терминомъ «всѣ людіе», присутствуютъ во время этого совѣщанія князя со старцами, но играютъ болѣе скромную роль, они выражаютъ только одобреніе совѣту старцевъ: «и бысть люба рѣчь ихъ бояръ и старцевъ князю и всѣмъ людямъ», говоритъ лѣтописецъ. Это преобладающее значеніе старшихъ возрастомъ, людей, доживающихъ до сѣдыхъ волосъ, есть совершенная необходимость въ обществѣ, въ которомъ всѣ источники вѣдѣнія—ограничиваются личнымъ опытомъ. Кто больше жилъ, тотъ и умнѣе, ибо онъ больше видѣлъ, больше наученъ опытомъ; онъ можетъ дать мудрый совѣтъ. Но обязанности подчиниться совѣту старцевъ не существуетъ ни для князя, ни для остальныхъ людей. Ихъ совѣтъ становится рѣшеніемъ только въ силу согласія князя и всѣхъ людей, какъ въ приведенномъ примѣрѣ.

Замѣтка о значеніи слова родъ.

Мы не думаемъ, чтобы указанному въ текстѣ ограниченію права участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ можно было дать болѣе широкій объемъ, распространить его не только на членовъ семьи, состоящихъ подъ отеческой властью, но и на всѣхъ младшихъ родичей извѣстнаго рода, ограничивъ право участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ одними старѣйшинами, какъ представителями родовъ, родоначальниками или патріархами. Не подвергая ни малѣйшему сомнѣнію существованіе родоваго быта какъ переходной ступени къ быту государственному, мы утверждаемъ только, что въ историческую эпоху Рюриковичей родъ не существовалъ какъ учрежденіе съ опредѣленными правами и обязанностями его членовъ. Сохраненные Русской Правдой законы о порядкѣ наслѣдованія очень ясно указываютъ на то, что родственники не соединялись у насъ въ роды, съ правами юридическаго лица, съ общимъ представительствомъ и общей собственностью. По законамъ Русской Правды, если смердъ умиралъ, не оставивъ сыновей, имущество его поступало къ князю, дочери смерда не наслѣдовали; если умиралъ бояринъ, не оставивъ сыновей, имущество его поступало не къ князю, а къ дочерямъ. Ст. 86 (по Троицк. сп.) говоритъ: «Аже

въ боярехъ, любо въ дружинѣ (откроется наслѣдство), то за князя задница не идеть; но аже не будеть сыновъ, а дчери возмуть». По смыслу этой статьи князь не вообще устраняется отъ наслѣдства послѣ боярина, а только въ томъ случаѣ, если у него не осталось дочерей. Какъ поступали, если бояринъ умиралъ, не оставивъ ни сыновей, ни дочерей? Особой статьи въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Русская Правда не имѣетъ, но судя по указанному смыслу 86 ст., — въ этомъ случаѣ наслѣдовалъ князь. Итакъ, наслѣдниками Русская Правда признаетъ — дѣтей умершаго, а если ихъ нѣтъ, — князя. Такимъ образомъ, по отношенію къ одному изъ важнѣйшихъ человѣческихъ интересовъ, по отношенію къ собственности — родъ не оказываетъ ни малѣйшихъ признаковъ бытія: всякая семья разсматривается какъ самостоятельное учрежденіе, внѣ связи съ другими семьями того же рода. Чтобы допустить существованіе рода въ какой нибудь другой сферѣ, напр. въ сферѣ государственнаго права, — необходимы прямыя указанія источниковъ. Такихъ указаній мы не имѣемъ, а потому отсутствіе признаковъ, которые указывали бы на бытіе «рода» въ гражданской сферѣ, мы принимаемъ за доказательство несуществованія рода вообще. Мнѣніе противуположное основано: во 1-хъ, на томъ извѣстіи, которое лѣтописецъ сохранилъ намъ о древнѣйшемъ бытѣ Полянъ, и во 2-хъ, на между-княжескихъ отношеніяхъ. Разбору между-княжескихъ отношеній мы посвящаемъ двѣ особыхъ главы — VI и VII, куда и отсылаемъ читателя; здѣсь же остановимся только на первомъ доказательствѣ.

Для правильнаго пониманія быта Полянъ, которые, какъ говоритъ лѣтописецъ, «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ», необходимо составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ значеніи, въ какомъ употреблялось въ нашихъ древнѣйшихъ источникахъ слово родъ. — Первоначальное значеніе слова родъ, объясняющее всѣ его разнообразныя примѣненія, заключается въ указаніи на происхожденіе людей чрезъ нарожденіе. Въ такомъ смыслѣ употреблено это слово на 5 стр. Лавр. лѣт.: «Полянамъ же живущемъ особѣ, суще отъ рода Словѣнска, и нарекошася Поляне. а Древляне же отъ Словѣнъ же,

и нарекошася Древляне; Радимичи бо и Вятичи отъ Ляховъ». Суще отъ рода Словѣнска не значитъ, что Поляне составляли съ Словянами одинъ общій родъ, въ смыслѣ отдѣльнаго юридическаго лица; это выраженіе указываетъ только на происхожденіе Полянъ отъ Словянъ, они народились отъ нихъ, точно также какъ Древляне народились отъ Словянъ же, или Радимичи и Вятичи отъ Ляховъ. Подобно этому подъ 862 г. Лавр. читаемъ: «ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжьска»; или въ 1 ст. введенія къ договорамъ Олега и Игоря съ Греками: «мы отъ рода Русскаго....» Совершенно въ томъ же смыслѣ надо понимать и аналогическое выраженіе Лавр. лѣт. надъ 879 г.: умирая, Рюрикъ передаетъ княженіе свое Олегу, «отъ рода ему суща», т. е. имѣвшему съ нимъ одно общее происхожденіе; говоря современнымъ намъ языкомъ,— Рюрикъ передалъ свое княженіе Олегу, родственнику своему. Въ этомъ же смыслѣ Олегъ говоритъ Аскольду и Диру: «вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа...» Въ переводѣ на современный языкъ эти слова значатъ: вы не княжескаго происхожденія, а я княжескаго. Подъ 1093 г. лѣтописецъ (Лавр.), описывая печальныя слѣдствія неудачной войны съ Половцами, говоритъ: «много роду христіянска стражюще: печальни, мучими..., нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терніемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: «азъ бѣхъ сего города» и другіе: «азъ сея веси», тако супрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе...» Повѣдать свой родъ—значитъ сказать откуда кто родомъ, изъ какого города или деревни, а вовсе—не назвать какимъ либо собственнымъ именемъ свой родъ въ смыслѣ совокупности всѣхъ степеней родства, составляющихъ одно цѣлое подъ управленіемъ родоначальника.

Слово родъ, обозначая происхожденіе по крови, употребляется вмѣстѣ съ тѣмъ и для обозначенія всѣхъ тѣхъ человѣческихъ союзовъ, которые происходятъ въ силу послѣдовательнаго нарожденія; отъ обозначенія дѣйствія или причины оно переносится на самый продуктъ. Такимъ образомъ, слово родъ употребляется для обозначенія: во 1-хъ, семьи, во 2-хъ, родственниковъ вообще, въ 3-хъ, цѣлаго народа. — 1. Въ смыслѣ семьи встрѣчаемъ мы это слово

подъ 862 г. Лавр.: «и избрашася 3 братья съ роды своими», говоритъ лѣтописецъ о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ. У каждаго брата свой особый родъ, т. е. люди непосредственно отъ него происшедшіе, говоря современнымъ языкомъ, братья отправились въ Новгородъ съ своими семьями. Подъ 1071 г. Бѣлозерцы на вопросъ Яна, кто изъ ихъ родственниковъ убитъ волхвами, отвѣчали: «мнѣ мати, другому сестра, иному роженье», т. е. дѣти.—2. Въ болѣе широкомъ смыслѣ — родственниковъ вообще это слово употреблено подъ 862 г. Лавр. Объ Аскольдѣ и Дирѣ лѣтописецъ говоритъ, что они испросились у Рюрика къ Царюгороду «съ родомъ своимъ». Это не отдѣльный родъ каждаго брата, не семья, а совокупность общихъ имъ обоимъ родственниковъ. Подъ 1071 г. только-что помянутый вопросъ Яна Бѣлозерцамъ формулированъ такимъ образомъ: «ци кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сею?» На этотъ вопросъ одни называютъ мать, другіе сестру, третьи дѣтей (собственно дочерей). Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ родинъ означаетъ не однихъ только членовъ семьи—родителей и дѣтей, но и боковыхъ родственниковъ—сестеръ.—3. Еще съ болѣе широкимъ значеніемъ является слово родъ при обозначеніи цѣлаго народа, какъ совокупности людей, образовавшейся чрезъ нарожденіе. «Мы отъ рода Русскаго» или «отъ рода Варяжска» значитъ то же, что мы Русскіе, или мы Варяги. Въ 882 г. Олегъ, придя къ Кіеву, вызываетъ къ себѣ Аскольда и Дира такими рѣчами: «Яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олега и отъ Игоря княжича, да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ». Родъ свой — означаетъ здѣсь соотечественника вообще, человѣка, принадлежащаго къ тому же народу, здѣсь собственно Варяга.

Обозначивъ разнообразныя примѣненія слова родъ, имѣющія свой общій корень въ указаніи на происхожденіе, мы можемъ перейдти къ словамъ лѣтописца о Полянахъ: «они жили кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Въ какомъ изъ означенныхъ выше смысловъ употреблено здѣсь слово родъ? Лѣтописецъ говоритъ: каждый Полянинъ жилъ особо съ своимъ родомъ, каждый Полянинъ владѣлъ своимъ родомъ. Каждый Полянинъ могъ имѣть свой родъ единственно въ

смыслѣ семьи. Такимъ образомъ, слово родъ въ разбираемомъ мѣстѣ можетъ быть истолковано только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: Поляне жили семьями. Говоря это, мы никакъ не хотимъ сказать, что у Полянъ по смерти отца братья непремѣнно дѣлились и селились розно. И въ настоящее время братья не непремѣнно дѣлятся, есть случаи общаго владѣнія братьевъ и не у однихъ только крестьянъ, но и во всѣхъ другихъ слояхъ нашего общества; это общее владѣніе имѣетъ своимъ источникомъ—соглашеніе и продолжается, пока есть это соглашеніе. Общее владѣніе братьевъ и другихъ родственниковъ могло встрѣчаться и въ древнѣйшія времена. Есть даже основаніе думать, что тогда оно должно было встрѣчаться чаще чѣмъ теперь. При отсутствіи развитой правительственной власти, частному человѣку для самосохраненія необходимо было вступать въ какія либо частные союзы; союзъ съ родственниками представляется самымъ естественнымъ. Но чтобы родственники должны были соединяться въ болѣе обширные союзы «рода», чтобы они не могли по личному произволу выдѣляться и образовывать отдѣльныя семьи внѣ всякой связи съ родомъ, на это наши источники не даютъ никакихъ указаній. — Впрочемъ, если бы мы даже и допустили, что слово родъ въ разбираемомъ нами мѣстѣ означаетъ не семью, «а всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ», говоря словами С. М. Соловьева (Исторія Т. I, стр. 49); то и въ такомъ случаѣ мы должны были бы признать, что родовой бытъ Полянъ разложился и уступилъ мѣсто другому быту еще до призванія Рюрика. Послѣ вставки о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, непосредственно слѣдующей за выписаннымъ выше мѣстомъ, лѣтописецъ продолжаетъ такъ: «И по сихъ братьи (т. е. послѣ смерти Кія, Щека и Хорива) почаша держати родъ ихъ княженье въ Поляхъ». И такъ, по смерти трехъ братьевъ, у Полянъ начинаетъ княжить ихъ родъ, т. е. ихъ нисходящіе потомки. Этотъ новый бытъ ничего не имѣетъ общаго съ предшествовавшимъ бытомъ, какъ бы мы его ни понимали. Прежде Поляне жили разрозненно, каждый владѣлъ своимъ родомъ; теперь они пришли къ нѣкоторому единству подъ управленіемъ потомковъ Кія, Щека и

Хорива. Власть, принадлежавшая прежде каждому въ своемъ родѣ, перешла теперь въ руки одного рода, который возвысился надъ всѣми другими родами, подобно тому, какъ позднѣе родъ Рюрика возвысился надъ всей Русской землей. Такимъ образомъ, по свидѣтельству того же Нестора, Поляне еще за долго до призванія Рюрика вышли изъ того состоянія, которое навело нѣкоторыхъ изъ нашихъ изслѣдователей на мысль о господствѣ родоваго быта у Русскихъ Славянъ въ историческую эпоху Рюриковичей.

Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ остановиться еще на одномъ мѣстѣ нашего древняго лѣтописца, въ которомъ упоминается слово родъ. Подъ 862 г. Несторъ такими словами характеризуетъ состояніе сѣверныхъ племенъ послѣ изгнанія Варяговъ: «и не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся». Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь слово родъ? Выраженіе «воста родъ на родъ» объясняется послѣдующимъ выраженіемъ «и воевати почаша сами на ся». Война есть дальнѣйшее развитіе возстанія, война возгорѣлась между тѣми же лицами, которыя возстали одно на другое. Если бы выраженіе «воста родъ на родъ» означало возстаніе разныхъ родовъ другъ на друга, въ такомъ случаѣ не имѣло бы смысла дальнѣйшее выраженіе «и воевати почаша сами на ся»; ибо война разныхъ родовъ не есть война самихъ на себя. Разбираемое мѣсто можетъ быть понято въ цѣломъ только тогда, когда мы подъ возставшими будемъ разумѣть людей одного происхожденія по крови. Возстали не разные роды одинъ на другой, а члены одного и того же рода (т. е. происхожденія), дѣти на родителей, братья на братьевъ; война между ними дѣйствительно можетъ быть названа войною «самихъ на ся». Въ параллель этому возстанію рода на родъ можно привести выраженіе Новгородскаго лѣтописца по поводу борьбы партій въ Новгородѣ въ 1230 г.: «Богъ, видя наши беззаконія и братоненавидѣніе и не покореніе другъ другу....». Такія выраженія, какъ «братоненавидѣніе» и «возстаніе рода на родъ», не должны быть понимаемы буквально. Это только примѣненіе къ явленіямъ своего времени — хорошо извѣстныхъ лѣтописцу словъ Евангелиста Марка: «предастъ же братъ брата на смерть, и отецъ

чадо: и возстанутъ чада на родители, и убіютъ ихъ». Наше «и веста родъ на родъ» совершенно совпадаетъ съ мѣстомъ Евангелиста «и возстанутъ чада на родители». Этими словами лѣтописецъ хотѣлъ изобразить не дѣйствительное возстаніе дѣтей на родителей и братьевъ на братьевъ, а только ту крайнюю степень неурядицы, къ которой приводила борьба партій. явленіе столь обыкновенное въ Новгородской исторіи.—Ср. К. С. Аксакова—О древ. бытѣ Славянъ вообще и Русскихъ въ особенности, въ собр. его соч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вѣчевые порядки и предметы вѣдомства.

Переходя къ вѣчевымъ порядкамъ, прежде всего необходимо замѣтить, что Русское вѣче не имѣетъ ничего общаго съ тою формою народнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, которую представляетъ Англійскій парламентъ и подражанія этому учрежденію на Европейскомъ континентѣ. Участіе народа въ палатѣ общинъ сложилось подъ вліяніемъ сильной королевской власти. Представители городовъ и графствъ не сами сходились, они призывались королями и только для обсужденія и рѣшенія тѣхъ вопросовъ, по которымъ были призваны; по всѣмъ же другимъ—ихъ дѣятельность ограничивалась почтительными прошеніями. Въ древнѣйшее время это участіе въ королевской думѣ разсматривалось болѣе съ точки зрѣнія обязанности, чѣмъ права. Представители обязаны были являться. Исполненіе этой обязанности принималось многими, какъ большая тягость, и случаи неявки были до того не рѣдки, что законодательная власть нашлась вынужденной установить особые штрафы съ цѣлью противодѣйствовать имъ. — Члены палаты общинъ говорили не во имя личныхъ своихъ интересовъ; они были представителями тѣхъ общинъ, которыя ихъ посылали, и голосъ ихъ былъ голосомъ цѣлой общины. — Въ началѣ, короли находили въ депутатахъ общинъ удобное орудіе

для выполненія своихъ обязанностей по законодательству и управленію; только съ теченіемъ времени изъ нихъ выработалось учрежденіе, ограничивающее центральную власть.

Совсѣмъ иной характеръ нашего вѣча. Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому «мужу» права устроивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ представителей, а поголовно; а съ другой стороны, онъ не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ цѣлое только въ случаѣ соглашенія всѣхъ. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгарается война. — Такимъ образомъ, характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: слабостью княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ.

Всего ближе къ нашему вѣчевому быту подходитъ бытъ древнихъ Германцевъ. У нихъ, какъ и у насъ, на первой страницѣ исторіи встрѣчаемся съ полной свободой отдѣльной личности, ограничиваемой только семейнымъ правомъ.—Но чтобы изъ этой неограниченной свободы выработались учрежденія, способныя оградить личное и общественное благо народа, для этого необходимо было, чтобы привзошли нѣкоторыя новыя условія, не лежавшія въ самой свободѣ, какъ она понималась въ эти первобытныя времена. Какъ у насъ, такъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей, эпоха неограниченной личной свободы прошла безслѣдно. Несмотря на это, изученіе ея имѣетъ не одинъ только историческій интересъ; оно можетъ дать полезный матеріалъ и для общей теоріи государственнаго права.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы начнемъ разсмотрѣніе вѣчевыхъ порядковъ съ того вопроса, который бросаетъ самый яркій свѣтъ на весь строй нашей вѣчевой жизни, и за тѣмъ уже перейдемъ къ остальнымъ, которые имъ болѣе или менѣе объясняются; хотя при строго систематическомъ изложеніи нѣкоторымъ изъ этихъ послѣднихъ и принадлежитъ первое мѣсто.

Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, относится къ порядку вѣчевыхъ рѣшеній. Его можно формулировать такъ: сколько голосовъ присутствующихъ членовъ было необходимо для того, чтобы мнѣніе этихъ членовъ считалось рѣшеніемъ самого вѣча, обязательнымъ для всѣхъ? — Простаго большинства у насъ не было достаточно; у насъ требовалось или единогласное мнѣніе всѣхъ, или такое подавляющее большинство, которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ. Это и понятно. Рѣшеніе простымъ большинствомъ можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ есть самостоятельная исполнительная власть, достаточно сильная для того, чтобы привести въ исполненіе народное рѣшеніе, несмотря на противорѣчіе многочисленнаго меньшинства. Гдѣ же главная сила исполнительная въ томъ же народѣ, тамъ не можетъ быть достаточно простаго большинства; ибо при простомъ большинствѣ меньшинство такъ еще сильно, что можетъ легко воспротивиться исполненію. Такимъ образомъ, эта особенность нашего вѣча стоитъ въ непосредственной связи съ другими явленіями общественнаго быта древней Россіи.

Что дѣйствительно таковъ былъ порядокъ рѣшеній, это мы усматриваемъ: во 1-хъ, изъ обычныхъ для того времени выраженій, въ которыхъ говорится о состоявшихся народныхъ рѣшеніяхъ, и во 2-хъ, изъ послѣдствій, которыя наступали въ случаѣ такого раздѣленія мнѣній, при которомъ не было ни на одной изъ сторонъ подавляющаго большинства.

Мы не имѣемъ ни одного указанія на признаніе права простаго большинства. Напротивъ, всѣ вѣчевыя рѣшенія имѣютъ въ своемъ основаніи соглашеніе всѣхъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями употребительны двѣ формы:

одна краткая, другая — болѣе подробная. Въ первой обращеніе къ князю дѣлается просто отъ всего Новгорода; во второй — кромѣ того — «отъ всѣхъ старѣйшихъ и отъ всѣхъ меньшихъ» [1]. Такимъ образомъ, болѣе подробная форма именно обращаетъ вниманіе на участіе — всѣхъ людей, какъ всѣхъ старѣйшихъ, такъ и всѣхъ меньшихъ. Краткая форма не можетъ быть толкуема въ другомъ смыслѣ по отсутствію на то какихъ бы то ни было указаній. Того же рода форму рѣшеній находимъ и въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ. Въ 1391 г. Новгородцы на просьбу митрополита о судѣ отвѣчали отказомъ. Лѣтописецъ передаетъ ихъ отвѣтъ въ такихъ выраженіяхъ: «Новогородцы отвѣчаютъ едиными устами: мы цѣловали крестъ съ одного и грамоты написали и печати къ нимъ приложили въ томъ, чтобы не знатися на судъ къ митрополиту». Въ 1372 г. Новгородцы, пріѣхавшіе въ Торжокъ для защиты этого города отъ Михаила Тверскаго, совокупилися и соединилися съ Новоторжцами и укрѣпилися крестнымъ цѣлованіемъ, еже быти и стати за одинъ. Въ 1215 г. князь Ярославъ послалъ изъ Торжка въ Новгородъ 100 Новогородцевъ, чтобы составить тамъ партію противъ князя Мстислава и выпроводить его изъ Новгорода. Но Новгородцы «не яшася по то, но вси быша единодушно и тѣ сто мужей». Такія же крестныя цѣлованія мы встрѣчаемъ еще подъ 1397 и 1422 г. [2]. Это не Новогородскій только обычай. Въ 1213 г. на вопросъ князя своего Ярослава Всеволодовича—Переяславцы даютъ всѣ одинъ отвѣтъ; говоря словами другихъ лѣтописцевъ, они отвѣчаютъ едиными устами, или съ одного. Именно такое выраженіе находимъ подъ 1296 г. Во время борьбы Даніила Московскаго и Михаила Тверскаго съ Андреемъ Александровичемъ на сторонѣ первыхъ стоятъ Переяславцы съ единого, т. е. всѣ, какъ одинъ человѣкъ [3].

Единеніе всѣхъ было любимѣйшей формой нашихъ вѣчевыхъ порядковъ. Но необходимость такого единенія не шла у насъ.

[1]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I., см. договоры Новгорода съ великими князьями.
[2]) Соф. I. 1391 г., Новгр. I. 1372 г., 1215 г.; Новгр. IV. 1397 г.; Новгр. II. 1422 г.
[3]) Сузд. 1213 г., Воскр. 1296 г.

однако, такъ далеко, чтобы вѣче вовсе не сознавало за собой права постановить обязательное для всѣхъ рѣшеніе, едва былъ хотя одинъ несогласный. Подъ единеніемъ должно разумѣть не столько буквально соглашеніе всѣхъ безъ исключеній, сколько соглашеніе такого рѣшительнаго большинства, которое было достаточно сильно, чтобы привести свое рѣшеніе въ исполненіе безъ активнаго противодѣйствія со стороны меньшинства. Число несогласныхъ должно быть сравнительно ничтожное; такое меньшинство подавляется дѣйствительной силой большинства и умолкаетъ.—Такъ въ 1151 г. Кіевляне, рѣшившись преслѣдовать Юрія, говорятъ князьямъ—Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: «всѣ пойдутъ на войну, кто только можетъ взять въ руки хлудъ; а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами побьемъ его». То же самое встрѣчаемъ и въ Новгородѣ. Въ 1016 г. Новогородцы, назначивъ день для нападенія на Святополка, говорятъ князю своему Ярославу: «кто не пойдетъ съ нами, сами потнемъ». Подобное этому рѣшеніе находимъ и подъ 1148 г. Новогородцы, призвавъ къ себѣ князя Изяслава для защиты отъ Юрія, рѣшаютъ объявить послѣднему войну. Это рѣшеніе они передаютъ въ такой формѣ своему князю: «Княже! всяка душа пойдетъ, если бы и дьякъ былъ и гуменце пострижено, да не поставленъ,—и тотъ пойдетъ!» [4])

Такимъ образомъ, вѣче сознавало за собой право издавать обязательныя для всѣхъ постановленія; но для этого было необходимо такое громадное большинство, образованіе котораго могло состояться далеко не по всякому дѣлу. Необходимость такого большинства заключала въ себѣ возможность междоусобной войны: при нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, стороны стояли другъ противъ друга безъ всякихъ средствъ къ мирному разрѣшенію вопроса. Если обѣ продолжали настаивать на своихъ отдѣльныхъ мнѣніяхъ, не было иного исхода, кромѣ вооруженной борьбы. Мы приведемъ нѣсколько такихъ случаевъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ на необходимость «одиначества» и на совершенное отсутствіе всякаго понятія о правѣ

[4]) Ипат. 1148 г., 1151 г.; Лавр. 1016 г.

простаго большинства. Въ 1218 г. часть Новгородцевъ была недовольна посадникомъ своимъ Твердиславомъ. Противъ него были три конца: Славянскій, Плотницкій и Неревскій. За него — только одинъ Людинъ и часть Загородскаго конца (Прусская улица). Несмотря на значительное большинство противниковъ Твердислава, защитники его не считали себя обязанными уступить ихъ волѣ. Дѣло дошло до войны: на той и другой сторонѣ были убитые и много раненыхъ. Но битва не была рѣшительна (можетъ быть потому, что Неревскій конецъ не принялъ въ ней участія), вѣчевыя собранія продолжались цѣлую недѣлю, и дѣло кончилось тѣмъ, что спорящія стороны цѣловали наконецъ крестъ за одинъ: «дьяволъ былъ попранъ Богомъ и Св. Софіею, говоритъ лѣтописецъ, а крестъ возвеличенъ, братья сошлись вкупѣ, единодушно и крестъ цѣловали». Посадникъ Твердиславъ остался на своемъ мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, большинство отказалось отъ преслѣдованія посадника и приняло мнѣніе меньшинства, которое защищало его. — Еще болѣе рѣзкій примѣръ находимъ подъ 1384 г. Орѣховцы и Корельцы пріѣхали въ Новгородъ съ жалобой на своего посадника, князя Патрикѣя. Патрикѣй также пріѣхалъ въ Новгородъ и — посуломъ — склонилъ на свою сторону Славянскій конецъ. Весь остальной Новгородъ былъ противъ князя Патрикѣя. И этого громаднаго большинства не было достаточно, чтобы заставить умолкнуть Славянскій конецъ. Софійской сторонѣ пришлось вооружиться, какъ на рать. Только видя эту рѣшимость поддержать свое рѣшеніе силой, Славянскій конецъ уступилъ. «И по усобной той рати, говоритъ лѣтописецъ, поидоша всѣ пять концевъ въ одиначество, отняли тѣ два города у Патрикѣя...»[5]).

[5]) Новгр. I. 1218 г., Новгр. IV. 1384 г. Ср. еще Новгр. I. 1312 г., 1388 г. — Въ условіяхъ, на которыхъ столкнувшіяся партіи сходятся въ новое единеніе, далеко не всегда преобладаетъ мнѣніе большинства. Такъ какъ успѣхъ мнѣнія, при нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, не столько зависѣлъ отъ числа его приверженцевъ, сколько отъ ихъ рѣшительности поддерживать свою волю даже вооруженною рукой, то нерѣдко случалось, что окончательное соглашеніе болѣе соотвѣтствовало желаніямъ меньшинства, чѣмъ большинства, если только меньшинство обнаружило больше энергіи и больше воинственности.

Но раздѣленіе мнѣній не всегда вело къ новому соглашенію, какъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ; иногда оно оканчивалось кровавымъ господствомъ побѣдившей партіи. Такъ напр., въ Смоленскѣ партія русскаго князя Юрія Святославича, получивъ въ 1401 г. перевѣсъ надъ приверженцами Витовта, избила ихъ. Точно также и въ Новгородѣ въ 1471 г.: приверженцы Литвы, пересиливъ русскую партію, принуждали всѣхъ идти на войну противъ вел. кн. Ивана Васильевича; кто не шелъ, тѣхъ грабили, били и въ рѣку Волховъ бросали. Нѣчто подобное встрѣчаемъ и въ Москвѣ. Въ нашествіе Тохтамыша люди раздѣлились: одни хотѣли бѣжать, другіе—затвориться въ городѣ. Послѣдніе осилили и стали грабить и бить первыхъ [6].

Такимъ образомъ, какъ необходимость соглашенія почти всѣхъ, такъ и возможность войны, въ случаѣ раздѣленія, — суть двѣ стороны одного и того же явленія, взаимно условливающія и объясняющія одна другую. При неограниченной свободѣ отдѣльной личности и при слабости исполнительной власти, которыя составляютъ характеристическія особенности разсматриваемой эпохи, не было инаго исхода — какъ соглашеніе всѣхъ, или война всѣхъ. Если соглашеніе послѣдовало, волость находилась въ состояніи мира, если нѣтъ, — въ состояніи размирья [7]).

Уяснивъ этотъ главный вопросъ, переходимъ къ слѣдующимъ.

Выше уже было замѣчено, что начало представительства не входило въ систему нашей вѣчевой жизни: мы не встрѣчаемъ на него никакихъ указаній. Вѣче—есть форма непосредственнаго участія народа въ общественныхъ дѣлахъ, а не чрезъ представителей. Участіе на вѣчѣ понималось въ древней Россіи, какъ право, а не обязанность. Изъ имѣющихъ право—никто не былъ обязанъ посѣщать вѣчевыя собранія; бывалъ, кто хотѣлъ. Присутствіе на вѣчѣ исключительно условливалось степенью участія, которое тотъ или другой «людинъ» принималъ

[6]) Воскр.

[7]) См. напр. Новгр. I. подъ 13 2 г.: «доконча мира», или подъ 1388 г.: «быша безъ мира по двѣ недѣли».

въ общественныхъ дѣлахъ. Такъ напр., въ дѣлѣ съ посадникомъ Твердиславомъ Загородскій конецъ вовсе не участвовалъ и не высказался ни за, ни противъ. Точно также отъ личнаго усмотрѣнія каждаго зависѣло насколько принять участія въ дѣлахъ вѣча: ограничиться ли только заявленіемъ своего мнѣнія, или, въ случаѣ необходимости, выступить съ оружіемъ въ рукахъ на его защиту. Такъ Неревскій конецъ высказывается противъ посадника Твердислава, но не принимаетъ участія въ возгорѣвшей по этому поводу войнѣ.

Что касается до времени созванія вѣча, должно замѣтить, что наши вѣчевыя собранія не были періодическими. Они созывались смотря по потребности. Такимъ образомъ, въ одну недѣлю могло быть нѣсколько вѣчевыхъ собраній, и на оборотъ— въ цѣлый годъ—ни одного.

Порядокъ созванія вѣча опредѣляется сущностью этого учрежденія. Это форма участія народа въ общественныхъ дѣлахъ въ силу присущаго народу права, а потому вѣче можетъ быть созвано—какъ самимъ народомъ, такъ и княземъ, если онъ находилъ это нужнымъ. Мы имѣемъ много свидѣтельствъ о созваніи вѣча народомъ, не смотря на присутствіе въ городѣ князя или его посадника [8]. Подъ народомъ не должно разумѣть ни всего народа, ни значительной его части; для созванія вѣча довольно было ясно выраженной воли и весьма небольшаго числа людей. Новгородская исторія представляетъ примѣры, въ которыхъ вѣче созывалось по желанію только двухъ заинтересованныхъ [9]. Но такъ какъ не было обязанности являться на вѣче, то понятно, что для того, чтобы вѣче дѣйствительно состоялось, еще мало одного призыва; надо, чтобы народъ желалъ совѣщаться о томъ или другомъ предметѣ. Безъ народнаго желанія вѣче не состоится, хотя бы призывъ исходилъ и отъ самого

[8]) См. для Кіева: Лавр. 1067 г., Ипат. 1146 г.; для Владимира Волынскаго: Лавр. 1097 г.; для Полоцка: Ипат. 1159 г.; для Звенигорода: Ипат. 1146 г.; для Новгорода. Лавр. 1015 г., Ипат. 1161 г. и пр. Въ примѣръ созванія княземъ см. Лавр. 187 г., 1097 г.: Ипат. 1147 г., 1148 г., 1178 г.

[9]) Новгр. I. 1342 г.

князя [10]). Колокольный звонъ былъ обыкновеннымъ способомъ призыва къ вѣчевымъ собраніямъ [10*]).

Особенно характеристичны для нашего древняго вѣча тѣ свидѣтельства лѣтописей, которыя относятся къ опредѣленію мѣста вѣчевыхъ собраній. Необходимаго мѣста для вѣчевыхъ собраній не было. Вѣче могло собраться вездѣ — какъ въ городѣ, такъ и внѣ города. Мы уже имѣли случай упомянуть о вѣчѣ Смольнянъ подъ Кіевомъ; такія же вѣчевыя собранія во время похода встрѣчаются у Новгородцевъ и Псковичей [11]). Ростовцы, Суздальцы и Переяславцы съѣзжаются для выбора князя у Владиміра, слѣдовательно также внѣ города. Въ городахъ вѣчевыя собранія имѣли мѣсто какъ на открытыхъ мѣстахъ, около церквей, такъ и на торговыхъ площадяхъ. Въ Кіевѣ упоминаются четыре мѣста вѣчевыхъ собраній: на Торговищѣ, на дворѣ Св. Софіи, на Ярославовомъ дворѣ и у Туровой Божницы. Въ Новгородѣ чаще всего собирались у Св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ. Но были и другія мѣста собраній; такъ въ 1015 г., Ярославъ созвалъ вѣче «на поли» [12]). Въ случаѣ раздѣленія мнѣ-

[10]) Такой примѣръ мы дѣйствительно имѣемъ изъ Новгородской исторіи. Во время похода Мстислава Мстиславича съ Новгородцами къ Кіеву на Всеволода Чермнаго, Новгородцы, дойдя до Смоленска, поссорились у этого города со Смольнянами и не захотѣли идти далѣе. «Князь же Мстиславъ, продолжаетъ лѣтописецъ, въ вѣче поча звати, они же не поидоша; князь же, цѣловавъ всѣхъ, поклонився, поиде». Новгр. I. 1214 г.

[10*]) На это указываютъ: во 1-хъ, дѣйствительные случаи созванія вѣча колокольнымъ звономъ какъ въ Новгородѣ, такъ и въ другихъ городахъ, напр. въ Москвѣ. Сами князья обращались къ тому же способу; такъ въ Ипат. лѣт. подъ 1148 г. читаемъ: «заутрій же день пославъ Изяславъ на Ярославль дворъ и повелѣ звонити вѣче, и тако Новгородци и Псковичи снидошася на вѣче, и рече имъ»..... Во 2-хъ, то выраженіе, въ которомъ было высказано требованіе о прекращеніи вѣчевыхъ порядковъ какъ для Новгорода, такъ и для Пскова. Для перваго города въ Воскр. лѣт. подъ 1478 г. читаемъ: «вѣчному колоколу въ отчинѣ нашей въ Новгородѣ не быти»; для втораго тамъ же подъ 1510 г.: «колоколъ бы вѣчный свѣсили». Хотя мы не замѣтили ни одного случая созванія вѣча чрезъ подвойскихъ и бирючей, но должны допустить этотъ способъ, какъ исключеніе, для тѣхъ случаевъ, когда къ колоколу невозможно было обратиться, напр.: при созваніи вѣча во время похода.—Ср. ниже, прим. 18.

[11]) Новгр. I. 1217 г.: Новгородцы и Псковичи вмѣстѣ во время похода на Чудь; 1228 г.: Новгородцы одни на Невѣ, во время похода на Емь. Ср. еще Новгр. I 1273 г. и Лавр. 1016 г.

[12]) Въ Кіевѣ: на Торговищи Лавр. 1067 г., у Св. Софіи Ипат. 1147 г., на Ярославлѣ дворѣ и у Туровой Божницы Ипат. 1146 г. Въ Новгородѣ на поли Воскр. 1015 г.

ній, сторонники разныхъ партій сходились обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ; такимъ образомъ въ одно и тоже время было нѣсколько вѣчевыхъ собраній, которыя или вступали въ бой одно съ другимъ, или мирились на какомъ нибудь общемъ мнѣніи[13]). Присутствовать на томъ или другомъ вѣчѣ—зависѣло исключительно отъ личнаго усмотрѣнія каждаго: какъ мнѣніе большинства Новгородцевъ не связывало меньшинства, такъ точно мнѣніе большинства въ одномъ изъ концевъ Новгородскихъ не связывало ни отдѣльныхъ улицъ этого конца, ни отдѣльныхъ лицъ. Въ 1218 г. Загородскій конецъ не принималъ участія въ дѣлѣ съ посадникомъ Твердиславомъ, а одна изъ его улицъ,—Пруская, не только высказалась въ его пользу, но и поддерживала его съ оружіемъ въ рукахъ. То же встрѣчаемъ и въ 1384 г.: Славянскій конецъ составилъ вѣче въ пользу князя Патрикѣя на Ярославовомъ дворѣ; но нѣкоторые изъ жителей этого конца, названные лѣтописцемъ—«добрыми людьми» (въ противоположность къ остальнымъ, которые были подкуплены посуломъ), ходили на вѣчѣ къ Св. Софіи, гдѣ собирались противники Патрикѣя.—Но и единомышленники не всегда собирались въ одномъ мѣстѣ. Въ приведенномъ примѣрѣ противники Твердислава имѣли два вѣча: Славянскій и Плотницкій концы собрались у Св. Никиты, а Неревскій у 40 Святыхъ.—Когда требовалась тайна, вѣче собиралось не въ открытыхъ мѣстахъ, а по дворамъ[14]).—Такимъ образомъ, всякое народное собраніе,—едва оно имѣетъ своимъ предметомъ общественныя дѣла и желаетъ, чтобы его мнѣніе было принято всѣмъ остальнымъ народомъ,—есть вѣче, гдѣ бы оно ни собралось.

Продолжительность вѣча опредѣлялась не временемъ, а предметомъ. Вѣче созывалось не на опредѣленный промежутокъ времени, а для рѣшенія извѣстнаго вопроса и продолжалось до

[13]) См. Новгр. IV. 1384 г. и Новгр. I. 1342 г.

[14]) Такое вѣче встрѣчаемъ въ Новгородѣ. Ипат. 1169 г., и въ Полоцкѣ, Ипат. 1159 г., впрочемъ, въ послѣднемъ мѣстѣ прямо не упоминается «вѣче по дворамъ», но оно должно быть предполагаемо, ибо Полочане дѣйствовали тайно отъ своего князя; такъ же и въ Галичѣ, тамъ же.

тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не былъ улаженъ. Если одного дня было мало, вѣче собиралось на слѣдующій день и такъ далѣе, до окончанія дѣла. Новгородская исторія даетъ примѣры продолжительности вѣчевыхъ собраній по одному и тому же дѣлу— до двухъ недѣль [15]).

Что касается до самаго **порядка** совѣщаній, онъ былъ словесный и совершенно безформенный. Мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній на председателя или руководителя преній. Первый вопросъ вѣчу предлагался, обыкновенно, тѣмъ, кто его созвалъ, — княземъ, или кѣмъ либо изъ народа; за тѣмъ начиналось совѣщаніе самого народа [16]). При этомъ случалось, что говорили лучшіе люди, бояре и старцы, а остальные — слушали въ молчаніи и только подъ конецъ выражали свое одобреніе. Эта передовая роль лучшихъ людей совершенно естественна и могла быть весьма обыкновенна на вѣчевыхъ собраніяхъ, но не была необходимостью. Всѣ люди имѣли одинакое право слова, и говорить самимъ или слушать другихъ— зависѣло исключительно отъ ихъ личнаго такта. Мы имѣемъ указанія, что люди богатые подкупали людей бѣдныхъ — смердовъ, худыхъ мужиковъ, для того, чтобы они своимъ говоромъ и крикомъ на вѣчѣ заглушали рѣчи лучшихъ людей, ихъ противниковъ, и тѣмъ способствовали проведенію ихъ собствен-

[15]) Новгр. I. 1218 г.: вѣча собрались цѣлую недѣлю; Новгр. IV. 1384 г.:—двѣ недѣли.

[16]) Въ Лавр. лѣт. подъ 1147 г. находимъ слѣдующее любопытное описаніе вѣча въ Кіевѣ, созваннаго по желанію князя Изяслава братомъ его, Владиміромъ Мстиславичемъ. «И ѣха Володимеръ къ Митрополиту, повабя Кыяны, и придоша Кыянѣ много множество народа и **сѣдоша** у св. Софьи. И рече Володимеръ къ Митрополиту: «се прислалъ братъ мой два мужа Кыянина, ато молвять **братьѣ** своей». И выступи Добрынка и Радило и рекоста: «цѣловалъ тя братъ, а митрополиту ся поклонялъ, и Лазаря цѣловалъ и Кыяны всѣ». Рекоша Кыяне: «молвита, съ чимъ васъ князь прислалъ». Она же рекоста: «тако молвить князь: цѣловала ко мнѣ крестъ Давыдовича и Святославъ Всеволодичь, ему же азъ много добра створихъ, а нонѣ хотѣли мя убити лестью, но Богъ заступилъ мя и крестъ честный, его же суть ко мнѣ цѣловали. А нынѣ, братья, поидите ко мнѣ къ Чернигову, ти бо суть ни мене единого хотѣли убити, но и васъ искоренити». Кыяне же рекоша: «князь васъ выбить къ Чернигову....., пойти же хочемъ биться за своего князя и съ дѣтьми». Ср. еще Лавр. 1097 г., Ипат. 1147 г., 1148 г., 1178 г.

ныхъ мнѣній [17]. Когда этого требовало дѣло, рѣшеніе вѣча записывалось [18]).

Такъ какъ рѣшеніе вѣча было выраженіемъ воли народной, не подчиненной никакимъ внѣшнимъ формамъ,—то эта безформенность не могла не отразиться ослабляющимъ образомъ на окончательной силѣ самаго рѣшенія. При вѣчевыхъ собраніяхъ, какъ мы видѣли, у насъ не требовалось присутствія извѣстныхъ лицъ и въ извѣстномъ числѣ. Поэтому, составъ вѣча могъ быть очень непостоянный: сегодня могли собраться такія лица, большинство которыхъ, по совершенно случайнымъ причинамъ, вовсе не принимало участія во вчерашнемъ рѣшеніи. Но даже и въ случаѣ равнаго самому себѣ личнаго состава вѣча, твердость его рѣшеній, при отсутствіи формъ, зависѣла исключительно отъ настроенія духа всегда подвижной массы народа. Если это настроеніе мѣнялось, довольно было двухъ-трехъ часовъ, чтобы оно перешло въ новое рѣшеніе, совершенно противоположное старому. Такъ, въ 1273 г. Новгородцы пошли войной на кн. Василія Ярославича, который въ отмщеніе за то, что они призвали къ себѣ на столъ не его, а Димитрія Александровича,

[17]) Въ примѣръ перваго см. Лавр. подъ 987 г.; въ примѣръ втораго Воскр. подъ 1471 г.

[18]) См. Соф. I. 1270 г., Новгр. IV. 1384 г.—Нѣкоторые изъ нашихъ писателей принимаютъ дѣленіе народныхъ собраній на законныя, или правильныя и на незаконныя, или самовольныя. Впервые, если не ошибаемся, мнѣніе это было высказано Неволинымъ, см. полн. собр. его соч., т. VI, стр. 112: законное вѣче созывалось только княземъ и посадникомъ и непремѣнно на дворѣ Ярослава. Это мнѣніе принято И. Чегловымъ, см. Юрид. сбор. Мейера 1855 г., стр. 20. Особенно развито оно у И. Д. Бѣляева. Къ вѣчамъ «неправильнымъ или чрезвычайнымъ», какъ онъ ихъ называетъ, причисляются тѣ, которыя созывались во время борьбы партій: они не имѣли опредѣленнаго мѣста и созывались колокольнымъ звономъ, тогда какъ правильныя бирачами и подвойскими. На правильныхъ вѣчахъ должны были присутствовать посадникъ, тысяцкій и пр. См. Разсказы кн. II, стр. 158 и сл.—Такое дѣленіе совершенно чуждо сознанію разсматриваемой эпохи и не согласно съ существомъ вѣчевыхъ порядковъ: такъ называемыя правильныя вѣча, въ случаѣ раздѣленія партій, переходили въ неправильныя, и наоборотъ. Въ дополненіе къ тому, что уже сказано объ этомъ въ текстѣ, укажемъ еще на Новогородское вѣче въ 1209 г. Оно было созвано во время отсутствія не только князя, но и посадника, а между тѣмъ постановленія его приняты самимъ княземъ. Такимъ образомъ не смотря на нарушеніе почти всѣхъ правилъ законнаго вѣча, которыя мы только что выписали изъ поименованныхъ авторовъ, вѣче 1209 г. сознавалось тѣмъ не менѣе законнымъ.

захватилъ Торжокъ и посадилъ тамъ своего тіуна. Но едва успѣли они дойдти до Торжка, какъ «возмятошася людіе, говоритъ лѣтописецъ, и восхотѣша Василія». Князь Димитрій долженъ былъ отказаться отъ стола, а Василій былъ призванъ. Подобно этому Бѣлгородцы въ 997 году рѣшили сдаться Печенѣгамъ; но является одинъ изъ старцевъ, не бывшихъ на томъ вѣчѣ, проситъ отложить сдачу города на три дня и воспользоваться этимъ временемъ для хитрости, которою онъ думалъ остановить Печенѣговъ; старцы сейчасъ же соглашаются и отступаютъ отъ принятаго ими рѣшенія. — Любопытны тѣ мѣры, къ которымъ вѣче иногда прибѣгало для огражденія неизмѣнности своихъ рѣшеній. Въ 1147 г. Кіевляне, по приглашенію своего князя Изяслава Мстиславича, рѣшаютъ идти на Давыдовичей, которые только-что были уличены Изяславомъ въ измѣнѣ. «И рече единъ человѣкъ, продолжаетъ лѣтописецъ, по князи своемъ ради, идемъ. По первое о семъ промыслимъ: и прежде, при Изяславѣ Ярославичѣ (въ 1067 г.), злые люди вывели Всеслава изъ поруба и поставили себѣ княземъ, и много зла было изъ того нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ, не въ порубѣ, а въ монастырѣ Св. Ѳеодора. Кончимъ прежде съ нимъ, убьемъ его, а потомъ и пойдемъ къ Чернигову». Кіевляне нашли совѣтъ этого человѣка основательнымъ и убили Игоря. — Въ этой необходимости смерти Игоря высказалось опасеніе вѣча, какъ бы въ отсутствіе тѣхъ, которые стояли за Изяслава, не усилилась партія Давыдовичей и въ противность только-что состоявшемуся рѣшенію, оставшіеся въ городѣ Кіевляне не посадили Игоря на Кіевскомъ столѣ. Умѣли же они въ 1067 году найдти себѣ князя въ темницѣ, достать Игоря было легче [19]).

[19]) Новгр. I. 1273 г., Лавр. 997 г., Ипат. 1147 г. Ср. еще Новгр. I. 1259 г. Новгородцы то рѣшаются платить дань Татарамъ, то возстаютъ противъ этой дани; Ипат. 1158 г. и 1175 г.—Ростовцы, Суздальцы и Владимірцы при жизни Юрія цѣлуютъ ему крестъ на меньшихъ сыновьяхъ, а по смерти его призываютъ Андрея, подобно этому Кіевляне, Ипат. 1146 г., цѣлуютъ крестъ Игорю, а вслѣдъ за тѣмъ Изяславу, а Игоря заключаютъ; такой же примѣръ имѣемъ и изъ исторіи Галича, Ипат. 1187 г. — Ср. еще Новгр. I. 1214 г.

Такой порядокъ вещей, естественно, давалъ полную свободу образованію политическихъ партій и полный просторъ ихъ взаимной борьбѣ. Наши политическія партіи группировались обыкновенно около князей и имѣли цѣлью доставить столъ тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго онѣ стояли, что вело: во 1-хъ, къ господству самой партіи, ибо князь раздавалъ мѣста и, конечно, прежде всего одѣлялъ своихъ пріятелей [20]; и во 2-хъ, къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которымъ могла подвергаться эта партія во время господства противной. Лѣтописи даютъ многочисленные примѣры раздѣленія городовъ на княжескія партіи. Но эти свидѣтельства слишкомъ кратки, чтобы на основаніи ихъ можно было составить сколько нибудь обстоятельную исторію древнихъ партій; мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ только съ цѣлью указать на самое ихъ существованіе. — Въ Смоленскѣ въ 1401 г., гдѣ сидѣли тогда намѣстники Витовта, люди раздвоились: одни хотѣли Витовта, а другіе отчича своего (т. е. потомка русскихъ Смоленскихъ князей, на этотъ разъ дѣло шло о Юріѣ Святославичѣ). Когда Юрій Святославичъ приблизился къ городу, дружественная ему партія «не можаху терпѣти насилія отъ поганыхъ Ляховъ предалась ему и отворила ворота». Партію Витовта составляли не одни Ляхи, на его сторонѣ были и бояре смоленскіе. Въ 1404 г. Витовту снова удалось овладѣть Смоленскомъ. Воскресенская лѣтопись, разсказывая это событіе, вовсе не упоминаетъ о литовской партіи въ Смоленскѣ. Лѣтописецъ говоритъ просто: «граждане сдались, не могуще терпѣти глада». Но Новгородская I успѣхъ Витовта прямо приписываетъ содѣйствію его смоленскихъ приверженцевъ: перевѣтницы, говоритъ эта лѣтопись, предали городъ въ руки Витовта, воспользовавшись отъѣздомъ князя Юрія въ Москву. — Въ Ростовской волости партія Ростиславичей, къ которой при-

[20]) Пріятели это именно то слово, которымъ обозначается въ лѣтописяхъ дружественная князю партія. Новгр. I. 1137 г.: Всеволода Мстиславича зовутъ Новгородскіе и Псковскіе мужи, пріятели его; Ипат. 1173 г.: «князь Романъ, уяавъ объ отчей смерти, яви дружинѣ своей и пріятелямъ своимъ Новгородцамъ»; ср. еще Ипат. 1169 г.; для Кіева см. Ипат. 1169 г.; для Владимира на Клязьмѣ: Ипат. 1188 г.; для Полоцка: Ипат. 1159 г.: «бяху пріятеле Ростиславу отъ Полочанъ»....

надлежали почти всѣ бояре, одержавъ побѣду подъ партіей среднихъ и меньшихъ людей, поддерживавшихъ Михалку и брата его Всеволода, и доставивъ своимъ князьямъ столъ, остается ихъ ближайшими совѣтниками. Лѣтописецъ, описывая дорого стоившее Владимірцамъ правленіе Ростиславичей, говоритъ: «Князи были молоды, слушали бояръ, а бояре учили ихъ на многое иманіе». Когда это «многое иманіе» возбудило наконецъ розпь между Владимірцами и князьями, Ростиславичи опять находятъ опору въ той же партіи, которая ихъ призвала. Въ 1176 г. Владимірцы посылаютъ объявить свою обиду Ростовцамъ и Суздальцамъ; но старшіе города, продолжаетъ лѣтописецъ, «словомъ суще по нихъ, а дѣломъ далече суще, а боляре князю тою держахутся крѣпко». То, что Ростиславичи слушали бояръ, объясняетъ, почему боярская партія крѣпко держалась этихъ князей. — Въ Полоцкѣ кн. Ростиславу стоило не малыхъ усилій удержать въ повиновеніи оживившуюся въ 1159 г. партію Всеволода Борисовича: ему удалось достигнуть этого не прежде, какъ одаривъ приверженцевъ Всеволода многими дарами, говоря иначе — подкупомъ. Но и это не надолго: вскорѣ партія Всеволода получила такой перевѣсъ, что Ростиславъ долженъ былъ оставить Полоцкъ. — Въ 1136 г. Новгородцы въ соединеніи съ Псковичами и Ладожанами осудили и изгнали князя своего Всеволода Мстиславича. Въ слѣдующемъ же году пріятели его изъ Новгородцевъ и Псковичей снова посылаютъ къ нему приглашеніе. Но партія Всеволода въ Новгородѣ была слишкомъ слаба, Новгородцы оказали ему рѣшительное сопротивленіе. Всеволоду удалось, однако, утвердиться во Псковѣ, куда бѣжали и тѣ изъ Новгородцевъ, которые хотѣли доставить ему Новгородскій столъ. Это удаленіе вмѣстѣ съ княземъ и пріятелей его, потерпѣвшихъ пораженіе, довольно обыкновенное явленіе. При той суровости, съ которой велась въ древности борьба партій, — удаленіе представлялось нерѣдко единственнымъ средствомъ спасенія отъ преслѣдованій раздраженныхъ противниковъ. — Въ Псковѣ мы встрѣчаемъ даже Нѣмецкую партію. Въ 1240 г., во время войны Пскова съ нѣмцами, эта партія держитъ перевѣтъ къ

Нѣмцамъ и подводитъ ихъ ко Пскову. Псковичи были разбиты, а Твердила Иванковичъ, глава нѣмецкой партіи, «съ нѣмми самъ поча володѣти Псковомъ съ нѣмци, воюя села Новгородскія». Русская партія должна была бѣжать въ Новгородъ съ женами и дѣтьми [21]).

Переходимъ къ предметамъ вѣдомства. Мы уже имѣли случай замѣтить, что наши вѣчевыя собранія возникли до призванія князей и существовали въ то время, когда княжеская власть еще не располагала сколько нибудь значительной самостоятельной силой. Согласно съ этимъ, вѣче, какъ основная форма быта,—вѣдаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ, которые передаются въ исключительное завѣдываніе князей. Къ предметамъ послѣдняго рода относятся: управленіе и судъ. Это раздѣленіе возникло, однако, никакъ не въ силу теоретическаго сознанія его необходимости; оно является какъ необходимое слѣдствіе и характеристическая особенность нашего вѣчеваго быта. До призванія Рюрика Славянскія племена не жили независимой политической жизнію: одни изъ нихъ платили дань Варягамъ, другія—Козарамъ [22]), говоря иначе, они откупались деньгами отъ порабощенія. Первая попытка сѣверныхъ племенъ жить независимо кончилась неудачно. Не прошло 3-хъ лѣтъ съ изгнанія Варяговъ, которымъ они платили дань, какъ внутренняя неурядица—ничѣмъ не умѣряемая борьба партій—принудила ихъ къ призванію князей [23]). Эти первые факты нашей исторіи чрезвычайно характеристичны для древнѣйшаго быта Славянскихъ племенъ. Вѣчевыя собранія существуютъ: Кіевляне думаютъ и рѣшаютъ платить дань Козарамъ; Кривичи и Славяне также думаютъ и

[21]) Воскр. 1501 г., Лавр. 1176 г., Ипат. 1159 г., Новгр. I. 1137 г., Псков. I. 1240 г., Ср. еще любопытныя мѣста для исторіи древнихъ партій: для Галича: Ипат. 1159 г., 1187 г., 1189 г., Густ. 1211 г., 1212 г., Ипат. 1235 г., 1241 г., для Берестья—Ипат, 1289 г.; для Кіева и Вышгорода—Лавр. 1015 г., Ипат. 1146 и 1169 г.: для Чернигова—Ипат, 1160 г.: для Переяславля южнаго—Ипат. 1148 и 1149 г.; для Новгорода: Новгр. I. отъ 1136 до 1142 г., 1230 г., 1232 г., 1340 г., Воскр. 1471 г., 1476 г., Псков. I. 1478 г.; для Торжка—Соф. I. 1386 г.; для Рязани — Суад. 1209 г. — См. И. Д. Бѣляева, Разсказы, к. II.

[22]) Лавр. 859 г.

[23]) См. выше объясненіе мѣста лѣтописи о призваніи Рюрика, глава II, страница 49.

рѣшаютъ изгнать Варяговъ за море. Но этой вѣчевой формы не было достаточно ни для огражденія предѣловъ отъ хищнических набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, ни для внутренняго управленія и суда. Народъ собирается для совѣщаній, но эти собранія не составляютъ сколько нибудь удовлетворительнаго органа для постояннаго дѣйствія: самоуправленіе не въ средствахъ вѣча. Эта особенность нашего древняго быта удержалась и въ періодъ князей; но для правильнаго ея пониманія, необходимо сдѣлать оговорку. Хотя народъ не отправляетъ на вѣчѣ ни суда, ни управленія; но такъ какъ главная сила князя заключается въ народѣ, то, понятно, что онъ не могъ оставаться безъ вліянія на княжескій судъ и управленіе; а при всеобъемлющемъ значеніи вѣча въ нашей древней жизни, это вліяніе переходило иногда и въ непосредственное отправленіе народомъ какъ суда (впрочемъ, только въ чрезвычайныхъ случаяхъ), такъ и нѣкоторыхъ отраслей управленія.

Главнѣйшую дѣятельность вѣча составляетъ призваніе князя. Существованіе права призванія доказывается: во 1-хъ, народнымъ сознаніемъ, которое проявляется въ повторяющихся фактахъ призванія, и во 2-хъ, условіями призванія, изъ которыхъ видно, что призваніе не переносило на князя права распоряженія столомъ послѣ его смерти, что рано или поздно дѣлало необходимымъ новое призваніе.

Говоря о правѣ вѣча призывать князей, мы не хотимъ сказать, что вѣче осуществляло свое право при всякомъ измѣненіи въ распредѣленіи столовъ, что преемство ихъ опредѣлялось исключительно народною волею. Дѣйствительный переходъ столовъ совершался подъ вліяніемъ борьбы весьма разнообразныхъ интересовъ. Право вѣча имѣть князя по собственному призванію не всегда выходило побѣдителемъ изъ этой борьбы; столы не рѣдко занимались князьями не только безъ предварительнаго призванія, но и прямо противъ воли народа въ силу военнаго превосходства князя. Эти случаи насильственнаго занятія столовъ въ виду ясныхъ свидѣтельствъ, указывающихъ на то, что право призванія жило не только въ сознаніи

народа, но и въ сознаніи князей, не отрицаютъ существованія самаго права, они свидѣтельствуютъ только о томъ, что въ дѣйствительности это право должно было иногда уступать болѣе сильному праву войны.

Въ настоящей главѣ мы остановимся только на тѣхъ мѣстахъ нашихъ источниковъ, которыя указываютъ на сознаніе этого права народомъ. Сознаніе же его князьями и тѣ модификаціи, которымъ право призванія подвергалось въ дѣйствительности подъ вліяніемъ междукняжескихъ отношеній,—составятъ предметъ послѣдующихъ главъ [24]).

При равенствѣ всѣхъ слоевъ населенія, при отсутствіи почему бы то ни было выдающихся изъ общаго уровня родовъ, которые могли бы предъявить свои права на безспорное первенство, у насъ не представлялось возможности создать изъ своихъ собственныхъ элементовъ главу сколько нибудь сильной правительственной власти, не возбудивъ непримиримой вражды партій. Призваніе князей изъ внѣ являлось единственнымъ средствомъ установить власть, независимую отъ внутреннихъ партій. Первое извѣстіе о призваніи дошло къ намъ отъ 862 г. Въ этомъ году сѣверныя племена, Славяне, Кривичи и Чюдь, населявшія Новогородскую волость, призвали изъ-за моря Варяговъ — Русь; но трудно утверждать, что для сѣверныхъ племенъ это было дѣйствительно первое призваніе. Въ 859 году они изгнали Варяговъ, которымъ платили дань. Судя потому, что послѣ этого изгнанія Славяне начинаютъ сами собою судиться и управлять, надо думать, что до этого времени Варяги не только брали дань, но и были органами правительственной и судебной власти; иначе послѣ ихъ изгнанія не оказалось бы пустоты именно въ этихъ отрасляхъ общественной дѣятельности. Очень можетъ быть, что эти правители и судьи были нѣкогда также призваны, какъ въ 862 г. призывались Варяги-Русь, а позднѣе — князья Рюриковичи. Было ли призваніе 862 года первымъ или нѣтъ, оно имѣло рѣшительныя послѣдствія для всей Русской земли: оно положило

[24]) См. V и VII главу.

начало особой породѣ людей, которые въ силу своего происхожденія отъ призваннаго князя считались способными къ отправленію высшей судебной и правительственной дѣятельности. Съ этого времени, призванія дѣлаются не изъ-за моря, а изъ среды потомковъ Рюрика, которые образуютъ особое, не смѣшивающееся съ остальнымъ населеніемъ замкнутое и потомственное сословіе князей.

Впрочемъ, прежде чѣмъ родъ Рюрика успѣлъ на столько размножиться, чтобы удовлетворять потребностямъ всей Русской земли, наша древняя исторія представляетъ одинъ такой моментъ, въ который почти всѣ волости были недалеки отъ новаго призванія князей изъ за моря, а нѣкоторыя и дѣйствительно къ нему прибѣгли. Это случилось около ста лѣтъ спустя послѣ призванія Рюрика. Какъ Олегъ предпочелъ Кіевъ Новгороду, такъ Святославъ Игоревичъ предпочелъ Кіеву Переяславль на Дунаѣ, и Русская земля при внукѣ Рюрика снова осталась безъ князя: некому было ни предводительствовать на войнѣ, ни судъ вѣдать. Кіевляне, осаждаемые Печенѣгами, шлютъ пословъ къ Святославу съ просьбой возвратиться въ свою отчину. Святославъ возвратился, прогналъ Печенѣговъ, но не могъ навсегда остаться въ Кіевѣ: онъ снова уѣхалъ въ Переяславль, посадивъ въ Кіевѣ сына своего Ярополка. Кіевляне были такимъ образомъ удовлетворены. Но Новгородцы, давно оставленные призванными князьями и управлявшіеся ихъ посадниками, снова захотѣли имѣть своего особаго князя. Ихъ послы застали еще Святослава въ Кіевѣ. Въ рѣчи ихъ этому князю слышится рѣшительное намѣреніе призвать князя изъ другаго рода, если къ нимъ не пойдутъ ни Святославъ, ни дѣти его: «аще не поидете къ намъ, говорятъ послы, то налѣземъ князя собѣ» [25]). Около того же времени дѣйствительно встрѣчаемъ въ Полоцкой волости, гдѣ нѣкогда сидѣли мужи Рюрика, князей не его рода: въ Полоцкѣ сидѣлъ Рогволодъ, а въ Туровѣ—Туръ, оба они пришли изъ-за моря, какъ объясняетъ лѣтописецъ [26]).

[25]) Лавр. 968 г., 970 г. [26]) Лавр. 980 г.

Мы не будемъ приводить здѣсь всѣхъ случаевъ призванія, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ; ограничимся только нѣкоторыми изъ нихъ, особенно характеристичными [27]. Народъ осуществляетъ свое право призванія не смотря ни на взаимныя соглашенія князей, установляющихъ между собой тотъ или другой порядокъ преемства волостей, ни на ихъ частныя распоряженія. Въ 1113 году, по смерти Святополка Изяславича, Кіевляне зовутъ къ себѣ Владиміра Мономаха. Не смотря на то, что это призваніе прямо противорѣчило постановленію князей на Любецкомъ съѣздѣ 1097 г., на которомъ присутствовалъ и самъ Мономахъ, — онъ послѣдовалъ ему и такимъ образомъ нарушилъ какъ тотъ порядокъ, въ установленіи котораго принималъ самъ не малое участіе, такъ и клятву, которою онъ былъ скрѣпленъ: «да будетъ, клялись князья, на нарушителя крестъ честный и вся земля Русская». Такъ въ силу народнаго призванія было отмѣнено постановленіе Любецкаго съѣзда, самаго полнаго изъ всѣхъ княжескихъ съѣздовъ: на немъ присутствовали всѣ князья, за исключеніемъ одного только Всеслава Брячиславича [28]. — Юрій Владиміровичъ, желая передать по смерти свой столъ въ Ростовѣ, Суздалѣ и Владимірѣ — меньшимъ сыновьямъ, помимо старшихъ, еще при жизни своей получилъ на это согласіе жителей Ростовской волости и закрѣпилъ его крестнымъ цѣлованіемъ. По смерти Юрія, воля его не была исполнена. Это отступленіе отъ крест-

[27]) Въ дополненіе къ тѣмъ случаямъ призванія, которые приведены въ I главѣ, ср. еще: для Кіева: Лавр. 1067 г., 1068 г., Ипат. 1113 г., Лавр. 1132 г., Ипат. 1146 г. 1154 г., 1158 г., 1169 г.; для Васильевцевъ и Бѣлгородцевъ—Лавр. 1146 г.: «пойди ты нашъ князь, говорятъ они Изяславу, а Ольговичь не хощемъ». Сознаніе народомъ права призванія хорошо высказалось въ похвалѣ лѣтописца князю Мстиславу Ростиславичу: «не бѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его не х о т я ш е т ь....» Ипат. 1170 г. Когда татарское завоеваніе положило конецъ праву народа призывать князей, воспоминаніе о немъ жило еще долго въ формѣ посаженія на княжескій столъ. Подъ 1252 годомъ въ Лавр. лѣт. читаемъ: «приде Александръ князь Великій изъ Татаръ (гдѣ онъ получилъ великое княженіе) въ градъ Володимеръ; и усрѣтоша й со кресты у золотыхъ воротъ Митрополитъ и вси игумени и граждане, и п о с а д и ш а й на столѣ отца его Ярослава.... и бысть радость велика въ градѣ Володимери и во всей земли Суздальской».

[28]) Ипат. 1113 г. Еще не было Володаря Ростиславича; но былъ братъ его Василько, и судя потому, что оба Ростиславича получили волости, надо думать, что Василько представлялъ своего брата.

наго цѣлованія лѣтописецъ старается смягчить великими достоинствами Андрея: «томъ же лѣтѣ, разсказываетъ онъ, сдумавши Ростовци, и Суздальци и Володимерци вси, пояша Андрея сына Юрьева старѣйшаго и посадиша й на отчѣ столѣ, Ростовѣ, и Суздали, и Володимири: за не бѣ прелюбимъ всѣми за премногую его добродѣтель, юже имѣяше прежде къ Богу и всѣмъ сущимъ подъ нимъ». Андрей не только послѣдовалъ на призывъ, несогласный съ волею его отца, но и изгналъ своихъ меньшихъ братьевъ изъ Ростовской волости. — Подобные примѣры встрѣчаемъ и въ другихъ волостяхъ. Ярославъ Галицкій, чувствуя приближеніе смерти, созываетъ мужей своихъ и всю Галицкую землю, призываетъ также всѣ соборы и монастыри и нищихъ и сильныхъ и худыхъ; проситъ прощенія въ грѣхахъ и раздастъ свое имѣніе—монастырямъ и бѣднымъ. За тѣмъ приказываетъ Галичъ своему меньшему сыну, Олегу Настасьичу, а Владиміру — Перемышль; съ этимъ распоряженіемъ Ярослава соглашаются и мужи Галицкіе, которыхъ онъ приводитъ ко кресту. Но едва умеръ Ярославъ «бысть мятежъ великъ въ Галицкой землѣ, разсказываетъ лѣтописецъ, мужи Галицкіе, сдумавше съ Владиміромъ, преступили крестное цѣлованіе, выгнали Олега и посадили Володимера на столѣ Галицкомъ». Подобно этому Смольняне въ 1175 г. изгоняютъ Ярополка Романовича, посаженнаго у нихъ отцемъ его, Романомъ, при переходѣ послѣдняго на Кіевскій столъ, и призываютъ дядю Ярополка, Мстислава Ростиславича [29].

Изъ краткихъ и къ сожалѣнію очень немногочисленныхъ отрывковъ, сохраненныхъ лѣтописями отъ тѣхъ условій, которыя заключались между вѣчемъ и призваннымъ княземъ, слѣдуетъ, что призваніе, обыкновенно, было временное, но безъ установленія опредѣленнаго срока, по истеченіи котораго оно теряло бы свою силу. На этотъ временный, хотя и не срочный характеръ призванія указываютъ тѣ пункты условій, въ силу кото-

[29] Ипат. 1158 г., 1187 г., 1174 и 1175 г. Ср. еще подобный же примѣръ Ипат. 1289 г.: Берестьяне по мимо завѣщанія Владиміра Васильковича зовутъ къ себѣ Юрія Львовича.

рыхъ князь получалъ извѣстный столъ «до своего живота», или даже «и съ дѣтьми». Если передачу стола пожизненно или съ потомками надо было особенно оговорить, то понятно, что она не разумѣлась сама собой — въ призваніи, сдѣланномъ просто, безъ подобной оговорки. Такъ Ростиславу Мстиславичу Кіевскому удалось утвердить въ Новгородѣ своего сына, Святослава, на условіи пожизненнаго княженія. Новгородцы цѣловали ему крестъ на томъ «яко же имъ имѣти сына его собѣ княземъ, а иного князя не искати, оли ся съ нимъ смертію разлучити». Подобно этому въ 1154 г. Кіевляне передаютъ Ростиславу Кіевъ «до его живота». Въ 1146 г. Кіевляне, призывая Изяслава Мстиславича и преступая такимъ образомъ крестное цѣлованіе Всеволоду Ольговичу, которому они обѣщали посадить въ Кіевѣ, послѣ его смерти, брата его, Игоря, такъ мотивируютъ это нарушеніе клятвы: «не хощемъ быти, аки въ задничи». Такимъ образомъ, переходъ княжескихъ столовъ въ томъ порядкѣ, въ которомъ шло наслѣдованіе частной собственности отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату, — не только не былъ обыкновеннымъ порядкомъ преемства столовъ, но въ сознаніи народа представлялся чѣмъ-то неумѣстнымъ и оскорбительнымъ. Приверженцы Изяслава Мстиславича отклоняютъ народъ отъ вѣрности слову, данному Всеволоду, намекомъ на то, что признавъ Игоря, они переходятъ къ нему какъ бы по наслѣдству отъ Всеволода. — Утвержденіе князя на извѣстномъ столѣ вмѣстѣ съ его потомствомъ нуждается въ особомъ признаніи со стороны народа. Образчикъ такого признанія сохранился намъ изъ Владиміра на Клязьмѣ. По смерти Михаила Юрьевича, Владимірцы призываютъ къ себѣ брата его Всеволода и цѣлуютъ къ нему крестъ «и на дѣтяхъ его» [30]). Для правильнаго пониманія этого послѣдняго условія необходимо сказать въ его поясненіе нѣсколько словъ. Цѣлуя крестъ Всеволоду и на дѣтяхъ его, Владимірцы не отказываются отъ своего права призванія, они только ограничиваютъ его нисходящими потомками Всеволода, т. е. они обѣщаютъ

[30]) Ипат. 1161 и 1168 г., 1154 г., 1146 г., 1177 г.

Всеволоду не призывать къ себѣ князей изъ другихъ линій, помимо линій его сыновей. Согласно съ этимъ объясненіемъ, какъ самъ Всеволодъ, назначая себѣ преемника, такъ и сыновья его, получая отъ отца тотъ или другой столъ, входятъ всякій разъ въ новое соглашеніе съ народомъ, и скрѣпляютъ это соглашеніе новымъ крестнымъ цѣлованіемъ[30*]. Толкованіе въ смыслѣ противоположномъ, т. е. что Владимірцы отказываются отъ выбора между потомками Всеволода, признавая ихъ своими наслѣдственными князьями, уже и потому невозможно, что между князьями, какъ увидимъ далѣе, еще не выработался въ это время какой либо опредѣленный порядокъ преемства столовъ, а потому, естественно, Владимірцы и не могли обѣщать того, чего въ юридическомъ сознаніи эпохи вовсе не существовало. — Примѣры исключительныхъ отношеній извѣстной волости къ какой либо одной вѣтви Рюрикова рода, подобныхъ тѣмъ, которыя въ только-что приведенномъ случаѣ Владимірцы установили съ домомъ Всеволода Юрьевича, встрѣчаются и въ другихъ волостяхъ. Такъ Кіевляне питаютъ особенную любовь къ потомству своего избранника Владиміра Мономаха: ихъ выборъ по преимуществу падаетъ на князей его рода: они отказываются воевать противъ нихъ. Переяславцы дѣлаютъ особое предпочтеніе одному изъ сыновей Мономаха, Юрію, и его нисходящимъ. Любимцами Черниговцевъ являются Ольговичи. — Лѣтописныя свидѣтельства далеко не исчерпываютъ всѣхъ дѣйствительныхъ случаевъ призванія. Это видно, между прочимъ, изъ того, что нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ просто о переходѣ стола отъ князя къ князю, тогда какъ другія въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ разсказываютъ о народномъ призваніи. Образчикъ такого умолчанія о совершившемся призваніи представляетъ Ипат. лѣт. подъ 1133 г. «Преставися благовѣрный князь Мстиславъ, сынъ Володимерь, разсказываетъ она, оставивъ княженіе брату своему Ярополку». То же самое событіе

[30*]) См. напр., Воскр. лѣт. 1211 г. передачу Всеволодомъ Юрьевичемъ Владимірскаго стола сыну Юрію, и Суздальск. лѣт. 1213 г.— обращеніе Ярослава Всеволодовича къ Переяславцамъ, съ цѣлью узнать, хотятъ ли они имѣть его своимъ княземъ

Лавр. лѣт. подъ 1132 г. передаетъ такъ: «Преставися Мстиславъ, сынъ Володимерь, и сѣде по немъ братъ его Ярополкъ: людіе бо Кіяне послаша по нь»[31]. Съ перваго взгляда эти извѣстія противорѣчать одно другому: по первому Кіевскій столъ достался Ярополку по назначенію отъ брата, по второму онъ получилъ его въ силу народнаго призванія. Но это противорѣчіе легко примиряется: переходъ Кіевскаго стола къ Ярополку былъ результатомъ совпаденія воли народа съ волею умершаго князя, который высказался въ пользу Ярополка, надѣясь пріобрѣсти въ немъ покровителя и союзника своимъ дѣтямъ. — Лѣтописецъ, по большей части, вноситъ на страницы своей лѣтописи только такіе случаи призванія, которые почему либо обратили на себя его особое вниманіе. Въ менѣе же выдающихся, къ которымъ надо отнести всѣ случаи соглашенія народа на переходъ стола къ сыну или брату того князя, который занимаетъ его, гдѣ призваніе совпадаетъ съ волею умершаго князя, онъ упоминаетъ только о перемѣнѣ князей, вовсе не указывая основаній, на которыхъ она совершилась. Такъ напр., послѣ извѣстія о смерти Владиміра Мономаха и похвалы этому князю, лѣтописецъ продолжаетъ такъ: «И сѣде Кіевѣ Мстиславъ, сынъ его старѣйшій»[32]. А на какомъ основаніи занялъ Мстиславъ столъ отца своего, объ этомъ ни слова. Что этого хотѣлъ отецъ его, Владиміръ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но также нельзя сомнѣваться и въ томъ, что этого хотѣли и сами Кіевляне; ибо, если бы Владиміръ передалъ свой столъ старшему сыну, Мстиславу,—противъ ихъ воли, дѣйствіемъ насилія, не было бы возможности понять той любви, которую Кіевляне питали какъ къ самому Владиміру Мономаху, такъ и ко всему его роду. Въ волостяхъ, которыя ограничили свое право призванія какой либо одной линіей Рюрикова рода, особенно любимой, предварительныя соглашенія между народомъ и княземъ о преемникѣ послѣднему, на случай его смерти, должны быть весьма обыкновенны; но они встрѣчаются

[31]) Съ Лавр. согласна и Ник. подъ 1132 г.
[32]) Лавр. 1125 г., также и Ипат. 1126 г.

и безъ этого условія.—Дошедшія до насъ извѣстія о крестныхъ цѣлованіяхъ, къ которымъ князья приводили народъ, чтобы укрѣпить за сыномъ или братомъ тотъ столъ, который они занимаютъ сами, именно указываютъ на существованіе такихъ соглашеній. Такъ напр., Всеволодъ Юрьевичъ въ 1211 г. привелъ ко кресту всѣхъ Владимірцевъ на меньшемъ своемъ сынѣ Юріѣ, помимо старшаго Константина. Хотя лѣтописецъ и не говоритъ, что крестному цѣлованію предшествовали переговоры и соглашеніе, но ихъ необходимо предполагать. Что народъ дѣйствительно желалъ имѣть Юрія своимъ княземъ, видно изъ той поддержки, которую Владимірцы оказали ему въ возгорѣвшейся вскорѣ за тѣмъ борьбѣ Юрія съ старшимъ братомъ, Константиномъ. Болѣе полное описаніе подобныхъ соглашеній даетъ то извѣстіе, которое мы имѣемъ о передачѣ Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевской волости брату его, Игорю. Чувствуя приближеніе смерти, Всеволодъ призываетъ Кіевлянъ и говоритъ имъ: «азъ есмь велми боленъ, а вотъ вамъ братъ мой, Игорь, имитесь по нь. Они же рекоша: княже! ради, ся имемъ». За этимъ соглашеніемъ послѣдовало крестное цѣлованіе [33]).

Итакъ, подъ призваніемъ надо разумѣть призваніе на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ соблюдаются условія призванія, или, какъ увидимъ изъ слѣдующей главы, пока господствуетъ единеніе между народомъ и княземъ. Рядомъ съ временнымъ встрѣчается и пожизненное призваніе; но пожизненный характеръ призванія не разумѣется самъ собой, онъ долженъ быть именно установленъ условіями призванія. Признаніе того или другаго князя наслѣдственнымъ неизвѣстно древней Россіи; но встрѣчаются случаи добровольнаго ограниченія права призванія только одной какой либо отраслью потомковъ Рюрика. Соглашеніе народа съ княземъ о его преемникѣ, есть тоже призваніе, но состоявшееся подъ вліяніемъ особаго расположенія къ прежнему князю.

[33]) Воскр. 1211 г., Ипат. 1146 г. См. еще случаи крестнаго цѣлованія—Сузд. 1175 г., Ипат. 1187 г.

Изъ временнаго, но не срочнаго характера призванія, слѣдуетъ, что новое призваніе можетъ состояться еще во время присутствія въ городѣ прежде призваннаго князя, по отношенію къ которому оно получаетъ значеніе—смѣны или изгнанія. Случаи такихъ призваній встрѣчаются не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, Галичѣ, Полоцкѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и другихъ волостяхъ [34]).

Вѣче не только постановляетъ рѣшеніе о призваніи, но и принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для его осуществленія: помогаетъ призванному князю войдти въ городъ, затворяется въ городѣ отъ его противниковъ и пр. Такимъ образомъ, по отношенію къ призванію вѣчу принадлежитъ какъ самое постановленіе, такъ и приведеніе его въ исполненіе.

Въ самой тѣсной и необходимой связи съ призваніемъ князя стоитъ законодательная дѣятельность вѣча. Призваніе установляетъ извѣстную форму государственнаго устройства, а потому въ сущности оно есть ничто иное, какъ законодательный актъ. Призваніе безусловное, безъ опредѣленія правъ и обязанностей призываемаго князя не мыслимо. И дѣйствительно, наши источники сохранили свидѣтельства объ условіяхъ, которыя заключались между народомъ и призываемымъ княземъ.

Законодательная дѣятельность вѣча, составляя такимъ образомъ необходимое дополненіе къ праву призванія, не ограничивается, однако, одними дѣйствительными случаями призванія. Мы встрѣчаемъ случаи договоровъ не только съ призванными князьями, но и такими, которые завладѣли столомъ въ силу военной удачи [35]). Это и понятно. Княжескія войны изъ-за обладанія волостями велись, какъ увидимъ далѣе, не столько противъ народа, сколько противъ князя. Побѣдитель далеко не всегда являлся завоевателемъ. Устранивъ своего личнаго противника, онъ нерѣдко встрѣчался съ народомъ, который

[34]) См. напр., для Кіева. Лавр. 1067 г., Ипат. 1146 г., для Галича: Ипат. 1159 и 1235 г., для Полоцка и Друцка: Ипат. 1159 г.; для Владиміра на Клязьмѣ: Лавр. 1176 г., для Рязани: Сузд. 1209 г., допол. изъ Воскр. 1208 г.

[35]) См. напр., для Владиміра на Клязьмѣ: Сузд. 1175 г.; для Ростова и Суздаля: Лавр. 1176 г.; для Полоцка: Ипат. 1107 г.; для Галича: Густ. 1199 г.

принималъ его охотно, или, по крайней мѣрѣ, безъ прямаго сопротивленія. Заключить съ нимъ рядъ о порядкѣ управленія представлялось необходимымъ средствомъ, чтобы укрѣпить его за собой. Безъ этого соглашенія, народъ имѣлъ бы однимъ и чрезвычайно важнымъ поводомъ больше — къ неудовольствію, къ образованію партіи враждебной князю, а наконецъ, и къ призванію новаго князя, болѣе удовлетворяющаго народнымъ желаніямъ.

Для условій, которыя заключались между народомъ и княземъ, въ древней Россіи было весьма употребительно названіе—ряда или поряда (отъ рядиться). Такъ въ 1169 г. Мстиславъ Изяславичъ, призванный Кіевлянами, заключаетъ съ ними рядъ; то же самое повторяетъ онъ и при вторичномъ занятіи Кіева въ 1172 г.—Суздал. лѣт. разсказываетъ, что Владимірцы Сѣвер. посадили у себя на столѣ кн. Ярополка «въ Святой Богородицѣ весь порядъ положивше» [36]). Изъ этихъ словъ видно, что рядъ Ярополка съ Владимірцами былъ записанъ и для храненія положенъ въ церковь Св. Богородицы. Рядъ съ княземъ есть отдѣльный отъ призванія актъ и по времени слѣдуетъ за нимъ. Мы находимъ очень любопытное указаніе на это подъ 1154 г. По смерти Изяслава Мстиславича, занимавшаго Кіевскій столъ вмѣстѣ съ дядею своимъ Вячеславомъ, Кіевляне призываютъ Ростислава и признаютъ его своимъ княземъ — «до живота его» на томъ условіи, чтобы онъ честилъ Вячеслава также, какъ это дѣлалъ его братъ, Изяславъ. Во время похода Ростислава на Глѣба Юрьевича, немедленно послѣдовавшаго за призваніемъ, Вячеславъ умираетъ; похоронивъ его, Ростиславъ снова возвращается къ полкамъ своимъ, чтобы продолжать движеніе къ Чернигову. «Мужи же, говоритъ лѣтописецъ, бороняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: се Богъ поялъ строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще съ людьми въ Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпле въ Кіевъ, таже съ людьми утвер-

[36]) Ипат. 1169 г.: «Възма рядъ съ братьею и съ дружиною и съ Кіяны.... Ипат. 1172 г.: «и вшедъ въ Кіевъ яземъ ряды съ братьею съ Ярославомъ и Володимеромъ Мстиславичемъ, съ Галичаны, и съ Всеволодковичемъ и Святополкомъ Юрьевичемъ, и съ Кіяны».... Сузд. 1175 г.

дися; да аче стрый придетъ на тя Дюрги, по не ты ся съ людми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися,—паки ли, а рать зачнеши съ нимъ». Что это за «утвержденіе съ людьми въ Кіевѣ», которое такъ необходимо Ростиславу? Здѣсь нельзя разумѣть — призванія въ собственномъ смыслѣ этого слова, ибо Ростиславъ уже призванъ и получилъ Кіевъ до живота своего. Подъ утвержденіемъ съ людьми въ Кіевѣ можно разумѣть только подробный рядъ съ Кіевлянами, заключить который сейчасъ же по призваніи Ростиславъ не имѣлъ времени, ибо долженъ былъ немедленно выступить въ походъ противъ Глѣба Юрьевича; по смерти же Вячеслава, когда Ростиславъ остался однимъ княземъ Кіевскимъ, необходимость въ такомъ рядѣ должна была особенно почувствоваться[37]). Рядъ, опредѣлявшій права и обязанности князя, — скрѣплялся крестнымъ цѣлованіемъ какъ князя, такъ и народа. Крестныя цѣлованія князя и народа не непремѣнно совпадали въ одномъ моментѣ, они могли слѣдовать одно за другимъ. Образчикъ такихъ послѣдовательныхъ крестныхъ цѣлованій встрѣчаемъ подъ 1146 г. Кіевляне по соглашенію съ Всеволодомъ Ольговичемъ признаютъ своимъ княземъ брата его, Игоря, и еще при жизни перваго цѣлуютъ Игорю крестъ, говоря: «ты намъ князь!» По смерти Всеволода, Игорь дѣйствительно вступаетъ на Кіевскій столъ, при чемъ рядится съ Кіевлянами и «цѣлуетъ къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ».—Впрочемъ, такія подробныя описанія порядка, которымъ происходило занятіе стола, ряда съ народомъ и крестныхъ цѣлованій, образчикъ которыхъ мы встрѣчаемъ подъ 1146 годомъ, составляютъ у насъ исключеніе; по большей части лѣтописецъ ограничивается краткимъ указаніемъ на одно какое либо изъ описанныхъ здѣсь дѣйствій. Въ 1167 г. Володарь Городенскій, разбивъ Всеслава Полоцкаго, занимаетъ Полоцкій столъ. Вся юридическая сторона перемѣны князя въ Полоцкѣ передана лѣтописцемъ въ одной фразѣ: «и цѣлова крестъ съ Полочаны». Онъ указываетъ только на одинъ послѣдній актъ—крестное цѣлованіе народа къ князю и князя

[37]) Ипат. 1154 г.

къ народу, вовсе не упоминая о рядѣ; хотя не можетъ подлежать сомнѣнію, что рядъ былъ, иначе не могло бы имѣть мѣста и крестное цѣлованіе, ибо оно только скрѣпляетъ состоявшійся договоръ. Также коротко упоминаетъ Лавр. лѣт. о рядѣ Михалки съ Ростовцами и Суздальцами, послѣ его побѣды надъ Ростиславичами въ 1176 году: «Михалко же ѣха въ Суздаль, и изъ Суздаля Ростову, и створи людямъ весь нарядъ, утвердився крестнымъ цѣлованіемъ съ ними....» [38]). Не смотря на всю краткость подобныхъ извѣстій, они тѣмъ не менѣе драгоцѣнны поясняемыя болѣе подробными, они необходимы для полноты картины нашего древняго быта.

Къ сожалѣнію, къ намъ не дошло ни одного текста древнѣйшихъ договоровъ народа съ князьями. Самые древніе изъ сохранившихся относятся ко второй половинѣ XIII вѣка и всѣ принадлежатъ одному Новгороду. Этими позднѣйшими договорами можно пользоваться не иначе, какъ съ большею осторожностью для возстановленія содержанія болѣе древнихъ: они относятся къ такому времени Новгородской исторіи, въ которое первоначальныя отношенія Новгорода къ князьямъ значительно измѣнились. Для примѣра мы укажемъ на одно изъ постановленій этихъ договоровъ, происхожденіе котораго ни какъ нельзя относить къ очень глубокой древности. По Новгородскимъ грамотамъ XIII в., право князя вѣдать судъ подлежало ограниченію, онъ не могъ судить безъ посадника. Въ древности это ограниченіе было невозможно: посадникъ назначался княземъ и, слѣдовательно, судъ посадника былъ княжій судъ. Сохраненные лѣтописцемъ мотивы призванія Рюрика подтверждаютъ это заключеніе. Въ 862 году дѣло скорѣе шло о томъ, чтобы избавиться отъ своихъ домашнихъ судей, чѣмъ о доставленіи имъ участія въ княжескомъ судѣ: «поищемъ себѣ князя, рѣшили Славяне и Кривичи, иже бы судилъ нами по праву». Изъ Кіевской исторіи имѣемъ свидѣтельство, также указывающее на

[38] Ипат. 1146 и 1167 г. Сюда же относится и то извѣстіе, которое мы имѣемъ о Галичѣ отъ 1199 г.: Романъ, добывъ себѣ Галичъ силою, при помощи Ляшки, цѣлуетъ крестъ Галичанамъ «любить ихъ и не обидѣть».

то, что князь вѣдалъ судъ безъ участія какихъ либо народомъ избранныхъ судей. Въ 1146 г. Кіевляне, договариваясь съ Игоремъ, котораго они признали своимъ княземъ, обвиняютъ судей, поставленныхъ его предшественникомъ, и просятъ, чтобы новый князь самъ судилъ, кому изъ нихъ будетъ обида [39]. Такимъ образомъ, по этому отрывку, сохраненному лѣтописцемъ изъ договора первой половины XII в., гарантія праваго суда не въ выборныхъ отъ народа, а въ независимомъ положеніи князя, по отношенію къ которому судъ является не столько правомъ, сколько обязанностью: онъ долженъ самъ судить.

Третью отрасль дѣятельности вѣча составляетъ рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ. Существованіе этого права доказывается весьма многочисленными свидѣтельствами лѣтописей, изъ которыхъ слѣдуетъ: во 1-хъ, что народъ самъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ и требуетъ того или другаго отъ князя; во 2-хъ, что князь, для того, чтобы вести войну силами цѣлой волости, долженъ былъ получить согласіе вѣча, а въ противномъ случаѣ, ему предстояло или заключить миръ, или вести войну на собственный страхъ, съ помощью однихъ охотниковъ [40].

Мы приведемъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда свидѣтельствъ. Въ 1015 г. Ярославъ Владиміровичъ, узнавъ о намѣреніи Святополка избить всю свою братію, собираетъ Новгородцевъ, выражаетъ на вѣчѣ свое раскаяніе по поводу того, что мстилъ имъ за избіеніе Варяговъ, и проситъ помочь ему на Святополка. «И рѣша Новгородцы: аще, княже, братья наши исѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти». Въ 1067 году Кіевляне требуютъ отъ своего князя Изяслава, чтобы онъ еще разъ выступилъ противъ Печенѣговъ. Когда онъ отказался, они осво-

[39]) Ипат. 1146 г.: «И почаша Кіяне вину складывати на тіуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другаго тіуна Вышегородскаго, на Тудора, рекуче: Ратьша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ, а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ крестъ и съ братомъ своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави».

[40]) Позднѣйшая исторія Новгорода представляетъ и въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытное отступленіе. Князья обязывались не замышлять войны безъ Новгородскаго слова. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 8. Это условіе надо понимать такъ: князь не имѣлъ права начать войны и съ помощію Новгородскихъ охотниковъ, если этого не хотѣлъ Новгородъ.

бодили плѣнника его, Полоцкаго князя Всеслава, и посадили у себя на столѣ, а Изяславъ долженъ былъ бѣжать[41]). Въ 1147 г., Кіевляне на приглашеніе князя своего, Изяслава Мстиславича, идти войною къ Суздалю на Юрія и его союзниковъ отвѣчаютъ отказомъ: «не можемъ на Владимірово племя руки поднять....». Въ 1149 г. во время приближенія Юрія къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ Изяславъ, Кіевляне говорятъ послѣднему: «мирися княже, мы не идемъ....» [42]). Въ 1175 г. Владимірцы на Клязьмѣ, не имѣя силъ долѣе отстаивать призваннаго ими князя Михалку противъ Ростовцевъ и Суздальцевъ, говорятъ своему князю: «мирись или промышляй о себѣ!» Михалко выѣхалъ изъ Владиміра. — Нѣсколько позднѣе, въ новой войнѣ Ростовцевъ съ Владимірцами 1177 г., когда князь послѣднихъ, Всеволодъ, вступилъ въ переговоры о мирѣ съ Мстиславомъ Ростиславичемъ, призваннымъ старыми городами, Ростовцы и бояре такою рѣчью остановили своего князя отъ заключенія мира: «аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы». Въ 1186 году Полочане, узнавъ о походѣ на нихъ Новгородцевъ и Смольнянъ, рѣшаютъ не оказывать имъ вооруженнаго сопротивленія, а поспѣшить заключеніемъ мира. Подъ 1178 г. въ Ипат. лѣт. находимъ весьма полный образчикъ переговоровъ, которые происходили обыкновенно между княземъ и народомъ по поводу войны. Мстиславъ, Новгородскій князь, задумавъ походъ на Чюдь, созываетъ мужей Новгородскихъ и говоритъ имъ: «братіе! се обидятъ ны поганые; а быхомъ, узрѣвше на Богъ и на Святой Богородицы помочь, помстили себе, и освободили быхомъ Новгородскую землю отъ поганыхъ». И бысть люба рѣчь его всѣмъ мужамъ Новгородскимъ, и рекоша ему: «княже! аще се Богови любо и тобѣ, а се мы готовы есмы». И совокупивъ Мстиславъ воѣ Новгородскіѣ и счтовъ ѣ, и обрѣте въ нихъ 20 тысячъ числомъ. И тако пойде Мстиславъ на Чюдскую землю...» [43]).

[41]) Лавр. 1015 и 1067 г. [42]) Ипат. 1147 и 1149 г.

[43]) Сузд. 1175 г.; Лавр. 1177 г.; Воскр. 1186 г.; ср. еще для Бѣлгорода — Лавр. 997 г.; для Рязани и Мурома — Лавр. 1096 г.; для Чернигова — Лавр. 1138 г.: для Кіева—Ипат. 1151 г.; для Смоленска—Ипат. 1185 г.; для Пронска—Сузд. 1208 г.; для Владиміра на Клязьмѣ—Воскр. 1216 г.; для Далоги—Новгр. 1. 1228 г ; для Козельска—

Этими тремя предметами, призваніемъ князя, законодательствомъ и рѣшеніемъ вопроса о войнѣ и мирѣ, почти исчерпывается вся дѣятельность вѣча; управленіе и судъ не принадлежали ему. За исключеніемъ князя вѣче не назначало никакихъ чиновниковъ. На князя переносились безъ исключенія всѣ заботы объ управленіи, ему принадлежало право предводительствовать на войнѣ и назначать всѣхъ должностныхъ лицъ: посадниковъ, тысяцкихъ, тіуновъ и пр. Только въ Новгородѣ и Псковѣ встрѣчаемся съ правомъ вѣча назначать помимо князя еще двухъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ, посадника и тысяцкаго. Но это право не можетъ быть относимо къ числу первоначальныхъ правъ вѣча; оно сложилось не ранѣе второй половины XII в. [44]) и составляетъ особенность Новгородской волости, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что въ княжескій періодъ Новгородцы сдѣлали шагъ впередъ на пути развитія своего мѣстнаго самоуправленія.

Вѣче не управляетъ; но такъ какъ на вѣчѣ собирается тотъ же народъ, который составляетъ и главную военную силу князя, сознаніе же необходимости строгой военной дисциплины и единства команды—были совершенно чужды разбираемой нами эпохѣ,—то мы встрѣчаемся съ весьма оригинальнымъ, но совершенно соотвѣтствующимъ духу времени исключеніемъ изъ этого общаго правила. Народъ не только рѣшаетъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, но онъ нерѣдко участвуетъ и въ самыхъ распоряженіяхъ ходомъ военныхъ дѣйствій, опредѣляетъ напр. мѣсто битвы, моментъ нападенія и под. Такъ, во время похода Ярослава на Святополка, Новгородцы, возбуждаемые укоризнами воеводы послѣдняго, говорятъ своему князю: «заутра перевеземся на не....». Ярославъ такъ и сдѣлалъ. Во время похода Владиміра на Грековъ, «рекоша Русь Володимеру: станемъ

Ипат. 1273 г.: для Твери—Воскр. 1293 г.: для Москвы—Воскр. 1382 г.;—эти мѣста частью уже были приведены въ I главѣ, куда мы и отсылаемъ читателя.

[44]) Въ первой половинѣ XII в. мы еще встрѣчаемъ—одинъ подлѣ другаго — два способа назначенія посадника—то княземъ, то вѣчемъ. Новг. 1120 г.: «приде Борисъ посадничать въ Новгородъ», по Ник.—изъ Кіева; 1126 г.: «даша (т. е. Новгородцы) посадничество Мирославу Гюрятиничю»; 1129 г.: «Выиде изъ Кіева Даніилъ посадницать Новугороду»; 1139 г.: «а Петрилу даша посадничество въ Новѣгородѣ».

здѣ на поли, а Варяги рекоша: пойдемъ въ лодіяхъ подъ градъ. И послуша Владиміръ Варягъ....». Въ 1093 г., во время похода Святополка, Владиміра и Ростислава на Половцевъ, Владиміръ хотѣлъ, воспользовавшись удобною позиціею на берегу Стугны, заключить съ Половцами выгодный миръ, не вступая въ битву. На его сторонѣ было много мудрыхъ мужей, между ними и Янъ. Но Кіевляне не восхотѣли, они были въ пользу сраженія: «хочемъ ся бити, говорили они, поступимъ на ону сторону рѣки». Ихъ совѣтъ превозмогъ, и Половцы побѣдили.—Въ 1150 году, во время войны Юрія съ Изяславомъ, Черные Клобуки такъ говорили Изяславу: «Княже! сила Юрія велика, а у тебя мало дружины, онъ можетъ перейдти рѣку и ударить на насъ; не погуби насъ, ни самъ не погыни. Но ты нашъ князь, коли силенъ будеши, а мы съ тобою; а нынѣ не твое время, поѣди прочь. Изяславъ же рѣче имъ: лучше, братья, умереть здѣсь, нежели взять на себя такой соромъ. Кіяне же начаша стужати ему, рекуче: поѣди, княже! прочь, — и то рекше, Кіяне побѣгоша отъ него прочь, а за ними и Черные Клобуки побѣжали къ своимъ вѣжамъ». Въ 1178 г., во время войны Всеволода Юрьевича съ Ростиславичами, Всеволодъ не хотѣлъ брать на щитъ Торжка, гдѣ Новгородцы посадили соперника его, Ярополка Ростиславича. Это возбуждаетъ неудовольствіе войска, оно начинаетъ жаловаться князю: мы не цѣловать ихъ пріѣхали, они лгутъ Богу и тебѣ, князь. «И се рекше, продолжаетъ лѣтописецъ, толкнуша въ коня и взяша городъ, мужи повязаша, а городъ пожгоша....». Любопытно свидѣтельство лѣтописца о Рязанцахъ, которое онъ высказываетъ по поводу войны Олега Рязанскаго съ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ: «Рязанцы сурови суще человѣцы, свирѣпіи и высокоумніи.... и рѣша другъ другу: не емлемъ себѣ ни щитъ, ни копій, ни инаго оружія, токмо возмемъ ужища, чѣмъ бы вязать москвичей» [45].—Это вмѣшательство на-

[45]) Лавр. 1016 г., Воскр. 1044 г., Лавр. 1094 г., Ипат. 1150 г., Сузд. 1178 г.—здѣсь слово «дружина» означаетъ войско вообще; Воскр. и Льв. 1371 г. (Сравни еще для Кіева—Ипат. 1157 г.: князья хотятъ сразиться съ Юріемъ у Заруба. «Дружина же Вячеславля, Изяславля и Ростиславля утягивахуть отъ того, и Кіяне, наипаче же Черніи Клобуки».... Князья уступили.

рода въ военное управленіе не могло, конечно, способствовать успѣшному веденію войны; но при слабости чисто правительственныхъ органовъ того времени, оно было совершенно естественно.

Подобно управленію и судъ завѣдывался исключительно княземъ. Вѣче не было даже верховнымъ апелляціоннымъ судилищемъ. Но какъ высшая власть волости, вѣче давало защиту гражданамъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда обыкновенные суды оказывались недостаточными [46]). Примѣръ такого суда мы имѣемъ подъ 1342 г.: жалоба была принесена Новгороду, а не обыкновенному суду посадника, потому что въ убійствѣ, о которомъ шло дѣло, обвинялся самъ посадникъ [47]). — Но и въ вопросѣ о судѣ позднѣйшая исторія Новгорода и Пскова представляетъ также особенность, какъ и въ вопросѣ объ управленіи. Право назначать посадниковъ и тысяцкихъ принадлежало въ этихъ городахъ вѣчу, ему же принадлежало и право политическаго суда надъ этими сановниками. Въ этомъ смыслѣ надо

[46]) Неволинъ признаетъ вѣче верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ. Полное собраніе его сочиненій, томъ VI, стр. 113. Это мнѣніе принялъ и П. Чеглоковъ; Юридич. сбор. Мейера 1855 г. стр. 21. И. Д. Бѣляевъ судебную компетентность вѣча принимаетъ еще въ большихъ размѣрахъ; по его мнѣнію, вѣчу «приносились жалобы на неправый судъ», Разсказы, книги II, стр. 137, говоря иначе, вѣче было апелляціоннымъ судомъ какъ для уголовныхъ, такъ и для гражданскихъ дѣлъ. Къ сожалѣнію, ни одинъ изъ приведенныхъ авторовъ не указываетъ тѣхъ мѣстъ источниковъ, на которыхъ онъ основываетъ свое мнѣніе. — Мы не замѣтили въ источникахъ ни одного мѣста, которое давало бы основаніе думать, что вѣче было обыкновеннымъ апелляціоннымъ судомъ. Принявъ же во вниманіе, что князь былъ призванъ—именно для суда; что впослѣдствіи судъ его ограничивался только участіемъ посадника; что Новгородскія договорныя грамоты ничего не знаютъ о судѣ вѣча, какъ высшемъ апелляціонномъ по отношенію къ суду князя и посадника, о чемъ имъ невозможно было бы умолчать,—мы думаемъ, что не имѣемъ основанія отступить отъ высказаннаго въ текстѣ мнѣнія.—С. М. Соловьевъ находитъ, что предметы вѣдомства вѣча не отличались отъ предметовъ вѣдомства князя; но въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что вѣче также судило, какъ и князь, онъ приводитъ только случаи или политическаго суда, или суда чрезвычайнаго. См. его изслѣдованія объ отношеніяхъ Новгорода къ велик. князьямъ, стр. 8 и слѣд.

[47]) Новгр. I. 1342 г. Мы можемъ указать еще на случай подъ 1447 г. Новгр. IV, гдѣ самъ посадникъ предлагаетъ дѣло на судъ вѣча. Случай же 1418 г. Новгр. I— не ясенъ. Судъ вѣча въ 1290 г. Новгр. I. надъ крамольниками, пограбившими торгъ, надо объяснить особой важностью такого преступленія въ городѣ, по преимуществу торговомъ. Въ 1015 г. Лавр. Новгородцы сами осуждаютъ и казнятъ Варяговъ; это также чрезвычайный случай: князь былъ бездѣятеленъ и попускалъ тѣ насилія, въ которыхъ обвинялись послѣдніе.

понимать слова Всеволода, сказанныя имъ Новгородцамъ въ 1209 г. въ Коломнѣ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните». Истолкованіе имъ находимъ въ Новгородскихъ происшествіяхъ, послѣдовавшихъ за возвращеніемъ Новгородцевъ изъ Коломны. Первымъ ихъ дѣломъ было созвать вѣче на посадника, Дмитрія, и его братію. Вина ихъ состояла въ томъ, что они велѣли «на Новгородцехъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло». Дворы ихъ были сожжены, а имѣніе отобрано. Вслѣдъ за тѣмъ Новгородцы цѣловали крестъ «яко не хочемъ у себе держати дѣтій Дмитровыхъ», вслѣдствіе чего князь Святославъ сослалъ ихъ къ отцу своему Всеволоду. Съ этого времени случаи расправы вѣча надъ посадниками встрѣчаются довольно часто въ Новгородскихъ лѣтописяхъ [48]).

[48]) Новгр. I. 1209 г. Ср. еще—Новгр. I. 1218 г., 1228 г., 1332 г., 1359 г., 1388 г. сюда же надо отнести и тотъ случай, который мы находимъ подъ 1421 г. Новгр. IV.— Къ политическому же суду надо относить и рѣшеніе участи политической партіи, оставшейся въ меньшинствѣ и потерпѣвшей пораженіе на вѣчѣ, см. напр. Новгор. I. 1137 г., 1230 и 1290.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Объясненіе взаимныхъ отношеній городовъ къ пригородамъ на основаніи вѣчевыхъ порядковъ.

Во второй главѣ мы уже имѣли случай указать, что въ составъ народныхъ собраній волости одинаково входятъ—какъ города, такъ и пригороды, что жители послѣднихъ имѣютъ тѣ же политическія права, какъ и жители первыхъ [1]).—Но понятно, что вѣчевые порядки въ примѣненіи къ пунктамъ, значительно удаленнымъ одинъ отъ другаго и обладающимъ далеко не одинаковой силой, должны были повести къ нѣкоторымъ особымъ результатамъ, которыми и характеризуются взаимныя отношенія городовъ и пригородовъ. Прежде чѣмъ высказывать въ чемъ именно заключались эти отношенія, считаемъ необходимымъ остановиться на нѣкоторыхъ относящихся сюда мѣстахъ источниковъ.

[1]) Въ дополненіе къ мѣстамъ, приведеннымъ во второй главѣ, укажемъ еще на то, что мирные договоры скрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ не отъ имени одного только главнаго города, но всей волости. Такъ въ Псков. I. подъ 1397 г. читаемъ: «... и цѣловалъ крестъ посадникъ Новогородскій Тимоѳей Юрьевичъ и Микита Тысяцкій Федоровичъ за весь великій Новгородъ и за пригороды и за всѣ свои волости, а отъ Пскова цѣловалъ крестъ князь Григорій, и Сысой посадникъ, и Романъ посадникъ, и дружина ихъ къ Новугороду за Псковъ, за пригороды, и за всѣ свои волости».

Въ 1136 г. Новгородцы, составившія общее вѣче съ Псковичами и Ладожанами, осудили и изгнали князя своего Всеволода. Въ слѣдующемъ году какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, приверженцы изгнаннаго Всеволода задумали снова доставить ему столъ Ногвородской волости. Ихъ партія была слишкомъ слаба въ Новгородѣ, и они потерпѣли тамъ пораженіе. За то во Псковѣ приверженцы Всеволода имѣли перевѣсъ: Всеволодъ былъ принятъ Псковичами, которые рѣшили защищать его противъ Новгородцевъ и призваннаго ими князя Святослава Ольговича. Такимъ образомъ, единеніе Новогородцевъ съ Псковичами, которое мы наблюдаемъ въ 1136 г., во время суда ихъ надъ Всеволодомъ, было нарушено въ 1137 г.; въ этомъ году Новогородцы имѣли княземъ Святослава, а Псковичи—неугоднаго Новогородцамъ Всеволода. Для достиженія новаго единенія города съ пригородомъ необходимо было обратиться къ тѣмъ же средствамъ, къ какимъ обращались въ стѣнахъ самого Новгорода, въ случаѣ раздѣленія голосовъ на вѣчѣ: къ добровольнымъ уступкамъ, или къ войнѣ; другаго исхода не было. Въ разсматриваемомъ случаѣ несогласныя стороны обратились къ войнѣ. Святославъ Ольговичъ совокупилъ всю землю Новгородскую, призвалъ брата своего Глѣба съ Курянами и Половцами и отправился на Псковъ — прогонять Всеволода. «И не покоришася Псковичи имъ, говоритъ лѣтописецъ, ни выгнаша князя отъ себя, но бяхуть ся устерегли, засѣкли осѣки вcѣ». Эта рѣшимость защищать своего князя силою — остановила Новгородцевъ. Они возвратились съ дороги, не желая проливать крови съ своею братіею, какъ объясняетъ лѣтописецъ. Вскорѣ послѣ этого Всеволодъ умеръ, а Псковичи признали княземъ своимъ брата его, Святополка, «и не бѣ мира съ Новгородцы», поясняетъ лѣтописецъ это новое избраніе, несогласное съ волею Новогородцевъ. Въ 1138 году Новогородцы показали путь Святославу, а къ себѣ призвали Ростислава Юрьевича изъ Суздаля. Ростиславъ «заключилъ миръ» съ Псковичами; условія этого мира не дошли до насъ. — Съ явленіями совершенно того же характера встрѣчаемся и сто

лѣтъ спустя. Въ 1225 г., по удаленіи Михаила Всеволодовича въ Черниговъ, Новгородцы призвали къ себѣ Ярослава Всеволодовича Переяславскаго; Псковичи, судя потому, что у нихъ былъ княземъ тотъ же Ярославъ, находились съ Новгородомъ въ единеніи. Въ 1228 г. Ярославъ отправился въ Псковъ. Псковичи, между которыми разнеслась вѣсть, будто Ярославъ «везетъ съ собой оковы, хотя ковати вячшихъ мужей», затворились въ городѣ и не пустили его къ себѣ. Опасаясь, что и Новгородцы раздѣляютъ замыслы своего князя, они заключаютъ противъ нихъ оборонительный союзъ съ Нѣмцами. «Плесковичи, разсказываетъ лѣтописецъ, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивше, а рекуче: то вы, а то Новгородцы, а намъ не надобѣ; но оже пойдутъ на насъ, то вы намъ помозите. И они (т. е. Рижане) рекоша: тако буди. И пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу». Такимъ образомъ, единеніе пригорода съ городомъ снова нарушилось: Псковичи въ союзѣ съ Нѣмцами готовы были дать отпоръ Новгородцамъ. Но опасенія ихъ были напрасны: Новгородцы не только ничего не замышляли противъ нихъ, но даже безъ согласія «своихъ братьевъ Плесковичей» — не пошли на Ригу, къ войнѣ съ которой ихъ побуждалъ Ярославъ. — Еще болѣе рѣзкій примѣръ разъединенія города съ пригородомъ встрѣчаемъ подъ 1232 годомъ, въ княженіе того же Ярослава. Борисъ Нѣгоцевичъ, Михаль съ братомъ, Петръ Водовикъ и другіе Новогородцы, приверженцы Черниговскихъ князей, прибыли въ этомъ году изъ Чернигова съ княземъ Святославомъ Трубецкимъ, которому они хотѣли доставить Новгородское княженіе. Святославъ, убѣдившись, что они преувеличили значеніе своей партіи, возвратился съ дороги, не достигнувъ Новгорода. Но приверженцы его не послѣдовали за нимъ, а направились во Псковъ, гдѣ нашли сильную поддержку: Псковичи отложились отъ Ярослава и заключили въ оковы сидѣвшаго у нихъ мужа его, Вячеслава. Ярославъ, возвратившись въ Новгородъ (онъ былъ тогда въ Переяславлѣ), схватилъ находившихся тамъ Псковичей и заключилъ ихъ, а во Псковъ отправилъ посла съ тре-

бованіемъ, чтобы Псковичи «мужа его» освободили, а приверженцамъ Черниговскихъ князей показали путь. Но Псковичи стали за нихъ крѣпко; освободить Вячеслава обѣщали они только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Ярославъ съ своей стороны освободилъ женъ и имущество Бориса и другихъ лицъ противной ему партіи, «или вы собѣ, а мы собѣ», отвѣчали они послу его. «И тако быша безъ мира все лѣто», заключаетъ свой разсказъ лѣтописецъ. Ярославъ, не пустивъ во Псковъ гостей и причинивъ тѣмъ дороговизну, принудилъ Псковичей къ уступчивости: они освободили Вячеслава. Князь, съ своей стороны, освободилъ жену Бориса и другихъ приверженцевъ Святослава, но мира еще не заключилъ. Единеніе возстановилось только зимою, когда Псковичи признали Ярослава своимъ княземъ и показали путь противной ему партіи.—Совершенно съ такими же порядками встрѣчаемся и еще сто лѣтъ позднѣе. Въ 1329 году Новгородскій столъ занималъ великій князь Владимірскій, Иванъ Даниловичъ; Псковичи имѣли своего особаго князя, Александра Тверскаго, который бѣжалъ во Псковъ еще въ 1327 г., послѣ убійства Татарскаго посла, Щелкана. Въ 1328 г. царь Озбекъ, отпуская изъ Орды Ивана Даниловича и Новгородскаго посла, Ѳедора Колесницу, приказалъ имъ искать князя Александра Тверскаго. Исполняя это приказаніе, Даніилъ и Новгородцы посылаютъ къ Александру во Псковъ посла съ требованіемъ, чтобы онъ шелъ въ Орду. «Князь же Александръ, разсказываетъ лѣтописецъ, сжалився, восхотѣ поити въ Орду, рекъ: единъ азъ да умру, нежели христіянство да изгибнетъ. Псковичи же рекоша ему: не ходи въ Орду, и аще что будетъ на тебѣ, то изомремъ съ тобою во единомъ мѣстѣ». Какъ въ предшествовавшихъ примѣрахъ, такъ и теперь, это раздѣленіе города съ пригородомъ — вызвало войну. «И поиде, продолжаетъ лѣтописецъ, кн. вел. Иванъ Даниловичъ на Псковъ ратью, а съ нимъ Тверскіе князи, Константинъ и Василій Михайловичи, кн. Александръ Суздальскій и прочіи князи Рустіи и Новгородцы, и сташа во Опокахъ; а Псковичи твердо яшася по князи Александрѣ». Князь великій

Иванъ, видя, что Александра нельзя ни схватить, ни выгнать изъ Пскова, намолвилъ митрополита Ѳеогноста: «и посла митрополитъ проклятье и отлученье на князя Александра и на Псковичей. Князь же Александръ рече Псковичамъ: братіе! не буди на васъ проклятіе мене дѣля; иду изъ града вашего вонъ, и не буди крестнаго цѣлованія на мнѣ, ни моего на васъ, и отъѣха въ Литву. Псковичи же прислаша къ великому князю въ Опоку съ челобитьемъ и дастъ имъ миръ». На этотъ разъ соглашеніе пригорода съ городомъ было слѣдствіемъ вмѣшательства духовной власти, а не побѣды съ оружіемъ въ рукахъ, которая, не смотря на значительныя силы, собранныя Иваномъ Даниловичемъ въ Опокахъ, казалась ему весьма не вѣрной[2]).

Лѣтопись сохранила намъ примѣры совершенно такихъ же отношеній и изъ исторіи сосѣдней волости, Ростовской. Въ 1175 г. Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и Владимірцы— рѣшили призвать на княженіе внуковъ Юрія, Ярополка и Мстислава Ростиславичей. На зовъ ихъ прибыли, однако, не одни только Ростиславичи, но вмѣстѣ съ ними и двое Юрьевичей Михалко и Всеволодъ; всѣ четыре князя заключили между собою дружественный договоръ, изъ котораго лѣтописецъ сохранилъ намъ только одно условіе: старшимъ между собою они признали Михалку. Такое измѣненіе народнаго постановленія очень не понравилось Ростовцамъ; но Владимірцы легко примирились съ нимъ и приняли Михалку. Этимъ нарушилось единеніе города съ пригородомъ, что повело къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ послѣдствіямъ: Ростовцы начали войну съ Владимірцами, которые защищались отъ нихъ въ теченіи 7 недѣль, но наконецъ принуждены были отказаться отъ Михалки и принять Ярополка.—Это новое единеніе, слѣдствіе военнаго превосходства Ростовцевъ, продолжалось не долго. Въ слѣдующемъ же году Владимірцы, недовольные разорительнымъ управленіемъ Ростиславичей, снова призвали Михалку. Въ воз-

[2]) Для приведенныхъ мѣстъ см.: Новгр. I. 1136 г., 1137 г., 1138 г., 1225 г., 1228 г., 1232 г.; Льв. 1327 г.; Воскр. 1329 г.

горѣвшей вслѣдъ за этимъ призваніемъ войнѣ съ Ростовцами и Суздальцами, счастье было на сторонѣ Владимірцевъ. Ростиславичи принуждены были бѣжать, а князь, призванный пригородомъ, получилъ господство въ цѣлой волости. — По смерти Михалки, города и пригороды опять раздѣлились: Владимірцы и Переяславцы стали за брата умершаго князя, Всеволода; Ростовцы и Суздальцы — за Ростиславичей. Счастье войны было снова на сторонѣ пригородовъ, и призванный ими князь овладѣлъ всею волостью [2*]).

Только что приведенныя мѣста показываютъ, что разныя пункты населенія одной и той же волости находились между собой въ совершенно такихъ же отношеніяхъ, какъ и разные концы, или улицы одного и того же города: если между ними господствовало единеніе, они находились въ состояніи мира; если возникала рознь, въ состояніи размирья, или войны. Такимъ образомъ, участіе жителей пригородовъ въ вѣчевой жизни волости опредѣлялось тѣми же нормами, какъ и участіе жителей главныхъ городовъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого примѣненія вѣчевыхъ порядковъ къ цѣлой волости, было то, что только прогороды, обладающіе значительной собственной силой, — могли выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и стараться провести его, не смотря на разногласіе съ главнымъ городомъ. Пригороды слабые, въ случаѣ разногласія съ главнымъ городомъ, оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ и по необходимости должны были смолкать. Этимъ объясняется то громадное различіе, которое мы наблюдаемъ въ отношеніяхъ разныхъ пригородовъ къ своимъ городамъ: тогда какъ одни принимаютъ самое дѣятельное участіе въ призваніи князей и даже доставляютъ своимъ избранникамъ торжество надъ избранниками главныхъ городовъ, — другіе пассивно принимаютъ присылаемыхъ къ нимъ изъ главнаго города посадниковъ, и даже въ случаѣ прямаго недовольства тѣмъ или другимъ изъ нихъ не рѣшаются изгнать его сами, а ограничиваются жалобами главному городу, какъ это дѣлаютъ напр. Орѣховцы и Корѣль-

[2*]) Лавр. и Сузд. 1175 г., 1176 г., 1177 г.

цы, недовольные своимъ посадникомъ, княземъ Патрикѣемъ[3]). Въ этомъ отношеніи положеніе слабаго пригорода нисколько не разнится отъ положенія слабой партіи, образовавшейся въ стѣнахъ центральнаго города: какъ и она, онъ подчиняется подавляющему большинству, не рискуя прибѣгнуть къ раздѣленію.

Но между положеніемъ пригорода и положеніемъ внутреннихъ партій главнаго города есть существенное различіе. Отношенія пригородовъ къ городу сложились подъ вліяніемъ такого условія, которое вовсе не имѣло мѣста въ отношеніяхъ отдѣльныхъ частей города. Условіе, о которомъ идетъ рѣчь,—есть удаленіе пригорода отъ главнаго центра вѣчевой жизни. Волость возникла вслѣдствіе распространенія поземельныхъ владѣній жителей ея главнаго пункта поселенія, который и составляетъ корень волости. Вѣчевые порядки первоначально сложились въ этомъ главномъ пунктѣ и примѣнительно къ его потребностямъ; отсюда уже распространились они на всю волость. Понятно, что жители главнаго города могутъ участвовать въ вѣчевой жизни волости гораздо съ большими удобствами, чѣмъ жители пригородовъ. Хотя жители пригородовъ принимаютъ участіе въ думѣ жителей главнаго города всякій разъ, какъ они почему либо находятся съ ними вмѣстѣ—въ городѣ, или внѣ его, на походѣ напр.[4]); хотя мы имѣемъ примѣры—какъ призванія[5]) жителей пригородовъ жителями главнаго города на общее вѣче, такъ и участія ихъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ независимо отъ призванія[6]); но въ силу удаленія пригородовъ отъ города участіе ихъ въ вѣчевой жизни послѣдняго не могло быть ни такимъ постояннымъ, ни такимъ полнымъ, какъ участіе жителей главнаго города. Вѣчевыя собранія слѣдуютъ непосредственно за созваніемъ, такъ что пригороды не только не имѣютъ времени прибыть на вѣче, но по большей части и вовсе не знаютъ о томъ,

3) Новгр. IV. 1384 г.

4) Примѣры такого участія находимъ: Ипат. 1148 г., Новгр. I. 1217 г. Псков. I. 1343 г.

5) Новгр. I. 1136 г.

6) Извѣстія, находящіяся въ Новгр. I. подъ 1142 г. и въ Ипат. подъ 1158 г. и 1175 г., надо, кажется, относить къ участію пригородовъ въ силу собственнаго побужденія, а не въ силу призванія городами.

что вѣче было назначено. Но если бы даже и всякій разъ доводилось заранѣе до ихъ свѣдѣнія о времени вѣчевыхъ собраній, и тогда ихъ участіе далеко не могло бы ровняться съ участіемъ жителей главнаго города. На вѣчѣ собирались не представители, а вся свободная масса народа. Чтобы занять въ такомъ собраніи сколько нибудь видное мѣсто, необходимо было явиться въ значительномъ числѣ. Новгородцы легко могли собраться даже поголовно; но передвиженіе сколько нибудь значительной массы народа изъ Пскова въ Новгородъ было сопряжено съ громадными затрудненіями и могло осуществиться только въ крайнихъ случаяхъ.

Эта невозможность принимать постоянное и соотвѣтствующее дѣйствительнымъ силамъ пригородовъ участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ города, сдѣлало необходимымъ учрежденіе особаго пригороднаго вѣча. Такимъ образомъ, рядомъ съ вѣчемъ главнаго города, на которое могутъ являться и жители пригородовъ, существуетъ отдѣльное вѣче — пригорода. Мы выше видѣли, — что и въ стѣнахъ самого города могутъ быть два, три вѣча единовременно, но причина этого явленія другая: городскія вѣча вызываются разногласіемъ, пригородныя же — удаленіемъ и проистекающими отъ сюда неудобствами. Пригородное вѣче не назначается, однако, исключительно для жителей пригорода: волость составляетъ одно цѣлое, а потому жители города также могутъ участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ пригородовъ, какъ и на оборотъ, жители пригородовъ участвуютъ въ вѣчевыхъ собраніяхъ города. Примѣръ такого вѣча встрѣчаемъ въ Торжкѣ въ 1372 году. Новгородскіе бояре пріѣзжають въ Торжокъ и «думаютъ думу съ Новоторжцами и укрѣпляются съ ними крестнымъ цѣлованіемъ» противъ князя Михаила Тверскаго. Точно также подъ 1393 г. читаемъ: «Новогородцы и Новоторжцы, составивши вѣче въ Торжкѣ, убиваютъ Максима, доброхота Великому князю». Подобно этому и въ Полоцкой волости, въ призваніи Дручанами Рогволода Борисовича принимаютъ участіе и бывшіе въ Друцкѣ Полочане [7]. — Порядки при-

[7]) Новгр. IV 1372 г., Воскр. 1393 г., Ипат. 1159 г.

городнаго вѣча и предметы его вѣдомства ни чѣмъ не отличаются отъ порядковъ и предметовъ вѣдомства вѣча главнаго города. Но пригородное вѣче не есть совершенно самостоятельная власть. Какъ пригородъ есть только одна составная частъ волости, такъ точно и его вѣче—есть толко часть власти. Оно нуждается въ согласіи городскаго вѣча. Нѣтъ надобности, что бы это согласіе было высказано и притомъ въ извѣстной формѣ; при нелюбви древней Россіи къ точнымъ формамъ, довольно было. если городъ не противорѣчилъ. Если городъ не хотѣлъ допустить рѣшенія, принятаго на пригородномъ вѣчѣ, онъ могъ требовать его отмѣны; если его требованіе не уважалось. онъ вступалъ въ борьбу съ пригородомъ и, смотря по ея исходу, или совершенно отмѣнялъ не угодное ему рѣшеніе, или только видоизмѣнялъ его, или, наконецъ, самъ бывалъ вынужденъ согласиться съ нимъ. Такимъ образомъ, пригородное вѣче стоитъ въ совершенно такихъ же отношеніяхъ къ вѣчу главнаго города, въ какихъ находятся между собой отдѣльныя партіи этого послѣдняго, или жители пригорода и жители города. собравшіеся на общемъ вѣчѣ: мирно или путемъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ они должны сойдтись на какомъ либо общемъ рѣшеніи. Въ началѣ этой главы мы привели нѣсколько случаевъ такой борьбы, возникшей вслѣдствіе несогласія города съ рѣшеніемъ, принятымъ на вѣчѣ пригорода [8]). Въ дополненіе къ приведенному тамъ же примѣру соглашенія [9]) города съ рѣшеніемъ пригорода, мы укажемъ еще на слѣдующіе. Въ 1229 г. Новгородцы посылаютъ въ Торжокъ на посадничество Иванку Дмитріевича; Новоторжцы не принимаютъ его: «и не пріяша и Новоторжцы», говоритъ лѣтописецъ. Иванка Дмитріевичъ принужденъ былъ удалиться къ дружественному ему князю Ярославу Переяслав-

[8]) См. выше: признаніе Псковичами въ 1137 г. своимъ княземъ изгнаннаго Всеволода, а по его смерти брата его, Святополка; отложеніе Псковичей отъ Новгорода въ 1232 г. при князѣ Ярославѣ; признаніе Псковичами своимъ княземъ Александра Тверскаго въ 1328 г.; и наконецъ тамъ же приведенныя рѣшенія Владимірцевъ и Переяславцевъ, несогласныя съ рѣшеніями старшихъ городовъ.

[9]) См. выше. въ 1228 г. Новгородцы, узнавъ объ отказѣ Псковичей идти войной на Ригу, что было имъ предложено кн. Ярославомъ, отказываются сами отъ этого похода, говоря: «мы безъ своея братья, безъ Пльсковичь, не имаемъся на Ригу».

скому. Что же дѣлаютъ Новгородцы? Они допускаютъ эту отмѣну ихъ рѣшенія пригороднымъ вѣчемъ. Это легко понять. Чтобы принудить Новоторжцевъ къ послушанію, надо было предпринять противъ нихъ походъ. Затрудненія похода представлялись Новгородцамъ бо́льшею тягостью, чѣмъ несогласное съ ихъ волею распоряженіе пригорода, а потому они и допустили отмѣну ихъ собственнаго постановленія.—Въ 1266 г. Псковичи сажаютъ у себя на столѣ Литовскаго князя Довмонта. Ярославъ Ярославичъ, Новгородскій, а слѣдовательно, и Псковскій князь, видитъ въ этомъ призваніи нарушеніе своихъ правъ и высказываетъ желаніе идти войною на Псковъ. Новгородцы, не раздѣляютъ его мнѣнія, своимъ отказомъ идти на Псковъ, они выражаютъ согласіе на постановленіе Псковскаго вѣча [10]).—Въ 1428 году, во время прихода Витовта къ Порхову, Порховичи заключили съ нимъ миръ за себя. Прибывшіе нѣсколько позднѣе изъ Новгорода послы Новгородскіе не отмѣнили постановленій этого мира, а только пополнили ихъ отъ себя новыми статьями [10*]).

Какъ значеніе жителей пригорода на общемъ вѣчѣ съ жителями города условливается ихъ силою, такъ точно и значеніе отдѣльнаго пригороднаго вѣча условливается силою пригорода. Только значительные изъ нихъ могли составить вѣче на столько сильное, чтобы оно рѣшилось высказывать свое собственное мнѣніе, не согласное съ мнѣніемъ города, о такихъ важныхъ вопросахъ какъ призваніе князя, или назначеніе посадника,—или вести на свой собственный страхъ войну и заключать миръ. Болѣе слабые должны были тѣсно примыкать къ городу и полнымъ подчиненіемъ его волѣ покупать необходимое имъ покровительство и защиту. Но это различіе между сильными и слабыми пригородами чисто фактическое. Часто одинъ и тотъ же пригородъ ведетъ себя совершенно различно по отношенію къ городу, смотря по требованію обстоятельствъ. Такъ Псковъ на-

[10]) Новгр. I. 1229 г.; тамъ же подъ 1266 г. читаемъ: «Новгородцы же возбраниша ему, глаголюще: оли княже! то бѣ съ нами увѣдавшеся, таже ѣхати въ Плесковъ. Князь же отослалъ полки назадъ».

[10*]) Новгр. I.

канунѣ своего полнаго обособленія отъ Новгорода обращается къ нему съ покорной просьбой дать намѣстника. Дѣло въ томъ, что въ это время (1341 г.) Псковичи были во враждѣ съ Нѣмцами и очень нуждались въ Новгородской помощи. Новгородъ, зная настоящую цѣну этой крайне условной покорности сильнаго пригорода, и не желая войны съ Нѣмцами, — не далъ намѣстника и отказалъ въ помощи [11]).

И такъ, степень участія пригородовъ въ вѣчевой жизни волости, условливаемая ихъ силой, была весьма различна. Пригороды слабые, главное значеніе которыхъ составляли не мѣстные жители, а жители главнаго города, поземельныя владѣнія которыхъ лежали вокругъ пригорода, естественно не могли имѣть своего голоса, который могъ бы быть слышенъ на вѣчевыхъ собраніяхъ волости: по необходимости ихъ голосъ совпадалъ съ голосомъ города, они получали отъ него посадника и подчинялись во всемъ его волѣ. Другимъ положеніемъ пользовались пригороды, достигшіе сколько нибудь значительнаго развитія своихъ собственныхъ, мѣстныхъ силъ. Они участвовали въ вѣчевой жизни волости какъ одна изъ могущественныхъ партій главнаго города участвовала въ вѣчевой жизни города. Переходъ отъ одного состоянія къ другому зависѣлъ исключительно отъ развитія мѣстныхъ силъ.

Такимъ образомъ, одно и тоже вѣчевое начало въ примѣненіи къ разнымъ пригородамъ порождаетъ совершенно разныя слѣдствія. Въ примѣненіи къ пригородамъ слабымъ оно производитъ совершенное подчиненіе ихъ подавляющему большинству главнаго города; въ примѣненіи къ пригородамъ сильнымъ — оно создаетъ только слабую связь между ними и городомъ. Въ случаѣ несостоявшагося соглашенія, отношеніе города къ сильному пригороду, имѣющему свое вѣче, свое войско и своего князя, — ничѣмъ не разнится отъ взаимныхъ отношеній двухъ враждебныхъ державъ. Окончательнымъ результатомъ такого порядка вещей является полное обособленіе пригорода, возвышеніе его на степень самостоятель-

[11]) Псков. I. 1341 г.

ной волости. Примѣры такихъ обособленій весьма часты въ нашей древней исторіи. Это самый обыкновенный способъ образованія новыхъ волостей [12]).

[12] Подъ 1347 г. въ Новгрд. III. читаемъ такое извѣстіе: «Того же лѣта, егда идуще Новгородцы къ Орѣховцу, даша жалованье городу Пскову: посадникамъ Новгородскимъ во Псковѣ не сѣдѣти, ни судити»...... Есть основаніе думать, что эти слова лѣтописца передаютъ не совсѣмъ точно настоящій характеръ того измѣненія въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду, которое произошло въ 1347 г. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, до насъ дошло нѣсколько свидѣтельствъ отъ времени, предшествовавшаго 1347 году, и самое древнѣйшее, если не ошибаемся, отъ 1132 г, указывающихъ какъ на участіе Пскова вмѣстѣ съ Новгородомъ въ призваніи князя и назначеніи посадника, такъ и на призваніе Псковичами князя независимо отъ Новгорода. Поэтому приведенныя слова лѣтописца не могутъ быть понимаемы въ такомъ смыслѣ: до 1347 посадникъ въ Псковъ назначался исключительно Новгородомъ; а въ 1347 года Новгородцы отказались отъ этого преимущества. Весьма вѣроятно, что въ періодъ слабости Пскова къ нему посылался на посадничество мужъ изъ Новгорода безъ дѣятельнаго вліянія на его выборъ со стороны самого Пскова: но это было очень давно, ни какъ не позднѣе 11 вѣка. Отмѣнять въ 1349 г. то преимущество, которымъ Новгородъ пользовался около 3-хъ вѣковъ тому назадъ,—слишкомъ не своевременно. Приведенныя слова могутъ быть поняты только въ смыслѣ признанія Новгородцами полнаго обособленія Псковичей въ отдѣльную волость. До 1347 г. Новгородъ и Псковъ составляли одну волость и совокупно рѣшали свои общественныя дѣла: съ 1347 Псковичи рѣшаютъ всѣ возникающіе у нихъ вопросы сами, безъ участія Новгородцевъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Князь и его отношеніе къ вѣчу.

Разбору взаимныхъ отношеній князя и вѣча необходимо предпослать общее замѣчаніе о характерѣ власти, принадлежавшей князю.

Князь не былъ только высшимъ представителемъ исполнительной власти въ томъ смыслѣ, какой мы теперь соединяемъ съ этимъ понятіемъ. Начало раздѣленія властей, болѣе или мѣнѣе строго проводимое въ новѣйшее время, было совершенно чуждо духу нашего древняго государственнаго устройства. Если бы дѣятельность князя была ограничена только заботой о приведеніи въ исполненіе постановленій вѣча безъ участія въ ихъ возникновеніи, онъ былъ бы самымъ малоправнымъ членомъ волости, гдѣ каждый приносилъ свою собственную волю на вѣче и могъ проводить ее всѣми отъ него зависящими средствами. Такое ограниченіе личныхъ правъ князя нисколько не соотвѣтствовало ни его значенію, какъ свободнаго человѣка вообще, ни. еще болѣе, его значенію, какъ представителя общественной власти. Безъ князя не былъ возможенъ сколько нибудь прочный порядокъ; онъ призывался именно для водворенія наряда въ обществѣ, которое не могло изъ собственныхъ своихъ средствъ установить сколько нибудь удовлетворительные органы — суда и управленія. При отсутствіи всякаго начала

дѣленія властей, призваніе — судить и володѣть возлагало на князя обязанность заботиться объ общественномъ благѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Всѣ общественные вопросы были по преимуществу вопросами *князя*, касались его въ большей мѣрѣ, чѣмъ каждаго другаго члена волости, отдѣльно взятаго, ибо онъ *былъ призванъ* для водворенія порядка. Страдательное отношеніе къ вѣчу сдѣлало бы князя только послушнымъ орудіемъ враждебныхъ одна другой партій вмѣсто того, чтобы дать въ немъ обществу начало примиренія, сосредоточеніе и олицетвореніе интересовъ общихъ цѣлой волости. Призваніе князя есть первый шагъ къ выдѣленію государственнаго права изъ той первоначальной и безразличной совокупности частныхъ и общественныхъ правъ, неограниченнымъ обладателемъ которой чувствовалъ себя каждый свободный. — Въ нашихъ источникахъ не встрѣчаемъ ни одного указанія на то, чтобы народъ смотрѣлъ на князя только какъ на исполнителя вѣчевыхъ постановленій. Князь постоянно принимаетъ дѣятельное участіе въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ и приводитъ въ исполненіе только тѣ изъ нихъ, на которыя дастъ свое согласіе. Такимъ образомъ, князю принадлежитъ не только правительственная и судебная власть [1], но и участіе въ законодательствѣ.

Съ другой стороны, князь не смѣшиваетъ лежащей на немъ доли участія въ дѣлахъ волости съ своими частными дѣлами: первыя онъ сознаетъ дѣлами Русской земли, вторыя — своими собственными [2].

Во взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча проявляется тотъ же общій законъ, который мы наблюдали какъ во взаимныхъ

[1]) См. выше стр. 79.

[2]) Подъ 1190 г. Ипат. лѣт., упомянувъ о нападеніяхъ Половцевъ на Кіевскую волость, продолжаетъ такъ: «Святослава бо тоѣ осени не бяшеть въ Кіевѣ, ѣхалъ бяшеть за Днѣпрь, съ братісю своею снимастася на думу; а Рюрикъ ѣхалъ въ Вручій, *своихъ дѣля орудій*, а сына своего Ростислава оставя въ Торцькомъ, вѣдашеть бо Рюрикъ, аже Кунтувдѣеви воевати Русь, мьщаючи себѣ Святославу. Съ тою же думою и къ Святославу посла (т. е. Рюрикъ), река ему: «се мы *своя орудья* дѣевѣ, а *Рускыя земли* не оставивѣ тщеѣ; азъ оставилъ своего сына съ полкомъ его, а ты остави своего». Такое же противопоставленіе дѣлъ Русской земли частнымъ дѣламъ князя встрѣчаемъ и подъ 1191 г. Ипат.; Святославъ такимъ упрекомъ останавливаетъ Рюрика, имѣвшаго намѣреніе уйти на зиму изъ Русской

*

отношеніяхъ составныхъ частей одного и того же вѣча, такъ и разныхъ пунктовъ поселенія одной и той же волости — городовъ и пригородовъ: между княземъ и вѣчемъ должно быть единеніе, одиначество [3]).

По отношенію къ этому началу единенія, или соглашенія народа и князя необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и — его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ [4]),

земли, своихъ дѣля орудій: «брате и свату, ажь ты идешь изо отчины своея на свое орудіе, а язъ паки иду за Днѣпръ своихъ дѣля орудьй, а въ Русской землѣ кто ны ся останетъ?» Подъ 1195 г. Ипат. Рюрикъ зоветъ къ себѣ Давыда изъ Смоленска для думы о Русской землѣ. Подъ 1220 г. Новгр. I. читаемъ. «Того же лѣта иде князь Всеволодъ въ Смоленскъ, своимъ орудіемъ».

[3]) Именно такое выраженіе находимъ въ договорной грамотѣ вел. кн. Дмитрия Ивановича и князя Владимира Андреевича съ Новымгородомъ: «Се пріѣхали ко мнѣ къ великому князю Дмитрію Ивановичу.... слѣдуетъ перечисленіе пословъ Новгородскихъ). Кончалъ есмь съ своими мужи въ одиначество, цѣловали есмы крестъ съ своимъ братомъ» и проч. А. А. Э. т. I № 8.

[4]) Сохраненныя лѣтописями извѣстія о договорахъ или рядахъ князей съ городами приведены выше, см. стр. 77 и сл.—Въ договорахъ князей съ городами было употребительно выраженіе — «на всей волѣ»; князь принимался напр. — на всей волѣ Новгорода или Кіева (см. Ипат. 1146), или на всей своей волѣ, какъ сказано въ Новгр. I. о князѣ Святославѣ подъ 1161 годомъ. Выраженіе «на всей волѣ Новгородцевъ или Кіянъ» означаетъ, что князь принимается на тѣхъ условіяхъ, которыя высказаны Новгородцами или Кіевлянами, что князь соглашается на эти условія— безъ измѣненій: и на оборотъ — «на всей волѣ князя» означаетъ соглашеніе народа на условія, предложенныя княземъ.—Иначе понимаетъ это выраженіе С. М. Соловьевъ, см. отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ стр. 77. По его мнѣнію «на всей волѣ князя» должно означать безусловную покорность князю. Допустивъ такое пониманіе, какъ должны мы толковать обратное выраженіе—«на всей волѣ Новгородцевъ или Кіянъ?» Оно, конечно, должно означать «безусловную покорность князя—Новгородцамъ и Кіевлянамъ». Но такое толкованіе невозможно: народъ никогда не смотрѣлъ на князя, какъ на лицо, обязанное ему безусловнымъ повиновеніемъ. А такъ какъ одно и то же выраженіе не можетъ обозначать—и условнаго и безусловнаго отношенія, то пониманіе С. М. Соловьева и не можетъ быть принято. Ср. ниже прим. 15* и слѣд. гл. прим. 33. Это пониманіе стоитъ въ тѣсной связи съ ученіемъ того же писателя о сѣверныхъ самовластцахъ, какъ безусловныхъ правителяхъ, тамъ же стр. 76 и 80. Сказавъ въ текстѣ своей книги, что Андрей Боголюбскій замышлялъ быть самовластцемъ на сѣверѣ, С. М. Соловьевъ въ такомъ видѣ приводитъ относящееся сюда мѣсто Ипат. лѣт.: «Се же створи (Андрей), хотя самовластецъ быти всей Суздальской земли».—Чтобы понять, въ какомъ смыслѣ употреблено лѣтописцемъ слово самовластецъ, необходимо взять не одну эту фразу, а все мѣсто въ цѣломъ и за тѣмъ дополнить его другими извѣстіями, относящимися къ тому же предмету. Подъ 1162 г. лѣтописецъ говоритъ: «Томъ же лѣтѣ выгна Андрей епископа Леона изъ Суздаля, и братью свою погна Мстислава и Василька и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего передніи. Се же створи хотя самовластецъ быти....». Самовластецъ употреблено здѣсь по отношенію къ другимъ князьямъ, внукамъ и младшимъ сыновьямъ Юрія. (Извѣстно, что Юрій

т. е. соглашеніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основаніе будущему княженію. Въ теченіи самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ «людей», стоявшимъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями

Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя.

Равноапостольный князь Владиміръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Лѣто-

устранилъ Андрея отъ наслѣдованія въ пользу младшихъ сыновей: Андрей получилъ Владимірскій, Ростовскій и Суздальскій столъ—только въ силу народнаго избранія. Оно означаетъ собственно—единовластителя въ противоположность раздѣленію волости между нѣсколькими князьями, не заключая въ себѣ никакого указанія на самый характеръ власти. Совершенно въ томъ же смыслѣ слово это употреблено и въ Лавр. лѣт. подъ 1036 г. Извѣстіе о присоединеніи Черниговскаго княженія, по смерти Мстислава Владиміровича, къ владѣніямъ брата его, Ярослава Кіевскаго, лѣтописецъ передаетъ въ слѣдующей формѣ: «По семъ же перея власть его всю (т. е. волость) Ярославъ, и бысть самовластецъ Руськѣй земли», т. е. и сталъ одинъ управлять Руской землей. Что характеръ власти Андрея Боголюбскаго нисколько не отличался отъ характера власти другихъ князей, видно изъ того мѣста, въ которомъ изгнаніе младшихъ Юрьевичей приводится въ связь съ избраніемъ Андрея на столъ Владимірскій, Ростовскій и Суздальскій. Подъ 1175 годомъ лѣтописецъ, повѣствуя о новомъ съѣздѣ—Ростовцевъ, Суздальцевъ, Переяславцевъ и Владимірцевъ для избранія князя по смерти Андрея, такъ говоритъ по поводу состоявшагося на этомъ съѣздѣ рѣшенія: «а крестнаго цѣлованія забывше, цѣловавши къ Юрію князю на меньшихъ князѣхъ, на дѣтяхъ Михалцѣ и на братѣ его (здѣсь разумѣется Всеволодъ, который также долженъ былъ раздѣлить участь изгнанныхъ, см. Ипат. 1162 г. въ концѣ), преступивше крестное цѣлованіе, посадиша Андрея, а меньшая выгнаша»..... И такъ, изгнаніе младшихъ сыновей Юрія не есть дѣло односторонней воли Андрея; оно было плодомъ единенія его съ народомъ. Характеръ власти Андрея не отличался, слѣдовательно, отъ характера власти другихъ князей. Для полноты приведемъ еще два относящіяся къ этому предмету свидѣтельства. Въ 1158 г. Андрей былъ призванъ на столъ, а подъ 1159 г. въ Ипат. и Сузд. лѣт. читаемъ: «выгнаша Ростовцы и Суздальцы Леона епископа»... Такимъ образомъ князь совершенно скрывается за народомъ. Подъ 1164 г. въ Сузд. лѣт. по поводу Леонтіевской ереси говорится: «И бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ и предъ всѣми людьми».

писецъ такъ разсказываетъ объ этомъ: «Созва Володимеръ боляры своя и старци градскіѣ, и рече имъ: се приходиша ко мнѣ Болгаре, рекуще: пріими законъ нашь; по семъ же приходиша Нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша Жидове. Се же послѣ же придоша Греци, хуляще вси законы, свой же хваляще....» и т. д.—Отчетъ свой о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ лицами разныхъ исповѣданій князь Владиміръ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ боярамъ и старцамъ: «да что ми ума придасте; что отвѣщаете?» — «И рѣша, продолжаетъ лѣтописецъ, бояре и старци: вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ, испытай когождо ихъ службу, и како служить Богу... И бысть люба рѣчь ихъ князю и всѣмъ людямъ» заключаетъ лѣтописецъ. Послы, отправленные согласно этому рѣшенію, дали предпочтеніе греческому исповѣданію, которое и было принято [5]). Та свѣтлая память, которую народныя былины сохранили отдаленнѣйшему потомству о ласковомъ князѣ Владимірѣ, и похвалы, расточаемыя ему лѣтописцемъ, должны быть объясняемы именно тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ этотъ князь относился къ народной волѣ и его желанію дѣйствовать согласно съ ней.

Извѣстно, какой любовью пользовались у Кіевлянъ правнукъ Владиміра святаго, Владиміръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья. О сознаніи необходимости такого единенія самимъ Владиміромъ Мономахомъ мы находимъ указаніе подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ Черниговскимъ и условиться объ оборонѣ Русской земли отъ Половцевъ, Владиміръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылаютъ къ Олегу такое приглашеніе: «поиди Кыеву, да порядъ положимъ о Русской землѣ предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи отецъ нашихъ и предъ людьми градскими, да быхомъ оборонили Русскую землю отъ поганыхъ» [6]). Такимъ образомъ, горожане вмѣстѣ

[5]) Лавр. 987 г.
[6]) Лавр. 1096 г.

съ духовенствомъ призываются къ участію въ рядѣ князей. — Лѣтопись сохранила намъ чрезвычайно любопытное свидѣтельство о порядкѣ переговоровъ народа съ княземъ въ описаніи совѣщаній, происходившихъ между внукомъ Владиміра Мономаха, Изяславомъ Мстиславичемъ, и Кіевлянами—по поводу войны съ Юріемъ Долгорукимъ и его союзникомъ, Святославомъ Ольговичемъ. Получивъ приглашеніе Черниговкихъ князей выступить противъ Юрія, Изяславъ созываетъ бояръ своихъ и Кіевлянъ и говоритъ имъ: «я сгадалъ съ братьею своею, съ Володиміромъ и Изяславомъ Давыдовичами и съ Всеволодовичемъ Святославомъ, хочемъ пойдти на Юрія, на стрыя своего, и на Святослава, къ Суздалю: зане Юрій принялъ подъ защиту свою врага моего, Святослава Ольговича. Братъ Ростиславъ такъ же къ намъ присоединится съ Смольнянами и Новгородцами». На это изложеніе обстоятельствъ дѣла, имѣвшее цѣлью побудить Кіевлянъ къ войнѣ съ Юріемъ, послѣдніе даютъ такой отвѣтъ: «Княже! походи съ Ростиславомъ на стрыя своего, лѣплѣ ся съ нимъ улади; Ольговичемъ вѣры не ими, ни съ ними ходи въ путь». Чтобы разсѣять это недовѣріе Кіевлянъ къ Ольговичамъ, Изяславъ ссылается на то, что они цѣловали къ нему крестъ и заключаетъ свою рѣчь приглашеніемъ вооружиться: «а вы доспѣвайте», говоритъ онъ. Кіевляне отвѣчаютъ прямымъ отказомъ: «Княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей хоть и съ дѣтьми». Не получивъ согласія вѣча, Изяславъ отправился на помощь къ Ольговичамъ съ одними охотниками. Ближайшія событія показали, что недовѣріе Кіевлянъ къ Черниговскимъ князьямъ было совершенно основательно. Еще не достигнувъ Чернигова, Изяславъ узналъ, что союзники его отступили отъ него и цѣловали крестъ къ Святославу Ольговичу. Изяславъ рѣшился возвратиться въ Кіевъ и послалъ впереди себя двухъ мужей, Добрынку и Радило, къ брату Владиміру, остававшемуся въ Кіевѣ, и къ Лазарю, тысяцкому, съ такими рѣчами: «брате! ѣди къ митрополиту и созови Кыяны всѣ, пусть мои послы разскажутъ имъ лесть Черниговскихъ князей». На это новое обра-

щеніе князя Кіевляне отвѣчали: «ради, еже ны Богъ тебе избавилъ отъ великія льсти, идемъ по тебѣ и съ дѣтьми, акоже хощеши» [7]). На сколько согласіе съ народомъ составляло силу князя, видно между прочимъ изъ словъ того же Изяслава къ королю Угорскому. Приглашая его къ себѣ на помощь противъ Юрія и желая показать свою силу, онъ говоритъ ему: «а ти скажутъ твои мужи.... како ся по насъ яла вся Русская земля и Черные Колбуки» [8]).

Въ параллель къ только-что приведенному примѣру соглашенія Изяслава съ Кіевлянами укажемъ на соглашеніе племянника Изяслава, Мстислава Ростиславича, съ Новгородцами. «Сидящу же Мстиславу въ Новгородѣ Великомъ, разсказываетъ лѣтописецъ, и вложи Богъ въ сердце Мстиславу мысль благу пойти на Чюдь, и созва мужи Новгородскіи и рече имъ: братье! обидятъ насъ поганые; а быхомъ, узрѣвше на Богъ и св. Богородици помочь, помстили себя и свободили быхомъ Новгородьскую землю отъ поганыхъ. — И бы люба речь его всимъ мужемъ Новгородьскимъ, и рекоша ему: Княже! аще се Богови любо и тобѣ, а се мы готовы есмы». — По смерти этого князя, постоянно дѣйствовавшаго въ согласіи съ народомъ, лѣтописецъ говоритъ такія слова въ похвалу ему: «не бѣ бо тоѣ землѣ въ Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть....» [9]).

Не менѣе любопытный примѣръ «соглашенія» князя и вѣча представляетъ княженіе сына Мстислава, Мстислава Мстиславича. «Того же лѣта, разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1214 годомъ, присласша внуци Ростиславли въ Новгородъ къ Мстиславу Мстиславичу: се не творитъ намъ Всеволодъ Святославичъ части въ Русской земли; а поиди, поищемъ своей отчины. Мстиславъ же созва вѣче на Ярославли дворѣ и поча звати Новгородцы Кыеву на Всеволода Чермнаго. Рекоша ему Новгородци: камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вержемъ! И поиде кн. Мстиславъ съ Новгородцы къ Кыеву, мѣсяца іюня, на Св. Ѳеодора. И доидоша Смоленска, и бысть распря Новгородцамъ съ Смолняны, и убиша Новгородцы Смолнянина, а по

[7]) Лавр. и Ипат. 1147 г. [8]) Ипат. 1151 г. [9]) Ипат. 1178 и 1179 г.

князи не поидоша. Князь же Мстиславъ на вѣче поча звати, они же не поидоша; князь же, цѣловавъ всѣхъ, поклонився, поиде. Новгородцы же, сотворивше вѣче о собѣ, почаша гадати. И рече Твердиславъ посадникъ: яко, братье, страдали дѣди наши и отци за Русскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своемъ князи. И тако поидоша изъ Смоленска, и постигше князя и начаша воевати по Днѣпру города Черниговскіе....» [10]).

Сѣверная Владимірская волость также имѣла своихъ любимцевъ въ лицѣ Всеволода Юрьевича, могущественнѣйшаго князя своего времени, и его потомковъ. Лѣтописи сохранили не одно свидѣтельство объ уваженіи, съ которымъ Всеволодъ относился къ народной волѣ. Въ 1177 году, по смерти Михалки, между Владиміромъ и Ростовомъ снова обнаружилась розпь. Владимірцы призвали къ себѣ Всеволода, Ростовцы и партія бояръ — Мстислава Ростиславича. Чтобы уладить безъ кровопролитія это разногласіе города съ пригородомъ, Всеволодъ посылаетъ сказать Мстиславу: «тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ и Владимірцы, а Суздаль буди намъ обче, да кого восхотятъ, то имъ буди князь». Такое же указаніе на признаніе Всеволодомъ за городами права свободнаго призванія князей находимъ и въ Новгородской лѣтописи подъ 1184 годомъ. «Томъ же лѣтѣ, разсказываетъ лѣтописецъ, выведе Всеволодъ своякъ свой изъ Новгорода: негодовахуть бо ему Новгородцы, зане много творяше пакости волости Новгородской». Въ 1183 году Всеволодъ Юрьевичъ не принялъ Николая Грека, поставленнаго митрополитомъ Никифоромъ — епископомъ въ Суздальскую землю, на томъ основаніи, что — «не избраша сего людье земли нашея», какъ онъ приказалъ сказать митрополиту [11]). Всеволодъ Юрьевичъ былъ по преимуществу народный князь: своимъ торжествомъ надъ Ростиславичами и надъ Рязанскими князьями онъ именно былъ обязанъ своему

[10]) Новгр. I. 1214 г.

[11]) Лавр. 1177 г., Новгр. I. 1184 г., Ипат. 1183 г.: въ Новгр. I. подъ 1196 годомъ при заключеніи мира Всеволодомъ съ Черниговскими князьями читаемъ: «и взяша миръ межи собою, а Новгородъ выложиша вси князи на свободу, кдѣ имъ любо тужо собѣ князя поимають....».

единенію съ Владимірцами и той поддержкѣ, которую умѣлъ находить въ Новгородѣ [12]).

Въ томъ же духѣ дѣйствовали и сыновья его, изъ которыхъ старшій, Константинъ, соединился съ старой Ростовской партіей, а Юрій съ новой — Владимірской [13]).

Такимъ образомъ, князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ было необходимо взаимное соглашеніе.

Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни была необходима значительная доля уступчивости какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предположенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія.

Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ этой уступчивости. Такъ про Ярополка Святославича лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился «народа ради». Въ 1015 г. Ярославъ обманомъ перебилъ многихъ изъ нарочитыхъ мужей Новгородскихъ въ отмщеніе за то, что они участвовали въ осужденіи и казни, находившихся у него въ услуженіи Варяговъ. Не прошло и дня послѣ этого избіенія, какъ ему понадобилась помощь тѣхъ же Новгородцевъ для войны со Святополкомъ Кіевскимъ. Ярославъ созвалъ вѣче, со слезами на глазахъ высказалъ раскаяніе въ своемъ недавнемъ поступкѣ и просилъ Новгородцевъ пойдти съ нимъ къ Кіеву. На эту рѣчь князя вѣче отвѣчало: «аще княже, братья наша исѣчена суть, можемъ по тебѣ бороти». — Такимъ образомъ, Новгородцы оказываютъ поддержку Ярославу, не смотря на то, что имѣли противъ него важную причину неудовольствія. Въ 1097 г. Владимірскій князь, Давыдъ Игоревичъ, очень не хотѣлъ выдавать своихъ помощниковъ въ ослѣпленіи Василька,

[12]) См. Новгр. I. 1199 и 1209 г.; а также заявленія Переславцевъ, Новгородцевъ и Владимірцевъ подъ 1177 г., Лавр.

[13]) См. Воскр. 1211 г. и выше приведенные переговоры Юрія съ Владимірцами и Ярослава съ Переславцами стр. 12.

Туряка, Лазаря и Василя, но уступилъ волѣ Владимірскаго вѣча, когда оно свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей поставило въ зависимость отъ этой выдачи. — Въ 1102 году Владиміръ Мономахъ и Святополкъ договорились вывести изъ Новгорода Мстислава Владиміровича и посадить тамъ сына Святополкова. Новгородцы не согласились на эту смѣну и князья уступили имъ. Подобно этому въ приведенномъ уже примѣрѣ Изяславъ Мстиславичъ, не получивъ поддержки Кіевскаго вѣча въ войнѣ съ Юріемъ 1147 г., — отправляется на помощь къ Черниговскимъ князьямъ съ одними только охотниками. — Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владиміръ послѣ несчастной для него Липецкой битвы, созываетъ вѣче и предлагаетъ затвориться въ городѣ. Владимірцы, понесшіе большія потери на Липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ новое сопротивленіе. Князь уступаетъ имъ, и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выдти изъ города. На это Владимірцы согласились. — Въ 1266 г. Ярославъ, Переяславскій и Новгородскій князь, прибылъ въ Новгородъ съ литовскими полками для того, чтобы идти войною на Псковъ, который только-что призналъ своимъ княземъ Довмонта Литовскаго. Новгородцы не согласились на этотъ походъ, князь уступилъ и отослалъ назадъ свои полки [14].

Кто знаетъ, какія непреодолимыя затрудненія представляетъ для теоріи государственнаго права такая организація верховной власти, которая совершенно бы устраняла всякую возможность враждебныхъ столкновеній разнородныхъ элементовъ, входящихъ въ ея составъ, изъ которыхъ каждый долженъ сохранить свою независимость отъ другаго; тотъ не удивится, что возможность враждебныхъ столкновеній князя и вѣча не была устранена нашимъ древнимъ государственнымъ устройствомъ. При отсутствіи соглашенія, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга какъ двѣ самостоятельныхъ власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ.

[14] Татищ. гл. 4: Лавр. 1015 г., 1097 г., 1102 г., Ипат. 1147 г., Воскр. 1216 г., Новгор. I. 1266 г.

При возможномъ столкновеніе вѣча и князя, послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ князя, столь характеристической для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для князя главнѣйшее условіе успѣха.

Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи, или въ пользу ихъ противниковъ.—Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе дѣйствительно оказывалось, сторона, возбудившая рознь, не рѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Чрезвычайно любопытный примѣръ этому находимъ подъ 1220 г. Князь Всеволодъ былъ не доволенъ Новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ и хотѣлъ смѣнить его, хотя за нимъ и не было никакой вины. Поэтому вопросу Новгородцы раздѣлились: одни стали на сторонѣ князя, другіе—посадника. Такъ какъ ни кто не хотѣлъ уступить, то противники съѣхались на Ярославовомъ дворѣ вооруженные какъ на рать и выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ. «Князь же, продолжаетъ лѣтописецъ, узрѣвъ ряды ихъ (сторонниковъ Твердислава), оже хотятъ крѣпко животъ свой отдати, и не поѣха, но присла владыку Митрофана со всѣми добрыми повѣстьми. И сведе й владыка въ любовь и крестъ цѣлова и князь и Твердославъ. Богомъ и Св. Софіею крестъ возвеличенъ бысть, а дьяволъ попралъ, а братья всѣ вкупѣ быша».—Въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ князя было не мало Новгородцевъ, но посадника поддерживали два конца, а потому исходъ вооруженной борьбы могъ быть весьма сомнителенъ, что и заставило князя прекратить миромъ только-что возникшую рознь [14*].

Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался

[14*]) Новгр. I.

на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой. Укажемъ нѣсколько примѣровъ подобной побѣды князя надъ противной ему партіей. Въ 1144 г. приверженцы Ивана Ростиславича, воспользовавшись отсутствіемъ князя Владиміра изъ Галича, призвали своего любимца изъ Звенигорода и посадили на Галицкомъ столѣ. Владиміръ не захотѣлъ уступить княженія безъ борьбы, собралъ своихъ сторонниковъ и осадилъ Галичъ. Счастье войны было на его сторонѣ: Иванъ принужденъ былъ бѣжать, «Владиміръ же, продолжаетъ лѣтописецъ, вшедъ въ Галичъ, многи люди изсѣче, а иныя показни казнью злою». Подобно этому Звенигородцы, принадлежавшіе къ волости того же Владимира, въ 1146 г. во время осады Звенигорода русскими князьями, Всеволодомъ Ольговичемъ Кіевскимъ и его союзниками, «сотворили вѣче, хотячи ся передати». Воевода Владиміра, убивъ трехъ мужей, устрашилъ остальныхъ, и Звенигородцы стали биться безъ лести. Въ 1257 г. Возвягляне нарушили рядъ, заключенный ими съ княземъ Шварномъ. Отецъ Шварна, Даніилъ, пришелъ къ Возваглу съ большими силами, городъ сжегъ, а граждапъ подѣлилъ между побѣдителями [15]. — Въ Псков. лѣт. подъ 1456 г. читаемъ: «Разгнѣвася кн. вел. Василій Васильевичъ на Великій Новгородъ, на свою вотчину, и разверзе миръ съ ними и грамоты взметныя отсла въ Великій Новгородъ, а самъ поиде вел. князь на Новгородскую землю въ силѣ велицѣ; и навоеваша волостей много Новгородскихъ и Русу плѣниша. И выѣхаша Новгородцы съ кн. Василіемъ Суздальскимъ противу силѣ великаго князя, внезапуже удари на нихъ рать вел. князя и не бысть имъ Божія пособія..... Въ тоже время владыка новгородскій Еуѳимей поѣха съ посадники новгородскими и съ тысяцкими добивать челомъ великому князю Василію Васильевичу. И добиша челомъ владыка Еуѳимей и посадники новгородскіе и тысяцкіе за Великій Новгородъ полъдевяты тысящи рублевъ серебромъ. И князь Великій владычне благословенье и челобитье пріятъ и посадниковъ новго-

[15]) См. приведенныя мѣста въ Ипат. 1144 г., 1146 г., 1257 г.

родскихъ и тысяцкихъ и всего Великаго Новгорода и миръ имъ прикопча, пошлины и оброки вел. князю по старинѣ» [15*].

Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ напр., когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ Кіевскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ Половцами, Кіевляне освободили изъ заключенія Полоцкаго князя Всеслава и посадили его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1136 году Новгородцы, недовольные управленіемъ Всеволода, показываютъ ему путь; тоже самое дѣлаютъ они съ Ростиславичами въ 1154 г. и съ Ярославомъ Всеволодичемъ въ 1270 г. Въ 1175 г. Смольняне изгоняютъ Ярополка; въ 1176 г. Владимірцы и Переяславцы—Мстислава и Ярополка Ростиславичей и пр. [16]).

Изгнаніе, впрочемъ, не всегда было послѣднимъ актомъ враждебнаго столкновенія князя съ вѣчемъ. Изгнанные князья не рѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Эта новая, на этотъ разъ внѣшняя война—приводитъ къ новымъ комбинаціямъ опять смотря по отношенію силъ. Такъ напр., Святославъ Ростиславичъ, при-

[15*] Псков. I. 1456 г. Сюда же относится и случай послѣдней борьбы Новгорода съ Иваномъ Васильевичемъ, в. к. Московскимъ и Новгородскимъ, въ которомъ Новгородская рознь оказала такую дѣятельную помощь великому князю. Въ Псков. I. лѣт. подъ 1478 г. читаемъ по этому поводу: «князь же великій подъ Новымгородомъ сталъ статьемъ на выстояніе, уже стоялъ недѣли 3 и 4, а жди отъ нихъ кое ему челомъ добьютъ; а Новгородцы тоже дожидали кое отъ нихъ самъ прочь поидетъ, или прикончаетъ съ ними по ихъ старинамъ по прежнимъ. Князь же великій таки сталъ некрѣпка, а хотя надъ ними всю свою волю взяти; уже бывше недѣлямъ 8, какъ князя великаго силы подъ городомъ стали, а людямъ мятущимся въ осадѣ въ городѣ, ины хотяще битися съ княземъ в., а ины за в. к. хотяще задати, а тѣхъ больше, которые задатися хотятъ за в. к. Се же видѣвъ к. Василій Шуйскій неустроеніе ихъ и великій мятежъ, и челомъ ударя и цѣлованіе крестное сложа и у нихъ выѣде вонъ изъ града и в-му к-зю пріѣхавъ челомъ билъ и крестъ цѣловалъ: и онъ его прияалъ. Новгородцы, видѣвше что ихъ воевода и князь кормленый, о комъ было имъ стояти и боронитися, отъ нихъ изъ града выѣхалъ,—все упованіе положиша на Бога и во всю волю в-го к-зя вдашася и градъ ему отвориша.....» Послѣднее замиреніе съ Новгородомъ на всей волѣ в-го к-зя имѣло слѣдствіемъ: уничтоженіе вѣча и всѣхъ особенностей Новгородскаго быта. Но и здѣсь это уничтоженіе старины не мыслилось само собой — въ словахъ: «на всей волѣ в-го к-зя», а въ ближайшемъ опредѣленіи этой воли, которое в. князь высказалъ въ такой формѣ: «вѣчевому колоколу не быть» и пр.

[16]) Лавр. 1067 г., Новгр. I. 1136 г., Соф. I. 1154 г., Новгр. I. 1270 г., Ипат. 1175 г., Сузд. 1176 г.

нужденный оставить Новгородъ въ 1167 г., находитъ поддержку въ Смоленскихъ князьяхъ и Андреѣ Юрьевичѣ Владимірскомъ. Возникшая вслѣдствіе этого война между помянутыми князьями и Новгородомъ была окончена въ 1170 г. миромъ съ Андреемъ, по которому Новгородцы приняли къ себѣ на столъ дружественнаго Андрею Рюрика Ростиславича [17]).

Личность князя оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Это дѣлалось въ видахъ безопасности, напр. до пріѣзда новаго князя, или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону изгоняемаго; если бы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усиленію его партіи [18]).

Нельзя сказать того же объ имуществѣ князя и личности его ближайшихъ приверженцевъ и слугъ. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Такъ поступили напр. Кievляне въ только-что приведенномъ примѣрѣ съ имуществомъ князя Изяслава. Въ 1158 г. тѣ же Кіевляне въ отмщеніе князю Юрію, съ которымъ они никогда не умѣли ужиться, грабятъ по его смерти дворъ его и избиваютъ приведенныхъ имъ съ собою Суздальцевъ [19]).

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончившейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Образчикъ этому находимъ подъ 1173 г. Извѣстны смуты, которыя происходили въ Галичѣ по поводу особаго покровительства, оказываемаго кн. Ярославомъ «Настаськѣ» и Чагровой

[17]) Новгр. I. отъ 1167 г. до 1170 г.

[18]) См. напр. Новгр. I. 1136 г. и 1210 г.—Убійство Игоревичей въ Галичѣ—есть дѣло мести за избіеніе ими Галицкихъ бояръ, см. Ипат. 1208 г. Точно также не противорѣчитъ высказанному въ текстѣ правилу—убіеніе Игоря въ Кіевѣ, и требованіе Владимірцевъ отъ Всеволода, чтобы онъ казнилъ плѣненныхъ имъ князей. Здѣсь дѣло идетъ не о своихъ князьяхъ, а о чужихъ, которые находятся въ войнѣ съ помянутыми волостями.

[19]) Ипат. 1158 г.

Чади». Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чагрова чадь избита, Настаська сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, сколько было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Новаго единенія съ народомъ хотѣлъ достигнуть и Новгородскій князь, Ярославъ Всеволодовичъ, когда противной ему партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и «исписать на грамоту всю вину его». Въ отвѣтъ на требованіе вѣча — выѣхать изъ Новгорода, онъ шлетъ къ нему пословъ съ поклономъ и такими рѣчами: «того всего лишюся (т. е. того, что взялъ не справедливо), а крестъ цѣлую на всей воли вашей». Новгородцы не согласились и князь принужденъ былъ выѣхать [20]. — Эта готовность князей покончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе, объясняетъ не рѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя.

Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ, и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ; такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ. Въ 1068 г. Кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ при вѣсти о приближеніи только-что изгнаннаго изъ Кіева Изяслава Ярославича съ Польскою помощью, составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнаннаго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола, даютъ, такое обѣщаніе Кіевлянамъ: «мы пошлемъ къ брату своему: если пойдетъ на васъ съ Ляхи, губить васъ, то мы выдемъ противу ему ратью, не дадимъ погубить града отца своего; аще ли хощеть съ миромъ, то въ малѣ придеть дружинѣ!» Въ надеждѣ на эту помощь, Кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Въ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ, придя въ Новгородъ, созываетъ вѣче и держитъ такую рѣчь: «се, братье! сынъ мой

[20]) Ипат. 1173 г., Новгр. I. 1270 г.

и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидитъ стрый мой, Юрій, пань есмь пришелъ сѣмо, оставя Русскую землю, васъ дѣля и вашихъ дѣля обидъ. А гадайте, братье, како нань пойти, а любо съ нимъ миръ возмемъ, паки ли съ нимъ ратью кончаемы». Новогородцы захотѣли войны, и волость Юрія была опустошена. Подобно этому Мстиславъ Мстиславичъ приходитъ въ 1210 г. на помощь Новгороду «слышавъ насилье отъ князь». Въ 1211 г. Даніилъ, призванный галицкими боярами, противъ которыхъ замышляли недоброе Галицкіе князья, Игоревичи, такими рѣчами убѣждаетъ передаться на свою сторону гражданъ Перемышля, еще остававшихся за послѣдними: «почто стоите при томъ князи, иже обидѣ васъ много? Я вашъ князь, на него пріидохъ вамъ въ помощь» [21]).

Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникаютъ всю нашу древнюю жизнь.—Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратить вниманіе на слѣдующее:

Во 1-хъ, война никогда не ведется противъ князя вообще, какъ формы государственнаго быта, она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе не извѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя [21*]). Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть въ высшей степени народная власть.

Во 2-хъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработаннымъ формамъ, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчевыхъ порядковъ не представляется не столько необходимымъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользую-

21) Лавр. 1068 г., Ипат. 1148 г., Новг. I. 1210 г., Густ. 1211 г.

21*) Любопытный образчикъ умѣренности народа, его нежеланія расширять свою власть, представляетъ разсказъ лѣтоп. о Кіевлянахъ подъ 1097 г. Святополкъ Кі-

щійся популярностью, можетъ напр. выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться съ своими боярами и за тѣмъ послать биричей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересѣ самаго народа, напр. для отраженія Половцевъ и под. [22]). По существу такая война носитъ на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужаго рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣчеваго рѣшенія,—давала князю большую свободу дѣйствія и не мало способствовала усиленію княжескихъ усобицъ, которыя такимъ образомъ ускользали отъ постояннаго контроля болѣе спокойной половины населенія.—Тоже самое явленіе замѣчаемъ и по отношенію къ законодательству. Законодательная власть принадлежала вѣчу и князю вмѣстѣ; но это вовсе не значило, что князь не могъ издать ни одного постановленія безъ предварительнаго соглашенія съ вѣчемъ. Призванный для отправленія правосудія, князь не только судилъ, но и установлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ [22*]). Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ напр., чрезмѣрная высота продажъ и виръ возбуждала протесты вѣча, а иногда и прямо приводила къ изгнанію князя [23]).

свекій созываетъ бояръ и Кіянъ и передаетъ имъ обвиненіе Василька Давыдомъ. «И рѣша Бояре и людіе, говоритъ лѣтописецъ: тобѣ, княже, достоитъ блюсти головы своее; да аще есть право молвилъ Давыдъ, да приметь Василько казнь; аще ли неправо, да приметь месть отъ Бога». Такимъ образомъ, народъ отказывается отъ предложеннаго ему суда надъ Василькомъ, и предоставляетъ самому князю какъ изслѣдованіе дѣла, такъ и произнесеніе приговора.

[22]) См. Лавр. 1078 г., 1102 г. и Воскр. 1113 г.; сюда же надо относить и такія извѣстія, какъ напр. Лавр. 1015 г., 1019 г. и под.

[22*]) См. Русск. Прав., сп. Акад. ст. 21, сп. Троиц. ст. 2 и 48.

[23]) Такъ Кіевляне требуютъ отъ новаго князя своего Игоря, чтобы тіуны.

Таковы были отношенія князя къ вѣчу. Въ заключеніе мы должны остановиться на тѣхъ видоизмѣненіяхъ этихъ отношеній, которыя условливались—взаимными отношеніями князей между собой.

До сихъ поръ мы имѣли исключительно въ виду волость и ея князя. Но князь не стоитъ изолированно среди другихъ князей; онъ находится къ нимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ [23*]. Въ силу преобладанія личнаго элемента въ нашей древней исторіи, взаимныя отношенія князей не составляютъ непремѣнно взаимныхъ отношеній волостей: волости могутъ оставаться совершенно чуждыми тѣмъ войнамъ, которыя ведутъ между собою ихъ князья. Такъ, въ недавно приведенномъ примѣрѣ, Кіевская волость отказалась помогать Изяславу Мстиславичу въ войнѣ его съ Юріемъ; хотя въ войнѣ Изяслава и участвовали Кіевляне, но война была предпринята не отъ имени волости, а лично княземъ и на его собственный страхъ. При враждебныхъ столкновеніяхъ князей мы усматриваемъ даже не рѣдко прямое желаніе послѣднихъ щадить волость, не распространять на ея жителей гибельныхъ послѣдствій войны, по возможности ограничивать ея дѣйствіе—однимъ княземъ и его ближайшими приверженцами. Такъ напр., Владиміръ, занявъ Кіевскій столъ по убіеніи брата своего, Ярополка, не допускаетъ Варяговъ взять окупъ на Кіевлянахъ. — Всеволодъ Ольговичъ, изгнавъ изъ Чернигова въ 1127 г. дядю своего, Ярослава, бьетъ и грабитъ только дружину послѣдняго. Подобно этому Мстиславъ Изяславичъ въ 1156 г., напавъ внезапно на дядю своего Володиміра, занимавшаго Владимірскій столъ, принуждаетъ послѣдняго бѣжать изъ Владиміра въ Перемышль и за тѣмъ довольствуется грабежомъ имущества князя и его дружины. Точно также въ Кіевѣ, Изяславичи, добывъ въ 1159 г. Кіевскій столъ князю Ростиславу, грабятъ только дружину прежняго князя,

его отымали съ суда урокомъ, а въ свою волю людей не продавали». Воскр. 1146 г. Причина изгнанія Ростиславичей изъ Владиміра въ 1175 г. заключалась въ томъ, что посадники ихъ «многу тяготу людямъ створиша продажами и вирами; а сама князя млада суща, слушаста бояръ, а бояре учахуть на многое иманіе....» Ипат.

[23*]) Разсмотрѣнію этихъ отношеній будутъ посвящены двѣ слѣдующихъ главы.

Изяслава Давыдовича [24]).—Такое стремленіе князей ограничить бѣдствія войны сколько возможно тѣснымъ кругомъ — совершенно понятно: щадя имущество и жизнь жителей волости враждебнаго имъ князя, они тѣмъ самымъ облегчаютъ себѣ соглашеніе съ этими послѣдними, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность.

Несмотря, однако, на нѣкоторую возможность ограничить враждебныя столкновенія князей тѣснымъ кругомъ ближайшей княжеской дружины, взаимныя отношенія князей не могли оставаться и не оставались безъ вліянія на отношенія вѣча къ своему князю. Главнѣйшимъ образомъ это вліяніе сказывалось на осуществленіи народомъ права призванія. Войны князей другъ съ другомъ хотя и не были направлены противъ народа, но по скольку въ своихъ послѣдствіяхъ онѣ разрушали ту связь, которая разъ уже установилась между народомъ и его княземъ, эти войны касались народа.

Какъ же народъ относился къ нимъ? Положеніе, которое принимала волость въ случаѣ враждебнаго столкновенія князей,—было различно, смотря по различію самыхъ случаевъ столкновенія. Для его пониманія должно имѣть въ виду:

Во 1-хъ, хотя для волости князь и составляетъ необходимость; но различіе между тѣмъ и другимъ княземъ въ данномъ случаѣ могло быть далеко не такъ велико, чтобы волость поддержаніе своего князя противъ его противника должна была считать необходимымъ во чтобы то ни стало. Для примѣра укажемъ на Кіевскія событія отъ 1067 до 1077 года. Въ 1068 г. Кіевляне, опасаясь мести изгнаннаго ими князя, Изяслава Ярославича, который приближался къ Кіеву съ Лядскою помощью. шлютъ приглашеніе къ братьямъ его, Святославу и Всеволоду Ярославичамъ. Святославъ и Всеволодъ отказались отъ предложеннаго имъ стола, но обѣщали помочь Кіевлянамъ въ томъ случаѣ, если бы Изяславъ вздумалъ мстить имъ. Кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Подъ 1073 г. лѣтописецъ повѣствуетъ слѣдующее: «Воздвиже дьяволъ котору въ братьи сей.

[24]) Лавр. 980 г., 1127 г., Ипат. 1150 г., 1159 г.

въ Ярославичахъ; бывши распри межи ими, быста Святославъ со Всеволодомъ на Изяслава; изыде Изяславъ изъ Кіева, Святославъ же и Всеволодъ внидоста въ Кіевъ.... и сѣдоста на столѣ....» Эта перемѣна произошла чрезвычайно спокойно, Кіевляне не приняли въ ней участія, чѣмъ и надо объяснять совершенное молчаніе лѣтописца о вооруженномъ столкновеніи между противниками. Это и понятно. Дѣятельная поддержка Изяславу могла вовлечь Кіевлянъ въ рискованную войну съ двумя сильными князьями; тогда какъ пассивное положеніе не заключало въ себѣ ни малѣйшей для нихъ невыгоды: князь мѣнялся, но вмѣсто Изяслава они получали Святослава и Всеволода, которыхъ призывали сами не задолго передъ тѣмъ. — Точно также въ сторонѣ держали себя Кіевляне и при слѣдующей смѣнѣ Всеволода Изяславомъ въ 1077 г. Изяславъ пришелъ на Всеволода безъ ихъ помощи, ему помогали Ляхи; но и Всеволоду не оказали они дѣятельной поддержки: хотя Всеволодъ и вышелъ на встрѣчу Изяславу, но сразиться не рѣшился, и предпочелъ миръ, по которому отказался отъ Кіева. Кіевляне снова приняли Изяслава, противъ котораго въ настоящемъ случаѣ они также ничего не имѣли, какъ въ предшествовавшемъ противъ его братьевъ: Изяславъ былъ добрый князь, онъ не мстилъ даже за свое изгнаніе въ 1067 году [25]).

Кромѣ того, князь могъ совершить преступленіе и тѣмъ возбудить противъ себя враждебныя дѣйствія другихъ князей. Стоять за такого князя, значитъ дѣлаться его сообщникомъ. Въ 980 г. Кіевляне были очень далеки отъ того, чтобы оказать дѣятельную помощь князю Ярополку, убійствомъ Олега навлекшему на себя преслѣдованіе со стороны Владиміра. Судя по словамъ Блуда, они даже вступили въ тайное сношеніе съ Владиміромъ, обѣщая ему сдать городъ. Блудъ имѣлъ побужденіе именно въ такомъ свѣтѣ представить Ярополку положеніе дѣлъ, а потому мы и не можемъ вполнѣ полагаться на его слова; но не подлежитъ сомнѣнію, что,—какъ только Ярополкъ оставилъ Кіевъ, Кіевляне не оказали ни малѣйшаго противо-

[25]) Лавр. отъ 1067 до 1077 г.

дѣйствія Владиміру и признали его своимъ княземъ.—Подобно этому Давыдъ Игоревичъ, навлекшій на себя преслѣдованіе братьевъ ослѣпленіемъ Василька, не находитъ большой поддержки въ своей волости и ищетъ помощи у Ляховъ: окруженный Святополкомъ во Владимірѣ, Давыдъ принужденъ былъ выдти изъ города, не испробовавши ни разу силы своего оружія; несомнѣнный знакъ, что Владимірцы не рѣшились выступать на его защиту.—Въ 1207 г., во время вражды Всеволода Юрьевича съ Рязанскими князьями, возникшей вслѣдствіе нарушенія ими договора со Всеволодомъ,—Рязанцы сами выдаютъ послѣднему «остатокъ своихъ князей и со княгинями» [26]).

Во 2-хъ, такое пассивное положеніе волости въ княжескихъ усобицахъ, хотя и требуется иногда здравой политикой, но никакъ не можетъ составить общаго правила. Постоянное невмѣшательство волостей въ княжескія отношенія, возведенное въ правило, отдало бы ихъ въ жертву княжескихъ усобицъ. Волости нуждались въ мирѣ и не могли не подавать своего голоса въ его пользу. Любопытный образчикъ такого голоса находимъ подъ 1097 г. Владиміръ Всеволодовичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи, подозрѣвая Святополка Кіевскаго въ участіи при ослѣпленіи Василька, вознамѣрились изгнать его изъ Кіева. Получивъ вѣсть объ этомъ, Святополкъ рѣшается бѣжать. Кіевляне, зная, что бѣгствомъ распря братьевъ не кончится, что Святополкъ можетъ вернуться отыскивать Кіевскаго стола съ чужой помощью, удержали его и послали къ Владиміру такое посольство: «молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Руськыѣ земли; аще бо възмете рать межю собою, поганіи имуть радоватися, возмуть землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣды ваши, трудомъ великимъ и храбрьствомъ поборающе по Руськѣй земли, иныя земли прінскиваху; а вы хочете погубити землю Руськую». Князья остановились и заключили миръ [27]).

Съ другой стороны, въ договорахъ, заключаемыхъ между на-

[26]) Лавр. 980 г., 1097 г., 1207 г.
[27]) Лавр. 1097 г.

родомъ и княземъ, не рѣдко помѣщалось условіе: «не разлучаться съ княземъ ни въ какомъ случаѣ, умереть съ нимъ вмѣстѣ». Невмѣшательство въ войну князей въ этомъ послѣднемъ случаѣ, было бы прямымъ нарушеніемъ обязательства, принятаго на себя народомъ. Точно также необходимо было вмѣшательство, когда опасность потерять столъ угрожала любимому народомъ князю.

Итакъ, хотя княжескія войны возникаютъ по побужденіямъ совершенно чуждымъ интересамъ волости, хотя прямыя пользы народа не рѣдко требуютъ самаго строгаго невмѣшательства и ограниченія враждебныхъ дѣйствій возможно тѣснымъ кругомъ, тѣмъ не менѣе есть случаи, въ которыхъ участіе въ войнѣ не только составляетъ обязанность волости, но и предписывается ея прямыми интересами.

Выборъ между вмѣшательствомъ и невмѣшательствомъ условливается особенностями каждаго даннаго случая и составляетъ задачу современной политики.

Если народъ рѣшался силою поддержать своего князя, случай далеко не рѣдкій [28]),—онъ долженъ былъ подчиниться и всѣмъ послѣдствіямъ войны [29]).

[28]) Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Въ войнѣ Ярослава съ Святополкомъ 1015—1019 г. Новгородцы оказываютъ энергическую помощь своему князю. Лавр. Въ войнѣ Всеволода и Изяслава Ярославичей съ племянниками, Борисомъ Вячеславичемъ и Олегомъ Святославичемъ, Черниговцы стоятъ за своего князя, Олега, и не впускаютъ къ себѣ въ городъ его противниковъ, хотя самого Олега и не было въ Черниговѣ. Лавр. 1078 г. Подобно этому Кіевляне поддерживаютъ своего любимца, Изяслава Мстиславича, противъ Ольговичей и даже противъ Юрія. Ипат. 1147 и 1150 г. Такою же поддержкой пользуется сынъ Изяслава, Мстиславъ, у Владимірцевъ Волынскихъ. Въ 1157 г. они отстаиваютъ его въ теченіи 10 недѣль противъ соединенныхъ усилій Юрія и Ярослава Галицкаго: Юрій принужденъ былъ снять осаду. Ипат. Война Андрея Боголюбскаго съ Мстиславомъ Кіевскимъ въ 1171 г. есть ни что иное, какъ самая грубая народная борьба—Смольнянъ, Суздальцевъ и Черниговцевъ противъ богатыхъ Кіевлянъ, въ которой на первомъ мѣстѣ стояла жажда обогатиться на счетъ матери городовъ Русскихъ. Ипат. 1171 г. Въ 1024 г. Кіевляне не принимаютъ къ себѣ Мстислава, хотя князь ихъ, Ярославъ, и былъ въ Новгородѣ. Воскр. Въ 1147 г. Выревцы не сдаются Святославу Всеволодичу, говоря, что у нихъ есть свой князь, Изяславъ. Ипат. Ср. еще 1160 г. тамъ же. Въ 1155 г. Лучане отсидѣлись съ своимъ княз., Ярославомъ Изяславичемъ, отъ Ярослава Галицкаго. Ипат. Въ 1158 г. Туровцы 10 недѣль отстаивали своего князя, Юрія Ярославича, противъ Изяслава Давыдовича и его союзниковъ: осаждавшіе принуждены были отступить. Ипат. Въ 1205 г. Галичане, по смерти Романа, цѣлуютъ крестъ сыну его, Даніилу, и защищаютъ его противъ Рюрика и Ольговичей. Лавр. Въ 1298 г. Переяславцы—выступаютъ для поддержанія князя своего, Ивана. Воскр.

[29]) Побѣжденный городъ не рѣдко «брался на щитъ»,—т. е. отдавалс на разгра-

Какъ невмѣшательство, такъ и вмѣшательство для побѣжденной стороны—имѣло послѣдствіемъ разрушеніе связи съ разъ признаннымъ уже княземъ и принятіе на столъ побѣдителя. Измѣненіе изображенныхъ нами отношеній князя къ вѣчу заключалось главнымъ образомъ въ этомъ первомъ моментѣ, насильственномъ занятіи стола, устранявшемъ осуществленіе права призванія. Послѣдующія же отношенія князя побѣдителя къ вѣчу не представляли существенныхъ особенностей: ему также было необходимо соглашеніе[30]) съ народомъ, какъ и князю призванному. При отсутствіи постояннаго войска, большія войны могли быть ведены только съ помощью народа, который расходился по домамъ, какъ скоро непосредственная цѣль войны была достигнута. Если бы князю съ помощью населенія своей волости или чужеземной и удалось изгнать своего противника и занять его столъ, этотъ успѣхъ еще нисколько не ручался за прочность пріобрѣтенія. Въ завоеванной волости могла остаться и обыкновенно оставалась только незначительная часть побѣдителей, ближайшая дружина князя. Эта небольшая горсть людей легко могла быть изгнана, если князь не успѣвалъ достигнуть единенія съ побѣжденными, или—по крайней мѣрѣ—составить себѣ среди нихъ сколько нибудь значительную партію. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучителенъ примѣръ Юрія Долгорукова: онъ не умѣлъ ладить съ Кіевлянами и потому, несмотря даже на нерѣдкое уклоненіе ихъ отъ открытой борьбы

бленіе побѣдителей. Кіевъ подвергся двумъ великимъ разореніямъ—въ 1171 и 1203 г. Лавр. До нашествія Татаръ такой участи не испытывалъ ни одинъ изъ большихъ городовъ древней Россіи. Это двукратное опустошеніе Кіева было главнѣйшей причиной утраты имъ того значенія, которымъ онъ пользовался почти до самаго конца XII вѣка. Второе послѣдствіе войны для стороны побѣжденной заключалось въ необходимости признать князя побѣдителя. Такъ въ 1078 г. Черниговцы, по пораженіи князя своего Олега, принимаютъ—соперника его Владиміра. Лавр. Въ 1146 г. Путивлечи принуждены признать Изяслава. Ипат. Въ 1167 г. Полочане принимаютъ побѣдителя, Володаря. Ипат. Въ 1199 г. Галичане должны признать Романа, которому помогалъ Лешко. Густ. Ср. еще Лавр. 1206 г., Новгр. 1273 г., Льсов. 1331 г.

[30]) Даже есть случаи ряда побѣжденнаго города съ княземъ побѣдителемъ. Такъ въ 1175 г. Владимірцы заключаютъ рядъ съ Ярополкомъ Ростиславичемъ, который во главѣ Ростовцевъ и Суздальцевъ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Сузд. На тоже указываетъ обоюдное крестное цѣлованіе Полочанъ съ Володаремъ, занявшимъ Полоцкъ въ слѣдствіе побѣды надъ Полоцкимъ княземъ Всеславомъ и Полочанами въ 1167 г. Ипат. Ср. еще извѣстіе Ипат. лѣт. подъ 1146 г. о сдачѣ Путивля Изяславу Мстиславичу.

съ нимъ, не успѣлъ прочно утвердиться на Кіевскомъ столѣ. Подобно этому и его внуки, Ростиславичи, хотя и вошли побѣдителями во Владиміръ и Переяславль, но были изгнаны, какъ скоро оказалось, что между ними и завоеванной волостью не можетъ быть единенія.

Волости сознавали, что княжескія усобицы были источникомъ многихъ бѣдствій, а потому и прибѣгали къ нѣкоторымъ мѣрамъ съ цѣлью ограничить ихъ. Сюда надо относить то извѣстіе, которое сохранилось о Полоцкѣ подъ 1128 г. Частыя войны Всеславичей съ Кіевскими Ярославичами приводятъ Полочанъ къ необходимости взять себѣ князя съ согласія Мстислава Кіевскаго, чтобы такимъ образомъ прекратить на будущее время опустошенія своей земли: «И тако, говоритъ лѣтописецъ, Полочане выгнаша Давыда съ сынами, поемше Рогволода идоша ко Мстиславу, просяче его собѣ княземъ, и сотвори волю ихъ Мстиславъ; поемше Рогволода, ведоша й къ Полотьску» [31]. Новгородцы призываютъ къ себѣ обыкновенно князей изъ сильнѣйшаго дома, а послѣ Монгольскаго нашествія — тѣхъ, которые получили Ханскій Ярлыкъ на Великое Княженіе. Это соединеніе съ сильнѣйшимъ княземъ въ значительной степени ограждало предѣлы новогородскіе отъ вторженія его болѣе слабыхъ противниковъ. Сюда же относится стремленіе сѣверныхъ Владимірцевъ ограничить число соискателей Владимірскаго стола—потомками Всеволода Юрьевича. Та же мысль—ограничить княжескія усобицы—проглядываетъ и въ нежеланіи Кіевлянъ поднять руку на Владимірово племя; это нежеланіе раздѣляютъ съ ними и Куряне (жители Курска) [32].

Но это были исключительно частныя мѣры отдѣльныхъ волостей, изъ которыхъ не выработалось никакихъ общихъ нормъ для всей Русской земли, что одно могло бы быть дѣйствительнымъ средствомъ противъ княжескихъ усобицъ. Во весь разсматриваемый періодъ отдѣльныя волости относились одна къ другой, какъ разныя государства. Это отсутствіе всякаго высшаго единенія — давало полную свободу эгоистическимъ стремленіямъ князей.

[31]) Ипат. 1128 г. [32]) Ипат. 1147 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Взаимныя отношенія князей.

Князья, занимавшіе столы древне Русскихъ волостей, принадлежали за небольшими исключеніями къ потомкамъ Рюрика. Эта принадлежность къ одному извѣстному роду не составляла, однако, необходимаго условія для занятія стола[1]); она была только естественнымъ слѣдствіемъ многочисленности Рюриковичей. Благодаря ей волости легко находили дома то, что при самомъ началѣ своей исторической жизни принуждены были отыскивать за моремъ.

Родственныя связи, которыя существовали такимъ образомъ почти между всѣми князьями, не могли, конечно, оставаться безъ вліянія на ихъ взаимныя отношенія; но отношенія эти опредѣлялись не родствомъ, а положеніемъ князей, какъ правителей независимыхъ одна отъ другой волостей.

Предметъ настоящей главы составляютъ взаимныя отноше-

[1]) Въ дополненіе къ приведеннымъ на страницѣ 69 случаямъ княженія другихъ родовъ, укажемъ еще слѣдующіе: въ 1018 г. Болеславъ Польскій занималъ Кіевскій столъ, въ 1188 г. Андрей, сынъ короля Венгерскаго, завладѣлъ Галичемъ, въ 1210 г. Галицкій столъ занималъ Бенедиктъ, гетманъ короля Венгерскаго, а въ 1212 г. Володиславъ, галицкій бояринъ; въ 1212 г. Лешко захватилъ часть отчины Галицкаго князя Даніила, а въ 1226 г. Бела, сынъ короля Венгерскаго, получилъ все Галицкое княженіе по договору съ тестемъ своимъ, Мстиславомъ Мстиславичемъ Галицкимъ; отъ 1231 до 1234 г. Галицкій столъ занималъ также сынъ короля Венгерскаго, Андрей; въ половинѣ XIII в. Литовскіе князья овладѣли значительной частью Полоцкаго княженія; въ 1266 г. Псковичи призвали къ себѣ на столъ Литовскаго князя Довмонта; въ 1383 г. на Новгородскихъ пригородахъ встрѣчаемъ князя Патрикѣя, такъ же изъ Литовскихъ князей, и пр.

нія князей самостоятельныхъ, т. е. князей, вышедшихъ изъ подъ отеческой власти. Отношенія же князей сыновей къ князю отцу опредѣлялись общимъ семейнымъ правомъ, въ силу котораго дѣти состояли въ подчиненіи волѣ ихъ отца: это были семейныя, а не государственныя отношенія. Волости, управляемыя князьями—дѣтьми, состояли какъ бы въ личномъ соединеніи съ волостью, управляемой княземъ отцемъ. Въ силу семейнаго подчиненія дѣтей отцу, — у нихъ былъ собственно одинъ князь — князь отецъ; князья же дѣти играли роль его намѣстниковъ, представляли своего отца. Во время пріѣзда князя отца въ волость сына, первый вступалъ во всѣ права послѣдняго: велъ переговоры съ вѣчемъ, предводительствовалъ на войнѣ и пр. [2]).

Каждому князю, вышедшему изъ подъ отеческой власти и занимающему столъ какой либо волости, принадлежитъ верховная власть этой волости въ тѣхъ предѣлахъ, которые обозначены въ главѣ III и V настоящаго изслѣдованія. Онъ вѣдаетъ всѣ дѣла своей волости внѣ всякой зависимости отъ другихъ князей: онъ можетъ вести войну и вступать въ союзы съ кѣмъ ему угодно; онъ собираетъ пошлины и дани для себя; на его судъ нѣтъ апелляціи къ другому высшему суду. Надъ такимъ княземъ не существуетъ никакой высшей княжеской власти [3]).

Взаимныя отношенія князей, какъ и всякихъ независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, опредѣляются договорами. Исторія княжескихъ отношеній есть ни что иное, какъ исторія договоровъ. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы: кому изъ князей принадлежало право вступать въ договоры, порядокъ совершенія договоровъ, ихъ виды и самое содержаніе договорнаго права; но послѣднее только на столько, на сколько оно не касалось порядка преемства столовъ и вообще перехода ихъ отъ одного князя къ другому, что составитъ предметъ слѣдующей главы; и наконецъ, средства, употребляв-

[2]) Для прим. см. Ник. 1131 г., Ипат. 1168 г., Лавр. и Новгор. I. 1256 г.
[3]) Ср. С. М. Соловьева объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ въ чтеніяхъ 1846 г. № 1. стр. 25, и его исторію Т. II стр. 10.

шіеся для обезпеченія силы договоровъ, и порядокъ ихъ уничтоженія.

Обращаясь къ первому вопросу, мы должны сказать, что право вступать въ договоры принадлежало каждому самостоятельному князю. Только отношенія дѣтей къ родителямъ опредѣлялись семейнымъ правомъ, и только между ними не было договоровъ; всѣ князья освободившіеся отъ отеческой власти могли вступать въ договоры какъ съ младшими изъ своихъ родственниковъ, такъ и со старшими. Какъ право вступать въ договоры не стѣснялось степенями родства, также точно не стѣснялось оно и относительнымъ значеніемъ волостей, управляемыхъ князьями: князья старшихъ волостей заключали договоры съ князьями, занимавшими столы въ младшихъ волостяхъ.

Только что высказанное положеніе составляетъ наше дѣйствующее право на всемъ протяженіи разбираемаго періода, начиная взаимными отношеніями первыхъ трехъ братьевъ, Святославичей, и оканчивая XVI вѣкомъ, какъ временемъ окончательнаго установленія единодержавія.

Наши источники полны свидѣтельствами о договорныхъ отношеніяхъ князей. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ порядкѣ времени, но расположивши по тремъ группамъ: въ 1-ой будутъ указаны примѣры, свидѣтельствующіе о существованіи договорнаго права между родными братьями; во 2-ой между дядьями и племянниками первыхъ двухъ степеней; и наконецъ въ 3-ей между братьями, дядьями и племянниками болѣе отдаленныхъ степеней.

Необходимость въ договорѣ почувствовалась сейчасъ же, какъ только явилось н ѣ с к о л ь к о князей въ Русской землѣ. Эти первые «нѣсколько князей» были родные братья, Святославичи: Ярополкъ Кіевскій, Олегъ Древлянскій и Владиміръ Новгородскій. Въ войнѣ Владиміра съ Ярополкомъ воевода послѣдняго, Блудъ, даетъ такой совѣтъ своему князю: «видишь ли сколько войска у брата твоего? намъ ихъ не перебороть; твори м и р ъ съ братомъ своимъ!» И далѣе: «поиди къ брату твоему и рцы ему: что ми ни вдаси, то азъ пріиму». Ярополкъ послушался и

отправился къ Владиміру. Такимъ образомъ, прекращеніе войны и установленіе новыхъ отношеній между старшимъ братомъ и княземъ Кіевскимъ и его младшимъ братомъ, княземъ Новгородскимъ, — посредствомъ мирнаго трактата представляется дѣломъ нормальнымъ какъ самому князю, такъ и его приближеннымъ, не смотря на то, что старшему брату приходилось мириться на всей волѣ младшаго. — Сынъ и ближайшій преемникъ Владиміра, Ярославъ Кіевскій, заключилъ въ 1026 г. мирный договоръ съ младшимъ братомъ своимъ, Мстиславомъ, княземъ Черниговскимъ, при чемъ принужденъ былъ принять условія, предложенныя ему послѣднимъ еще въ 1024 г.—Тѣ же явленія встрѣчаемъ и въ XII в. Подъ 1132 г. находимъ извѣстіе о договорѣ, заключенномъ между родными братьями, Мстиславомъ и Ярополкомъ Владиміровичами, еще при жизни ихъ отца и по его повелѣнію. Свидѣтельство чрезвычайно любопытное, ибо указываетъ на то, что и въ глазахъ отца договоръ между князьями-братьями, которымъ они сами связываютъ свою волю, является необходимымъ средствомъ для опредѣленія ихъ отношеній въ будущемъ, когда прекратитъ свое существованіе соединяющая ихъ отеческая власть [1]). Сѣверо-восточная Русь въ этомъ отношеніи также мало отличается отъ юго-западной, какъ и въ другихъ. Едва умеръ Всеволодъ Юрьевичъ, державшій въ своей рукѣ весь Суздальскій край, какъ между его сыновьями обнаружились отношенія, совершенно подобныя тѣмъ, какія мы только-что наблюдали между князьями братьями въ юго-западной Россіи. Юрій, второй сынъ Всеволода, не надѣясь, что старшій братъ его, Константинъ, удовольствуется волостью, назначенною ему по распоряженію отца, и не будетъ искать подъ нимъ Владиміра, — заключаетъ оборонительный противъ Константина союзъ съ младшимъ братомъ своимъ, Ярославомъ, Переяславскимъ княземъ. Опасенія Юрія оказались совершенно основательными: какъ только узналъ Константинъ о смерти отца, такъ и началъ собирать войско на Юрія. Мирныя предложенія, сдѣланныя Юріемъ, были отверг-

[1]) Лавр. 980 г., 1024 г., 1026 г., 1132 г.

путы, и между братьями возгорѣлась война. Счастіе войны было на сторонѣ младшихъ братьевъ и старшій принужденъ былъ въ 1214 г. заключить съ ними миръ на условіяхъ, которыя (судя потому, что каждый братъ остался въ своей волости) были для Константина гораздо менѣе благопріятны, чѣмъ предложенныя ему передъ началомъ войны.—Мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ 1282 году, была прекращена война Даніила, Московскаго князя, съ старшимъ его братомъ Димитріемъ, великимъ княземъ Владимірскимъ. Въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ новый мирный договоръ между тѣмъ же великимъ княземъ Димитріемъ и другимъ младшимъ братомъ его, Андреемъ. Подъ 1301 годомъ находимъ извѣстіе о съѣздѣ князей у Дмитрова—также съ цѣлью заключенія мирнаго трактата. Участниками на этомъ съѣздѣ между другими князьями — являются и два родныхъ брата: Андрей Александровичъ, тогда великій князь Владимірскій, и младшій его братъ, Даніилъ Московскій. На съѣздѣ въ Костромѣ въ 1360 г. принимаютъ участіе родные братья, Андрей Константиновичъ Суздальскій и старшій братъ его, Димитрій Константиновичъ Нижегородскій [5]).

Тѣ же порядки продолжаются и во весь послѣдующій княжескій періодъ, отъ котораго сохранились полные тексты договоровъ. Обнародованныя до сихъ поръ собранія княжескихъ договоровъ далеко не исчерпываютъ своего предмета; но изданныхъ договоровъ совершенно достаточно, чтобы разсѣять всякое сомнѣніе относительно той роли, которую они играли въ опредѣленіи княжескихъ отношеній. Мы укажемъ на тѣ изъ нихъ, которые относятся къ разбираемому здѣсь вопросу. Великій князь Семенъ Ивановичъ, въ самый годъ вступленія своего на Московскій столъ, нашелъ необходимымъ особымъ договоромъ опредѣлить отношенія свои къ младшимъ братьямъ, Ивану и Андрею. Подобно этому внукъ его, великій князь Московскій Василій Димитріевичъ, заключаетъ договоръ съ двумя изъ младшихъ своихъ братьевъ, Андреемъ и Петромъ. Это

[5]) Сузд. 1213 г., 1214 г.; Льв. и Воскр. 1282 г., Соф. I. 1283 г., Загр. 1301 г., Воскр. 1360 г.

далеко не единственный договоръ между родными братьями, который сохранился намъ отъ XV вѣка: отъ этого времени до насъ дошло еще 11 подобныхъ договоровъ. Девять изъ нихъ заключены въ небольшой промежутокъ времени отъ 1472 г. до 1481 г. великимъ княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевичемъ съ его родными братьями—Андреемъ Большимъ, княземъ Углицкимъ, Борисомъ, княземъ Волоцкимъ, и другимъ Андреемъ, княземъ Можайскимъ. Два остальныхъ принадлежатъ Рязани и заключены между великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ и роднымъ братомъ его, Θедоромъ. — Въ самомъ началѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ договоръ, который совершенно переноситъ насъ въ XII вѣкъ, къ договору, приведенному выше подъ 1132 годомъ. Великій князь Московскій, Иванъ Васильевичъ, желая еще при жизни своей опредѣлить отношенія, имѣющія возникнуть послѣ его смерти между вторымъ своимъ сыномъ, Юріемъ, и старшимъ его братомъ, Василіемъ, будущимъ великимъ княземъ, — заставляетъ ихъ заключить между собой взаимный договоръ. — Княженіе Василія Ивановича, послѣдняго Московскаго князя, даетъ намъ и примѣръ послѣдняго договора между князьями-братьями. Въ 1531 году, желая упрочить положеніе своего новорожденнаго сына, Василій заключаетъ договоръ съ младшимъ братомъ Юріемъ [6].

Договоры между дядьями и племянниками также древни, какъ и договоры между родными братьями: они возникаютъ при первомъ появленіи въ нашей исторіи дяди и племянниковъ. По смерти Ярослава Владиміровича, сыновья его, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, возвращаютъ свободу родному дядѣ своему, Судиславу, болѣе 20 лѣтъ сидѣвшему въ тюрьмѣ по волѣ отца ихъ, и приводятъ его ко кресту. Лѣтопись не говоритъ, къ чему именно обязался Судиславъ за возвращенную ему свободу;

[6] Р. С. Г.Г. и Д. ч. I №№: 23, 37 38, 95, 97—101, 106—110, 123, 125, 127, 128, 133, 160. Такимъ образомъ, начиная Семеномъ Ивановичемъ и оканчивая Василіемъ Ивановичемъ, всѣ великіе князья Московскіе состоятъ въ договорныхъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ братьямъ. Мы не имѣемъ только договора Дмитрія Ивановича съ его роднымъ братомъ, Иваномъ; но что отношенія Дмитрія къ князьямъ родственникамъ были также договорныя, это будетъ видно изъ послѣдующаго.

но судя по тому, что онъ постригся вслѣдъ за крестнымъ цѣлованіемъ, надо думать, что принятое имъ на себя обязательство заключалось въ отказѣ отъ всякихъ притязаній на какую бы то ни было волость въ Русской землѣ. Въ 1066 году Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣлуютъ крестъ къ двоюродному племяннику своему, Всеславу Полоцкому, въ томъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла. На знаменитомъ Любецкомъ съѣздѣ вмѣстѣ съ дядьями: Святополкомъ, Михаиломъ, Владиміромъ Мономахомъ, Давыдомъ Игоревичемъ, Давыдомъ и Олегомъ Святославичами принимаетъ участіе и двоюродный племянникъ ихъ, Василько Ростиславичъ. Подъ 1150 годомъ встрѣчаемся съ двумя договорами Изяслава Мстиславича съ роднымъ дядею его, Вячеславомъ. Лѣтопись сохранила намъ свидѣтельство и еще о двухъ мирныхъ трактатахъ того же князя, Изяслава, съ другимъ его роднымъ дядею, Юріемъ: по первому, заключенному въ 1149 г., Изяславъ отказывался отъ Кіева въ пользу дяди Юрія; по второму отъ 1151 г., наоборотъ, Юрій отказывался отъ Кіева въ пользу племянника, Изяслава.—Въ 1154 г. Юрій Владиміровичъ заключаетъ договоръ съ другимъ роднымъ племянникомъ, Ростиславомъ. — Съ тѣми же порядками встрѣчаемся и на самой западной окраинѣ русской земли, въ Володимірѣ Волынскомъ и въ Галичѣ: въ 1267 году на совѣтъ о Русской землѣ собираются родные братья, Левъ и Шварнъ Даниловичи, и родной дядя ихъ, Василько Романовичъ.—Въ сѣверо-западной Россіи на съѣздѣ у Дмитрова въ 1301 г. вмѣстѣ съ родными братьями, Андреемъ и Даніиломъ Александровичами, и ихъ двоюроднымъ братомъ, Михаиломъ Ярославичемъ, принимаетъ участіе и родной племянникъ ихъ, Иванъ Дмитріевичъ, Переяславскій князь [7]).

Изъ дошедшихъ до насъ полныхъ договоровъ укажемъ на слѣдующіе. Въ 1389 г. Василій Дмитріевичъ, великій князь Московскій, заключаетъ договоръ съ двоюроднымъ дядею своимъ, Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ. Отъ княженія сына Василія Димитріевича, Василія, имѣемъ два договора этого

[7]) Лавр. 1059 г., 1066 г., 1097 г.; Ипат. 1149 г., 1151 г., 1154 г.; Густ. 1267 г.; Лавр. 1301 г.

князя съ роднымъ дядею его, Галицкимъ княземъ, Юріемъ Дмитріевичемъ. Юрій Дмитріевичъ, съ своей стороны, былъ въ договорѣ съ родными племянниками своими, Можайскими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами. Слѣдующій за тѣмъ Московскій князь, Иванъ Васильевичъ, оставилъ намъ 7 договоровъ, заключенныхъ имъ въ разныя времена съ двоюроднымъ дядею, Верейскимъ княземъ, Михаиломъ Андреевичемъ. Наконецъ послѣдній договоръ дяди съ племянникомъ относится къ княженію послѣдняго Московскаго князя, Василія Ивановича: къ договору, заключенному этимъ княземъ въ 1531 г. съ роднымъ братомъ своимъ, Юріемъ, былъ пріобщенъ и малолѣтный сынъ Василія, Иванъ [8]).

Если необходимость опредѣлять отношенія князей взаимными договорами не исключалась ни такимъ близкимъ родствомъ, какое существовало между родными братьями, ни такимъ несомнѣннымъ родовымъ старшинствомъ, какое имѣли дяди передъ племянниками; то понятно насколько эта необходимость была настоятельна для двоюродныхъ братьевъ и другихъ болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Мы ограничимся самымъ небольшимъ числомъ примѣровъ. Князья-двоюродные братья появляются въ нашей исторіи не прежде второй половины XI вѣка; къ этому же времени относится и первый договоръ между ними. Въ 1097 г. на Любецкомъ съѣздѣ договариваются двоюродные братья: Святополкъ Изяславичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи, Владиміръ Всеволодичъ и Давыдъ Игоревичъ [9]). Въ XII вѣкѣ укажемъ на договоръ Святослава Ольговича съ его двоюроднымъ братомъ, Изяславомъ Давыдовичемъ, заключенный ими въ 1153 г. на съѣздѣ у Хоробря. На съѣздѣ въ Моровійскѣ въ 1160 г. тотъ же самый Святославъ Ольговичъ договаривается съ племянникомъ своимъ (въ 7 степени), Ростиславомъ Мстиславичемъ. Подъ 1189 годомъ находимъ извѣстіе о существованіи договора между сыномъ Ростислава, Рюрикомъ, и дядею его (въ 9 степени)

[8]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 35, 43, 47, 49, 91, 92—94, 113, 114, 118, 160.

[9]) Лавр. 1097 г. Ср. еще Лавр.: договоры тѣхъ же князей въ 1100 г. на съѣздѣ въ Увѣтичахъ, въ 1101 г. на съѣздѣ въ Золотчи; рядъ Святополка съ Владиміромъ въ 1102 г. и несостоявшійся съѣздъ въ 1098 г.

Святославомъ Всеволодичемъ. Въ 1226 г. встрѣчаемъ мирный трактатъ между четвероюродными братьями, Михаиломъ Всеволодичемъ Черниговскимъ и Олегомъ Курскимъ. На съѣздѣ въ Переяславлѣ въ 1356 г. вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ, Московскимъ княземъ, принимаетъ участіе и внукъ его (въ 8 степени), Андрей Константиновичъ Суздальскій [10]).

Изъ многочисленныхъ договоровъ между великими князьями Московскими, Рязанскими, Тверскими, Смоленскими и ихъ родственниками, сохранившихся отъ XIV и XV вѣка, укажемъ для примѣра на два: на договоръ великаго князя Московскаго, Дмитрія Ивановича, съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ, Серпуховскимъ княземъ, заключенный въ 1362 г., и на договоръ внука его, Василія Васильевича, съ двоюродными братьями его, князьями Можайскими, Михаиломъ и Иваномъ, отъ 1433 года [11]).

Итакъ, право вступать въ договоры принадлежитъ каждому князю, несмотря ни на степень родства, соединяющую его съ другими князьями, ни на относительное значеніе управляемой имъ волости.

Княжескіе съѣзды служили самымъ обыкновеннымъ средствомъ для заключенія договоровъ и всякихъ соглашеній, имѣвшихъ цѣлью какое либо совокупное дѣйствіе нѣсколькихъ князей.

На устройствѣ княжескихъ съѣздовъ, или «думы князей» и порядкѣ, который наблюдался во время переговоровъ, вполнѣ отразилось указанное выше начало независимости, которымъ опредѣлялись взаимныя отношенія князей.

Древняя Россія не знаетъ обязательныхъ съѣздовъ, на которые князья должны были бы являться для обсужденія вопросовъ общихъ всей Русской землѣ; князья имѣли право съѣзжаться для достиженія какихъ либо общихъ цѣлей, но не были къ тому обязаны. Княжескіе съѣзды не имѣли ни опредѣленнаго состава, ни опредѣленнаго времени собранія: князья съѣзжались, когда хотѣли, и въ такомъ составѣ, въ какомъ хотѣли

[10]) Ипат. 1153 г., 1160 г., 1189 г.; Лавр. 1226 г.: Соф. I. 1356 г.
[11]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 27 и 46.

Мы не встрѣчаемъ ни одного съѣзда, на которомъ участвовали бы всѣ князья Русской земли; за то наши источники полны свидѣтельствами о частныхъ съѣздахъ Русскихъ князей, въ которыхъ принимаютъ участіе князья той или другой мѣстности. Отношенія родства не играютъ при этомъ никакой рѣшающей роли: родственники болѣе отдаленныхъ степеней соединяются для совокупнаго дѣйствія противъ ближайшихъ. Для примѣра укажемъ на съѣздъ Давыдовичей съ племянникомъ ихъ (въ 7 степени), Изяславомъ Мстиславичемъ, на которомъ князья уговорились дѣйствовать противъ двоюрднаго брата Давыдовичей, Святослава Ольговича; а въ слѣдующемъ 1147 году съѣхались въ Москвѣ—Юрій со Святославомъ Ольговичемъ (братья въ 6 степени) для условія относительно общихъ дѣйствій противъ Изяслава Мстиславича, роднаго племянника Юрію, и Давыдовичей, двоюрдныхъ братьевъ Святослава [12].

Тотъ же характеръ полной свободы и независимости отражается и на порядкѣ самыхъ переговоровъ. Княжескіе съѣзды не имѣли права издавать обязательныхъ для князей постановленій. Вся ихъ дѣятельность ограничивалась договорами и соглашеніями. Постановленія съѣзда были обязательны только для участниковъ его и на столько, на сколько они соглашались съ ними. Если тотъ или другой изъ участниковъ съѣзда не приходилъ ни къ какому соглашенію съ другими, онъ былъ свободенъ оставить собраніе и для него не возникало никакихъ послѣдствій изъ такого съѣзда. Этому выходу изъ состоявшагося уже съѣзда совершенно приравнивается — и простое нежеланіе принять участіе въ съѣздѣ. По обстоятельствамъ, вызвавшимъ необходимость съѣзда, и по лицамъ, составившимъ его,—можно уже до нѣкоторой степени судить и о направленіи, которымъ будутъ проникнуты его постановленія; а потому нежеланіе принять участіе въ съѣздѣ есть только особый видъ несогласія съ его опредѣленіями.

Всѣ дошедшія до насъ извѣстія о княжескихъ съѣздахъ носятъ на себѣ обозначенный здѣсь характеръ. Мы укажемъ на

[12]) Ипат. 1146 г., 1147.

нѣкоторыя. Подъ 1170 г. лѣтописецъ такъ описываетъ порядокъ, которымъ соединились князья для общаго похода противъ Половцевъ: «Вложи Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу мысль благу о Русской землѣ, зане же ей хотяше добра всѣмъ сердцемъ; и созва братью свою и нача думати съ ними, река имъ тако: братья! пожальтеся о Русской землѣ; а уже у насъ и Греческій путь отнимаютъ (Половцы) и Соляный и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възряче на Божію помочь и на молитву святой Богородицы поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и своей чести. И угодна быть рѣчь его преже Богу и всеѣ братьѣ. И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за крестьяны и за Русскую землю головы свои сложити». Князья согласились съ предложеніемъ Мстислава и общій походъ состоялся.—А вотъ образчикъ инаго исхода совершенно такой же думы князей. Подъ 1382 г. читаемъ: «Великій же князь Дмитрій Ивановичъ, слыша такую вѣсть, оже идеть на него самъ царь (Тохтамышъ) въ множествѣ силы своея, и нача совокупляти свои полки ратныхъ, и выѣха изъ города съ Москвы, хотя идти противу ратныхъ; и начаша думу таковую думати великій князь Дмитрій Ивановичъ со всѣми князи Русскими и обрѣтеся разность въ нихъ, не хотяху помогати. Бывшу же промежи ими не одиначеству, и то познавъ великій князь Дмитрій Ивановичъ бысть въ недоумѣніи и размышленіи, не хотя стати противу самого царя, но поѣха въ свой градъ Переяславль, а оттуду мимо Ростовъ, и паки реку вборзѣ и на Кострому».—Говоря словами лѣтописца, на съѣздѣ князей должно быть одиначество, соглашеніе всѣхъ участниковъ съ однимъ мнѣніемъ, въ противномъ случаѣ съѣздъ не достигалъ никакихъ общихъ для всѣхъ собравшихся цѣлей. На съѣздѣ 1382 г. одиначества не было, а потому великій князь Дмитрій Ивановичъ, не надѣясь на свои собственныя силы, и принужденъ былъ измѣнить свое первоначальное рѣшеніе и отступить на сѣверъ вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу Тохтамышу [13]).

[13]) Ипат. 1170 г.; Воскр. 1382 г.

Очень любопытное извѣстіе находимъ подъ 1183 г. «Князь же Святославъ Всеволодичъ, говоритъ лѣтописецъ, сгадавъ со сватомъ своимъ Рюрикомъ, поидоша на Половцѣ и сташа у Олжичь, ожидающе Ярослава (младшаго брата Святослава) изъ Чернигова; и устрѣте й Ярославъ и рече имъ: нынѣ, братья, походите, но срекше веремя оже дасть Богъ на лѣто пойдемъ; Святославъ же и Рюрикъ, послушавша его, возвратишася». Такимъ образомъ, старшій братъ и князь Кіевскій, Святославъ, по совѣщаніи съ княземъ сосѣдней волости и племянникомъ своимъ (въ 9 степени), Рюрикомъ, рѣшается предпринять походъ на Половцевъ и дѣйствительно выступаетъ противъ нихъ. Оставалось только дождаться младшаго брата, Ярослава Черниговскаго, чтобы вступить въ землю Половецкую. Но едва пріѣхалъ этотъ младшій братъ, какъ составилась новая княжеская дума на этотъ разъ изъ 3 князей, и вопросъ о войнѣ подвергся новому обсужденію Ярославъ предложилъ отложить войну до будущаго лѣта, мнѣніе—совершенно несогласное съ тѣмъ, которое только-что было принято старшимъ братомъ его, Святославомъ, и Рюрикомъ. Возникшее такимъ образомъ разногласіе (неодиначество) было устранено уступчивостью Святослава и Рюрика: они согласились съ мнѣніемъ Ярослава и уже начатый походъ былъ отмѣненъ. Въ 1189 г. тотъ же самый Святославъ въ союзѣ съ Рюрикомъ и братьями его предпринялъ походъ на Галичъ. Достигнувъ Галича, но еще не начиная военныхъ дѣствій, князья стали рядиться «о волость Галицкую», т. е. совѣщаться о дѣлежѣ будущей добычи. На этомъ совѣщаніи — между князьями не состоялось никакого соглашенія. Необходимымъ слѣдствіемъ такого неодиначества было паденіе всего предпріятія, князья принуждены были возвратиться: «и тако не улядившеся и возвратишася во своя си», говоритъ лѣтописецъ.— Подъ 1301 г. находимъ такое описаніе съѣзда: «Того же лѣта учиниша снемъ у Дмитрова Андрей, князь великій, Михайло, князь Тверскій, Данило, князь Московскій, Іоаннъ, князь Дмитріевичъ изъ Переяславля, и взяша миръ межи собою; а Михайло съ Иваномъ не докончалъ межи собою». И такъ, кто хотѣлъ,

тотъ помирился, кто не хотѣлъ, остался въ прежней розни. На съѣздахъ каждый князь дѣйствуетъ за себя [14]).

Рядомъ съ договорами, заключенными на съѣздахъ самихъ князей, мы встрѣчаемся и съ такими, которые заключались при участіи пословъ [15]). Иногда этотъ послѣдній способъ является дополненіемъ къ первому: князья, договорившіеся о чемъ либо на съѣздѣ, приглашаютъ черезъ пословъ присоединиться къ ихъ соглашенію такихъ князей, которые почему либо не могли принять участія въ личныхъ совѣщаніяхъ [16]). Эта замѣна князей послами ничего не измѣняла въ существѣ дѣла: если приглашаемые чрезъ пословъ князья находили согласнымъ съ своими интересами присоединиться къ договору или совокупному дѣйствію другихъ князей, они присоединялись, если нѣтъ, — они оставались въ сторонѣ. Въ 1183 г. Святославъ Всеволодичъ и Рюрикъ Ростиславичъ сговорились идти на Половцевъ и отправили пословъ къ сосѣднимъ князьямъ, приглашая ихъ участвовать въ походѣ. На это приглашеніе отозвались согласіемъ: Владиміръ Глѣбовичъ, Переяславскій князь, Всеволодъ Ярославичъ Луцкій съ братомъ Мстиславомъ, Мстиславъ Романовичъ, Изяславъ Давыдовичъ, Городенскій князь Мстиславъ, Ярославъ, князь Пинскій, съ братомъ Глѣбомъ, и Ярославъ Галицкій, приславшій отъ себя помощь; «а своя братія, продолжаетъ лѣтописецъ, не идоша, рекуще: далече ны есть идти вcase Днѣпра, не можемъ своей земли пусты оставити; но аже пойдеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Руссѣ». И такъ, кто хотѣлъ, пошелъ, кто не хотѣлъ, остался дома.—Въ 1195 г. Рюрикъ, князь Кіевскій, согласившись съ братомъ своимъ Давыдомъ, Смоленскимъ княземъ, и дядею (въ 5 степени) Всеволодомъ, Владимірскимъ (на Клязьмѣ) княземъ, — относительно раздѣла Русской земли между потомками Владиміра Мономаха и Черниговскими князьями, отправляютъ пословъ къ послѣднимъ съ приглашеніемъ присоединиться къ состоявшему-

[14]) Ипат. 1183 г., 1180 г.; Лавр. 1301 г.

[15]) Такъ напр. былъ заключенъ мирный трактатъ Изяслава Мстиславича съ Давыдовичами и Ольговичами въ 1148 г., Ипат.

[16]) См. напр. съѣздъ въРоговѣ, Ипат. 1194 г.

ся между ними соглашенію. Черниговскіе князья нашли условія этого соглашенія невыгодными для себя и отказались присоединиться [17]).

Такимъ образомъ, какъ договоры, такъ и всѣ случаи совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ князей имѣютъ въ своемъ основаніи свободную волю участниковъ. Необходимость свободной воли составляла до такой степени существенное условіе княжескихъ отношеній, что наши источники особенно отмѣчаютъ тѣ случаи, въ которыхъ это условіе нарушалось. Такъ подъ 1253 г. читаемъ: Даніилъ, Галицкій князь, придя къ Пинску, беретъ съ собою Пинскихъ князей неволею на войну. Въ 1368 г. великій князь Московскій, Дмитрій Ивановичъ, зазвалъ обманомъ въ Москву великаго князя Тверскаго, Михаила Александровича, лишилъ его свободы и заставилъ неволею цѣловать къ себѣ крестъ. Подъ 1373 г. находимъ еще одно подобное извѣстіе: только что-помянутый Михаилъ Тверской принеуливаетъ во всю свою волю брата своего (двоюрднаго) Михаила Кашинскаго [18]).

При заключеніи княжескихъ договоровъ мы встрѣчаемся и съ участіемъ третьихъ лицъ, принимающихъ на себя посредничество между князьями, сводящихъ ихъ въ любовь. Въ качествѣ такихъ посредниковъ могли выступить не только князья, но и духовенство. Такъ подъ 1155 г. встрѣчаемся съ посредничествомъ князя Ростислава, которому удалось свести въ любовь дядю Юрія съ племянниками своими, Мстиславомъ и Ярославомъ Изяславичами. Въ 1226 г. точно такая же роль выпала на долю Кіевскаго князя, Владиміра Рюриковича, посредничеству котора-

[17]) Ипат. 1183 г., 1195 г.

[18]) Лавр. 1253 г.; Льв. и Воскр. 1368 и 1373 г. Такія извѣстія не многочисленны и слишкомъ кратки, что бы мы могли составить себѣ сколько нибудь опредѣленное понятіе о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ воля не считалась свободною; впрочемъ, для нашей цѣли уже довольно вообще указать на принципъ свободной воли, какъ начало, опредѣляющее характеръ княжескихъ отношеній. Любопытно, что иногда князья ссылаются на превозмогающую военную силу, какъ на условіе, уничтожающее свободу воли. Такой случай находимъ подъ 1147 г. Ипат.: «Гюргевичь же (Глѣбъ, союзникъ Владиміра Давыдовича и Святослава Ольговича въ ихъ борьбѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ) прислася Володиміру, глаголя: по неволи есть крестъ цѣловалъ къ Изяславу, оже ми былъ оступилъ въ городѣ, а отъ васъ ми помочи не было. Нынѣ же всяко съ вама хочю быти и пріяю вама».

го удалось заключить миръ между Михаиломъ Всеволодичемъ, Черниговскимъ княземъ, и Олегомъ Курскимъ. Враждебное столкновеніе, возникшее въ 1230 г. между Михаиломъ Черниговскимъ и Ярославомъ Переяславскимъ (сѣвернымъ), было улажено при посредствѣ Кіевскаго князя Владиміра и Владимірскаго (на Клязьмѣ) Юрія. Подъ 1296 г. встрѣчаемъ примѣръ посредничества духовныхъ особъ: «Бысть нелюбье межи князьми, разсказываетъ лѣтописецъ, Андреемъ, великимъ княземъ, Иваномъ Переяславскимъ, Даниломъ Московскимъ и Михаиломъ Тверскимъ; и сведе ихъ на любовь владыко Симеонъ и владыко Измайло». Подобное извѣстіе находимъ и подъ 1301 г.: «Заратися Иванъ князь, да Константинъ, смири ихъ владыко Семенъ». Въ той же роли является духовенство и въ XV в. Въ 1480 г. рознь, возникшая между великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ и братьями его, Андреемъ и Борисомъ, прекращена посредничествомъ митрополита Геронтія, архіепископа Вассіяна и Троицкаго игумена Паисія [19]).

Участіе третьихъ лицъ совершенно добровольное и не заключаетъ въ себѣ ничего обязательнаго: враждующія стороны свободны принять или не принять ихъ посредничество.

Со стороны содержанія договоры могутъ быть раздѣлены на двѣ большихъ группы: первую составятъ тѣ, условія которыхъ относятся къ распредѣленію волостей между князьями; ко второй должны быть отнесены договоры, устанавливающіе политическіе союзы [20]). Эти послѣдніе, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ на два вида: первый составятъ такіе союзы, въ силу ко-

[19]) Ипат. 1155 г.; Лавр. 1226 г., 1230 г.; Троиц. 1294 г., 1301 г.; Воскр. 1480 г. Въ 1149 г. роль посредника между Изяславомъ и дядьми его, Вячеславомъ и Юріемъ, принимаютъ на себя Болеславъ Польскій и король Венгерскій; а нѣсколько позднѣе—Владиміръ Галицкій, которому и удалось примирить ихъ. Ср. еще Ипат. 1177 г., стр. 119. Особенно часто роль посредника принимаетъ на себя духовенство, см. Лавр. 1101 г., Ипат. 1136 г., 1155 г. Роль посредника въ примиреніи могъ взять на себя всякій, кто надѣялся, что голосъ его будетъ имѣть вліяніе; даже сынъ могъ ходатайствовать передъ отцемъ о примиреніи съ нимъ кого либо, см. Лавр. 1096 г.; случай посредничества матери см. Воскр. 1474 и 1480 г.

[20]) Обыкновенно одинъ и тотъ же договоръ содержитъ въ себѣ условія и того и другаго рода; только для удобства разсмотрѣнія мы раздѣляемъ ихъ на двѣ особыхъ группы.

торыхъ не возникаетъ никакого ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ; второй—всѣ тѣ, которыми условливается такое ограниченіе для одной изъ нихъ. Относя къ слѣдующей главѣ разсмотрѣніе договоровъ, имѣющихъ своимъ предметомъ распредѣленіе волостей, мы остановимся здѣсь только на второй группѣ. Наше разсмотрѣніе содержанія договорнаго права мы начнемъ съ такихъ договоровъ, которыми не устанавливается никакого ограниченія политической самостоятельности одной изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой.

Для договоровъ этого рода древнее Русское право выработало техническія выраженія, которыя неизмѣнно употребляются на всемъ протяженіи разсматриваемаго періода. Существенныя свойства такого договора обозначались терминомъ: «быти всѣмъ за одинъ мужъ» [21]. Это полнѣйшее единеніе договорившихся сторонъ, въ силу котораго онѣ обязывались имѣть общихъ друзей и недруговъ. Съ нравственной стороны такой союзъ представляется союзомъ любви, а потому рядомъ съ приведеннымъ терминомъ для его обозначенія употребительны еще два слѣдующихъ: 1) князья цѣлуютъ между собою крестъ «на всей любви» [22]; 2) князья обязываются «не разлучаться ни въ злѣ ни въ добрѣ», т. е. въ злѣ помогать другъ другу, а въ добрѣ дѣлиться прибыткомъ [23].

Эти термины, сохраненные въ отрывочныхъ извѣстіяхъ лѣтописи отъ XI и XII вѣка, перешли въ докончанія XIV и послѣдующихъ вѣковъ, полные тексты которыхъ въ значительной

[21]) На Любецкомъ съѣздѣ князья приняли такое рѣшеніе: «да понѣ отселѣ имемся во едино сердце». Лавр. Въ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодичъ цѣлуютъ между собою крестъ на условіи: «быти всѣмъ за одинъ братъ». Ипат. Въ 1153 г. Святославъ Ольговичъ цѣлуетъ крестъ съ Изяславомъ Давыдовичемъ на условіи: «яко же за одинъ мужъ быти». Ипат.

[22]) Такъ Ростиславъ Мстиславичъ и Юрій Всеволодичъ цѣлуютъ между собой крестъ «на всей любви», Ипат. 1154 г. Въ 1160 г. тотъ же Ростиславъ имѣлъ съѣздъ въ Моровійскѣ съ Святославомъ Ольговичемъ: «на великую любовь». Ипат.

[23]) Изяславъ Мстиславичъ и дядя его, Вячеславъ, цѣлуютъ между собою крестъ «яко не разлучитася има ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по одному ѣсту быти». Ипат. 1150 г.

степени пополняютъ и объясняютъ краткія извѣстія лѣтописцевъ.

Различныя условія, составляющія содержаніе разсматриваемыхъ договоровъ, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ группамъ: первую составятъ условія, которыя опредѣляютъ существо оборонительнаго союза, установляемаго между договаривающимися сторонами; вторую—условія, опредѣляющія то положеніе, которое договаривщіяся стороны должны принять по отношенію къ третьимъ лицамъ [23]).

Для условій оборонительнаго союза въ договорахъ употребительны слѣдующія выраженія.

Князья обязываются быть за одинъ. Въ большинствѣ договоровъ это двустороннее обязательство. Въ краткихъ редакціяхъ оно выражается такъ: «быти ны за одинъ до живота». Въ болѣе пространныхъ вмѣсто этого читаемъ: «и быти ми съ тобою вездѣ за одинъ и до живота»; и соотвѣтственно этому для другой стороны: «и быти ти со мною вездѣ за одинъ и до живота». Въ нѣкоторыхъ встрѣчаемъ еще такую прибавку: «за одинъ на всякого недруга». Двустороннее обязательство—быть за одинъ—установляетъ между сторонами полнѣйшее единеніе какъ по отношенію къ врагамъ, такъ и по отношенію къ друзьямъ. Но единеніе не означаетъ еще равенства дѣйствительныхъ пожертвованій, которыя сторонамъ придется принести одной въ пользу другой. Князья обязывались быть за одинъ во всѣхъ случаяхъ, которые могутъ представиться съ той и другой стороны, а не по соразмѣрности ихъ. Вслѣдствіе этого одна изъ сторонъ могла нѣсколько разъ воспользоваться своимъ правомъ требовать помощи отъ другой, тогда какъ этой другой могло не представиться еще ни одного повода къ такому же требованію. Это различіе дѣйствительныхъ услугъ отразилось и на самой формѣ дого-

[23]) Договоры князей, взятые въ цѣломъ, заключаютъ въ себѣ великое разнообразіе условій, обнимающихъ собою всѣ предметы, по которымъ только бываетъ возможно столкновеніе княжескихъ интересовъ. Такъ въ одномъ и томъ же договорѣ мы находимъ условія о политическомъ союзѣ, рядъ о волостяхъ, условія объ общемъ судѣ, о пошлинахъ, о порядкѣ выхода на войну и пр. Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ только условія, имѣющія отношеніе къ установленію политическаго союза; остальные же будутъ разсмотрѣны по принадлежности.

воровъ; такъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ—обязательство «быть за одинъ на всякого недруга» принимаетъ на себя только одна сторона, довольствуясь обязательствомъ другой «блюсти и боронить» ея владѣнія. Это различіе условливается различіемъ политической роли договаривающихся сторонъ.

Для выраженія того же единенія по отношенію къ друзьямъ и недругамъ существуетъ еще такая формула: «а кто будетъ тебѣ другъ, то и мнѣ другъ; кто будетъ тебѣ недругъ, то и мнѣ недругъ»; и для другой стороны: «а кто будетъ мнѣ другъ, то и тебѣ другъ, а кто будетъ мнѣ недругъ, то и тебѣ недругъ». Эта вторая формула совершенно покрываетъ двустороннее условіе о единеніи, а потому встрѣчается въ такихъ договорахъ, въ которыхъ нѣтъ этого условія. Но такъ какъ языкъ нашихъ договоровъ далеко не свободенъ отъ повтореній, то мы не рѣдко встрѣчаемъ только половину этой второй формулы, какъ одностороннее обязательство, рядомъ съ двустороннимъ условіемъ о единеніи. Въ такихъ случаяхъ эта прибавка ничего не даетъ той сторонѣ, въ пользу которой сдѣлана, ни отнимаетъ у другой, ибо между ними уже установлено полное единеніе.

Наконецъ, князья принимали на себя обязанность ограждать неприкосновенность владѣній своихъ союзниковъ. Обязанность эта выражалась въ формулѣ: «блюсти и боронити». Эта послѣдняя формула отличается болѣе частнымъ характеромъ, чѣмъ двѣ предшествовавшихъ. Здѣсь право требовать помощи поставлено въ зависимость отъ нарушенія границъ; пока онѣ не нарушены, нѣтъ случая къ исполненію обязательства «блюсти и боронить» ихъ. Тамъ же—всякое выраженіе непріязни, какъ бы оно ни было отдаленно, есть законный поводъ къ требованію содѣйствія. Такимъ образомъ, третья формула включается каждою изъ двухъ первыхъ. Но при любви языка грамотъ къ повтореніямъ, она не рѣдко встрѣчается въ такихъ договорахъ въ которыхъ уже есть обоюдное условіе о единеніи. Дѣйствительное значеніе имѣетъ эта формула только при одностороннемъ условіи единенія: она установляетъ въ такихъ случаяхъ

въ пользу стороны обязавшейся къ единенію обратное право требовать помощи, хотя и не въ одинаковой мѣрѣ.

Кромѣ этихъ общихъ условій взаимной обороны встрѣчаются еще и частныя съ поименнымъ указаніемъ врага, противъ котораго договаривающіяся стороны должны дѣйствовать за одинъ. Напр.: «а пойдутъ на насъ Татарове или на тебя, битися намъ и тобе съ одиного всѣмъ противу ихъ». Эти специальныя условія употребляются какъ вмѣсто общихъ, такъ и рядомъ съ ними, по замѣченной уже склонности къ повтореніямъ.

Въ непосредственной связи съ условіемъ о взаимной оборонѣ стоитъ условіе о взаимномъ доброжелательствѣ, составляющее только его развитіе: доброжелательство есть необходимое основаніе всякаго единенія противъ недруговъ. Условіе доброжелательства выражается во первыхъ въ слѣдующей формулѣ: «а добра ми вамъ хотѣти во всемъ вездѣ»; въ большинствѣ договоровъ это обоюдная формула, вторая ея половина читается такъ: «а вамъ мнѣ добра хотѣти также во всемъ вездѣ». Это желаніе добра включаетъ въ себя положительную обязанность извѣщать другъ друга обо всѣхъ слухахъ, имѣющихъ отношеніе къ интересамъ договаривающихся сторонъ. Для выраженія этой обязанности въ самыхъ пространныхъ редакціяхъ встрѣчается особая формула: «а что ми слышевъ о вашемъ добрѣ или о лисѣ, а то ми вамъ повѣдати въ правду безъ примышленія»; и соотвѣтственно этому для другой стороны: «а что вы слышевъ о моемъ добрѣ или о лисѣ, а то вы мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленія». — Условіе доброжелательства, составляя только дальнѣйшее развитіе условій о взаимной помощи, — вовсе не встрѣчается въ краткихъ редакціяхъ договоровъ.

Вторая формула для выраженія того же условія доброжелательства заключается въ слѣдующихъ словахъ: «а мнѣ тобя жаловати и печаловатися твоею вотчиною». Эта вторая формула отличается отъ первой преобладающимъ въ ней тономъ покровительства. Согласно съ этимъ, она влагается только въ уста сильнѣйшихъ князей по отношенію къ ихъ болѣе слабымъ со-

юзникамъ. Эти послѣдніе берутъ на себя одностороннее обязательство—«хотѣть добра и извѣщать о слухахъ», и взамѣнъ того обязываютъ сильнѣйшую сторону «жаловать ихъ и печаловаться ихъ отчинами».

Меньшимъ разнообразіемъ отличаются выраженія, опредѣляющія роль князей-союзниковъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Установленіе оборонительнаго союза не исключаетъ возможности для каждой изъ договорившихся сторонъ вступать независимо отъ другой стороны въ новые договоры съ третьими лицами, лишь бы эти новые договоры не противорѣчили условіямъ уже существующаго, т. е. не были заключены съ врагомъ одного изъ участниковъ перваго договора и не во вредъ ему[21*]. Но полная свобода въ заключеніи новыхъ договоровъ при невозможности знать, кто другъ, кто недругъ союзному князю помимо спеціальнаго сообщенія объ этомъ предметѣ съ его стороны, легко могла бы повести къ столкновенію обязательствъ изъ разныхъ договоровъ. Для предупрежденія такого столкновенія въ договоры вносится особое условіе, въ силу котораго князья обязываются не вступать въ новое докончаніе безъ взаимнаго соглашенія. Въ разсматриваемыхъ договорахъ такое обязательство всегда обоюдно. Употребительнѣйшая его форма слѣдующая: «а не канчивати ти безъ насъ ни съ кѣмъ»; затѣмъ слѣдуетъ совершенно такое обязательство другой стороны: «а намъ такоже безъ твоего вѣданія не канчивати ни съ кѣмъ». Такимъ образомъ, для скрѣпленія установленнаго единенія каждый изъ договаривающихся князей соглашается на ограниченіе принадлежащаго ему права — вступать или не вступать въ договоры исключительно по собственному усмотрѣнію и взамѣнъ

[21*] Мы имѣемъ два договора, въ которыхъ съ условіемъ о единеніи противъ враговъ не соединяется никакаго опредѣленія относительно новыхъ договоровъ съ третьими лицами. Одинъ изъ нихъ заключенъ в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, съ в. к. Тверскимъ, Борисомъ Александровичемъ, и князьями Дмитріемъ и Иваномъ Юрьевичами; другой в. к. Московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, и братьями его съ в. к. Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ, и князьями Иваномъ Юрьевичемъ и Михаиломъ Дмитріевичемъ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 76—77 и 88—89.

этого получаетъ право въ такой же мѣрѣ ограничить своего союзника [23]).

Иногда рядомъ или вмѣсто общаго условія «не канчивати» употребляется спеціальное въ слѣдующей формѣ: «А жити намъ, брате, по сей грамотѣ: съ Татары, иже будетъ намъ миръ, по думѣ; а будетъ намъ дати выходъ, по думѣ же; а не дати, по думѣ же». Если такое частное условіе стоитъ вмѣсто общаго, въ такомъ случаѣ оно ограничиваетъ свободу договоровъ только по отношенію къ названному третьему лицу; если рядомъ съ нимъ,—оно есть только повтореніе того, что уже мыслится въ общемъ.

Мы разсмотрѣли всѣ существенныя условія, составляющія содержаніе политическихъ союзовъ перваго вида. Чтобы показать, какъ эти условія группируются въ отдѣльныхъ договорахъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, по которымъ можно будетъ судить обо всѣхъ остальныхъ.

Въ примѣръ краткой редакціи остановимся на древнѣйшемъ изъ сохранившихся договоровъ, на договорѣ вел. кн. Семена Ивановича съ его родными братьями, Иваномъ и Андреемъ: «Се язъ, князь великій, Семенъ Ивановичъ, всея Руси, съ своею братьею молодшею со княземъ съ Иваномъ и съ княземъ Андреемъ цѣловали есмы межи собе крестъ у отня гроба. Быти

[23]) Но договаривающіяся стороны могли уже быть съ кѣмъ нибудь въ докончаніи. Эти прежнія докончанія могли не совпадать съ характеромъ новаго. На этотъ случай въ нѣкоторыхъ изъ договоровъ встрѣчается особое условіе, которымъ одна изъ сторонъ обязывается отказаться отъ тѣхъ договоровъ, которыми она уже связана, а другая взамѣнъ того обязывается пріобщить ее къ своимъ прежнимъ докончаніямъ. Это условіе обыкновенно формулируется такъ: «А съ кѣмъ, брате, будешь въ цѣлованіи, и тобѣ къ тому цѣлованіе сложити; а съ кѣмъ азъ буду въ докончаніи и мнѣ и тебя съ тѣмъ учинити въ докончаніи». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 32. Вопросъ о томъ, которая изъ сторонъ обязывалась «цѣлованіе сложити» есть вопросъ факта; рѣшеніе его, обыкновенно, условливалось предшествовавшими заключенію договора событіями и относительнымъ значеніемъ договаривающихся князей. Такое обязательство принимали на себя, обыкновенно, князья сравнительно слабые.—Будущее время приведенной формулы наводитъ на мысль: не относится ли она къ будущимъ одностороннимъ докончаніямъ договаривающихся сторонъ? Т. е., обѣ стороны, обязываясь съ минуты заключенія договора «не канчивать» одна безъ другой, вмѣстѣ съ тѣмъ предвидятъ возможность нарушенія этого условія и на случай такого нарушенія постановляютъ особое опредѣленіе. Но такое толкованіе кажется намъ слишкомъ искусственнымъ; будущую же форму можно понять такъ: «если окажется, что ты состоишь съ кѣмъ либо въ цѣлованіи».

ны заодинъ до живота,.... а кто будетъ брату нашему старѣйшему недругъ, то и намъ недругъ; а кто будетъ брату нашему старѣйшему другъ, то и намъ другъ. А тобѣ, господине, князь великій, безъ насъ не докончивати ни съ кѣмъ; а братьѣ твоей молодшей безъ тобе не докончивати ни съ кѣмъ.... Како мы отецъ нашъ раздѣлъ далъ, того ти подъ нами блюсти» (далѣе видны слѣды такого же обязательства въ пользу старшаго брата: но по ветхости грамоты это мѣсто не можетъ быть приведено[26]).

Въ примѣръ пространной редакціи приведемъ два договора съ цѣлью показать замѣну формулы: «быти за одинъ» болѣе подробной, но менѣе употребительной формулой: «а кто будетъ вамъ другъ» и пр. Въ договорѣ вел. кн. Ивана Васильевича съ роднымъ братомъ его, Андреемъ, читаемъ: «а хотѣти ми, господине, добра тебѣ, своему господину, великому князю Ивану Васильевичу, брату моему старѣйшему, во всемъ вездѣ безъ хитрости; а тобѣ, моему господину, великому князю.... добра мнѣ хотѣти во всемъ вездѣ безъ хитрости. А быти ми, господине, съ тобою, съ своимъ господиномъ, великимъ княземъ, вездѣ за одинъ и до живота; а тобѣ моему господину, великому князю, быти со мною вездѣ за одинъ и до живота. А кто будетъ, господине, тебѣ, великому князю, другъ, то и мнѣ другъ; а кто, господине, князь великій, будетъ тебѣ не другъ, то и мнѣ недругъ. А тобѣ, моему господину, великому князю, безъ моего вѣдома доконча̀нья не взяти ни съ кѣмъ; а мнѣ, господине, потому же безъ твоего вѣдома докончанья не взяти ни съ кѣмъ... А что, господине, князь великій, слышевъ тобѣ, моему господину, о моемъ добрѣ и о лисѣ отъ кого нибуди, то тобѣ ми сказати въ правду; а мнѣ, господине, князь великій, слышевъ отъ кого нибуди о твоемъ добрѣ и о лисѣ, сказати тобѣ по тому же въ правду.... А чемъ господине, князь великій, отецъ нашъ, князь великій, тебя благословилъ.... а то, господине, мнѣ подъ вами блюсти».... [27]).

[26]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 23. См. еще подобный же договоръ, заключенный въ 1405 г. между в. к. Московскимъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, и родными братьями его, Андреемъ и Петромъ, тамъ же № 37.

[27]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 95. Къ этому роду принадлежатъ еще 22 договор

Въ договорѣ вел. кн. Василія Васильевича съ двоюродными братьями его, Дмитріемъ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ, читаемъ: «.... А добра ми вамъ хотѣти во всемъ вездѣ, въ Ордѣ и на Руси: а что ми слышовъ о вашемъ добрѣ или о лисѣ отъ хрестьянина или отъ иновѣрца, а то ми вамъ повѣдати въ правду безъ примышленія. А вамъ мнѣ добра хотѣти во всемъ вездѣ, въ Ордѣ и на Руси; а что вы слышовъ о моемъ добрѣ или о лисѣ отъ хрестьянина или отъ иновѣрца, а то вы мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленія. А кто будетъ вамъ другъ, то и мнѣ другъ; а кто будетъ вамъ не другъ, то и мнѣ не другъ. А кто будетъ мнѣ другъ, то и вамъ другъ, а кто будетъ мнѣ недругъ, то и вамъ не другъ. А не канчивати вы безъ меня ни съ кѣмъ; а мнѣ не канчивати безъ васъ ни съ кѣмъ.... А отчины ми подъ вами вашее.... блюсти» [28]).

Въ заключеніе приведемъ образчикъ такихъ договоровъ, въ которыхъ взаимныя обязанности князей опредѣлены съ меньшимъ равенствомъ. Въ договорѣ вел. кн. Ивана Васильевича съ роднымъ братомъ его Борисомъ, Волоцкимъ княземъ, обя-

Чтобы дать понятіе о сторонахъ, принимавшихъ участіе въ такихъ договорахъ, мы поименуемъ ихъ. Два изъ договоровъ заключены в. к. Московскимъ, Дмитріемъ Ивановичемъ, съ Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ, тамъ же № 27 и 33, одинъ в. к. Московскимъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, съ братомъ Юріемъ, А. А. Э. т. I № 10; одинъ в. к. Московскимъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, к. Владиміромъ Андреевичемъ и к. Юріемъ Дмитріевичемъ съ в. к. Тверскимъ, Михаиломъ Александровичемъ, тамъ же № 14, одинъ в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, и дядьями его, Андреемъ и Константиномъ Дмитріевичами, съ Галицкимъ княземъ, Юріемъ, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 43—44; три в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, съ к. Дмитріемъ Юрьевичемъ № 52—59; одинъ в. к. Тверскимъ, Борисомъ Александровичемъ, князьями Өедоромъ Өедоровичемъ, Иваномъ Юрьевичемъ и Андреемъ Ивановичемъ съ в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, князьями Дмитріемъ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ, А. А. Э. т. I № 33; шесть в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, съ Можайскими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 61, 64, 66, 69, 70 и 75; одинъ в. Иваномъ Васильевичемъ, сыномъ Василія Ярославича, съ бывшимъ Можайскимъ княземъ, Иваномъ Андреевичемъ, А. А. Э. т. I № 70; четыре в. к. Московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, и его родными братьями съ Можайскимъ кн., Михаиломъ Андреевичемъ, Р. С. Г. Г. Д. ч. I №№ 90—94, 113—114, 118; одинъ в. к. Рязанскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, съ братомъ его, Өедоромъ Васильевичемъ, тамъ же № 127—128. Всѣ эти договоры, совершенно совпадая одинъ съ другимъ въ существѣ, разнятся, однако, въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Мы не будемъ перечислять этихъ различій, ибо выше указали уже какъ на ихъ характеръ, такъ и на значеніе.

[28]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 60; ср. еще такой же договоръ № 62.

занности договаривающихся сторонъ распредѣлены такъ: «А хотѣти ти мнѣ, великому князю, добра вездѣ во всемъ и до живота. И быти ти со мною, съ великимъ княземъ, вездѣ за одинъ и до живота и на всякого нашего недруга. А кто будетъ мнѣ, великому князю, другъ, тотъ и тебѣ другъ; а кто будетъ мнѣ, великому князю, недругъ, тотъ и тобѣ недругъ. А не канчивати ти, брате, ни ссылатися ни съ кѣмъ безъ моего вѣданія; а мнѣ, великому князю, не канчивати ни съ кѣмъ безъ твоего вѣданія.... А что ти слышавъ о моемъ добрѣ, или о лисѣ отъ хрестьянина или отъ иновѣрца, а то ти намъ повѣдати въ правду безъ примышленія. А мнѣ, великому князю, тебя жаловати.... и печаловатися тобою и твоею отчиною. А чѣмъ мя, брате, благословилъ отецъ мой.... и тобѣ того всего подо мною, подъ великимъ княземъ, блюсти.... А чѣмъ, брате, тебя благословилъ отецъ мой.... и того всего мнѣ, великому князю, подъ тобою блюсти....» [29]).

Признакъ общій всѣмъ политическимъ союзамъ перваго вида, составляющій ихъ существенную особенность, заключается въ обоюдномъ условіи «не канчивати». Дѣлая такое условіе, договаривающіяся стороны во 1-хъ. высказываютъ сознаніе о неограниченномъ правѣ каждой изъ нихъ вступать или не вступать въ докончанія единственно по собственному усмотрѣнію; и во 2-хъ, на будущее время они ставятъ осуществленіе этого права въ зависимость отъ ихъ обоюднаго соглашенія, при чемъ каждая изъ сторонъ сохраняетъ свою полную неподчиненность другой. Такимъ образомъ, разсматриваемые договоры установляютъ не подчиненіе князя князю, а единеніе князей, въ силу котораго воля одного князя имѣла совершенно такое же значеніе, какъ и воля другаго, не смотря ни на степень родства, ни на старшинство лѣтъ князей, ни на относительное значеніе

[29]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 97. Мы имѣемъ еще 16 подобныхъ грамотъ, въ которыхъ принимаютъ участіе слѣдующіе князья: Дмитрій Ивановичъ, Володимеръ Андреевичъ, Михаилъ Александровичъ Тверской, Василій, Юрій, Андрей, Петръ и Константинъ Дмитріевичи, Ѳедоръ Ольговичъ Рязанскій, Василій Васильевичъ, Иванъ и Михаилъ Андреевичи, Дмитрій Шемяка, Дмитрій Красный и Василій Косой, Василій Ярославичъ, Иванъ, Борисъ и Андрей Васильевичи, см. тамъ же №№ 28, 35, 36, 43, 46, 47, 49, 71, 73, 78, 84, 99—102, 106—109, 110, 125. А. А. Э. т. I № 29.

управляемыхъ волостей. Безъ соглашенія этихъ воль не могъ возникнуть ни какой новый союзъ между договорившимися князьями и третьимъ лицемъ.

Это начало единенія составляетъ характеристическую особенность не однихъ только княжескихъ отношеній, но и всей древне Русской жизни; въ предшествовавшей главѣ мы показали, что оно опредѣляло отношенія князя къ вѣчу; а еще прежде мы имѣли случай видѣть, что подъ его же вліяніемъ сложились какъ вѣчевые порядки, такъ и отношенія городовъ къ пригородамъ.

Что же касается до того, что помощь, которую князья обязывались оказывать другъ другу, не всегда опредѣлялась равномѣрно для обѣихъ сторонъ, то это неравенство не нарушало основнаго характера разсматриваемыхъ союзовъ: князь могъ обязаться помогать другому даже безъ всякаго за то возмездія съ его стороны, нисколько не измѣняя тѣмъ своего значенія, какъ самостоятельнаго правителя.

Отличительной особенностью втораго вида разсматриваемой группы договоровъ мы поставили ограниченіе политической самостоятельности одной изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой. Это ограниченіе проявляется въ одномъ только отношеніи, а именно: въ стѣсненіи права вступать въ новые союзы. Это стѣсненіе выражается въ томъ, что одна изъ договаривающихся сторонъ обязываетъ другую не вступать безъ ея вѣдома въ новыя докончанія, не давая ей въ замѣнъ того такого же участія въ своихъ между-княжескихъ сношеніяхъ.

Форма и объемъ такого ограниченія различны. Самая меньшая мѣра его обозначается въ формулѣ: «а тебѣ, князю...., любви не имати, ни канчивати ни съ кѣмъ безъ моего вѣданія; а съ кѣмъ азъ, князь...., иму любовь имати и докончанье и мнѣ въ докончальные грамоты писати тебя». По смыслу этой формулы сторона, соглашающаяся на ограниченіе своей самостоятельности, удерживаетъ за собою право вступать отъ своего имени въ новые союзы съ третьими лицами, но обязывается дѣлать это не иначе, какъ съ согласія другой стороны;

въ замѣнъ этого она получаетъ право требовать включенія своего имени во всѣ дружественные договоры, которые заключитъ другая сторона. Ея согласія на такіе договоры не нужно, но на нее должны быть распространены вытекающіе изъ нихъ выгоды [30]).

Кромѣ этой мы встрѣчаемъ еще такую формулу: «а не канчивати ми безъ тебя ни съ кѣмъ, ни ссылатися», или «а безъ князя великого ми воли ни съ кѣмъ не доканчивати, ни пособляти». Разница съ предшествовавшей формулой заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ сторона, въ пользу которой дѣлается такое условіе, не принимаетъ на себя обязанности включать имя обязавшейся стороны въ заключаемыя ею докончанія [31]).

Наконецъ, самое большее ограниченіе устанавливается такой формулой: «а и впредь тобѣ, опричь меня, въ цѣлованьи ни съ кѣмъ не быти». Въ силу этого условія совершенно уничтожается самостоятельное значеніе одной изъ договаривающихся сторонъ по отношенію къ третьимъ лицамъ. Она вполнѣ и безъ всякихъ ограниченій отказывается отъ своего права—опредѣлять договорами свои отношенія къ нимъ, ставя въ этомъ случаѣ свою судьбу въ исключительную зависимость отъ воли другаго лица [32]).

[30]) Подобное ограниченіе находимъ въ 4-хъ договорахъ: 1) въ договорѣ в. к. Московскаго, Василія Васильевича, съ в. к. Рязанскимъ, Иваномъ Өедоровичемъ, въ пользу перваго, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 65; 2) въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ в. к. Рязанскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, въ пользу перваго, но въ частной формѣ, только по отношенію къ Литовскому князю, князьямъ Можайскимъ и нѣкоторымъ другимъ недругамъ Московскаго князя, прямо поименованнымъ, тамъ же № 115—116; 3) въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ в. к. Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ, въ пользу перваго и также въ частной формѣ, тамъ же № 119—120; 4) въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ роднымъ братомъ его, Борисомъ Васильевичемъ, въ пользу перваго и въ общей формѣ, тамъ же № 123—124. Сюда же, кажется, подходитъ и договоръ в. к. Московскаго, Дмитрія Ивановича, и Владиміра Андреевича съ в. к. Рязанскимъ, Олегомъ, № 32.

[31]) Мы имѣемъ 3 подобныхъ договора. 1) между в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, и Суздальскимъ кн., Иваномъ Васильевичемъ, въ пользу перваго. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 80—81; 2) между в. к. Рязанскимъ, Иваномъ Өедоровичемъ, и в. к. Литовскимъ, Витовтомъ, въ пользу послѣдняго, А. А. Э. т. I № 25; 3) между Пронскимъ к., Иваномъ Владиміровичемъ, и в. к. Литовскимъ, Витовтомъ, въ пользу послѣдняго. А. А. Э. т. I № 26. Сюда же, кажется, надо отнести и договоръ в. к. Рязанскаго, Ивана Өедоровича, съ Галицкимъ к., Юріемъ, гдѣ подобное же ограниченіе установлено въ пользу послѣдняго.

[32]) Мы имѣемъ только одинъ такой договоръ, заключенный в. к. Московскимъ,

Какъ по отношенію къ договорамъ перваго вида XIV-й и последующіе вѣка отличаются отъ предшествовавшихъ не новизною въ ихъ содержаніи, а только большимъ счастіемъ, благодаря которому договоры этихъ позднѣйшихъ вѣковъ дошли до насъ вполнѣ, тогда какъ отъ докончаній вѣковъ предшествовавшихъ мы имѣемъ только отдѣльныя выраженія; точно такое же различіе существуетъ между этими вѣками и по отношенію къ договорамъ втораго вида. Полные тексты договоровъ сохранились только отъ XV в., но самое дѣло, т. е. ограниченіе политической самостоятельности одного изъ князей въ пользу другаго, — встрѣчалось гораздо раньше. Древнѣйшее упоминаніе о такомъ ограниченіи относится къ XII вѣку. Для обозначенія его употреблялись тогда выраженія, очень напоминающія одну изъ приведенныхъ формулъ: князья обязывались «быть въ чьей либо волѣ», «ходити въ послушаніи», или «ходити въ чьей либо волѣ» [33]. Такое подчиненіе своей воли волѣ другаго князя возникало только изъ договора, внѣ котораго оно не мыслимо. Что же касается до его объема, то по краткости лѣтописныхъ извѣстій мы не можемъ составить себѣ опредѣленнаго понятія объ этомъ предметѣ, хотя и нѣтъ никакого основанія предпо-

Василіемъ Ивановичемъ, съ роднымъ братомъ его, Юріемъ, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 160—161. Близко подходитъ къ нему договоръ, заключенный въ 1504 г. между тѣми же князьями еще при жизни отца ихъ, Ивана Васильевича, и по его волѣ, но здѣсь помянутое ограниченіе выражено мягче, только въ обязательствѣ «сложить цѣлованіе», № 133—134.

[33] Такъ въ 1150 г. Ростиславъ Мстиславичъ домогается, что бы Мстиславъ Изяславичъ и его союзники, Владиміръ Андреевичъ и Ярославъ Галицкій, — обязались «ходить въ его послушаніи», Ипат.; въ 1160 г. Святославъ Владиміровичъ обязывается «ходити во всей воли» Святослава Ольговича, Ипат.; подъ 1170 г. находимъ извѣстіе, что Ольговичи «были т о г д а въ Мстиславли воли», Ипат. Съ выраженіемъ «быть въ воли» не должно смѣшивать выраженія «заключить миръ на чьей либо волѣ». Послѣднее указываетъ только, что приняты безъ измѣненій условія, предложенныя одной изъ сторонъ, что и значитъ: «миръ заключенъ на всей ея волѣ». Но въ чемъ состояла эта воля, на это приведенное выраженіе не заключаетъ еще въ себѣ ни малѣйшаго намека. Воля могла быть очень разнообразна и, конечно, иногда могла быть направлена къ полному подчиненію себѣ воли другой стороны. Такой случай находимъ въ Ипат. лѣт.: въ 1195 г. Романъ цѣлуетъ крестъ на всей воли тестя своего, Рюрика; а подъ 1196 г. находимъ объясненіе въ чемъ заключалась эта воля: Романъ обязался «въ воли его быти и зрѣти на нь». Ср. ниже стр. 210 и 211, гдѣ, наоборотъ, цѣлованіе «на всей волѣ» означаетъ только принятіе условій «Романова ряда».

лагать здѣсь какое либо существенное различіе отъ того, что мы встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ договорахъ.

Договоры втораго вида, кромѣ сейчасъ разсмотрѣннаго условія «не канчивати», заключаютъ въ себѣ еще общія условія оборонительнаго союза. Какъ и въ договорахъ перваго вида эти условія распредѣляются то въ одинаковой мѣрѣ между обѣими договаривающимися сторонами, то болѣе склоняются въ пользу одной изъ нихъ [34]).

Таковы условія договоровъ по скольку они относятся къ установленію княжескихъ союзовъ. Условія эти касаются одной только внѣшней политики; внутреннее же управленіе во весь разсматриваемый періодъ состояло въ исключительномъ завѣдываніи каждаго отдѣльнаго князя. Каждый князь вѣдалъ судъ, финансы и военное управленіе своей волости внѣ всякой зависимости отъ какого либо другаго князя. Всѣ сохранившіеся договоры подтверждаютъ эту полную независимость внутренняго управленія каждой отдѣльной волости. По отношенію къ суду эта независимость выражается въ условіяхъ объ общемъ судѣ и въ обязательствѣ въ чужомъ удѣлѣ «судовъ не судить и приставовъ не всылать»; по отношенію къ финансамъ въ обязательствѣ «не всылать даньщиковъ и грамотъ не раздавать»; для выраженія того и другаго рода условій существуетъ еще такая общая формула: князья обязываются въ чужомъ удѣлѣ «не вступатися ни во что». Независимость военнаго управленія видна изъ тѣхъ условій, которыми опредѣляется порядокъ выступленія въ походъ войскъ, причемъ каждый князь удерживаетъ командованіе войсками своей волости [35]). Во весь княжескій періодъ мы не встрѣчаемъ ни одной попытки подчинить внутреннее управленіе и судъ нѣсколькихъ волостей, имѣющихъ своихъ особыхъ князей, — какому либо одному князю; эта мысль совершенно чужда разсматриваемой эпохѣ. Послѣд-

[34]) Въ примѣръ перваго укажемъ на №№ 65 и 115; въ примѣръ втораго—№№ 80, 119, 133, 160. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

[35]) См. напр. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 27, 40, 62, 84. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ князей употребительны еще такія выраженія: «А судомъ и даные потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ», или «а который сынъ мой возьметъ дань въ своемъ удѣлѣ, а та дань тому и есть».

няя дошедшая до насъ договорная грамота гарантируетъ удѣльному князю, Юрію Ивановичу, такую же независимость внутренняго управленія и суда, какою пользовался въ своихъ владѣніяхъ старшій братъ его, великій князь Московскій, Василій Ивановичъ, всея Руси [36]).

И такъ, помимо условій договорнаго права, первоначальныя отношенія князей носятъ на себѣ характеръ полнаго равенства. Это равенство князей условливается сколько ихъ положеніемъ, какъ правителей независимыхъ волостей, столько же и одинаковостью происхожденія: права князя прирождены каждому члену Рюрикова дома.

Эта прирожденность правъ князя выражается въ особомъ условіи, очень употребительномъ въ договорныхъ граматахъ. Какъ бы ни была велика фактическая разница между договаривающимися сторонами, какъ бы ни превосходилъ одинъ князь другаго могуществомъ и силою, онъ всегда обязывается «держать въ братствѣ и во чти» своего слабѣйшаго союзника [37]). «Держать въ братствѣ» это значитъ держать княземъ, держать человѣкомъ, равнымъ себѣ, а не простымъ смертнымъ, не подданнымъ. Чрезвычайно любопытный комментарій къ этому выраженію находимъ въ лѣтописи отъ второй половины XII вѣка. Ростиславичи Кіевскіе и Смоленскіе еще съ 1169 г. были въ договорѣ съ Андреемъ Юрьевичемъ Владимірскимъ, по которому обязались ходить въ его волѣ. Въ 1174 г. между договорившимися сторонами возникло несогласіе. «Андрей, разсказываетъ лѣтописецъ, исполнився высокоумія, разгордѣвся велми, надѣяся плотной силѣ и множествомъ вой огородився, разжегся гнѣвомъ и посла Михаила, мечника: ѣдь къ Ростиславичамъ, рци имъ: не ходите въ моей волѣ, ты же, Рюриче, пойди въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину; а Давидови рци: а ты пойди въ Берладъ, а въ Русской земли не велю ти быти; а Мстиславу молви: въ тобѣ стоитъ все, а не велю ти въ Русской землѣ быти». Ростиславичи, оскорбленные высокомѣріемъ того,

[36]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 160—161.

[37]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 34, 61, 84, 95, 144, 160. Такое условіе соединяется съ каждымъ изъ обозначенныхъ выше видовъ политическихъ союзовъ.

даютъ такой отвѣтъ: «мы тя до сихъ мѣстъ аки отца имѣли по любви; аже еси съ сякими рѣчами прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а то дѣй, а Богъ за всѣмъ» [38]). Хотя Ростиславичи и цѣловали крестъ «ходити въ волѣ» Андрея; но они остались князьями, съ ними должно обращаться какъ съ равными, говоря языкомъ договоровъ, ихъ надо «держать въ братствѣ и во чти», они не подручники, не простые люди. Князь никогда не подданный другаго князя.

Переходимъ къ способамъ обезпеченія силы договоровъ. Для этой цѣли были употребительны слѣдующія средства:

1. Крестное цѣлованіе обѣихъ договаривающихся сторонъ. Крестное цѣлованіе было самымъ употребительнымъ средствомъ, безъ него не обходилось ни одно докончаніе. Въ самомъ началѣ договорныхъ грамотъ обыкновенно встрѣчается такая формула: «на семъ на всемъ, брате, князь такой то, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату, князю такому то». Составляя необходимую принадлежность всякаго договора, крестное цѣлованіе сообщало имъ свое имя; вмѣсто того, чтобы сказать: между князьями существуетъ договоръ, нерѣдко говорится: князья находятся въ крестномъ цѣлованіи. — Мы характеризовали клятву какъ дѣйствіе двустороннее, основываясь на томъ, что обыкновенно обѣ договаривающіяся стороны принимали на себя обязательства, хотя и не всегда въ равной мѣрѣ, а потому и должны были обѣ скрѣплять ихъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но могли быть случаи и односторонняго обязательства и, слѣдовательно, односторонней клятвы. Такъ можно понимать свидѣтельства источниковъ, въ которыхъ говорится о крестномъ цѣлованіи только одного князя въ пользу другаго [39]). Допуская возможность такого пониманія, мы, однако, не можемъ съ строгою достовѣрностью сослаться ни на одинъ примѣръ: до насъ не дошло ни одного договора, въ которомъ обязательства были бы опредѣлены только въ пользу одной стороны; что же касается до ука-

[38]) Ипат. 1174 г.
[39]) См. напр. Ипат. 1135 г., 1195 г.; Густ. 1199 г.; Лавр. 1207 г.

занныхъ мѣстъ лѣтописей, то изъ ихъ молчанія о крестномъ цѣлованіи другой стороны ни какъ еще не слѣдуетъ, что его не было.

2. Обязательство подчиниться извѣстному наказанію въ случаѣ неисполненія условій договора. Такое обязательство принимаетъ на себя или одна сторона, или обѣ. Какъ употребительное въ такихъ случаяхъ наказаніе, въ договорахъ упоминается отнятіе волости. Мы можемъ указать два случая такого обязательства. Одно отъ второй половины XII вѣка. Въ 1177 году Ростиславичи Кіевскіе и Смоленскіе и Святославъ Всеволодичъ Черниговскій были въ докончаньи. Русскіе князья потерпѣли въ этомъ году пораженіе отъ Половцевъ и частью потому, что Давыдъ Ростиславичъ не пришелъ на помощь къ братьямъ. Святославъ Всеволодовичъ, видя въ этомъ нарушеніе условій договора со стороны Давыда, обратился съ такимъ требованіемъ къ брату его, Роману Ростиславичу: «брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость...., а Давыдъ виноватъ»[40]). И такъ, въ помянутомъ договорѣ было постановленно, что князь долженъ лишиться волости, если нарушитъ принятыя имъ на себя обязательства. Судя по словамъ Святослава Всеволодовича, это условіе имѣло общій характеръ, т. е. одинаково относилось ко всѣмъ князьямъ участникамъ договора. Другой случай сохранился намъ отъ XV вѣка. Около 1451 года Суздальскій князь Иванъ Васильевичъ заключилъ договоръ съ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, въ которомъ обязался между прочимъ не отступать отъ послѣдняго ни которыми дѣлы. На случай же нарушенія этого обязательства Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ такое условіе: «а отступлю отъ тобя, отъ великаго князя, къ которому твоему недругу, кто нибуди: ино мой удѣлъ, моя вотчина тобѣ великому князю»[41]). Въ противоположность къ первому примѣру это одностороннее обязательство.—Сюда же надо отнести и постановленіе Любецкаго съѣзда,

[40]) Ипат. 1177 г. Ср. еще Ипат. и Густ. 1225 г.
[41]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 80.

въ силу котораго князья обязались «быть всѣмъ на того, кто отселѣ на кого (т. е. изъ вступившихъ въ договоръ) будеть»; съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь не опредѣлена мѣра наказанія, или, по крайней мѣрѣ, не опредѣлена въ томъ краткомъ и единственномъ извѣстіи, которое мы имѣемъ объ этомъ съѣздѣ.

3. Установленіе особыхъ блюстителей точнаго исполненія договора. Такими блюстителями назначаются не участвующіе въ докончаніи князья. Договаривающіяся стороны уполномочиваютъ ихъ въ случаѣ нарушенія договора одною изъ нихъ соединиться съ пострадавшей отъ этого нарушенія для возстановленія ея правъ. Принятіе или отказъ отъ такого полномочія совершенно зависитъ отъ воли тѣхъ лицъ, которымъ оно дѣлается; но разъ полномочіе принято, оно становится для нихъ обязанностью, въ правильномъ исполненіи которой блюстители цѣлуютъ крестъ. Вотъ форма установленія такихъ блюстителей: «а къ тому (т. е. къ условіямъ договора) ввели есмя пособѣ на обѣ стороны брата своего (слѣдуютъ имена блюстителей). А кто насъ порушитъ се наше докончанье ...., ино на томъ на виноватомъ не буди милости Божіей, и пречистыя его Богоматери и молитвъ великихъ чудотворцевъ .... и молитвы святыхъ родителей нашихъ благородныхъ и благовѣрныхъ великихъ князей, въ сій вѣкъ и въ будущій. А братъ нашъ (слѣдуютъ имена блюстителей) будутъ по цѣлованію съ правымъ на виноватаго»[42]).

Что касается порядка уничтоженія договоровъ, то объ этомъ должно замѣтить слѣдующее: княжескій договоръ, какъ и договоръ вообще, имѣетъ силу установить извѣстныя отношенія между договаривающимися сторонами только до тѣхъ поръ, пока длится то соглашеніе между князьями, которое породило самый договоръ. Какъ скоро воля одного изъ нихъ измѣнилась и онъ начиналъ дѣйствовать не согласно съ договоромъ, договоръ терялъ свою обязательную силу и для другой стороны. При отсутствіи верховнаго суда, къ которому сторона, обиженная

[42]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 63 и 68.

нарушеніемъ договора, могла бы обратиться съ искомъ о вознагражденіи, ей предоставлялось самой вознаградить себя тѣми средствами, которыя были въ ея распоряженіи, и въ той мѣрѣ, какъ она сама считала справедливымъ. Такимъ образомъ, договоръ хотя и заключался на всегда въ дѣйствительности, однако, не былъ вѣченъ. Сторона, выходившая изъ договора, естественно, должна была принять на себя и всю отвѣтственность за его нарушеніе. — Этотъ взглядъ былъ господствующимъ въ древней Россіи, и у насъ выработался даже особый порядокъ выхода изъ договорнаго состоянія, или уничтоженія договоровъ. Если между князьями союзниками возникала рознь, они возвращали другъ другу крестныя грамоты, что имѣло значеніе сложенія съ себя крестнаго цѣлованія [43]). Съ момента сложенія крестнаго цѣлованія договорное состояніе считалось прекращеннымъ и каждая изъ сторонъ получала полную свободу дѣйствія. Крестныя грамоты обыкновенно отсылались чрезъ пословъ.

Рядомъ съ этою формою сложенія крестнаго цѣлованія встрѣчаемъ и другую, болѣе торжественную, при участіи духовенства, которое брало на свою душу грѣхъ клятвопреступленія. Это дѣлалось только въ крайнихъ случаяхъ, напр. съ цѣлью отвращенія бѣдствій междоусобной войны. Мы приведемъ два любопытныхъ примѣра такой уступки духовенства требованіямъ народнаго блага. Въ 1128 г. Ярославъ Святославичъ, изгнанный изъ Чернигова племянникомъ своимъ, Всеволодомъ Ольговичемъ, обратился къ Мстиславу Кіевскому, съ которымъ былъ въ союзѣ, съ требованіемъ помочь ему на племянника. «Крестъ еси цѣлованъ ко мнѣ, говорилъ онъ, пойди на Всеволода». Всеволодъ съ своей стороны просилъ Мстислава не вступаться за дядю. Мстиславъ былъ въ нерѣшительности. «Бяшеть бо, продолжаетъ лѣтописецъ, въ ты дни игуменъ святаго Андрея, Григорій, любимъ бо бѣ преже Володимеромъ,

[43]) Ипат. 1144 г., 1147 г., 1195 г., стр. 145 и 148; Воскр. и Льв. 1370 г. Въ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ весьма употребительно особое условіе, въ силу котораго одна изъ сторонъ обязывалась сложить прежнія крестныя цѣлованія. см. выше примѣчаніе 23.

чтенъ же ото Мстислава и ото всихъ людей, тотъ бо не вдадяше Мстиславу встати ратью по Ярославѣ, рѣка: то ти меньше есть оже переступивъ крестное цѣлованіе на рать не встанешь, неже кровь пролити хрестіанскую. И совокупивше соборъ іерейскій, митрополита же въ то время не бяше, и рекоша Мстиславу: на ны будетъ тотъ грѣхъ. И сотвори волю ихъ, и съступи креста Мстиславъ къ Ярославу и плакася того вся дни живота своего», добавляетъ лѣтописецъ. Подобный случай встрѣчаемъ еще подъ 1195 г. Всеволодъ Юрьевичъ, Владимірскій князь, просилъ у Рюрика Кіевскаго городовъ, которыми этотъ послѣдній надѣлилъ уже по крестному цѣлованію зятя своего, Романа. «Рюрикъ же, разсказываетъ лѣтописецъ, хотя исправити крестное цѣлованіе, не хотѣ дати подъ Романомъ волости, но стояше крѣпко за нею: но даяше ему (Всеволоду) иную волость, онъ же ее не бреже, но хотяше подъ Романомъ, которые же просилъ бяшетъ. И бысть межи ими распря велика и рѣчи, и хотѣша межи собою возстати на рать. Рюрикъ же призва митрополита, Микифора, и сказа ему все крестное цѣлованіе къ Романови, про волость, про что же и рать возстаетъ со Всеволодомъ. И рѣче митрополитъ Рюрикови: княже! мы есмы приставлены въ Русской землѣ отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитія. Ажь ся прольяти крови крестьянской въ Русской землѣ, ажь еси далъ волость моложьшему, въ облазнѣ предъ старѣйшимъ, и крестъ еси къ нему цѣловалъ, а нынѣ азъ снимаю съ тебе крестное цѣлованіе и взимаю на ся. А ты послушай меня, возма волость у зятя у своего дай же старѣйшему, а Романови даси иную въ тое мѣсто» [44]).

Итакъ, взаимныя отношенія князей опредѣлялись докончаніями, въ основаніи которыхъ лежала свободная воля договаривающихся сторонъ. Быть въ докончаніи, значило быть въ соглашеніи, быть въ любви [45]). — Договоры, какъ мы видѣли,

[44]) Ипат. 1128 и 1195 г.

[45]) Въ договорѣ в. к. Московскаго, Василія Дмитріевича, съ в. к. Тверскимъ, Михаиломъ Александровичемъ, вмѣсто условія «не канчивати» читаемъ: «а будеть вамъ, брате, взять любовь съ Витовтомъ, и намъ, брате, безъ тебя любви не взять, а вамъ, брате, безъ насъ любви съ нимъ не взяти». А. А. Э. т. I № 14.

или оставляли неприкосновеннымъ первоначальное равенство князей, или—по вопросамъ внѣшней политики установляли подчиненіе одного изъ нихъ волѣ другаго. — Но договоры составляютъ только одну сторону дѣла; вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ находились князья, если между ними не было договоровъ? выдвигаетъ другую. Состояніе противоположное соглашенію и любви есть состояніе розни и войны. Если, по чему бы то ни было, князья не успѣвали придти къ соглашенію, или бывали вынуждены сложить съ себя разъ уже принятое крестное цѣлованіе, они обращались къ суду Божію, ибо другаго высшаго суда надъ ними не было. Такимъ образомъ, явленія княжескаго быта сводятся къ тому же началу, какъ и всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя явленія древне Русской общественной жизни: князья находятся или въ состояніи согласія и потому дѣйствуютъ за одно другъ съ другомъ, или въ состояніи розни и потому дѣйствуютъ другъ противъ друга. Это отношенія независимыхъ одинъ отъ другаго правителей.

Очеркъ исторіи княжескихъ отношеній.

Подробное разсмотрѣніе всѣхъ дѣйствительныхъ случаевъ княжескихъ отношеній въ порядкѣ времени составляетъ предметъ политической исторіи и не можетъ войдти въ предѣлы настоящаго труда. Но для того, что бы высказанное положеніе получило полную наглядность, мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь краткій историческій очеркъ княжескихъ отношеній.

Извѣстія лѣтописцевъ объ этомъ предметѣ не такъ полны, чтобы можно было въ каждый данный моментъ начертать полную картину взаимныхъ отношеній всѣхъ князей современниковъ; кромѣ того, ихъ указанія на крестныя цѣлованія часто такъ кратки, что не всегда легко опредѣлить къ какому именно

ср. еще тамъ же № 33. Тоже и въ лѣтописяхъ, такъ посолъ Изяслава Мстиславича, убѣждая Ольговичей новымъ крестнымъ цѣлованіемъ подкрѣпить прежнее соглашеніе, говоритъ: «который то грѣхъ, оже на любви крестъ цѣловати?» Ипат. 1147 г.

изъ обозначенныхъ выше видовъ относится тотъ или другой упоминаемый лѣтописцемъ договоръ. Но, съ одной стороны, всѣ дошедшія до насъ извѣстія, какъ бы ни были они кратки и не полны, носятъ только одинъ обозначеный выше характеръ, а съ другой, для нашей цѣли совершенно довольно указать на договорный характеръ отношеній; отсутствіе же полной достовѣрности относительно характера договора въ томъ или другомъ данномъ случаѣ ничего неизмѣняетъ въ существѣ дѣла.

При оцѣнкѣ фактовъ, которые мы имѣемъ изложить, необходимо руководствоваться слѣдующими началами. Древняя Россія не знаетъ верховнаго князя, которому всѣ другіе князья были бы подчинены въ силу государственнаго устройства. При равенствѣ всѣхъ князей и отсутствіи подчиненія между ними въ силу закона, они дѣйствуютъ или вмѣстѣ другъ съ другомъ, по соглашенію, все равно — возникло это соглашеніе мирнымъ путемъ, или въ слѣдствіе войны; — или, если соглашеніе не состоялось, розно одинъ отъ другаго и даже враждебно другъ противъ друга.

Приступая къ разсмотрѣнію взаимныхъ отношеній князей-современниковъ, считаемъ необходимымъ раздѣлить нашу древнюю исторію на нѣсколько отдѣльныхъ періодовъ. За основаніе дѣленія всего естественнѣе принять поколѣнное различіе Рюриковичей, такъ какъ князья одного поколѣнія почти всегда современники, хотя и не на всемъ протяженіи своей жизни. Но съ 3-го, а частью даже съ 4-го, одно поколѣніе, старшее, начинаетъ смѣшиваться съ другимъ, младшимъ, и въ одно и то же время являются дѣйствующими лицами князья разныхъ поколѣній, дяди съ племянниками и даже со внуками. Отношенія князей младшихъ поколѣній не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно отъ старшихъ, едва младшіе дѣйствуютъ въ связи со старшими; а потому, принимая за основаніе дѣленія различіе поколѣній, необходимо установить такіе періоды времени, въ предѣлахъ которыхъ должны быть разсматриваемы отношенія всѣхъ князей-современниковъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ принадлежали и къ другому поколѣнію, младшему. Сохраняя

по возможности дѣленіе по поколѣніямъ, крайнею гранью такихъ періодовъ всего удобнѣе принять годъ смерти послѣдняго, сколько нибудь замѣчательнаго представителя старшаго поколѣнія. Такъ напр., разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній князей 5-го поколѣнія, начинаясь отношеніями сыновей Ярослава, будетъ продолжаться до смерти Всеволода Ярославича, хотя еще при жизни послѣдняго выступило па сцену 6-е поколѣніе въ лицѣ Всеслава Брячиславича; разсмотрѣніе взаимныхъ отношеній князей 6-го поколѣнія, начинаясь смертью Всеволода, будетъ продолжаться до смерти Ярослава Святославича, хотя также за долго до этого событія выступило 7-мое поколѣніе въ лицѣ Володаря и Василька Ростиславичей, Всеволода Ольговича, Мстислава Владиміровича и другихъ, и т. д.

Начиная нашъ историческій очеркъ съ 3-го поколѣнія, съ правнуковъ Рюрика, сыновей Святослава, при которыхъ впервые является па Руси единовременно нѣсколько князей-правителей, мы раздробимъ нашу древнѣйшую исторію до начала второй четверти XIV вѣка на слѣдующіе 9 періодовъ, которые соотвѣтствуютъ 9 поколѣніямъ Рюриковичей, одно за другимъ управлявшимъ судьбами Россіи за это время: періодъ I, отъ смерти Святослава до смерти сына его, Владиміра Святаго, 972—1015; періодъ II, отъ смерти Владиміра Святаго до смерти сына его, Ярослава, 1015—1054; періодъ III, отъ смерти Ярослава до смерти сына его, Всеволода, 1054—1093; періодъ IV, отъ смерти Всеволода до смерти племянника его, Ярослава Святославича, 1093—1129; періодъ V, отъ смерти Ярослава Святославича до смерти племянника его, Святослава Ярославича, 1129—1164; періодъ VI, отъ смерти Святослава до смерти племянника его, Всеволода Юрьевича 1164—1212; періодъ VII, отъ смерти Всеволода до смерти сына его, Святослава, 1212—1252; періодъ VIII, отъ смерти Святослава до смерти племянника его, Василія Ярославича, 1252—1276; періодъ IX, отъ смерти Василія до смерти племянника его, Михаила Ярославича Тверскаго, 1276—1318. Эти періоды, не представляя никакого различія началъ, имѣютъ одно значеніе внѣшнихъ рамокъ, въ предѣлахъ которыхъ будутъ разсматриваться отношенія князей современниковъ.

Періодъ I, отъ 972 до 1015 года.

О взаимныхъ отношеніяхъ первыхъ трехъ братьевъ находимъ въ лѣтописи слѣдующія извѣстія. Сказавъ объ убійствѣ Свѣнальдича Олегомъ, княземъ Древлянскимъ, Несторъ продолжаетъ: «Потомъ бысть межю ими ненависть—Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свѣнальдъ (отецъ убитаго, человѣкъ, облеченный довѣріемъ Ярополка): поиди на братъ свой и прими волость его». Года черезъ два Ярополкъ дѣйствительно предпринялъ походъ противъ Олега, кончившійся пораженіемъ и смертью послѣдняго. Описавъ погребеніе Олега, лѣтописецъ заключаетъ свой разсказъ такимъ замѣчаніемъ: «и прія власть его Ярополкъ». Третій сынъ Святослава, Новогородскій князь Владиміръ, получивъ извѣстіе о смерти Олега «убоявся, бѣжа за море; а Ярополкъ, продолжаетъ Несторъ, посадники своя посади въ Новѣгородѣ и бѣ володѣя одинъ въ Руси».

И такъ, до смерти Олега и бѣгства Владиміра, Ярополкъ, старшій между братьями и князь Кіевскій, не одинъ владѣлъ въ Русской землѣ. Каждый изъ братьевъ имѣлъ свою особую волость, при чемъ власть одного исключала власть другаго, иначе Свѣнальдъ не могъ бы сказать Ярополку «прими власть брата твоего». Для прекращенія розни, возникшей между двумя старшими братьями, не было другаго средства, кромѣ суда Божія. Свѣнальдъ не говоритъ Ярополку: «смѣни брата твоего», ибо Олегъ не посадникъ Ярополка, а такой же князь, какъ онъ. Свѣнальдъ говоритъ: «поиди на братъ твой!»

Присоединеніе Древлянской волости къ Кіевской не могло остаться безъ вліянія на положеніе младшаго изъ трехъ братьевъ, Владиміра. Боясь завоевательныхъ стремленій старшаго брата, онъ удалился за море для того, чтобы усилить себя помощью Варяговъ. Возвратившись въ Новгородъ, Владиміръ немедленно объявляетъ войну Ярополку. «Идѣте къ брату моему и рцѣте ему», говоритъ онъ посадникамъ Ярополчимъ, «Володимеръ ти иде на тя, пристраивайся противу битися». Эта вторая война

кончилась въ пользу Владиміра. Ярополкъ былъ измѣннически убитъ воеводою, Блудомъ, въ то самое время, когда шелъ къ младшему брату съ предложеніемъ міра «на всей его воли» [46]). Послѣ смерти Ярополка въ 3-емъ поколѣніи Рюриковичей остался одинъ Владиміръ; онъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ волости и управлялъ ими до самой смерти чрезъ посадниковъ и сыновей своихъ.

Періодъ II, отъ 1015 до 1054 года.

По смерти Владиміра Русская земля снова раздѣлилась между его сыновьями и внукомъ, Брячиславомъ, взаимныя отношенія которыхъ очень напоминаютъ только-что разсмотрѣнныя отношенія Святославичей. Святополкъ, Кіевскій князь, зная приверженность Кіевлянъ къ своему младшему брату, Борису, вознамѣрился освободиться отъ него. При помощи преданныхъ ему Вышегородцевъ, Святополку удалось убить Бориса. Но подозрительность его не была этимъ успокоена: оказалось нужнымъ убить еще Глѣба. Убійство двухъ братьевъ возбудило совершенно основательныя опасенія въ третьемъ, Ярославѣ, Новгородскомъ князѣ. Сестра Новгородскаго князя, Предслава, прислала ему такое предостереженіе изъ Кіева: «отецъ ти умерлъ, а Святополкъ сѣдитъ Кіевѣ, убивъ Бориса, а на Глѣба посла; а блюдися его повелику». Ярославу ничего не оставалось какъ выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ Святополка, что онъ и сдѣлалъ.—Несмотря на дѣятельную помощь Новгородцевъ, только смерть Святополка доставила Ярославу окончательное торжество надъ своимъ противникомъ [47]).

Послѣ смерти Святополка судьбы Русской земли были въ рукахъ четырехъ князей: Ярослава Кіевскаго, Мстислава Тмутараканскаго, Судислава Псковскаго и племянника ихъ, Брячислава Полоцкаго. Объ ихъ отношеніяхъ лѣтопись сохранила слѣдующія извѣстія.

Подъ 1020 г. читаемъ о нападеніи Брячислава Полоцкаго

[46]) Лавр. 975 г., 980 г.

[47]) Лавр. 1015 г.

на Новгородъ, принадлежавшій къ волости дяди его, Ярослава. Послѣднему удалось настигнуть Брячислава еще на дорогѣ, отбить богатый полонъ, захваченный имъ въ Новгородѣ, а самого обратить въ бѣгство. Разсказъ объ этой розни дяди съ племянникомъ лѣтописецъ заключаетъ такимъ извѣстіемъ: «И оттолѣ изъ Кіева призва его къ собѣ (т. е. Ярославъ Брячислава), и вда ему два града, Свячь и Видбескъ, и рече ему: буди же со мною за единъ» [48]). Это первое извѣстіе, какое мы имѣемъ, о заключеніи дружественнаго союза между князьями. Чтобы обезопасить свою Новгородскую волость отъ нападеній Полоцкаго князя, Ярославъ нашелъ нужнымъ привлечь его на свою сторону уступкою двухъ городовъ; Брячиславъ съ своей стороны обязался быть съ дядею за одинъ.

Не прошло четырехъ лѣтъ съ этого замиренія дяди съ племянникомъ, какъ Ярославу угрожала новая опасность, на этотъ разъ со стороны младшаго его брата, Мстислава. Желаніе Тмутараканскаго князя овладѣть Кіевомъ во время отсутствія Ярослава не увѣнчалось успѣхомъ потому, что Кіевляне не захотѣли принять его; но ему удалось утвердиться въ Черниговѣ и найдти дѣятельную поддержку у Сѣверянъ, желавшихъ имѣть своего особаго князя, а не управляться посадникомъ изъ Кіева. Ярославъ, не хотѣвшій уступить Мстиславу Чернигова, выступилъ противъ него съ значительнымъ войскомъ, но потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и принужденъ былъ заключить міръ на условіяхъ, предложенныхъ младшимъ братомъ [49]). До насъ не дошли всѣ условія этого мирнаго договора, но судя потому, что походъ на Ляховъ въ 1031 г. былъ предпринятъ совокупно обоими братьями, надо думать, что они обязались быть за одинъ.

Въ 1036 г., по смерти Мстислава, Ярославъ снова присоединилъ его волость къ своей.

Объ отношеніяхъ Судислава къ Ярославу мы знаемъ только то, что Псковскій князь, возбудивъ подозрительность своего старшаго брата, былъ схваченъ и заключенъ въ порубъ въ

[48]) Воскр. 1021 г. [49]) Лавр. 1023 г., 1024 г., 1026 г.

1036 г., гдѣ и содержался до 1059 года. Подозрительность Ярослава понятна, хотя причина ея и скрыта лѣтописцемъ: Святополкъ, Брячиславъ и Мстиславъ ясно обозначили тѣ опасности, которыя могутъ угрожать одному князю со стороны другаго. Наученный опытомъ, Ярославъ лучше хотѣлъ предупредить ихъ, чѣмъ ждать, когда изъ Судислава разовьется второй Мстиславъ.

Съ 1036 г. въ рукахъ Ярослава соединилась вся Русская земля, кромѣ Полоцка, гдѣ княжилъ Брячиславъ, а послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1044 г., сынъ его, Всеславъ. Какъ и Владиміръ, Ярославъ управлялъ принадлежащими ему волостями черезъ посадниковъ и сыновей.

Періодъ III, отъ 1054 до 1093 года.

Болѣе миролюбивымъ характеромъ отличаются отношенія Рюриковичей 3-го поколѣнія, дѣтей Ярослава: Изяслава Кіевскаго, Святослава Черниговскаго и Всеволода Переяславскаго. Въ теченіи первыхъ 20 лѣтъ со смерти Ярослава мы не разъ встрѣчаемся съ совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ князей. Такъ въ 1059 г. всѣ три князя согласились освободить изъ заключенія дядю своего Судислава. Въ 1066 г., когда Всеславъ Полоцкій возобновилъ враждебныя дѣйствія своего отца противъ Новгорода, встрѣчаемся съ совокупнымъ походомъ всѣхъ трехъ князей къ Минску на Всеслава. Въ томъ же году всѣ три князя цѣлуютъ крестъ къ побѣжденному ими Всеславу, обязываясь не чинить ему зла [30]). Въ этомъ же смыслѣ надо объяснять и

[30]) Подъ 1059 г. читаемъ: «Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего изъ поруба»; подъ 1066 г.: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, и зая Новгородъ; Ярославичи же тріе, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, совокупивше вои, идоша на Всеслава. И придоша къ Мѣньску, и Мѣняне затворишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ, и поидоша къ Немизѣ, а Всеславъ поиде противу. И бысть сѣча зла, и мнози падоша, и одолѣша Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Всеславъ же бѣжа. По семъ же, мѣсяца Іюня въ 10 день, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ цѣловаше крестъ честный къ Всеславу»..... Лавр. -До 1064 г. Всеславъ Полоцкій также былъ въ единеніи съ тремя Ярославичами. Подъ 1060 г. читаемъ: «Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и Всеславъ, совокупивше вои безчислены, поидоша на конихъ и въ лодьяхъ на Торкы». Первое извѣстіе о его враждѣ съ ними относится къ 1064 г.

слѣдующее краткое извѣстіе лѣтописца подъ 1057 годомъ: «Преставися Вячеславъ, сынъ Ярославль, Смолинскѣ, и посадиша Игоря Смолинскѣ, изъ Володимера выведше». Кто посадилъ Игоря въ Смоленскѣ? Множественное число указываетъ, что это сдѣлано не однимъ кѣмъ нибудь. Изъ приведенныхъ же извѣстій мы знаемъ, что совокупныя дѣйствія въ разсматриваемое время исходили отъ трехъ князей — Изяслава, Сватослава и Всеволода. А потому и эту перемѣну въ распредѣленіи столовъ должно приписать ихъ соглашенію.

Соглашеніе Ярославичей длилось, однако, не далѣе 1073 г., когда между ними повторилась исторія Святославичей и Владиміровичей. Два младшихъ брата, Святославъ и Всеволодъ, соединились противъ старшаго, Изяслава, овладѣли его волостью и подѣлили между собой, причемъ Святославъ получилъ на свою долю Кіевъ. Изяславъ принужденъ былъ бѣжать въ Ляхи.

Послѣ смерти Святослава, Всеволодъ снова сошелся съ Изяславомъ и заключилъ съ нимъ въ 1077 году мирный договоръ. Условія этого договора не дошли до насъ, мы знаемъ только, что братья подѣлили между собой наслѣдіе Ярослава съ исключеніемъ какъ родныхъ племянниковъ своихъ, сыновей Святослава, Вячеслава и Игоря Ярославичей, такъ и внуковъ, сыновей Ростислава Владиміровича. — Новый союзъ Всеволода съ Изяславомъ продолжался недолго; въ слѣдующемъ же году Изяславъ былъ убитъ въ сраженіи съ племянниками, Олегомъ и Борисомъ, противъ которыхъ онъ выступилъ, помогая младшему брату. Какъ понималъ Изяславъ свои отношенія къ послѣднему, видно изъ словъ, сказанныхъ имъ Всеволоду въ отвѣтъ на его просьбу о помощи противъ племянниковъ, которые успѣли уже нанести ему пораженіе: «брате! не тужи: аще будеть нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма, аще лишена будевѣ, то оба, азъ сложу главу свою за тя». Эти слова представляютъ превосходный комментарій къ такъ употребительному въ княжескихъ договорахъ условію: «быти ны за одинъ».

По смерти Изяслава, Всеволодъ остался одинъ въ 5-мъ поколѣніи Рюриковичей. Современниками его были племянники, изъ которыхъ въ началѣ онъ былъ въ союзѣ только съ однимъ Ярополкомъ, сыномъ Изяслава, съ которымъ онъ подѣлился Русскими волостями и заключилъ оборонительный союзъ противъ другихъ племянниковъ, сыновей Святослава и Игоря, и внуковъ, сыновей Ростислава, съ цѣлью лишить ихъ всякого участія во владѣніи Русской землей. Позднѣе Всеволодъ отступилъ отъ своего первоначальнаго плана и вступилъ въ соглашеніе съ нѣкоторыми изъ гонимыхъ родственниковъ [51]).

Союзъ Всеволода съ Ярополкомъ также не отличался постоянствомъ, какъ и всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнные. Въ 1085 г. Ярополкъ возымѣлъ намѣреніе пойдти на дядю своего Всеволода. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ рѣшился предупредить племянника и выслалъ противъ него сына, Владиміра. Ярополкъ уклонился отъ битвы и бѣжалъ въ Ляхи, а Владиміръ занялъ столъ его. Въ слѣдующемъ году Ярополкъ возвратился изъ Ляховъ и заключилъ миръ съ Владиміромъ, по которому получилъ обратно свою волость. Съ этого мира мы не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о розни Всеволода съ дѣтьми Изяслава.

Что касается до отношеній Ярославичей къ современнику ихъ и двоюродному племяннику, Полоцкому князю, Всеславу, мы уже знаемъ, что съ 1064 г. эти отношенія были враждебны·

[51]) На существованіе союза Всеволода съ Ярополкомъ указываетъ одно мѣсто Лавр. лѣт.; подъ 1084 г. читаемъ: «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка и пришедше прогнаста Ярополка; и посла Всеволодъ Владиміра, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери». И такъ, Всеволодъ находится въ союзѣ съ Ярополкомъ, которому и помогаетъ; Ростиславичи же, бывшіе въ заключеніи у Ярополка, преслѣдуются обоими князьями, это ихъ общее дѣло. Подъ тѣмъ же годомъ находимъ еще извѣстіе, указывающее на то, что и Давыдъ Игоревичъ былъ безъ волости и занимался разбоемъ; чтобы замирить его, Всеволодъ выдѣлилъ ему Дорогобужъ. Нѣсколько ранѣе (1079) находимъ извѣстіемъ о томъ, что у Романа и Олега Святославичей также не было волостей. Позднѣе, какъ мы замѣтили, Всеволодъ отказался, хотя и не вполнѣ, отъ этой политики исключенія своихъ младшихъ родственниковъ отъ участія во владѣніи Русской землей: изъ переговоровъ князей на Любецкомъ съѣздѣ узнаемъ, что онъ далъ Давыду—Владиміръ, а Ростиславичамъ—Перемышль и Теребовль.

Ярославичи нашлись вынужденными преслѣдовать Всеслава за его вторженіе въ Новогородскую волость. Не надѣясь, что Всеславъ откажется отъ враждебной политики въ пользу болѣе миролюбивой, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ рѣшились навсегда освободиться отъ своего безпокойнаго сосѣда. При этомъ они остановились на томъ же средствѣ, которымъ съ такимъ успѣхомъ воспользовался отецъ ихъ, Ярославъ, по отношенію къ своему младшему брату, Судиславу,—на заключеніи въ порубъ. Подъ видомъ переговоровъ они пригласили къ себѣ Всеслава, и когда онъ пришелъ къ нимъ, полагаясь на ихъ крестное цѣлованіе, они схватили его и заключили въ Кіевѣ вмѣстѣ съ двумя сыновьями.—Но Всеславъ не долго оставался въ порубѣ: въ слѣдующемъ же году, во время розни Кіевлянъ съ княземъ ихъ, Изяславомъ (1067), онъ былъ освобожденъ и снова утвердился въ Полоцкѣ.

Періодъ IV, отъ 1093 до 1129 года.

Въ годъ смерти Всеволода волости Руской земли были раздѣлены между слѣдующими князьями: Святополкомъ Изяславичемъ Кіевскимъ, братомъ убитаго въ 1086 г. Ярополка, Владиміромъ Черниговскимъ и братомъ его, Ростиславомъ Переяславскомъ, Олегомъ Святославичемъ Тмутараканскимъ и братомъ его, Давыдомъ Новгородскимъ, Давыдомъ Игоревичемъ Владимірскимъ, Всеславомъ Полоцкимъ и ихъ племянниками, Володаремъ Перемышльскимъ и Василькомъ Теребовльскимъ[52]).

Первое извѣстіе, характеризующее отношенія Святополка Кіевскаго къ двоюродному брату его, Владиміру Черниговскому, находимъ подъ 1093 г. Кіевскому князю предстояла война съ Половцами, которые вторглись въ его волость и отвергли сдѣланныя имъ мирныя предложенія. Святополкъ надѣялся отра-

[52]) Олегъ овладѣлъ Тмутараканью въ 1083 г. по возвращеніи изъ Царя-града, куда былъ заточенъ еще въ 1079 году. Лавр. Давыдъ сѣлъ въ Новгородѣ въ 1088 г., по переходѣ Святопол а Изяславича въ Туровъ. Льв.—Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ перечисленіяхъ, мы далеки отъ мысли исчерпать всѣхъ князей извѣстнаго періода; мы будемъ ограничиваться только важнѣйшими.

зить ихъ собственными силами. Опытнѣйшіе изъ приближенныхъ къ нему мужей не раздѣляли этой увѣренности своего князя и дали ему такой совѣтъ: «послися къ брату своему Володиміру, дабы ти помоглъ». И такъ, участіе Черниговскаго князя въ войнѣ Кіевскаго представляется въ видѣ помощи и не разумѣется само собой: объ этомъ нужно просить. Это и понятно: Черниговскій князь также самостоятеленъ въ своей волости, какъ Кіевскій—въ своей, и дѣйствуетъ съ нимъ за одно только тогда, когда самъ того хочетъ. Святополкъ послушалъ своихъ совѣтниковъ и отправилъ посла къ Владиміру съ просьбою о помощи. Владиміръ согласился и пріѣхалъ въ Кіевъ. Надо думать, что согласіе Владиміра было не безусловное, что онъ съ своей стороны также чего-нибудь потребовалъ отъ Святополка. На это указываетъ то обстоятельство, что между братьями, съѣхавшимися въ Кіевѣ у Св. Михаила, возникла «распря и которы». Впрочемъ, эта распря тутъ же и уладилась, князья пришли къ соглашенію и цѣловали крестъ между собой. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ оказать помощь Святополку, Владиміръ нашелъ нужнымъ опредѣлить особымъ договоромъ свои отношенія къ нему. Лѣтопись не сохранила извѣстія о томъ, въ чемъ состоялъ этотъ договоръ, но судя по перѣдкимъ случаямъ совокупнаго дѣйствія обоихъ князей, надо думать, что помимо ряда о волостяхъ между ними состоялось соглашеніе о единеніи [53]).

[53]) Для примѣра укажемъ на нѣкоторые случаи совокупнаго дѣйствія обоихъ князей. Подъ 1096 г. читаемъ: «Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови, глаголюща сице: поиде къ Кіеву, да порядъ положимъ о Русстѣй землѣ....»; а далѣе: «Святополкъ и Владиміръ поидоста на Олга Чернигову:..... Святополкъ и Владиміръ гнаста по немъ,..... Святополкъ и Владимеръ оступиста й въ градѣ».... Подъ 1103 г.: «Богъ вложи въ сердце княземъ Русскимъ мысль благу, Святополку и Володимеру, и сняста ся думати на Долобскѣ».... Подъ 1104 г. «посла Святополкъ Путяту на Мѣнескъ, а Володимеръ сына своего Ярополка».... Лавр.—Въ своихъ обращеніяхъ другъ къ другу князья нерѣдко употребляютъ повелительную форму; напр. Владиміръ посылаетъ за братомъ Ростиславомъ, веля ему помогати Святополку. Лавр. 1093 г.; или «Святополкъ и Владиміръ посласта Олгови, веляста ему поити на Половци», Лавр. 1095 г. Повелительная форма есть только образъ выраженія, съ которымъ никакъ еще нельзя соединять представленія о правѣ одного князя приказывать другому и слѣдовательно о подчиненіи одного князя другому. Извѣстно, что Кіевскій князь, Изяславъ Мстиславичъ, никогда не былъ подчиненъ Черниговскимъ князьямъ, Владиміру и Изяславу Давыдовичамъ; а между тѣмъ по отно-

Четыре года спустя мы встрѣчаемся съ крестнымъ цѣлованіемъ, которое соединяетъ въ одно цѣлое всѣхъ перечисленныхъ выше потомковъ Ярослава. Въ 1097 г. на съѣздѣ въ Любечѣ собираются какъ его внуки, такъ и правнуки [54]). Подлинный договоръ, составленный въ Любечѣ, не дошелъ до насъ; мы имѣемъ изъ него только краткія извѣстія, сохраненныя лѣтописью. Судя по нимъ, условія договора относились: во 1-хъ, къ распредѣленію волостей и во 2-хъ, къ установленію общаго оборонительнаго союза между князьями. Изъ втораго рода условій лѣтописецъ записалъ два слѣдующихъ: князья обязуются прекратить свои которы и быть за одинъ: «да понѣ отселѣ, говорятъ они, имемся въ едино сердце и блюдемъ Русскіе земли...» и далѣе: «да аще кто отселѣ на кого будетъ, то на того будемъ вси и крестъ честный». Въ послѣднемъ условіи высказывается ясное сознаніе о равенствѣ всѣхъ договаривающихся князей: каждый изъ нихъ, дядя наровнѣ съ племянникомъ, князь Кіевскій наровнѣ съ княземъ Теребовльскимъ,—въ одинаковой мѣрѣ признаетъ надъ собою высшую судебную власть княжескаго съѣзда. Случай примѣненія этой любопытной статьи находимъ подъ тѣмъ же годомъ. Давыдъ и Олегъ Черниговскіе и Владиміръ Переяславскій, три князя, не принимавшіе участія въ ослѣпленіи Василька, какъ только узнали объ этомъ событіи, поспѣшили соединить свои войска и отправить посольство къ великому князю Кіевскому, Святополку, съ требованіемъ дать отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: «что се зло створилъ еси въ Русь-

шенію къ этимъ князьямъ лѣтописецъ употребляетъ такое выраженіе: «И ссадавше князи Черниговскіе, послаша къ Изяславу, в е л я ч е ему пойти».... (на Юрія Владимірскаго и Святослава Ольговича, Ипат. 1157 г. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи мѣсто Ипат. подъ 1159 г. Изяславъ Давыдовичъ посылаетъ къ брату своему Святославу Ольговичу «в е л я ему пойти съ собою на Галичъ». Святославъ не соглашается на эту войну и въ свою очередь отправляетъ къ Изяславу посла, который держитъ къ нему такую рѣчь: «не в е л и т ь ти братъ начинати рати, а веньо в е л и т ь ти ся воротити». И такъ, оба князя приказываютъ другъ другу! — Хотя отъ повелительной формы и нельзя прямо заключать о подчиненіи, но, гдѣ подчиненіе есть въ силу договора, или въ силу семейнаго права,—тамъ повелительная форма соотвѣтствуетъ дѣйствительному отношенію.

[54]) На съѣздѣ въ Любечѣ принимали участіе внуки Ярослава.— Святополкъ Изяславичъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи, Владиміръ Всеволодичъ и Давыдъ Игоревичъ, и правнукъ его, Василько Ростиславичъ

стѣй землѣ, и вверглъ еси ножъ въ ны? чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была нань, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ бы и створилъ ему; а нонѣ яви вину его!» Кіевскій князь, позванный къ отвѣту Черниговскими и Переяславскимъ, указалъ на Давыда Игоревича, какъ на виновника въ ослѣпленіи Василька, но не успѣлъ отклонить отъ себя подозрѣнія въ участіи въ этомъ дѣлѣ; а потому Владиміръ, Олегъ и Давыдъ немедленно двинулись на него съ своими войсками. Только вмѣшательство Кіевлянъ спасло Святополка отъ заслуженнаго имъ наказанія; главный же виновникъ ослѣпленія, Давыдъ Игоревичъ, былъ лишенъ принадлежавшей ему Владимірской волости, и принужденъ довольствоваться младшимъ столомъ въ Бужскѣ, Дубнѣ и Черторыйскѣ [55]).

Чѣмъ болѣе развѣтвлялся родъ Рюрика, тѣмъ конечно труднѣе было достигнуть соглашенія между всѣми его членами. Съѣздъ въ Любечѣ не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія: въ немъ не принималъ участія Всеславъ Полоцкій, и кромѣ того установленное имъ единеніе Ярославичей было очень не долговѣчно. Мы уже знаемъ, что первое нарушеніе его—ослѣпленіе Василька — послѣдовало въ самый годъ съѣзда. Вскорѣ послѣ того встрѣчаемся и со вторымъ—нападеніемъ Святополка Кіевскаго на волости Василька и Володаря Ростиславичей. Въ

[55]) Лавр. 1097 г. Считаемъ не лишнимъ привести любопытныя, хотя и слишкомъ краткія подробности суда князей надъ Давыдомъ Игоревичемъ. «Снишася вся братья въ Увѣтичахъ: Святополкъ, Владиміръ, Давыдъ (Святославичъ), Олегъ, и приде къ нимъ Игоревичъ Давыдъ, и рече къ нимъ: «на что мя есте привабили? осе есмъ; кому до меня обида?» И отвѣща ему Володимеръ: «ты еси прислалъ къ намъ: хочю, братья, прити къ вамъ и пожаловатися своея обиды. Да се еси пришелъ и сѣдишь съ братіею своею на единомъ коврѣ, то чему не жалуешься, до кого ти насъ жалоба?» И не отвѣща Давыдъ ничтоже. И сташа вся братья на конихъ. И ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, разно, кромѣ собе, а Давыдъ Игоревичъ сѣдяше кромѣ, и не припустяху его къ собѣ, но особь думаху о Давыдѣ. И сдумавше, послаша къ Давыду мужи свои: Святополкъ Путяту, Володимеръ Орогостя и Ратибора, Давыдъ и Олегъ Торчина. Послании же придоша къ Давыдови и рекоша ему: «се ти молвятъ братья: не хочемъ ти дати стола Володимерскаго, зане ввергль еси ножь въ ны, его же не было въ Руськѣй земли; да се мы тебе не имемъ, ни иного ти зла не сотворимъ, но се ти даемъ, шедъ сяди въ Бужьскѣмъ, въ Острозѣ; а Дубенъ и Чарторыескъ, то ти дастъ Святополкъ, а се ти дастъ Володимеръ 200 гривенъ, а Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ». Лавр. 1100 г.

1100 г. на съѣздѣ въ Увѣтичахъ къ Святополку присоединяются Владиміръ Мономахъ, Давыдъ и Олегъ Святославичи: всѣ четверо въ противность постановленію Любецкаго съѣзда рѣшили отнять у ослѣпленнаго Василька принадлежащую ему волость, Теребовль, и послали сказать Ростиславичамъ, чтобы они ограничились однимъ Перемышлемъ. Володарь и Василько не согласились съ этимъ рѣшеніемъ и удержали за собой свои волости противъ воли дядей [56]).

Такимъ образомъ, единеніе всѣхъ Ярославичей, установленное Любецкимъ съѣздомъ, было разрушено и замѣнено болѣе тѣснымъ кружкомъ однихъ только внуковъ Ярослава, дружественныя отношенія которыхъ не нарушались до самой ихъ смерти. Согласно постановленію Любецкаго съѣзда мы постоянно встрѣчаемся съ совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ князей по вопросамъ, одинаково касающимся всѣхъ управляемыхъ ими волостей, къ которымъ главнымъ образомъ относится война и миръ съ Половцами [57]).

Кромѣ помянутыхъ князей въ разсматриваемый нами періодъ времени на политическую арену выступаютъ еще слѣдующіе:

[56]) Позднѣе, Володарь и Василько снова сошлись съ дядьями: въ 1117 г. мы находимъ ихъ на сторонѣ Владиміра Мономаха, которому они наровнѣ съ Давыдомъ Ольговичемъ оказали помощь противъ Ярослава Святополчича. Но и это единеніе продолжалось не далѣе 1123 г., когда они соединились съ Ярославомъ Святополчичемъ противъ Владиміра. Ипат.

[57]) Подъ 1101 г. читаемъ: «Томъ же лѣтѣ совокупишася вся братія: Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ, братъ его, на Золотьчи. И прислаша Половцы слы отъ всѣхъ князей ко всей братьи, просяще мира. И рѣша имъ Рускыи князи: «да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова». Лавр. Ср. еще подобныя же извѣстія въ Лавр. лѣт. подъ 1104 г., 1107 г., 1110 г. и 1112 г., и въ Ипат. подъ 1116 г. Въ Ипат. же подъ 1115 г. находимъ слѣдующее чрезвычайно характеристическое для княжескихъ отношеній мѣсто: «совокупишася братья Русціи князи, Володимеръ, зовемый Мономахъ, сынъ Всеволожь, Давыдъ Святославичь, и Олегъ, братъ его, и сдумаша перенести мощи Бориса и Глѣба: бяху бо создали церковь има каменую». И далѣе: «Распри же бывши межи Володимеромъ, Давыдомъ и Ольгомъ: Володимеру бо хотящу я́ (т. е. перенесенныя мощи) поставити средѣ церкви и теремъ серебренъ поставити надъ нима; а Давыдъ и Олегъ хотяшета поставити я́ въ комару, идѣже отець, рече, мой назнаменовалъ, на правой сторонѣ, идѣже бяста устроенѣ комарѣ има. И рече митрополитъ и епископы: «верзите жребіи, да гдѣ изволита мученика, ту же я́ поставимъ»,—и вгодно се бысть. И положи Володимеръ свой жребій, а Давыдъ и Олегъ свой жребій на святой трапезѣ, и вынися жребій Давыдовъ и Ольговъ, и поставиша я́ въ комару..., гдѣ нынѣ лежита».

1) Сынъ убитаго въ 1086 г. Ярополка Изяславича, Ярославъ. Объ его отношеніяхъ къ современнымъ ему князьямъ лѣтопись сохранила только одно краткое извѣстіе. Подъ 1101 годомъ читаемъ: «заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестьи, и иде нань Святополкъ...». И такъ, Ярославъ сидѣлъ въ Берестьи, откуда и предпринялъ войну противъ роднаго дяди, Святополка, Кіевскаго князя. Война кончилась пораженіемъ Ярослава, онъ былъ взятъ и въ оковахъ приведенъ въ Кіевъ. Заступничеству митрополита и игуменовъ удалось возвратить ему свободу, но не утраченную волость. Въ слѣдующемъ году онъ былъ снова схваченъ сыномъ Святополка, Ярославомъ, и на этотъ разъ обманомъ. Въ томъ же году Ярославъ Ярополчичъ умеръ [58]).

2) Сыновья Всеслава Полоцкаго. По смерти Всеслава между его многочисленными сыновьями возникла такая же рознь, какую мы уже не разъ наблюдали между родными братьями предшествовавшихъ поколѣній Рюриковичей. Одинъ изъ Всеславичей, Давыдъ, принужденъ былъ даже оставить свою родину и искать покровительства у Ярославичей, въ рядахъ которыхъ мы и встрѣчаемъ его въ 1103 году въ войнѣ противъ Половцевъ. Подъ 1104 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ о совокупномъ походѣ Ярославичей: Святополка Изяславича, Владиміра Мономаха и Олега Святославича къ Минску на Глѣба Всеславича. Святополкъ отправилъ въ этотъ походъ воеводу своего, Путяту, Владиміръ—сына, Ярополка, Олегъ же пошелъ самъ, взявши съ собою Давыда Всеславича. Судя по этому участію обдѣленнаго Давыда, можно думать, что походъ былъ предпринятъ для завоеванія ему волости. Ярославичи не имѣли успѣха и возвратились ни съ чѣмъ.

Историческая вражда потомковъ Изяслава Владиміровича, перваго Полоцкаго князя, съ Ярославомъ и его потомками продолжалась и въ настоящемъ періодѣ. Въ 1116 г. Глѣбъ Всеславичъ, вѣрный преданіямъ своего дома, повоевалъ Дреговичей и сжегъ Случескъ, принадлежавшій къ волости Владиміра Мономаха. Мономахъ выступилъ противъ него войной въ союзѣ

[58]) Лавр. 1101 г. и 1102 г.

съ Давыдомъ Святославичемъ и Ольговичами (Святополкъ Изяславичъ и Олегъ Святославичъ не были болѣе въ живыхъ). Глѣбъ не рѣшился на битву и сталъ просить міра, обѣщаясь ходить въ воли Владиміра. «Володиміръ же, говоритъ лѣтописецъ, сжалися тѣмъ, оже проливашеться кровь въ дни постныя великаго поста, и вдасть ему міръ». — Миръ этотъ былъ не продолжителенъ: въ 1119 г. Владиміръ схватилъ Глѣба и привелъ его въ Кіевъ, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Лѣтописецъ не говоритъ, что побудило Мономаха къ этому нарушенію договора 1116 года [59]).

3) Ярославъ, сынъ умершаго въ 1113 г. Кіевскаго князя, Святополка Изяславича. Еще съ 1100 г. этотъ князь занималъ Владимірскій столъ, который удержалъ за собою и по смерти отца. Подъ 1117 г. находимъ извѣстіе о походѣ на Ярослава дяди его, Владиміра Мономаха. Ярославъ не могъ противиться сильному Кіевскому князю, который подступилъ къ стѣнамъ Владиміра въ союзѣ съ Давыдомъ Ольговичемъ и Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами, и принужденъ былъ заключить миръ, по которому обязался приходить на помощь къ Владиміру, когда тотъ позоветъ его. Но еще въ томъ же году Владиміръ нарушилъ этотъ міръ, передавъ Владимірскій столъ сыну Роману. Ярославъ бѣжалъ въ Угры, надѣясь съ помощью иноземцевъ возобновить борьбу съ дядею. Дѣйствительно, онъ возвратился въ 1123 г. во главѣ войска, составленнаго изъ Угровъ, Ляховъ и Чеховъ, и осадилъ Владиміръ. На его сторонѣ были на этотъ разъ и его недавніе противники, Володарь и Василько. Два ляха, измѣннически напавшіе на Ярослава въ то время, когда онъ объѣзжалъ осажденный городъ, навсегда избавили Владиміра отъ опаснаго племянника [60]).

4) Въ заключеніе упомянемъ объ отношеніяхъ сыновей Олега Святославича и Владиміра Мономаха къ послѣднему изъ князей 6-го поколѣнія, Ярославу Святославичу. Мстиславъ Владимі-

[59]) Лавр., а съ 1116 г. Ипат.

[60]) Ипат. Въ своемъ поученіи Владиміръ Мономахъ такъ объясняетъ причину войны съ племянникомъ: «ходихомъ къ Володимерю на Ярославца, не терпяче злобъ его».

ровичъ, Кіевскій князь, былъ въ крестномъ цѣлованіи съ дядею своимъ Ярославомъ Черниговскимъ, въ силу котораго долженъ былъ помогать послѣднему на всякаго его недруга. Мы не знаемъ, былъ ли какой договоръ между Ярославомъ и Ольговичами, его родными племянниками; извѣстно только, что старшій изъ нихъ, Всеволодъ, напалъ на дядю своего, Черниговскаго князя, и овладѣлъ его столомъ. Мстиславъ Владиміровичъ въ союзѣ съ братомъ, Ярополкомъ, хотѣлъ уже идти на Всеволода, помогая Ярославу, но какъ мы уже имѣли случай сказать, былъ разрѣшенъ отъ крестнаго цѣлованія соборомъ духовенства. Ярославъ, не имѣя силъ бороться со Всеволодомъ безъ союзниковъ, принужденъ былъ отказаться отъ Чернигова и удалиться въ Муромъ [61]).

Періодъ V, отъ 1129 до 1164 года.

Въ теченіи этого періода Русскія волости были раздѣлены между слѣдующими князьями 7-го поколѣнія Рюриковичей: сыновьями Владиміра Мономаха, Мстиславомъ, Ярополкомъ, Андреемъ, Вячеславомъ и Юріемъ, сыновьями Олега Святославича, Всеволодомъ, Игоремъ и Святославомъ, сыновьями Давыда Святославича, Владиміромъ и Изяславомъ, сыновьями Ярослава Святославича, Муромскими и Рязанскими князьями, и наконецъ, сыновьями Всеслава Полоцкаго, Давыдомъ, Ростиславомъ и Святославомъ. Кромѣ того, въ это же время являются дѣйствующими нѣкоторые изъ князей 8-го и даже 9-го поколѣнія, какъ напр. Всеволодъ, Изяславъ и Ростиславъ, сыновья умершаго въ 1133 году Мстислава Владиміровича, и внуки его отъ Изяслава, умершаго въ 1154 году; внуки Всеслава Полоцкаго; Владимірко Галицкій и сынъ его, Ярославъ, и другіе, которые будутъ названы по мѣрѣ появленія.

Война и договоры также опредѣляютъ отношенія этихъ князей, какъ и князей четырехъ предшествовавшихъ поколѣній.

Ярополкъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, былъ въ

[61]) Ипат. 1128 г.

договорѣ съ роднымъ братомъ своимъ Мстиславомъ, заключенномъ еще при жизни отца ихъ и по его волѣ. По смерти Мстислава, Ярополкъ согласно этому договору передалъ сыновьямъ Мстислава, Переяславль. Это не понравилось младшему брату Ярополка, Юрію, не принимавшему участія въ помянутомъ соглашеніи старшихъ братьевъ. Онъ напалъ на покровительствуемаго Ярополкомъ Всеволода Мстиславича, выгналъ его изъ Переяславля и занялъ самъ этотъ городъ. Ярополкъ, продолжая оставаться вѣрнымъ соглашенію съ старшимъ братомъ, выслалъ противъ Юрія большую силу, снова овладѣлъ Переяславлемъ и передалъ его другому сыну Мстислава, Изяславу. Юрій не хотѣлъ уступить и опять напалъ на Переяславль. Тогда Ярополкъ, убѣдившись въ крайней трудности буквально исполнить свои обязанности къ умершему Мстиславу, прибѣгъ къ такой комбинаціи: онъ предложилъ другому брату своему, Вячеславу, сѣсть въ Переяславлѣ, а свою волость, Туровъ, отдать Изяславу. Вячеславъ согласился, но не на долго: пробывъ не болѣе года въ Переяславлѣ, онъ снова возвратился въ Туровъ и прогналъ Изяслава. Этимъ воспользовался Юрій и предложилъ Ярополку взять у него часть его Суздальской и Ростовской волости, а ему дать Переяславль; Ярополкъ согласился и примирился съ братомъ, предоставивъ племянниковъ ихъ собственнымъ силамъ [62]).

Изяславъ Мстиславичъ, оставленный такимъ образомъ безъ волости, вступилъ въ союзъ съ Черниговскими князьями, Ольговичами и Давыдовичами, и вмѣстѣ съ ними задумалъ походъ на своего недавняго покровителя, Ярополка, и его братьевъ [62*]). Эта первая война кончилась миромъ, по которому Изяславъ получилъ Владимірскій столъ.

Міръ былъ заключенъ не съ однимъ Изяславомъ, но и съ союзникомъ его, Всеволодомъ Ольговичемъ, хотя лѣтописецъ и

[62]) Ипат. 1133—1135 г.; Воскр. 1132—1133 г.

[62*]) У Ольговичей, впрочемъ, была и своя причина войны съ Владиміровичами. Подъ 1135 г. лѣтописецъ говоритъ, что они просили у Ярополка «что вы отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ, аже не вдасть, то не жалуйте, что ся удѣетъ, то вы виновати, то на васъ буди кровь». Ипат.

не записалъ условій послѣдняго соглашенія. Впрочемъ Ольговичи не долго остались ему вѣрными. Въ слѣдующемъ году они начали новую войну съ Владиміровичами, одержали надъ ними верхъ и принудили Ярополка къ невыгодному для него миру, по которому онъ отдалъ имъ все, чего они хотѣли. Всеволодъ Ольговичъ, испытавъ удачу, не хотѣлъ успокоиться и на этомъ: въ 1139 году онъ сдѣлалъ новые захваты въ Кіевской волости Ярополка. На этотъ, однако, разъ перевѣсъ силы былъ на сторонѣ послѣдняго и Всеволодъ принужденъ былъ просить мира у Ярополка. «Ярополкъ же благъ сый, говоритъ лѣтописецъ, милостивъ нравомъ, страхъ Божій имѣя въ сердцѣ, яко же и отецъ его имѣяше страхъ Божій, и о всемъ разсмотривъ, не восхотѣ створити кровопролитія, створи съ нимъ миръ; стояша у Моровійска, и владившеся цѣловаша честный крестъ и разидошася кождо во свояси». Это былъ 3-й и послѣдній договоръ Ярополка со Всеволодомъ; Ярополкъ умеръ въ томъ же году [63]).

Первою мыслью Всеволода Ольговича, овладѣвшаго Кіевомъ по смерти Ярополка, было заключить мирные договоры съ своими сосѣдями, Владиміровичами и ихъ племянниками, Мстиславичами. Когда же эти князья уклонились отъ мирныхъ переговоровъ и начали ссылаться другъ съ другомъ, замышляя войну противъ Всеволода, онъ рѣшился предупредить ихъ и въ союзѣ съ роднымъ братомъ, Святославомъ, двоюроднымъ, Изяславомъ, и Владимiркомъ Галицкимъ разомъ открылъ военныя дѣйствія противъ Андрея и Вячеслава Владиміровичей и Изяслава Мстиславича. Результатомъ войны были мирные договоры съ каждымъ изъ трехъ князей. Подъ тѣмъ же годомъ находимъ извѣстіе, бросающее свѣтъ и на самый характеръ по крайней мѣрѣ одного изъ этихъ договоровъ. Миръ съ Половцами заключаетъ не одинъ Всеволодъ Кіевскій, но и Андрей Переяславскій. Союзъ этихъ двухъ князей не лишилъ, слѣдовательно, ни одного изъ нихъ политической самостоятельности: какъ тотъ, такъ и другой одинаково ведутъ переговоры съ общимъ врагомъ; но, конечно, между ними могло быть постановлено обоюдное условіе «неканчивати» [64]).

63) Ипат. 1135 г., 1136 г., 1139 г. 64) Ипат. 1140 г.

Занятіе Кіева, доставившее Всеволоду новыхъ друзей во враждебныхъ ему прежде Владиміровичахъ, съ другой стороны повело къ отдѣленію отъ него старыхъ, его родныхъ братьевъ, Ольговичей, и Давыдовичей, бывшихъ до сихъ поръ его неизмѣнными союзниками.

Первый шагъ къ разъединенію родныхъ братьевъ встрѣчаемъ въ **1141** г. Всеволодъ, занявши Кіевъ, передалъ свой Черниговскій столъ не родному брату, Игорю, какъ давно обѣщалъ, а двоюродному, Владиміру Давыдовичу. Игорь не хотѣлъ согласиться съ этимъ распоряженіемъ своего старшаго брата и лѣтомъ **1141** г. предпринялъ походъ къ Чернигову на Владиміра. Война кончилась въ томъ же году миромъ Игоря съ Владиміромъ, условія котораго лѣтописецъ не сохранилъ. — Въ слѣдующемъ же году мы встрѣчаемся съ большою коалиціей, составленной противъ Всеволода; въ ней приняли участіе два родныхъ брата его, Святославъ и Игорь,, и два двоюродныхъ, Владиміръ Черниговскій и Изяславъ. Перейдя въ Кіевъ, Всеволодъ удержалъ за собой большую часть своихъ прежнихъ владѣній и не надѣлилъ своихъ союзниковъ въ той мѣрѣ, какъ они того желали. Это послужило поводомъ къ разъединенію его съ Ольговичами и Давыдовичами. Въ **1142** г. всѣ четыре князя цѣловали между собою крестъ быть за одинъ противъ Всеволода и общими силами искать для себя Черниговской и Сѣверской волости. Нападеніемъ на Вячеслава, новаго союзника Всеволодова, они открыли враждебныя противъ него дѣйствія. — Чтобы разрушить этотъ союзъ Ольговичей и Давыдовичей, Всеволодъ отправилъ къ послѣднимъ увѣщаніе отступить отъ его родныхъ братьевъ: «отступита вы отъ брату моею, говорилъ онъ имъ, азъ ваю надѣлю». Давыдовичи не устояли, нарушили крестное цѣлованіе къ Святославу и Игорю и перешли на сторону Всеволода. Это выдѣленіе Давыдовичей скоро привело къ примиренію со Всеволодомъ и родныхъ его братьевъ, Святослава и Игоря [65]).—Хотя лѣтопись и не сохранила намъ извѣстія о

[65]) Ипат. 1141 г., 1142 г. Въ 1144 г., во время войны Всеволода съ Владиміркомъ Галицкимъ, на сторонѣ Кіевскаго князя сгруппировались всѣ его союзники: Игорь

первоначальномъ договорѣ Всеволода Черниговскаго съ его родными и двоюродными братьями, но происшествія 1141 и 1142 годовъ показываютъ, что если эти князья дѣйствовали за одно со Всеволодомъ, то только потому, что сами того хотѣли: едва интересы ихъ разошлись, они не задумались отступиться отъ старшаго брата и даже образовать враждебный ему союзъ.

Прежде чѣмъ Всеволодъ сошелся въ единеніе съ Владиміровичами и Мстиславичами, встрѣчаемся съ попыткой Галицкаго князя, Владиміра, вступить въ соглашеніе съ Изяславомъ Мстиславичемъ Владимірскимъ. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ и Галицкій князь остался въ союзѣ со Всеволодомъ, которому помогалъ въ войнѣ противъ Вячеслава Владиміровича. Когда возникъ этотъ союзъ Всеволода съ Владимірковъ, лѣтописецъ не говоритъ, но подъ 1144 годомъ сохранилось извѣстіе о его прекращеніи. Владимірко поссорился со Всеволодомъ изъ-за Владимірской волости, гдѣ сидѣлъ тогда сынъ послѣдняго, и возвратилъ ему «крестную грамоту». Всеволодъ пошелъ на него войной въ союзѣ съ Игоремъ и Святославомъ Ольговичами, Вячеславомъ Владиміровичемъ и Мстиславичами, Изяславомъ и Ростиславомъ. При посредничествѣ Игоря, котораго Владимірко привлекъ на свою сторону обѣщаніемъ помощи на тотъ случай, когда Игорь, по смерти брата, станетъ искать Кіевскаго стола, Галицкому князю удалось заключить миръ со Всеволодомъ въ то самое время, когда на полѣ битвы его дѣло было совершенно проиграно. Миръ съ Владимірковъ былъ заключенъ однимъ Всеволодомъ, а не всѣми принимавшими участіе въ походѣ князьями, какъ въ указанномъ выше случаѣ миръ съ Половцами. Это различіе имѣетъ свое основаніе въ самомъ различіи характера той и другой войны: война съ Половцами одинаково касалась какъ Всеволода Кіевскаго, такъ и Андрея Переяславскаго; война же съ Владимірковъ, безпокоившимъ Владимірскую волость Всеволода, была исключительно дѣломъ послѣдняго, другіе же князья только помогали ему; а потому,

и Святославъ, его родные братья, Владиміръ Давыдовичъ, Вячеславъ Володиміровичъ, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи. Ипат.

естественно, первая роль и принадлежитъ Всеволоду. Но союзники его могли не только быть пріобщены къ этому миру, но даже и получить изъ него нѣкоторыя выгоды, какъ напр. Игорь— обѣщаніе помощи. Не имѣя самой «крестной грамоты», мы лишены возможности опредѣлить степень участія союзниковъ Всеволода въ этомъ договорѣ его съ Владиміромъ [66]).

Миръ съ Владиміромъ былъ нарушенъ въ самый годъ смерти Всеволода и, кажется, по инициативѣ послѣдняго [67]). Съ другими же своими союзниками, родными братьями, Святославомъ и Игоремъ, двоюродными, Давыдовичами, Вячеславомъ Владиміровичемъ и Мстиславичами, Всеволодъ сохранилъ до конца дружественныя отношенія [68]).

Смерть Всеволода застала его союзниковъ въ новомъ соглашеніи, состоявшемся еще при его жизни и по его волѣ. Но когда Кіевляне нарушили свой рядъ съ князьями, въ силу котораго Кіевскій столъ по смерти Всеволода долженъ былъ перейдти къ брату его, Игорю, и остановили свой выборъ на племянникѣ его, Изяславѣ Мстиславичѣ, этотъ князь первый вышелъ изъ установленнаго при Всеволодѣ единенія Ольговичей, Давыдовичей и Мстиславичей и отказался исполнить крестное цѣлованіе къ Игорю. Примѣръ Изяслава не остался безъ подражателей. Когда ему удалось при помощи Кіевлянъ одержать верхъ надъ Игоремъ и Святославомъ и утвердиться въ Кіевѣ, Давыдовичи нашли болѣе выгоднымъ соединиться съ нимъ, чѣмъ защищать проигранное дѣло Игоря. Они выступили изъ крестнаго цѣлованія къ Ольговичамъ, заключили договоръ съ Изяславомъ и въ союзѣ съ нимъ предприняли походъ на Святослава [69]).

Съ своей стороны, Святославъ также не остался безъ союзниковъ: покинутый Давыдовичами и Мстиславичами, онъ обратился къ родному дядѣ послѣднихъ, Суздальскому князю, Юрію.

[66]) Ипат. 1140 г., 1144 г.

[67]) Походомъ на Галичъ 1146 года. Ипат.

[68]) Въ походѣ Всеволода на Галичъ 1146 года принимаютъ участіе Игорь и Святославъ Ольговичи, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи, Вячеславъ Володиміровичъ, Изяславъ и Ростиславъ Мстиславичи. Ипат. [69]) Ипат. 1146 г.

Въ послѣднее десятилѣтіе Юрій жилъ на сѣверѣ и не принималъ участія ни въ соглашеніяхъ, ни въ розни южныхъ князей. Подъ 1143 г. встрѣчаемся съ попыткой Изяслава Мстиславича вступить въ соглашеніе съ дядей, но попытка не удалась, и Изяславъ вернулся изъ Суздаля ни съ чѣмъ [70]). Святославъ, что бы склонить на свою сторону Юрія, самъ вызвался помогать ему въ добываніи Кіева. Юрій принялъ предложеніе и взамѣнъ обѣщалъ поддержать Святослава въ его борьбѣ съ Изяславомъ и Давыдовичами [71]).

Какъ въ 1146 г. Давыдовичи не устояли въ крестномъ цѣлованіи къ Ольговичамъ, такъ годомъ позже они измѣнили Изяславу. Въ 1147 году оба князя вступили въ тайное соглашеніе съ Святославомъ и союзникомъ его, Юріемъ, результатомъ котораго былъ союзъ этихъ князей противъ Изяслава Кіевскаго, въ которомъ приняли участіе даже Рязанскіе князья, до сихъ поръ державшіеся въ дали. На сторонѣ Изяслава былъ только родной братъ его, Ростиславъ Смоленскій, да помощь дяди, Вячеслава Туровскаго; но главную его силу составляли Кіевляне, у которыхъ война съ Черниговскими князьями была народнымъ дѣломъ. — Юрій, цѣловавшій крестъ къ Ольговичамъ и Давыдовичамъ помогать на Изяслава, не сдержалъ своего обѣщанія и тѣмъ поставилъ противниковъ Кіевскаго князя въ затруднительное положеніе, вынудившее ихъ на второмъ году войны обратиться къ послѣднему съ предложеніемъ мира. Мы приведемъ вполнѣ это чрезвычайно любопытное мѣсто лѣтописи, въ которомъ описаны переговоры, предшествовавшіе заключенію новаго соглашенія между Мстиславичами съ одной стороны и Ольговичами и Давыдовичами съ другой. Сказавши объ отказѣ Юрія помогать на Изяслава, лѣтописецъ продолжалъ такъ: «Володимеръ же и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ и Всеволодичъ Святославъ [72]) послаша послы свои къ Изя-

[70]) Сузд. 1143 г.

[71]) Въ 1146 г. Святославъ съ Юріемъ имѣли два совѣщанія и оба раза чрезъ пословъ; въ слѣдующемъ же году они видѣлись на съѣздѣ въ Москвѣ. Ипат.

[72]) Сынъ умершаго Кіевскаго князя. Въ началѣ онъ былъ на сторонѣ Изяслава, но скоро перешелъ къ его противникамъ.

славу Мстиславичу, ищуще мира и тако рекуче: «то было прежде дѣдъ нашихъ и при отцахъ нашихъ: миръ стоитъ до рати, а рать до мира. Нынѣ же на насъ про то не жалуй, оже устали (встали) на рать, жаль бо ны есть брата своего Игоря [73]), а того искали, абы ты пустилъ брата нашего; аже уже братъ нашъ убитъ, а пошелъ къ Богови, а тамо намъ всѣмъ быти, а то Богови правити. А мы доколѣ хочемъ Русскую землю губити? А быхомъ ся уладили!» Изяславъ же рѣче имъ: «братье! то добро есть хрестьянъ блюсти. А вы были на сонмѣ, а язъ дослю брату Ростиславу и съ тымъ пакы угадаю, и послевѣ послы свои къ вамъ». И то имъ рекъ противу, отпусти послы ихъ, а къ Ростиславу, брату своему, посла мужи свои, река ему: «се братья прислалися ко мнѣ, Володимеръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодичъ, мира прося; а язъ пакы гадаю съ тобою, а како будетъ обѣима нама годно, годно ли ти миръ? аще зло намъ суть створили, а се мира ищутъ у наю. Пакы ли рать годно? а язъ на тобѣ укладываю». Ростиславъ же отвѣща брату своему Изяславу, рече: «брате! кланяютися, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь. Аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ былъ, брате, тако реклъ: Русскія дѣля земли и христьянъ дѣля миръ лѣпле. Тіи были на рать встали, а что успѣли? нынѣ же, брате, хрестьянъ дѣля и всее Русской земли умирися. Если ворожду про Игоря отложатъ и пакы того не створятъ, что же хотѣли учинити, а того лишатся, то мирися; пакы ли имъ про Игоря ворожду имѣти, то лѣпле съ ними въ рати быть. А како ны съ ними Богъ дастъ!» Изяславъ же то слышавъ, посла къ Володимеру Давыдовичу, и къ брату его, Изяславу, и къ Святославу Ольговичу, и къ Святославу Всеволодичу Бѣлогородскаго епископа, Ѳеодора, и Печерскаго игумена, Ѳеодосія, и мужи свои съ ними Чернигову, река имъ тако: «вы ко мнѣ хрестъ цѣловали на томъ, оже вы брата, Игоря, не искати, и того ступили и до сыти ми пересердія учинили. Нынѣ

[75]) Игорь, послѣ побѣды Изяслава надъ Ольговичами у Кіева въ 1146 г., былъ взятъ въ плѣнъ и содержался въ Кіевѣ, въ монастырѣ св. Ѳеодора.

же всего того не поминаю, Русскія дѣля земля и хрестьянъ дѣля. Аже ко мнѣ прислалися мира дѣля и о томъ ся касте, что хотѣли учинити, нынѣ же цѣлуйте на томъ крестъ, оже вы про Игоря ворожды не имѣти, ни того учинити, что хотѣли прежде учинити». Тако на томъ цѣловаша крестъ у святомъ Спасѣ ворожду про Игоря отложити, а Русской земли блюсти, и быти всимъ за одинъ братъ» [74]). Только что приведенные переговоры Изяслава съ младшимъ братомъ и союзникомъ, Ростиславомъ, представляютъ превосходнѣйшій примѣръ осуществленія такъ употребительнаго въ княжескихъ договорахъ условія: «а тебѣ безъ меня не канчивати, ни ссылатися ни съ кѣмъ же; а мнѣ безъ тебя также не канчивати ни съ кѣмъ»; хотя самый договоръ, опредѣлявшій отношенія двухъ старшихъ Мстиславичей, и не дошелъ до насъ.

Въ самый годъ заключенія этого новаго единенія между Мстиславичами, Ольговичами и Давыдовичами, Кіевскій князь уже нуждался въ помощи своихъ союзниковъ противъ дяди, Юрія. Ссылаясь на только-что заключенный договоръ, онъ послалъ сказать Черниговскимъ князьямъ: «вы хрестъ цѣловали на томъ, аже кто будетъ мнѣ золъ, то вамъ на того быти со мною. Се же, братья, азъ съ вами думаю: се стрый мой Гюргій изъ Ростова обидитъ мой Новгородъ, и дани отъ нихъ отоималъ, и на путѣхъ имъ пакости дѣеть, а хочу пойти на нь и то хочу управить, любо миромъ, любо ратью. А вы на томъ хрестъ цѣловали, со мною быти». Черниговскіе князья отвѣчали: «мы всѣ хрестъ цѣловали на томъ: гдѣ твоя обида будетъ, намъ быти съ тобою». Заручившись помощью Черниговскихъ князей, Изяславъ отправился въ Смоленскъ къ брату Ростиславу и «угадаста о пути своемъ». Такимъ образомъ началась война съ Юріемъ, продолжавшаяся съ небольшими перерывами въ теченіи цѣлаго трехлѣтія.

Въ первый годъ войны (1148) дѣло ограничилось нападеніемъ Изяслава на приволжскія земли Юрія, который не былъ готовъ къ битвѣ и не рѣшился встрѣтить племянника съ ору-

[74]) Ипат. 1147 и 1148 г.

жіемъ въ рукахъ. Наступленіе весны заставило союзниковъ прекратить военныя дѣйствія. Помощь, оказанная при этомъ первомъ нападеніи Изяслава на Юрія Ольговичами и Давыдовичами, была крайне сомнительнаго свойства: они все время простояли въ Вятичахъ «ожидаюча и зряча, что ся тамо учинить межи Гюргемъ и Изяславомъ, а къ нимъ не идоста, якоже бяхуть рекли—всимъ снятися на усть Медвѣдици».

Въ слѣдующемъ 1149 году военныя дѣйствія открылись походомъ самого Юрія на Изяслава. Вѣсть о приближеніи Юрія произвела измѣненіе въ отношеніяхъ южныхъ князей. Святославъ Ольговичъ первый выступилъ изъ единенія съ Кіевскимъ княземъ и перешелъ на сторону его дяди, своего стариннаго союзника. Удостовѣрившись въ непреклонномъ намѣреніи Юрія воевать съ Изяславомъ, Святославъ выставилъ условіемъ своего единенія съ послѣднимъ—возвращеніе имущества Игорева, захваченнаго Кіевскимъ княземъ. Изяславъ отвѣчалъ отказомъ на это требованіе: «брате! говорилъ онъ Святославу, крестъ честный цѣловалъ ко мнѣ: со мною быти, а ворожду про Игоря отложилъ и товары его. Нынѣ же, брате, ты поминаеши, оже стрый мой на мя ратью идетъ? буди со мною! не хощеши ли быти со мною, а ты уже хрестное цѣлованіе переступилъ. А язъ безъ тебя и на Волгу ходилъ! А нынѣ, былъ бы со мною Богъ, да крестная сила!» — Вмѣстѣ съ Святославомъ на сторону Юрія перешелъ и племянникъ его, Святославъ Всеволодичъ. Желая усилить себя союзомъ съ Черниговскими князьями и надѣясь на старый договоръ свой съ ними, Святославъ и Юрій послали къ Давыдовичамъ приглашеніе отступиться отъ Изяслава. Давыдовичи, ссылаясь на недавнія событія 1147 и 1148 годовъ, дали такой отвѣтъ Юрію: «ты къ намъ крестъ цѣловалъ, а Изяславъ, пришедъ, землю нашу повоевалъ и по Задесенью городы наши пожегъ. А нынѣ мы цѣловали крестъ къ Изяславу Мстиславичу, съ нимъ же и хотимъ быть за одно, а душею не можемъ играть!» Мирныя предложенія, сдѣланныя Юріемъ Изяславу, не были приняты и дѣло дошло до битвы. Сраженіе у Переяславля кончилось въ пользу Юрія. Главнѣйшей

причиной его успѣха было нежеланіе Кіевлянъ поднять руку на Володимірово племя и измѣна Переяславцевъ, среди которыхъ была давно партія, преданная Суздальскому князю. Въ рѣшительную минуту Переяславцы сказали: «Юрій намъ князь свой, того было намъ искати и далече!» и стали отступать. Разбитый Изяславъ бѣжалъ во Владиміръ; а Юрій сперва вошелъ въ Переяславль, а потомъ занялъ и Кіевъ.

Изяславъ, помня слова Кіевлянъ, сказанныя ему и брату его, Ростиславу, послѣ пораженія у Переяславля: «Господина наю князя! не погубите насъ до конца. Се отцы наши и братья наши и сынови наши—одни изоиманы, а другіе избиты и оружіе снято. А нынѣ поѣзжайте въ свои волости! А вы вѣдаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться: а по сихъ дняхъ, гдѣ узримъ стяги ваши, тамъ и мы будемъ!»—помня слова эти, сказанныя Кіевлянами на его вопросъ: «могутъ ли они биться за него», Изяславъ не считалъ своего дѣла совершенно проиграннымъ и поспѣшилъ усилить себя пріисканіемъ новыхъ союзниковъ. Кромѣ иноземныхъ государей, короля Венгерскаго и князей Польскихъ и Чешскихъ, онъ обратился и къ Русскимъ князьямъ, именно къ дядѣ своему, Вячеславу Туровскому. Чтобы привлечь его на свою сторону, Изяславъ предложилъ ему занять Кіевскій столъ; а въ противномъ случаѣ угрожалъ сжечь его волость. Вотъ въ какой формѣ было сдѣлано это оригинальное приглашеніе къ союзу, соединенное съ угрозой: «буди ми въ отца мѣсто, пойди сяди же въ Кіевѣ, а съ Юріемъ не могу жити. Не хочешь ли мене въ любовь пріяти, ни Кіеву поѣдеша сидѣть язъ хочу волость твою пожечи!» Вячеславъ не принялъ сдѣланнаго ему предложенія, а довелъ обо всемъ до свѣдѣнія брата, Юрія, котораго и пригласилъ защитить его волость отъ племянника.—Съ своей стороны, Юрій также не терялъ времени и озаботился приглашеніемъ къ себѣ на помощь Владиміра Галицкаго и Половцевъ. Посредничеству Галицкаго князя удалось прекратить въ самомъ началѣ вновь открытыя въ теченіи того же 1149 г. военныя дѣйствія и свести въ любовь Изяслава съ Юріемъ: Изяславъ отступился отъ Кіева въ пользу Юрія, а

Юрій возвратилъ всѣ дани Новгородскія Изяславу и «его же Изяславъ хотяше, прибавляетъ лѣтописецъ. И тако уладившеся цѣловаша крестъ и разъѣхашася». Крестъ цѣловалъ не одинъ Юрій, но и Вячеславъ, дѣйствовавшій за одно съ своимъ младшимъ братомъ и бывшій съ нимъ въ крестномъ цѣлованіи [75]).

Миръ, заключенный въ 1149 г., продолжался не долго: Юрій не исполнилъ всѣхъ его условій, и Изяславъ принужденъ былъ въ слѣдующемъ же году снова взяться за оружіе. Неожиданный для Юрія переходъ Черныхъ Клобуковъ на сторону Изяслава до того устрашилъ Кіевскаго князя, что онъ не рѣшился встрѣтить племянника у Кіева, и поспѣшно бѣжалъ за Днѣпръ. Слабый и безхарактерный Вячеславъ, узнавъ о бѣгствѣ Юрія и припомнивъ сдѣланное ему въ прошломъ году приглашеніе Изяслава—занять Кіевскій столъ, поспѣшилъ сѣсть на Ярославовомъ дворѣ, прежде чѣмъ Изяславъ успѣлъ съ своими полками достигнуть Кіева. Несмотря на то, что Вячеславъ сидѣлъ уже въ Кіевѣ, народъ толпами шелъ на встрѣчу къ Изяславу, приглашая его занять Кіевскій столъ. Кіевляне говорили своему любимцу: «Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сидитъ ти въ Кіевѣ; а мы его не хотимъ». Освободившись отъ Юрія собственными силами, Изяславъ думалъ, что онъ вовсе не нуждается въ единеніи съ Вячеславомъ, а потому принялъ мнѣніе Кіевлянъ и отправилъ къ дядѣ требованіе очистить Кіевъ. «Язъ позывалъ тебя Кіеву сидѣть, приказалъ онъ сказать ему, а ты не восхотѣлъ. А нынѣ, когда братъ твой выѣхалъ, а ты садишься въ Кіевѣ! нынѣ же поѣзжай въ свой Вышгородъ». Вячеславъ, оправдывая свой поспѣшный въѣздъ въ Кіевъ приглашеніемъ Изяслава, отказался отъ Кіевскаго стола въ пользу племянника и уѣхалъ въ Вышгородъ.

Но дѣла Юрія были далеко не такъ плохи, чтобы Изяславу

[75]) Ипат. 1149 г. Что не одинъ Юрій цѣловалъ крестъ къ Изяславу, а и Вячеславъ, на это находимъ указаніе подъ 1150 г.: «Въ тоже время посла Изяславъ къ Вячеславу и къ Гюргеви, река тако: брата еста моя' хрестъ еста цѣловала на томъ, яко моего что есть, то исправити».... О крестномъ цѣлованіи Вячеслава къ Юрію находимъ извѣстіе нѣсколько дальше подъ тѣмъ же годомъ, въ словахъ самого Вячеслава: «азъ есмь былъ цѣловалъ крестъ къ брату своему Дюргеви». Ипат.

можно было пренебрегать единеніемъ даже съ Вячеславомъ. Хотя ему и удалось занять Кіевъ, но удержать его за собой было не легко, ибо на сторонѣ Юрія оказались не только Владимірко Галицкій и Ольговичи, но и Давыдовичи, также переступившіе въ этомъ году крестное цѣлованіе къ Изяславу. Узнавъ объ этой измѣнѣ Черниговскихъ князей и о приближеніи Владимірки Галицкаго, Изяславъ измѣнилъ свои отношенія къ Вячеславу и полной покорностью его волѣ вознамѣрился снова привлечь его на свою сторону и установить съ нимъ единеніе. Онъ поспѣшилъ въ Вышгородъ и такъ говорилъ дядѣ: «ты ми еси отецъ! а се ти Кіевъ; а се ти волость, которая тебѣ годно, то возьми; а мнѣ дай, что хочешь!» Какъ ни былъ «простъ» (лѣтописный эпитетъ) Вячеславъ, онъ понялъ, однако, всю вынужденнось и неискренность словъ племянника и гнѣвно отвѣчалъ ему: «чему ми въ ономъ дни не далъ, но съ великимъ соромомъ вывелъ мя изъ Кіева? аже рать идеть изъ Галича, а другая отъ Чернигова, то ты мнѣ Кіевъ даешь!» Но новая лесть племянника, который продолжалъ увѣрять дядю въ своей сыновней привязанности: «люблю тебя, акы отца, говорилъ онъ ему, и нынѣ ти молвлю: ты ми еси отецъ, а Кіевъ твой!» — сдѣлала свое дѣло: Вячеславъ уступилъ и цѣловалъ крестъ съ Изяславомъ. Заручившись содѣйствіемъ дяди, Изяславъ оставилъ его стеречь Кіевъ, а самъ выступилъ противъ Владимірки, взявши съ собою и полкъ Вячеслава. Въ началѣ эта война двухъ новыхъ союзниковъ была очень для нихъ неудачна: они потерпѣли пораженіе и принуждены были бѣжать изъ Кіева, гдѣ вскорѣ послѣ того снова сѣлъ Юрій. Но къ концу года перевѣсъ былъ на ихъ сторонѣ: благодаря помощи Венгровъ, а главнымъ образомъ той популярности, которою пользовался Изяславъ между населеніемъ югозападной Россіи, — ему удалось опять овладѣть Кіевомъ, а въ началѣ слѣдующаго 1151 года, послѣ того, какъ онъ былъ усиленъ помощью Изяслава Давыдовича, снова перешедшаго на его сторону, нанести Юрію рѣшительное пораженіе и принудить его къ миру, по которому Юрій обязался «Кіева подъ Вячеславомъ и подъ Изясла-

вомъ не искати», а отъ союза со Святославомъ Ольговичемъ отказаться (другой его союзникъ, Владиміръ Давыдовичъ, былъ убитъ въ послѣднемъ сраженіи); съ своей стороны Изяславъ отказался въ пользу Юрія отъ Переяславля, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы самъ Юрій въ Переяславлѣ не сидѣлъ, а оставилъ тамъ сына, Глѣба; Юрій же обязывался удалиться въ свой Суздаль [76]).

Овладѣвши снова Кіевомъ, Изяславъ не хотѣлъ нарушить крестнаго цѣлованія къ дядѣ Вячеславу; но съ другой стороны онъ не могъ и самъ отказаться отъ Кіева: во 1-хъ, онъ былъ любимецъ Кіевлянъ и призванъ ими на столъ, во 2-хъ, слабый Вячеславъ не умѣлъ бы удержать за собой Кіева. Чтобы согласить исполненіе своихъ обязанностей (изъ договора 1150 года) къ Вячеславу съ волею Кіевлянъ и съ собственными интересами, Изяславъ собралъ вѣче, объявилъ народу о любви своей къ дядѣ и предложилъ призвать его также въ Кіевъ для совокупнаго управленія дѣлами. Кіевляне согласились, и Вячеславъ былъ призванъ. Изяславъ принялъ его съ большимъ почетомъ; Вячеславъ, съ своей стороны, не хотѣлъ остаться въ долгу и такъ говорилъ племяннику: «сыну! Богъ ти помози, оже на мене еси честь возложилъ, то аще бы ты и давно такъ учинилъ, то чи мене почестилъ, Бога еси почестилъ. Аже се дѣеши: ты мой еси отецъ, а ты мой и сынъ! у тебя отца нѣту, а у меня сына нѣтуть, а ты же мой сынъ, ты же мой братъ!» Вслѣдъ затѣмъ князья заключили между собой оборонительный союзъ «не разлучитися има ни въ добрѣ, ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти», и «сѣдоша оба за единъ», какъ выражается лѣтописецъ. Такимъ образомъ, Изяславъ и Вячеславъ, оба призванные Кіевлянами, стали управлять Кіевскою волостью за одинъ мужъ. Этотъ рядъ дяди съ племянникомъ происходилъ въ 1150 году, наканунѣ рѣшительнаго пораженія Юрія. Около того же времени, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, къ Изяславу присоединился Изяславъ Давыдовичъ; а послѣ окончательнаго пораженія Юрія на его сторонѣ сталъ и Святославъ Ольго-

[76]) Ипат. 1150 г., 1151 г.

вичъ съ племянникомъ, Святославомъ Всеволодичемъ. Лѣтописецъ не сохранилъ этихъ новыхъ крестныхъ цѣлованій Давыдовича и Ольговичей къ Изяславу Кіевскому, онъ записалъ только переговоры, предшествовавшіе примиренію Ольговичей съ Изяславомъ Черниговскимъ: «Святославъ же Ольговичъ, говоритъ лѣтописецъ, скупишася съ сыновцемъ своимъ, Святославомъ Всеволодичемъ, и посластася ко Изяславу Чернигову, рекучи: «брате! миръ стоитъ до рати, а рать до мира! а нынѣ, брате, братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ въ любовь....». Изяславъ согласился и принялъ Ольговичей въ любовь на тѣхъ условіяхъ, на какихъ они предлагали [77]).

Такимъ образомъ, торжество Изяслава надъ Юріемъ мало-по-малу привело къ возстановленію прежняго единенія южныхъ князей; съ этого времени мы снова начинаемъ встрѣчаться съ совокупнымъ дѣйствіемъ Вячеслава Владиміровича, Мстиславичей, Давыдовича и Ольговичей. Первый поводъ къ такому дѣйствію подалъ самъ Юрій, не исполнившій въ точности условій заключеннаго имъ договора: онъ передалъ Переяславль сыну Глѣбу, но самъ не думалъ удалиться въ свой Суздаль, а сѣлъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Городкѣ. Это нарушеніе крестнаго цѣлованія вызвало сперва (1151) соединенный походъ къ Городку Изяслава Кіевскаго, Изявлава Черниговскаго, Святослава Ольговича и Святослава Всеволодича; а потомъ, когда походъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и Юрій еще разъ цѣловалъ крестъ «яко иду уже Суздалю», — заслуженное Юріемъ наказаніе: Переяславль былъ отнятъ у его сына, а Городокъ уничтоженъ. Разрушеніе Городка (1152) было также произведено совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ Изяславовъ и Святослава Всеволодича.

По упроченіи своихъ отношеній къ ближайшимъ сосѣдямъ, Изяславу необходимо было уладиться съ Владиміромъ Галицкимъ, постояннымъ врагомъ его и также постояннымъ союзникомъ Юрія. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ (1152) на него походъ въ союзѣ съ роднымъ братомъ, Владиміромъ, «и въ злѣ

[77]) Ипат. и Ник. 1150 г., Ипат. 1151 г.

и въ добрѣ» раздѣлявшимъ его участь, двоюроднымъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и королемъ Угорскимъ. Походъ этотъ кончился въ пользу Кіевскаго князя и Владимірко Галицкій принужденъ былъ согласиться на миръ, по которому обязывался возвратить захваченныя имъ волости и отъ Изяслава «ся не отлучити, но на всихъ мѣстѣхъ съ нимъ быти».

Нѣкоторыя изъ этихъ новыхъ крестныхъ цѣлованій скоро подверглись участи старыхъ, т. е. были нарушены. Юрій, лишенный всѣхъ своихъ владѣній въ приднѣпровской Руси, — не хотѣлъ примириться съ такимъ положеніемъ и въ союзѣ съ Рязанскими князьями и Половцами задумалъ новое вторженіе въ южную Русь (1152). Святославъ Ольговичъ, волость котораго должна была первая подвергнуться гибельнымъ слѣдствіямъ такого вторженія, не устоялъ въ крестномъ цѣлованіи и присоединился къ Юрію. Съ другой стороны, Владимірко Галицкій, узнавъ о походѣ Юрія, обрадовался случаю вознаградить себя за неудачи только-что оконченной войны и выступилъ на Изяслава къ Кіеву. — Это нападенія Юрія, Рязанскихъ князей, Святослава Ольговича и Владимірки Галицкаго было встрѣчено соединенными силами Вячеслава, Мстиславичей, Изяслава Давыдовича и Святослава Всеволодича и отражено съ полнымъ успѣхомъ. — Но этого было мало побѣдителямъ, они хотѣли наказать отступниковъ. Съ этою цѣлью въ томъ же 1152 году Изяславъ Кіевскій въ союзѣ съ Изяславомъ Черниговскимъ, братомъ своимъ, Ростиславомъ, и Святославомъ Всеволодичемъ предпринялъ походъ къ Новгороду-Сѣверску на Святослава Ольговича. Быстрое наступленіе весны помѣшало князьямъ исполнить ихъ намѣреніе, и они склонились на просьбы Святослава и снова приняли его въ любовь. — Походъ Изяслава Мстиславича въ союзѣ съ братьями, Владиміромъ и Святополкомъ, и Изяславомъ Черниговскимъ на Галичъ, предпринятый въ 1153 году, имѣлъ слѣдствіемъ опустошеніе Галицкой земли, но не привелъ къ новому опредѣленію взаимныхъ отношеній воюющихъ сторонъ. Въ 1154 г. умеръ Кіевскій князь, Изяславъ Мстиславичъ.

Смерть Изяслава, соединявшаго въ своихъ рукахъ всѣ нити

междукняжеской политики въ теченіи послѣдняго восьмилѣтія, вызвала новыя отношенія между князями. Ростиславъ, призванный Кіевлянами, занялъ рядомъ съ Вячеславомъ то мѣсто, которое занималъ только-что умершій братъ его: «И посадиша въ Кіевѣ Ростислава Кіяне, говоритъ лѣтописецъ, рекуче ему: «Якоже братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, такоже и ты чести; а до твоего живота Кіевъ твой». Къ Кіевскимъ князьямъ присоединился и одинъ изъ Ольговичей, Святославъ Всеволодичъ. Изяславъ же Черниговскій и Святославъ Ольговичъ нашли для себя болѣе выгоднымъ соединиться съ Юріемъ, который продолжалъ угрожать приднѣпровской Руси, и борьба съ которымъ, по смерти энергическаго Изяслава, могла имѣть для нихъ весьма сомнительный исходъ.

Первымъ слѣдствіемъ такого распредѣленія князей, былъ походъ Ростислава на Изяслава Черниговскаго: чтобы предупредить Юрія, сынъ котораго, Глѣбъ, началъ уже безпокоить Переяславскую волость, Кіевскому князю необходимо было какъ нибудь покончить съ этимъ ближайшимъ своимъ сосѣдомъ и союзникомъ Юрія: «или прогнать его или примирить къ себѣ», какъ говорилъ Ростиславъ своей дружинѣ. Походъ Ростислава (1154), предпринятый въ союзѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ и племянникомъ, Мстиславомъ Переяславскимъ, сыномъ умершаго Изяслава, кончился неудачно для Кіевскаго князя: Изяславъ Черниговскій успѣлъ соединиться съ Глѣбомъ Юрьевичемъ и заставилъ своего противника бѣжать въ Смоленскъ.—Считаемъ не лишнимъ остановиться на одномъ эпизодѣ этого похода, хорошо характеризующемъ княжескія отношенія: «Ростиславъ же, говоритъ лѣтописецъ, видѣвъ многое множество Половецъ, и убояся, умалѣ бо бяхуть пришли, начатъ слатися къ Изяславу къ Давыдовичу, мира прося, поча даяти ему подъ собою Кіевъ, а подо Мстиславомъ Переяславль. Мстиславъ же то слышавъ, оже даетъ подъ нимъ Переяславль, повороти конь подъ собою съ дружиною своею отъ стрыя своего». Любопытный примѣръ къ общему правилу, въ силу котораго единеніе между князьями длится только до тѣхъ поръ, пока между ними есть соглашеніе: нѣтъ

соглашенія, нѣтъ и единенія. Мстиславъ пошелъ на войну вмѣстѣ съ дядею, но сейчасъ же оставилъ его, какъ скоро узналъ, что слабый Ростиславъ готовъ заключить миръ на не выгодныхъ для него условіяхъ.

Пораженіе Ростислава положило начало успѣху Юрія, призванному на югъ его новыми союзниками, Изяславомъ Давыдовичемъ и Святославомъ Ольговичемъ [77*]). Онъ вошелъ въ мирныя соглашенія со всѣми южными князьями и утвердился въ Кіевѣ, не проливши ни одной капли крови. Первый дружественный договоръ Юрій заключилъ съ племянникомъ своимъ, Ростиславомъ Смоленскимъ, вскорѣ послѣ бѣгства послѣдняго изъ подъ Чернигова. Узнавъ о движеніи Юрія на югъ, Ростиславъ, «скупя воя своя многое множество», приготовился къ бою и такимъ образомъ выступилъ на встрѣчу къ дядѣ. Но дѣло не дошло до войны, князья уладились и цѣловали между собою крестъ на всей любви. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ миръ со Святославомъ Всеволодовичемъ, при чемъ роль посредника принялъ на себя дядя послѣдняго, Святославъ Ольговичъ. Ростиславъ такъ же не остался бездѣятельнымъ въ этомъ новомъ замиреніи южныхъ князей: онъ свелъ въ любовь съ Юріемъ своего брата, Владиміра, и племянниковъ, Мстислава и Ярослава Изяславичей. — Ярославъ Галицкій, сынъ умершаго въ 1152 г. Владимірки, продолжалъ съ Юріемъ дружественныя отношенія своего отца. Съ Владиміромъ Андреевичемъ Юрій также былъ въ любви.

Примиреніе Ростислава съ Юріемъ повело и къ примиренію его съ Рязанскими князьями, которые не рѣдко стояли на сторонѣ послѣдняго противъ Мстиславичей: въ 1155 году Ростиславъ цѣловалъ съ ними крестъ «на всей любви».

Съ этого новаго замиренія приднѣпровскихъ князей мы опять начинаемъ встрѣчаться съ ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ. Такъ въ 1156 г. для заключенія мира съ Половцами отправляется не одинъ Юрій, а беретъ съ собою Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича [78]).

[77*]) См. Ипат. 1154 г.

[78]) Подъ 1155 г. читаемъ: «Дюрги же сдумавъ съ сыновци своими».... (съ Ростисла-

Единеніе такого большаго числа князей при господствѣ политики эгоизма, руководившей каждымъ изъ нихъ, и при легкой возможности столкновенія ихъ частныхъ интересовъ не могло быть продолжительно. Первый поводъ къ розни подалъ Изяславъ Давыдовичъ, такъ часто измѣнявшій своему слову. Въ 1154 году, послѣ побѣды надъ Ростиславомъ, этотъ князь былъ призванъ Кіевлянами, которые, по смерти Вячеслава, остались вовсе безъ князя и боялись, чтобы на нихъ не напали Половцы, приведенные Глѣбомъ въ помощь Изяславу, а потому и поспѣшили приглашеніемъ Черниговскаго князя отвратить угрожавшую имъ опасность. Хотя вскорѣ за тѣмъ Изяславъ и уступилъ Кіевъ Юрію, но онъ сдѣлалъ это крайне неохотно. Пребываніе въ Кіевѣ очень ему понравилось; а съ другой стороны, призваніе Кіевлянами давало ему нѣкоторое основаніе разсчитывать на свою популярность въ матери городовъ Русскихъ. Это было причиной, что Изяслава не оставляла мысль сдѣлаться Кіевскимъ княземъ и уже съ 1155 года онъ сталъ замышлять войну противъ Юрія. На первый разъ Юрію при помощи Мстиславичей, остававшихся вѣрными своему договору съ нимъ, удалось заставить Изяслава отложить свои враждебныя намѣренія и цѣловать къ нему крестъ. Но обстоятельства скоро измѣнились и со стороны Мстиславичей. Въ 1156 г. внукъ Юрія, Мстиславъ Изяславичъ, напалъ на дядю своего, Владиміра Мстиславича Волынскаго, и овладѣлъ его волостью. Изгнаніе Владимірскаго князя и насильственное занятіе его стола Мстиславомъ показалось Юрію удобнымъ случаемъ для исполненія его давняго крестнаго цѣлованія къ умершему брату, Андрею, по которому онъ обязался искать для сына послѣдняго, Владиміра, Владимірскаго стола. Юрій соединился съ Ярославомъ Галицкимъ и покровительствуемымъ имъ Владиміромъ Андреевичемъ и выступилъ на Мстислава къ Владиміру. По-

ромъ и Владиміромъ Мстиславичами; а нѣсколько далѣе: «Изяславъ же видивъ Гюрга съ сыновци своими совокупившася, цѣлова къ нимъ крестъ». Подъ 1156 г «Пойде Гюрги, поима съ собою Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича къ Зарубу на свемъ съ Половцы...». Подъ 1157 г.: «Изяславъ же Давыдовичь и Святославъ Ольговичъ хотяшета пойти съ Дюргемъ»... Ипат.

ходъ Юрія не увѣнчался успѣхомъ, онъ не взялъ Владиміра и только возстановилъ противъ себя внука. Этою розпью Юрія съ Мстиславомъ поспѣшилъ воспользоваться Изяславъ Черниговскій. Онъ заключилъ со Мстиславомъ Владимірскимъ союзъ противъ Юрія и успѣлъ привлечь на свою сторону даже Ростислава Смоленскаго; Святославъ Ольговичъ, также приглашенный къ участію въ союзѣ, отказался, говоря: «Хрестъ цѣловалъ къ нему, а не могу безъ вины на нь встати». Союзники готовились уже двинуться съ трехъ разныхъ сторонъ на Юрія, какъ Изяславъ получилъ извѣстіе о его смерти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приглашеніе Кіевлянъ занять Кіевскій столъ.

Союзъ, составленный Изяславомъ, очень скоро распался и по винѣ самого Изяслава. Желая имѣть въ Галицкомъ князѣ вѣрнаго себѣ союзника, онъ вознамѣрился доставить обладаніе Галицкимъ столомъ Ивану Берладнику, двоюродному брату Ярослава Галицкаго. Послѣдній, опасаясь притязаній Берладника и зная, что онъ пользуется покровительствомъ Изяслава, составилъ большой союзъ съ цѣлью поймать Берладника. Въ этомъ союзѣ приняли участіе: Святославъ Ольговичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ и Ярославъ Изяславичи, Владиміръ Андреевичъ и Святославъ Всеволодичъ. Всѣ эти князья отправили совокупное посольство къ Изяславу Давыдовичу, у котораго находился въ то время Иванъ Берладникъ, съ требованіемъ выдать его Ярославу. Изяславъ отказался удовлетворить ихъ требованію, и тѣмъ вынудилъ Ярослава въ соединеніи съ Мстиславомъ и Владиміромъ Андреевичемъ взяться за оружіе. Только извѣстіе о томъ, что противъ вторженія въ Кіевскую волость высказались нѣкоторые изъ союзниковъ Галицкаго князя, удержало его отъ похода къ Кіеву: Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодичъ требовали выдачи Берладника вмѣстѣ съ Ярославомъ, но когда они узнали о намѣреніи послѣдняго предпринять походъ на Кіевъ, они стали на сторонѣ Изяслава и обѣщали ему свое содѣйствіе при отраженіи Галичанъ и ихъ союзниковъ. — Но Изяславъ не думалъ ограничиться однимъ только укрывательствомъ Берлад-

ника; онъ самъ предпринялъ походъ на Галичъ съ цѣлью доставить столъ этой волости покровительствуемому имъ князю. Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодичъ отказались принять участіе въ этомъ походѣ и Изяславъ выступилъ (1159) только въ союзѣ съ однимъ племянникомъ, Святославомъ Владиміровичемъ. Счастье было не на его сторонѣ: онъ бѣжалъ съ поля битвы, а соединившіеся противъ него Ярославъ, Мстиславъ и Владиміръ овладѣли Кіевомъ и передали его Ростиславу. — Обвиняя въ своей неудачѣ Святослава Ольговича, отказавшагося помогать ему, Изяславъ вторгся въ его волость, Вятичи, и захватилъ принадлежавшіе тамъ ему города. Разорвавши такимъ образомъ «любовь» со Святославомъ, Изяславъ остался совершенно безъ союзниковъ. Попытка войдти въ соглашеніе съ Суздальскимъ княземъ, Андреемъ, не привела къ сколько нибудь важнымъ результатамъ, хотя послѣдній и прислалъ ему помощь. Не задолго передъ смертью, Изяславу удалось соединиться съ племянниками, Всеволодичами, и при помощи Половцевъ одержать побѣду надъ Ростиславомъ и даже овладѣть Кіевомъ. Но торжество его было непродолжительно: преслѣдуя только-что побѣжденнаго Ростислава, онъ потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ бѣжать, а вскорѣ за тѣмъ и умеръ.

Послѣ смерти Изяслава, изъ Рюриковичей 7-го поколѣнія оставался въ живыхъ одинъ только Святославъ Ольговичъ. Въ дополненіе къ тому, что мы уже сказали объ отношеніяхъ этого князя, прибавимъ, что послѣ пораженія Изяслава Ярославомъ Галицкимъ и союзниками и передачи ими Кіевскаго стола Ростиславу, онъ поспѣшилъ (1160) заключить дружественный союзъ съ послѣднимъ, въ силу котораго не разъ пользовался содѣйствіемъ Ростислава и его союзниковъ въ борьбѣ съ Изяславомъ и племянникомъ своимъ, Святославомъ Владиміровичемъ.—Замѣшательство, возникшее въ отношеніяхъ Ростислава къ Святославу въ 1161 г. по поводу сына послѣдняго, Олега, было въ слѣдующемъ же году улажено новымъ крестнымъ цѣлованіемъ.

Прежде чѣмъ перейдти къ слѣдующему періоду, необходимо еще остановиться:

Во 1-хъ, на отношеніяхъ двухъ послѣднихъ князей 7-го поколѣнія, Изяслава и Святослава, къ племяннику ихъ, Святославу Владиміровичу. Подъ 1156 г. находимъ извѣстіе о томъ, что Святославъ Владиміровичъ отступилъ отъ дяди своего, Изяслава, захватилъ принадлежавшіе ему города по Деснѣ и соединился съ Ростиславомъ Смоленскимъ. За этимъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдовалъ походъ Изяслава на племянника. Къ Изяславу вскорѣ присоединился Святославъ, и оба дяди заключили въ томъ же году миръ съ племянникомъ, условія котораго неизвѣстны. Съ этого времени мы постоянно встрѣчаемъ Святослава Владиміровича въ единеніи съ Изяславомъ— «и въ добрѣ и въ злѣ». Такъ въ 1158 г., по переходѣ Изяслава въ Кіевъ, онъ оставляетъ прежнюю волость свою, Черниговъ, въ рукахъ Святослава Владиміровича; въ 1159 году Святославъ принимаетъ участіе въ несчастномъ походѣ дяди на Галичъ, а послѣ пораженія, онъ заодно съ нимъ безпокоитъ волость Святослава Ольговича, чѣмъ и навлекаетъ на себя походъ послѣдняго въ соединеніи съ Ростиславомъ Кіевскимъ и Всеволодичами. Походъ, какъ и слѣдовало ожидать, кончился въ пользу Святослава Ольговича, заставившаго племянника согласиться на мирный договоръ, по которому онъ обязывался «ходить во всей воли» своего дяди.

Во 2-хъ, на тѣхъ немногочисленныхъ извѣстіяхъ, которыя мы имѣемъ объ отношеніяхъ Полоцкихъ князей какъ между собой, такъ и съ князьями остальной Руси. Въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода мы встрѣчаемся съ походомъ Кіевскаго князя, Мстислава Владиміровича, на Полоцкую волость. Слѣдствіемъ этого похода было крестное цѣлованіе Полоцкихъ князей, которымъ они обязывались ходить въ воли Мстислава. Но сыновья и внуки Всеслава не устояли въ крестномъ цѣлованіи. Кіевскій князь, чтобы наказать ихъ, задумалъ было новый походъ, но отвлекаемый Половцами, онъ обратился къ болѣе легкому и весьма употребительному въ то время

средству: онъ пригласилъ къ себѣ, какъ бы для переговоровъ, Давыда, Ростислава и Святослава Всеславичей и двухъ племянниковъ ихъ, сыновей Ростислава, Василія и Ивана, обманомъ схватилъ ихъ и сослалъ въ заточеніе въ Царьградъ. Освободившись отъ безпокойныхъ сосѣдей, Мстиславъ разослалъ мужей своихъ посадничать по ихъ городамъ[79]).—Съ тридцатыхъ годовъ мы снова встрѣчаемъ въ Полоцкой волости внуковъ Всеслава; а въ концѣ пятидесятыхъ находимъ извѣстіе, бросающее свѣтъ на ихъ взаимныя отношенія. Въ 1159 г. Рогволодъ Борисовичъ (внукъ Всеслава) съ полкомъ Святослава Ольговича, у котораго онъ до тѣхъ поръ имѣлъ пріютъ, подступилъ къ Друцку, гдѣ сидѣлъ сынъ его двоюроднаго брата и князя Полоцкаго, Глѣбъ Ростиславичъ. Дручане обрадовались приходу Рогволода и призвали его къ себѣ, а Глѣба выгнали. Ростиславъ Полоцкій, находя для себя опаснымъ это возвращеніе Рогволода, бывшаго Полоцкаго князя, соединился съ братьями, Всеволодомъ и Володаремъ, и выступилъ на Рогволода къ Друцку. Походъ кончился миромъ, по которому Рогволодъ,—надо думать, отказался отъ Полоцка, а Ростиславъ увеличилъ его волость.—Опасенія Ростислава были очень основательны. Въ Полоцкѣ существовала партія, преданная Рогволоду. При вѣсти о его возвращеніи, она оживилась и усилилась, и дѣло кончилось тѣмъ, что Полочане снова призвали Рогволода (1159), а Ростиславъ принужденъ былъ бѣжать въ Минскъ, гдѣ сидѣлъ его братъ, Володарь. Занявши Полоцкій столъ, Рогволодъ, по общему обычаю князей въ такихъ случаяхъ, нашелъ необходимымъ уладиться съ изгнаннымъ Ростиславомъ «любо миромъ, любо ратью» и предпринялъ походъ къ Минску, кончившійся крестнымъ цѣлованіемъ, условія котораго не сохранились. Въ слѣдующемъ году Рогволодъ еще разъ ходилъ къ Минску съ помощью Ростислава Смоленскаго и на этотъ разъ принудилъ Ростислава къ миру «на своей волѣ». Уладившись

[79]) Ипат. 1128 г., 1130 г. и 1140 г.—Въ Греки сосланы были, впрочемъ, не всѣ Полоцкіе князья. Этой участи удалось избѣгнуть Васильку Святославичу, который и былъ призванъ на Полоцкій столъ по изгнаніи Полочанами Святополка Мстиславича, оставленнаго у нихъ старшимъ братомъ его, Изяславомъ. Лавр. 1132 г.

съ Ростиславомъ, Рогволодъ хотѣлъ уладиться и съ братомъ его, Володаремъ, который, не желая цѣловать къ нему креста въ 1159 г., при заключеніи перваго мира съ Ростиславомъ, бѣжалъ тогда въ Ляхи. Рогволодъ выступилъ на него (1162), но на этотъ разъ самъ потерпѣлъ пораженіе и, не смѣя вернуться въ Полоцкъ «за неже много Полочанъ избито», удалился въ Друцкъ. Полочане же посадили у себя Васильковича.

И такъ, въ Полоцкѣ, какъ и въ остальной Руси, міръ и война представляются единственными средствами для опредѣленія княжескихъ отношеній.

Періодъ VI, отъ 1164 до 1212 года.

Въ теченіи VI періода Русскія волости были раздѣлены между слѣдующими князьями 8-го поколѣнія Рюриковичей: Ростиславомъ и Владиміромъ, двумя оставшимися въ живыхъ сыновьями Мстислава Владиміровича; Андреемъ, Глѣбомъ, Всеволодомъ и Михаиломъ, сыновьями Юрія Владиміровича; Владиміромъ, сыномъ Андрея Владиміровича; Святославомъ и Ярославомъ, сыновьями Всеволода Ольговича; Игоремъ, Всеволодомъ и Олегомъ, сыновьями Святослава Ольговича; Святославомъ, сыномъ Владиміра Давыдовича; Рязанскимъ княземъ, Глѣбомъ Ростиславичемъ, внукомъ Ярослава Святославича, и Полоцкими князьями, внуками Всеслава. Въ это же время дѣйствуютъ и выступившіе въ предшествовавшемъ періодѣ князья 9-го поколѣнія: Мстиславъ, Ярополкъ и Ярославъ, сыновья Изяслава Мстиславича, умершаго въ 1154 году, и Ярославъ Галицкій. Кромѣ того вновь выступаютъ за смертью своихъ отцевъ нѣкоторые изъ князей 9-го поколенія, какъ напр.: Романъ, Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, сыновья умершаго въ 1167 г. Ростислава Мстиславича; Мстиславъ и Ярополкъ, сыновья Ростислава Юрьевича, умершаго еще при жизни своего отца; Всеволодъ Черниговскій, сынъ умершаго въ 1194 г. Святослава Всеволодича, и другіе; и даже 10-го—напр.: Влади-

міръ Ярославичъ, сынъ Галицкаго князя; Романъ и Всеволодъ, сыновья Мстислава Изяславича, умершаго въ 1170 г. и другіе.

Въ предшествовавшемъ періодѣ мы остановились на союзѣ Владиміра Андреевича, Мстислава Изяславича и Ярослава Галицкаго, имѣвшемъ цѣлью изгнаніе изъ Кіева Изяслава Давыдовича и доставленіе Кіевскаго стола Ростиславу Мстиславичу. Прежде чѣмъ занять Кіевъ, Ростиславъ нашелъ нужнымъ заключить оборонительный союзъ съ призывавшими его князьями. Въ виду того, что Изяславъ не откажется отъ Кіева послѣ первой неудачи, ему хотѣлось, съ цѣлью большаго сосредоточенія силъ въ своихъ рукахъ для предстоящей борьбы,—заключить союзъ на условіи подчиненія своей волѣ князей-союзниковъ, «чтобы они ходили у него въ послушаніи», какъ выражался лѣтописецъ. Самый договоръ, заключенный Ростиславомъ съ союзниками, не дошелъ до насъ [80]); но есть основаніе сомнѣваться, чтобы ему удалось дать этому договору такую форму, какую онъ желалъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Мстиславу Изяславичу. Мстиславъ, наслѣдовавшій энергическій характеръ своего отца, былъ очень далекъ отъ мысли подчинить себя чьей нибудь волѣ, не подчиняя эту чужую волю себѣ въ той же мѣрѣ. Эта черта въ характерѣ Мстислава сказалась еще до пріѣзда Ростислава въ Кіевъ. Выставивъ условіемъ занятіе Кіевскаго стола общее требованіе, чтобы союзники ходили въ его волѣ, Ростиславъ указалъ и на одно частное. Это частное требованіе относилось къ замѣщенію митрополита Клима митрополитомъ Константиномъ. Мстиславъ, къ которому между прочимъ было обращено это требованіе, не хотѣлъ согласиться съ волею дяди: онъ былъ противъ Константина и хотѣлъ удержать на митрополіи Клима. Розпь князей кончилась только тогда, когда уступили оба и совершенно поровну: Ростиславъ отказался отъ Константина, а Мстиславъ отъ Клима, и оба цѣловали крестъ «яко иного митрополита

[80]) Ипат. 1159 г., см. еще Ипат. 1162 г.—указаніе на существованіе договора между Ростиславомъ и Владиміромъ Андреевичемъ.

привести имъ изъ Царягорода». Въ виду этого столкновенія, разрѣшеннаго только одинаковой уступчивостью обоихъ князей, трудно допустить, чтобы Мстиславъ согласился на одностороннее ограниченіе своей воли.

Какъ бы то нибыло — односторонне или двусторонне былъ формулированъ договоръ—онъ состоялся, и Ростиславъ воспользовался помощью Мстислава въ рѣшительную для него минуту, когда, потерпѣвъ уже пораженіе отъ Изяслава, онъ былъ осажденъ своимъ противникомъ въ Бѣлгородѣ (1162).

Подъ тѣмъ же 1162 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ и о новой розни Мстислава съ Ростиславомъ: «поѣха Изяславичъ Мстиславъ изъ Кіева, говоритъ онъ, разгнѣвався на стрыя своего, Ростислава, и много рѣчи веста межъ ими». Поссорившись съ дядею, Мстиславъ сейчасъ же приступилъ къ разрушенію того союза, кторый былъ составленъ при его собственномъ участіи въ пользу Кіевскаго князя. Онъ пошелъ на Владиміра Андреевича «веля ему отступити отъ Ростислава». Но замыслы Мстислава не увѣнчались успѣхомъ: «Володимеръ не ступи хрестнаго цѣлованія къ Ростиславу, но всяко яся по Ростислава всимъ сердцемъ». Такимъ образомъ, Мстиславъ остался въ одиночествѣ и въ слѣдующемъ 1163 г. снова примирился съ Ростиславомъ, отъ котораго получилъ обратно всѣ захваченные имъ во время этой розни города. Это новое единеніе продолжалось до смерти Ростислава въ 1168 году.

Съ совершенно подобными же отношеніями встрѣчаемся и по ту сторону Днѣпра, въ Черниговской волости. Въ годъ смерти Святослава Ольговича (1164) возникла рознь между сыномъ послѣдняго, Олегомъ, и Святославомъ Всеволодичемъ, которая, впрочемъ, скоро была улажена уступчивостью Олега, отказавшагося въ пользу Святослава отъ занятаго имъ Чернигова. Но въ 1167 г. рознь возобновилась по поводу нежеланія Святослава надѣлить Олега изъ волости только-что умершаго Святослава Владиміровича въ той мѣрѣ, какъ онъ этого хотѣлъ. Эта рознь перешла въ прямую войну, прекратившуюся только при посредничествѣ Кіевскаго князя, Ростислава, ставшаго на

сторону Олега: Святославъ Черниговскій удовлетворилъ требованіямъ Олега Сѣверскаго и оба противника цѣловали между собою крестъ [81]).

Такія же отношенія встрѣчаемъ и въ Суздальской волости: Андрей Юрьевичъ, избранный Ростовцами, Суздальцами и Владимірцами на отчій столъ, изгоняетъ своихъ младшихъ братьевъ, получившихъ этотъ столъ по завѣщанію отца [82]).

Смерть Ростислава не застала неприготовленными князей правой стороны Днѣпра: они были уже въ новомъ крестномъ цѣлованіи, въ силу котораго Владиміръ Мстиславичъ, Владиміръ Андреевичъ, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи, Ярославъ Галицкій, Ярославъ Изяславичъ и Всеволодковичи, внуки Давыда Игоревича, обязались доставить Кіевскій столъ Мстиславу Изяславичу [83]). Мы не знаемъ ни подробностей этого договора, ни даже самаго времени его возникновенія. Но есть основаніе думать, что онъ былъ составленъ очень въ пользу Мстислава и, слѣдовательно, въ благопріятную для него минуту, можетъ быть при содѣйствіи Ростислава, такъ многимъ ему обязаннаго: Мстиславъ получилъ Кіевскую волость въ полномъ ея составѣ, безъ всякихъ уступокъ своимъ новымъ союзникамъ. Эта льготность условій помянутаго договора для Мстислава была причиной, что нѣкоторые изъ князей, принимавшихъ въ немъ участіе, какъ скоро обстоятельства измѣнились со смертію Ростислава, поспѣшили нарушить его и составить новый болѣе тѣсный союзъ съ цѣлью принудить Мстислава надѣлить ихъ «по ихъ волѣ» изъ вновь пріобрѣтенной имъ волости. Въ

[81]) И это замиреніе не было послѣднимъ: въ началѣ 1174 г. Черниговскіе князья были въ единеніи и всѣ вмѣстѣ вступили въ союзъ съ Андреемъ Владимірскимъ противъ Ростиславичей; а нѣсколько позднѣе находимъ такое извѣстіе: «Черниговскому князю не мирну съ Ольгомъ Святославичемъ, и воеваше Олегъ Святославлю волость Черниговскую». Въ 1177 г., 1180 г. и 1190 г. они снова въ единеніи и дѣйствуютъ совокупно. Ипат.

[82]) Ипат. и Сузд. 1158 г. и 1175 г.

[83]) На существованіе договора между этими князьями указываетъ содержаніе посольства Мстислава Изяславича къ Ярославу Галицкому и нѣкоторымъ другимъ изъ своихъ союзниковъ: «Мстиславъ же посла къ своимъ ротникомъ, къ Ярославу у Галичь и къ Ляхомъ, и къ Всеволодковичема, авляя имъ твердь братьѣ». «Братья, слѣдовательно, цѣловали крестъ, но не устояли, не были тверды въ своемъ цѣлованіи. Ипат. 1169 г.

этомъ новомъ союзѣ приняли участіе дяди Мстислава, Владиміръ Мстиславичъ и Владиміръ Андреевичъ, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи и родной братъ его, Ярославъ. Узнавъ объ этомъ, Мстиславъ обратился за содѣйствіемъ къ другимъ своимъ союзникамъ, которые остались вѣрными прежнему цѣлованію, къ Ярославу Галицкому и Всеволодичамъ. Усилившись ихъ помощью, онъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ: занялъ Кіевъ и уступками брату Ярославу заставилъ его выступить изъ враждебнаго ему союза. Вслѣдъ за тѣмъ Мстиславъ пошелъ къ Вышгороду на Владиміра Мстиславича, который дѣйствовалъ за одно съ Рюрикомъ и Мстиславомъ. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ, князья предпочли миръ войнѣ, порядились о волостяхъ и цѣловали между собой крестъ. Владиміръ Андреевичъ также примирился, получивъ прибавку къ своей волости [84]). Такимъ образомъ, единеніе было снова возстановлено, хотя для его достиженія Мстиславъ и долженъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки своимъ противникамъ.

Дружественныя отношенія Мстислава неограничивались только князьями праваго берега Днѣпра; онъ успѣлъ вступить въ выгодное для себя соглашеніе и съ Черниговскими князьями: «Ольговичи, говоритъ лѣтописецъ подъ 1170 г., бяху тогда въ воли Мстислава». Выраженіе «тогда» ясно указываетъ на временный, условный, договорный характеръ этой зависимости.

Но счастье, сопровождавшее вступленіе Мстислава на Кіевскій столъ, было крайне непродолжительно. Не прошло двухъ лѣтъ со времени вступленія его въ Кіевъ, какъ онъ лишился почти всѣхъ своихъ союзниковъ и противъ него составился союзъ еще болѣе сильный, чѣмъ тотъ, который доставилъ ему обладаніе Кіевомъ.

Первымъ нарушителемъ крестнаго цѣлованія явился Владиміръ Мстиславичъ (1169). Онъ не позаботился, однако, упрочить успѣхъ своего дѣла соглашеніемъ съ другими князьями, а потому, оставленный безъ союзниковъ, былъ вынужденъ снова цѣ-

[84]) Ипат. 1170 г.

ловать крестъ къ Мстиславу. Не смотря на эту неудачу, Владиміръ Мстиславичъ не замедлилъ возобновить свою попытку и на этотъ разъ съ большей надеждой на успѣхъ, ибо разсчитывалъ на содѣйствіе не только Владиміра Андреевича и Давыда, но даже и роднаго брата Мстислава, Ярослава. Были ли эти надежды созданіемъ его воображенія, или онъ дѣйствительно имѣлъ союзниковъ, но они отступились отъ него въ рѣшительную минуту и даже выступили противъ него, мы не можемъ рѣшить [85]; достовѣрно только, что въ эту вторую попытку Владиміръ былъ также одинокъ, какъ и въ первую. Исходъ ея, естественно, долженъ былъ быть еще печальнѣе первой: не надѣясь на новое примиреніе, Владиміръ оставилъ приднѣпровскую Русь и удалился къ Глѣбу Рязанскому.

Вслѣдъ за роднымъ дядей отъ Мстислава отступился и двоюродный, Владиміръ Андреевичъ, не задолго передъ тѣмъ бывшій съ нимъ за одинъ на Владиміра Мстиславича. Эта новая рознь началась съ того, что Владиміръ Андреевичъ началъ «припрашивати волости у Мстислава» (1170). «Мстиславъ же, говоритъ лѣтописецъ, уразумѣвъ, оже извѣтомъ у него проситъ волости, рече: «брате Володимире! ци давно еси хрестъ цѣловалъ ко мнѣ, и волость взялъ еси у меня?» Онъ же (Владиміръ), разгнѣвався, иде Дорогобужу».

Послѣ того, какъ Мстиславъ, по просьбѣ Новгородцевъ, посадилъ у нихъ сына своего, Романа, — недовольство князей сдѣлалось всеобщимъ. Замышляя союзъ противъ Кіевскаго князя, они вступили между собой въ переговоры, достигли соглашенія и утвердились крестомъ (1170). Въ этомъ союзѣ приняли участіе: Владиміръ Андреевичъ, сыновья Ростислава, Романъ, Рюрикъ, Давыдъ и Мстиславъ, князья лѣвой стороны Днѣпра, Олегъ и Игорь Святославичи, и наконецъ сыновья Юрія, Андрей Суздальскій и Глѣбъ Переяславскій [86]. На сто-

[85]) Берендичи, приглашенные на Мстислава Владиміромъ, въ такихъ выраженіяхъ упрекаютъ этого князя: «Ты намъ сказалъ, братья еси со мною суть! А гдѣ же Андреевичъ Володимеръ, и Ярославъ, и Давыдъ? но се ѣздиши одинъ и безъ мужій своихъ, а насъ перельстивъ, а намъ лучше въ чужую голову, нежели въ свою, «и начаша въ нь пущати стрѣлы, и удариша князя двѣма стрѣлами», Ипат. 1169 г.

[86]) Содержаніе этого договора также не сохранилось.

ронѣ Мстислава остались только родной братъ, Ярославъ, Галицкій князь, Ярославъ, да Всеволодичи. — Хотя численный перевѣсъ князей былъ на сторонѣ противниковъ Мстислава, но окончательный исходъ борьбы при личной энергіи этого князя и той популярности, которою онъ пользовался у населенія праваго берега Днѣпра, былъ весьма сомнителенъ [87]). По удаленіи Смольнянъ, Суздальцевъ и Черниговцевъ, приведенныхъ союзниками на Мстислава, этому князю удалось снова овладѣть Кіевскимъ столомъ (1172). Занявши Кіевъ, онъ возобновилъ рядъ съ своими союзниками, при чемъ привлекъ на свою сторону и недавняго противника, роднаго дядю, Владиміра Мстиславича [88]). Новые успѣхи Мстислава, выступившаго уже изъ Кіева къ Вышгороду на Давыда Ростиславича, были остановлены только измѣною предводителя Галицкой помощи, воеводы Константина. Ярославъ Галицкій отдалъ полки свои въ распоряженіе Мстислава до тѣхъ поръ, пока онъ не уладится съ братьею. Воевода же Константинъ говорилъ, что князь его Ярославъ приказалъ ему стоять у Вышгорода только въ теченіи 5 дней и за тѣмъ идти домой; въ подтвержденіе своихъ словъ онъ представилъ и грамоту, составленную въ этомъ смыслѣ и будто бы полученную имъ отъ Галицкаго князя [89]). Оставленный Галичанами и получивъ извѣстіе о приближеніи Глѣба Юрьевича съ Половцами и о подкрѣпленіи Давыда другими союзниками, Мстиславъ по совѣщаніи съ «братьею» рѣшился отступить къ Владиміру.—Преждевременная смерть Мстилава (въ томъ же 1172 г.) увѣнчала дѣло его противниковъ успѣхомъ, который едва ли бы достался имъ такъ легко при его жизни.—Чувствуя приближеніе смерти, Мстиславъ порядился съ братомъ, Ярославомъ, о дѣтяхъ своихъ; Ярославъ цѣловалъ къ нему крестъ «яко же не подозрѣти ему волости подъ дѣтьми его».

Отрывочность лѣтописныхъ извѣстій оставляетъ нѣкоторую неясность на отношеніяхъ южныхъ Ростиславичей къ Андрею Суздальскому, послѣдовавшихъ за первымъ соединеніемъ этихъ

[87]) Ипат. 1171 г. «Мстиславу же городы предаяхуся»...
[88]) Ипат. 1172 г.
[89]) Ипат. По Густ. же самъ воевода былъ «хитро прелщенъ».

князей для общаго дѣйствія противъ Мстислава (въ 1170 г.) и продолжавшихся до ихъ розни въ 1174 г. — Въ теченіи этого времени Ростиславичи находились въ союзѣ съ Андреемъ. Въ 1173 г. они предпринимаютъ вмѣстѣ съ нимъ походъ на Романа Мстиславича къ Новгороду: а когда Романъ оставилъ Новгородъ, и Новгородцы, желая мира съ Андреемъ, обратились къ нему съ просьбою о князѣ, онъ предложилъ Новгородскій столъ одному изъ Ростиславичей, Рюрику; подобно этому въ началѣ слѣдующаго 1174 года Андрей содѣйствуетъ другому Ростиславичу, Роману, въ занятіи Кіевскаго стола. Судя по извѣстію, находящемуся подъ 1174 г., Ростиславичи обязались ходить въ воли Андрея [90]); а по только что приведеннымъ примѣрамъ покровительства имъ со стороны Суздальскаго князя, надо думать, что этотъ послѣдній обязался «жаловать ихъ и печаловаться ими». Но мы не можемъ сказать, когда возникло такое соглашеніе между Андреемъ и Ростиславичами: было ли оно только частью того большаго союза, который образовался въ 1170 г. съ цѣлью противодѣйствія Мстиславу, и въ силу котораго Кіевскій столъ достался брату Андрея, Глѣбу Переяславскому; или оно состоялось позднѣе и внѣ связи съ нимъ [91]). — Въ теченіи того же времени мы встрѣчаемся съ такимъ дѣйствіемъ двухъ младшихъ Ростиславичей, Давыда и Мстислава, которое на первый взглядъ не согласуется съ предположеніемъ о существованіи союза между Андреемъ и Ростиславичами на указанныхъ выше условіяхъ. Въ концѣ 1173 г., по смерти Глѣба, эти два князя вступили въ соглашеніе съ Владиміромъ Мстиславичемъ и доставили ему обладаніе Кіевскимъ столомъ, что было несогласно съ волею Андрея Суздальскаго, какъ скоро оказалось. Но это противорѣчіе можетъ быть устранено слѣдующимъ соображеніемъ: младшіе Ростиславичи, доставляя Кі-

[90]) «Не ходиши въ моей воли съ братьею своею» говоритъ Андрей въ упрекъ Роману. Ипат.

[91]) Послѣднее предположеніе, кажется, вѣроятнѣе: союзъ 1170 г. имѣлъ опредѣленную цѣль и по ея достиженіи распался, замѣнившись болѣе тѣсными союзами. Помимо союза Ростиславичей съ Андреемъ, на эту мысль наводитъ еще одновременный съ нимъ союзъ Ольговичей съ Ярославомъ Изяславичемъ, указаніе на который находимъ въ Ипат. подъ 1174 г.

евскій столъ Владиміру Мстиславичу, надѣялись, что это не будетъ противно волѣ Андрея. Послѣдующія дѣйствія Андрея подтверждаютъ это предположеніе: ему было «не любо Владимірово сидѣнье» въ Кіевѣ, но онъ не обвинялъ Ростиславичей въ выступленіи изъ его воли.

Какъ бы то ни было, единеніе Ростиславичей съ Андреемъ продолжалось только до 1174 г., когда оно распалось вслѣдствіе разногласія, обнаруживавшагося между этими князьями по вопросу о значеніи того условія существовавшаго между ними договора, по которому Ростиславичи обязались «ходить въ воли» Андрея. Суздальскій князь далъ такое широкое толкованіе этому условію, какого не хотѣли допустить Ростиславичи. Андрей требовалъ, чтобы они выдали ему подозрѣваемыхъ имъ въ отравленіи брата его, Глѣба, Кіевлянъ. Ростиславичи не согласились, и отношеніе мира, любви и покровительства смѣнилось ожесточенной войной.

Рознью Андрея съ Ростиславичами поспѣшили воспользоваться ближайшіе сосѣди послѣднихъ, Черниговскіе князья, Святославъ Всеволодичъ съ братьею. Они отправили къ Суздальскому князю мужей своихъ, подзывая его на Ростиславичей и предлагая свой союзъ. Послы ихъ такъ говорили Андрею отъ лица своихъ князей: «кто тобѣ ворогъ, то и намъ ворогъ; а се мы съ тобою готовы!»—Подъ руководствомъ Андрея для нападенія на Кіевскую волость были во второй разъ собраны громадныя полчища. Въ походѣ на Ростиславичей приняли участіе кромѣ Черниговскихъ князей, князья Полоцкіе, Туровскіе, Пинскіе, Городенскіе, Рязанскіе и Муромскіе [92]). Проходя мимо Смоленска, куда удалился Романъ Ростиславичъ Кіевскій, союзники принудили и его дать имъ помощь на родныхъ его братьевъ, оставшихся въ Кіевѣ. Когда союзники подступили уже къ Вышгороду, гдѣ затворился Мстиславъ Ростиславичъ, они были еще усилены Ярославомъ Изяславичемъ Луцкимъ, который находился въ крестномъ цѣлованіи съ Черниговскими Ольговичами и пришелъ къ нимъ на помощь со всею Волынскою землей.

[92]) Ипат. 1174 г.

Для борьбы съ такимъ врагомъ собственныя силы Ростиславичей были крайне недостаточны. Они сознавали это и не упустили ни одного случая, который могъ повести къ ихъ усиленію. Прежде всего они озаботились привлеченіемъ на свою сторону Ярослава Галицкаго, остававшагося до сихъ поръ нейтральнымъ; съ этою цѣлью къ Галицкому князю отправился Давыдъ Ростиславичъ. — Прежде чѣмъ получено было извѣстіе о результатахъ этого посольства, въ лагерѣ союзниковъ возникла рознь, которой и поспѣшили воспользоваться Ростиславичи. Мы не знаемъ всѣхъ условій договора, соединившаго союзниковъ; лѣтопись сохранила только указаніе на его конечную цѣль: эта цѣль состояла въ изгнаніи Ростиславичей изъ Кіевской волости и въ передачѣ ея Черниговскимъ князьямъ, Ольговичамъ. Ярославъ Луцкій, позднѣе всѣхъ присоединившійся къ союзникамъ, и состоявшій со Святославомъ Всеволодичемъ Черниговскимъ въ особомъ договорѣ, который имѣлъ слѣдующую оригинальную форму: князья обязывались помогать другъ другу на условіи «оже я (Ярославъ) сяду въ Кіевѣ, то я тебя (Святослава) надѣлю, пакы ли ты сядиши въ Кіевѣ, то ты мене надѣли», — Ярославъ не хотѣлъ дешево продать своей помощи: онъ потребовалъ себѣ Кіевскаго стола. «Ольговичи же, — говоритъ лѣтописецъ, не ступишася ему Кіева». Этимъ разногласіемъ воспользовались Ростиславичи и предложили Ярославу то, чего ему не хотѣли дать Ольговичи. Ярославъ отступилъ отъ Черниговскихъ князей и перешелъ со всѣми своими полками на сторону ихъ противниковъ. — Одновременно съ этимъ разнеслась вѣсть о приходѣ Галичанъ и Черныхъ Клобуковъ на помощь Ростиславичамъ. Союзники смутились и, не дождавшись свѣта, въ великомъ безпорядкѣ бросились бѣжать. Торжествующіе Ростиславичи, согласно принятому ими на себя обязательству, посадили на Кіевскомъ столѣ Ярослава Изяславича (1174).

Хотя Ростиславичи и вышли побѣдителями изъ борьбы съ Андреемъ и его союзниками, но эта побѣда досталась имъ цѣною важныхъ уступокъ: они лишились обладанія Кіевомъ. Вы-

нужденные крайне стѣсненнымъ положеніемъ купить содѣйствіе Ярослава уступкою ему Кіева, они нарушили свой договоръ съ нимъ какъ только обстоятельства измѣнились и угрожавшія имъ полчища разошлись по домамъ. Еще въ томъ же 1174 году они вступили въ переговоры съ недавнимъ врагомъ своимъ, Андреемъ, замышляя изгнать посаженнаго ими въ Кіевѣ Ярослава и передать этотъ столъ брату своему, Роману Смоленскому[93]. Насильственная смерть Андрея въ слѣдующемъ 1175 г. не дала созрѣть этимъ переговорамъ, но Ростиславичи не оставили своего намѣренія: подъ 1175 г. находимъ извѣстіе о приходѣ на югъ Романа Смоленскаго «въ помощь братіи». Неувѣренные еще въ своей силѣ, они старались скрыть до времени свои замыслы. Когда Ярославъ, узнавъ о прибытіи Смоленскаго князя, высказалъ Ростиславичамъ, что подозрѣваетъ ихъ въ намѣреніи передать Роману Кіевскій столъ, и удалился за тѣмъ въ Луцкъ; — они и тутъ не рѣшились обнаружиться, а послали къ нему приглашеніе возвратиться въ Кіевъ. Только послѣ отказа Ярослава послѣдовать ихъ приглашенію, чѣмъ была отнята у него возможность обвинять ихъ въ измѣнѣ, они передали Кіевскій столъ Роману (1175).

Романъ, занявши Кіевъ безъ кровопролитія и не нарушая

[93]) Ипат. 1174. Въ 53 прим. мы уже имѣли случай предостеречь отъ ошибки, въ которую можно впасть, заключая отъ образа выраженія, употребительнаго лѣтописцемъ при описаніи княжескихъ отношеній, къ существу самыхъ отношеній. Извѣстіе лѣтописца подъ 1174 г. даетъ поводъ къ подобному же предостереженію. Говоря о посольствѣ Ростиславичей къ Андрею съ цѣлью вступить съ нимъ въ новое соглашеніе и при его помощи снова овладѣть Кіевомъ, лѣтописецъ такъ выражается: «присылашася Ростиславичи къ князю Андрееви, просяче Романови Ростиславичу княжить въ Кіевѣ». Судя по выраженію «просячи Романови княжить въ Кіевѣ» можно подумать, что Андрею принадлежитъ право раздавать Русскія княженія. Изъ предыдущаго мы видѣли, что Андрей, какъ князь сильной Владимірской волости, могъ въ союзѣ съ другими князьями овладѣть Кіевомъ и ограбить его; но и это только въ томъ случаѣ, когда на его сторонѣ было болѣе союзниковъ, чѣмъ на сторонѣ Кіевскаго князя. Лучшаго же права онъ не имѣлъ. Обращеніе къ нему Ростиславичей есть ни что иное, какъ предложеніе ему союза, одною изъ цѣлей котораго долженствовало быть доставленіе Кіевскаго стола Роману. — Подобное же выраженіе находимъ еще въ Воскр. лѣт. подъ 1202 годомъ. «Слися ко свату своему, къ в. к. Всеволоду, говоритъ Романъ Мстиславичъ своему тестю, Рюрику, и азъ слю къ нему, и молимся ему, дабы ти Кіевъ опять далъ», т. е., далъ въ силу того фактическаго преобладанія, которое принадлежало сильному Владимірскому князю, а не въ силу верховнаго права.

явно мирныхъ отношеній къ своему предшественнику на Кіевскомъ столѣ, Ярославу, позаботился упрочить свое положеніе мирными соглашеніями какъ съ родными братьями, такъ и съ другими сосѣдними князьями [94]). Только нежеланіе его исполнять въ точности заключенные имъ договоры вызвало войну съ Черниговскимъ княземъ, Святославомъ Всеволодичемъ, кончавшуюся миромъ (1177), по которому Ростиславичи отказались отъ Кіева въ пользу Святослава, а Романъ снова удалился въ Смоленскъ. Эта любопытная въ своихъ подробностяхъ рознь Романа съ Черниговскимъ княземъ возникла по слѣдующему поводу. Во время нападенія Половцевъ на Русскую землю въ 1177 г., Русскіе потерпѣли пораженіе и частью по винѣ Давыда Ростиславича, не пришедшаго на помощь къ «братіи». Черниговскіе князья и во главѣ ихъ Святославъ Всеволодичъ, узнавъ объ этомъ, обратились къ Кіевскому князю, Роману, съ требованіемъ, чтобы онъ, согласно существующему между ними договору, наказалъ Давыда отнятіемъ волости. Романъ не согласился и, слѣдовательно, по мнѣнію противной стороны, выступилъ изъ крестнаго цѣлованія. При отсутствіи всякаго суда надъ князьями, Святославъ и другіе Ольговичи могли обратиться въ этомъ случаѣ нарушенія крестнаго цѣлованія только къ суду Божію, а потому были въ правѣ взяться за оружіе, что они и сдѣлали. Исходъ войны рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу и такимъ образомъ Кіевскій столъ снова перешелъ въ руки князей лѣвой стороны Днѣпра (1177).

Новый Кіевскій князь, Святославъ Всеволодичъ, былъ въ дружественномъ союзѣ съ преемникомъ Андрея Суздальскаго, Всеволодомъ Юрьевичемъ. Прежде чѣмъ этотъ князь утвердился на Владимірскомъ столѣ, онъ пользовался гостепріимствомъ Святослава; а когда въ 1176 г. Владимірцы, недовольные Ростиславичами (внуками Юрія отъ старшаго сына), снова призвали къ себѣ Михалку и Всеволода Юрьевичей, Святославъ,

[94]) Ипат. 1177 г. Изъ словъ Святослава Всеволодича видно, что въ договорѣ участвовали Черниговскіе князья, родные братья Романа и двоюродный братъ, Мстиславъ Владиміровичъ. О рядѣ Романа съ родными братьями упоминается еще подъ 1190 г

провожая ихъ изъ Чернигова, отпустилъ съ ними и сына своего, Владиміра, съ полкомъ. Союзъ со Всеволодомъ имѣлъ своимъ естественнымъ слѣдствіемъ — рознь съ Рязанскими князьями, свойственниками и союзниками Ростиславичей, невольныхъ противниковъ Владимірскаго князя. Подъ тѣмъ же 1176 г. встрѣчаемъ извѣстіе о враждебномъ столкновеніи Олега, сына Святослава Черниговскаго, съ племянникомъ Глѣба Рязанскаго у Свѣрильска, принадлежавшаго къ Черниговской волости, но захваченнаго Рязанцами. Дружественныя отношенія не прекращались и по утвержденіи Всеволода на Владимірскомъ столѣ. Торжество послѣдняго надъ Ростиславичами накликало ему войну съ зятемъ ихъ, Рязанскимъ княземъ, Глѣбомъ. Въ этой войнѣ, кончившейся новымъ торжествомъ Всеволода, встрѣчаемъ Святослава по прежнему на сторонѣ Владимірскаго князя, въ помощь которому онъ прислалъ двухъ сыновей, Олега и Владиміра [95]).

Смоленскіе и Кіевскіе Ростиславичи также были въ союзѣ любви съ Суздальскимъ княземъ, Всеволодомъ, какъ и съ Кіевскимъ, Святославомъ [96]).

Дружественныя отношенія, установившіяся такимъ образомъ между князьями Черниговскими, Кіевскими, Смоленскими и Владимірскимъ, продолжались до самой смерти Святослава Кіевскаго (въ 1194 г.) съ небольшимъ перерывомъ въ 1180 г.

Поводъ къ этому перерыву подали Рязанскіе князья. По смерти Глѣба, сыновья его примирились со Всеволодомъ Владимірскимъ и цѣловали къ нему крестъ. Въ 1180 г. между Всеволодомъ и Владиміромъ Глѣбовичами съ одной стороны и старшимъ ихъ братомъ, Романомъ, съ другой — возникла рознь. Всеволодъ и Владиміръ обвиняли Романа въ томъ, что онъ, слѣдуя внушеніямъ тестя своего, Святослава Кіевскаго, приславшаго къ нему на помощь сына, Глѣба, отнимаетъ у нихъ принадле-

[95]) Сузд. 1177 г.

[96]) На единеніе Ростиславичей со Всеволодомъ указываютъ слова Святослава: «яко мьстилея быхъ Всеволоду, но не дадѣ Ростиславичи, а тѣ ми во всемъ пакостятъ въ Русской земдѣ!» Ипат. 1180 г. Подъ тѣмъ же годомъ находимъ указаніе и на крестное цѣлованіе Ростиславичей со Святославомъ.

жащія имъ волости. Не имѣя возможности собственными силами противиться своекорыстной политикѣ старшаго брата, сторону котораго приняли и два младшихъ, Игорь и Святославъ, обиженные обратились за помощью къ Всеволоду Юрьевичу. Всеволодъ рѣшился помочь имъ и выступилъ противъ Романа. Прежде всякой схватки съ непріятелемъ ему удалось овладѣть сыномъ своего недавняго покровителя, котораго онъ приказалъ оковать и отправилъ за стражею во Владиміръ; вскорѣ за тѣмъ кончилась и самая война съ Романомъ—миромъ и крестнымъ цѣлованіемъ «на всей воли Всеволода» [97]).

Узнавъ о плѣненіи сына, Святославъ, по словамъ лѣтописца, распалился гнѣвомъ и разжегся яростью и размысливъ въ умѣ своемъ, рѣшился отомстить Всеволоду. Это намѣреніе при тогдашнихъ обстоятельствахъ не легко было привести въ исполненіе. Выступивъ на Всеволода, Святославъ оставлялъ въ тылу у себя дружественныхъ ему Ростиславичей, которые легко могли воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы вознаградить себя за невыгодный миръ, къ которому принудилъ ихъ Святославъ въ 1177 г. Святославъ хорошо понималъ это, а потому война со Всеволодомъ представлялась ему вмѣстѣ съ тѣмъ и войной съ Ростиславичами. Чтобы обезопасить себя съ этой стороны, онъ рѣшился на крестномъ цѣлованіи (т. е. не слагая съ себя цѣлованія) схватить Давыда, а Рюрика выгнать изъ Кіевской волости и раздѣлить ихъ владѣнія между Ольговичами, въ которыхъ онъ пріобрѣталъ такимъ образомъ союзниковъ, неразрывно соединенныхъ съ нимъ общностью интересовъ.—Неожиданнымъ нападеніемъ на Давыда, занимавшагося охотой на правомъ берегу Днѣпра, началась война 1180 года, кончившаяся въ томъ же году двумя мирными договорами между Святославомъ съ одной стороны и Рюрикомъ и Всеволодомъ съ другой. По одному изъ нихъ, заключенному между Святославомъ и Рюрикомъ, послѣдній отказывался въ пользу перваго отъ Кіева, которымъ ему удалось было овладѣть, и взамѣнъ того пріобрѣ-

[97])Užд. и Ипат. 1180 г. Подобная же рознь между Рязанскими князьями повторилась еще въ 1186 г. См. Воскр.

талъ «всю Русскую землю» (Романовъ рядъ); по другому—Святославъ и Всеволодъ «пріяли великую любовь», а Глѣбъ Святославичъ получилъ свободу.

Съ этого новаго замиренія князья находились въ единеніи, а Русская земля наслаждалась спокойствіемъ до самой смерти Святослава, въ 1194 г. Самые договоры, установившіе это единеніе, до насъ не дошли; но судя потому, что принимавшіе въ нихъ участіе князья по всѣмъ вопросамъ внѣшней политики дѣйствуютъ сообща и по совѣщанію другъ съ другомъ, надо думать, что они цѣловали крестъ на условій «быть за одинъ мужъ» [98]). Не сохранивши самыхъ докончаній, лѣтопись сохранила, однако, указаніе на существованіе въ это отдаленное время сознанія о необходимости включать въ дружественные договоры ограничивающее условіе «не канчивати, не ссылатися». Подъ 1189 г. находимъ извѣстіе о дружественныхъ переговорахъ Венгерскаго короля съ Святославомъ Кіевскимъ; эти переговоры вызвали поѣздку къ королю сына Святославова, Глѣба. Узнавъ объ этомъ, Рюрикъ отправилъ посла къ Святославу съ такими рѣчами: «како еси послалъ сына своего къ королеви, а со мною не спрошався; соступился еси ряду». Итакъ, ссылку съ королемъ безъ своего вѣдома, Рюрикъ находитъ нарушеніемъ договора; въ договорѣ, слѣдовательно, было условіе, ограничивающее односторонніе переговоры съ третьими лицами. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право утверждать,

[98]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1183 г. читаемъ:« Богъ вложи въ сердце Святославу, князю Кіевскому, и в. к. Рюрику Ростиславичу пойти на Половцѣ и посласта по окольніи князи, и совокупишася съ ними Володимеръ Глѣбовичъ изъ Переяславля, Всеволодъ Ярославичъ изъ Лучьска съ братомъ Мстиславомъ, Изяславъ Давыдовичъ, изъ Галича отъ Ярослава помочь». См. подобныя же извѣстія: Ипат. 1184 г., 1185 г., 1187 г., 1192 г., 1193; Сузд. 1184 г.—Въ Ипат. лѣт. подъ 1194 г. находимъ извѣстіе, по образу выраженія подходящее къ тѣмъ, о которыхъ была рѣчь въ прим. 53 и 93. «Святославъ, говоритъ лѣтописецъ, позва братью свою въ Роговъ, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча съ ними думати, хотя на Рязанскіе князи: бяхуть бо имъ рѣчи про волости, и посласася ко Всеволоду въ Суждаль, просячися у него на Рязань. Всеволодъ же ихъ воли не створи». Это значитъ только, что Кіевскій и Черниговскіе князья хотѣли заручиться если не содѣйствіемъ Всеволода, то, по крайней мѣрѣ, его обѣщаніемъ не принимать стороны Рязанскихъ князей. Всеволодъ, отличавшійся замѣчательнымъ миролюбіемъ, не согласился съ предложеніемъ Ольговичей и война не состоялась.

что это второе существенное условіе дружественныхъ договоровъ XIV вѣка и послѣдующихъ—«не канчивати, не ссылатися»—стояло уже въ договорахъ XII вѣка. Сложилось же оно, естественно, еще прежде, чѣмъ о немъ впервые упоминается.

Въ заключеніе укажемъ на порядокъ, которымъ былъ улаженъ споръ, возникшій въ этотъ періодъ единенія Кіевскаго князя, Святослава, съ Ростиславичами. Въ Ипат. лѣт. подъ 1190 г. читаемъ: «..... бяшетъ Святославу тяжа съ Рюрикомъ и съ Давыдомъ и Смоленскою землей; того дѣля и съ братьею (Ольговичами) совокупился, како бы ему ся не соступити (т. е. не уступить въ спорѣ). Рюрикъ же, сослався со Всеволодомъ (Юрьевичемъ) и съ Давыдомъ, братомъ своимъ, послаша ко Святославу мужи своя, рекущи ему: «ты, брате, къ намъ крестъ цѣловалъ на Романовѣ ряду (т. е. на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ цѣловалъ его предшественникъ на Кіевскомъ столѣ, Романъ Ростиславичъ), такоже нашъ братъ Романъ сидѣлъ въ Кіевѣ.—Стоиши въ томъ ряду, то ты намъ братъ; паки ли поминаешь давныя тяжа, которыи были при Ростиславѣ, то соступился еси ряду, мы ся въ то не дамы. А се ти крестныя грамоты». Святославъ же пріемъ грамоты, не хотѣвъ креста цѣловати: и много прѣвся и молвивъ съ мужи (съ послами), и отпустивъ ихъ, и опять возворотивъ ихъ, и цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ».При отсутствіи суда надъ князьями, первую заботу ихъ, въ случаѣ возникновенія между ними разногласія по какому либо вопросу, составляетъ пріисканіе единомышленниковъ: Святославъ соединяется съ Ольговичами, Рюрикъ съ Давыдомъ и Всеволодомъ. Крестныя грамоты, служившія до сихъ поръ нормою отношеній, подвергшись спору, теряютъ силу и возвращаются. Князья становятся, такимъ образомъ, въ то положеніе, въ какомъ были до цѣлованія: они должны или вновь цѣловать крестъ на старыхъ или новыхъ условіяхъ, или обратиться къ суду Божію. Въ разсматриваемомъ случаѣ Святославъ предпочелъ новымъ крестнымъ цѣлованіемъ подтвердить условія прежняго соглашенія, что и выражено въ словахъ «цѣлова къ нимъ крестъ на всей ихъ волѣ», т. е. вновь при-

нялъ безъ измѣненій предложенныя Ростиславичами условія «Романова ряда», а отъ своихъ притязаній отказался.

Выше [99]) мы уже имѣли случай остановиться на нѣсколькихъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ, характеризующихъ отношенія Святослава Всеволодича къ его ближайшимъ родственникамъ, Ольговичамъ; въ дополненіе къ нимъ приведемъ еще одно, бросающее вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ и на отношенія Ольговичей къ союзнику Святослава, Рюрику. Подъ 1187 г. лѣтописецъ разсказываетъ: «Тоѣ же зимы Святославъ сослався съ Рюрикомъ, сватомъ своимъ, и сдумаста ити на Половцы. Рюрикъ же улюби Святославлю рѣчь и рече ему: «ты, брате, ѣди въ Черниговъ, совокупися съ братіею своею, а язъ сдѣсь со своей». И тако, совокупившеся вси князи Русскіе пойдоша по Днѣпру, нельзѣ бо бяшеть индѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ. И дондоша до Снепорода и ту изоимаша сторожи Половецкіе, и повѣдаша вѣжи и стада Половецкія у Голубаго лѣса. Ярославу же (младшему брату Святослава) не любо бысть далѣ пойти, и поча молвити брату, Святославу: «не могу ити далѣ отъ Днѣпра, земля моя далече, а дружина моя изнемоглася». Рюрикъ же поча слати ко Святославу, понуживая его, река ему: «брате и свату! намъ было сего у Бога просити (т. е. такого удобнаго момента для нападенія на Половцевъ), а вѣсть ны есть, Половцы лежатъ за полъдне». Святославу же любо бысть и рече ему: «азъ есмь, брате, готовъ всегда и нынѣ. Но посли ко брату Ярославу и понуди его, пусть бы ѣхали всѣ». Рюрикъ же посла къ Ярославу и рече ему: «брате! тобѣ было не лѣпо измясти нами! а вѣсть ны правая есть, что вѣжи Половецкія за полъдне, а великаго ѣзду нѣтуть. А, брате, кланяютися, ты меня дѣля пойди до полудня, а язъ тебя дѣля ѣду 10 днев ъ!» Ярославъ же, нехотя ѣхати, рече: «не могу поѣхати одинъ, а полкъ мой пѣшъ. Вы бы мнѣ повѣдали дома, что до толѣ ити». И бысть межи ими распря. Рюрикъ же, много понуживая ихъ, и не може ихъ повести. Святославъ же хотѣ ити съ Рюрикомъ, но не оста брата Ярослава. И возвратишася во свояси».—Какъ единеніе Свято-

[99]) См. стр. 134 и 197.

слава съ Рюрикомъ условливалось ихъ соглашеніемъ, точно такъ же было необходимо соглашеніе Ярослава для единенія его съ каждымъ изъ помянутыхъ князей: нѣтъ соглашенія, нѣтъ и единенія.

Совершенно такія же отношенія находимъ и между сыновьями бывшаго Кіевскаго князя, Мстислава Изяславича, Романомъ и Всеволодомъ. Въ 1188 г. Романъ Мстиславичъ, позванный на столъ въ Галичъ, передалъ свою Владимірскую волость младшему брату, Всеволоду, по крестному цѣлованію, которымъ навсегда отказался отъ Владиміра: «болѣ ми того не надобѣ Володимерь». Но Романъ не могъ удержаться въ Галичѣ: принужденный къ бѣгству Венгерскимъ королемъ, онъ хотѣлъ было снова сѣсть во Владимірѣ. Всеволодъ воспротивился этому нарушенію послѣдняго крестнаго цѣлованія и затворился отъ брата. Романъ, слишкомъ тогда слабый, чтобы бороться собственными силами, привлекъ на свою сторону тестя, Рюрика Ростиславича. Союзъ Романа съ Рюрикомъ устрашилъ Всеволода: онъ отказался отъ Владиміра и уѣхалъ въ свой Бѣльзъ, а Романъ снова занялъ Владимірскій столъ.

Кончина Святослава (1194 г.) непосредственно не вызвала никакого измѣненія въ установившемся при его жизни единеніи князей. Чувствуя приближеніе смерти, онъ самъ передалъ Кіевскій столъ (можетъ быть, на основаніи предварительнаго соглашенія) союзнику своему, Бѣлгородскому князю, Рюрику Ростиславичу. Рюрикъ, съ своей стороны, озаботился упрочить за собой обладаніе Кіевомъ соглашеніями съ сосѣдними князьями и дѣйствительно достигъ своей цѣли: лѣтопись сохранила извѣстіе о его рядѣ съ Ярославомъ Черниговскимъ и другими Ольговичами, по которому эти князья обязались блюсти подъ нимъ Кіевъ; со Всеволодомъ Юрьевичемъ, заключившимъ съ нимъ оборонительный договоръ, изъ котораго уцѣлѣло слѣдующее условіе: «кто мнѣ (Рюрику) ворогъ, то и тобѣ (Всеволоду) ворогъ»; съ роднымъ братомъ, Смоленскимъ княземъ, Давыдомъ, и съ зятемъ, Романомъ Мстиславичемъ, въ пользу кото-

раго Рюрикъ отказался отъ значительной части вновь пріобрѣтенной имъ волости [100]).

Всеволодъ Юрьевичъ, состоявшій въ дружественномъ союзѣ съ Рюрикомъ и содѣйствовавшій ему въ занятіи Кіевскаго стола, не выговорилъ себѣ, однако, части въ Кіевской волости, какъ это сдѣлали другіе князья, союзники Рюрика, и вскорѣ раскаялся въ своемъ безкорыстіи. Еще въ первый годъ княженія Рюрика въ Кіевѣ (1195 г.), Всеволодъ прислалъ къ нему посольство съ такими рѣчами: «вы нарекли мя въ своемъ племени старѣйшаго; а нынѣ сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ части не учинилъ въ Русской землѣ, но роздалъ инымъ моложшимъ, братьи своей. Коли мнѣ въ ней части нѣтъ, а кому въ ней часть далъ, съ тѣмъ же ее и блюди и стережи. Да како ю съ нимъ удержишь, а то узрю же, а мнѣ не надобѣ». Вслѣдъ за этимъ послы объявили, что Всеволодъ желаетъ получить волость, отданную Рюрикомъ зятю, Роману. Рюрикъ не хотѣлъ измѣнить крестному цѣлованію съ зятемъ, и между нимъ и Всеволодомъ возникла распря, которая едва не довела до войны. Во избѣжаніе бѣдствій междоусобной брани, митрополитъ Никифоръ взялъ на себя грѣхъ клятвопреступленія и снялъ съ Рюрика крестное цѣлованіе къ Роману: Всеволодъ получилъ, чего желалъ, и снова утвердился съ Рюрикомъ крестнымъ цѣлованіемъ на всей любви. Романъ, съ своей стороны, не желая розни тестя съ сильнымъ Владимірскимъ княземъ, согласился на уступку ему своей волости.

Это первое столкновеніе уладилось мирно: любовь восторжествовала надъ распрей.—Но Всеволодъ не удержалъ за собой всей пріобрѣтенной имъ на югѣ волости: часть ея онъ передалъ зятю своему и сыну Рюрика, Ростиславу. Это обстоятельство, давшее Роману поводъ подозрѣвать Рюрика въ тайномъ соглашеніи со Всеволодомъ, въ силу котораго все дѣло о надѣленіи послѣдняго было поднято главнымъ образомъ съ цѣлью пере-

[100]) Ипат. 1195 г. и 1196 г. На существованіе ряда между Рюрикомъ и Ольговичами указываютъ слова Черниговскихъ князей, обращенныя ко Всеволоду Владимірскому: «ажъ ны вѣвилъ Кыевъ блюсти подъ сватомъ твоимъ, Рюрикомъ, то въ томъ стоимъ».

дачи сыну волости, принадлежавшей зятю, — поселило недовѣріе между недавними союзниками, Романомъ и Рюрикомъ, и вызвало новую рознь, хотя и не богатую военными подвигами, но продолжавшуюся съ небольшими перерывами до самой смерти Романа (1206) и охватившую въ своемъ развитіи большую часть Русскихъ князей.

Подробности этой розни чрезвычайно характеристичны для княжескихъ отношеній и мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Первымъ дѣломъ Романа, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, была забота о пріисканіи союзниковъ. Съ этою цѣлью онъ привлекъ на свою сторону Черниговскаго князя, Ярослава Всеволодича, подбивъ его выступить изъ крестнаго цѣлованія къ Рюрику и искать подъ нимъ Кіева, при чемъ обѣщалъ свою помощь. Ярославъ согласился, и оба князя цѣловали между собою крестъ.

Рюрикъ, узнавъ объ отступленіи зятя и переговорахъ его съ Ольговичами, возвратилъ ему крестныя грамоты и отправилъ пословъ къ Давыду и Всеволоду, приглашая ихъ къ себѣ на помощь.

Для борьбы съ Рюрикомъ, на сторонѣ котораго стояли такіе сильные союзники, какъ князья — Смоленскій и Владимірскій, союза съ однимъ Ярославомъ было недостаточно, а потому Романъ предпринялъ поѣздку «въ Ляхи помочи дѣля къ Казимиричамъ». Это послѣднее предпріятіе кончилось полнѣйшей неудачею, что и заставило Романа, по крайней мѣрѣ на время, отложить исполненіе своихъ враждебныхъ плановъ и примириться съ тестемъ. Онъ вошелъ съ нимъ въ переговоры и при посредствѣ митрополита Никифора заключилъ миръ съ обязательствомъ «ходити въ его волѣ».

Но замиреніе съ Романомъ не рѣшало еще всего дѣла: торопливость, съ которою Ярославъ Всеволодичъ поспѣшилъ войдти въ виды Романа и утвердиться съ нимъ крестомъ, разоблачила въ немъ крайне ненадежнаго сосѣда и вынудила Рюрика принять какія либо новыя мѣры для обезпеченія своей безопасности со

стороны Чернигова. Съ этою цѣлью Рюрикъ, Всеволодъ и Давыдъ, согласившись между собой, отправили совокупное посольство къ Ярославу и другимъ Ольговичамъ съ требованіемъ, чтобы они навсегда отказались отъ Кіева и не искали его не только подъ Рюрикомъ, но и послѣ его смерти. Не желая вступать въ неравный бой, Ярославъ скрылъ свое соглашеніе съ Романомъ и по совѣщаніи съ братьями отвѣчалъ, что онъ и Ольговичи стоятъ въ своемъ прежнемъ цѣлованіи, по которому обязались не искать Кіева подъ Рюрикомъ и Всеволодомъ, но не могутъ отказаться отъ него навсегда. «Мы не Угре, ни Ляхове, говорили они, но единаго дѣда внуки: при вашемъ животѣ не ищемъ его, а по васъ, кому Богъ дастъ». Хотя Ольговичи и вполнѣ подтверждали свое прежнее цѣлованіе, но форма стараго договора не удовлетворяла теперь союзниковъ и они уговорились сѣсть на коня и сойтись у Чернигова.—Черниговскіе князья испугались войны и отправили ко Всеволоду посольство съ обѣщаніемъ заключить миръ на всей его волѣ. Владимірскій князь повѣрилъ и отмѣнилъ свои приготовленія къ походу.—Между тѣмъ Рюрикъ, согласно уговору, подступилъ къ Чернигову «съ братісю» и Половцами. Узнавъ объ измѣнившемся намѣреніи Всеволода, онъ также распустилъ войско и вступилъ въ крестное цѣлованіе съ Ярославомъ, по которому обязался не вести съ нимъ войны до тѣхъ поръ, пока не будутъ окончены только-что начатые переговоры о мирѣ.

Ярославъ, также обязавшійся не начинать войны до окончанія мирныхъ переговоровъ, не устоялъ въ крестномъ цѣлованіи: зимою 1195 г. онъ вторгся въ Смоленскую волость и, воспользовавшись розпью Смоленскаго князя, Давыда, съ Смольнянами, хотѣлъ было овладѣть и самымъ Смоленскомъ. Это новое нарушеніе крестнаго цѣлованія возбудило сильное негодованіе Рюрика и Давыда. Сославшись (1196) со Всеволодомъ, они рѣшили привести въ исполненіе планъ войны, задуманный еще въ предшествовавшемъ году, но не исполненный тогда по причинѣ открывшихся переговоровъ о мирѣ. Зимою 1196 г. Всеволодъ въ соединеніи съ Давыдомъ началъ движеніе къ Чернигову опу-

стошеніемъ Черниговской волости со стороны сѣвера: они вторглись въ Вятичи и начали брать и жечь Вятскіе города. Хотя въ этомъ году на сторону Ольговичей снова перешелъ Романъ Мстиславичъ, во второй разъ нарушившій договоръ съ Рюрикомъ, но онъ не могъ подать имъ дѣятельной помощи, ибо былъ отвлекаемъ союзникомъ Кіевскаго князя, Владиміромъ Галицкимъ. Въ такомъ положеніи Ольговичамъ ничего не оставалось, какъ быстрымъ заключеніемъ мира предупредить соединеніе наступавшихъ на нихъ князей и такимъ образомъ выговорить себѣ болѣе выгодныя условія, чѣмъ тѣ, на какія они могли разсчитывать послѣ ихъ соединенія у Чернигова. Съ этою цѣлью они отправили посольство ко Всеволоду и Давыду съ такими рѣчами: «брате и свату! отчину нашу и хлѣбъ нашъ взялъ еси! аже любишь съ нами рядъ правый и въ любви съ нами быти, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ. Если же что на насъ умыслилъ, а того не бѣгаемъ же. Да како ны Богъ разсудитъ съ вами и Святой Спасъ!»—Всеволодъ, великій миротворецъ, выслушавъ посла, началъ думать съ Давыдомъ и Рязанскими князьями, помогавшими имъ въ этомъ походѣ, «любя како бы съ ними (съ Ольговичами) умиритися». Не смотря на возраженія Давыда и Рязанскихъ князей, миръ состоялся, при чемъ Ольговичамъ была сдѣлана уступка: они не были вынуждены навсегда отказаться отъ Кіева, а цѣловали крестъ на прежнемъ условіи «Кіева подъ Рюрикомъ не искати»; другая уступка состояла въ томъ, что въ мирный договоръ былъ включенъ и Романъ Мстиславичъ, чего въ началѣ Всеволодъ не хотѣлъ допустить. Со стороны Черниговскихъ князей новый миръ былъ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ не одного Ярослава, но всѣхъ Ольговичей; точно также со стороны ихъ противниковъ цѣловали крестъ Всеволодъ, Давыдъ и ихъ союзники, Рязанскіе князья. Хотя лѣтопись сохранила очень не многія условія этого мира, но есть основаніе думать, что онъ опредѣлялъ взаимныя отношенія не только главныхъ дѣйствующихъ лицъ, Ольговичей и Всеволода съ Давыдомъ, но и союзниковъ послѣднихъ, Рязанскихъ

князей, и состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ договоровъ[101]).

Миръ съ Ольговичами былъ заключенъ безъ думы съ однимъ изъ главныхъ дѣятелей послѣдней розни, Кіевскимъ княземъ, Рюрикомъ Ростиславичемъ. Рюрикъ увидалъ въ этомъ нарушеніе тѣхъ обязательствъ, въ которыхъ стоялъ къ нему Всеволодъ Юрьевичъ, а потому счелъ свой договоръ съ нимъ, заключенный въ 1195 г., болѣе несуществующимъ и захватилъ данные Всеволоду города въ приднѣпровской Руси.

Мы приведемъ вполнѣ любопытные переговоры, происходившіе по этому случаю сперва между Всеволодомъ и Давыдомъ, который предупреждалъ Владимірскаго князя не заключать мира безъ ссылки съ Рюрикомъ, а потомъ между самимъ Рюрикомъ и Всеволодомъ.

Сказавши, что Всеволодъ сталъ думать съ Давыдомъ и Рязанскими князьями о мирѣ съ Ольговичами, лѣтописецъ продолжаетъ такъ: «Давыдъ же не любяшеть мира, но поущашеть и́ (Всеволода) пойти къ Чернигову, река ему: «како умолвилъ съ братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною, оже совокупитися у Чернигова всимъ, да быхомъ умирилися вси, на всей волѣ своей; ты же нынѣ ни мужа своего послалъ къ брату своему Рюрику, ни своего прихода повѣдаеши ему.....; онъ же воюется съ ними и волость свою зажегъ тебя дѣля, а нынѣ безъ его думы хочемъ мириться! А, брате, повѣдаю ти, сего ти мира здѣ не улюбитъ братъ мой Рюрикъ!» И далѣе: «Рюрикъ же, слышавъ оемъ Всеволожь, и не улюби, пожалова на нь, занеже чѣмъ ся бяшеть ему обѣчалъ, и того не исполнилъ. И посла мужь свой ко Всеволоду, река ему: свату! крестъ еси ко мнѣ цѣловалъ на томъ, кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ, и въ Русской землѣ части просилъ еси у меня; язъ же тебѣ далъ волость лѣпшую не отъ обилья, но отойма у братьи своея и у зятя своего, Романа, тебе дѣля! Онъ же нынѣ ворогъ ми ся учинилъ, ни про кого же, яко же про тя. Ты же ми ся еси обѣ-

[101]) Ипат. 1196 г. «Ярославъ же посла своя мужи и води Всеволода и Давыда кресту и Рязанскыя князи—на своихъ рядохъ».

чалъ всѣсти на коня и помочи́ ми; а како ми помоглъ? свой рядъ взялъ, а про кого ми была и рать, про зятя своего, а того далъ Ярославу рядити и съ волостью, которую я ему далъ! А про кого же тя есмь и на конь всадилъ? а мнѣ съ Ольговичи которая обида была? они подо мною Кіева не искали. Но аже было тобѣ не добро, язъ про тебя же съ ними есмь не добръ, и воевался съ ними и волость свою зажеглъ! Нынѣ же како еси со мною умолвилъ, на чемъ еси ко мнѣ крестъ цѣловалъ, того всего не исправилъ»—и тако, прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ, пожаловалъ на нь и отъя городы, которые же бяшеть ему далъ въ Русской землѣ, и розда опять братьи своей» [102]).

Такимъ образомъ, миръ съ Ольговичами 1196 г., лишившій Рюрика одного изъ сильнѣйшихъ союзниковъ и отнявшій у него возможность наказать измѣнившаго ему зятя, породилъ рознь между старыми друзьями, Владимірскимъ княземъ, Всеволодомъ, и Кіевскимъ, Рюрикомъ. Эта новая рознь продолжалась до 1202 г., хотя собственно до вооруженной борьбы дѣло дошло всего только одинъ разъ и въ самый годъ новаго всеобщаго замиренія. Въ 1202 г., четыре года спустя послѣ смерти Ярослава Черниговскаго, Рюрику удалось войдти въ соглашеніе съ Ольговичами для совокупнаго нападенія на Романа, занимавшаго тогда Галицкій столъ. Но едва Романъ узналъ объ этомъ союзѣ, какъ быстрымъ движеніемъ къ Кіеву разрушилъ всѣ замыслы своихъ противниковъ. У населенія правой стороны Днѣпр-Романъ пользовался такою же популярностью, какъ и его отецъ и дѣдъ: по мѣрѣ приближенія къ Кіеву ему передавались всѣ города Русскіе, а наконецъ и сами Кіевляне отворили ему ворота, не смотря на то, что въ городѣ былъ Рюрикъ и его новые союзники. Въ виду такой любви народа къ Роману, Рюрикъ и Ольговичи не могли думать о сопротивленіи и цѣловали крестъ

[102]) Ипат. 1196 г. Въ словахъ Рюрика любопытно указаніе на то, что его рознь съ Ярославомъ условливалась только его рознью съ Романомъ, и что у Всеволода была своя причина вражды съ Черниговскимъ княземъ, что не совсѣмъ ясно изъ предшествовавшаго, но на что можно видѣть указаніе въ томъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ говорится о мирѣ Всеволода съ Ярославомъ:« Всеволодъ же посла мужи своя къ Ярославу и умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя...»

на всей волѣ своего счастливаго врага: Рюрикъ принужденъ былъ отказаться отъ Кіева и удалиться во Вручій, а Ольговичи за Днѣпръ въ свой Черниговъ. Сославшись вслѣдъ за тѣмъ съ союзникомъ своимъ (по миру съ Ольговичами 1196), Всеволодомъ, Романъ посадилъ въ Кіевѣ двоюроднаго брата, Ингваря Ярославича.

Но Рюрикъ и Ольговичи уступили только необходимости. По удаленіи Романа, они снова соединились, пригласили къ себѣ въ помощь всю землю Половецкую и страшно отомстили Кіеву за его любовь къ внуку Изяслава Мстиславича: «сотворися велико зло въ Русской землѣ, говоритъ лѣтописецъ, какого зла не было отъ крещенья надъ Кіевомъ: не токмо едино Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша, и митрополью Св. Софью разграбиша, и Десятинную Св. Богородицу разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и порты блаженныхъ первыхъ князей, иже бяху повѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ, то все положиша собѣ въ полонъ. То все стася надъ Кіевомъ за грѣхи наша: черецы и черницы старыя изсѣкоша, и попы старые, и слѣпые и хромые; а что черецевъ инѣхъ (т. е. не старыхъ) и черницъ инѣхъ и поповъ и попадей и Кіяны, и дщери ихъ и сыны ихъ, то все ведоша иноплеменницы въ вѣжи къ собѣ».

Выступленіе Рюрика и Ольговичей изъ послѣдняго крестнаго цѣлованія заставило Романа еще въ томъ же году взять на себя роль посредника, и свести князей въ любовь на условіяхъ, которыя исключали бы возможность повторенія такихъ бѣдствій, какъ только-что разразившееся надъ Кіевомъ. Рюрикъ, зная не любовь къ нему Романа, Всеволода и самихъ Кіевлянъ, не рѣшился остаться въ Кіевѣ; по разграбленіи онъ снова удалился во Вручій. Узнавъ объ этомъ, Романъ выступилъ на него ко Вручему, уговорилъ отказаться отъ союза съ Ольговичами и свелъ въ любовь со Всеволодомъ, который, по предложенію Романа, согласился на передачу Рюрику Кіева (1202) [103]. Въ слѣдующемъ году Романъ заключилъ миръ съ

[103]) Воскр. 1202 г.; ср. прим. 93.

Ольговичами и свелъ ихъ въ любовь со Всеволодомъ: Всеволодъ и Ольговичи цѣловали другъ къ другу крестъ заочно, въ присутствіи бояръ противной стороны (1203).

Вскорѣ за этимъ общимъ замиреніемъ мы встрѣчаемся и съ совокупнымъ дѣйствіемъ новыхъ союзниковъ. Въ 1205 г. предпринимаютъ общій походъ на Половцевъ: Рюрикъ Кіевскій, Романъ Галицкій, сынъ Всеволода, Ярославъ Переяславскій, и «иные князи». Исходъ этого совокупнаго похода далеко, впрочемъ, не соотвѣтствовалъ его началу. Романъ поссорился съ Рюрикомъ, схватилъ его и насильно постригъ въ чернецы. Скорая смерть Романа (въ томъ же году) положила конецъ распрѣ его съ тестемъ: Рюрикъ сбросилъ съ себя монашескія одежды и снова сѣлъ въ Кіевѣ.

На болѣе продолжительное время единенія князей, установившееся въ 1202 и 3 годахъ, было нарушено завоевательными стремленіями Черниговскаго князя, Всеволода Святославича. Въ 1205 г. Рюрикъ и Черниговскіе князья заключили союзъ съ цѣлью совокупнаго похода на Галичъ (по смерти Романа). Въ слѣдующемъ году, когда князья-союзники возвращались изъ Галича, гдѣ сѣлъ одинъ изъ Ольговичей, Владиміръ Игоревичъ, и достигли уже Кіева, Всеволодъ на крестномъ цѣлованіи захватилъ Кіевъ и посажалъ своихъ посадниковъ по Кіевскимъ городамъ, «надѣяся на свою силу», какъ объясняетъ лѣтописецъ. Вслѣдъ за тѣмъ Черниговскій князь выгналъ изъ Переяславля и Ярослава Всеволодича, сына Владимірскаго князя. Такимъ образомъ, между Всеволодомъ Чермнымъ и Ольговичами съ одной стороны и Всеволодомъ Владимірскимъ и Рюрикомъ съ другой, возникла рознь, продолжавшаяся до 1210 г., когда былъ заключенъ миръ на всей волѣ Всеволода Юрьевича. Въ чемъ состояла эта воля, мы не знаемъ. Но непосредственно за извѣстіемъ объ этомъ мирѣ слѣдуетъ извѣстіе о переходѣ Рюрика, сидѣвшаго съ 1207 года въ Кіевѣ, на Черниговскій столъ, а Всеволода Черниговскаго на Кіевскій, а потому можно думать, что въ силу единенія Рюрика со Всеволодомъ, послѣдній миръ былъ заключенъ ими сообща и одной изъ статей его условливалось означенное перемѣщеніе.

Въ заключеніе этого періода приведемъ еще одно извѣстіе, характеризующее отношенія Всеволода Юрьевича къ Рязанскимъ князьямъ. Въ 1196 г., какъ мы уже имѣли случай видѣть, Рязанскіе князья были въ союзѣ со Всеволодомъ и вмѣстѣ съ нимъ воевали противъ Ольговичей. Эти дружественныя отношенія, надо думать, не прерывались до 1207 г., когда Владимірскій князь, собираясь въ походъ на Всеволода Чермнаго, снова пригласилъ къ себѣ въ помощь и Рязанскихъ князей. Рязанскіе князья пришли на его зовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Всеволодъ получилъ извѣстіе, что они выступили изъ крестнаго цѣлованія и сложились съ Ольговичами, а къ нему пришли «на льсти». Удостовѣрившись въ справедливости этого извѣстія, Всеволодъ схватилъ измѣнившихъ ему князей и отослалъ ихъ въ заключеніе во Владиміръ, гдѣ они и оставались до его смерти.—Въ 1212 г. они были освобождены сыномъ Всеволода, Юріемъ.

Періодъ VII, отъ 1212 до 1252 года.

Послѣ смерти Всеволода Юрьевича Владимірская волость раздѣлилась между его сыновьями: Константиномъ, Юріемъ, Ярославомъ, Владиміромъ, Святославомъ и Иваномъ, князьями 9-го поколѣнія Рюриковичей. Изъ одностепенныхъ имъ князей другихъ линій Рюрика смерть Всеволода пережили очень не многіе: укажемъ на трехъ Ольговичей, Всеволода Чермнаго и его братьевъ, Глѣба и Мстислава Святославичей, на Рюрика Ростиславича и на Муромскаго князя, Давыда Юрьевича. За тѣмъ въ седьмомъ періодѣ дѣйствуютъ князья 10-го поколѣнія: Ингварь и Мстиславъ Нѣмой Ярославичи, внуки Изяслава Мстиславича; Мстиславъ Романовичъ, Владиміръ и Ростиславъ Рюриковичи, Мстиславъ и Константинъ Давыдовичи и Мстиславъ, Владиміръ и Давыдъ Мстиславичи, внуки Ростислава Мстиславича; Михаилъ Всеволодичъ и Мстиславъ Глѣбовичъ, внуки Святослава Всеволодича; Рязанскіе князья, внуки Глѣба, и другіе. Изъ князей 11-го поколѣнія укажемъ на Даніила и Василька Романо-

вичей, и на Алексадра Всеволодовича, правнуковъ Изяслава Мстиславича; и на Изяслава Мстиславича, правнука Ростислава Мстиславича.

Замиреніе князей, достигнутое въ исходѣ предшествовавшаго періода (1210), было нарушено Всеволодомъ Святославичемъ Кіевскимъ и по слѣдующему поводу. Выше мы уже имѣли случай упомянуть о союзѣ Ростиславичей съ Ольговичами съ цѣлью завоеванія Галича. Во время втораго похода на Галичъ, Галицкій столъ дѣйствительно достался вѣтви Ольговичей—Игоревичамъ, но не въ силу побѣды, а въ силу призванія, чѣмъ была устранена необходимость дальнѣйшей войны, хотя союзники и не всѣ въ одинаковой мѣрѣ могли быть довольны ея результатомъ. Игоревичи плохо воспользовались выпавшимъ на ихъ долю счастьемъ: избіеніемъ галицкихъ бояръ они возбудили противъ себя эту сильную партію и сами были перевѣшаны. Всеволодъ Кіевскій приписалъ убійство своихъ братьевъ кознямъ Ростиславичей и изгналъ ихъ изъ приднѣпровской Руси: «братья моя, два князя, говорилъ онъ, повѣсили вы въ Галичѣ, яко злодѣя, и положили укоръ на всѣхъ, и нѣсть вамъ части въ Русской землѣ» [104]).

Ростиславичи, съ своей стороны, увидали въ этомъ дѣйствіи Всеволода нарушеніе условій крестнаго цѣлованія и составили союзъ съ цѣлью наказать его. Въ этомъ союзѣ кромѣ Рюрика (который, впрочемъ, не принималъ личнаго участія въ походѣ, а отпустилъ сына, Владиміра) и его племянниковъ, Мстислава Романовича Смоленскаго, Мстислава Мстиславича Новгородскаго и Константина и Мстислава Давыдовичей, принялъ участіе и Ингварь Ярославичъ Луцкій (1212). Всеволодъ, на сторонѣ котораго стояли только братья, не удержавшись въ Кіевѣ, отступилъ къ Чернигову, куда за нимъ послѣдовали и союзники. Во время осады этого города Всеволодъ умеръ, а союзники заключили миръ и цѣловали крестъ съ его братомъ, Глѣбомъ.

104) Троицк. подъ 1214 г. Въ это же время, надо думать, былъ изгнанъ и Рюрикъ изъ Чернигова: во время войны Ростиславичей со Всеволодомъ въ Черниговѣ сидѣлъ уже не онъ, а братъ Всеволода, Глѣбъ Святославичъ. Ипат. 1212 г.

Условія этого крестнаго цѣлованія не сохранились, но есть основаніе думать, что Рюрикъ снова получилъ Черниговскій столъ, ибо онъ умеръ въ 1215 г., «княжа въ Черниговѣ», а нѣсколько позднѣе (1218) тамъ же умираетъ и сынъ его, Ростиславъ. Возвратившись въ Кіевъ, союзники порядились о волостяхъ правой стороны Днѣпра. Судя потому, что сперва въ Кіевѣ сѣлъ Ингварь, а Мстиславъ Романовичъ въ Вышгородѣ, а вскорѣ за тѣмъ (въ томъ же 1212 г.) союзники дали Кіевъ Мстиславу Вышгородскому, а Ингварь удалился въ свой Луцкъ, надо думать, что соглашеніе по вопросу о распредѣленіи волостей было достигнуто не легко и не съ разу.

Съ этого новаго замиренія и до 1230 г. мы не встрѣчаемъ сколько нибудь замѣчательныхъ случаевъ розни князей, занимавшихъ волости Черниговскія, Кіевскія и Смоленскія; а наоборотъ встрѣчаемся съ случаями совокупнаго ихъ дѣйствія [105]). Остановимся на самомъ крупномъ примѣрѣ такого дѣйствія, на походѣ противъ Татаръ 1223 г., въ которомъ приняли участіе не только князья помянутыхъ волостей, но и Волынскіе и Галицкіе. Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ это соединеніе князей: «Бывшу же совѣту всѣхъ князей во градѣ Кіевѣ, сотвориша сице совѣтъ: «лучше бы намъ срѣсти ихъ (Татаръ) на чужой землѣ, нежели на своей», и начаша вои строити кійждо свою власть. Тогда бѣ въ Кіевѣ князь Мстиславъ, сынъ Романовъ, а въ Черниговѣ Мстиславъ Святославичъ Козельскій (должно быть съ 1218 г., послѣ смерти Ростислава Рюриковича), а въ Галичѣ Мстиславъ Мстиславичъ, ти бо бяху старѣйшины въ Русской земли; князя же великаго Юрья Всеволодича Суздальскаго въ томъ совѣтѣ не было. Съ ними же князи молодіи: князь Данило Романовичъ, князь Михайло Всеволодичъ Черниговскій и иніи князи мнози. И совокупиша землю Русскую всю противу Татаромъ, и пріидоша къ рѣцѣ Днѣпру».... Сказавъ о предложеніи, сдѣланномъ князьямъ татарскими послами, лѣтописецъ такъ продолжаетъ: «Князи же Русстіи того не послушаше, но и послы Татарскіе избиша, а сами поидоша про-

[105]) См. Воскр. 1215 г., 1219 г., 1220 г., Ипат. 1228 г.

тиву, и не дошедше Ошелья сташа на Днѣпрѣ. И пріиде же ту вся земля Половецкая и вси князи (на помощь къ Русскимъ князьямъ), а изъ Кіева князь Мстиславъ со всею силою, а Володимеръ Рюриковичъ со Смолняны, и вси князи Русстіи, и вси князи Черниговстіи, и Смолняне и иніи страны..... Слышавъ же то (дѣло идетъ объ обращеніи въ бѣгство татарскихъ аванпостовъ Мстиславомъ Галицкимъ) князи Русстіи поидоша всѣ вкупѣ за Днѣпръ, а Галичане и Волынци кійждо съ своими князи, а Куряне и Трубчане и Путивльци — кійждо съ своими князи»......

Мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что князья, собравшіеся на Калкѣ, были всѣ соединены между собой общимъ оборонительнымъ договоромъ; но не можетъ подлежать сомнѣнію, что они соединились не въ силу государственнаго устройства, которое дѣлало бы для нихъ соединеніе обязательнымъ, а въ силу общности угрожавшей имъ всѣмъ — опасности, при чемъ предварительнаго договора могло и не быть. Тотъ или другой князь имѣлъ полное право и не принять участія въ походѣ противъ Татаръ, кромѣ того случая, когда онъ ограничилъ свое право самоопредѣленія — предварительнымъ договоромъ. Такъ Рязанскіе князья вовсе не участвовали; а Юрій Всеволодичъ Владимірскій оказалъ южнымъ князьямъ самое ничтожное пособіе: онъ отпустилъ къ нимъ въ помощь одного племянника, Василька Константиновича, который достигъ Чернигова уже послѣ пораженія Русскихъ князей на Калкѣ. Безучастіе сѣверныхъ князей къ опасности, угрожавшей южнымъ, могло быть великой ошибкой съ точки зрѣнія политики, но съ точки зрѣнія права они не подлежатъ упреку, ибо мы не имѣемъ основанія думать, что въ это время между ними и южными князьями существовалъ общій оборонительный союзъ.—Нѣсколько позднѣе (1238 г.), когда опасность приблизилась къ сѣверу, и Татары начали уже воевать Рязанскую волость, Рязанскіе князья отправили посольство къ Юрію Владимірскому съ просьбою: придти къ нимъ самому, или прислать помощь. «Князь же Юрьи, говоритъ лѣтописецъ, и самъ не иде, ни послуша князей Рязан-

скихъ мольбы (т. е. ни самъ не пошелъ, ни помощи не прислалъ); но хотѣ самъ особь сотворити брань»[106]). Въ параллель къ этому мѣсту, ясно выставляющему «особность» каждой отдѣльной волости, приведемъ еще одно. Описавъ пораженіе Русскихъ князей на Калкѣ, лѣтописецъ въ такихъ словахъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу избавленія отъ опасности Василька Константиновича, не поспѣвшаго къ бою, какъ мы уже замѣтили: «Се же слышавъ Василько приключившееся въ Руси, возвратися отъ Чернигова, сохраненъ Богомъ и силою креста честнаго и молитвою отца своего, Константина, и стрыя своего, Юрія, и вниде въ свой Ростовъ, славя Бога и Святую Богородицу». Можно подумать, что Василько возвратился съ побѣды; радость по поводу собственнаго избавленія отъ опасности не оставила въ его сердцѣ мѣста для скорби о бѣдствіи, постигшемъ южную Русь. Это понятно. У Василька своя волость—Ростовъ, она осталась цѣла, и Ростовцы, ходившіе съ нимъ къ Чернигову, возвратились также цѣлыми и невредимыми; волости же приднѣпровскія были Васильку не свои, а чужія.—Россія не составляла еще одного политическаго тѣла, а потому боль, причиненная югу, не отзывалась болѣзненно на сѣверѣ[107]).

Переходимъ къ отношеніямъ сѣверныхъ князей. По смерти Всеволода между его сыновьями обнаружилась такая же рознь, какую мы не разъ наблюдали между князьями-родными братьями въ остальной Россіи и жертвою которой въ ранней юности былъ самъ Всеволодъ.—Желая порядить своихъ сыновей еще при жизни, Всеволодъ назначилъ старшему, Константину,

[106]) Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, на Юрія можетъ пасть и упрекъ въ нарушеніи договорнаго права. Въ 1212 г., освобождая Рязанскихъ князей изъ заключенія, онъ утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ. Самая крестная грамота не дошла до насъ, но нѣтъ основанія думать, что она составляла исключеніе и не содержала въ себѣ ряда о единеніи противъ враговъ; это послѣднее условіе было особенно необходимо для Юрія въ виду той опасности, которая угрожала ему со стороны его старшаго брата, Константина. Если договоръ 1212 г. не былъ нарушенъ Рязанскими князьями во время борьбы Юрія съ его старшимъ братомъ, въ такомъ случаѣ упрекъ въ нарушеніи договорнаго права долженъ пасть на самого Юрія.

[107]) Лавр. 1223 г. Приведемъ еще одно мѣсто съ тѣмъ же характеромъ, въ Ипат. лѣт. подъ 1241 г. Даніилъ такъ говоритъ Мазовецкому князю Болеславу о Болоховскихъ князьяхъ:« не суть вои твои, но суть особвіи князи».

Владиміръ, Юрію—Ростовъ, Ярославу—Переяславль и Владиміру—Юрьевъ. Старшій сынъ не хотѣлъ подчиниться такому распоряженію. Посадничая въ Ростовѣ, онъ проникся Ростовскими воззрѣніями на отношенія этого старшаго города къ его пригороду, Владиміру, и заявилъ притязаніе получить по смерти отца—«Владиміръ къ Ростову» [108]). Чтобы наказать ослушнаго сына, Всеволодъ назначилъ Владиміръ Юрію, а Ростовъ—Константину. Константинъ не былъ этимъ удовлетворенъ и началъ собирать войско на Юрія, едва получилъ вѣсть о смерти отца. Противъ Юрія былъ не одинъ только старшій братъ, Константинъ; на него возстали въ то же время и два младшихъ, Владиміръ и Святославъ, поспѣшившіе соединиться съ Ростовскимъ княземъ [109]). Юрій, съ своей стороны, заключилъ оборонительный противъ нихъ союзъ съ братомъ Ярославомъ, Переяславскимъ княземъ [110]). Открытые Юріемъ мирные переговоры не уладили дѣла и противники сошлись у Ростова. Битва кончилась миромъ и крестнымъ цѣлованіемъ, по которому Константинъ принужденъ былъ по прежнему довольствоваться Ростовомъ; по этому же миру, надо думать, Святославъ получилъ отъ Юрія—Юрьевъ Польскій [111]). Но Константинъ не долго оставался вѣренъ заключенному договору; въ слѣдующемъ году онъ нарушилъ миръ нападеніемъ на Соль Великую и Кострому, принадлежавшія къ волости Юрія, и на Пѣрехту, принадлежавшую къ волости Ярослава. Въ эту вторую войну силы Константина были еще слабѣе чѣмъ въ первую: изъ прежнихъ его союзниковъ на его сторонѣ оставался только одинъ, Владиміръ; меж-

[108]) Воскр. 1211 г. [109]) Суэд. 1213 г.

[110]) Суэд. 1213 г; въ Воскр. лѣт. подъ 1216 г. Юрій говоритъ о Ярославѣ:« єдинъ есмь братъ со Ярославомъ». Союзъ Юрія съ Ярославомъ нарушился только одной непродолжительной размолвкой въ 1229 г. Вотъ какъ описываетъ эту размолвку и новое замиреніе Воскр. лѣт.: «Ярославъ Всеволодичь, слушгя нѣкіихъ льсти и отлучи отъ Юрія Константиновичи три: Василька, Всеволода, Володимера; и мысляшетъ противитися Юрью, брату своему. Но не попусти Богъ злу быти. Слышавъ бо то князь Юрьи, и призва ихъ на снемь и исправиша вс любье между собою, и поклонишася Юрью вси и цѣловаша къ нему крестъ на всей любви».

[111]) Ср. Суэд. и Воскр., въ которыхъ эти событія изложены несовершенно одинаково.—Съ этого замиренія Юрія со Святославомъ они постоянно въ единеніи. См. Воскр. 1220 г., 1228 г.

ду тѣмъ какъ его противники усилились помощью Давыда Муромскаго. Этимъ превосходствомъ силъ партіи Юрія надо объяснять то, что на этотъ разъ дѣло обошлось безъ битвы. Противники заключили миръ, который былъ для Константина еще менѣе выгоденъ, чѣмъ предшествовавшій: онъ долженъ былъ отказаться отъ своего единственнаго союзника, Владиміра, и помогать Юрію въ войнѣ съ нимъ. Вскорѣ за тѣмъ Юрій уладился и съ Владиміромъ (1214 г.).

Вслѣдъ за этимъ замиреніемъ Всеволодичей, мы встрѣчаемся съ ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ. Переяславскій князь, Ярославъ, призванный на столъ въ Новгородъ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе Новгородцевъ, а вскорѣ за тѣмъ и войну ихъ новаго князя, Мстислава Мстиславича (1215 г.). Въ началѣ этой войны на сторонѣ Ярослава стоятъ его родные братья: Константинъ, Юрій и Святославъ.

Но единеніе Всеволодичей продолжалось не долго. Константинъ захотѣлъ воспользоваться войною Мстислава съ Ярославомъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, въ преслѣдованіи которыхъ онъ терпѣлъ до сихъ поръ однѣ неудачи: онъ выступилъ изъ союза съ братьями и перешелъ на сторону ихъ противниковъ (1216 г.). Это соединеніе Ростовскаго князя съ Мстиславомъ Новогородскимъ измѣнило и самый характеръ войны, имѣвшей своей первоначальной цѣлью исключительно новгородскіе интересы. Вотъ какъ опредѣляютъ новую цѣль войны Мстиславъ и его союзники въ послѣднемъ мирномъ предложеніи, сдѣланномъ ими Юрію и Ярославу передъ Липецкой битвой: «мы пришли не на пролитіе крови, но управится межи себѣ; едино бо есмя племя, и дати старѣйшинство большему брату. Константину, да посадити и́ въ Володимери, а вамъ Суздальская земля вся». На это Юрій далъ такой отвѣтъ: «рци братѣ моей, князьямъ Мстиславу и Володимеру, да аще отецъ нашъ съ Константиномъ не управилъ, то вы ли хощете насъ съ нимъ умирити? но пондете на не же есте пришли. А брату нашему Константину тако рци: егда одолѣешь намъ, тогда тебѣ вся земля». Миръ не состоялся и противники сразились на Липецкомъ по-

*

лѣ.—На этотъ разъ сила и счастье были на сторонѣ Константина; Юрій и Ярославъ потерпѣли пораженіе и принуждены были заключить миръ на условіяхъ, предложенныхъ побѣдителями: Юрій отказался отъ Владиміра и долженъ былъ ограничиться Радиловымъ городкомъ. Нѣсколько позднѣе (1217 г.) Константинъ вступилъ съ нимъ въ новое соглашеніе: онъ назначилъ Юрію по животѣ своемъ Владиміръ, а при жизни—Суздаль. Лѣтописецъ не объясняетъ мотивовъ этого послѣдняго соглашенія, но они понятны: чтобы примириться съ Юріемъ прочнымъ образомъ, необходимо было поставить его въ такое положеніе, которымъ онъ могъ быть доволенъ; иначе онъ поспѣшилъ бы воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы выступить изъ невыгоднаго для него крестнаго цѣлованія.

Съ этого замиренія мы не встрѣчаемъ болѣе розни между сыновьями Всеволода. Но рознь возобновилась между послѣднимъ изъ нихъ, Святославомъ, пережившимъ всѣхъ своихъ братьевъ, и его родными племянниками, сыновьями Ярослава. Есть основаніе думать, что Владимірскій князь, Ярославъ (съ 1238 г. по смерти Юрія), послѣдовалъ примѣру старшаго брата, Константина, и еще при жизни порядился на случай своей смерти съ младшимъ братомъ, Святославомъ: Святославъ долженъ былъ получить по этому ряду Владиміръ, другіе же города были распредѣлены между сыновьями Ярослава [112]). Лѣтописецъ, приведя извѣстіе о смерти Ярослава, говоритъ: «Святославъ Всеволодичъ сѣдѣ на столѣ въ Володимери, а сыновци посадиша по городамъ, якоже и́ братъ его уряди, Ярославъ». Итакъ, Святославъ привелъ въ исполненіе рядъ своего брата. Но Ярославъ, распредѣляя города, не могъ, конечно, забыть Владиміра. Святославъ сѣлъ самъ въ Володимери, по этимъ рядъ его брата не былъ нарушенъ, иначе лѣтописецъ не могъ бы сказать: «а сыновци посадиша по городамъ, якоже и́ братъ его уряди». Итакъ, необходимо допустить, что Святославъ получилъ Владиміръ по предварительному соглашенію съ Ярославомъ. — Но сыновья

112) А еще при жизни онъ получитъ отъ брата Ростовъ и Суздаль. Троицк. 1238 г.

Ярослава не долго оставались вѣрными послѣдней волѣ своего отца. Просидѣвъ во Владимірѣ «лѣто едино», Святославъ былъ изгнанъ племянникомъ своимъ, Андреемъ, которому помогалъ родной братъ его, Михаилъ (1246 г.)[113]. Андрей сѣлъ въ Володимери, а что получилъ Михаилъ за свое содѣйствіе, мы не знаемъ.

Возвращаемся къ событіямъ южной Руси. Кіевскій князь, Мстиславъ Романовичъ, и Черниговскій, Мстиславъ Святославичъ, были убиты въ сраженіи на Калкѣ; послѣ ихъ смерти Кіевскій столъ занялъ Владиміръ Рюриковичъ, а Черниговскій— Михаилъ Всеволодичъ. Это измѣненіе въ лицахъ правителей двухъ главнѣйшихъ волостей — не измѣнило дружественныхъ отношеній, установившихся съ 1212 г. между князьями приднѣпровской Руси. — Подъ 1226 г. встрѣчаемъ извѣстіе о розни Олега Курскаго съ Михаиломъ Черниговскимъ, пригласившимъ къ себѣ въ помощь Юрія Владимірскаго; но рознь эта уладилась въ томъ же году, благодаря дружественному посредничеству Владиміра Кіевскаго, отправившаго въ Черниговъ митрополита Кирила съ цѣлью примиренія братіи[114]. Въ 1228 г. мы снова встрѣчаемся съ совокупнымъ дѣйствіемъ приднѣпровскихъ князей въ походѣ ихъ на Даніила Романовича. Этотъ походъ былъ возбужденъ Владиміромъ Рюриковичемъ, котораго подстрекалъ къ тому Ростиславъ Пинскій; впрочемъ, у Владиміра была при этомъ и своя личная цѣль: онъ хотѣлъ отомстить насиліе, причиненное его отцу Романомъ Галицкимъ, на сынѣ послѣдняго, Даніилѣ. Кромѣ Владиміра Кіевскаго и Ростислава Пинскаго въ походѣ приняли участіе Михаилъ Черниговскій, Олегъ Курскій и многіе другіе князья, именъ которыхъ лѣтописецъ не приводитъ. — Для отраженія приднѣпровскихъ князей Даніилъ соединился съ роднымъ братомъ, Василькомъ, неизмѣннымъ его союзникомъ въ злѣ и добрѣ, и двоюроднымъ, Александромъ, сыномъ Всеволода Мстиславича Бѣльскаго. Эта война кончилась миромъ въ томъ же 1228 г.[115].—Въ 1230 г. во время розни Ярослава Всеволодича Переяславскаго съ Михаиломъ Всеволодичемъ Черниговскимъ, нарушившимъ крестное

[113]) Новгор. IV и Воскр. 1247 г. [114]) Лавр. 1226 г. [115]) Ипат.

цѣлованіе къ Ярославу, Владиміръ Рюриковичъ снова оказалъ дружественную услугу своему сосѣду: онъ взялъ на себя посредничество въ дѣлѣ примиренія Михаила съ Переяславскимъ княземъ, отправивъ къ послѣднему митрополита Кирила, которому и удалось свести въ любовь враждовавшихъ князей [116]).

Единеніе приднѣпровскихъ князей, какъ мы уже выше замѣтили, продолжалось до 1230 г. Подъ этимъ годомъ находимъ извѣстіе о походѣ Михаила Черниговскаго на Владиміра Кіевскаго, причины котораго неизвѣстны. Владиміръ обратился за помощью къ новому своему союзнику (по миру 1228 г.), Даніилу, и при его содѣйствіи успѣлъ заключить миръ съ Черниговскимъ княземъ. Даніилъ за свою услугу получилъ часть въ Русской землѣ [117]). Эта рознь была только началомъ продолжительной распри южныхъ князей, пережившей и Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго. Начавшись между двумя послѣдними, она распространилась на Волынскую и Галицкую волости, князья которыхъ находились въ союзѣ съ Кіевскимъ княземъ. Мы не будемъ излагать всѣхъ событій этой розни, остановимся только на одномъ ея эпизодѣ. Въ 1235 г. Михаилу Черниговскому въ союзѣ съ племянникомъ противника своего Владиміра Кіевскаго, Изяславомъ Мстиславичемъ, и Половцами удалось одержать побѣду надъ Кіевскимъ княземъ, при чемъ послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ Половцами, а Кіевъ достался въ руки побѣдителямъ. Михаилъ посадилъ въ Кіевѣ своего союзника, Изяслава, а самъ отправился преслѣдовать Даніила Галицкаго, помогавшаго Владиміру. Даніилъ, придя къ Галичу, убѣдился, что Галичане «зло усовѣтоваша на нь», и бѣжалъ въ Угры; а Михаилъ занялъ Галицкій столъ. Этою рознью южныхъ князей захотѣлъ воспользоваться Ярославъ Всеволодичъ Переяславскій, чтобы овладѣть Кіевомъ. Ему удалось прогнать Изяслава, но онъ не успѣлъ утвердить свою власть соглашеніями съ другими князьями, а потому и не удержался въ Кіевѣ. Владиміръ Рюриковичъ, возвратившійся изъ плѣна, изгналъ его въ 1236 г. и самъ въ свою очередь былъ изгнанъ Михаиломъ Черниговскимъ [117*]).

116) Лавр. 1230 г. 117) Ипат. 1231 г.

117*) Для полноты считаемъ необходимымъ указать мѣста, характеризующія

Періодъ VIII, отъ 1252 до 1276 года.

Татарское владычество, охватившее въ теченіи предшествовавшаго періода почти всю древнюю Русь, внесло нѣкоторыя новыя начала въ нашъ государственный бытъ. Но господство этихъ началъ ограничивалось единственно отношеніями князей къ Ордынскимъ царямъ и вовсе не касалось взаимныхъ отношеній князей другъ къ другу, которыя продолжали опредѣляться договорами. Не считая поэтому необходимымъ посвящать отдѣльное изслѣдованіе особенностямъ этого временнаго иноземнаго владычества, мы ограничимся здѣсь краткимъ указаніемъ на его отличительныя черты.

Отношенія князей къ Ордынскимъ царямъ не были договорныя; они сложились подъ вліяніемъ завоеванія и поддерживались преобладающею силой Татаръ. Завоеваніе сдѣлало Русскую землю собственностью Ордынскаго царя, его улусомъ. «Не подобаетъ вамъ, говорили Татары Черниговскому князю, жити на землѣ Батыевѣ и Кановѣ, не поклонившеся има». Иванъ Дмитріевичъ, бояринъ вел. кн. Василія Васильевича, такъ говорилъ царю Махмету: «нашъ государь, вел. кн. Василій, ищетъ стола своего, великаго княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью» и т. д.—Русскіе князья, не имѣя возможности сопротивляться Татарамъ, стали въ безусловную зависимость отъ ихъ хана, воля котораго сдѣлалась для нихъ закономъ. Въ договорѣ вел. кн. Московскаго, Дмитрія Ивановича, съ вел. кн. Литовскимъ, Ольгердомъ, читаемъ: «А что пошли въ Орду ко царю люди

отношенія князей: Даніила Романовича къ его родному брату, Васильку, съ которымъ онъ находился въ постоянномъ единеніи: Ипат. 1221 г., 1227 г., 1229 г., 1231 г., 1234 г., отъ 1243 г. до 1248 г., 1251 г., 1252 г., Даніила Романовича къ его двоюродному брату, Александру Всеволодичу, съ которымъ онъ былъ то въ мирѣ, то въ войнѣ: Ипат. 1208 г., 1211 г., 1221 г., 1225 г., 1231 г., 1234 г.; Рязанскихъ князей, среди которыхъ повторилась исторія Святополка Окаяннаго, Воскр. 1217 г. — Изложеніе событій отъ 1247 г. до 1252 г.: мы относимъ къ слѣдующему періоду, ибо со времени изгнанія Святослава Всеволодича изъ Владимира и до его смерти, этотъ послѣдній князь 9-го поколѣнія Рюриковичей вовсе не принималъ въ нихъ участія.

жаловатися на князя Михаила, а то есмы въ Божьи волѣ и во царевѣ, какъ повелитъ, такъ ны дѣяти».....[118]).

Такимъ образомъ, князья низошли на степень подчиненныхъ властей, поверхъ которыхъ образовалась высшая власть Ордынскаго царя. — Ордынскіе цари, имѣя свое пребываніе внѣ предѣловъ Россіи, мало вмѣшивались во внутреннее устройство Русскихъ княженій; ихъ дѣятельность по отношенію къ завоеванной землѣ ограничивалась слѣдующими тремя пунктами:

Во 1-хъ, они назначали князей въ Русскія волости и опредѣляли ихъ обязанности къ Ордѣ. Помимо признанія верховной власти Орды и исполненія всѣхъ ея повелѣній, обязанности князей заключались во взносѣ опредѣленной дани или выхода. Назначеніе князей совершалось посредствомъ выдачи ярлыка на извѣстное княженіе. Иногда отряжался особый чиновникъ для посаженія князя на столъ [118*]).

Во 2-хъ, для сбора своихъ даней цари назначали иногда, помимо князей, особыхъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ баскаковъ, которымъ и отдавались эти дани на откупъ. Области, отдаваемыя на откупъ, соединяли иногда въ своихъ предѣлахъ нѣсколько отдѣльныхъ княженій [119]).

Въ 3-хъ, царямъ принадлежало право суда и казни надъ князьями. Подсудность князей Ордынскимъ царямъ имѣла мѣсто: а) въ случаяхъ нарушенія князьями воли царей; такъ великій князь Тверскій, Михаилъ, былъ осужденъ за то, что «царевы дани не давалъ и противъ посла его бился»; б) въ случаяхъ споровъ между князьями, когда они сами обращались къ верховному суду Орды; такъ въ 1431 г. великій князь Московскій, Василій Васильевичъ, и дядя его, Юрій Дмитріевичъ, «спершися о великомъ княженіи», порѣшили отправиться въ Орду на судъ къ царю Махмету. Въ слѣдующемъ году этотъ судъ дѣйствительно состоялся, въ лѣтописи читаемъ: «Царь же повелѣ сво-

[118]) Для приведенныхъ мѣстъ см. Воскр. 1246 и 1432 г., и Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 31.

[118*]) Такъ напр. в. к. Московскій, Василій Дмитріевичъ, былъ посаженъ на столѣ отца своего царевымъ посломъ, Шихматомъ. Соф. I. 1389 г.

[119]) См. Воскр. 1283 г.

нымъ княземъ судити князей Русскихъ...». с) въ случаяхъ недовольства князей баскаками, жалобы на послѣднихъ также должны были приноситься въ Орду; чрезвычайно любопытное указаніе на это находимъ въ дѣлѣ Липецкаго князя, Святослава, съ Курскимъ баскакомъ Ахматомъ [194]); д) наконецъ, изъ приведеннаго выше мѣста договора великаго князя Московскаго съ великимъ княземъ Литовскимъ надо заключить, что всѣ недовольные княземъ могли подаватъ на него жалобы царямъ.

Такъ какъ владычество Татаръ условливалось ихъ преобладающей силой, то понятно, что всѣ изложенныя здѣсь положенія дѣйствовали только до тѣхъ поръ, пока продолжалось полное преобладаніе Орды надъ Русскими силами.

Послѣ этого отступленія переходимъ ко взаимнымъ отношеніямъ князей VIII періода. Въ теченіе этого періода встрѣчаемся съ слѣдующими князьями 10-го поколѣнія Рюриковичей: со внуками Всеволода Юрьевича Владимірскаго, Владиміромъ Константиновичемъ и Александромъ, Андреемъ, Ярославомъ и Василіемъ Ярославичами, и со внукомъ Святослава Всеволодича Черниговскаго, Андреемъ Всеволодичемъ, братомъ умершаго въ 1246 г. Михаила Черниговскаго. Кромѣ того въ это же время дѣйствуютъ выступившіе въ предшествовавшемъ періодѣ князья 11-го поколѣнія, Даніилъ Галицкій и Василько Волынскій, и выступаютъ вновь внуки Константина Владимірскаго, Борисъ, Глѣбъ, и Василій, сынъ Михаила Черниговскаго, Романъ Брянскій, и правнукъ Глѣба Рязанскаго, Олегъ Ингваревичъ. Изъ князей 12-го поколѣнія укажемъ на Глѣба Ростиславича Смоленскаго, внука Мстислава Давыдовича, и на сыновей Даніила Галицкаго, умершаго въ 1264 г.

Особность и неподчиненность князей другъ другу въ настоящемъ періодѣ ясно видна изъ отношеній ихъ къ Татарамъ. Каждый князь отъ своего имени сносится съ татарскими ханами и получаетъ отъ нихъ утвержденіе въ своей власти. Съ этою цѣлію князьями предпринимаются частыя путешествія въ

194) Для приведенныхъ мѣстъ см. Воскр. 1319 г., 1281 г., 1282 г., 1283 г., 1284 г. Ср. еще Воскр. 1293 г., 1304 г., Льв. 1326 г.

Орду. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Подъ 1244 г. читаемъ: «Князь Володимеръ Константиновичъ, Борисъ Васильковичъ и Василій Всеволодичъ (внуки Константина) поѣхаша въ Татары къ Батыеви про свою отчину. Батый же почтивъ я честью достойною и отпустивъ я, разсудилъ имъ, когождо въ свою отчину». Подъ 1249 г.: «Поѣха князь Глѣбъ Васильковичъ (третій внукъ Константина) въ Татары къ Сартаку, Сартакъ же почтивъ и́ и отпусти и̇ въ свою отчину». Подъ 1252 г. читаемъ: «Того же лѣта отпустиша Татарове Олега, князя Рязанскаго, въ свою землю». Подъ 1257 г.: «Поѣхаша князи въ Татары: Александръ, Андрей (Ярославичи), Борисъ. Чтивше Улавчія, пріѣхаша въ свою отчину». А подъ 1258 г.: «поидоша князи въ Татары: Александръ, Андрей, Борисъ, Ярославъ Тверской. Чтивше Улавчія и всѣ воеводы, отпущени быша въ свою отчину». Въ 1261 г. воевода татарскій, Бурундай, прислалъ сказать Даніилу и Васильку: «иже есте мои мирници, срѣтьте мя; а кто не срѣтить меня, тотъ ратный мнѣ». Василько самъ поѣхалъ, а Даніилъ послалъ «въ себе мѣсто» владыку Холмскаго, Ивана. Подъ 1274 г. читаемъ: «Меньгутимиръ же да ему (Льву Даниловичу) рать въ помочь и Ягурчина съ ними воеводу, и заднѣпровскіе князи всѣ да ему, Романа Брянскаго, Глѣба Смоленскаго и иныхъ князій много: тогда бо бяху вси князи въ воли татарской». И такъ, Татары разсматриваютъ князей, какъ отдѣльныхъ, независимыхъ одинъ отъ другаго правителей, и сносятся съ каждымъ изъ нихъ прямо, а не чрезъ посредство какого либо старшаго князя, которому были бы подчинены всѣ остальные[120]).

Это право непосредственныхъ сношеній съ Ордынскими ца-

[120]) Лавр. 1244 г., 1249 г., 1252 г., 1257 г., Ипат. 1261 г., 1274 г.. Ср. еще: Воскр. 1275 г., 1277 г., 1281 г., 1282 г., 1293 г., 1296 г., 1302 г.; Новгор. I. 1324 г. и пр.— Въ Воскр. лѣт. подъ 1341 г., находимъ такое мѣсто: «Тое же осени выиде изъ Орды на великое княженіе К. Семенъ Ивановичъ, а съ нимъ братія его, Іоанъ и Андрей, и всѣ князи Рускіи подъ руцѣ его даны...» По краткости этого извѣстія нельзя составить понятія о томъ, въ чемъ именно заключалось это подчиненіе Русскихъ князей в. к. Московскому; всѣ же другія извѣстія какъ лѣтописныя, такъ и тѣ, которыя находимъ въ княжескихъ договорахъ, говорятъ только о договорномъ характерѣ княжескихъ отношеній.—Ср. еще Лавр. 1243 и 1249 г.

рями ограничивалось только въ силу договора. Выше уже было замѣчено, что цари раздавали Русскія княженія по своему усмотрѣнію; понятно, какъ высоко должны были цѣнить князья личное расположеніе къ нимъ хана и какъ они дорожили прямыми сношеніями съ нимъ, безъ которыхъ не было возможности снискать его милость и жалованье. Вмѣстѣ съ этимъ также понятно, что эта возможность заключала въ себѣ угрозу для всякого втораго князя, на владѣнія котораго могъ быть выпрошенъ въ Ордѣ ярлыкъ и татарская помощь для приведенія его въ исполненіе. Эта опасность вызвала у нѣкоторыхъ князей естественное стремленіе къ устраненію своихъ болѣе слабыхъ союзниковъ отъ непосредственныхъ сношеній съ Ордой. Согласно съ этимъ стремленіемъ въ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ позднѣйшаго времени не рѣдко встрѣчаемъ условіе, въ силу котораго одна изъ договаривающихся сторонъ обязывается «не знать Орды ни которыми дѣлы» [120*]).

Случаи княжеской розни въ настоящемъ періодѣ довольно рѣдки и можетъ быть потому, что вниманіе князей слишкомъ было развлечено Татарами, а одинаково всѣмъ угрожавшая опасность поддерживала болѣе мирное настроеніе духа. Но совершенно безъ розни не обошлось и теперь; въ примѣръ остановимся на распрѣ сыновей Ярослава Всеволодича, Андрея и Александра, къ рѣшенію которой были примѣнены новыя условія, въ которыхъ находилась тогда Россія, именно—содѣйствіе Татаръ. Выше мы уже сказали, что по изгнаніи Святослава Всеволодича Владимірскій столъ занялъ племянникъ его, Андрей; нѣсколько позднѣе (1249) онъ получилъ и утвержденіе Татаръ. Такой успѣхъ возбудилъ зависть старшаго брата Андреева, Александра. Въ 1252 г. онъ отправился въ Орду и испросилъ себѣ не только Владимірское княженіе подъ братомъ, но и помощь татарскую для его изгнанія. Андрей думалъ было сопротивляться, но потерпѣлъ пораженіе отъ татарскихъ полчищъ, приведенныхъ Неврюемъ, и бѣжалъ, а Александръ занялъ Владимірскій столъ. Вскорѣ послѣ этого Андрей воз-

[120*]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 49. Ср. еще тамъ же №№ 15, 32, 106, 127 и др.

вратился и примирился съ старшимъ братомъ: по этому миру а изгнанный Владимірскій князь получилъ Суздаль, а съ своей стороны, надо думать, отказался отъ Владиміра [120**]).

Періодъ IX, отъ 1276 до 1318 г.

Въ теченіе этого послѣдняго періода, подлежащаго нашему разсмотрѣнію, Русскія волости были раздѣлены между слѣдующими князьями 11-го поколѣнія Рюриковичей: внукомъ Константина Всеволодича, Романомъ Владиміровичемъ; внуками Ярослава Всеволодича, Дмитріемъ, Андремъ и Даніиломъ Александровичами, Юріемъ Андреевичемъ, Святославомъ и Михаиломъ Ярославичами и Давыдомъ Константиновичемъ. Въ это же время дѣйствуютъ князья 12-го поколѣнія: правнуки Константина, Дмитрій и Константинъ Борисовичи, и правнуки брата его, Ярослава, Иванъ Дмитріевичъ и Юрій, Александръ и Борисъ Даниловичи, правнуки Давыда Ростиславича, Михаилъ Смоленскій и Θедоръ Можайскій, братья умершаго въ 1277 г. Глѣба Ростиславича Смоленскаго; и выступившіе еще въ предшествовавшемъ періодѣ сыновья Даніила Галицкаго, Шварнъ, Левъ и Мстиславъ, и сынъ Василька Владимірскаго, Владиміръ. Изъ князей 13-го поколѣнія укажемъ на Θедора и Константина Романовичей, внуковъ Олега Рязанскаго.

Какъ въ предшествовавшихъ періодахъ, такъ и въ этомъ, вниманіе дошедшихъ до насъ лѣтописцевъ останавливается далеко не въ одинаковой мѣрѣ на всѣхъ волостяхъ: прежде сосредоточивалось оно главнымъ образомъ на Кіевѣ, теперь сосредотовочивается на Владимірѣ сѣверномъ.

По смерти послѣдняго князя въ 10-мъ поколѣніи, Василія Ярославича, Владимірскій столъ занялъ одинъ изъ племянниковъ его, старшій сынъ Александра Невскаго, Дмитрій (1276). Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своего княженія Дмитрій былъ

[120**]) Лавр., Львв., Густ. и Воскр. подъ 1252 г., Истор. С. М. Соловьева Т. 3, ст. 194.—Для исторіи отношеній Даніила и Василька и ихъ преемниковъ къ Литовскимъ князьямъ см. Ипат. 1253 г., 1255 г., 1258 г., 1262 г., 1264 г., 1268 г., 1274 г., 1276 г.

«въ любви» съ младшими братьями и въ союзѣ съ ними предпринималъ походъ на Новгородъ (1280). Но въ 1281 г. любовь рушилась и союзники превратились во враговъ. Андрей Александровичъ испросилъ себѣ въ Ордѣ великое княженіе подъ братомъ и два раза навелъ на Русь татарскія полчища, прогоняя его изъ Владиміра. Въ то же самое время (1282) на Дмитрія поднялся и другой его братъ, Даніилъ Московскій, въ союзѣ со Святославомъ Ярославичемъ Тверскимъ. На встрѣчу къ нимъ Дмитрій выступилъ изъ Переяславля со всѣми своими силами и сталъ въ Дмитровѣ. Противники его остановились, не дойдя до Дмитрова за 5-ть верстъ, и открыли мирные переговоры. Дѣло уладилось безъ битвы, и князья заключили миръ [121]. Въ слѣдующемъ году (1283) Дмитрій примирился и съ Андреемъ, при чемъ удержалъ за собою какъ Владимірскій, такъ и Новгородскій столъ. Въ 1284 г. мы встрѣчаемъ Дмитрія и Андрея въ совокупномъ походѣ на Новгородъ [122]). Это новое единеніе Димитрія съ братьями продолжалось до 1293 г., когда Андрей отправился въ Орду «съ иными князи Русскими жаловаться царю на брата своего, на великаго князя Дмитрія Александровича». Царь внялъ жалобѣ и отпустилъ брата, Дедюню, со множествомъ рати на великаго князя Дмитрія. Такимъ образомъ, сѣверовосточная Русь была въ третій разъ опустошена Татарами по милости Андрея. Дмитрій, оставленный безъ союзниковъ, не могъ сопротивляться и бѣжалъ во Псковъ. По удаленіи Татаръ онъ задумалъ возвратиться въ свою волость и выѣхалъ изъ Пскова по направленію къ Твери; чтобы перехватить его на дорогѣ, Андрей засѣлъ въ Торжкѣ. Узнавъ объ этомъ, Дмитрій отправилъ къ нему посольство съ поклономъ и просьбою о мирѣ. Андрей согласился и миръ былъ заключенъ. Условія его не сохранились; судя по бѣдственному положенію Дмитрія миръ легко могъ быть заключенъ на всей волѣ его противниковъ. Въ слѣдующемъ году Дмитрій умеръ.

Со смертью Дмитрія не уничтожились, однако, всѣ поводы

[121]) Воскр. 1282 г. и Новгород. I. 1283 г. Въ 1287 г. война возобновилась съ Тверскимъ княземъ, Михаиломъ, но кончилась миромъ въ томъ же году.

[122]) Любопытенъ поводъ къ этой войнѣ съ Новгородомъ, См. Новг. I. 1284 г.

къ розни между сыновьями Александра. Владимірскій столъ занялъ Андрей, но онъ не былъ этимъ вполнѣ удовлетворенъ и хотѣлъ къ Владиміру получить еще Переяславль, гдѣ сѣлъ сынъ Дмитрія, Иванъ. На сторонѣ Ивана стали Даніилъ Московскій и Михаилъ Тверскій; на сторонѣ Андрея — Ѳедоръ Ростиславичъ Можайскій и Константинъ Борисовичъ Ростовскій. Посредничеству владыкъ, Семена и Измаилы, удалось предупредить кровопролитіе и свести князей въ любовь (1296). Но въ томъ же году Андрей выступилъ изъ крестнаго цѣлованія и задумалъ разомъ ударить на Переяславль, Москву и Тверь. Михаилъ Тверскій и Даніилъ Московскій поспѣшили собрать свои войска и отрѣзать Владимірскому князю путь къ Переяславлю, Иванъ Дмитріевичъ отправился между тѣмъ въ Орду, поручивши своимъ союзникамъ блюсти его отчину. Они дѣйствительно отстояли Переяславль отъ Андрея и принудили его къ миру, по которому Переяславль остался за Иваномъ [123]). Въ 1302 г. Иванъ умеръ, отказавъ свою отчину Даніилу Московскому. Андрей воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать новую попытку овладѣть Переяславлемъ. Она была также неудачна, какъ предшествовавшія: Даніилъ выгналъ изъ Переяславля намѣстниковъ Андреевыхъ и посадилъ своихъ.

По смерти Андрея (1304) возникла новая распря изъ-за обладанія великимъ княженіемъ Владимірскимъ между Тверскимъ княземъ, Михаиломъ Ярославичемъ, и племянникомъ его, Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ, на сторонѣ котораго стояли и родные братья его, Александръ, Борисъ и Аѳанасій. Въ Ордѣ споръ князей былъ рѣшенъ въ пользу Михаила. Возвратившись въ Русскую землю, новый Владимірскій князь выступилъ къ Москвѣ на Даниловичей, съ цѣлью уладиться съ ними «любо миромъ, любо ратью», говоря древнимъ выраженіемъ. Дѣло до

[123]) Воскр. 1296 г. Соф. I. и Новгор. IV. 1298 г.—Объ отношеніяхъ Ивана Переяславскаго къ Константину Ростовскому находимъ слѣдующее краткое извѣстіе въ Троицк. л. подъ 1301 г.: «заратися Иванъ князь да Костянтинъ; смири ихъ владыка Семенъ».—Около того же времени находимъ извѣстіе о войнѣ Даніила Московскаго съ Константиномъ Рязанскимъ, который былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Москву, Воскр. 1301 г. Пять лѣтъ спустя Константинъ былъ убитъ по приказанію Юрія Даниловича.

войны не дошло, Даниловичи примирились съ Михаиломъ (1305) [124].

Единеніе сыновей Даніила продолжалось также не долго, какъ и единеніе сыновей Ярослава Всеволодича и Александра Невскаго. Въ 1305 г., какъ мы замѣтили, Даниловичи стояли за одинъ противъ Михаила Ярославича; а въ 1306 двое изъ нихъ, Александръ и Борисъ, отдѣлились отъ старшаго брата, Юрія, и пристали къ недавнему общему врагу, Владимірскому князю. Вскорѣ за этимъ былъ нарушенъ и миръ Юрія съ Михаиломъ. Владимірскій князь, занимавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и Новгородскій столъ, не поладилъ съ Новгородцами и вынудилъ ихъ обратиться къ Юрію. Это повело къ столкновенію Юрія съ Михаиломъ, который не хотѣлъ отказаться отъ Новгорода (1314). Въ этой новой розни каждый изъ противниковъ пользовался помощью Татаръ, но окончательный успѣхъ выпалъ на долю Юрія: онъ не только выхлопоталъ себѣ Владимірскій столъ подъ Михаиломъ, но и совершенно избавился отъ своего соперника, убивъ его въ Ордѣ.

Такимъ образомъ, отношенія между князьями опредѣляются по прежнему «любо миромъ, любо ратью»: но нельзя не замѣтить нѣкоторой разницы въ средствахъ, къ которымъ князья прибѣгаютъ для разрѣшенія возникающей между ними розни. Хотя и прежде князья не рѣдко обращались за помощью къ Половцамъ, Ляхамъ,练Уграмъ и другимъ иноземцамъ, но первое мѣсто занимала помощь Русскихъ князей-единомышленниковъ, съ которыми заключались оборонительные союзы. Въ настоящемъ періодѣ союзы съ Русскими князьями отходятъ на второй планъ, на первое мѣсто выдвигается забота о привлеченіи на свою сторону Татаръ. Это понятно: силы Ордынскихъ царей на столько превосходили соединенныя силы той или другой части Русскихъ князей, что успѣхъ въ борьбѣ неминуемо долженъ былъ выпасть въ пользу того князя, который имѣлъ на своей сторонѣ покровительство Татаръ.

[124]) Воскр. и Соф. I.—Еще до этой розни съ Михаиломъ, Юрій съ братьями ходилъ войною на Можайскаго князя, Святослава, и взялъ его въ плѣнъ. Воскр. 1303 г.

Укажемъ еще одинъ примѣръ розни и мира между Ростовскими князьями, правнуками Константина Всеволодича. Подъ 1281 г. читаемъ: «Воздвиже дьяволъ вражду и крамолу межи братомъ Димитріемъ и Константиномъ Борисовичи. Князь Константинъ ѣде къ великому князю Димитрію Александровичу въ Володимерь; а Дмитрій Борисовичъ нача рать совокупляти въ Ростовѣ, блюдяся братьи, и городъ весь замяте. Се же увѣдавъ, князь великій ѣха въ Ростовъ и введе братію въ любовь» [125]).

Заключеніе.

Отношеніями князей 11-го и 12-го поколѣній мы заключаемъ нашъ историческій очеркъ. Отъ князей 13-го поколѣнія и послѣдующихъ мы имѣемъ полныя договорныя грамоты, опредѣляющія ихъ взаимныя отношенія; а потому необходимость въ болѣе или менѣе исчерпывающей исторіи княжескихъ отношеній не представляется для этого позднѣйшаго времени въ той же мѣрѣ настоятельной, какъ для времень предшествовавшихъ. Но для законченности изложенія мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько фактовъ и изъ этого послѣдняго времени, свидѣтельствующихъ о непрерывномъ господствѣ древняго начала княжескихъ отношеній: «миръ стоитъ до рати, а рать до мира».

Дмитрій Ивановичъ, Московскій князь, почти во все время своего княженія былъ въ единеніи съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ. Вскорѣ послѣ вступленія Дмитрія на Московскій столъ, оба князя заключили между собою дружественный договоръ, по которому обязались: «быти за одинъ и не канчивати» одному безъ вѣдома другаго [126]). Согласно этому, дружественные договоры съ Тверскимъ княземъ, Михаиломъ, и Рязанскимъ, Олегомъ, и

[125]) Воскр. 1281 г.—Для отношеній южныхъ князей Льва и Мстислава Даниловичей и Владиміра Васильковича см. Ипат. 1270 г., 1280 г., 1282 г., 1289 г.—Для отношеній Смоленскихъ князей см. Воскр. 1285 г., 1298 г., 1300 г.

[126]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 27.

перемиріе съ Литовскимъ княземъ, Ольгердомъ, и его союзникомъ, Смоленскимъ княземъ, Святославомъ, были заключены отъ имени обоихъ князей, Дмитрія и Владиміра [127]). Это единеніе Московскаго князя съ Серпуховскимъ нарушилось только одинъ разъ, въ 1388 г. Подъ этимъ годомъ лѣтописецъ повѣствуетъ: «Тогда же размирье бысть великому князю, Дмитрію Ивановичу, съ княземъ, Володимеромъ Андреевичемъ. И поимани быша бояре старѣйшіе княже Володиміровы и разведены вси розно по городамъ, и сидѣша вси въ нятіи у приставовъ». А въ началѣ слѣдующаго года читаемъ: «Марта 25, на Благовѣщеніе, князь великій, Дмитрій Ивановичъ, взя миръ и прощеніе и любовь съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ». По этому поводу была написана новая крестная грамота, которая начинается такими словами: «По благословенію и пр. Се язъ князь великій, Дмитрій Ивановичъ, пріялъ въ любовь брата своего молодшаго..... князя Владиміра Андреевича».... Судя по этому началу, исходъ размирья былъ далеко не въ пользу Серпуховскаго князя; надо думать, что онъ былъ принужденъ просить мира. Впрочемъ, въ другихъ своихъ частяхъ эта грамота мало чѣмъ отличается отъ предшествовавшей (№ 27) и также обоюдна, только обязанности Владиміра оттѣнены на этотъ разъ сильнѣе [128]).

Сынъ и преемникъ Дмитрія, Василій Дмитріевичъ, въ началѣ своего княженія былъ въ единеніи какъ съ своими родными братьями, такъ и дядею, Владиміромъ Андреевичемъ. О дружественномъ

[127]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 28, 31, 32.

[128]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 33. Приведемъ еще нѣкоторыя лѣтописныя свидѣтельства, относящіяся къ тому же времени. Въ IV Новгород. л. подъ 1355 г., находимъ такую похвалу только что умершему Суздальскому князю, Константину: «честно боронилъ отчину свою отъ сильнѣе себе князей». Въ Воскр. л. подъ 1365 г. читаемъ:« преставися к. Андрей Константиновичъ Нижняго Новгорода; и сѣде по немъ братъ его, Борисъ. Братъ же его старѣйшій к. Дмитрій пріиде къ Новугороду, хотя сѣсти на княженіи; к. же Борисъ не оступися ему. Онъ же иде къ Москвѣ къ в. к. Дмитрію Ивановичу просити на него помочи. К. в. Дмитрій Ивановичъ посла въ Новгородъ Нижній къ к. Борису игумена Сергія, зовучи его на Москву къ себѣ, да смиритъ его съ братомъ; онъ же не поѣде. К. же в. Дмитрій Ивановичъ дасть рать свою к. Дмитрію Константиновичу, и поиде на Новгородъ на брата своего, к. Бориса...» Ср. еще розно, обнаружившуюся на съѣздѣ князей во время обсужденія вопроса о встрѣчѣ Тохтамыша Воскр. 1382 г.

союзѣ Василія съ дядею, Владиміромъ, свидѣтельствуетъ договорная грамота, заключенная имъ въ самый годъ смерти Дмитрія. Изъ договорныхъ грамотъ Василія съ его родными братьями отъ того же времени до насъ дошла только одна грамота его съ Юріемъ отъ 1390 г. [129]); но что остальные братья Василія тѣмъ не менѣе находились съ нимъ въ единствѣ, это видно изъ того, что первыя грамоты, писанныя въ княженіе Василія Дмитріевича, писались не отъ имени одного Василія, но и отъ имени всѣхъ его братьевъ. Таковы двѣ дошедшія до насъ грамоты, одна отъ 1389 г. съ Владиміромъ Андреевичемъ, другая отъ 1402 г. съ Рязанскимъ княземъ, Ѳедоромъ [130]). Но только двое изъ братьевъ Василія, Андрей и Петръ, сохранили до конца дружественныя отношенія къ Московскому князю; Юрій же и Константинъ скоро нашли несовмѣстнымъ съ своими интересами единеніе съ старшимъ братомъ. Поводомъ къ розни было желаніе Василія передать по смерти своей все то, что онъ получилъ отъ отца и что самъ примыслилъ, сыну и укрѣпить свою волю согласіемъ братьевъ. Согласились на это только два брата, Андрей и Петръ, и вступили съ Василіемъ въ особый по этому случаю договоръ [131]). Юрій и Константинъ не согласились и не приняли участія въ договорѣ. Въ первой своей духовной грамотѣ, написанной еще въ 1406 г., Василій возлагаетъ заботу объ исполненіи своей воли на дядю, Владиміра Андреевича, и на братьевъ, Андрея и Петра: «по докончанію» [132]). Съ Юріемъ и Константиномъ, слѣдовательно, такого докончанія не состоялось. Съ Константиномъ дѣло дошло даже до открытой розни. Въ 1419 г. Василій отнялъ у него отчину «и бояръ его поималъ и села и животъ ихъ». Лѣтописецъ такъ объясняетъ причину этого «нелюбья». Василій желалъ привести Константина въ крестное цѣлованіе подъ сына своего, Василья, а онъ не восхотѣлъ сотворити воли его [133]). Лишенный волости, Константинъ удалился въ Новгородъ, гдѣ былъ при-

[129]) А. А. Э. Т. I. 10.

[130]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 35 и 36. Ср. еще А. А. Э. Т. I. № 14.

[131]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 37.

[133]) Воскр. и Новгород. I. 1419 г.

[132]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 39.

нятъ съ честію и посаженъ на пригороды, бывшіе за Лугвенемъ. Въ 1421 г. онъ снова пріѣхалъ въ Москву и, надо думать, примирился съ братомъ, уступивъ его волѣ: во второмъ духовномъ завѣщаніи отъ 1423 г. мы встрѣчаемъ его на ряду съ другими лицами, которымъ Василій поручаетъ своего сына[134]). Хотя имя Юрія не встрѣчается ни въ этомъ второмъ завѣщаніи, ни даже въ третьемъ, написанномъ за годъ до смерти, и Юрій, слѣдовательно, не уладился съ Василіемъ относительно важнаго вопроса о преемствѣ Московскаго стола на случай смерти послѣдняго; но, пока былъ живъ Василій, рознь двухъ старшихъ Дмитріевичей не дошла до вооруженной борьбы. Только по смерти Василія, Юрій рѣшился взяться за оружіе и выступить на сына и преемника его, Василія Васильевича. На сторонѣ послѣдняго въ этой борьбѣ стояли союзники, доставленные ему еще покойнымъ отцемъ его, родные дяди, Андрей, Петръ и Константинъ Дмитріевичи[135]), и дѣдъ по матери, Литовскій князь, Витовтъ. Силы Юрія были несравненно слабѣе силъ его противниковъ и въ 1428 г. онъ былъ принужденъ заключить съ Василіемъ миръ, по которому обязался не искать подъ нимъ наслѣдія его отца, а подъ его союзниками наслѣдія Дмитрія Ивановича и ихъ примысловъ. Другія условія этого договора устанавливаютъ дружественный союзъ между Василіемъ и его союзниками съ одной стороны и Юріемъ съ другой: всѣ четыре князя, Василій, Андрей, Константинъ и Юрій (Петръ умеръ еще до заключенія этого мира), обязуются «быть за одинъ и не кончать » одному безъ вѣдома другаго [136]). Но Юрій не долго оставался вѣренъ этому договору: въ концѣ 1430 г. онъ возобновилъ споръ о великомъ княженіи, возвратилъ Василію хрестную грамоту 1428 г. и поѣхалъ въ Орду, думая привлечь на свою сторону Татаръ. Это предпріятіе Юрія имѣло также мало успѣха, какъ и война, начатая имъ въ 1425 г.: Орда рѣшила споръ князей въ пользу Василія. Но Юрій не терялъ надежды: въ 1433 г, напавши врас-

[134]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 41.

[135]) Есть основаніе думать, что союзъ ихъ былъ подновленъ новыми уступками Василія Васильевича Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 43.

[136]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 43.

плохъ на Василія Васильевича, онъ нанесъ ему пораженіе на Клязьмѣ, овладѣлъ Москвой и даже принудилъ къ миру, по которому Василій долженъ былъ довольствоваться Коломной[137]). Торжество Юрія было, однако, не продолжительно: Московскіе люди не захотѣли служить новому князю и стали переходить къ Василію, въ Коломну. Видя, что Московское княженіе ему непрочно, Юрій добровольно уступилъ его своему недавнему противнику, при чемъ заключилъ съ нимъ дружественный союзъ, въ которомъ, согласно существующимъ договорамъ, приняли участіе прежніе союзники Василія: дядя, Константинъ Дмитріевичъ, два сына умершаго въ 1432 г. Андрея Дмитріевича, Иванъ и Михаилъ, и внукъ Владиміра Андреевича, Василій Ярославичъ[138]). Этому новому договору Юрій также мало былъ вѣренъ какъ и тому, который онъ заключилъ въ 1428 г.: еще въ томъ же году онъ отпустилъ полки свои на помощь сыновьямъ, которые продолжали воевать съ Василіемъ. Московскій князь рѣшился наказать его за это нарушеніе крестнаго цѣлованія и выступилъ съ войскомъ къ Галичу; въ то же время онъ отправилъ пословъ къ своимъ союзникамъ, прося ихъ содѣйствія. Эта новая война чуть было не кончилась совершеннымъ торжествомъ противниковъ Московскаго князя и главнымъ образомъ потому, что на этотъ разъ онъ былъ оставленъ всѣми своими союзниками, изъ которыхъ нѣкоторые перешли даже на сторону Юрія. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ Иванъ и Михаилъ Андреевичи. Въ началѣ войны, Иванъ Андреевичъ соединился съ Василіемъ, но, потерпѣвъ пораженіе «у Николы Святаго на Горѣ», онъ не только отказался воевать противъ Юрія, но даже вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Михаиломъ, заключилъ съ нимъ оборонительный противъ Василія договоръ[139]). Не видя ни от-

[137]) Объ этомъ мирѣ сохранилось только лѣтописное извѣстіе, Воскр. 1433 г.

[138]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 49.—Договоръ Василія Васильевича съ Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами заключенъ вскорѣ по смерти отца ихъ и дошелъ до насъ, тамъ же № 46; также сохранился и договоръ Василія Васильевича съ Василіемъ Ярославичемъ Боровскимъ, онъ отпечатанъ подъ № 43. Судя по тому, что договоръ съ Боровскимъ княземъ писанъ не отъ Василія только, но и отъ Ивана и Михаила Андреевичей, онъ не предшествовалъ договору Василія съ этими князьями, какъ это можно заключить изъ мѣста, даннаго ему издателями Р. С. Г. Г. и Д., а слѣдовалъ за нимъ.

[139]) Отпечатанъ въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. подъ № 47; но не вѣрно отнесенъ къ

куда помощи, Василій Васильевичъ хотѣлъ уже идти въ Орду, но былъ спасенъ смертью Юрія и обнаружившеюся розныю его сыновей. По смерти Юрія, уже успѣвшаго между тѣмъ занять Москву, на Московскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ его, Василій Косой; этого не захотѣли допустить его младшіе братья, Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный. Они перешли на сторону Василія Васильевича и послали къ нему приглашеніе возвратиться въ Москву; а брату своему приказали сказать: «аще не восхотѣ Богъ да княжитъ отецъ нашъ, а тебе и сами не хотимъ». Придя въ Москву, Василій Васильевичъ опредѣлилъ свои отношенія къ новымъ друзьямъ новыми договорами, изъ которыхъ до насъ дошелъ только договоръ его съ Дмитріемъ Шемякою, по которому оба князя обязуются быть за одинъ и не кончевати одному безъ другаго. Шемяка не даромъ перешелъ на сторону Василія: по тому же договору онъ получилъ отъ него въ удѣлъ Угличъ и Ржеву[140]). Этимъ миромъ съ младшими Юрьевичами не кончились всѣ затрудненія Васильева княженія. Послѣдующая его исторія не менѣе богата случаями мира и розни, чѣмъ ея начало. Для нашей цѣли мы можемъ довольствоваться приведенными примѣрами, а потому прямо перейдемъ къ исторіи его преемника, болѣе спокойной, но не отличающейся инымъ характеромъ княжескихъ отношеній[141]).

Въ началѣ своего княженія Иванъ Васильевичъ былъ въ еди-

первому занятію Московы Юріемъ, когда Андреевичи были на сторонѣ Василія что видно изъ № 49.

[140]) Р. С. Д. Г. и Д ч. I. № 52.

[141]) Приведемъ еще нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія отъ того же времени. Въ Воскр. л. подъ 1395 г., читаемъ: «К. же в., Василій Дмитріевичъ, и митрополитъ Кипріанъ, и прочіи князи, братія великаго князя, умыслиша совѣтъ благъ, да принесутъ чудотворную икону».... Въ Льв. л. подъ 1396 г., читаемъ: «и соединишася вси князи русскіе за одно, послаша грамоты разметныя къ Витовту». Въ Воскр. подъ 1398 г.: «к. в. Василій Дмитріевичъ обмысливъ съ отцемъ своимъ митрополитомъ Кипріяномъ и съ братіею своею и съ прочими князьми Русскими и послаша въ Царьгородъ много сребро...; а князь Михайло Тверскій такъ же послалъ протопопа своего Даніила съ милостынею». Тамъ же подъ 1408 г. находимъ слѣдующее извѣстіе объ отношеніяхъ Рязанскихъ князей: «Пронскій князь Иванъ Володиміровичъ, пришедъ съ Татары, согна князя Ѳедора Ольговича съ Рязани, онъ же бѣже за Оку, а князь Иванъ сѣде на обою княженію. Потомъ же пріиде на него к. Ѳедоръ Ольговичъ ратью и бысть имъ бой на рѣцѣ на Смядвѣ, и поможе Богъ К. Ивану. Того же лѣта помиришася князи Рязанскіе».

неніи со всѣми своими братьями. Первые договоры, которые установляли такое единеніе, до насъ не дошли, но оно явствуетъ изъ сохранившихся договоровъ Московскихъ князей съ Тверскими и съ Можайскимъ, Михаиломъ Андреевичимъ. Договоръ съ Тверскими князьями былъ написанъ отъ имени всѣхъ сыновей Василія Темнаго: Ивана, Юрія, Андрея, Бориса и другаго Андрея; точно также младшіе братья были пріобщены и къ договорамъ Ивана Васильевича съ Михаиломъ Можайскимъ [142]). Это единеніе нарушилось въ 1473 году по случаю нежеланія Ивана Васильевича подѣлиться съ младшими братьями удѣломъ только что умершаго брата, Юрія. «Разгнѣвахуся братія на великаго князя, говоритъ лѣтописецъ, что имъ не далъ жребія въ удѣлѣ братнѣ, во княжь Юрьевѣ» [143]). Эта рознь была тогда же прекращена, благодаря посредничеству матери поссорившихся князей, которая дала третьему изъ своихъ сыновей, Андрею, Романовъ городокъ и уговорила Ивана Васильевича надѣлить соотвѣтственнымъ образомъ двухъ другихъ, Бориса и Андрея Меньшаго. Иванъ Васильевичъ согласился и далъ Борису—Вышгородъ, а Андрею—Тарусу. Князья помирились и цѣловали другъ другу крестъ на обоюдномъ условіи «не канчивати» [144]). Этотъ новый миръ продолжался до 1480 г., когда онъ былъ нарушенъ по винѣ самого Ивана Васильевича, захватившаго села, принадлежавшія брату его, Борису [145]). Вотъ какъ описываетъ лѣтопись это размирье: «Того же лѣта отступили братіа отъ великаго князя, князь Андрей (старшій), да князь Борисъ. Въ то же время пріиде вѣсть къ великому князю въ Новгородъ отъ сына его, что братія его хотятъ отступити; онъ же вборзе ѣха изъ Новгорода къ Москвѣ и пріиде на Москву предъ великимъ заговѣйномъ. И ради быша вси людіе: быша бо въ страсѣ велицѣ отъ братьи его, всѣ грады быша въ осадахъ, и по лѣсомъ бѣгаючи мнози мерли отъ студени безъ великаго князя». Борисъ и Андрей, несмотря на двукратное посольство отъ великаго князя съ мирными предложенія-

[142]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 88, 90, 91, 92.
[143]) Воскр. 1474 г.
[144]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 97 и 99.
[145]) Воскр. 1481 г.

ми, удалились къ Литовскому рубежу, стали съ войскомъ въ Лукахъ, и отправили пословъ къ Польскому королю съ просьбой «управить ихъ въ ихъ обидахъ съ великимъ княземъ и помогать». Великій князь прислалъ къ нимъ въ Луки третье посольство съ такими рѣчами: «Поидите опять на свою отчину, а язъ во всемъ хочу васъ жаловати. А князю Андрею даю къ его отчинѣ и къ материну дашію Колугу, да Олексинъ, два города на Окѣ». Недовольные князья не приняли и этихъ условій [146]). Между тѣмъ пришла вѣсть о движеніи на Москву царя Ахмата со всѣми своими силами и въ союзѣ съ королемъ Польскимъ, Казимиромъ. Андрей и Борисъ, до сихъ поръ упорствовавшіе въ нежеланіи мириться, въ виду этой общей опасности, отложили свое нелюбье къ старшему брату и сами послали къ нему предложеніе о мирѣ [147]). Посредничеству великой княгини Мареы, митрополита Геронтія, архіепископа Вассіана и игумена Паисія удалось на этотъ разъ свести князей въ любовь; Иванъ Васильевичъ далъ Андрею Можайскъ и отступился отъ захваченныхъ имъ селъ Бориса. Заключенные по этому случаю дружественные договоры дошли до насъ: князья цѣловали другъ къ другу крестъ на обоюдномъ условіи «не канчивати» [148]).

Различіе князей по достоинству.

Какъ люди вообще, при равенствѣ правъ, разнятся достоинствомъ, такъ точно и князья, при полномъ равенствѣ съ точки зрѣнія принадлежавшей имъ власти, не были совершенно равны по достоинству: одни изъ нихъ отличались большею зрѣлостью лѣтъ, чѣмъ другіе, одни занимали столы въ древнихъ и богатыхъ городахъ, другіе въ новыхъ и сравнительно бѣдныхъ, наконецъ, одни,—независимо отъ того гдѣ сидѣли, въ новомъ или старомъ городѣ,—могли сосредоточить въ своихъ

[146]) Воскр. 1480 г. [147]) Соф. I. 1481 г.

[148]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 106 и 110. Въ заключеніе приведемъ еще два лѣтописныхъ извѣстія. Въ Воскр. подъ 1465 г. читаемъ: «изволеніемъ же в. к-зя Ивана Васильевича) и его братіи»..... Тамъ же подъ 1477 г. читаемъ: «Посылаетъ же Иванъ Васильевичъ) и въ Тверь къ в. к. Михаилу, прося у него помочи на Новгородъ».....

рукахъ такую силу, которая далеко превосходила силу другихъ князей. Эти фактическія различія не могли не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ князей и проявились въ различіи наименованій, съ которыми какъ князья, такъ и народъ, обращались къ тѣмъ изъ князей, которые, по одной изъ приведенныхъ причинъ, занимали выдающееся среди другихъ положеніе. Такимъ князьямъ усвоивались наименованія—старѣйшихъ, отцевъ, господъ, великихъ князей. Для точнаго уразумѣнія дѣйствительнаго значенія этихъ наименованій необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе на случаяхъ ихъ употребленія.

1. Старшинство. Прежде всего старшинство представляется какъ естественное преимущество лѣтъ. Съ этой точки зрѣнія всякій старшій лѣтами есть уже по одному этому старѣйшина по отношенію ко всѣмъ младшимъ. Въ такомъ смыслѣ лѣтописецъ называетъ «старѣйшинами въ Русской землѣ» Мстислава Романовича Кіевскаго, Мстислава Святославича Козельскаго и Черниговскаго и Мстислава Мстиславича Галицкаго; и въ противоположность къ нимъ—«молодшими князьями» Даніила Романовича Владимірскаго и Михаила Всеволодича Черниговскаго [149]). Что онъ имѣетъ здѣсь въ виду старшинство лѣтъ, а не старшинство степени, видно изъ того, что къ старѣйшинамъ одинаково отнесены какъ князья 10-го поколѣнія, Мстиславъ Романовичъ и Мстиславъ Мстиславичъ, такъ и князь 9-го поколѣнія, Мстиславъ Святославичъ; и наоборотъ къ младшимъ князьямъ отнесенъ Михаилъ Всеволодичъ, который также принадлежитъ къ 10-му поколѣнію. Совершенно въ томъ же смыслѣ употребляетъ слово старшинство Вячеславъ въ своемъ обращеніи къ младшему брату, Юрію: «се язъ тебя старѣй не малымъ, но многимъ, азъ уже бородатъ, а ты ся еси родилъ: пакы ли хощеши на мое старишинство поѣхати (т. е. идти войной на меня, старшаго лѣтами), яко то еси поѣхалъ, да Богъ за всимъ!» [150]). Въ томъ же смыслѣ Ростиславъ на вопросъ старшаго брата Изяслава: продолжать ли войну съ Ольговичами, или заключить миръ, отвѣчалъ: «брате, кланяютися! ты

[149]) Ипат. 1224 г. [150]) Ипат. 1151 г.

меня старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь. Но, брате, если на мнѣ честь покладываешь, то язъ былъ, брате, тако реклъ: миръ лѣпле»…. [151]).—Но такъ какъ всѣ князья были въ родствѣ между собой, то, естественно, старшинство лѣтъ нерѣдко совпадало со старшинствомъ степени, что, конечно, еще усиливало преимущества, принадлежавшія вообще болѣе зрѣлому возрасту [152]). Старѣйшинство, какъ естественное слѣдствіе старшинства лѣтъ, есть понятіе относительное: одинъ и тотъ же князь можетъ быть въ одно и тоже время и старѣйшиной по отношенію къ тѣмъ, кто его моложе, и младшимъ по отношенію къ тѣмъ, кто его старше. Такъ Всеволодъ о старшемъ своемъ сынѣ, Константинѣ, говоритъ: «Богъ положилъ на тебя старѣйшинство во всей братіи твоей» [153]). Подъ братіей разумѣются здѣсь родные братья, Константина; онъ старшій сынъ, а потому старше своихъ младшихъ братьевъ. Но по отношенію къ отцу тотъ же Константинъ будетъ младшій князь.

Въ чемъ же заключались преимущества старѣйшинства въ смыслѣ старшинства лѣтъ? Преимущества старшихъ лѣтами не принадлежали къ области права. Имъ усвоивался только тотъ особый почетъ, съ которымъ обыкновенно дѣти относятся къ своимъ родителямъ. Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи говоритъ: «старыя чти, яко отца»…. Основаніе этому почтенію заключается, конечно, не въ одномъ только числѣ лѣтъ, а въ предположеніи большей мудрости въ человѣкѣ зрѣломъ, чѣмъ въ юношѣ, не умудренномъ житейской опытностью. Какъ нравственная обязанность, почтеніе къ старшимъ есть дѣло совѣсти и условливается общимъ состояніемъ народной нравственности. Исторія княжеской эпохи одинаково пред-

[151]) Ипат. 1148 г.

[152]) Мы не имѣемъ никакого основанія думать, что старшинство степени само по себѣ, внѣ преимущества лѣтъ, было основаніемъ старшинства. Наоборотъ, князья ссылаются на старшинство лѣтъ тамъ, гдѣ могли бы сослаться на старшинство степени. Такъ Рюрикъ, принужденный сдѣлать уступку Святославу Черниговскому, объясняетъ свою уступчивость только тѣмъ, что Святославъ «старѣй его лѣты», тогда какъ Святославъ приходился еще ему и дядей. Ипат. 1180 г.

[153]) Лавр. 1206 г.

ставляетъ образцы какъ исполненія этой обязанности, такъ и ея нарушенія; но подробное разсмотрѣніе ихъ не составляетъ предмета исторіи государственнаго права. На государственныя отношенія князей почтеніе къ старѣйшинамъ вліяетъ единственно какъ нравственное побужденіе къ уступкамъ младшихъ старшимъ. Съ государственной точки зрѣнія ни одинъ изъ князей не обязанъ дѣлать какія либо уступки въ пользу другаго, кромѣ того случая, когда онъ обязалъ себя къ тому договоромъ; но онъ можетъ сдѣлать уступку въ силу естественнаго почтенія къ старшему родственнику. Почтеніе къ старшему будетъ въ этомъ случаѣ побужденіемъ къ уступкѣ, какъ можетъ быть побужденіемъ—страхъ передъ сильнымъ или неудача проиграннаго сраженія; но княжескія отношенія опредѣляются не характеромъ побужденія, подъ вліяніемъ котораго сдѣлана та или другая уступка, а принадлежащимъ каждому князю правомъ дѣлать уступки, говоря иначе правомъ самоопредѣленія каждаго князя. Юридической обязанности уступать волѣ старѣйшинъ не сознаютъ даже и тѣ князья, которые вообще ведутъ себя почтительно со старшими. Такъ Ростиславъ Владиміровичъ отступаетъ (1064) передъ дядей, Святославомъ Ярославичемъ, «не убоявся его, какъ говоритъ лѣтописецъ, но не хотя противу стрыеви своему оружья взяти»; но не считаетъ себя обязаннымъ подчиниться волѣ дяди: какъ скоро Святославъ удалился, онъ снова сѣлъ въ Тмутаракани, выгнавъ оставленнаго тамъ Святославомъ сына, Глѣба [154]). Такимъ образомъ, въ сознаніи Ростислава уживаются рядомъ почтеніе къ личности дяди, поднять противъ котораго руку онъ считаетъ противнымъ своей совѣсти, съ полнымъ неуваженіемъ его воли какъ князя, распоряжающагося волостями. Приведемъ еще любопытный примѣръ почтенія къ старшинству, также соединеннаго съ сознаніемъ своей политической самостоятельности. Въ 1289 г. во время розни, обнаружившейся между Мстиславомъ Даниловичемъ Владимірскимъ и его племянникомъ, Юріемъ Львовичемъ, Мстиславъ отправилъ

[154]) Лавр. 1064 г.

къ отцу Юрія и своему старшему брату, Льву, посольство съ такими рѣчами: «жалуюся Богу и тобѣ, зане ми есь по Бозѣ братъ старѣйшій. Повѣжь ми, брате мой, право, своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Берестьи, или твоимъ повелѣніемъ? Оже будетъ твоимъ повелѣніемъ се учинилъ, повѣдаю ти, не тая: послалъ есть взводить Татаръ (т. е. пригласилъ къ себѣ на помощь Татаръ), а самъ пристраиваюся! А како мя Богъ разсудитъ съ вами, а не на мнѣ та кровь будетъ, но на виноватомъ![155]) Итакъ, хотя Мстиславъ и признаетъ старѣйшинство своего брата, но не считаетъ его въ правѣ распоряжаться принадлежащими ему волостями. Это и понятно: древнее государственное устройство не знало подчиненія князя князю помимо соглашенія. Старшій лѣтами князь имѣлъ такъ же мало власти надъ младшимъ, какъ и наоборотъ; а въ предѣлахъ своей волости каждому изъ нихъ принадлежали совершенно одинакія права.—При отсутствіи подчиненія въ силу государственнаго устройства, не только наименованіе старѣйшиною, но и господиномъ и великимъ княземъ не могло выражать подчиненія; для этого былъ необходимъ договоръ, которымъ была бы установлена форма и объемъ подчиненія.—Какъ выраженіе почета и уваженія слово старѣйшина не рѣдко служитъ цѣлямъ лести и заискиванія. Такъ въ 1186 г. Рязанскіе князья, Глѣбовичи, желая остановить Всеволода Юрьевича отъ задуманнаго имъ похода на Рязань, отправляютъ къ нему посольство съ предложеніемъ мира и при этомъ обращаются къ нему въ такой формѣ: «ты господинъ и отецъ и братъ старѣйшій!»—«Всеволодъ же, продолжаетъ лѣтописецъ, не восхотѣ мира ихъ: браць бо славна лучше мира лестна»....[156]).

Помимо этого первоначальнаго и прямаго значенія, слово старѣйшина употребляется еще и въ переносномъ. Какъ князья разнятся между собой лѣтами, такъ точно и города: одни древніе, другіе новые. Древность города имѣетъ значеніе, какъ одно изъ условій, которыми обыкновенно бываетъ обставлено сколько

[155]) Ипат. 1289 г. [156]) Воскр. и Суздал. 1186 г.

нибудь значительное развитіе его—по богатству, населенности, силѣ. Только-что основанный городъ не можетъ состязаться въ значеніи съ городомъ сравнительно старымъ; чтобы сравняться съ нимъ, ему нужно, по мимо самыхъ благопріятныхъ географическихъ и историческихъ условій, еще нѣкоторое время. Такимъ образомъ, лучшіе города—всегда являются съ признакомъ старшинства лѣтъ, почему имъ и усвояется наименованіе старѣйшихъ городовъ. Но старшинство лѣтъ не должно понимать какъ безусловный признакъ старшинства города. Наименованіе старшаго усвояется не каждому древнему городу, а только такому, который своимъ преобладаніемъ надъ другими останавливалъ на себѣ вниманіе современниковъ. Въ противномъ случаѣ древній городъ терялся въ массѣ новыхъ, также незначительныхъ, какъ онъ самъ.

Итакъ, съ одной стороны, не всякій древній городъ считался старшимъ; а съ другой не всякій новый навсегда оставался младшимъ: если обстоятельства особенно благопріятствовали его развитію и онъ достигалъ высокаго значенія, въ такомъ случаѣ и ему усвоялось наименованіе старѣйшины. Любопытно, что старѣйшимъ во всей Русской землѣ почитался городъ сравнительно новый, сохранившій указаніе на свою новизну въ самомъ имени,—Новгородъ [157]); древнѣйшій же городъ, относительно котораго Новгородъ былъ новымъ и слѣдовательно младшимъ, весьма рано утратилъ свое значеніе и вслѣдствіе этого вовсе не былъ замѣченъ исторіей. Это заслоненіе городовъ старшихъ городами новыми, которые усвояютъ себѣ значеніе старшихъ, не есть явленіе одиночное; оно проходитъ чрезъ всю княжескую эпоху и повторяется въ каждой отдѣльной волости. Такъ Рязань, о которой вовсе не упоминается въ распредѣленіи князей по городамъ въ X в., и которая въ XI в. появляется только какъ городъ, принадлежащій къ Черниговской волости, выступаетъ

[157]) Такъ называетъ Новгородъ Всеволодъ Юрьевичъ, Лавр. 1206 г. Но съ весьма древняго времени въ значеніи старѣйшаго города съ Новгородомъ соперничаетъ уже Кіевъ. Святополкъ - Михаилъ и Владиміръ - Мономахъ, приглашая Олега и Давыда Святославичей на снемь въ Кіевъ—говорятъ «яко то есть старѣйшій градъ въ земли во всей, Кыевъ, ту достойно снятися и порядъ положити». Лавр. 1096 г.

съ XII в. какъ отдѣльная волость и какъ старшій городъ по отношенію къ Пронску, Коломнѣ, Воронежу и друг.; съ татарскаго разгрома старая Рязань падаетъ и уступаетъ свое значеніе болѣе новымъ городамъ. Тоже повторяется и въ Ростовской волости, гдѣ съ XII в. поднимается новый городъ, до того времени младшій, Владиміръ, и затмѣваетъ значеніе старшихъ городовъ, Ростова и Суздаля. Послѣ татарскаго нашествія, Владиміръ въ свою очередь падаетъ, какъ и старая Рязань, и уступаетъ свое значеніе еще болѣе новому городу, Москвѣ.—Такимъ образомъ, значеніе города какъ старѣйшаго всегда совпадаетъ съ фактическимъ превосходствомъ этого города надъ другими, при чемъ вовсе не необходимо, чтобы онъ дѣйствительно былъ самымъ древнимъ изъ нихъ.

Обладаніе старшимъ городомъ, какъ лучшимъ,—есть предметъ особаго честолюбія князей. Преобладающее значеніе такого города сообщается и его князю: какъ городъ лучше другихъ городовъ, такъ и его князь лучше другихъ князей, онъ старѣйшина. Это старшинство переносное и не стоитъ въ связи съ дѣйствительнымъ старшинствомъ лѣтъ князя: лѣтами князь можетъ быть и моложе, но по городу онъ все-таки старѣйшина. Старшинство лѣтами есть фактъ, независящій отъ воли, оно дается рожденіемъ и не можетъ быть пріобрѣтаемо по произволу: «Богъ положилъ на тебѣ старѣйшинство въ братіи твоей», говоритъ Всеволодъ своему старшему сыну. Такое старшинство не можетъ быть ни дано, ни отнято.—Старшинство по городу, наоборотъ, составляя принадлежность каждаго князя, занимающаго столъ старшаго города, пріобрѣтается личнымъ дѣйствіемъ. Оно пріобрѣтается всѣми способами, какими пріобрѣталось самое обладаніе городомъ: призваніемъ, завоеваніемъ, соглашеніемъ съ другими князьями (т. е. договоромъ) и пр. Въ послѣднемъ случаѣ, когда старшинство пріобрѣталось въ силу соглашенія съ князьями, одни изъ нихъ, естественнымъ образомъ, уступали старшинство другому, отказывались отъ него, или, говоря иначе, возлагали старшинство на этого другаго. Въ этомъ смыслѣ надо понимать такія выраженія, какъ «соступиться

со старѣйшинства», «позвать кого либо на старѣйшинство», «наречь кого либо старѣйшиной», «дать кому либо старѣйшинство» и подоб.; это старшинство изъ договора. — Въ одно и то же время можетъ быть нѣсколько старшихъ городовъ и, слѣдовательно, нѣсколько старшихъ князей по городамъ.

Подъ 1206 г. Всеволодъ Юрьевичъ ясно высказываетъ различіе этихъ двухъ старѣйшинствъ: старѣйшинства лѣтами и старѣйшинства по городу. Отправляя старшаго сына на столъ въ Новгородъ, онъ говоритъ ему: «сыну мой, Константине! на тебѣ Богъ положилъ переже старѣйшинство во всей братьи твоей, а Новгородъ Великій старѣйшинство имать княженью во всей Русской землѣ, по имени твоемъ тако и хвала твоя: не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣйшинство въ братьи твоей, но и во всей Русской землѣ, и язъ ти даю старѣйшинство, поѣди въ городъ свой».

Примѣры такого переноснаго и, слѣдовательно, искусственнаго старшинства встрѣчаются съ глубокой древности. Подъ 1078 г. лѣтописецъ влагаетъ въ уста Изяслава Ярославича такія слова о младшемъ его братѣ Всеволодѣ: «нарекъ мя старѣйшину собѣ». Что же это за старѣйшинство, въ которое возвелъ Изяслава его младшій братъ, Всеволодъ? Здѣсь не можетъ быть рѣчи о старшинствѣ лѣтъ, ибо этого старшинства Всеволодъ не могъ ни отнять у Изяслава, ни дать ему. Для пониманія словъ Изяслава необходимо припомнить предшествовавшія имъ событія. Въ 1073 г. Изяславъ былъ изгнанъ изъ Кіева соединенными силами своихъ младшихъ братьевъ, Святослава и Всеволода, изъ которыхъ первый занялъ Кіевскій столъ. По смерти Святослава (1076) въ Кіевѣ сѣлъ Всеволодъ. Между тѣмъ изгнанный Изяславъ, получивъ помощь Ляховъ, началъ наступательное движеніе къ Кіеву (1077). Всеволодъ, желая предупредить брата, выступилъ противъ него на Волынь. Но до битвы дѣло не дошло, братья заключили миръ, по которому Всеволодъ уступилъ Изяславу Кіевъ. Слова Изяслава «нарекъ мя старѣйшину собѣ»—относятся именно къ этой уступкѣ ему старшаго стола, а вмѣстѣ съ нимъ и старшинства по городу.

До мира 1077 г. старѣйшинство принадлежало младшимъ братьямъ: сперва Святославу, а за нимъ Всеволоду. Всеволодъ могъ отстаивать свое старшинство и, дѣйствительно, съ этою цѣлью онъ выступилъ противъ Изяслава. Но Изяславъ, надо думать, предложилъ ему очень выгодныя условія [158]) и Всеволодъ предпочелъ хорошій миръ невѣрному исходу вооруженной борьбы. Онъ взялъ себѣ столъ въ младшемъ городѣ, Черниговѣ, а Изяславу уступилъ старшій, Кіевскій, что и значитъ «нарекъ его собѣ старѣйшину»[159]).

Переговоры о старшинствѣ по городу могли имѣть мѣсто всякій разъ, какъ скоро между князьями шла рѣчь о замѣщеніи одного изъ старшихъ столовъ. Но лѣтописецъ сохранилъ намъ только весьма немногіе изъ нихъ. Мы укажемъ на три. Въ 1174 г., во время большой коалиціи, составленной противъ Кіевскихъ Ростиславичей усиліями Андрея Владимірскаго и Черниговскихъ князей (Ольговичей), къ послѣднимъ присоединился и Ярославъ Луцкій, «ища собѣ старѣйшинства въ Ольговичахъ, — и не ступишася ему Кіева» [160]). Изъ того сопоставленія словъ — старѣйшинство и Кіевъ, какое дѣлаетъ лѣтописецъ въ только-что приведенномъ мѣстѣ, ясно видно, что старѣйшинство, котораго искалъ Ярославъ, заключалось въ обладаніи Кіевомъ. Ольговичи не уступили Кіева и тѣмъ заставили Ярослава перейти на сторону ихъ противниковъ, которые оказались сговорчивѣе: «Ростиславичи же, продолжаетъ лѣтописецъ, положиша на Ярославѣ старѣйшинство и даша ему Кіевъ».—Это случай отыскиванія старѣйшинства младшимъ княземъ (лѣтами) [161]); приведемъ примѣръ, гдѣ старѣйшинство отыскиваетъ старшій (лѣтами) князь. Въ 1195 г. Романъ Мстиславичъ, поссорившись съ тестемъ своимъ, Рюрикомъ, Кіевскимъ княземъ, отступился отъ него къ Ольговичамъ и сталъ «поводить Ярослава (Всеволодича) на старѣйшинство». Въ слѣ-

[158]) См. выше стр. 163. [159]) Лавр. 1078 г. [160]) Ипат. 1174 г.

[161]) Ярославъ Луцкій принадлежалъ къ 9-му поколѣнію Рюриковичей и доводился племянникомъ Святославу Всеволодичу; кромѣ того, онъ былъ младшей линіи, чѣмъ его соперникъ: Ярославъ былъ праправнукъ Всеволода Ярославича, а Святославъ—правнукъ его старшаго брата, Святослава, а потому есть полное основаніе думать, что Ярославъ былъ и лѣтами моложе Ольговича.

дующей за тѣмъ строчкѣ лѣтописецъ опять поясняетъ, что это за старѣйшинство, которое Романъ хотѣлъ доставить Ярославу Черниговскому: «и поча Рюрикъ думати съ братіею, говоритъ онъ, и посла ко Всеволоду, повѣдая ему, ажь Романъ прислался ко Ольговичамъ и поводитъ и на Кіевъ». И такъ старѣйшинство, котораго не имѣлъ старшій лѣтами Ярославъ и на которое звалъ его Романъ, заключалось въ обладаніи старшимъ Кіевскимъ столомъ[162]).—Подобно этому въ 1216 г., во время войны Мстислава Новгородскаго и Константина Ростовскаго съ младшими братьями послѣдняго, Юріемъ Владимірскимъ и Ярославомъ Переяславскимъ, союзники Константина въ такихъ выраженіяхъ опредѣляютъ цѣль войны: «мы пришли дати старѣйшинство большему брату, Костянтину, да посадити и въ Володимери». Это также старшинство по старшему столу Владимірскому, котораго не имѣлъ старшій сынъ Всеволода[163]).

Въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ договоровъ сѣверныхъ князей наименованіе старѣйшины обыкновенно выговаривается въ пользу князей лучшаго сѣвернаго стола, Владимірскаго и Московскаго, а послѣ нихъ князьямъ Тверскимъ, Рязанскимъ и другимъ[164]).

Переходя къ вопросу о значеніи старшинства по городу, замѣтимъ, что князья старшихъ городовъ, какъ сильнѣйшіе, ес-

[162]) Ярославъ Всеволодичъ былъ старше степенью Рюрика Ростиславича и принадлежалъ къ старшей линіи: онъ былъ правнукъ Святослава Ярославича, а Рюрикъ—праправнукъ его младшаго брата, Всеволода; надо думать, что онъ и лѣтами былъ его старше.

[163]) Воскр. 1216 г. Въ томъ же смыслѣ надо понимать и возложеніе старѣйшинства на Михалку Юрьевича Ростиславичами и Всеволодомъ Юрьевичемъ, которые были моложе его лѣтами. Это возложеніе старѣйшинства имѣло значеніе уступки ему лучшаго стола въ Ростовской волости. Ипат. 1175 г.

[164]) Такъ напр. Рязанскій князь, Ѳедоръ Ольговичъ, обязуется имѣть Московскаго князя, Василія Дмитріевича,—братомъ старѣйшимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ получаетъ право считать меньшихъ братьевъ Дмитрія—своею братіею молодшею; по отношенію къ нимъ, слѣдовательно, онъ будетъ братъ старѣйшій. Подобно этому Можайскій князь, Михаилъ Андреевичъ, признаетъ старѣйшиной себѣ Моск. в. к., Ивана Васильевича, и его брата, Юрія, но отношенію же къ младшимъ ихъ братьямъ онъ самъ признается старѣйшиной. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 36 и 90 Ср. еще № 119. Впрочемъ, такія условія о старшинствѣ встрѣчаются далеко не во всѣхъ договорахъ.—Древнѣйшій случай признанія Владимірскаго князя старѣйшиной относится къ 1195 г., когда Ростиславичи нарекли его старѣйшимъ во всемъ племени Володиміровомъ. Ипат.

тественно, играли первую роль въ рѣшеніи вопросовъ современной имъ политики. Если наименованіе старѣйшиной вносилось въ договоръ и вмѣнялось въ обязанность одной изъ договаривающихся сторонъ по отношенію къ другой, это имѣло значеніе отказа отъ старшаго стола и признанія его за этой другой стороной; кромѣ того, признаніе кого либо старѣйшиной, естественно, возлагало на признавшую сторону обязанность относиться къ старѣйшинѣ съ тѣмъ уваженіемъ и почтеніемъ, какое обыкновенно подобаетъ старшимъ лѣтами, хотя бы дѣйствительнаго старшинства лѣтъ здѣсь и не было. Этимъ и ограничивается значеніе старѣйшинъ въ этомъ второмъ смыслѣ: бо́льшихъ правъ, бо́льшей власти, чѣмъ другіе князья, они не имѣли.—Въ дополненіе къ тѣмъ фактамъ, которые указываютъ на совершенную равноправность князей старшихъ и младшихъ и приведены въ очеркѣ исторіи княжескихъ отношеній, воспользуемся еще тѣми указаніями на отношенія старѣйшинъ къ младшимъ князьямъ, которыя представляютъ полные тексты договоровъ, сохранившихся отъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ.

Въ договорахъ наименованіе старѣйшиной (собственно—братомъ старѣйшимъ) соединяется съ самымъ разнообразнымъ опредѣленіемъ взаимныхъ правъ и обязанностей договаривающихся сторонъ. Оно одинаково встрѣчается какъ въ договорахъ, ограничивающихъ въ значительной степени политическую самостоятельность одной изъ договаривающихся сторонъ, такъ и въ тѣхъ, которыми ограждается полная ихъ равноправность [165]). Такимъ образомъ, договорное право допускаетъ полное равенство правъ старшихъ и младшихъ князей. Если же оно устанавляетъ ограниченіе политической самостоятельности одного изъ князей, то основанія этому ограниченію надо искать не въ словѣ «старѣйшина», а въ одностороннемъ условіи «не канчивати».—Мы имѣемъ два договора, въ которыхъ старѣйшій князь, Васи-

[165]) Въ примѣръ соединенія обязанности признавать одну изъ договаривающихся сторонъ старѣйшиной съ полнѣйшею равноправностью старѣйшины и младшаго князя укажемъ на договоры подъ №№ 49, 66, 69, 70, 75, 90, 92: въ примѣръ соединенія этого условія съ ограниченіемъ правъ младшей стороны на №№ 65, 115, 119, 123, 133, 160. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

лій Васильевичъ Московскій, признаетъ надъ собой, въ извѣстномъ случаѣ, право суда молодшихъ князей, Василія Ярославича Боровскаго и Михаила Андреевича Можайскаго [166]). Если бы съ понятіемъ о старшинствѣ соединялось понятіе о высшей власти, такое подчиненіе высшей власти суду низшей было бы невозможно. Но старѣйшина, какъ мы замѣтили, не имѣлъ лучшей власти; взаимныя же отношенія, въ которыхъ находились помянутые младшіе князья и старшій, были опредѣлены договорами, не установлявшими никакого ограниченія правъ младшихъ князей въ пользу старшаго [167]). Признаніе Василіемъ Васильевичемъ за Василіемъ Ярославичемъ и Михаиломъ Андреевичемъ права—«быть на него» въ томъ случаѣ, когда они найдутъ его виноватымъ, есть ничто иное какъ случай добровольнаго подчиненія себя суду равныхъ, случай, который необходимо долженъ былъ представиться тамъ, гдѣ государственное устройство не знало высшаго суда надъ князьями.

2. Отецъ. Въ непосредственной связи со старшинствомъ стоитъ другое почетное наименованіе старшихъ князей: къ нимъ обращаются съ воззваніемъ: отецъ! — «Старыя чти, яко отца», говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи. Изъ этого сближенія старшихъ вообще съ отцемъ естественно вытекаетъ возможность переноса на нихъ и самаго имени отца.

Наименованіе отцемъ встрѣчается во 1-хъ, какъ почтительное обращеніе младшаго къ старшему, условливаемое чувствомъ уваженія (дѣйствительнымъ или притворнымъ—для настоящей цѣли все равно). Такъ Изяславъ Мстиславичъ, желая привлечь на свою сторону дядю, Вячеслава, говоритъ ему (1150 г.): «ты ми еси отецъ!» Точно также братъ его, Ростиславъ Мстиславичъ, открывая мирные переговоры (1154 г.) съ дядею, Юріемъ, обращается къ нему въ такой формѣ: «отце! кланяютися, ты переди до мене добръ былъ, и азъ до тебе; а нынѣ кланяютися, стрый ми еси яко отецъ». Въ свою очередь Юрій говоритъ стар-

[166]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 63 и 68.

[167]) Отношенія Василія Васильевича къ Василію Ярославичу Боровскому опредѣлены въ договорѣ, отпечатанномъ подъ № 43, а къ Можайскому князю въ договорѣ за №№ 61, 64. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

шему брату, Вячеславу: «ты мнѣ еси яко отецъ» (1151 г.). Подобно этому, мирныя предложенія Глѣбовичей Рязанскихъ Всеволоду начинаются такъ: «ты господинъ, ты отецъ, ты братъ старѣйшій!»—Какъ выраженіе почтенія, наименованіе отца можетъ быть обращено не только къ старшему лѣтами, но и къ младшему, если онъ своими дѣйствіями возбуждаетъ въ старшемъ то чувство уваженія, которымъ обыкновенно условливается такое обращеніе. Такъ старый Вячеславъ такимъ образомъ выражаетъ свое почтеніе къ младшему лѣтами племяннику, Изяславу Мстиславичу: «ты мой еси отецъ!» говоритъ онъ ему (1150 г.) [168].

Рядомъ съ этимъ свободнымъ употребленіемъ слова отецъ, оно встрѣчается во 2-хъ, какъ обязанность. Эта обязанность возникаетъ изъ договора и изъ завѣщанія. Случаи такого необходимаго признанія кого либо отцемъ себѣ встрѣчаются съ глубокой древности и до послѣдняго времени. Ярославъ Владиміровичъ, умирая (1054 г.), поручаетъ своихъ младшихъ сыновей старшему, Изяславу, и при этомъ говоритъ имъ: «да то вы будеть въ мене мѣсто». Въ 1150 г. Вячеславъ и Изяславъ цѣлуютъ между собой крестъ на томъ, что «Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава» [169]. Въ 1160 г. Святославъ Ольговичъ съ союзниками принудилъ племянника своего, Святослава Владиміровича, къ миру, по которому послѣдній обязался: «имѣти ему его въ отца мѣсто и во всей воли его ему ходити». Подъ 1174 г. находимъ извѣстіе о томъ, что Ростиславичи «нарекли собѣ отцемъ» Андрея Юрьевича. Подобно Ярославу Владиміровичу, Всеволодъ Юрьевичъ Владимірскій поручаетъ своихъ младшихъ сыновей второму сыну Юрію: «въ отца мѣсто». (1213 г.). Такіе же случаи встрѣчаемъ въ обиліи и въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній [170].

[168]) Ипат. 1150 г., 1151 г., 1154 г. Воскр. и Сузд. 1186 г.

[169]) Этотъ договоръ состоялся непосредственно за приведеннымъ выше обращеніемъ Изяслава къ Вячеславу: «ты ми еси отецъ!», но передъ подобнымъ же обращеніемъ Вячеслава къ Изяславу.

[170]) Ипат. 1160 г., 1174 г., Сузд. 1213 г. Изъ договоровъ см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 23, 27, 33, 37, 45, 47 и пр.; изъ завѣщаній тамъ же №№ 42, 86, 144. Признать «въ отца мѣсто» можно было и не родственника. Такъ Владиміръ обѣ

*

Вопросъ о значеніи обязательнаго признанія кого либо въ отца мѣсто представляетъ значительныя затрудненія.—Не можетъ подлежать, однако, сомнѣнію, что съ перенесомъ на кого либо имени отца не соединялся переносъ дѣйствительной отеческой власти во всей ея полнотѣ. На это указываютъ всѣ дошедшіе до насъ случаи употребленія словъ «въ отца мѣсто», какъ въ завѣщаніяхъ, такъ и въ договорахъ. Въ примѣръ завѣщанія остановимся на духовной грамотѣ вел. князя Московскаго, Ивана Васильевича. По весьма распространенному обычаю, онъ приказываетъ меньшихъ своихъ сыновей старшему, Василію, и вмѣняетъ имъ въ обязанность «держать его въ свое мѣсто и слушать во всемъ». Но изъ другихъ пунктовъ того же завѣщанія ясно видно, что Иванъ Васильевичъ былъ очень далекъ отъ мысли передать старшему сыну всю ту власть, которою пользовался самъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ. Такъ каждый изъ сыновей великаго князя получалъ свой особый удѣлъ, который только въ случаѣ смерти своего князя безъ наслѣдниковъ мужескаго пола присоединялся къ княженію старшаго брата, Василія, а до того времени, слѣдовательно, составлялъ особое владѣніе, внѣ владѣній Василія Ивановича. При жизни Ивана Васильевича сыновья его не имѣли удѣловъ, которые не были бы подчинены его власти и которыми бы онъ не могъ распоряжаться по произволу, передавая ихъ въ управленіе то тому, то другому сыну.—Кромѣ того, старшему сыну вмѣнялось въ обязанность держать своихъ младшихъ братьевъ «въ братствѣ и во чти безъ обиды». А мы знаемъ, что это условіе обозначало признаніе въ младшихъ братьяхъ прирожденнаго имъ княжескаго достоинства, съ которымъ не могло вязаться подчиненіе ихъ неограниченной (въ смыслѣ отеческой) власти старшаго брата. Согласно съ этимъ вел. князь Иванъ Васильевичъ и не устанавливаетъ надъ младшими сыновьями суда ихъ старшаго брата на случай, если бы они вышли изъ его послушанія, а предаетъ ихъ одному суду Божію. Въ завѣщаніи сказано: «А который мой

щаетъ Блуду, воеводѣ своего брата, Ярополка, «имѣть его въ отца мѣсто», если онъ поможетъ ему убить старшаго брата. Лавр. 980 г.

сынъ не учнетъ сына моего Василія слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подыскивати великихъ княжествъ, или подъ его дѣтьми, или учнетъ отъ него отступати, или учнетъ ссылатися съ кѣмъ нибудь тайно, или явно на его лихо, или учнетъ кого на него подымати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися; ино не буди на немъ Божіей милости..... и нашего благословенія»....[171]). Тѣмъ же характеромъ отличается и то краткое лѣтописное извѣстіе, которое сохранилось о древнѣйшемъ изъ памятниковъ этого рода, о завѣщаніи вел. князя Кіевскаго, Ярослава Владиміровича. Приказывая, какъ и Иванъ Васильевичъ, младшимъ сыновьямъ «слушаться старшаго въ себѣ мѣсто», онъ дѣлитъ между ними города и завѣщаетъ имъ «не преступати предѣла братня, ни сгонити». Послѣ смерти Ярослава, слѣдовательно, также нарушилось единство власти, какъ и послѣ смерти Ивана Васильевича, и дѣти Ярослава также, какъ и дѣти Ивана, получили особые удѣлы. Если у каждаго брата свой особый удѣлъ, то понятно, что между ними возможны враждебныя столкновенія. Ярославъ, не разъ поднимавшій оружіе на родныхъ братьевъ, предвидѣлъ это. Но и онъ, какъ и его далекій и знаменитый потомокъ, для предотвращенія такихъ столкновеній, не подчиняетъ младшихъ сыновей суду старшаго, а только приказываетъ ему помогать тому изъ братьевъ, на котораго востанутъ другіе. Такимъ образомъ, Ярославъ оставляетъ отношенія своихъ сыновей въ такомъ положеніи, при которомъ судъ Божій былъ необходимымъ рѣшителемъ княжескихъ споровъ. Итакъ, отеческая власть и та, которая по завѣщаніямъ переносилась на Изяслава Ярославича и Василія Ивановича, далеко не совпадали одна съ другой[172]). Тотъ же результатъ

[171]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 144.

[172]) Лавр. 1054 г. Въ началѣ Ярославова завѣщанія находимъ слѣдующее любопытное мѣсто, которымъ установляется не столько подчиненіе младшихъ сыновей старшему, сколько ихъ единеніе: «се азъ отхожу свѣта сего, сынове мои, говоритъ Ярославъ. Имѣйте въ себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете въ любви межи собою, Богъ будетъ въ васъ, и покоритъ вамъ противныя, и будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ, и которающеся, то погибнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Пребывайте мирно, послушающе братъ брата!» Въ нѣкоторыхъ духовныхъ грамотахъ мы дѣйствительно

выносимъ и изъ разсмотрѣнія договоровъ. Въ однихъ обязательство «имѣть кого либо въ отца мѣсто» соединяется съ полнѣйшею равноправностью обѣихъ договаривающихся сторонъ, которыя обязуются быть за одинъ и не канчивать одна безъ другой [173]); въ другихъ—съ условіемъ, по которому одна изъ сторонъ обязывается «ходити во всей волѣ» названнаго отца [174]). Что касается до договоровъ перваго рода, то нельзя не замѣтить, что нигдѣ не обнаруживается такъ рѣзко вся несоизмѣримость власти дѣйствительнаго отца съ властью отца названнаго, какъ именно въ нихъ. Вмѣсто безусловнаго подчиненія дѣтей волѣ родителей, мы встрѣчаемся здѣсь съ обязанностью названнаго отца «не канчивать» безъ воли названнаго сына и быть съ нимъ за одинъ. Въ договорахъ втораго рода установляется подчиненіе, но любопытно, что для выраженія этого подчиненія было мало термина «имѣть въ отца мѣсто», а требовалось еще прибавить «и во всей воли его ходити», или «и въ его послушаніи ходити». Это указываетъ на то, что и сами князья сознавали неопредѣленность термина «въ отца мѣсто» и считали необходимымъ пояснять его описательными выраженіями. Описательное же выраженіе «быть въ чьей либо волѣ» относилось, какъ мы знаемъ, только къ внѣшней политикѣ и никогда не выражало права на чужую волость [175]). Такимъ образомъ, и въ договорахъ втораго рода съ признаніемъ кого либо «въ отца мѣсто» не соединялся дѣйствительный перенос на это лице отеческой власти во всемъ ея объемѣ.

Что же значитъ обязанность имѣть кого либо въ отца мѣсто?

Власть отца семейства была единственной не договорной властью, какую только знали князья; она установлялась не въ

встрѣчаемся съ заповѣдью отца, что бы дѣти «жили за одинъ». Такую волю находимъ въ завѣщаніи Галицкаго князя, Юрія Дмитріевича, отъ 1434 г., и въ завѣщаніи в. к. Московскаго, Василія Васильевича, отъ 1462 г. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 51 и 86. Ср. еще тамъ же №№ 22 и 24.

[173]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 23, 27, 33, 37, 45, 47 и др.

[174]) Съ такимъ соединеніемъ мы не замѣтили ни одного полнаго текста договоровъ; но оно встрѣчается въ лѣтописныхъ извлеченіяхъ изъ договоровъ. См. напр. Ипат. подъ 1159 г. и 1160 г.

[175]) См. чрезвычайно любопытные переговоры Ростиславичей съ Андреемъ, котораго они назвали «отцемъ себѣ». Ипат. 1174 г.

силу свободной воли сторонъ и была выше человѣческаго произвола. Въ семействѣ не было войны. Состояніе членовъ семейства подъ властью отца представляется замиреннымъ, прочнымъ; это завидное состояніе въ эпоху столь богатую войнами, какъ княжеская эпоха. Отсюда понятно, что князья ничего лучшаго не могли завѣщать своимъ дѣтямъ, какъ продолженіе семейнаго быта подъ властью названнаго отца. Но такъ какъ названному отцу не сообщалась дѣйствительная отеческая власть, то тоже понятно, что воля отца оставалась только добрымъ желаніемъ, а выраженіе «въ отца мѣсто» формой, которой вовсе не соотвѣтствовали новыя отношенія, возникавшія между братьями въ силу того же завѣщанія. Съ тѣмъ же значеніемъ является это выраженіе и въ договорахъ втораго рода, которыми устанавляется ограниченіе политической самостоятельности одной изъ сторонъ: это также форма выраженія, заимствованная отъ иныхъ отношеній, которыя, однако, желательно было бы воспроизвести.—За выдѣленіемъ того, что желательно, но не осуществимо, условіе имѣть кого либо въ отца мѣсто заключаетъ въ себѣ только обязанность воздавать названному отцу самую высокую дань почтенія, уваженія и любви. Исключительно въ этомъ смыслѣ употребляется разбираемое выраженіе въ договорахъ перваго вида, не устанавливающихъ подчиненія одного князя другому, гдѣ оно играетъ ту же роль, какъ и выраженіе старѣйшина.

3. Великій князь. Наименованіе великимъ княземъ совпадаетъ съ наименованіемъ старѣйшиной по городу и усвояется обыкновенно князьямъ лучшихъ волостей. Сперва назывались такъ Кіевскіе князья, а по усиленіи Владиміра, Рязани, Твери, Москвы, это наименованіе сообщилось и князьямъ этихъ волостей. Великіе князья, какъ и старѣйшины, не пользовались никакими лучшими правами сравнительно съ другими князьями. Въ дополненіе къ тѣмъ фактамъ, которые указываютъ на совершенное равенство правъ великихъ князей и просто князей и приведены въ очеркѣ исторіи княжескихъ отношеній, укажемъ еще на полные тексты договоровъ, въ большинствѣ которыхъ вели-

кіе князья опредѣляютъ свои отношенія къ князьямъ, не отличеннымъ такимъ титуломъ, на совершенно равныхъ условіяхъ, продолжая тѣмъ не менѣе оставаться великими [176]).

4. Господинъ. Наименованіе господиномъ имѣетъ тоже значеніе почтенія, какъ и наименованіе старѣйшиной и отцемъ, но разнится нѣсколько своимъ характеромъ. Обращеніе со словами старѣйшина и отецъ заимствуетъ свою силу и значеніе отъ того почтенія, которое подобаетъ старшимъ вообще и родителямъ въ особенности; обращеніе же со словомъ господинъ заимствуетъ свою силу отъ почтенія, которое должно быть воздаваемо рабами господамъ ихъ. Такимъ образомъ, наименованіе господиномъ, кромѣ почтенія, выражаетъ еще нѣкоторую приниженность того лица, которымъ употребляется. Можетъ быть именно благодаря этой приниженности признаніе кого либо господиномъ почти вовсе не встрѣчается какъ обязанность, налагаемая договоромъ [177]). Но слово господинъ довольно употребительно, какъ обращеніе къ сильнѣйшимъ князьямъ со стороны князей болѣе слабыхъ. Въ такомъ видѣ оно нерѣдко встрѣчается въ договорахъ, гдѣ, какъ и наименованіе старѣйшиной, отцемъ и великимъ княземъ,—уживается рядомъ съ совершенной равноправностью обѣихъ договаривающихся сторонъ [178]).

[176]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 37, 61, 69, 95 и др. Въ № 119—120, наоборотъ, находимъ ограниченіе правъ великого, князя. См. прим. 30.—Ср. М. П. Погодина. Изслѣдованія и пр. Т. IV, Гл. VI.

[177]) Мы имѣемъ только два такихъ договора, и тѣ относятся къ самому послѣднему времени, XVI в., и заключены между одними и тѣми же лицами, в. к. Московскимъ, Василіемъ Ивановичемъ, и его роднымъ братомъ, Юріемъ. Обязательству «имѣть в. к. Василія себе господиномъ» соотвѣтствуетъ и приниженный тонъ всего договора, который содержитъ въ себѣ такое сильное ограниченіе политической самостоятельности Юрія, какое не встрѣчается ни въ одномъ изъ предшествовавшихъ договоровъ.—Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 133 и 160. Ср. еще Лавр. 1229 г. Но здѣсь не совершенно ясно, обязались ли князья имѣть Юрія себѣ господиномъ, или такъ только назвали его, въ видѣ обращенія. Въ Воскр. же сказано только, что князья обязались имѣть Юрія отцемъ себѣ.

[178]) Договоры обыкновенно писались въ двухъ экземплярахъ, по одному отъ каждой стороны. Князья сравнительно слабыхъ волостей нерѣдко начинали свои грамоты такимъ обращеніемъ къ своимъ болѣе сильнымъ союзникамъ: «на семъ на всемъ, господине и брате старѣйшій, князь великій (такой то, цѣлуй ко мнѣ крестъ ко своему брату молодшему (такому то): быти ти, господине, со мною съ своимъ братомъ молодшимъ вездѣ за одинъ до своего живота» и т. д. Сильнѣйшіе же князья въ своихъ грамотахъ не называютъ себя господами;

они обыкновенно начинаютъ такъ: «на семъ на всемъ, брате молодшій, князь (такой то), цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату старѣйшему, къ великому князю (такому то): быти ти, брате, со мною съ великимъ княземъ вездѣ за одинъ и до своего живота» и т. д. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 54—55, 56—57, 58—59, 61, 75, 91, 97—98, 99—100, 101—102, 106—107, 108—109, 110—111, 115—116, 45, 67.— Только съ конца XV в. и сильнѣйшіе князья въ своихъ грамотахъ начинаютъ сами называть себя господами. Первая такая грамота относится къ 1482 г. Но и послѣ этого года встрѣчаются грамоты какъ вовсе безъ наименованія господиномъ, такъ и только съ одностороннимъ наименованіемъ отъ лица слабѣйшаго князя. Наименованіе господиномъ въ обоихъ экземплярахъ встрѣчается въ №№ 113—114, 123—124, 125—126, 118, 119—120, изъ которыхъ три установляютъ полное равенство правъ договаривающихся сторонъ, а два вносятъ ограниченіе въ пользу одной изъ нихъ, см. прим. 27, 29 и 30.

Замѣтка по поводу мнѣнія о родовомъ бытѣ князей.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ сдѣлать краткое замѣчаніе по поводу весьма распространеннаго въ нашей литературѣ мнѣнія о родовомъ бытѣ князей Рюрикова дома. На 3 стр. II-го тома «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» княжескія отношенія охарактеризованы слѣдующимъ образомъ: «...всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ, слѣдовательно каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей Русскихъ, не смотря на свое развѣтвленіе продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ за мужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцемъ въ правду, и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ». При-

веденное мнѣніе вызвано: во 1-хъ, нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; во 2-хъ, тѣмъ, что частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычаи родоваго быта. Старшій князь, утверждаетъ приведенное мнѣніе, имѣлъ обязанность, думать и дѣйствовать (блюсти, думать и гадать) за младшихъ князей. Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого либо, необходимо, чтобы извѣстное лицо само не думало и не дѣйствовало, и чтобы другому была предоставлена влась думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбѣжно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда онъ по договору обязывался быть въ чьей либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родоваго быта разумѣетъ не это подчиненіе одного князя волѣ другаго, возникающее изъ договора; а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу—обычаевъ родоваго быта. Чѣмъ же доказывается существованіе такихъ обычаевъ? Въ подкрѣпленіе высказанному положенію, авторъ Исторіи приводитъ только одно мѣсто источниковъ: «Такъ Ростиславичи, сказано въ примѣчаніи къ разбираемому мѣсту, въ 1195 г. говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей». Дѣйствительно, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи обратились съ приведенными словами къ Всеволоду Юрьевичу. Но что бы судить объ ихъ отношеніяхъ къ этому князю, и дѣлать заключеніе о характерѣ княжескихъ отношеній вообще, приведеннаго мѣста мало. Для этого надо было взять и другія свидѣтельства, характеризующія взаимныя отношенія тѣхъ же Ростиславичей къ тому же Всеволоду, если таковыя есть. По счастью мы имѣемъ два такихъ свидѣтельства; они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла приведенныхъ словъ. За указаннымъ обращеніемъ Ростиславичей ко Всеволоду послѣдовала война этихъ князей съ Черниговскими Оль-

говчами. Въ 1196 г. Всеволодъ вознамѣрился заключить съ ними миръ, но безъ сношенія съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. По мнѣнію С. М. Соловьева онъ могъ это сдѣлать, ибо былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ. Но могъ ли въ дѣйствительности? Давыдъ Ростиславичъ, дѣйствовавшій за одно со Всеволодомъ, пытается удержать его отъ такого односторонняго дѣйствія, напоминая ему рядъ его съ Рюрикомъ. Слова Давыда заключаются слѣдующимъ знаменательнымъ предостереженіемъ: «а нынѣ безъ его думы (т. е. безъ думы Рюрика) хочемъ мириться! а, брате, повѣдаю ти, сего мира не улюбитъ братъ мой Рюрикъ». Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ этого мира и въ наказаніе отнялъ у Всеволода тѣ города въ Русской землѣ, которые былъ вынужденъ дать ему въ 1195 г. Повторяемъ нашъ вопросъ, могъ ли Всеволодъ думать и дѣйствовать за Ростиславичей? Конечно, нѣтъ, ибо Ростиславичи ясно сознаютъ свое право—думать и дѣйствовать самимъ за себя; Всеволода же, наоборотъ, они считаютъ обязаннымъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, не иначе, какъ по думѣ съ ними, по соглашенію съ ними. Итакъ, примѣромъ Всеволода нельзя доказать того положенія, что старшій князь былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ остальныхъ.—Какой же дѣйствительный смыслъ того мѣста лѣтописи, которое дало поводъ къ этому неправильному заключенію? Въ 1195 г. Рюрикъ Ростиславичъ только что занялъ Кіевскій столъ по смерти Святослава Черниговскаго. Опасаясь, чтобы братъ Святослава, Ярославъ, не сталъ искать подъ нимъ Кіева, Рюрикъ заключилъ оборонительный союзъ со Всеволодомъ. Вскорѣ за тѣмъ зять Рюрика, Романъ, перешелъ на сторону Черниговскихъ князей и сталъ звать Ярослава Всеволодича на Кіевскій столъ. Такимъ образомъ для Рюрика возникъ поводъ требовать отъ Всеволода условленной помощи. Свое требованіе Рюрикъ облекаетъ въ возможно вѣжливую форму, какъ и подобаетъ между добрыми друзьями. «Ты старѣй насъ всѣхъ во Владиміровѣ племени, говоритъ онъ ему (т. е. старѣй лѣтами), а думай, гадай о Русской землѣ и о своей чести и о нашей!» Итакъ, это ничто иное, какъ вѣжливое обращеніе къ старшему лѣтами и при томъ къ человѣку, который нуженъ и можетъ помочь въ бѣдѣ.

О томъ, что бы Всеволодъ былъ старшій членъ въ цѣломъ родѣ Рюриковичей (собст. Ярославичей) здѣсь нѣтъ и рѣчи; здѣсь говорится только о старшинствѣ Всеволода въ Володиміровомъ племени. Старшій же въ цѣломъ родѣ былъ по всей вѣроятности Ярославъ Всеволодичъ Черниговскій, правнукъ Святослава, втораго сына Ярославова, противъ котораго и былъ направленъ союзъ Владиміровичей, потомковъ третьяго сына Ярослава, Всеволода; или Юрій Ярославичъ, (если только онъ былъ живъ въ это время), старшій правнукъ старшаго сына Ярослава, Изяслава, почти вовсе лишенный участія во владѣніи Русской землей. См. Ипат. 1149 и 1155 г.—Далѣе разбираемый авторъ утверждаетъ: старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ. Въ доказательство того, что старшему князю принадлежало право суда надъ младшими, онъ приводитъ только одно мѣсто источниковъ, а именно—слова, сказанныя Ростиславомъ Юрьевичемъ Изяславу Кіевскому: «ты меня старѣй, ты меня и суди». Если изъ этого мѣста можно вывести чье либо право суда, то — одного только Изяслава надъ Ростиславомъ, а никакъ не старшаго въ цѣломъ родѣ надъ всѣми остальными. Изяславъ Мстиславичъ, къ которому обращены эти слова, не только не былъ старшимъ въ цѣломъ родѣ, но даже и не считалъ себя за таковаго: «всѣхъ насъ старѣй, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, отецъ твой, да не умѣетъ съ нами жити». Ипат. 1148 г. И такъ, изъ указаннаго авторомъ мѣста ровно ничего нельзя вывести о правахъ старшаго въ цѣломъ родѣ Рюриковичей князя. «Старѣе»—сказано здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; Изяславъ былъ только старѣе Ростислава, который говоритъ ему: «ты меня старѣй». Надъ Изяславомъ же поднималась еще цѣлая лѣстница князей, изъ которыхъ одинъ былъ старѣе другаго. Старѣе Изяслава былъ его дядя, Юрій, старѣе Юрія—его старшій братъ, Вячеславъ. Еще старѣе этихъ князей, правнуковъ Ярослава отъ третьяго сына Всеволода, были, по всей вѣроятности, его правнуки отъ втораго сына, Святослава, Владиміръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, также находившіеся въ живыхъ.—Какой же настоящій смыслъ приведеннаго извѣстія? Ростиславъ, какъ из-

вѣстно, былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Изяславомъ: онъ получилъ отъ него волость, а во время войны Изяслава съ отцемъ Ростислава, Юріемъ, былъ оставленъ имъ на югѣ «стеречь Русской земли». По возвращеніи изъ этого похода, Изяславъ узнаетъ, что въ его отсутствіе Ростиславъ замышлялъ на него и хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Пригласивъ его къ себѣ, Изяславъ напомнилъ Ростиславу все добро, которое ему сдѣлалъ, и затѣмъ передалъ взводимое на него обвиненіе. На это обвиненіе Ростиславъ отвѣчалъ: «брате и отче! ни въ умѣ, ни въ сердцѣ моемъ того не было! но если кто на меня наговариваетъ, ты меня старѣй, ты меня съ нимъ и суди». Все, что можно вывести изъ этихъ словъ, заключается въ слѣдующемъ: Ростиславъ признаетъ надъ собой въ данномъ случаѣ судъ Изяслава, и только. Основаніе подсудности въ этомъ случаѣ заключается въ личной волѣ Ростислава, а не въ томъ, что Изяславъ его старѣе; иначе пришлось бы допустить, что право суда принадлежало каждому князю относительно старшему лѣтами надъ всѣми другими, которые его моложе. Но мы имѣемъ и положительное доказательство въ пользу того, что старшему въ цѣломъ родѣ князю не принадлежало право суда надъ всѣми остальными. Въ 1097 г. такимъ старшимъ былъ — Святополкъ-Михаилъ Кіевскій. Вмѣстѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ онъ ослѣпилъ Василька. Узнавъ объ этомъ, младшіе князья посылаютъ сказать ему: «чему еси слѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и́ предъ нами». И такъ, младшіе не сознаютъ за старшимъ права суда, а говорятъ, что онъ долженъ былъ явиться въ качествѣ обвинителя предъ ихъ судомъ. Что касается до права старшаго въ цѣломъ родѣ князя — наказывать остальныхъ, то, по скольку это право есть необходимое слѣдствіе права суда, оно также не принадлежало старшему князю, какъ и это послѣднее. Но такъ какъ, въ случаѣ нарушенія договоровъ, князь, пострадавшій отъ этого нарушенія, подвергалъ виновниковъ его такимъ неудобствамъ, какимъ только могъ; то, — если только такіе случаи можно разсматривать, какъ проявленіе права наказывать, — право это принадлежало каждому князю: младшему на равнѣ съ самымъ старшимъ. Мы только что привели случай на-

казанія старшаго князя младшимъ: Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ у Всеволода Юрьевича данную ему волость—за неисполненіе договора. С. М. Соловьевъ въ подтвержденіе высказаннаго положенія о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ—приводитъ два мѣста источниковъ. Одно изъ нихъ (о Мстиславѣ Владиміровичѣ, поточившемъ Полоцкихъ князей въ Греки) относится къ помянутымъ случаямъ личной расправы за неисполненіе договоровъ, и совершенно уравновѣшивается указаннымъ нами примѣромъ такой же расправы младшаго князя со старшимъ. Впрочемъ, и эта ссылка автора выбрана не совсѣмъ удачно. Въ данномъ случаѣ наказываетъ не старшій въ цѣломъ родѣ князь. Наказываетъ Мстиславъ Владиміровичъ, а старѣе его были: правнуки Ярослава отъ втораго сына, Ольговичи и Давыдовичи; еще старѣе тѣхъ и другихъ были правнуки старшаго брата Ярослава, Изяслава Полоцкаго, Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ Всеславичи. Именно эти то Всеславичи, самые старшіе изъ Рюриковичей, и потерпѣли въ данномъ случаѣ наказаніе отъ Мстислава. Второе мѣсто, приводимое авторомъ, вовсе не относится къ наказанію старшимъ, а только къ исполненію приговора младшихъ князей (Лавр. 1097 г.), возложеннаго ими на старшаго, при чемъ старшинство не играетъ никакой опредѣляющей роли.—Далѣе г. Соловьевъ утверждаетъ, что старшій въ цѣломъ родѣ князь—раздавалъ волости. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ ни одной ссылки. Такъ какъ старшимъ былъ всегда одинъ въ цѣломъ родѣ, то выписанное положеніе надо понимать такъ: старшій въ цѣломъ родѣ князь держалъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія волости и по своему усмотрѣнію раздавалъ ихъ кому хотѣлъ. Въ источникахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного мѣста, которое оправдывало бы такой взглядъ. Но можно утверждать, что князья вообще, какъ старшіе, такъ и младшіе, по требованію обстоятельствъ, уступаютъ другъ другу свои волости. Такъ наприм., младшій князь, Рюрикъ Ростиславичъ, уступилъ въ 1195 г. старшему князю, Всеволоду Юрьевичу, волость въ Русской землѣ; а въ 1196 г. отнялъ ее у него.—За перечисленіемъ правъ старшаго въ цѣломъ родѣ князя, авторъ переходитъ къ перечисленію соотвѣтству-

ющихъ имъ обязанностей младшихъ князей. Въ доказательство обязанности младшихъ князей—являться на зовъ старшаго дѣлается ссылка на требованіе Владиміра Мономаха, обращенное къ Ярославу Святополчичу, и основанное на только что заключенномъ этими князьями мирномъ договорѣ; такимъ образомъ, частному случаю, возникшему изъ договора между двумя данными князьями, дается значеніе обычая родоваго быта. Въ доказательство обязанности младшихъ, ходить въ послушаніи старшаго, приводится желаніе Ростислава, что бы извѣстные князья ходили въ его послушаніи; такимъ образомъ то, что только желательно и чего еще нѣтъ, но что можетъ возникнуть въ силу соглашенія между извѣстными князьями, принимается за дѣйствующій и общій обычай. Въ доказательство обязанности младшихъ князей—выступать въ походъ по приказу старшаго, приводится слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Посла Ростиславъ къ братьи своей, веля имъ совокупитися у себя со всѣми полками своими». Изъ прим. 53 мы знаемъ уже какъ мало можно заключать изъ одного выраженія «веля», «посла» о лучшихъ правахъ того князя, который ихъ употребляетъ.—Въ томъ же сочиненіи и на той же страницѣ находимъ еще слѣдующую характеристику правъ, приписанныхъ старшему къ цѣломъ родѣ князю: «Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей, такъ продолжаетъ авторъ послѣ сдѣланной выше выписки, точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: .....всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовью съ обѣихъ сторонъ.....». Въ Ярославовомъ завѣщаніи не говорится ни слова о правахъ старшаго князя надъ младшими. Тамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на право Изяслава судить своихъ младшихъ братьевъ, наказывать ихъ, распредѣлять между ними русскія волости по усмотрѣнію, приказывать выступать въ походъ и пр.; а потому его и нельзя приводить въ поясненіе высказаннаго авторомъ взгляда. Въ завѣщаніи говорится, правда, о послушаніи младшихъ братьевъ старшему, но въ то же время говорится и о послушаніи ихъ другъ другу и, слѣдовательно, о послушаніи старшаго младшимъ. На 2 стр. того же сочиненія, послѣ изложенія содержанія

Ярославова завѣщанія, авторъ самъ восклицаетъ: «ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны....». Дѣйствительно ни слова, и понятно почему: государя всей страны еще не было.—Неправильное представленіе о старшемъ князѣ богато послѣдствіями: оно повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ, исключенныхъ изъ старшинства, изгояхъ, и пр. Источникъ этого неправильнаго представленія надо искать въ предшествовавшемъ состояніи исторической науки, въ нѣкоторыхъ взглядахъ Эверса и Рейца. Въ опытѣ исторіи рос. гос. и граж. законовъ послѣдняго на стр. 78 читаемъ: «Ярославъ, раздѣливъ владѣнія своимъ сыновьямъ, основалъ союзное государство, въ коемъ наслѣдники князей были подчинены верховной власти старшаго брата, княжившаго въ Кіевѣ». Ближайшее опредѣленіе характера «верховной власти старшаго брата» и привело къ родовому быту князей Рюрикова дома.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Порядокъ распредѣленія волостей между князьями.

Въ III главѣ мы уже имѣли случай замѣтить, что Русскія волости не составляли наслѣдственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а добывались[1]).

Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ: понятіе добыванія, его предметъ, виды, кругъ лицъ, имѣвшихъ право добывать столы, значеніе послѣдней воли князя и значеніе понятія отчины.

Добываніе есть дѣйствіе личной энергіи, направленной къ пріобрѣтенію стола. Успѣхъ добыванія условливается умѣньемъ употребить въ свою пользу тѣ силы, отъ совокупнаго дѣйствія которыхъ зависѣли судьбы древне Русскихъ волостей. До вто-

[1]) Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ такъ о себѣ выражается: «добылъ есмъ головою своею Кыева и Переяславля». Лавр. 1150 г.—Для обозначенія того же понятія въ источникахъ употребительны еще слѣдующіе термины: 1) Искать. Въ Ипат. лѣт. подъ 1141 г. читаемъ: «аже вы не даси волости, говорятъ Давыдовичи и Ольговичи Черниговскіе Всеволоду Кіевскому, а намъ самѣмъ о собѣ поискати». Тамъ же подъ 1195 г., Владиміровичи требуютъ отъ Ольговичей, что бы они не искали подъ ними Кіева. Тотъ же терминъ встрѣчаемъ и въ полныхъ текстахъ договоровъ, см. напр. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 28, 77, 88. 2)Налѣзать. См. Лавр. лѣт. подъ 1096 г.; Владиміръ Мономахъ говоритъ Олегу Святославичу. «Аще бы тогда свою волю створилъ и Муромъ налѣзлъ...» Этотъ терминъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ употреблялся и для обозначенія дѣятельности городовъ въ пріисканіи себѣ князя; такъ Новгородцы говорятъ Святославу Кіевскому: «аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ». Лавр. 970 г. Ср. еще Ипат. 1120 и 1213 г. 3) Примышлять. См. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 43, 90 и др.

рой половины XIII в. для этого главнымъ образомъ было необходимо имѣть на своей сторонѣ народъ и князей. Съ Татаръ въ Россіи появляется новая сила, сила Ордынскихъ царей, къ которымъ и переходитъ значительная доля вліянія на распредѣленіе столовъ: какъ прежде князья заботились о привлеченіи на свою сторону народа, такъ теперь они вынуждены заботиться о привлеченіи Татаръ, съ помощью которыхъ легко можно было справиться какъ съ народомъ, такъ и съ князьями-соперниками. Съ этого времени народъ мало-по-малу утрачиваетъ свое значеніе въ вопросѣ о замѣщеніи волостей; но князья, изъ которыхъ каждый могъ купить содѣйствіе Татаръ,—продолжаютъ оставаться силой, и соглашеніе съ ними также необходимо въ XIV и послѣдующихъ вѣкахъ, какъ и до этого времени.

Обладаніе волостью составляетъ доходную статью для князя: онъ пользуется пошлинами съ суда, торговли и пр. А потому ближайшее побужденіе къ добыванію заключается въ желаніи получать доходъ, съ котораго можно было бы быть сыту. Такъ Олегъ Святославичъ, требуя у Изяслава Владиміровича занятаго имъ Мурома, говоритъ: «ты ли ми здѣ хлѣба моего не хощеши дати?» [2]) Тотъ же мотивъ слышится и въ жалобѣ Святослава Ольговича на Изяслава Давыдовича, уступившаго ему по ряду 1158 г. только опустошенную часть Черниговской волости: «Господи! восклицаетъ Святославъ, вижь мое смиреніе, колико на ся поступахъ, не хотя крови пролити хрестіянскія, взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми, а всю волость Черниговскую оставилъ Изяславу съ сыновцемъ его, и то ему не досыти; но велитъ мнѣ еще и изъ Чернигова пойти» [3]). Получить хорошую волость и быть сыту—это синонимы. Въ Новгородской лѣтописи читаемъ: «въ Новгородъ пріѣха князь Патрикѣй Наримантовичь, и пріяша его Новгородцы и даша ему кормленіе: Орѣховъ городъ, Корѣльскій городъ» и пр. Слово кормленіе употреблено здѣсь вмѣсто слова пригороды [4]).

[2]) Лавр. 1096 г. [3]) Ипат. 1159 г.

[4]) Новгород. IV. 1383 г. и Новгород. I., гдѣ, дѣйствительно, слово кормленіе объяснено словомъ пригороды, въ Новгород. IV. подъ 1446 г. слово кормленіе употреблено въ другомъ смыслѣ. Въ Пск. I. подъ 1478 г. находимъ въ Новгородѣ «кормленаго князя».

Имѣть кормленіе есть первое и непосредственное побужденіе къ добыванію волости; второе—заключается въ желаніи обезопасить разъ пріобрѣтенную уже волость отъ захватовъ со стороны другихъ князей. Святославъ Черниговскій, замысливъ овладѣть волостью старшаго брата, Изяслава Кіевскаго, склоняетъ на свою сторону Всеволода Ярославича такою рѣчью: «Изяславъ, говоритъ онъ, ссылается со Всеславомъ Полоцкимъ, мысля на наю; да аще его не упредимъ, имать насъ прогнати. И тако взостри Всеволода на Изяслава», прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ [5]). Совершенно такимъ же доводомъ пользуется Давыдъ Игоревичъ, чтобы склонить Святополка-Михаила къ нападенію на Василька: «кто убилъ брата твоего Ярополка, говоритъ Давыдъ Кіевскому князю, намекая на Василька,—а нынѣ мыслитъ на мя и на тя, и сложился съ Володимеромъ? да промышляй о своей головѣ! Аще не имевѣ Василька, то ни тебѣ княженья въ Кіевѣ, ни мнѣ въ Володимірѣ. И послуша его Святополкъ» [6]). Для нашей цѣли все равно—были ли основательны эти подозрѣнія въ данномъ случаѣ, или нѣтъ; важно то, что они находили вѣру и вели къ измѣненію существующаго распредѣленія столовъ. При одновременномъ существованіи множества самостоятельныхъ князей, изъ которыхъ каждый имѣлъ основаніе заботиться о расширеніи своихъ владѣній, поводы къ такой подозрительности были не рѣдки; они проходятъ чрезъ всю княжескую эпоху. Въ XV в. встрѣчаемся съ свидѣтельствомъ лѣтописца, совершенно совпадающимъ съ только-что приведенными свидѣтельствами изъ XI-го. Дмитрій Шемяка, задумавъ овладѣть великимъ княженіемъ Владимірскимъ подъ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ, склоняетъ на свою сторону Ивана Можайскаго и Бориса Тверскаго такимъ посольствомъ: Василій Васильевичъ, приказалъ онъ сказать помянутымъ князьямъ, цѣловалъ къ Ордынскому царю крестъ на томъ, что «сидѣти царю на Москвѣ и на всѣхъ градѣхъ Русскихъ и на нашихъ вотчинахъ, а самъ хочетъ сѣсти на Твери» [7]).

Дѣйствіе добыванія могло быть направлено какъ на волость

[5]) Лавр. 1073 г. [6]) Лавр. 1097 г. [7]) Воскр. 1446 г.

*

ни кѣмъ еще не занятую, такъ и на такую, которая уже имѣла своего князя. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно называлось «подыскиваніемъ» [8]). Вопросъ о томъ, какую именно волость слѣдовало искать, рѣшался на основаніи соображенія всѣхъ условій данной минуты и составлялъ задачу современной политики. Чѣмъ важнѣе была волость, тѣмъ болѣе сосредоточивались на ней желанія князей, и, слѣдовательно, тѣмъ большая сумма благопріятныхъ условій должна была соединиться въ пользу того князя, который захотѣлъ бы овладѣть ею. Если въ распоряженіи князя было много силъ, онъ направлялъ ихъ къ добыванію старѣйшей (т. е. лучшей) волости; въ противномъ случаѣ приходилось довольствоваться второстепенной. Для примѣра остановимся на Кіевскихъ событіяхъ 1149 и 1154 года. Юрій Ростовскій, предпринявъ въ 1149 г. первый походъ на Изяслава Кіевскаго, доискивался не Кіева, а только Переяславля. Послы его такъ говорили Кіевскому князю: «брате и сыну! Рускыя дѣля земли и хрестьянъ дѣля, не будемъ проливать крови христіанской, но дай ми Переяславль, а ты сиди, царствуя въ Кіевѣ; не хощеши ли того створити, а за всимъ Богъ!» Умѣренность Юрія понятна. Кіевскій столъ занималъ энергическій Изяславъ, пользовавшійся расположеніемъ Кіевлянъ и состоявшій въ оборонительныхъ договорахъ съ Черниговскими князьями, Давыдовичами, Смоленскимъ, Ростиславомъ, и Волынскимъ, Святополкомъ. Юрій не могъ надѣяться, что Изяславъ, располагавшій силами Кіевлянъ, Черниговцевъ, Волынцевъ и Смольнянъ, уступитъ ему добровольно Кіевъ. Изяславъ, съ своей стороны, очень понадѣялся на свои силы и отказалъ Юрію даже въ Переяславлѣ. Мы уже знаемъ, что послѣдовавшая за этимъ отказомъ битва кончилась въ пользу Юрія, который овладѣлъ не

[8]) См. напр. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 144, 160 и др. Для обозначенія того же понятія употребительны еще слѣдующія выраженія: 1) подозрѣти; такъ въ Ипат. л. подъ 1146 г. Кіевскому князю Игорю и брату его Святославу приписаны слѣдующія слова: «Изяславъ цѣловалъ крестъ къ намъ, яко не подозрѣти Кіева»; тамъ же подъ 1159 г. находимъ извѣстіе о томъ, что Изяславъ Давыдовичъ Кіевскій цѣловалъ крестъ къ Святославу Черниговскому «яко не подозрѣти подъ нимъ Чернигова никимъ же образомъ»; ср. еще тамъ же 1172 г. 2) вступаться, см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, №№ 32, 43, 90 и др.; 3) обидѣть, см. тамъ же № 37 и др. и въ А. А. Э. Т. I. № 10.

только Переяславлемъ, но и Кіевомъ. Окончательный исходъ борьбы оправдалъ, однако, отказъ Изяслава. Юрій лишился Кіева, Переяславля и даже Городка и принужденъ былъ удалиться въ свой Ростовъ. По смерти Изяслава положеніе Юрія измѣнилось: Изяславъ Давыдовичъ Черниговскій, которому не удалось овладѣть Кіевомъ на себя, перешелъ на сторону Юрія и предложилъ ему свое содѣйствіе въ добываніи Кіева; противъ Юрія были только слабые Ростиславъ съ Вячеславомъ. Отъ вниманія Ростовскаго князя не ускользнуло это измѣнившееся въ его пользу положеніе дѣлъ: онъ заявилъ свои притязанія на Кіевъ, дѣйствительно овладѣлъ имъ и утвердился крестными цѣлованіями съ сосѣдними князьями [9]).

Дѣйствія добыванія могутъ быть подведены подъ слѣдующіе виды:

1) Занятіе. Занятіе имѣетъ мѣсто по отношенію къ свободному столу. Князь, разъ впущенный въ городъ, имѣлъ уже по этому одному важное преимущество предъ всѣми другими князьями; онъ могъ войдти въ соглашеніе съ гражданами, получить ихъ поддержку и, пользуясь городскими укрѣпленіями, отсидѣться отъ всякого другаго претендента. Вслѣдствіе этихъ преимуществъ, соединенныхъ съ занятіемъ города, для каждаго князя было чрезвычайно важно поспѣшнымъ въѣздомъ въ свободный городъ—у п р е д и т ь всѣхъ другихъ соискателей. Если граждане не были противъ него [10]). онъ становился господиномъ мѣста и другимъ соискателямъ приходилось уже завоевывать у него занятую волость. Въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1151 г. находимъ любопытное мѣсто, показывающее всю важность фактическаго занятія стола. Въ битвѣ Юрія съ Изяславомъ былъ убитъ Черниговскій князь, Владиміръ Давыдовичъ. Оплакавши смерть его, Изяславъ Кіевскій, опасаясь, чтобы Черниговъ не былъ занятъ врагомъ его, Святославомъ Ольговичемъ, обра-

[9]) Ипат. 1149 г., 1154 г., 1155 г.

[10]) Какъ они оказались напр. въ 1150 г., противъ Вячеслава, который, не смотря на то, что въѣхалъ въ Кіевъ прежде племянника, Изяслава, принужденъ былъ отказаться отъ занятаго имъ города и удалиться въ прежнюю свою волость, предоставивъ Кіевъ Изяславу, пользовавшемуся большой любовью граждан. См. Ипат.

тился къ своему союзнику и брату убитаго, Изяславу Давыдовичу, съ такою рѣчью: «сего нама уже не воскресити! но се, брате, Богъ и Пречистая Богородица вороги наша побѣдилъ, а тѣ нынѣ бѣгаютъ около, а Черниговъ осе, а ты, брате, сему уже не стой, но нарядися, возьми брата своего, поѣди же Чернигову, а язъ ти помочь приряжу; буди же нынѣ до вечера у Вышгородѣ. Изяславъ же (Кіевскій), сдумавъ съ братомъ своимъ Ростиславомъ и пустиша съ нимъ Романа. И тако поѣха Изяславъ съ Романомъ до Чернигова; и яко же рекоша имъ Изяславъ и Ростиславъ до вечера быти у Вышгородѣ, такоже и быша, той ночи перевозишася, утрій же день первое поѣхаша къ Чернигову. Изяславъ же въѣха съ Романомъ въ Черниговъ и погребъ брата своего, а самъ сѣде на столѣ брата своего Черниговѣ». Совѣтъ Кіевскаго князя, спѣшить занятіемъ Чернигова, былъ данъ какъ нельзя болѣе кстати, ибо въ тоже самое время спѣшилъ къ Чернигову и противникъ Изяслава, Святославъ Ольговичъ. Въ лѣтописи читаемъ: «а Святославъ Ольговичъ и Всеволодичъ Святославъ перебѣгоста Днѣпръ выше Заруба и бѣгоста въ Городецъ. Святославъ же Ольговичъ бѣ тяжекъ тѣломъ и трудился бѣ бѣжа, и оттуду изъ Городца посла Чернигову Святослава Всеволодича, сыновца своего, а самъ не може ѣхати. Святославъ же пригна къ перевозу ко Деснѣ, и ту бы ему вѣсть, оже уже Изяславъ Давыдовичъ и Романъ Ростиславичъ уѣхаста въ Черниговъ. И то слышавъ и побѣже опять, а противу стрыеви посла, река: не ѣзди сѣмо, но поѣди къ Новугороду (Северску), здѣ ти въѣхалъ уже Изаславъ Давыдовичъ и Романъ Ростиславичъ. И то слышавъ Святославъ и побѣжаста къ Новугороду». Подобно этому въ 1164 г., по смерти Черниговскаго князя, Святослава Ольговича, дружина его, опасаясь, чтобы Черниговскій столъ не былъ занятъ Святославомъ Всеволодичемъ, даетъ такой совѣтъ сыну умершаго, Олегу Святославичу: «Княже! не стряпай, ѣди борзѣ, Всеволодичъ бо не добрѣ жилъ съ отцемъ твоимъ и тобою, ачи что замыслитъ лихое?» Въ то же самое время Черниговскій епископъ, Антонъ, отправилъ посольство къ Святославу Всеволодичу съ такими рѣчами: «стрый ти

умеръ, а по Ольга послали, а дружина по городомъ далече, а княгиня сидитъ въ изумѣньи съ дѣтьми, а товара множество у нея; а поѣди вборзѣ, Олегъ ти еще не въѣхалъ, а по своей воли возмеши рядъ съ нимъ» [11]). Изъ предыдущаго мы знаемъ, что волость безъ князя—была какъ безъ рукъ, а потому отказывала въ пріемѣ первому претенденту только въ крайнихъ и исключительныхъ случаяхъ. Занявши же городъ, князь легко могъ закупить въ свою пользу если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ значительную партію: подарками, обѣдами, раздачей должностей [12]); остальные смолкали частью по равнодушію, частью изъ страха передъ дружиной.

2) Захватъ чужой волости посредствомъ завоеванія или только устраненія личности ея князя. Устраненіе личности князя, достигаемое обыкновенно хитростью и обманомъ, представляетъ, сравнительно съ завоеваніемъ, легчайшій способъ захвата чужаго стола: волость, оставшись безъ князя, если не имѣла возможности помочь себѣ новымъ призваніемъ, волей-неволей должна была признать противника своего прежняго князя. Обыкновенный способъ устраненія князя заключался въ овладѣніи его личностью и въ лишеніи свободы—заключеніемъ у себя дома, въ порубь, какъ это сдѣлалъ напр. Ярославъ съ младшимъ братомъ Судиславомъ, а его сыновья—со Всеславомъ Полоцкимъ, или ссылкой въ отдаленныя мѣста также съ цѣлью заключенія, какъ поступилъ напр. Всеволодъ съ Олегомъ и Мстиславъ съ Полоцкими князьями, отправивши ихъ въ заточеніе въ Греки [13]). Но заключеніе еще не

[11]) Ипат. 1164 г.

[12]) Такъ напр. Святополкъ, занявши Кіевъ по смерти отца, созываетъ Кіевлянъ и раздаетъ имъ имѣніе. Лавр. 1015 г.

[13]) Для овладѣнія личностью противника князья не останавливались даже и передъ обманомъ. Такъ Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярословичи схватили Всеслава Полоцкаго не смотря на то, что, приглашая его къ себѣ, цѣловали къ нему крестъ «не сотворить ему зла», и онъ отправился къ нимъ, именно надѣясь на это цѣлованіе; также при помощи обмана Святополкъ-Михаилъ и Давыдъ Игоревичъ овладѣли Василькомъ; Мстиславъ Владиміровичъ-Полоцкими князьями, Давыдомъ, Ростиславомъ, Святославомъ и сыновьями Рогволода; Глѣбъ Владиміровичъ — Рязанскими князьями, Романомъ, Михаиломъ, Ростиславомъ и Святославомъ; вел. князь Московскій, Василій Ивановичъ, — вел. княземъ Рязанскимъ, Иваномъ Ивановичемъ и пр.

совершенно обезпечивало новое пріобрѣтеніе: заключенный могъ бѣжать[14]) и приступить къ отыскиванію утраченнаго стола; а потому, чтобы лишить своихъ противниковъ возможности возобновить борьбу, князья прибѣгали иногда къ болѣе сильнымъ средствамъ,—къ ослѣпленію и убійству [15]).

Война разсматривалась какъ Божій судъ и была верховнымъ рѣшителемъ всякихъ споровъ между князьями. Обыкновенный результатъ побѣды заключался въ захватѣ волости побѣжденнаго, всей или только части. Такъ Кіевскій князь, Ярополкъ, овладѣлъ Древлянскою волостью Олега: а нѣсколько позднѣе Новгородскій князь, Владиміръ, всѣми волостями своего старшаго брата, Ярополка; точно также въ силу побѣды достались Ярославу всѣ волости Святополка и въ свою очередь въ силу пораженія онъ принужденъ былъ отказаться отъ Чернигова въ пользу младшаго брата, Мстислава. Мы не будемъ перечислять всѣхъ случаевъ подобнаго добыванія: они встрѣчаются на каждой страницѣ нашей древнѣйшей исторіи. Въ болѣе поздній періодъ собиранія Русской земли завоеваніе играетъ также не послѣднюю роль между тѣми способами, къ которымъ прибѣгали Московскіе князья для распространенія своихъ владѣній.

3) Пріобрѣтеніе въ силу добровольной уступки. Добровольныя уступки дѣлались для замиренія враговъ и для поддержанія добраго расположенія друзей. Князья обращались къ уступкамъ, какъ къ средству замиренія въ тѣхъ случаяхъ, когда уступка части владѣній казалась имъ меньшимъ пожертвованіемъ, чѣмъ продолжительная вооруженная борьба, исходъ которой могъ быть еще сомнителенъ. Древнѣйшій случай такой уступки находимъ подъ 1020 г. Хотя Ярославъ и одержалъ въ этомъ году побѣду надъ Брячиславомъ Полоцкимъ, безпокоившимъ его новгородскія владѣнія; но при заключеніи мира на-

[14]) Случаи освобожденія заключенныхъ весьма не рѣдки: Всеволодъ Полоцкій не только былъ освобожденъ, но даже получилъ обладаніе Кіевскимъ столомъ; его внуки, сосланные Мстиславомъ въ Грекп, возвратились и снова утвердились въ Полоцкѣ; в. к. Рязанскому, Ивану Ивановичу, тоже удалось бѣжать изъ Москвы. Ср. еще: Лавр. 1064 г., 1077 г., 1078 г., 1081 г., 1084 г.

[15]) Мы имѣемъ два случая ослѣпленія и до 13 убійствъ изъ за обладанія волостями. См. Лавр. 980 г., 1015 г., Ипат. 1140 г., Лавр. 1097 г., 1217 г., Воскр. 1306 г., 1318 г., Льв. 1343 г., Воскр. 1446 г.

шелъ необходимымъ уступить ему два города, Восвячъ и Видбескъ [16]). Съ той же цѣлью замиренія сынъ Ярослава, Всеволодъ, уступилъ Дорогобужъ Давыду Игоревичу, который былъ совершенно лишенъ участія во владѣніи Русской землей и занимался грабежемъ въ предѣлахъ Всеволодовой волости [17]). Подобно этому Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, отнявши Кіевъ у Вячеслава Владиміровича, нашелъ необходимымъ сдѣлать Вячеславу и племяннику его, Изяславу, такія уступки, какихъ они отъ него потребовали. «И посла, говоритъ лѣтописецъ, Вячеславъ и Изяславъ Мстиславичъ послы свои ко Всеволоду съ рѣчами, рядитися. Всеволодъ же не хотѣлъ учинити воли ихъ; а послѣ сдумавъ, что ему безъ нихъ нельзя быти, и далъ имъ прошеніе ихъ и крестъ къ нимъ цѣловалъ» [18]). Укажемъ еще на примѣръ Константина Всеволодича, который, одержавъ надъ братомъ своимъ, Юріемъ, знаменитую побѣду на Липецкомъ полѣ, принудилъ его довольствоваться однимъ только Радиловымъ городкомъ; но въ слѣдующемъ же году, для болѣе прочнаго замиренія, нашелъ необходимымъ уступить ему Суздаль, а на случай смерти своей обѣщать передачу Владиміра [19]).

Друзья были требовательны не менѣе враговъ: ихъ услуги должны были также окупаться уступками, въ противномъ случаѣ они или отказывали въ своемъ содѣйствіи, или, что еще хуже, обращали свое оружіе противъ неблагодарнаго союзника. Только-что помянутый Всеволодъ Ольговичъ, занявши Кіевъ, не надѣлилъ помогавшихъ ему родныхъ и двоюродныхъ братьевъ въ той мѣрѣ, какъ они желали; и они сейчасъ же составили противъ него коалицію съ цѣлью доискиваться Черниговской и Сѣверской волости. Чтобы разстроить эту коалицію, Всеволодъ былъ вынужденъ сдѣлать особыя уступки Давыдовичамъ [20]). Юрій, занявши Кіевъ, спѣшитъ подѣлиться съ своими союзниками, Святославомъ Ольговичемъ и Изяславомъ Давыдовичемъ: пер-

[16]) Воскр. 1020 г.
[17]) Лавр. 1084 г., ср. еще 1081 г. и 1083 г.
[18]) Ипат. 1140 г.
[19]) Воскр. 1216 и 1217 г.
[20]) Ипат. 1142 г.

вому уступаетъ—Мозырь, а второму—Корческъ [21]). Когда Рюрикъ Ростиславичъ занялъ въ 1195 г. Кіевскій столъ, союзникъ его, Владимірскій князь, Всеволодъ, не замедлилъ предъявить свои требованія на уступку ему лучшей части Кіевской волости, угрожая въ случаѣ отказа оставить его безъ помощи противъ Черниговскихъ князей. Въ 1231 г. Даніилъ Галицкій оказалъ дружественную услугу Кіевскому князю, Владиміру, примиривъ его съ Михаиломъ Черниговскимъ, который шелъ уже ратью къ Кіеву, и получилъ за это «часть въ Русской землѣ, Торцькій» [22]).

Къ тому же виду добыванія надо отнести и пріобрѣтеніе чужихъ волостей за соотвѣтственное денежное вознагражденіе. Такія пріобрѣтенія носили наименованіе «купли». Особенно любилъ обращаться къ этому средству Московскій князь, Иванъ Даниловичъ Калита. Впрочемъ, есть основаніе думать, что оно было употребительно и гораздо прежде [23]).

4) Съ Татаръ явился новый способъ пріобрѣтенія посредствомъ ханскихъ ярлыковъ. Для того, чтобы выхлопотать въ Ордѣ ярлыкъ на то или другое княженіе, были необходимы во первыхъ, деньги для подарковъ какъ самому царю, такъ и его приближеннымъ, а во вторыхъ, умѣнье говорить пріятныя царю рѣчи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно любопытенъ споръ, который имѣли передъ царемъ въ Ордѣ Галицкій князь, Юрій Дмитріевичъ, и послы Московскаго князя, Василія Васильевича, о великомъ княженіи Владимірскомъ. Сначала представители Московскаго князя доказывали права его тѣмъ, что на великомъ княженіи сидѣли отецъ и дѣдъ его, и что оно должно перейдти къ нему «по отчеству и по дѣдству». Юрію не трудно было поколебать силу этого аргумента ссылкою на лѣтописцевъ, изъ которыхъ видно, что переходъ стола отъ отца къ сыну далеко не составлялъ общаго правила въ

[21]) Ипат. 1135 г.

[22]) Ипат. 1231 г.; ср. еще уступки, которыя былъ вынужденъ сдѣлать в. к. Московскій, Иванъ Васильевичъ, роднымъ братьямъ, Андрею и Борису, Воскр. 1474 г., 1481 г.

На эту мысль наводитъ требованіе Романа Мстиславича дать ему вмѣсто отбираемой волости «кунами, во что будетъ была». Ипат. 1195 г.—Ср. еще Лавр. подъ 1100 г.

княжеской Россіи. Кромѣ того, Юрій привелъ въ свою пользу завѣщаніе отца своего, Дмитрія Ивановича, въ которомъ между прочимъ сказано: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василія, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ»...[24]). Юрій, придерживаясь буквы завѣщанія, имѣлъ основаніе утверждать, что случай, предусматриваемый въ приведенной статьѣ наступилъ: великій князь, Василій Дмитріевичъ, умеръ, а Юрій непосредственно слѣдовалъ за нимъ или, говоря словами завѣщанія, «былъ подъ Василіемъ»; а потому, если основываться на послѣдней волѣ Дмитрія Ивановича, великое княженіе принадлежало ему. Такимъ образомъ, записанныя лѣтописцами прецеденты одинаково говорили какъ за, такъ и противъ Василія; что же касается до завѣщанія Дмитрія Васильевича, на первый взглядъ [25]) оно было прямо противно притязаніямъ его внука. Видя эти трудности, которыя не легко было разрѣшить въ пользу Василія, оставаясь на почвѣ княжескихъ обычаевъ, посолъ Московскаго князя измѣнилъ тактику и обратился ко всемогуществу Ордынскаго царя. «Государь, вольный царь! сказалъ онъ, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь, вел. князь Василій, ищетъ стола своего, великаго княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтерямъ и ярлыкамъ; а се твое жалованье передъ тобою! А господинъ нашъ, князь Юрій Дмитріевичъ, хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, вольнаго царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого восхощешь жаловати, на твоей волѣ! А государь нашъ князь великій, Василій Дмитріевичъ, великое княженіе далъ своему сыну, вел. князю Василію, по твоему жалованію вольнаго царя; а уже, господине, который годъ сидитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованьи, тебѣ, своему государю, вольному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо»[26]).

[24]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 34. [26] Воскр. 1432 г.

[25]) См. ниже прим. 78, гдѣ указанъ дѣйствительный смыслъ приведеннаго мѣста.

Эти льстивыя рѣчи понравились царю, и онъ далъ великое княженіе Василію.

Занятіе и захватъ давали только фактическое обладаніе. Занятіе не лишало ни одного изъ упрежденныхъ князей права отыскивать занятую кѣмъ либо волость или часть ея—завоеваніемъ; точно также и завоеваніе не лишало князя, потерпѣвшаго пораженіе и въ силу того утратившаго свою волость, права отыскивать ее новымъ завоеваніемъ. Фактическое обладаніе становилось правомъ только въ силу договора, по которому одна изъ сторонъ отказывалась въ пользу другой отъ добытаго ею стола. Въ случаѣ занятія и захвата договоръ обыкновенно слѣдовалъ за совершившимся уже освоеніемъ [27]); въ случаѣ добровольной уступки—онъ, естественно, предшествовалъ занятію. Полученіе ханскаго ярлыка не исключало необходимости въ скрѣпленіи пріобрѣтенія договоромъ съ другими князьями-претендентами, ибо Орда не затруднялась выдачею ярлыковъ разнымъ лицамъ на одно и то же княженіе.—О необходимости ряда между князем и вѣчемъ и о тѣхъ условіяхъ, которыя имѣли вліяніе на признаніе народомъ того или другаго изъ претендентовъ своимъ княземъ, мы уже имѣли случай говорит выше [28]).

Добывать волости могли не только Рюриковичи, но и князья чужихъ родовъ [29]). Въ родѣ Рюриковичей право добыванія принадлежало каждому вышедшему изъ-подъ отеческой власти князю и не зависимо отъ того, былъ ли его отецъ самостоятельнымъ княземъ, или нѣтъ. Право это не стѣснялось ни степенями родства, ни значеніемъ занимаемыхъ волостей. Съ древнѣйшихъ временъ и до установленія единодержавія мы постоянно встрѣ-

[27]) Само собою разумѣется, что далеко не всякій примыслъ скрѣплялся договоромъ.—Иногда князю, потерпѣвшему пораженіе, было выгодно отказаться въ пользу побѣдителя отъ части своихъ владѣній, чтобы тѣмъ спасти остальное; въ такомъ случаѣ заключался договоръ, которымъ признавались права побѣдителя. Если же договоръ ни въ какомъ отношеніи не улучшалъ положенія побѣжденнаго, для него было выгоднѣе удержать за собою всѣ свои права, чтобы предъявить ихъ въ болѣе благопріятную для себя минуту.

[28]) См. главы III и V.

[29]) См. прим. 1. къ VI главѣ.

чаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ: братья ищутъ подъ братьями, дяди подъ племянниками, племянники подъ дядьями, двоюродные братья подъ двоюродными и т. д., столкновеніе, борьба и договоры родственниковъ всѣхъ возможныхъ степеней по поводу обладанія столами, при чемъ князь, занимающій старшій столъ, доискивается присоединить къ своимъ владѣніямъ—младшую волость и наоборотъ. Эта свобода добыванія имѣла только два ограниченія: одно—чисто-фактическое—въ средствахъ добыванія; другое—въ силу договора, по которому одна сторона отказывалась въ пользу другой отъ извѣстнаго стола, или прямо обязывалась не подыскиваться подъ нею[29*]).

29*) Случаи такихъ обязательствъ весьма не рѣдки; мы находимъ ихъ какъ въ краткихъ извѣстіяхъ о содержаніи древнѣйшихъ княжескихъ договоровъ, сохраненныхъ лѣтописцами, такъ и въ полныхъ текстахъ договоровъ позднѣйшаго времени. См. приведенныя въ 8 прим. мѣста Ипат. лѣт. подъ 1146 и 1150 г. Тамъ же подъ 1172 г. читаемъ: «урядився добрѣ съ братомъ (Мстиславъ съ Ярославомъ) и крестъ цѣловавъ, яко же ему (Ярославу) не подозрѣти волости подъ дѣтьми его, преставися князь Мстиславъ». Подъ 1195 г. находимъ извѣстіе о томъ, что Черниговскіе Ольговичи обязались не искать Кіева подъ Рюрикомъ и Всеволодомъ; а въ томъ же году они отказались принять на себя обязательство—не искать Кіева и послѣ ихъ смерти. Въ 1196 г. Черниговскіе Ольговичи обязываются не искать Смоленска подъ Давыдомъ Ростиславичемъ, см. Ипат. л. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича Московскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ последній обязывается «не искать подъ Московскимъ княземъ удѣла дяди его, в. к. Семена». Подобно этому Тверскій князь, Михаилъ Александровичъ, въ договорѣ съ Дмитріемъ Ивановичемъ обязывается не искать подъ нимъ Москвы. Правнукъ Михаила, Тверскій в. к. Борисъ Александровичъ, въ 1451 г. принимаетъ на себя обязательство не искать Москвы и всего, что къ ней потянуло, подъ в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, и съ своей стороны обязываетъ Московскаго князя не искать подъ нимъ Твери и всего, что къ ней потянуло. Совершенно такія же обязательства повторены и въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ в. к. Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 28, 76, 77, 88. Въ договорѣ в. к. Московскаго, Ивана Васильевича, съ роднымъ братомъ его, Борисомъ Волоцкимъ, включено обоюдное условіе «не подыскивать, не вступаться» въ волости другъ друга. Такія же условія находимъ въ договорѣ Московскаго в. к., Василія Дмитріевича, съ Рязанскимъ в. к., Ѳедоромъ Ольговичемъ, Моск. в. к., Ивана Васильевича, съ Ряз. в. к., Иваномъ Васильевичемъ, Моск. в. к., Василія Васильевича, съ Галицкимъ к., Юріемъ, и во многихъ другихъ. См. тамъ же №№ 32, 36, 43—44, 49, 52 65, 90, 97, 115—116 и др.—Въ договорѣ в. к. Московскаго, Василія Васильевича, съ Можайскими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, для обозначенія совершенно такого же обязательства употреблено выраженіе—«не хотѣти», тамъ же № 64, 66. Встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ договорахъ условіе «держать извѣстное княженіе подъ извѣстнымъ княземъ—честно и грозно» (№ 45) имѣетъ тоже значеніе, какъ и условія: «не искать, не вступаться, не подыскиваться, не хотѣть», и употребляется для ихъ усиленія; оно обыкновенно выговаривалось

Высказанное положеніе подтверждается всей исторіей княжескаго періода. Мы уже имѣли случай воспользоваться относящимися сюда фактами въ предшествовавшемъ очеркѣ исторіи княжескихъ отношеній, но съ другой точки зрѣнія. Для большей наглядности мы воспроизведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, распредѣливши ихъ по тремъ отдѣльнымъ группамъ: въ первой укажемъ на случаи добыванія волостей между родными братьями, во второй—между дядьями и племянниками родными и двоюродными, въ третьей—между двоюродными братьями и другими болѣе отдаленными степенями родства.

I. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что миръ и любовь между родными братьями условливались не подчиненіемъ ихъ старшему брату, а взаимнымъ соглашеніемъ, при чемъ каждый братъ имѣлъ совершенно одинакое право голоса. Если такое соглашеніе было, братья не только не подыскивались одинъ подъ другимъ, но совокупными усиліями отражали завоевательныя попытки третьихъ лицъ. Если соглашенія не было, неприкосновенность волости роднаго брата гарантировалась только фактической невозможностью овладѣть ею; какъ скоро такой невозможности не существовало, братъ добывалъ волость брата.

Древнѣйшій случай подыскиванія между родными братьями относится къ первымъ князьямъ роднымъ братьямъ, которые только появились въ Русской землѣ. Ярополкъ Кіевскій завоевалъ Древлянскую волость подъ братомъ своимъ, Олегомъ. Владиміръ Новгородскій, третій сынъ Святослава, узнавъ объ убійствѣ Олега и о захватѣ его волости старшимъ братомъ, бѣжалъ въ Варяги для пріисканія помощи. Воспользовавшись его отсутствіемъ, Ярополкъ занялъ и Новгородъ своими посадниками. Такимъ образомъ, въ рукахъ старшаго сына Святослава соединилась вся тогдашняя Россія за исключеніемъ Полоцка и Турова, гдѣ были свои князья. Возвратившись съ Варяжскою помощью, Владиміръ началъ войну противъ Ярополка, кончив-

односторонне въ пользу сильнѣйшихъ князей, тогда какъ выраженія: «не искать» и под. употреблялись для обѣихъ сторонъ безъ различія. «Держать великое княженіе честное и грозно»—относится къ территоріи великаго княженія, а не къ власти великаго князя, какъ понимаютъ нѣкоторые.

шуюся смертью послѣдняго и соединеніемъ всѣхъ Русскихъ волостей подъ властью Новогородскаго князя.

Совершенно такая же исторія повторилась и при сыновьяхъ Владиміра, по смерти котораго Кіевскій столъ занялъ Святополкъ, князь Туровскій. Первымъ дѣломъ Святополка было убійство младшаго брата, Бориса, соперничества котораго онъ опасался. За убійствомъ Бориса Ростовскаго, послѣдовало убійство Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго также «про волость», какъ выражается объ этихъ событіяхъ Владимірскій князь, Андрей. Стремленіе къ расширенію своихъ владѣній, осуществляемое «избіеніемъ братіи», вовбудило совершенно понятныя опасенія въ Ярославѣ Новгородскомъ. Возникшая вслѣдствіе этого война между нимъ и Святополкомъ кончилась смертью послѣдняго и переходомъ всѣхъ его пріобрѣтеній въ руки побѣдителя. Кромѣ Ярослава, Святополка пережили еще два брата: Мстиславъ Тмутараканскій и Судиславъ Псковскій. Четыре года спустя послѣ окончательнаго торжества Ярослава надъ Святополкомъ, Мстиславомъ овладѣло желаніе расширить свои владѣнія на счетъ сильно увеличившихся владѣній старшаго брата, Ярослава, занимавшаго тогда Новгородскую, Кіевскую, Туровскую, Ростовскую, Муромскую и Древлянскую волости. Въ 1023 г. онъ предпринялъ походъ на Ярослава «съ Козары и съ Косоги». Лѣтописецъ ничего не говоритъ объ исходѣ этого похода. Но судя потому, что въ слѣдующемъ году Мстиславъ пытается занять принадлежащія Ярославу волости не войной, а переговорами съ гражданами, надо думать, что предпріятіе его основывалось не столько на вооруженной помощи дружины, сколько на надеждѣ утвердиться въ той или другой изъ волостей Ярослава по соглашенію съ народомъ. Надежды его на Кіевъ не оправдались. Кіевляне затворились отъ него. Потерпѣвъ неудачу подъ стѣнами Кіева, Мстиславъ обратился къ Чернигову и имѣлъ успѣхъ: Черниговцы приняли его и остались ему вѣрными до самой его смерти.—Но Ярославъ не хотѣлъ примириться съ этимъ умаленіемъ своей волости. Въ томъ же году онъ собралъ войско и выступилъ противъ Мстислава. Счастье оружія было на сторо-

нѣ младшаго брата, которому дѣятельно помогали его новые подданные, Сѣверяне. Ярославъ потерпѣлъ пораженіе и только благодаря умѣренности Мстислава и его нежеланію княжить въ волости, не хотѣвшей принять его добровольно,—удержалъ за собою Кіевъ. По миру 1026 г. Ярославъ отказался отъ лѣвой стороны Днѣпра въ пользу Мстислава. По смерти Мстислава, Ярославъ снова занялъ Черниговскую волость. Въ томъ же году онъ захватилъ и Псковъ подъ братомъ Судиславомъ, лишивъ его свободы. Такимъ образомъ, въ 1036 г. большая часть Русской земли снова соединилась въ одинхъ рукахъ; только Полоцкъ имѣлъ своего особаго князя, Брячеслава Изяславича.

Сыновья Ярослава не избѣгли участи своихъ предшественниковъ. Святославъ Черниговскій, подговоривъ Всеволода Переяславскаго, захватилъ Кіевскую волость подъ старшимъ братомъ, Изяславомъ, и удержалъ за собой до самой смерти. Послѣ смерти Святослава, Кіевскій столъ занялъ третій сынъ Ярослава, Всеволодъ. Въ слѣдующемъ году изгнанный Изяславъ, которому наконецъ удалось собрать Лядскую помощь, предпринялъ походъ къ Кіеву съ цѣлью отыскивать отнятое у него княженіе. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ выступилъ къ нему на встрѣчу съ войскомъ, но предпочелъ миръ войнѣ и уступилъ Кіевъ старшему брату.

Вмѣстѣ съ размноженіемъ Рюриковичей подобныя событія повторяются въ каждой отдѣльной ихъ вѣтви.—Такъ въ Полоцкѣ, по смерти Всеслава, одинъ изъ сыновей его, Давыдъ, былъ лишенъ братьями участія во владѣніи Полоцкими волостями и принужденъ искать покровительства у князей Кіевскихъ и Черниговскихъ (1104 г.). Въ Черниговѣ встрѣчаемся съ союзомъ младшихъ Ольговичей, Игоря и Святослава, противъ старшаго брата, Всеволода, который по захватѣ Кіева удержалъ за собой и почти всю Черниговскую волость; цѣль союза заключалась въ добываніи Черниговской и Сѣверской волости (1142 г.). Подобно этому Ярославъ Изяславичъ участвуетъ въ союзѣ, составленномъ противъ его старшаго брата, Мстислава, съ цѣлью вынудить его къ уступкамъ изъ вновь пріобрѣтенной волости (1169 г.).

Въ Рязани раздоры сыновей Глѣба изъ-за обладанія волостями напоминаютъ самыя мрачныя времена предшествовавшей исторіи. Вотъ какъ описаны они въ Суздальской лѣтописи подъ 1186 г.: «Томъ же лѣтѣ возстави дьяволъ вражду, искони ненавидяй добра роду человѣческому. Яко же и въ прежняя дни Каина поостри на Авеля, брата своего, а потомъ Святополка на Бориса и на Глѣба власти (волости) ради, абы единому власть пріяти, а брата убити; тако и сихъ поостри Романа, Игоря и Володиміра на Всеволода и Святослава, на меньшую братію. И бысть крамола зла вельми въ Рѣзани, братъ брата искаше убити. И пославше къ нима (къ Всеволоду и Святославу), зовяхуть на совѣтъ лестью, абы како яти ею. И она увѣдоста и почаста городъ твердити. Они же (старшіе) слышавше, аже городъ твердятъ, идоша къ Пронску, собравше множество вой. Она же (младшіе) затвористася въ градѣ. И начаша воевати градъ ею и села».

Съ совершенно такими же явленіями встрѣчаемся и въ сѣверо-восточной Руси. По смерти Юрія (1157 г.) старшій сынъ его, Андрей, изгоняетъ младшихъ братьевъ, которымъ отецъ его передалъ было свое княженіе.—Въ началѣ XIII в. встрѣчаемся съ продолжительной борьбой сыновей Всеволода Юрьевича изъ-за обладанія Владиміромъ. Старшій сынъ, Константинъ Всеволодовичъ, принужденъ былъ нѣсколько разъ отказываться отъ обладанія Владимірскимъ столомъ въ пользу младшаго брата, Юрія; но всякій разъ нарушалъ заключаемые имъ договоры и наконецъ успѣлъ-таки завоевать Владиміръ.—Внуки и правнуки Всеволода также не избѣжали распрей изъ-за обладанія волостями. Вскорѣ послѣ смерти Ярослава Всеволодовича второму сыну его, Андрею, удалось завладѣть Владимірскимъ княженіемъ. Года четыре спустя (въ 1252 г.) старшій сынъ того же Ярослава, Александръ, выпрашиваетъ въ Ордѣ великое княженіе подъ младшимъ братомъ, Андреемъ, и прогоняетъ его при помощи Татаръ. Та же исторія повторилась и при сыновьяхъ Александра Ярославича. Въ 1276 г., по смерти вел. князя Василія, Владимірскій столъ занимаетъ старшій сынъ Александра, Димитрій. Пять лѣтъ спустя младшій братъ его, Андрей, отпра-

вляется въ Орду и выхлопатываетъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе подъ братомъ Дмитріемъ. Также какъ и отецъ его, Александръ, Андрей приводитъ съ собою Татарскую рать и при ея содѣйствіи прогоняетъ старшаго брата. Борьба Александровичей возобновилась въ 1282 г. и съ перерывами продолжалась въ теченіи цѣлаго десятилѣтія[30]).

Подобно этому въ Ростовѣ Ростовскій столъ занимаетъ то младшій братъ, то старшій, по изгнаніи младшаго[31]).

Въ Смоленскѣ сыновья Ростислава, Глѣбъ и Михаилъ, соединяются для обдѣленія младшаго брата, Ѳедора, и вынуждаютъ его довольствоваться однимъ Можайскомъ[32]).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по смерти Андрея Константиновича, (въ 1365 г.) занимаетъ столъ братъ его, Борисъ. Въ то же время на Нижегородскій столъ объявляетъ притязанія и старшій братъ Бориса, Дмитрій. Борисъ не уступаетъ. Дѣло доходитъ до войны, въ которой на сторону старшаго брата становится Московскій князь. Такая борьба была не по силамъ Бориса, онъ отказывается отъ Нижняго и довольствуется Городкомъ.

Въ Твери встрѣчаемся съ борьбой родныхъ братьевъ, Ивана Тверскаго и Василія Кашинскаго. Въ 1404 г. Василій былъ измѣннически схваченъ во время пріѣзда въ Тверь и лишенъ свободы вмѣстѣ съ сопровождавшими его боярами. Хотя въ слѣдующемъ году Василію и была возвращена свобода, но онъ не считалъ себя безопаснымъ и бѣжалъ въ Москву, а Иванъ занялъ Кашинъ своими намѣстниками.

Въ Москвѣ въ 1474 г. на вел. князя Ивана Васильевича возстали родные братья, Борисъ и оба Андрея, за то, что онъ не

[30]) См. Воскр. 1282 г., 1283 г., 1285 г., 1293 г.

[31]) Въ 1278 г., по смерти Глѣба Васильковича, въ Ростовѣ садятся два брата, Дмитрій и Константинъ Борисовичи. Въ 1281 г. братья ссорятся: Константинъ уѣзжаетъ къ Дмитрію Александровичу Владимірскому, а Дмитрій, блюдяся братьи, собираетъ рать; Дмитрій Владимірскій сводитъ братьевъ въ любовь.—Въ 1286 г. по увеличеніи волости присоединеніемъ Углича, гдѣ умеръ Романъ Владиміровичъ, Борисовичи садятся въ разныхъ городахъ: Константинъ остается въ Ростовѣ, а Дмитрій переходитъ въ Угличъ. Въ 1280 г. Дмитрій захватываетъ Ростовъ подъ братомъ, который уходитъ въ Орду, но успѣваетъ возвратить Ростовъ только по смерти Дмитрія въ 1294 г. См. въ Воскр. л. привед. мѣста.

[32]) Воскр. 1277 г.

подѣлился съ ними занятымъ удѣломъ умершаго брата, Юрія. Для ихъ замиренія Иванъ Васильевичъ нашелся вынужденнымъ сдѣлать имъ территоріальныя уступки.

II. Перечисленные выше способы добыванія имѣли не менѣе мѣста между дядьями и племянниками, чѣмъ между родными братьями. Здѣсь, какъ и тамъ, древнѣйшій случай ихъ примѣненія относится къ первому появленію дяди и племянника въ княжескомъ родѣ. Полоцкій князь, Брячиславъ, безпокоилъ Новгородскія владѣнія дяди своего, Ярослава Владиміровича. Для его замиренія Ярославъ уступаетъ ему два города, Восвячъ и Видбескъ (1020 г.). Судиславъ Владиміровичъ, лишенный братомъ Ярославомъ Псковскаго стола, и по смерти этого князя не получилъ участія во владѣніи Русской землей: хотя племянники, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, и возвратили ему свободу, но на условіи поступленія въ монастырь и, слѣдовательно, отказа отъ княжескихъ правъ (1059 г.).

Устранивши дядю, Ярославичи точно также устраняли и племянниковъ. Мы уже знаемъ, что Всеславъ Полоцкій захватилъ въ 1066 г. Новгородъ подъ дядею, Изяславомъ Кіевскимъ. Въ отмщеніе за это Ярославичи овладѣли Всеславомъ и лишили его свободы. Лѣтописи не даютъ указаній объ участи, постигшей Полоцкую волость непосредственно за поимкой Всеслава; но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что она сдѣлалась добычей Ярославичей. Въ 1068 г. Всеславъ былъ освобожденъ изъ заключенія и даже возведенъ по желанію народа на Кіевскій столъ; но, не надѣясь удержаться здѣсь противъ воли Ярославичей, онъ предпочелъ удалиться въ Полоцкъ, гдѣ и былъ принятъ.—Этимъ не кончилась, однако, борьба его съ Ярославичами. Изяславъ, снова овладѣвшій Кіевомъ, захотѣлъ возвратить и утраченную имъ Полоцкую волость и на первый разъ имѣлъ успѣхъ: Всеславъ былъ прогнанъ, а сыновья Кіевскаго князя посажены въ Полоцкѣ. Три года спустя (1071 г.) Всеславу удалось отнять Полоцкъ у дяди, послѣ чего ни Изяславъ, ни другіе Ярославичи не безпокоили его болѣе [33]).

[33]) Извѣстіе Густ. л. подъ 1077 г. имѣетъ противъ себя согласныя извѣстія всѣхъ другихъ лѣтописей, ср. Лавр., Воскр. и Соф. I. подъ 1079 г.

И это не единственный примѣръ борьбы Ярославичей съ племянниками, исторія которыхъ весьма обильна случаями этого рода.—Въ 1064 г. Ростиславъ Владиміровичъ захватываетъ Тмутаракань подъ дядею, Святославомъ Ярославичемъ. Въ 1077 г., по смерти Святослава, и по замиреніи Всеволода съ старшимъ братомъ, Изяславомъ, эти два князя захватываютъ въ свои руки почти всѣ владѣнія отца ихъ, Ярослава. На долю Изяслава достался Кіевъ, Новгородъ, Вышгородъ и Владиміръ; на долю Всеволода—Переяславль, Черниговъ и Смоленскъ[34]). Свободной оставалась одна только Тмутаракань, гдѣ сидѣлъ Романъ Святославичъ, утвердившійся тамъ, надо полагать, вскорѣ послѣ смерти Ростислава и еще при жизни своего отца[35]). По смерти Романа (въ 1079 г.), Всеволодъ занялъ и Тмутаракань. Такимъ образомъ, участія во владѣніи Русской землей были лишены четыре племянника: Олегъ и Давыдъ, сыновья Святослава Черниговскаго, Давыдъ, сынъ Игоря Владимірскаго, и Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, и три внука: Рюрикъ, Володарь и Василько Ростиславичи.—Племянники и внуки встрѣтили сопротивленіемъ эту политику захватовъ и мало-по-малу успѣли добыть себѣ волости. Въ 1078 г. Олегъ захватилъ Черниговъ подъ Всеволодомъ, но не могъ удержаться и принужденъ былъ бѣжать; нѣсколько позднѣе онъ овладѣлъ Тмутараканью и удержалъ ее за собой до смерти Всеволода. Въ 1084 г. Всеволодъ былъ вынужденъ уступить Давыду Игоревичу Дорогобужъ, а позднѣе—столъ отца его, Владиміръ; около того же времени онъ дѣлаетъ уступку и внукамъ, сыновьямъ Ростислава, отказываясь въ ихъ пользу отъ Перемышля и Теребовля. Въ 1088 г., по

[34]) Перечисляемъ только тѣ города, о которыхъ упоминаютъ источники. О Ростовѣ и Муромѣ нѣтъ указанія, но по *принадлежности въ это время Ростова* къ Кіеву, а Мурома къ Чернигову, надо думать, что *Ростовъ былъ у Изяслава*, а Муромъ у Всеволода.

[35]) Въ житіи Ѳеодосія читаемъ: «*Тогда же великій Никонъ, умершу Ростиславу*, князю острова того (*Тмутаракани*), *умоленъ бысть отъ людей тѣхъ пойти въ* Святославу князю и молити и, да пуститъ къ нимъ сына своего, да сядетъ на столѣ томъ».—Святославъ далъ Глѣба; а по его переходѣ въ Новгородъ, Тмутараканскій столъ, вѣроятно, и занялъ Романъ.

уходѣ изъ Новгорода Святополка Изяславича, Новгородскій столъ занимаетъ Давыдъ Святославичъ [36]).

Съ размноженіемъ Рюриковичей примѣры подыскиваній племянниковъ подъ дядьями и дядей подъ племянниками встрѣчаются все чаще и чаще. Мы ограничимся приведеніемъ самаго небольшаго числа такихъ случаевъ для каждаго поколѣнія.

Въ 1117 г. Владиміръ Мономахъ захватываетъ Владиміръ Волынскій подъ племянникомъ, Ярославомъ, и наоборотъ, въ 1128 г. Всеволодъ Ольговичъ захватываетъ Черниговъ подъ дядею, Ярославомъ, княземъ того же поколѣнія, какъ и Владиміръ.—Сынъ Владиміра, Юрій, добываетъ въ 1149 г. Кіевъ подъ племянникомъ, Изяславомъ, и заключаетъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго Изяславъ отказывается отъ Кіева въ пользу дяди Юрія; и наоборотъ, въ 1151 г. Изяславъ добываетъ Кіевъ подъ дядею, Юріемъ, и заключаетъ съ нимъ договоръ, въ силу котораго Юрій отказывается отъ Кіева въ пользу племянника Изяслава.—Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, Звенигородскій князь, получаетъ въ силу призванія обладаніе Галицкимъ столомъ подъ дядею, Владиміромъ (8 пок.); Владиміръ не хочетъ отказаться отъ утраченнаго княженія, вступаетъ въ борьбу съ Галичанами и племянникомъ, и послѣдній не только теряетъ Галицкій столъ, но и прежнюю свою волость, Звенигородъ [37]). А въ сосѣдней волости, на Волыни, наоборотъ, племянникъ, Мстиславъ Изяславичъ, захватываетъ (1155 г.) Владиміръ подъ дядею, Владиміромъ Мстиславичемъ (8 пок.), и удерживаетъ за собой.—Андрей и Михаилъ Ярославичи овладѣваютъ въ 1249 г. Владиміромъ на Клязьмѣ подъ дядею, Святославомъ Всеволодовичемъ (9 пок.).—Изяславъ Мстиславичъ захватываетъ въ 1235 г. Кіевъ подъ дядею, Владиміромъ Рюриковичемъ (10 пок.).—Князь 11 поколѣнія Андрей Александровичъ, ведетъ борьбу съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Димитріевичемъ, изъ-за обладанія Переяславлемъ (1296 г.).—Князь 12 поколѣнія, Юрій Даниловичъ Московскій, ведетъ борьбу съ дядею, Михаиломъ Яросла-

[36]) Льв. 1088 г. и Лавр. 1095 г. Что касается до Бориса Вечеславича, онъ былъ убитъ еще въ 1078 г., въ битвѣ подъ Черниговомъ. [37]) Ипат. 1144 г.

вичемъ Тверскимъ, изъ-за обладанія вел. княж. Владимірскимъ. Въ Ордѣ—имѣлъ перевѣсъ Михаилъ Тверской, которому удалось устранить притязанія племянника и получить ярлыкъ на великое княженіе. По возвращеніи въ Русскую землю Михаилъ предпринялъ походъ на Юрія, кончившійся также въ его пользу: Юрій заключилъ міръ, по которому отказался отъ великаго княженія въ пользу дяди (1305 г.). Двѣнадцать лѣтъ спустя Юрій нарушилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу, выхлопоталъ себѣ въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе подъ дядею и получилъ помощь Татарскую для его изгнанія. Михаилъ, какъ извѣстно, былъ убитъ въ Ордѣ по проискамъ племянника, а Юрій занялъ Владимірскій столъ (1319 г.).—Подъ 1387 г. встрѣчаемся съ походомъ Суздальскихъ князей, Василія и Семена Дмитріевичей, къ Нижнему-Новгороду на дядю, Бориса Константиновича (13 пок.). По миру, окончившему этотъ походъ, Борисъ принужденъ былъ отказаться отъ захватовъ, сдѣланныхъ имъ въ волости племянниковъ, а они, съ своей стороны, отступились отъ присвоенныхъ ими частей удѣла Борисова[33]).—Тверской князь, Иванъ Михайловичъ (14 пок.), захватываетъ въ 1408 г. волость племянника, Ивана Борисовича Кашинскаго.—Заключимъ этотъ перечень указаніемъ на знаменитую борьбу Галицкаго князя, Юрія (15 пок.), съ племянникомъ, Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ, изъ-за обладанія великимъ княженіемъ. По договору, заключенному между этими князьями въ 1428 г., Юрій призналъ великое княженіе за племянникомъ, Василіемъ. Четыре года спустя Юрій нарушилъ крестное цѣлованіе къ Василію и отправился въ Орду искать великаго княженія подъ племянникомъ. Орда рѣшила дѣло въ пользу Василія. Недовольствуясь этимъ, Юрій напалъ врасплохъ на великаго князя и овладѣлъ Москвой. По миру, заключенному вскорѣ за тѣмъ (1433 г.), Василій получилъ Коломну и отказался въ пользу дяди отъ великаго княженія.—Въ томъ же году Юрій уступилъ добровольно великое княженіе Василію; а въ слѣдующемъ снова захватилъ его подъ племянникомъ.

[33]) Воскр. и Татищ. 1387 г.

III. Случаи добыванія столовъ между двоюрдными братьями и другими болѣе отдаленными степенями родства такъ многочисленны, что необходимо ограничиться приведеніемъ только наиболѣе крупныхъ.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что Всеволодъ Ярославичъ собралъ въ своихъ рукахъ большую часть Русской земли. По смерти Всеволода, Черниговскій столъ занялъ старшій сынъ его, Владиміръ. Олегъ Тмутараканскій, сынъ бывшаго Черниговскаго и Кіевскаго князя Святослава и двоюрдный братъ Владиміра, также заявилъ притязанія на Черниговъ. Владиміръ не захотѣлъ уступить и затворился въ городѣ. Задумавъ добыть Черниговъ силою, Олегъ подступилъ къ городу и сталъ жечь посады и монастыри. Владиміръ нашелся вынужденнымъ уступить и заключить миръ, по которому отказался отъ Чернигова въ пользу Олега [39]).

Въ 1129 г. сынъ Владиміра, Кіевскій князь Мстиславъ, обманомъ овладѣлъ Полоцкими князьями и присоединилъ ихъ волость къ своему княженію.

Въ 1138 г. Черниговскій князь, Всеволодъ Ольговичъ, захватилъ Кіевъ подъ Вячеславомъ и вскорѣ затѣмъ заключилъ съ нимъ миръ, по которому Вячеславъ отказался отъ Кіева въ пользу своего противника. Большую часть Черниговской волости Всеволодъ также удержалъ за собой.

Полочане въ 1151 г. изгнали своего князя, Рогволода Борисовича, и посадили у себя на столѣ его двоюрднаго брата, Ростислава Глѣбовича. Въ 1159 г. они снова призвали Рогволода. Вслѣдъ за этимъ призваніемъ Рогволодъ предпринялъ походъ на бѣжавшаго Ростислава и принудилъ его къ миру, по которому удержалъ за собою Полоцкъ.

Владимірскій князь, Романъ Мстиславичъ, узнавъ, что Галичане не хорошо живутъ съ своимъ княземъ Владиміромъ, начинаетъ доискиваться Галицкаго стола: «Романъ, разсказываетъ о немъ лѣтописецъ, слашеть къ мужемъ галицкимъ, подътыкая ихъ на князя своего, чтобы его выгнали изъ отчины своея,

[39]) Лавр. 1094 г.

а самого пріяли на княженіе. Мужи же галицкіе, пріимше совѣтъ Романовъ, совокупивше полки свои и утвердившеся крестомъ и возсташа на князь свой!».... Владиміръ испугался возстанія и бѣжалъ, а Романъ занялъ столъ его; но не надолго, еще въ томъ же году онъ самъ бѣжалъ изъ Галича при вѣсти о походѣ на него Венгерскаго короля. По смерти Владиміра въ 1199 г. Роману удалось утвердиться въ Галичѣ окончательно, при чемъ онъ удержалъ за собой и свою Владимірскую волость [40]).

Въ 1206 г. встрѣчаемся съ совокупнымъ походомъ Черниговскихъ князей, Ольговичей, и Кіевскихъ и Смоленскихъ, Ростиславичей, на Галичъ для добыванія Галицкаго стола подъ дѣтьми умершаго незадолго передъ тѣмъ Романа.

По возвращеніи изъ этого похода начинается борьба за Кіевъ между недавними союзниками, Черниговскимъ княземъ, Всеволодомъ Чермнымъ, и Кіевскимъ, Рюрикомъ Ростиславичемъ. Послѣ того, какъ Кіевъ былъ нѣсколько разъ захваченъ то Всеволодомъ подъ Рюрикомъ, то Рюрикомъ подъ Всеволодомъ, оба князя примирились на томъ, что Рюрикъ отказался отъ Кіева въ пользу Всеволода, а Всеволодъ отъ Чернигова въ пользу Рюрика (1210 г.).

Совершенно такія же явленія находимъ и въ сѣверовосточной Руси.

Въ 1303 г. Юрій Даниловичъ Московскій предпринялъ походъ къ Можайску на Святослава Глѣбовича, внука Ростислава Смоленскаго; князя взялъ въ плѣнъ, а волость его присоединилъ къ своей,

Преемникъ Юрія по Московскому столу, Иванъ Даниловичъ Калита, пріобрѣлъ за соотвѣтствующее денежное вознагражденіе у Ростовскихъ князей Галичъ, Бѣлоозеро и Углече-поле.

По смерди великаго князя Владимірскаго, Ивана Ивановича (1359), Суздальскій князь Дмитрій Константиновичъ выпросилъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе и занялъ Владимірскій столъ. Три года спустя великаго княженія начинаетъ до-

[40]) Ипат. 1188 г., 1199 г., Лавр. 1202 г.

искиваться Дмитрій Ивановичъ Московскій. Получивъ также ярлыкъ на свое имя, Дмитрій Ивановичъ предпринимаетъ походъ на вел. князя Владимірскаго и прогоняетъ его въ Суздаль (1362). Въ слѣдующемъ году Дмитрію Константиновичу снова удается захватить Владиміръ подъ Московскимъ княземъ, но не на долго: въ томъ же году онъ былъ прогнанъ Дмитріемъ Ивановичемъ и принужденъ къ миру, по которому послѣдній удержалъ за собою Владимірскій столъ [41]).

Въ 1370 г. вел. князь Тверскій, Михаилъ Александровичъ, тревожимый нападеніями Дмитрія Ивановича Московскаго, отправляется въ Орду и выпрашиваетъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское подъ Дмитріемъ. Дмитрій Ивановичъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія уступить добровольно Владимірскій столъ и принимаетъ мѣры къ поимкѣ Михаила во время возвращенія его изъ Орды. Узнавъ объ этомъ, Тверскій князь бѣжитъ въ Литву съ цѣлью заручиться содѣйствіемъ Литовскаго князя, Ольгерда. Въ слѣдующемъ году Тверскій князь дѣлаетъ новую попытку захватить Владимірское княженіе подъ Дмитріемъ, но также безуспѣшно [42]).

Въ 1371 г. Пронскій князь, Владиміръ Ярославичъ, при помощи Дмитрія Ивановича Московскаго, завоевалъ Рязань подъ Олегомъ Ивановичемъ. Въ слѣдующемъ году Олегу удается прогнать Пронскаго князя и снова овладѣть Рязанью. Въ 1408 г. повторяется таже исторія между сыномъ Владиміра, Пронскимъ княземъ Иваномъ, и сыномъ Олега, Рязанскимъ княземъ Ѳедоромъ [43]).

Вел. князь Московскій, Василій Дмитріевичъ, захватилъ въ 1390 г. Нижній Новгородъ подъ сыновьями Дмитрія Константиновича Суздальскаго; въ 1392 г. онъ получилъ въ Ордѣ ярлыкъ на новое пріобрѣтеніе, которое и осталось за нимъ, не смотря на попытку (1399) Семена Дмитріевича Суздальскаго снова овладѣть Нижнимъ [44]).

[41]) Воскр. 1359 г., 1362 г., 1363 г.
[42]) Воскр. 1370 г. 1371 г.
[43]) Воскр. 1371 г., 1372 г., 1408 г.
[44]) Воскр. 1390, 1392, 1399 г., Ср. Ник. подъ 1391 г.

Рузскій князь, Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, захватилъ въ 1446 г. Москву подъ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ, а самого великаго князя ослѣпилъ и сослалъ въ заточеніе въ Угличъ. Въ слѣдующемъ году Шемяка освободилъ Василія Васильевича и заключилъ съ нимъ миръ, по которому бывшій великій князь получалъ Вологду, а Шемяка удерживалъ за собой великое княженіе. Освобожденный Василій Васильевичъ въ томъ же году выступилъ изъ крестнаго цѣлованія къ Шемякѣ и захватилъ подъ нимъ Москву [45]).

Сынъ Василія Васильевича, вел. князь Иванъ, купилъ въ 1474 г. у Ростовскихъ князей, Владиміра Андреевича и брата его, Ивана Ивановича, ихъ часть Ростова; а въ 1486 г. захватилъ Тверь подъ вел. княземъ Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ. Сынъ Ивана Васильевича, вел. князь Василій, овладѣлъ въ 1520 г. личностью вел. князя Рязанскаго, Ивана Ивановича, и присоединилъ его княженіе къ своему.

И такъ, право добыванія принадлежало каждому князю, освободившемуся отъ отеческой власти, безъ всякаго ограниченія степенями родства: старшій братъ и дядя точно также отказывались отъ принадлежащихъ имъ волостей въ пользу младшаго брата и племянника, какъ и на оборотъ; каждый князь владѣлъ тѣмъ, что умѣлъ добыть.

Понятно, что при началѣ распредѣленія столовъ между князьями въ силу личнаго дѣйствія, зрѣлость лѣтъ давала фактическое преимущество передъ ранней молодостью: старый князь могъ уже пользоваться доброй славой у народа, тогда какъ молодому надо было еще заслужить ее; старый князь могъ быть уже связанъ цѣлою сѣтью договоровъ съ другими князьями и имѣть многихъ союзниковъ, тогда какъ молодой только-что приступалъ къ примиренію своихъ личныхъ интересовъ, вновь выдвигаемыхъ имъ въ княжескую среду, съ интересами другихъ князей и къ пріисканію себѣ союзниковъ. Такимъ образомъ, старый князь имѣлъ большую возможность выдти во всеоружіи для пріисканія стола, чѣмъ молодой. Со-

[45]) Татищ. и Воскр. 1446 г., 1447 г.

гласно съ этимъ, мы нерѣдко встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что старые князья занимаютъ столы передъ молодыми; а такъ какъ, по естественному порядку вещей, дядя обыкновенно старѣе своихъ племянниковъ, то дяди передъ племянниками [46]).

Мы остановимся на двухъ, трехъ фактахъ этого рода съ цѣлью познакомиться съ ними ближе.

По смерти Святослава Ярославича Кіевскаго (1706), Кіевъ занимаютъ не сыновья его, а братъ Всеволодъ; тоже повторяется и по смерти Изяслава (1078). По отношенію къ Кіевлянамъ, это предпочтеніе дяди племяннику, объясняется тѣмъ, что они давно знали Всеволода и были въ добрыхъ отношеніяхъ къ нему. Еще за десять лѣтъ до описываемаго событія, Кіевляне обращались ко Всеволоду съ просьбою о помощи противъ изгнаннаго ими князя Изяслава, и получили увѣреніе, что онъ пойдетъ войною на старшаго брата, если тотъ захочетъ мстить имъ за свое изгнаніе.—По отношенію же къ князьямъ-племянникамъ вопросъ о переходѣ Кіева къ Всеволоду не можетъ быть достаточно освѣщенъ, ибо лѣтопись не сохранила ни предсмертныхъ распоряженій Святослава и Изяслава, ни тѣхъ договоровъ, которые были заключены этими князьями со Всеволодомъ [46*]). Въ другихъ случаяхъ, о которыхъ лѣтопись сохранила болѣе подробныя свѣдѣнія, умирающіе князья не рѣдко

[46]) Для примѣра укажемъ нѣсколько такихъ случаевъ. Кіевскій столъ послѣ Святослава занимаетъ его младшій братъ, Всеволодъ, въ 1076 г.; послѣ Изяслава опять Всеволодъ, въ 1078 г.; послѣ Мстислава Владиміровича его братъ, Ярополкъ, въ 1132 г., а послѣ Ярополка—Вячеславъ, въ 1138 г. Черниговскій столъ послѣ Давыда занимаетъ Ярославъ, въ 1123 г., послѣ Владиміра, Изяславъ, въ 1151 г. Во Владимірѣ на Клязьмѣ, по смерти Константина въ 1219 г., садится Юрій, по смерти Юрія въ 1238 г.—Ярославъ, по смерти Ярослава въ 1246 г.—Святославъ, всѣ родные братья Всеволодичи; послѣ смерти Александра Ярославича въ 1263 г., Владимірскій столъ переходитъ также къ брату умершаго, Ярославу, а по его смерти въ 1272—къ брату Василію; подобно этому, по смерти Дмитрія Александровича въ 1294 г., Владимірскій столъ занимаетъ постоянно враждовавшій съ нимъ братъ Андрей. Въ Ростовѣ въ 1277 г., по смерти Бориса Васильевича, садятся не дѣти его, а братъ Глѣбъ. Подобно этому Нижегородскій столъ по смерти Дмитрія въ 1383 г. занимаетъ братъ его, Борисъ, а не дѣти.

[46*]) Мы имѣемъ въ виду договоръ со Святославомъ, который былъ заключенъ около 1073 г., когда Святославъ вступилъ со Всеволодомъ въ союзъ съ цѣлью изгнанія старшаго брата изъ Кіева,—и договоръ съ Изяславомъ отъ 1077 г., когда Всеволодъ отказался отъ Кіева въ пользу Изяслава.

сами передаютъ свои столы братьямъ, выговаривая при этомъ нѣкоторыя выгоды въ пользу сыновей [47]). Имѣла ли подобная передача мѣсто въ разсматриваемомъ случаѣ, или Всеволодъ занялъ Кіевъ, благодаря преобладающей силѣ, за молчаніемъ источниковъ, нельзя рѣшить.

Послѣ смерти Черниговскаго князя, Владиміра Давыдовича (1151), столъ его занялъ не сынъ, Святославъ, а братъ, Изяславъ. Преимущество дяди передъ племянникомъ въ настоящемъ случаѣ заключалось въ томъ, что Изяславъ имѣлъ на своей сторонѣ Изяслава Кіевскаго и Ростислава Смоленскаго, которымъ онъ только-что оказалъ дѣятельную помощь въ войнѣ съ Юріемъ. При первой вѣсти о смерти Владиміра, Кіевскій князь совѣтуетъ Изяславу спѣшить занятіемъ Чернигова и даетъ ему свою помощь. Это дѣятельное содѣйствіе Кіевскаго князя объясняется тѣмъ, что для него лично было въ высшей степени важно, чтобы Черниговъ былъ занятъ дружественнымъ ему Изяславомъ, а не Святославомъ Ольговичемъ, постояннымъ его врагомъ и постояннымъ союзникомъ Юрія. Что касается до Святослава Владиміровича, то этотъ молодой князь, скрывавшійся до самой послѣдней минуты за личностью своего отца, не имѣлъ никакихъ союзниковъ и, конечно, не помышлялъ о Черниговскомъ столѣ, состовлявшемъ предметъ борьбы для такихъ могущественныхъ (сравнительно) князей, какъ его дяди, Изяславъ и Святославъ.

Константинъ Всеволодовичъ Владимірскій еще при жизни (1217) договаривается съ братомъ, Юріемъ, о передачѣ ему, а не дѣтямъ своимъ, Владимірскаго стола. Юрій, пользовавшійся постоянной поддержкой Ярослава Переяславскаго, умѣлъ не разъ отстоять Владиміръ отъ притязаній самого Константина,

[47]) Такъ напр. Ярославъ Всеволодичъ, отказывая Владиміръ брату, Святославу, другіе города распредѣляетъ между своими сыновьями, на что соглашается и Святославъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ:« Святославъ Всеволодичъ сѣдѣ на столѣ въ Володимери, а сыновци посадиша по городомъ, якоже братъ его урлди, Ярославъ», см. выше стр. 228 Въ договорѣ Мстислава Владиміровича Кіевскаго съ братомъ, Ярополкомъ, находимъ подобное указаніе на передачу Мстиславомъ брату Ярополку Кіева съ тѣмъ, чтобы упрочить за дѣтьми Переяславль. Лавр. 1132 г. Ипат. 1133 г. Ср. еще Воскр. 1217 г.

и былъ побѣжденъ послѣднимъ только благодаря стеченію чисто случайныхъ обстоятельствъ, въ войнѣ, въ которой онъ игралъ второстепенную роль союзника, и которая по первоначальному замыслу была направлена не противъ него, а противъ его брата, Ярослава. Эта добровольная уступка, сдѣланная на второй годъ побѣды, была необходима для Константина, какъ единственно вѣрное средство примириться съ братомъ и упрочить за собой пожизненное обладаніе Владиміромъ, а за сыновьями—Ростовомъ и Ярославлемъ.

Подобно этому Нижегородское княженіе по смерти Дмитрія Константиновича (1383) занимаетъ младшій братъ его, Борисъ, а не сыновья. Борисъ умѣлъ утвердиться въ Нижнемъ еще 18 лѣтъ тому назадъ и уступилъ его Дмитрію только послѣ того, какъ сторону послѣдняго принялъ сильный Московскій князь. Мы не знаемъ, согласился ли Дмитрій для замиренія Бориса на передачу ему по смерти своей Нижегородскаго стола, какъ это сдѣлалъ Константинъ по отношенію къ Юрію; во всякомъ случаѣ, предпріимчивому Борису было легче устранить своихъ юныхъ племянниковъ, чѣмъ ихъ отца, а онъ не остановился и передъ этимъ (въ 1365 г., по смерти Андрея Константиновича).

И такъ, причина, по которой дяди нерѣдко устраняютъ племянниковъ, заключается исключительно въ фактическомъ ихъ преобладаніи. Что же касается до права исключать, то оно принадлежало племянникамъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ дядьямъ, если только они не отказывались отъ него по договору. Исторія княжескаго періода одинаково даетъ примѣры какъ исключенія племянниковъ дядьями, такъ и исключенія дядей племянниками. Древнѣйшій же изъ случаевъ этого рода представляетъ торжество племянниковъ надъ дядею: Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей надъ Судиславомъ Владиміровичемъ [18]). По мѣрѣ того, какъ система личнаго управленія кня-

[18]) Иначе рѣшаетъ этотъ вопросъ М. П. Погодинъ. Онъ думаетъ, что старшинство дѣйствительно было основаніемъ праву «престолонаслѣдія», см. его Изслѣдованія Т. IV, стр. 363 и тамъ же стр. 357 и 383. На это мнѣніе автора наводятъ тѣ мѣста нашихъ источниковъ, въ которыхъ упоминается слово «старѣйшинство». Но воспроизводя эти мѣста въ своей книгѣ, авторъ дѣлаетъ это безъ всл-

земъ непосредственно стала смѣняться системою управленія черезъ бояръ, возможность указаннаго выше фактическаго преобладанія князей старшихъ лѣтами надъ младшими должна была становиться все слабѣе и слабѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны были представляться рѣже и самые случаи упрежденія племянниковъ дядьями [48*]).

кого анализа ихъ особенностей, вслѣдствіе чего приведенныя имъ цитаты почти на половину состоятъ изъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ хотя и употреблено слово старѣйшинство, но безъ всякаго отношенія къ вопросу о престолонаслѣдіи. Кромѣ того, рядомъ съ мѣстами, въ которыхъ говорится о старшинствѣ лѣтъ, находимъ такія, въ которыхъ говорится о старшинствѣ по городу. Тамъ же, 357—362 стр. Если бы приведенныя мѣста были не только приведены, но и разобраны, результатъ изслѣдованія вышелъ бы иной.—Изъ тѣхъ мѣстъ источниковъ, которыя говорятъ о старѣйшинствѣ въ силу лѣтъ, можно вывести только такое заключеніе: старшіе лѣтами считаютъ себя во всѣхъ отношеніяхъ лучше младшихъ лѣтами, а потому при столкновеніяхъ съ ними, они не рѣдко ссылаются на свое старшинство, какъ на естественное преимущество, къ которому младшіе должны относиться съ уваженіемъ Что старшинство лѣтъ особенно высоко цѣнилось въ древней Россіи, и что иногда младшіе лѣтами князья дѣлали уступки старшимъ въ силу уваженія къ ихъ старшинству, это понятно: преимущество лѣтъ, какъ условіе большей опытности, замѣняло для древнѣйшей эпохи всѣ тѣ разнообразные источники образованія, которыми пользуются эпохи позднѣйшія. Но чтобы оно было основаніемъ права престолонаслѣдія, на это нѣтъ указаній.—Иногда старшіе князья жаловалось на младшихъ, если они выступали противъ нихъ войной. Это, по ихъ мнѣнію, значило «идти на ихъ старѣйшинство», какъ говоритъ Вячеславъ о Юрьѣ, Ипат. 1151 г., или «снять съ нихъ старѣйшинство», какъ выражается Юрій объ Изяславѣ, повоевавшемъ его Ростовскую волость, Ипат. 1149 г. Но можно ли на основаніи такихъ жалобъ заключить, что старшинство было основаніемъ права, въ силу котораго младшіе не должны были воевать противъ старшихъ? Конечно нѣтъ. А между тѣмъ, иногда младшіе дѣйствительно отказывались воевать противъ старшихъ. Въ силу чего же? Въ силу естественнаго уваженія къ старшимъ родственникамъ, а не въ силу ихъ лучшихъ правъ.

[48*]) Въ нашей исторической литературѣ существуетъ мнѣніе о лѣствичномъ восхожденіи на велико-княжескій Кіевскій столъ, см. С. М. Соловьева Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. II, стр. 7 и слѣд. Это мнѣніе основано на свидѣтельствѣ Никоновскаго лѣтописца, который въ отвѣтъ на посольство Рюрика Ростиславича и его союзниковъ къ Ольговичамъ, въ которомъ они требовали, чтобы Черниговскіе князья навсегда отказались отъ Кіева, влагаетъ слѣдующія слова въ уста Ярослава Черниговскаго: «не буди мнѣ отлучитися великаго стола и главы и славы всей Русіи Кіева, но якоже и отъ прадѣдъ нашихъ лествицою кождо восхождаше на вел. княж. Кіевское, сице же и намъ и вамъ, возлюбленная и драгая братія, лествичнымъ восхожденіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ взыти на вел. княженіе вел. Кіева. Сего братье не разоряйте, ни прислцайте, да не Божій гнѣвъ на себѣ привлецете, хотяще едины во всей Русіи господствовати, Богъ убо мститель есть неправду творящимъ». 1196 г. Все это мѣсто есть ничто иное, какъ сочиненіе позднѣйшаго составителя лѣтописи, въ чемъ легко убѣдиться посредствомъ сличенія его съ соотвѣтствующими мѣстами лѣтописныхъ сборниковъ болѣе древней редакціи. Въ Ипатьевской лѣт., которая очень подробно передаетъ переговоры, происходившіе между Рюрикомъ и Ольговичами, нѣтъ ни

При томъ значеніи, какое принадлежало личной волѣ князя въ вопросѣ о распредѣленіи волостей, умирающіе князья также не могли быть лишены права вліять, на сколько это было въ ихъ средствахъ, на порядокъ замѣщенія имѣющихъ открыться по ихъ смерти столовъ. Это вліяніе обнаруживалось: по отношенію къ тому князю, которому умирающій хотѣлъ передать свой столъ, въ назначеніи его своимъ преемникомъ; по отношенію къ вѣчу и третьимъ князьямъ — въ заключеніи съ ними особыхъ соглашеній, въ силу которыхъ они признавали за извѣстнымъ княземъ право занять столъ умирающаго.

Назначеніе преемника обыкновенно совершалось посредствомъ завѣщанія. Завѣщаніе, какъ выраженіе одностороней воли завѣщателя, не могло лишить ни одного изъ третьихъ князей принадлежащаго имъ права искать для себя завѣщанный кому либо столъ. При отсутствіи всякой высшей власти надъ князьями, приведеніе въ исполненіе воли завѣщателя было исключительно дѣломъ личныхъ средствъ того князя, въ пользу котораго оно сдѣлано. Завѣщаніе, слѣдовательно, не ограничивало права добыванія; оно могло только облегчить фактическое занятіе стола

одного слова изъ выписанной тирады; и на оборотъ, тѣ существенныя черты переговоровъ, которыя находимъ въ Ипат. лѣт., вовсе не повторены Никоновской. Такъ, по Ипат. лѣт., Мономаховичи, требуя, чтобы Ольговичи навсегда отказались отъ Кіева ссылаются на завѣщаніе Ярослава, который «раздѣлилъ ихъ по Днѣпръ». Эту ссылку на завѣщаніе, которая прямо противорѣчитъ теоріи лѣствичнаго восхожденія, составитель Ник. лѣт. нашелъ необходимымъ выпустить. По Ипат., Ольговичи, несоглашаясь отказаться навсегда отъ Кіева, даютъ такой отвѣтъ Мономаховичамъ: подъ Рюрикомъ и Всеволодомъ мы не ищемъ Кіева, потому что обязались не искать, а по ихъ смерти, кому Богъ дастъ! «Аже вы еси вмѣнилъ Кыевъ блюсти подъ тобою и подъ Рюрикомъ, говорятъ они то въ томъ стоимъ; ажь ны его лишитися велишь оттънуль, то мы есмы не Угре. по единаго дѣда внуци; при вашемъ животѣ не ищемъ, а по васъ, кому Богъ дастъ».—Эта ссылка на договоръ, которымъ Ольговичамъ вмѣнено неискать Кіева подъ Рюрикомъ и Всеволодомъ, и на начало свободнаго добыванія «а по васъ, кому Богъ дастъ!»—также не вяжется съ лѣствичнымъ восхожденіемъ, какъ и ссылка на завѣщаніе, а потому и она выпущена въ Ник. лѣт., гдѣ вмѣсто этого находимъ приведенную выше широковѣщательную рѣчь Ярослава, которая уже и самой внѣшней своей формой, помимо содержанія, внушаетъ совершенно достаточныя сомнѣнія въ своей подлинности.—Кромѣ этого мѣста Никон. лѣт., которое никакъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ источникъ, а только какъ первый и при томъ очень слабый опытъ отечественной исторіографіи XVI вѣка къ объясненію порядка перехода столовъ, мы не находимъ ни одного указанія на лѣствичное восхожденіе.

въ томъ случаѣ, когда завѣщатель еще при жизни передавалъ назначаемому имъ преемнику обладаніе важнѣйшими пунктами завѣщаемой ему волости. Помимо этого различія, завѣщанную волость надо было совершенно также добыть и скрѣпить за собой договорами, какъ и всякую другую [49]). Согласно съ этимъ характеромъ завѣщанія, даже тѣ князья, въ пользу которыхъ оно сдѣлано, исполняли волю завѣщателя только на столько, на сколько это имъ нравилось. Едва они находили возможнымъ добыть больше, чѣмъ имъ было завѣщано, они не затруднялись выдти изъ предѣловъ завѣщанія. Примѣры такого нарушенія завѣщаній лицами, въ пользу которыхъ они сдѣланы, одинаково представляетъ какъ самый древнѣйшій памятникъ этого рода, завѣщаніе Ярослава, такъ и позднѣйшіе. Ярославъ Владиміровичъ, раздѣливши города между сыновьями, заповѣдалъ имъ—«предѣла братня не преступати. ни сгонити». Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ этого распоряженія, какъ оно было нарушено въ силу соглашенія трехъ старшихъ Ярославичей, Изяслава, Святослава и Всеволода: въ 1057 г. они вывели младшаго брата, Игоря, изъ назначеннаго ему отцемъ въ удѣлъ Владиміра и посадили въ Смоленскѣ, а Владиміромъ—подѣлились между собой. Нѣсколько позднѣе два младшихъ брата, Святославъ и Всеволодъ, нашли необходимымъ для своей безопасности прогнать старшаго, Изяслава, изъ назначеннаго ему отцемъ Кіева и подѣлиться имъ. Въ примѣръ позднѣйшихъ случаевъ этого рода укажемъ на завѣщаніе вел. князя Тверскаго,

[49]) Такъ напр. Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ по завѣщанію отца своего Переяславскій столъ, пріѣзжаетъ въ Переяславль, собираетъ народъ, передаетъ ему содержаніе послѣдней воли отца и спрашиваетъ: «да рците ми, братіе, аще хощете мя имѣти собѣ, якоже имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложити?» Переяславцы отвѣчали: «вельми, господине, тако буди, ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ». За тѣмъ всѣ цѣловали крестъ новому князю. Суздал. 1213 г.— Въ примѣръ договоровъ съ князьями укажемъ на договоръ родныхъ братьевъ, Василія и Юрья Дмитріевичей, въ которомъ каждый изъ договаривающихся обязывается «блюсти, а не обидѣть» подъ другой стороной того, что она получила по благословенію отца своего.—А. А. Э. Т. I. № 10. Такія же условія встрѣчаются весьма часто и въ договорахъ, помѣщенныхъ въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. Такъ въ договорѣ Василія Дмитріевича съ его братьями, Андреемъ и Петромъ, обѣ стороны обязываются «блюсти, а не обидѣть», чѣмъ ихъ благословилъ отецъ ихъ... № 37; См. еще тамъ же №№ 27, 43—44, 90 и др.

Михаила Александровича. Михаилъ Тверскій, какъ и Ярославъ, чувствуя приближеніе смерти (1400 г.), дѣлитъ города между сыновьями: старшему, Ивану, назначаетъ Тверь, а внуку, Ивану Борисовичу, даетъ удѣлъ въ Кашинѣ. Восемь лѣтъ спустя, Тверскій князь Иванъ нарушаетъ это распоряженіе, изгоняя своего племянника изъ назначенной ему части Кашина и присоединяя ее къ своей волости.—Такъ какъ, съ одной стороны, ни одному князю не принадлежало исключительное право распоряженія своей волостью на случай смерти, и не было высшаго суда, къ которому князья могли бы обратиться съ жалобой въ случаѣ нарушенія воли завѣщателя, а съ другой—всѣ вопросы, возникавшіе между князьями, рѣшались окончательно или соглашеніями или войной, то понятно, что завѣщаніе и не могло имѣть бо́льшей силы. Князья знали это и не ограничивались одними завѣщаніями. Чтобы обезпечить успѣхъ назначаемому ими преемнику, они заключали соотвѣтствующіе договоры какъ съ народомъ, такъ и съ третьими князьями.

Въ примѣръ подобныхъ предварительныхъ соглашеній съ народомъ укажемъ на соглашеніе Кіевскаго князя, Всеволода Ольговича, съ Кіевлянами: чувствуя приближеніе смерти и желая передать Кіевскій столъ брату, Игорю, онъ созываетъ Кіевлянъ и предлагаетъ имъ признать Игоря княземъ. Кіевляне соглашаются и цѣлуютъ крестъ (1146 г.). Подобно этому Ростовскій князь, Юрій, передавая свою волость меньшимъ сыновьямъ, скрѣпляетъ свою волю предварительнымъ соглашеніемъ съ Ростовцами, Суздальцами и Владимірцами, которые цѣлуютъ ему крестъ «на меньшихъ сыновьяхъ» (1157 г.). То же дѣлаетъ Ярославъ Галицкій въ 1187 г.

Предварительные договоры съ князьями имѣли цѣлью: или только устраненіе возможныхъ соперниковъ, или доставленіе союзниковъ назначаемому преемнику. Въ первомъ случаѣ князья обязывались «не вступаться въ волость» подъ такимъ то княземъ, во второмъ — «удержать ее» за нимъ; иногда обѣ цѣли преслѣдуются разомъ въ формѣ: «не вступаться, блюсти и не обидѣть». Древнѣйшій примѣръ подобныхъ договоровъ лѣто-

пись относитъ къ 1141 г. Сынъ Владиміра Мономаха, Анд
чувствуя приближеніе смерти, назначилъ преемникомъ себѣ сына, Владиміра; но не имѣя увѣренности, что юный Владиміръ сумѣетъ отстоять передаваемый ему столъ, онъ въ то же время заключилъ особый договоръ съ братомъ, Юріемъ, по которому послѣдній обязался удерживать Владиміръ Волынскій за сыномъ Андрея.—Нѣсколько позднѣе Мстиславъ Изяславичъ, передавая свою волость дѣтямъ, ограждаетъ ихъ отъ соперничества брата, Ярослава, особымъ договоромъ, по которому послѣдній обязался «не подозрѣти волости подъ дѣтьми его» [50]).—Въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ княжескихъ договоровъ подобныя условія весьма обыкновенны. Мы приведемъ нѣкоторыя. Московскій князь, Дмитрій Ивановичъ, передалъ по духовной грамотѣ свою волость сыновьямъ; въ то же время онъ постарался утвердить свою волю и согласіемъ другихъ князей. Въ договорѣ, заключенномъ имъ за годъ до смерти съ Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ, послѣдній обязался «блюсти» его владѣнія не только подъ нимъ, но и подъ его дѣтьми.—Подобно этому сынъ Дмитрія, Василій, также оставившій завѣщаніе въ пользу сыновей, заручается согласіемъ двухъ братьевъ, Андрея и Петра, которые по договору 1405 г. обязались «блюсти и не

[50]) Ипат. 1157 г., 1172 г. Тамъ же подъ 1145 г. находимъ болѣе подробное указаніе на подобные предварительные договоры, которыми князья старались обезпечить исполненіе своей послѣдней воли. Всеволодъ Ольговичъ, задумавъ передать по смерти своей Кіевскій столъ брату, Игорю, призываетъ его въ Кіевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и трехъ сосѣднихъ князей, согласіемъ которыхъ онъ хотѣлъ заручиться, Святослава Ольговича, Владиміра Давыдовича и Изяслава Мстиславича. Когда князья собрались, Всеволодъ обратился къ нимъ съ рѣчью, отъ которой, къ сожалѣнію, уцѣлѣло только заключеніе:... «Володимеръ посадилъ Мстислава, сына своего, по собѣ въ Кіевѣ, а Мстиславъ Ярополка, брата своего; а се я молвлю: оже мя Богъ пойметь, то азъ по собѣ даю брату своему Игореви Кіевъ». Съ этимъ желаніемъ очень не хотѣлъ согласиться Изяславъ Мстиславичъ, но подъ конецъ и онъ уступилъ: «И много замышлявшу Изяславу Мстиславичь, говоритъ о немъ лѣтописецъ, нужа бысть цѣловати крестъ». Далѣе читаемъ: «И сѣдшимъ всей братьи у Всеволода на сѣняхъ, и рече имъ Всеволодъ: «Игорю! цѣлуй крестъ, яко имѣти братью въ любовь, а Володимеръ и Святославъ и Изяславъ цѣлуйте крестъ ко Игореви, что вы начнетъ даяти, но по воли, а не по нужи»—и цѣловаша на всей любви крестъ». Такимъ образомъ, Владимиръ, Святославъ и Изяславъ согласились на переходъ Кіева къ Игорю и обязались не требовать отъ него уступокъ изъ получаемой имъ волости; но Игорь могъ надѣлить ихъ, если бы захотѣлъ: «что вы начнеть даяти, но по воли».

обидѣть» его владѣній подъ нимъ и подъ его дѣтьми. Позднѣе къ этому договору присоединился и третій братъ, Константинъ. Въ договорѣ Василія съ братомъ Юріемъ отъ 1390 г. подобнаго условія нѣтъ: Галицкій князь самъ имѣлъ виды на великое княженіе, а потому и не хотѣлъ утвердить своимъ согласіемъ распоряженій брата. Какъ только умеръ Василій, Юрій началъ искать для себя волости, которая по завѣщанію брата принадлежала его племяннику [51]). Мы уже имѣли случай ссылаться на возникшую по этому поводу борьбу Юрія съ Василіемъ Темнымъ. Совершенно такимъ же образомъ дѣйствовалъ и Василій Васильевичъ Темный: желая подѣлить свое княженіе между дѣтьми, онъ упрочиваетъ за ними исключительное право на наслѣдіе послѣ себя помощью соотвѣтствующихъ условій, включенныхъ въ договоры съ сосѣдними князьями: Юріемъ Галицкимъ, Иваномъ и Михаиломъ Можайскими, Василіемъ Боровскимъ, Борисомъ Тверскимъ, Иваномъ Суздальскимъ и другими [52]). Сынъ Василія, Иванъ, не оставилъ ни одного договора, въ которомъ не были бы признаны права его дѣтей на его княженіе [53]). Въ завѣщаніи Ивана Васильевича старшему его сыну, Василію, назначена часть, далеко превосходящая части его младшихъ братьевъ. Опасаясь, чтобы такое неравенство не возбудило зависти младшихъ братьевъ и не заставило ихъ подыскиваться подъ старшимъ, Иванъ Васильевичъ заставилъ младшихъ сыновей еще при жизни своей вступить въ договоръ со старшимъ, въ которомъ они обязались «блюсти, не обидѣть и не вступаться» въ отказываемое старшему брату великое княженіе ни подъ нимъ, ни подъ его дѣтьми [54]). Послѣдній вел. князь Московскій, Василій Ивановичъ, на второй годъ послѣ рожденія перваго своего сына, Ивана, заключаетъ договоръ съ братомъ, Юріемъ, въ которомъ обязываетъ его «блюсти и не обидѣти ни вступатися ни во что и не подыскива-

[51]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 33, 73. А. А. Э. т. I. № 10.

[52]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 43, 46, 71, 77, 80.

[53]) См. договоры этого князя, напечатанные въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

[54]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 133. До насъ дошелъ только одинъ такой договоръ—съ Юріемъ. Возбуждалъ ли одинъ Юрій опасенія Ивана, или подобные договоры были заключены Василіемъ и съ другими братьями,—остается не яснымъ.

ти великихъ княжествъ» какъ подъ нимъ, такъ и подъ сыномъ его, Иваномъ. Къ тѣмъ же средствамъ прибѣгали и другіе князья для сообщенія прочности своимъ завѣщательнымъ распоряженіямъ. Всѣ договоры, на которые мы имѣли случай сослаться, были въ этомъ отношеніи строго обоюдные: какъ Юрій Ивановичъ обязывался не подыскиваться подъ дѣтьми вел. князя Московскаго, Василія Ивановича, также точно и Василій Ивановичъ принимаетъ на себя обязательство «блюсти и не обидити, ни вступатися» подъ дѣтьми Юрія во все, чѣмъ благословилъ его отецъ ихъ вел. князь Иванъ Василевичъ. Совершенно такія же обязательства выговариваютъ въ свою пользу князья: Владиміръ Серпуховскій, Юрій Галицкій, Иванъ и Михаилъ Можайскіе, Василій Боровскій, Иванъ Суздальскій, Андрей Углицкій, Борисъ Волоцкій, Иванъ Рязанскій, Борисъ и Михаилъ Тверскіе и другіе [55]). И такъ, ни одному князю не принадлежало право одностороннимъ выраженіемъ своей воли назначить себѣ преемника, признаніе котораго было бы обязательно для народа и другихъ князей; но каждый изъ нихъ могъ пріобрѣсти это право въ силу особыхъ договоровъ какъ съ народомъ, такъ и съ князьями.

Хотя завѣщаніе, получая свое утвержденіе изъ договоровъ, и не составляетъ самостоятельнаго способа пріобрѣтенія волости; но завѣщательныя распоряженія, поскольку они высказываютъ взглядъ князей на порядокъ распредѣленія столовъ, имѣютъ прямое отношеніе къ предмету настоящей главы, а потому необходимо остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Первый вопросъ, возникающій изъ завѣщаній, заключается въ слѣдующемъ: былъ ли свободенъ завѣщатель въ выборѣ себѣ преемника, или нѣтъ? Говоря иначе, могъ ли онъ назначить, кого хотѣлъ, или, напротивъ, существовали извѣстныя лица, назначеніе которыхъ было для него обязательно передъ другими, напр. дядей передъ племянниками, или старшихъ братьевъ и старшихъ сыновей—передъ младшими братьями и передъ младшими сыновьями?

[55]) См. договоры, приведенные въ примѣчаніяхъ 51, 52, 53 и 54.

Выборъ преемника былъ совершенно свободенъ и условливался единственно узами любви и фактической возможностью доставить избранному князю действительное обладаніе назначеннымъ ему столомъ: сыновья могли быть назначены при жизни дядей и въ ущербъ имъ, младшіе братья передъ старшими и съ целью ихъ исключенія.

По естественному порядку вещей самыя тесныя узы любви соединяютъ родителей и детей. Согласно съ этимъ, упроченіе своей волости за детьми составляетъ задачу каждаго князя: Ярославъ Владиміровичъ также отказываетъ свое княженіе детямъ. какъ и последній Русскій князь, Василій Ивановичъ. Но случаи назначенія сыновей, встречающіеся на протяженіи всего княжескаго періода, условливались не правомъ ихъ на волость, принадлежавшую отцу, а одной волей отца. Какъ скоро этой воли не было, отецъ могъ исключить сыновей. Такъ Юрій Владиміровичъ Ростовскій исключаетъ своего старшаго сына, Андрея, отъ всякого участія во владеніи принадлежавшимъ ему княженіемъ. Право отца—назначить себе преемника помимо сына ясно выражено и Галицкимъ княземъ, Львомъ Даниловичемъ. Въ 1289 г. сынъ Льва, Юрій, занялъ Берестій, городъ, отказанный Волынскимъ княземъ, Владиміромъ, своему двоюродному брату, Мстиславу. Когда Мстиславъ, не желавшій отказаться отъ Берестья, сталъ угрожать Льву войной и пригласилъ къ себе Татарскую помощь, последній отправилъ такое посольство къ сыну: «поедь вонъ изъ города, не погуби земли. Мстиславъ посламъ взводить Татаръ. Не поедешь ли вонъ, аже ми будетъ смерть, по своемъ животе даю землю свою всю брату своему, Мстиславу; а тебе не дамъ, оже меня не слушаешь отца своего!»[56]. Тоже начало проявляется и въ духовной грамоте Верейскаго князя, Михаила Андреевича, отказавшаго свое княженіе вел. князю Московскому, Ивану Василевичу, помимо сына Василія [57]).

При господстве начала добыванія столовъ, естественному стремленію князей—передавать свои волости сыновьямъ—приходилось иметь дело со множествомъ постороннихъ интересовъ:

[56]) Ипат. 1289 г.

[57]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 118, 121.

третьи князья также могли заявить свои притязанія на столъ, завѣщанный сыну. Чтобы упрочить за послѣднимъ обладаніе назначаемымъ ему столомъ, надо было или устранить самую личность соперника, какъ это сдѣлалъ Ярославъ Владиміровичъ съ братомъ Судиславомъ, или обязать его договоромъ—«блюсти, не обидѣть и не подыскиваться» подъ сыномъ. Если ни то, ни другое не было въ средствахъ завѣщателя, въ такомъ случаѣ ни чего не оставалось болѣе, какъ отказаться отъ мысли передать всѣ свои владѣнія дѣтямъ и назначить часть ихъ, иногда самую лучшую, другимъ претендентамъ, чтобы цѣною этой уступки сохранить хоть что-нибудь за дѣтьми. Такимъ образомъ, по чисто политическимъ соображеніямъ является необходимость рядомъ съ дѣтьми дѣлать назначенія и въ пользу постороннихъ князей, напр. братьевъ. Такъ въ 1141 г. Мстиславъ Владиміровичъ, назначая своимъ преемникомъ по Кіевскому столу брата, Ярополка, оставляетъ сыновьямъ младшій столъ, въ Переяславлѣ [58]. Подобно этому Владимірскій князь, Константинъ, назначаетъ своимъ преемникомъ по главному Владимірскому столу брата Юрія, а сыновьямъ даетъ младшіе столы: Васильку—Ростовъ, а Всеволоду—Ярославль [59]. Точно также вынужденъ поступить и преемникъ Юрія, Владимірскій князь Ярославъ. Но сыновья его скоро оказались сильнѣе дяди: годъ спустя они вышли изъ воли завѣщателя и добыли себѣ Владиміръ.

Итакъ, согласно естественной обязанности родителей—обезпечить участь дѣтей, преемниками обыкновенно назначаются сыновья; братья же и другія отдаленныя степени родства только въ тѣхъ случаяхъ, когда это было необходимо для достиженія той же цѣли—обезпеченія участи дѣтей. Когда сыновей не было, преемникомъ назначался тотъ изъ князей, кто былъ ближе къ завѣщателю по чувствамъ любви, внѣ всякой зависимости отъ степеней родства. Такъ Волынскій князь, Владиміръ Васильевичъ, отказываетъ свою волость младшему изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, Мстиславу, по мимо старшаго, Льва. Льву очень хотѣлось получить часть въ наслѣдіи Владиміра; мы при-

[58] Ипат. 1141 г., ср. Лавр. 1140. [59] Воскр. 1217 г., 1218 г. См. выше стр.

ведемъ вполнѣ любопытное мѣсто лѣтописи, въ которомъ описаны сдѣланныя имъ съ этою цѣлью попытки послѣ того, какъ до него уже дошли слухи о содержаніи послѣдней воли Волынскаго князя. «Присла Юрій (сынъ Льва) посолъ свой, разсказываетъ лѣтописецъ, къ стрыеви своему, князю Володимеру, река ему: «господине, стрыю мой! Богъ вѣдаетъ и ты, како ти служилъ со всею правдою, имѣлъ тя, аки отца собѣ. Нынѣ господине, отецъ мой прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня городы, что ми далъ: Бѣльзъ и Червень и Холмъ, а велитъ ми быти въ Дарогичинѣ и въ Мельницѣ. А бью челомъ Богу и тебѣ, стрыеви своему, дай ми, господине, Берестій!» Володимеръ же рче послу: «сыновче! не дамъ. Вѣдаешъ самъ, что я не двоюрѣчу: Богъ вѣдаетъ и вся поднебесная, не могу нарушити ряду, что есмь докончалъ съ братомъ своимъ, Мстиславомъ, далъ ему землю свою всю и городы и грамоты пописалъ», съ тѣми словами отряди посла сыновца своего». Но Левъ не удовольствовался этимъ отказомъ и прибѣгъ къ новой уловкѣ: «Присла же потомъ, продолжаетъ лѣтописецъ, къ Володимеру Левъ епископа своего Перемышльскаго. Слуги же Володиміровы повѣдаше своему князю: «господине! владыка пріѣхалъ». Онъ же рече: «который владыка?» Они же повѣдаша: «Перемышльскій, ѣдить отъ брата ти, ото Льва». Володимеръ же бѣ разумѣя древняя и задняя, на что пріѣхалъ, посла по него. Онъ же войде къ нему и, поклонився ему до земли, река: «братъ ти ся кланяеть!» И велѣ ему Володимеръ сѣсти. И нача посольство правити: «братъ ти, господине, молвитъ: стрый твой, Данило король, а мой отецъ, лежитъ въ Холмѣ у Святой Богородицы и сынове его, братья моя и твоя, Романъ и Шварно, тамъ же лежатъ. А нынѣ, брате, слышалъ твою немочь великую, абы ты, брате мой, не изгасилъ свѣта надъ гробомъ стрыя своего и братьи своей, абы далъ городъ свой, Берестій: то бы твоя свѣща была!» Володимеръ же бѣ разумѣя притчѣ и темно слово, зане бысть книжникъ великій и философъ, акогоже не бысть во всей земли и ни по немъ не будетъ, и рче епископу: «братъ, рци: Льве княже! ци безъ ума мя творишь, оже не уразумѣю сей хитрости? Мала тебѣ своя

земля, что Берестья хочешь? Самъ держишь три княженія—Галицкое, Перемышльское, Бѣльзское, да нѣту ти сыти? А еще рци: мой отецъ, а твой стрый, лежитъ во епископіи у святой Богородицы въ Володимерѣ, а много ли надъ нимъ свѣчъ поставилъ? что далъ, который городъ, абы то свѣча была? Просилъ бы еще живымъ, а то мертвымъ просишь! Не дамъ, не реку города, но ни села не возмешь у меня, разумѣю я твою хитрость, не дамъ!» Послѣ смерти Владиміра, Юрій занялъ было Берестій, но въ виду рѣшительнаго намѣренія Мстислава отстаивать завѣщанную ему волость съ помощью Татаръ, принужденъ былъ очистить его по приказанію отца [60]). Подобно Владиміру, Переяславскій князь, Иванъ Дмитріевичъ, отказалъ свою волость младшему дядѣ, Данилѣ Московскому, помимо старшаго, Андрея Владимірскаго: «того бо паче всѣхъ любляше», какъ объясняетъ лѣтописецъ это предпочтеніе [61]). Андрей не менѣе Льва желалъ увеличить свои владѣнія и поспѣшилъ было, по смерти Ивана, занять Переяславль своими намѣстниками, но, какъ и Галицкій князь, принужденъ былъ уступить силѣ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, какъ поступали князья, когда у нихъ было нѣсколько сыновей. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что княжеская Россія составляла не одно государство, а множество отдѣльныхъ волостей (княжествъ или удѣловъ), которыя то соединялись подъ властью одного князя, то являлись совершенно отдѣльными одна отъ другой подъ властью независимыхъ другъ отъ друга князей. Мы также знаемъ, что вѣчевое устройство установляло только слабую связь между отдѣльными пунктами поселенія одной и той же волости: какъ скоро тотъ или другой изъ нихъ достигалъ значительнаго развитія, онъ оказывалъ стремленіе къ обособленію и выдѣлялся въ самостоятельную волость. Въ завѣщаніяхъ князья согласовались съ этими особенностями древне-русскаго государственнаго у-

[60]) Ипат. 1287 г., 1288 г., 1289 г. Вотъ какъ описано въ лѣтописи впечатлѣніе, произведенное на Льва извѣстіемъ о томъ, что Мстиславъ пригласилъ уже на него татаръ. «Левъ же убояся того вельми: еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати».

[61]) Воскр. 1302 г.

стройства и, съ своей стороны, не мало способствовали еще большему раздробленію волостей. Если подъ властью завѣщателя соединялось нѣсколько отдѣльныхъ волостей, въ такомъ случаѣ, смотря по числу сыновей,—онъ или давалъ каждой изъ нихъ особаго князя, или удерживалъ нѣкоторыя въ личномъ соединеніи, или наконецъ выдѣлялъ изъ старыхъ волостей новыя, къ чему приходилось прибѣгать и въ томъ случаѣ, когда князь владѣлъ только одною волостью, а сыновей было много.

Но волости не были одинаковы по своему значенію: однѣ изъ нихъ были старшія и лучшія, другія младшія и худшія; а потому возникалъ вопросъ,—которому сыну дать лучшую волость, которому худшую? По естественному предпочтенію старшаго сына, какъ первенца, ему всего чаще назначалась лучшая волость. Но большаго права, чѣмъ другіе сыновья, старшій не имѣлъ: онъ получалъ лучшій столъ не въ силу своего права, а въ силу отеческой воли, управляемой чувствомъ естественной привязанности. Если старшій сынъ не пользовался особенной привязанностью отца, отецъ былъ воленъ назначить старшій столъ младшему. Такъ Ярославъ Галицкій назначаетъ Галичъ, старшій столъ, младшему сыну, Олегу, а старшему, Владиміру, Перемышль. Также поступаетъ и Владимірскій князь, Всеволодъ Юрьевичъ, вынужденный неповиновеніемъ старшаго сына, Константина.—При распредѣленіи волостей между сыновьями князья управлялись тѣмъ же побужденіемъ, какъ и при добываніи: побужденіемъ «быть сыту». А потому, для большаго уравненія сыновей въ этомъ отношеніи, иногда вовсе не назначался особый князь на лучшій столъ, а поручался онъ совокупному вѣдѣнію всѣхъ сыновей съ тѣмъ, чтобы они дѣлили между собой, по ровну получаемые съ него доходы. Подобныя распоряженія встрѣчаются въ духовныхъ грамотахъ Московскихъ князей, но можно думать, что они появились гораздо прежде [62]). Иванъ

[62]) Совокупное управленіе и дѣлежъ доходовъ надо предпологать всякій разъ, какъ скоро говорится о двухъ князьяхъ въ одномъ и томъ же городѣ, а такіе случаи встрѣчаются съ древнѣйшихъ временъ. См. напр. Ипат. 1150 г., Соф. I. 1278 г.

Даниловичъ Калита, назначая каждому изъ своихъ сыновей особую волость: Семену—Можайскъ, Коломну и проч., Ивану—Звенигородъ, Рузу и проч., Андрею—Лопастну, Серпуховъ и проч., о Москвѣ дѣлаетъ такое распоряженіе: «Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву». А изъ завѣщанія Ивана Ивановича узнаемъ, что каждый изъ трехъ сыновей Калиты получалъ третью часть доходовъ съ суда, тамги, мытъ, и со всѣхъ пошлинъ городскихъ что «къ городу потягло». Такъ образовалось извѣстное дѣленіе Москвы на трети и годы [63]), которое удержалось въ княжескихъ завѣщаніяхъ гораздо долѣе, чѣмъ самое побужденіе, его вызвавшее, уравненіе сыновнихъ удѣловъ [64]).—Въ случаяхъ общаго владѣнія каждый изъ князей соправителей назначалъ отъ себя особаго намѣстника для завѣдыванія общими доходными дѣлами [65]); по всѣмъ же ос-

[63]) Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича читаемъ: «приказываю отчину свою Москву дѣтямъ своимъ, к. Василію, к. Юрію, к. Андрею, к. Петру: а братъ мой, к. Володимеръ, вѣдаетъ свою треть (т. е. треть Москвы), чѣмъ его благословилъ отецъ его, Андрей. А сына своего, к. Василья, благословляю на старѣйшій путь въ городѣ (т. е. Москвѣ) и въ станѣхъ моего удѣла двою жеребьевъ половина (т. е. половиною двухъ третей Москвы, соединившихся еще въ рукахъ отца Дмитріева, Ивана, по смерти старшаго сына Калиты, Семена; а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ городскихъ половина» (собственно треть Москвы). Изъ этой послѣдней трети, назначенной Юрію, Андрею и Петру, къ которымъ вскорѣ присоединился еще Константинъ, родившійся послѣ написанія завѣщанія,—образовались годы, потому что князья пользовались предоставленными имъ правами по годамъ; такъ въ завѣщаніяхъ Василія Васильевича и Ивана Васильевича упоминается годъ Петра Дмитріевича, годъ Константина Дмитріевича и др. Подобно этому треть Владиміра Андреевича между его сыновьями также раздробилась на годы; въ завѣщаніи этого князя читаемъ:« А приказываю вотчину свою Москву, свою треть, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, дѣтимъ своимъ, сыну к. Ивану, к. Семену, к. Ярославу, к. Андрею, к. Василью, вѣдаютъ по годомъ».—Годы, въ свою очередь, дѣлились на полугодія. Такъ Борисъ Васильевичъ по завѣщанію отца своего получилъ на Москвѣ годъ, бывшій прежде за Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; послѣ Бориса осталось двое сыновей, между которыми годъ отца ихъ раздробился на полугодія; см. завѣщаніе Ивана Васильевича Р. С. Г. Г. и Д. ч. I.

[64]) Такъ Василій Васильевичъ, соединившій въ своихъ рукахъ почти всю Москву (кромѣ года Михаила Андреевича Верейскаго), хотя и назначаетъ старшему сыну, Ивану, удѣлъ, несравненно превосходящій удѣлы его братьевъ, на Москвѣ, однако, даетъ ему только одну треть. Точно также и Иванъ Васильевичъ, въ рукахъ котораго снова соединилась вся Москва кромѣ полъ-года Ѳедора Борисовича), и который еще менѣе отца своего былъ озабоченъ уравненіемъ сыновнихъ удѣловъ, тѣмъ не менѣе, повинуясь семейнымъ преданіямъ, назначаетъ на Москвѣ годы младшимъ сыновьямъ.

[65]) Въ договорѣ Василія Дмитріевича и его родныхъ братьевъ, владѣвшихъ вмѣстѣ двумя третями Москвы, съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ, которому

тальнымъ вопросамъ отношенія ихъ опредѣлялись, какъ и отношенія князей вообще,—договорами.

Къ концу разсматриваемаго періода въ завѣщательныхъ распоряженіяхъ Московскихъ князей произошло существенное измѣненіе, положившее начало какъ прочному преобладанію Московскаго княженія надъ всѣми другими, такъ и прочному установленію единодержавія во всей Русской землѣ.—До второй половины XIV в. въ княжескихъ завѣщаніяхъ не усматривается желанія дать одному изъ сыновей преобладающее положеніе надъ другими. Конечно, сыновья не получали совершенно равныхъ удѣловъ: тотъ изъ нихъ, кому доставался старшій столъ, былъ сильнѣе другихъ. Но это преимущество случайное, оно условливалось различіемъ волостей, а не сознательнымъ желаніемъ князя-отца поставить одного изъ сыновей въ исключительно благопріятное положеніе передъ другими. У первыхъ Московскихъ князей мы даже встрѣчаемся съ стремленіемъ къ крайне искусственному уравненію удѣловъ, въ силу котораго

принадлежала остальная треть, читаемъ: «А городскихъ (т. е. Московскихъ) судовъ и становыхъ, что къ городу тянетъ, того ми безъ твоего намѣстника не судити; ни тобѣ безъ нашихъ намѣстниковъ не судити.... А коли ны будетъ слати своихъ даньщиковъ въ городъ (Москву) и на вари, и тобѣ слати съ нашими даньщиками своего даньщика».... Въ договорѣ Василія Васильевича, получившаго по завѣщанію отца треть на Москвѣ, съ Василіемъ Ярославичемъ Боровскимъ, въ рукахъ котораго соединилась цѣлая треть дѣда его, Владиміра Андреевича, читаемъ: «А коли, господине, князь великій, тобѣ въ городы на Москвѣ и въ станы въ Московскіе послати своего даньщика, и мнѣ послати съ твоимъ даньщикомъ своего даньщика».... И далье: «А что, господине, суды потягли къ городу изъ вашихъ волостей и изъ моихъ при твоемъ дѣдѣ, великомъ князѣ, и при твоемъ отцѣ, великомъ князѣ, и тѣ суды судять наши намѣстники, какъ было преже сего».... Въ завѣщаніи Ивана Васильевича читаемъ: «благословляю сына своего, Василія, и дѣтей своихъ меньшихъ, Юрія, Дмитрія, Семена, Андрея, въ Москвѣ годомъ княжъ Константиновскимъ Дмитріевича.... да годомъ княжъ Петровскимъ Дмитреевича...., да годомъ княжъ Михайловскимъ Андреевича; а держитъ сынъ мой Василій и мои дѣти меньшіе.... на тѣхъ годѣхъ на Москвѣ своихъ намѣстниковъ, перемѣняя пять лѣтъ по годомъ. А что былъ данъ брату моему Борису въ Москвѣ годъ... и тотъ годъ приходилъ Борисовымъ дѣтямъ обѣма держати на Москвѣ своего намѣстника на шестой годъ, и братаничъ мой, Иванъ (Борисовичъ), ту полгоду далъ мнѣ; и язъ ту полгоду даю сыну своему, Василью, и братаничъ мой, Ѳедоръ (Борисовичъ), съ сыномъ моимъ, Василіемъ, тотъ шестой годъ держатъ по полу году: сынъ мой, Василій, держитъ своего намѣстника полгоду, а братаничъ мой, Ѳедоръ, держитъ своего намѣстника полъ же году». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 35, 45, 144; ср. еще тамъ же №№ 55, 228.

лучшая волость поручалась совокупному вѣдѣнію всѣхъ сыновей. Такъ поступаютъ Иванъ Даниловичъ Калита и сынъ его, Иванъ [66]).—Первое отступленіе отъ стараго порядка и первое сознательное стремленіе къ созданію преобладающей силы въ рукахъ одного изъ сыновей высказывается въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича. На долю старшаго сына, Василія, онъ назначаетъ Коломну и все великое княженіе, къ которому, между прочимъ, принадлежали: Владиміръ, Переяславль, Кострома, Юрьевъ, Ярославль; другіе же сыновья должны были ограничиться значительно меньшими удѣлами: Юрій—Звенигородомъ и Галичемъ, Андрей—Можайскомъ и Бѣлоозеромъ, Петръ—Дмитровомъ и Угличемъ. Въ Москвѣ Василію также назначалась большая часть: изъ двухъ третей, соединившихся въ рукахъ Дмитрія, онъ получалъ половину; вторая половина должна была быть раздѣлена между остальными сыновьями. Тоже направленіе высказывается въ завѣщаніяхъ Василія Васильевича и сына его, Ивана, но у послѣдняго еще съ большей рѣшительностью. Иванъ Васильевичъ передаетъ старшему сыну, Василію, почти всю Москву, назначаетъ ему удѣлъ, несравненно превосходящій всѣ удѣлы остальныхъ сыновей, вмѣстѣ взятые, и наконецъ въ его же пользу установляетъ право наслѣдовать младшимъ своимъ сыновьямъ въ томъ случаѣ, когда кто либо изъ нихъ умретъ, не оставивъ ни сыновей, ни внуковъ, тогда какъ по завѣщанію Дмитрія Ивановича удѣлъ умершаго брата дѣлился между всѣми остальными поровну [67]).

И такъ, въ завѣщаніяхъ проявляется тоже начало свободной воли князя, управляемое одними только соображеніями о томъ, что желательно и возможно, какъ и въ добываніи.

При господствѣ начала добыванія стремленіе князей къ расширенію своихъ владѣній насчетъ сосѣдей доходитъ до крайняго развитія въ между-княжеской политикѣ, которая за весь этотъ

[66]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 21, 25. Въ завѣщаніи послѣдняго князя встрѣчаемъ и нѣсколько частныхъ распоряженій, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ уравненія; напр: «а что мнѣ досталися мѣста Рязанскія.... сыну моему к. Дмитрію и к. Ивану, подѣлятся на полы безъ обиды».

[67]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 34, 86, 144.

періодъ можетъ быть охарактеризована какъ политика эгоизма. Первая забота каждаго князя состояла въ увеличеніи собственныхъ владѣній, и все приносилось ей въ жертву: земскій миръ, узы родства. Самые древніе вѣка нашей исторіи. X-й и XI-й, даютъ уже въ этомъ отношеніи чрезвычайно яркій примѣръ. Ярополкъ Святославичъ Кіевскій начинаетъ войну съ братомъ, Олегомъ Древлянскимъ, съ цѣлью завладѣть его княженіемъ. Братъ Ярополка, Владиміръ Новгородскій, побуждаемый чувствомъ мести за Олега и страхомъ за собственную безопасность, убиваетъ Ярополка и дѣлается единовластителемъ въ Русской землѣ. Сынъ Владиміра, Кіевскій князь Святополкъ, съ цѣлью расширенія и упроченія своихъ владѣній избиваетъ братьевъ, Бориса, Глѣба, Святополка, и такимъ образомъ соединяетъ въ своихъ рукахъ значительную часть Русской земли. Четвертый сынъ Владиміра, Ярославъ Новгородскій, движимый тѣмъ же чувствомъ мести и безопасности. какъ нѣкогда отецъ его, предпринимаетъ походъ на Святополка и присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ его кровавыя пріобрѣтенія. Нѣсколько позднѣе онъ и самъ разыгралъ [67*], хотя и въ менѣе кровавой формѣ, — раль Святополка по отношенію къ младшему брату своему, Судиславу Псковскому. Сынъ Ярослава, Святославъ Черниговскій, «желая большей власти» прогоняетъ старшаго брата, Кіевскаго князя Изяслава, и дѣлится добычей съ помощникомъ своимъ, Всеволодомъ Переяславскимъ. Въ тоже время находимъ извѣстія о принадлежности къ владѣніямъ Святослава — Новгорода, Бѣлоозера, Ярославля, Мурома, Рязани. Тмутаракани. За это стремленіе Святослава къ расширенію власти должны были поплатиться сыновья его, которые по смерти отца почти вовсе были исключены отъ участія во владѣніи русской землей дядьями своими, Изяславомъ и Всеволодомъ.—Мы не будемъ перечислять дальнѣйшихъ случаевъ проявленія политики эгоизма: они составляютъ значительную часть содержанія политической исторіи княжескаго періода [68].

[67*]) А можетъ быть былъ только вынужденъ къ тому, чтобы разыграть.

[68]) Мы охарактеризовали междукняжескую политику какъ политику эгоизма потому, что заботясь о расширеніи своихъ владѣній, князья руководились только

Необходимымъ слѣдствіемъ такой политики были: неувѣренность въ прочномъ обладаніи своей волостью, чувство опасенія за ея неприкосновенность и въ большей части случаевъ совершенно основательная подозрительность по отношенію ко всѣмъ другимъ князьямъ.—Такой порядокъ вещей не могъ одинаково нравиться всѣмъ князьямъ, а потому въ нашей древней исторіи не разъ обнаруживается стремленіе установить какія-либо границы свободному осуществленію права добыванія.—Начало, которымъ обыкновенно руководились въ подобныхъ стремленіяхъ, заключалось въ понятіи объ отчинѣ, или вотчинѣ. Необходимо разсмотрѣть, что такое отчина, и какимъ она пользовалась значеніемъ въ вопросѣ о распредѣленіи волостей.

Отчина есть ничто иное, какъ столъ отца, т. е. столъ, который занималъ прежде отецъ извѣстнаго князя. Такимъ образомъ, наименованіе отчиной можетъ быть усвоено каждому столу, каждой волости, но только по отношенію къ дѣтямъ князя, занимавшаго эту волость, и не зависимо отъ того удалось имъ добыть столъ отца по его смерти, или нѣтъ. Кіевъ напр., есть отчина по отношенію ко всѣмъ сыновьямъ Владиміра Мономаха, который занималъ Кіевскій столъ отъ 1114 по 1125-й годъ, но не по отношенію къ Кіевскому князю, Всеволоду Ольговичу, и его братьямъ, отецъ которыхъ никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ.—Какъ волость отца по отношенію къ его сыновьямъ называется отчиной, такъ точно и князья-сыновья по отношенію къ волости отца называется отчичами и опять независимо отъ того, удалось имъ занять отчій столъ, или нѣтъ [69]). Итакъ, наиме-

интересами своей семьи, а не стремленіемъ къ образованію государственнаго единства Россіи; поэтому, то, что удавалось собрать въ своихъ рукахъ князю-отцу, по его смерти снова распадалось на независимыя одно отъ другаго владѣнія подъ властью его сыновей, которые въ свою очередь снова собирали и снова дѣлили. Первый шагъ къ образованію значительной нераздѣльной государственной силы дѣлаетъ Московскій в. к. Дмитрій Ивановичъ, въ завѣщаніи котораго находимъ первое основаніе будущему единству Россіи.—Во время господства вѣчевыхъ порядковъ, порождавшихъ самостоятельныя государственныя единицы по всему протяженію Русской земли, стремленіе къ единству и не могло проявиться дѣятельнымъ образомъ.

[69]) Въ Воскр. подъ 1401 г. читаемъ: «того же лѣта к. Юрій Святославичъ, да к. Олегъ Рязанскій пріидоша къ городу Смоленску (который занимали тогда Ляхи); а въ Смоленскѣ бысть въ то время мятежь и крамола, овіи хотяху Витов-

нованіе волости «отчиной» выражаетъ не существо власти князя-правителя, а только одно указаніе на то, что такой-то столъ былъ нѣкогда занятъ отцемъ такого-то князя.

Подобно этому и частная собственность могла называться отчиной по отношенію къ дѣтямъ собственника [70]). Надо думать, что разсматриваемый терминъ возникъ именно въ области гражданскаго права и отсюда уже былъ заимствованъ князьями для обозначенія княжествъ. При отсутствіи начала наслѣдственности волостей и соотвѣтственнаго порядка престолонаслѣдія, князья, какъ скоро возникалъ вопросъ о примиреніи ихъ сталкивающихся интересовъ, естественно останавливались на единственномъ порядкѣ наслѣдованія, который имъ былъ извѣстенъ, на порядкѣ наслѣдованія по закону. Въ наслѣдованіи же по закону имущество отца переходило къ его дѣтямъ [71]). Примѣнительно къ этому порядку, князья, называя извѣстную волость отчиной и такимъ образомъ указывая на ея принадлежность отцу, заявляютъ этимъ самымъ свои притязанія на обладаніе этой волостью и именно въ силу того, что она столъ отца, отчина. Случаи подобныхъ притязаній князей на извѣстную волость въ силу того, что она имъ отчина, встрѣчаются съ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ.

Древнѣйшій примѣръ относится къ княженію Владиміра Святаго. Разсказывая исторію Полоцкихъ князей, лѣтописецъ говоритъ, что бояре посовѣтовали Владиміру возстановить въ пользу Рогнѣды, дочери бывшаго Полоцкаго князя, Рогволода, и сына ея, Изяслава,—«отчину ея».—Олегъ Черниговскій въ войнѣ съ Владиміромъ Мономахомъ 1096 года приказываетъ сказать сыну Владиміра, Изяславу, занимавшему тогда Murom-

та, а друзіи отчича своего» (т. е. Юрія Святославича, сына Святослава Ивановича, занимавшаго Смоленскій столъ до 1387 г., когда онъ былъ убитъ подъ Мстиславлемъ) См. еще ниже, прим. 72.

[70]) Такое употребленіе слова отчина необходимо допустить, хотя мы и не можемъ привести свидѣтельства источниковъ для древнѣйшаго времени; необходимо потому, что по закону дѣти наслѣдовали отцу, и такимъ образомъ ясно выступала возможная связь между дѣтьми и тѣмъ, что оставилъ отецъ ихъ по своей смерти, связь, выражаемая словомъ отчина.—Но такъ какъ отецъ могъ завѣщать, то понятно, что отчина и въ гражданской сферѣ не всегда принадлежала отчичу.

[71]) Неволинъ, Исторія гражданскихъ законовъ, Т. III.

скій столъ: «иди въ волость отца своего—Ростову, а то есть волость отца моего» (т. е. Муромъ). Въ 1139 г. Андрей Владиміровичъ Переяславскій отказывается перемѣнить свое княженіе на Курское на томъ основаніи, что въ Курскѣ отецъ его не сидѣлъ, но въ Переяславлѣ; «хочу на своей отчинѣ смерть пріяти», говоритъ онъ. По смерти Андрея (1141 г.), Кіевскій князь Всеволодъ предлагаетъ Вячеславу, брату умершаго, занять Переяславль, ибо это отчина его. Въ томъ же смыслѣ Изяславъ Мстиславичъ, доискиваясь волости, говоритъ: «мнѣ отчины нѣту въ Угрѣхъ, ни въ Лясѣхъ, токмо въ Русстѣй земли». Въ 1154 г. Юрій Ростовскій, требуя, чтобы Изяславъ Давыдовичъ уступилъ ему Кіевъ, говоритъ: «мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ». Въ 1159 г. Полоцкій князь Рогволодъ отнимаетъ Изяславль у Всеволода Глѣбовича и передаетъ его Брячиславу Давыдовичу на томъ основаніи, что Изяславль его отчина.— Подобно этому Новгородцы просятъ Всеволода Юрьевича посадить у нихъ своего сына «за не Новгородъ отчина» Всеволоду (1200). — Въ 1213 г. Даніилъ Романовичъ приглашаетъ Мстислава Галицкаго принять участіе въ войнѣ его съ Польскимъ княземъ, Лешко, вызванной тѣмъ, что Лешко «держитъ его отчину». Совершенно такою же ссылкою на отчину въ приведенномъ уже мѣстѣ великій князь Московскій, Василій Васильевичъ, пытается доказать передъ царемъ Махметомъ свои права на великое княженіе [72]).

Переходимъ къ разсмотрѣнію того значенія, которое принадлежало отчинѣ въ вопросѣ о распредѣленіи волостей. Князья, какъ только что было замѣчено, заявляли притязанія на обладаніе отчинами. Но понятно, что при господствѣ начала добыванія подобныя притязанія не всегда могли быть осуществлены. Въ разныхъ мѣстахъ настоящаго изслѣдованія мы не разъ имѣли случай приводить примѣры перехода волостей, смотря по условіямъ данной минуты, къ братьямъ, дядьямъ и другимъ болѣе отдаленнымъ родственникамъ князя-правителя, помимо его

[72]) Лавр. 1128 г., 1096 г., 1139 г., 1141 г., 1150 г., 1155 г., 1200 г. Ипат. 1213 г. Воскр. 1432 г.

сыновей [73]).—Съ другой стороны, князь, вовсе не имѣвшій отчины, не терялъ еще въ силу этого права добыть себѣ волость. Такъ напр., Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Ярослава Вла-

[73]) Отчичи уже и потому не всегда могли владѣть своими отчинами, что при господствѣ начала добыванія извѣстная волость могла имѣть въ одно и то же время нѣсколькихъ отчичей отъ разныхъ князей, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга. Любопытный примѣръ этому представляетъ лѣтопись подъ 1093 и 1094 г. По смерти Всеволода Ярославича открылись между прочимъ столы: 1) Кіевскій, который послѣдовательно занимали: Изяславъ Ярославичъ, за тѣмъ, по его изгнаніи младшими братьями въ 1073 г., Святославъ Ярославичъ, до смерти Святослава въ 1076 г., третій братъ, Всеволодъ; по миру со Всеволодомъ въ 1077 г. опять Изяславъ, по его смерти въ 1078 г. снова Всеволодъ; 2) Черниговскій, принадлежавшій сперва Святославу, а по его смерти и по возвращеніи Изяслава въ Кіевъ, захваченный Всеволодомъ; 3) Переяславскій, постоянно принадлежавшій Всеволоду. Такимъ образомъ, на основаніи начала отчины сыновья Всеволода имѣли одинакою притязанія на всѣ три стола, Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій; сыновья Святослава на два, Кіевскій и Черниговскій, сыновья Изяслава только на одинъ Кіевскій. Владиміръ Всеволодичъ, находившійся въ моментъ смерти отца въ Кіевѣ, былъ очень не прочь удержать за собою Кіевъ, какъ «столъ отца своего»; но его озабочивали притязанія на тотъ же столъ Святополка Изяславича, еще въ 1088 г. перемѣнившаго Новгородъ на Туровъ съ цѣлью приближенія къ Кіеву. Колебанія Владиміра лѣтописецъ передаетъ въ слѣдующей фразѣ, влагаемой имъ въ уста этого князя: «если сяду на столѣ отца своего (т. е. Кіевѣ), то имамъ рать со Святополкомъ взяти, потому что еще прежде это былъ столъ отца его». Владиміръ считаетъ себя въ правѣ сѣсть въ Кіевѣ, допускаетъ этотъ фактъ и обсуждаетъ его возможныя послѣдствія. При этомъ онъ встрѣчается съ совершенно такимъ же правомъ Святополка, отецъ котораго также сидѣлъ въ Кіевѣ; кромѣ того, онъ знаетъ, что Святополкъ имѣетъ намѣреніе искать своей отчины и не остановится передъ войной: «имамъ со Святополкомъ рать взяти», думаетъ Владиміръ. «Размысливъ, продолжаетъ лѣтописецъ, посла Владиміръ по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову, а Ростиславъ братъ его) иде Переяславлю». Такимъ образомъ, Владиміръ уступаетъ Святополку Кіевъ, но не потому чтобы считалъ его права на Кіевскій столъ лучше своихъ, а только по нежеланію вести съ нимъ войну. Въ противномъ случаѣ онъ не занялъ бы и Чернигова, ибо Олегъ Святославичъ былъ въ совершенно такомъ же отношеніи къ Черниговскому столу, въ какомъ Святополкъ къ Кіевскому: Черниговъ былъ прежде столъ отца Олегова, а послѣ уже перешелъ къ отцу Владиміра. Владиміръ, однако, не посылаетъ за Олегомъ въ Тмутаракань, не передаетъ ему Чернигова, а занимаетъ его самъ. Нѣсколько позднѣе Олегъ предъявляетъ притязанія на столъ отца своего—Черниговъ, получаетъ отказъ и только силою принуждаетъ Владиміра удалиться на столъ отца его въ Переяславль. И такъ, на основаніи начала отчины Владиміръ считаетъ себя въ правѣ занять Кіевъ, Черниговъ, Переяславль; на томъ же основаніи и въ то же время Святополкъ предъявляетъ притязанія на Кіевъ, а Олегъ на Черниговъ, Муромъ и др. владѣнія своего отца.—Постановленія Любецкаго съѣзда разрѣшили эти перекрещивающіяся притязанія въ пользу болѣе правильнаго приложенія начала отчины и противъ начала добыванія. На Любецкомъ съѣздѣ отчиной Святополка былъ признанъ Кіевъ, отчиной Олега и его братьевъ—Черниговъ, отчиной Всеволода одинъ только Переяславль. Такимъ образомъ были осуждены предшествовавшіе захваты Кіева—Святославомъ и Всеволодомъ и Чернигова—Всеволодомъ и сыномъ его Владиміромъ, захваты, не согласовавшіеся, какъ увидимъ, и съ послѣднею волею Ярослава.

димировича, добываетъ Тмутаракань, а сыновья его кладутъ основаніе сильному Галицкому княженію. Позднѣе сыновья Ростислава Юрьевича, Мстиславъ и Ярополкъ, призываются занять столы въ Ростовѣ и Владимірѣ (1175 г.) [74]).

Хотя, при существующемъ порядкѣ, начало отчины и не могло играть рѣшающей роли въ вопросѣ о распредѣленіи волостей, но во 1-хъ, это начало служило основаніемъ притязаній извѣстнаго князя на извѣстную волость; во 2-хъ, оно принималось за исходный пунктъ въ завѣщаніяхъ, а иногда и въ княжескихъ договорахъ.

Случай наиболѣе полнаго примѣненія этого начала находимъ въ договорѣ 1097 г., заключенномъ князьями на съѣздѣ въ Любечѣ. Желая положить конецъ безконечнымъ захватамъ чужихъ волостей, которые имѣли мѣсто между сыновьями и внуками Ярослава, собравшіеся въ Любечѣ князья берутъ за основаніе при распредѣленіи волостей между собой начало отчины: въ сохраненномъ лѣтописью извѣстіи объ этомъ договорѣ сказано: «кождо да держитъ отчину свою». Такимъ образомъ, за Святополкомъ былъ утвержденъ столъ отца его, Кіевъ, за Давыдомъ, Олегомъ и Ярославомъ столъ отца ихъ, Черниговъ, за Владиміромъ столъ отца его, Переяславль, и за Давыдомъ Игоревичемъ столъ отца его, Владиміръ [75]).—На томъ же основаніи состоялось соглашеніе и между сыновьями Давыда и Олега Святославичей. По смерти Владиміра Давыдовича, Черниговскій столъ занялъ братъ его, Изяславъ, захватившій въ тоже время (а можетъ быть нѣсколько ранѣе)—и часть владѣній Святослава Ольговича и племянника его, Святослава Всеволодича. Когда война Кіевскаго князя съ Юріемъ Владимірскимъ, раздѣлявшая на два враждебныхъ лагеря и Изяслава съ Святославомъ Ольговичемъ, окончилась, Святославъ, сославшись съ Святославомъ Всеволодичемъ, вознамѣрился примириться съ новымъ Черниговскимъ княземъ, Изяславомъ. «Брате! послали

[74]) Не имѣли отчины тѣ князья, отцы которыхъ умерли еще при жизни своихъ отцевъ и слѣдовательно прежде, чѣмъ сдѣлались самостоятельными князьями.
[75]) Лавр. 1097 г., см. выше прим. 73.

они сказать ему, миръ стоитъ до рати, а рать до мира! а нынѣ прими насъ въ любовь. А се межи нами двѣ отчины, одна моего отца, Олега, а другая твоего отца, Давыда, а ты, брате, Давыдовичъ, а язъ Ольговичъ. Ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а что Ольгово, а то нама дай, ать вѣ ся подѣливѣ». «Изяславъ же, продолжаетъ лѣтописецъ, крестьянски учини, прія брата своего и отчину има узворoти, а свою къ собѣ прія»[76]).—Тоже стремленіе къ установленію перехода волостей по отчинѣ обнаруживается и въ разсмотрѣнныхъ уже условіяхъ договоровъ, которыми стороны взаимно обязывались: «блюсти, не обидѣть, не вступаться, не подыскивать.. и подъ дѣтьми».

Съ тѣмъ же началомъ встрѣчаемся и въ духовныхъ завѣщаніяхъ. Хотя завѣщаніе Ярослава сохранено лѣтописцемъ далеко не вполнѣ, но мы можемъ составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ думалъ этотъ князь о дальнѣйшей судьбѣ розданныхъ имъ сыновьямъ городовъ, по тому отзыву, который высказали объ этомъ предметѣ его потомки въ концѣ XII вѣка. Въ 1195 г. Кіевскій князь, Рюрикъ Ростиславичъ, сославшись со Всеволодомъ Юрьевичемъ Владимірскимъ и Давыдомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, отправилъ совокупное съ ними посольство къ Черниговскимъ князьямъ, Ольговичамъ, съ требованіемъ, чтобы они отказались отъ Кіева и Смоленска, не искали его ни подъ ними, ни подъ ихъ дѣтьми, ни подъ всѣмъ Владиміровымъ племенемъ, и ограничились однимъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра. Въ подкрѣпленіе своего требованія Рюрикъ, Всеволодъ и Давыдъ ссылаются на завѣщаніе Ярослава: «како насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ—по Днѣпръ, говорятъ они, а Кіевъ вамъ не надобѣ». На основаніи послѣднихъ словъ надо думать, что Ярославъ, раздавая сыновьямъ города, исходилъ отъ той мысли, что по смерти сыновей принадлежавшія каждому изъ нихъ волости перейдутъ къ ихъ дѣтямъ, а его внукамъ и т. д. Еслибы онъ имѣлъ въ виду не этотъ переходъ отъ отца къ сыну, а какой нибудь другой, напр. отъ брата къ брату, въ силу котораго Черниговскій князь, Святославъ, дол-

[76]) Ипат. 1151 г.

женъ бы былъ получить Кіевъ въ случаѣ смерти Кіевскаго князя и его старшаго брата, Изяслава, то понятно, что Рюрикъ, Всеволодъ и Давыдъ, требуя, чтобы Черниговскіе князья навсегда отказались отъ Кіева и ограничились лѣвой стороной Днѣпра, никакъ не могли бы сослаться на завѣщаніе Ярослава, которымъ въ такомъ случаѣ именно предоставлялось право потомкамъ Святослава Черниговскаго въ извѣстномъ случаѣ перейдти на Кіевскій столъ. Любопытно, что Ольговичи въ своемъ отвѣтѣ не возражаютъ противъ правильности толкованія послѣдней воли Ярослава, предложеннаго ихъ противниками, чего они не могли бы не сдѣлать, еслибъ эта воля говорила въ ихъ пользу. Не имѣя возможности вывести своихъ притязаній на Кіевъ изъ духовной грамоты Ярослава, Ольговичи устраняютъ всякое значеніе завѣщанія въ дѣлѣ распредѣленія волостей и въ своемъ отвѣтѣ основываются исключительно на правѣ добыванія и на договорахъ. «Мы обязались, говорятъ они, не искать Кіева подъ Рюрикомъ и подъ Всеволодомъ и въ томъ стоимъ: при вашемъ животѣ не ищемъ; а по вашей смерти, кому Богъ дастъ!» [77])—Съ совершенной ясностью выступаетъ переходъ по отчинѣ въ сохраненномъ лѣтописцами извѣстіи о завѣщаніи вел. князя Тверскаго, Михаила Александровича: Тверь великій князь назначаетъ сыну, Ивану, и его дѣтямъ, Александру и Ивану; въ Кашинѣ даетъ удѣлъ другому сыну, Василію; третьему, Ѳедору, назначаетъ два городка—Микулины. По мысли завѣщателя, слѣдовательно, Тверь, послѣ смерти Ивана, должна была перейдти не къ братьямъ его, а къ дѣтямъ [78]). Въ завѣщаніи Юрія Дмитріевича Галицкаго читаемъ: «а по грѣхомъ, котораго изъ васъ (т. е. изъ сыновей) Богъ отыметъ, а не останется послѣ него дѣтей, ино того удѣлъ тѣмъ, которыи останутся живы». Совершенно такой же переходъ къ сыновьямъ, по отчинѣ, предполагается и въ завѣщаніи вел. князя Московскаго, Ивана Васильевича. «А котораго моего сына не станетъ, сказано въ этомъ завѣщаніи, а не остапет-

[77]) Лавр. 1054 г., Ипат. 1195 г.
[78]) Воскр. 1400 г., Соф. I. 1398 г.

ся у него ни сына, ни внука, ино его удѣлъ весь — сыну моему, Василію» [79]).

Согласно стремленію князей удерживать за собою отчины, стремленію, находившему признаніе и въ самыхъ договорахъ, волости дѣйствительно переходили по отчинѣ, хотя и далеко не всегда. Въ силу повторяющагося факта перехода по отчинѣ мало-по-малу выдѣлились особыя линіи князей — Полоцкихъ, Смоленскихъ, Волынскихъ и Галицкихъ, Черниговскихъ, Рязанскихъ и Муромскихъ и пр., а позднѣе — Ростовскихъ, Московскихъ, Тверскихъ, Суздальскихъ и пр. Но такъ какъ это обособленіе скрѣплялось только частными соглашеніями и договорами, то понятно, что оно было далеко не полное и не мо-

[79]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 51, 144. Такъ же надо понимать и завѣщаніе вел. князя Московскаго, Дмитрія Ивановича, въ которомъ сказано: «А по грѣхомъ, котораго сына моего Богъ отъиметъ, и княгини моя подѣлитъ того удѣломъ сыновъ моихъ» — т. е. «котораго сына моего Богъ отъиметъ, а не останется у него ни сына, ни внука».... Объ удѣлѣ старшаго сына Дмитрій Ивановичъ дѣлаетъ особое распоряженіе: желая создать преобладающую государственную силу, онъ не допускаетъ дѣленія этого удѣла между остальными сыновьями въ случаѣ смерти Василія, а приказываетъ его слѣдующему сыну, который тогда будетъ живъ, удѣлъ же этого послѣдняго дѣлился въ такомъ случаѣ между остальными сыновьями: «А по грѣхомъ отъиметъ Богъ сына моего, князя Василія, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгиня».... Здѣсь также надо предполагать бездѣтную смерть Василія. Необходимость такого предположенія доказывается согласными примѣрами другихъ завѣщаній, въ которыхъ ясно обозначенъ переходъ удѣловъ въ нисходящей линіи, отъ сыновей къ внукамъ; отступленіе отъ этого обычая въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича представило бы единственный и ничѣмъ не объяснимый примѣръ совершеннаго исключенія внуковъ отъ участія во владѣніи Русской землей. Только неполнота выраженія давала Юрію возможность ссылаться въ Ордѣ на завѣщаніе отца въ подкрѣпленіе своихъ притязаній на великое княженіе. — Въ томъ же смыслѣ можно понимать и слова, приписываемыя лѣтописцемъ Ярославу Владиміровичу и обращенныя этимъ княземъ къ сыну, Всеволоду: «сыну мой! благо тобѣ, яко слышу о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего, по братьи своей, съ правдою, а не съ насиліемъ, то егда Богъ отведетъ тя отъ житья сего, да ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоея»: Лавр. 1093 г. Но такъ какъ это мѣсто находится въ посмертной похвалѣ Всеволоду, написанной очень дружественной ему рукой, то скорѣе надо думать, что оно сочинено самимъ лѣтописцемъ для оправданія совершившихся событій. Такъ же противъ подлинности этого мѣста говоритъ и то обстоятельство, что слова Ярослава «да ляжеши, идѣже азъ лягу» суть ничто иное, какъ повтореніе пророчества иг. Өеодосія Маріи, женѣ Яна: «по истинѣ идѣ же лягу азъ, ту и ты положена будеши», которое находимъ въ той же лѣтописи и только одной страницей выше. — Ср. М. П. Погодина, Изслѣдованія, т. IV, глава V.

могло успѣшно бороться съ господствовавшимъ началомъ добыванія: Черниговскіе князья продолжали добывать себѣ Кіевъ и Галичъ, Кіевскіе—Черниговъ и т. д., а подъ конецъ княжескаго періода, Московскіе князья добыли себѣ почти всю Русскую землю.

Какъ въ назначеніи княземъ преемника себѣ по духовной грамотѣ можно усматривать нѣкоторое, хотя и очень далекое и не полное, сходство съ гражданскимъ наслѣдованіемъ по завѣщанію; такъ точно въ переходѣ стола по отчинѣ можно видѣть нѣкоторое, хотя также далекое и не полное, соотвѣтствіе гражданскому наслѣдованію по закону: здѣсь, какъ и тамъ, переходъ отчины къ извѣстному лицу условливался тѣмъ, что она принадлежала отцу этого лица. Эта аналогія имѣетъ мѣсто и въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ моментахъ: такъ если сынъ былъ одинъ, ему доставалась вся отчина, если ихъ было нѣсколько, между ними происходилъ раздѣлъ и каждый получалъ по возможности равную часть [80]).—Само собой разумѣется,

[80]) Если волость позволяла, каждый изъ сыновей получалъ особый удѣлъ: такъ въ волости Святослава Ярославича по числу его сыновей упоминаются (Ипат. 1151 г.): двѣ отчины въ Черниговѣ, одна—Олега, другая—Давыда, и третья—въ Муромѣ—Ярослава; подобно этому въ Воскр. л. подъ 1286 г., читаемъ:« к. Дмитрій и к. Костянтинъ (два сына Бориса Ростовскаго) раздѣлиста отчину свою, и сѣде к. Дмитрій на Углечи, а Костянтинъ въ Ростовѣ». Если волость не допускала дѣленія, въ такомъ случаѣ сыновья садились въ одномъ городѣ (какъ напр. тѣ же Борисовичи до 1286 г. сидѣли оба въ Ростовѣ), при чемъ надо предполагать совокупное завѣдываніе дѣлами и дѣленіе доходовъ, подобно тому, какъ это дѣлалось на основаніи завѣщаній.—При дѣленіи волостей и доходовъ слѣдовали тѣмъ же началамъ, какъ и въ завѣщаніяхъ: каждый князь получалъ, по возможности, равную часть, старшій столъ доставался старшему сыну, что называлось раздѣломъ «по старѣйшинству». Впрочемъ, какъ и въ завѣщаніяхъ, послѣднее условіе не составляло необходимости, такъ напр. по раздѣлу Борисовичей въ 1286 г., младшій, Константинъ, занялъ старшій столъ; лѣтописецъ отмѣчаетъ иногда подобные случаи выраженіемъ:« а не по старѣйшинству» (Лавр. 1180 г. Воскр. 1281 г., ср. еще Сузд. 1213 г.) Такъ какъ участки, достававшіеся отчичамъ, были равны, то для ихъ распредѣленія между отчичами обращались иногда къ жребію. Указаніе на это находимъ въ Соф. I. подъ 1395 г.: Витовтъ, узнавши, что Смоленскіе князья были въ разности, враждуя про отчину, предлагаетъ имъ свое посредничество и вызываетъ ихъ изъ города лестью «азъ бы право хотя судити и раздѣлити имъ отчину по жребію».—Въ Ипат. лѣт. подъ 1151 г., находимъ указаніе на существованіе права представленія: Святославъ Ольговичъ проситъ у Изяслава Давыдовича уступки отчины отца своего, Олега, не себѣ одному, но и племяннику Святославу, сыну старшаго брата, Всеволода Ольговича: «а что Олегово, а то нама дай, говоритъ онъ, ать вѣ ся тѣмъ подѣливѣ».

что все это имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда князья-сыновья получали волость по отчинѣ, и когда они имѣли добрую волю признать взаимныя притязанія каждаго отчича: если нѣкоторые изъ отчичей устранялись другими, какъ поступили, напримѣръ, Полоцкіе Всеславичи съ Давыдомъ, въ такомъ случаѣ распредѣленіе волостей совершалось не по отчинѣ, а въ силу начала добыванія.

КНИГА ВТОРАЯ

УПРАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Правительственное дѣленіе.

На всемъ протяженіи разсматриваемаго періода, до самаго начала XVI вѣка, каждое княженіе составляетъ отдѣльную, самостоятельную правительственную область [1]).

Для обозначенія княжествъ па ряду съ словомъ «княженіе» были употребительны и нѣкоторые другіе термины. Однимъ изъ распространеннѣйшихъ въ древнѣйшее время было выраженіе «волость» [2]). Слово волость означаетъ собственно всякую область, состоящую подъ одною властью. Княженіе состоитъ подъ властью своего князя, а потому и называется его волостью. Мы встрѣчаемся съ этимъ выреженіемъ при самомъ началѣ нашей исторіи: еще въ X в. вся Древлянская земля, княженіе Олега Святославича, въ цѣломъ называется «его волостью» [2*]). Подобно этому Святославъ Всеволодичъ называетъ волостью какъ свое княженіе Черниговское, такъ и Кіевское княженіе Романа Ростиславича и княженія всѣхъ другихъ князей, принимавшихъ участіе въ его договорѣ съ Романомъ, заключенномъ около 1175 г. [3]). Въ Лавр. лѣт. подъ 1176 г. во-

[1]) См. выше главу VI. стр. 149.

[2]) Волость или власть отъ володѣти; сюда же и область. [2*]) Лавр. 975 г.

[3]) Ипат. 1177 г.: «рядъ нашъ, говоритъ Святославъ Роману, такъ есть: оже ся князь извинитъ, то въ волость..., а Давыдъ Вышегородскій князь, виноватъ».

лостями названы княженія: Новгородское, Смоленское, Кіевское, Полоцкое, Суздальское. Еще ранѣе этого времени о Суздальскомъ княженіи Юрія Владиміровича читаемъ: «Юрій князь Владиміровичъ . . . . . . вда Ярополку Суздаль и Ростовъ и прочюю волость свою, но не всю»; здѣсь какъ Ростовъ и Суздаль, такъ и другія менѣе значительныя мѣста поселенія Суздальскаго княженія въ цѣломъ составляютъ волость Юрія, изъ которой только часть онъ уступаетъ брату Ярополку [4]. Съ такимъ же словоупотребленіемъ встрѣчаемся и въ дошедшихъ до насъ полныхъ текстахъ договоровъ. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими слово волость служитъ для обозначенія въ цѣломъ какъ княженія Новгородскаго, такъ и княженій Тверскаго и Московскаго [5].

[4]) Лавр. 1135 г. Ср. еще: Ипат. 1159 г: «а всю волость Черниговскую собою держитъ»; о Ростиславѣ Полоцкомъ, заключившемъ миръ съ Рогволодомъ Друцкимъ, лѣтописецъ говоритъ: «и прида волости Рогволоду». Подъ 1174 г. читаемъ: «Черниговскому князю (Святославу Всеволодовичу) не мирну съ Олегомъ Святославичемъ (Новгородъ Сѣверскимъ) и воевашеть Олегъ Святославлю волость Черниговскую; Святославъ же.... найде на Ольга и пожже волость его». Подъ 1180 г. «посла Святославъ Глѣба, сына своего, въ Коломну, въ Рязанскую волость»..; и далѣе: «и скупи всю Черниговскую (сторону, а по другому списку) волость и дружину свою и поча думати...» Воскр. 1181 г.: «поча воевать по Волзѣ власть в. к. Всеволода...» Ипат. 1195: «сыновци же твои идучи (къ Витебску) воеваша Смоленскую волость»...; 1196 г. Ярославъ Черниговскій говоритъ Рюрику Кіевскому: «чему еси брате, почалъ волость мою воевати»... и далѣе: «Ярославъ... не пустяшеть пословъ Рюриковыхъ сквозе свою волость...»; подобно этому Рюрикъ приказываетъ сказать Владиміру Галицкому: «зять мой переступилъ рядъ и воевалъ волость мою, а ты, брате, воюй волость его». Тамъ же: «Всеволодъ (Владимірскій) посла мужа своя къ Ярославу и умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя»... и далѣе: «ходи Романъ Мстиславичъ на Ятвяги отомьщеваться, бяхуть бо воевали волость его». Въ Соф. I подъ 1270 г. говорится, что въ борьбѣ Новгорода съ к. Ярославомъ въ Новгородѣ собралась вся власть Новгородская.

[5]) Въ договорѣ Новгорода съ в. к. Тверскимъ, Ярославомъ Ярославичемъ, читаемъ: «А въ Бѣжичахъ тебѣ, княже,... селъ не держати, ни по всей волости Новгородской». А далѣе: «А изъ Бѣжичь, княже, людей не выводити въ свою (т. е. Тверскую) волость». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 3, ср. еще № 6 и 10; а для Новгородской волости ср. №№ 1, 2, 6, 15 и 20. Въ договорѣ Новгорода съ в. к. Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, и сыномъ его, Иваномъ Васильевичемъ, читаемъ: «А изъ Бѣжичь вамъ, князи, не выводити людей въ свою (т. е. Московскую) волость...», и далѣе: «а что мытъ по Суздальской землѣ въ вашей волости»... А. А. Э. т. I № 57. Такое же условіе находимъ и въ договорѣ Новгорода съ Иваномъ Васильевичемъ: «а что мытъ по Суздальской земли, въ вашей волости»... Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 20. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ Суздальская земля, какъ старинный терминъ, служитъ для обозначенія всего Московскаго княженія.

Позднѣйшій случай употребленія слова волость въ смыслѣ цѣлаго княжества относится къ концу XV в.; но уже гораздо ранѣе этого времени оно стало уступать свое мѣсто другимъ выраженіямъ. Въ договорныхъ грамотахъ и завѣщаніяхъ потомковъ Всеволода Юрьевича Владимірскаго, сохранившихся отъ второй половины XIV в., цѣлыя княженія называются уже не волостями, а удѣлами и уѣздами.

Наименованіе удѣломъ образовалось отъ дѣйствія раздѣленія княземъ-отцемъ своего княженія между сыновьями и указываетъ на способъ пріобрѣтенія княжества: это часть отцевскаго княженія, доставшаяся сыну по завѣщанію отца. Въ этомъ смыслѣ удѣлами могутъ уже быть названы княженія сыновей Ярослава Владиміровича; но во всеобщее употребленіе слово удѣлъ входитъ только со второй половины XIV вѣка [6]).

[6]) Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты читаемъ: «а се сыномъ моимъ раздѣлъ учинилъ». Согласно съ этимъ, Семенъ, Андрей и Иванъ Ивановичи называютъ свои княженія удѣлами. Въ договорѣ, заключенномъ этими князьями, читаемъ: (А тобѣ, великому князю, Семену Ивановичу, селъ) въ нашихъ удѣлѣхъ не купити, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ... (такоже и намъ не купити) ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ селъ въ твоемъ удѣлѣ...» Въ договорѣ внука Калиты, Дмитрія Ивановича, съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: «А что мя благословилъ отецъ мой, к. в. Иванъ, удѣломъ дяди моего, князя великаго Семена, того ти не искати...» И далѣе: «А тобѣ брату моему молодшему въ моемъ удѣлѣ селъ ти не купити... тако же мнѣ въ твоемъ удѣлѣ селъ не купити...» Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 23 и 27. Подобно этому Василій Васильевичъ назначаемыя сыновьямъ княженія безъ различія великаго отъ остальныхъ — одинаково называетъ удѣлами; въ его завѣщаніи читаемъ: «а которымъ дѣтемъ своимъ села подавалъ, во чьемъ удѣлѣ ни буди, ино того и судъ надъ тѣми селы, кому дано». А далѣе: «А погрѣхомъ у котораго у моего сына вотчины отоймется, княгиня моя учнетъ у своихъ сыновъ изъ ихъ удѣловъ да тому вотчину исполнитъ...» Тамъ же № 86. Изъ этого словоупотребленія видно, какъ несогласно съ источниками противоположеніе великаго княженія удѣльному: треть Москвы, Владиміръ, Переяславль, Галичъ, Суздаль, Нижній и другіе города, назначенные Василіемъ Васильевичемъ старшему сыну, Ивану, точно также составляютъ его удѣлъ, какъ и Дмитровъ, назначенный его младшему брату, Юрью; великій князь Иванъ Васильевичъ такъ же можетъ быть названъ удѣльнымъ княземъ, какъ и братъ его, Юрій. — Только со времени великаго князя Ивана Васильевича великое княженіе перестаетъ именоваться удѣломъ: мы не встрѣчаемъ такого названія ни въ его договорахъ, ни въ завѣщаніи, хотя въ послѣднемъ участки младшихъ сыновей онъ и называетъ по прежнему удѣлами.—Такъ же не можетъ быть принято и обозначеніе цѣлаго періода нашей древней исторіи, послѣдовавшаго за смертью Ярослава Владиміровича, удѣльнымъ періодомъ, ибо оно заимствовано только отъ одного изъ способовъ пріобрѣтенія княженій и при томъ — несамостоятельнаго, нуждавшагося въ утвержденіи договорами съ третьими князьями, и далеко не господствовавшаго въ то время.

Слово уѣздъ означаетъ собственно всякую область, подчиненную власти одного правительственнаго лица, которое объѣзжаетъ ее въ извѣстные промежутки времени для отправленія суда и сбора повинностей. Такъ какъ въ этомъ отношеніи цѣлое княженіе есть уѣздъ своего князя, то послѣднее наименованіе и употребляется вмѣсто перваго. Для отправленія суда и сбора податей князья объѣзжали свои волости въ самой глубокой древности, а потому мотивъ для обозначенія княжества уѣздомъ существовалъ съ древнѣйшихъ временъ; но употребительнымъ это названіе сдѣлалось не ранѣе XIV вѣка [7]).

Княжества, волости, удѣлы и уѣзды не имѣли постоянныхъ, разъ на всегда опредѣленныхъ границъ. Первоначально волость составляла область или владѣніе одного главнаго пункта поселенія, отъ котораго она и получила свое имя. Таковы древнія волости: Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Кіевская, Древлянская и др. По мѣрѣ усиленія и обособленія второстепенныхъ пунктовъ поселенія, или пригородовъ, и размноженія Рюриковичей, эти древнѣйшія волости выдѣляли изъ себя новыя, которыя то соединялись въ одно цѣлое подъ властью одного князя, то снова раздѣлялись. Эти выдѣленія, соединенія и новыя раздѣленія совершались весьма случайно, по требованію историческихъ условій данной минуты, согласно тому или другому распредѣленію княжескихъ партій, привязанности народа къ извѣстному князю и пр. Составлявшіяся такимъ образомъ волости или княжества далеко разнились между собою какъ по объему, такъ и по значенію. Источники не даютъ никакой возможности опредѣлить объемъ и границы этихъ разнообразныхъ владѣній для каждой данной эпохи, за исключеніемъ развѣ позднѣйшаго времени, отъ котораго сохранились полные тексты договоровъ и завѣщаній [7*]). Обыкновенно воло-

7) Уѣздъ вмѣсто удѣлъ или княженіе находимъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты: «а тамгою, говоритъ онъ, подѣлятся сынове мои: тако же и мыты, которые въ котораго уѣздѣ, то тому»... Подобно этому въ завѣщаніи Ивана Ивановича читаемъ: «А братаничъ мои, к. Володимеръ, вѣдаетъ уѣздъ отца своего» (Андрея, о которомъ шла рѣчь въ завѣщаніи Ивана Даниловича). Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 21 и 25. — Ср. ниже, гдѣ говорится о Похрянскомъ уѣздѣ.

7*) Лѣтописцы сами не всегда успѣваютъ слѣдить за этими измѣненіями. Такъ

сти обозначаются по главному городу, который составляетъ ихъ правительственный центръ, мѣстопребываніе князя, его столъ. Но волость, постоянно обозначаемая однимъ и тѣмъ же именемъ, не всегда остается равна сама себѣ. Такъ напр. въ 1159 г. Черниговскимъ княземъ былъ Святославъ Ольговичъ, но Черниговская волость принадлежала ему далеко не въ томъ объемѣ, какъ его предшественникамъ: у него былъ только Черниговъ съ 7-ю городами, остальною же несравненно большей частью Черниговской волости подѣлились между собой— Кіевскій князь, Изяславъ Давыдовичъ, и Новгородъ-Сѣверскій, Святославъ Всеволодичъ [8]).

Полная независимость управленія отдѣльныхъ княженій нарушается только къ концу разсматриваемаго періода. Впрочемъ и это нарушеніе имѣетъ крайне частный характеръ: оно встрѣчается въ одномъ только завѣщаніи великаго князя Московскаго, Ивана Васильевича, относится только къ тѣмъ удѣламъ, которые онъ назначилъ своимъ сыновьямъ, и далеко не обнимаетъ всѣхъ отраслей управленія. Это ограниченіе правительственной дѣятельности отдѣльныхъ княженій касается во 1-хъ, права дѣлать монету, во 2-хъ, права суда въ дѣлахъ, возникающихъ изъ душегубства. По отношенію къ первому вопросу—право дѣлать монету Иванъ Васильевичъ предоставилъ только старшему сыну, вел. князю Московскому, Василію Ивановичу. Что же касается до суда по дѣламъ о душегубствѣ, то младшіе сыновья завѣщателя имѣли такое же право рѣшать ихъ окончательно въ своихъ удѣлахъ, какъ и ихъ старшій братъ въ своемъ, за слѣдующимъ исключеніемъ. Въ составъ удѣловъ, назначенныхъ младшимъ сыновьямъ, вошли между прочимъ такіе участки, которые при вел. князѣ Иванѣ тянули душегубствомъ къ городу Москвѣ; въ этихъ участкахъ судъ о душегубствѣ и по смерти Ивана Васильевича долженъ былъ вѣдать

Ипат. лѣтописецъ подъ 1180 г. говоритъ о Рязанской волости, какъ цѣломъ, тогда какъ она еще съ 1177 г., года смерти Рязанскаго князя, Глѣба Ростиславича, была уже раздѣлена между его сыновьями на отдѣльныя княженія, успѣвшія уже вступить между собой въ войну. Ср. Сузд. 1180 г.

[8]) Ипат. 1159.

Московскій князь, Василій Ивановичъ, а не его младшіе братья, на долю которыхъ они достались.

Отдѣльныя княженія въ правительственномъ отношеніи дѣлились на волости или уѣзды и станы, и на города. Волости и уѣзды въ этомъ второмъ смыслѣ не синонимы княжествамъ, а ихъ подраздѣленіе.

Дѣленіе княженій на волости, или отдѣльные административные округа, которые поручались вѣдѣнію особыхъ мужей, встрѣчается съ глубокой древности. О первомъ Новгородскомъ князѣ, Рюрикѣ, говорится, что онъ роздалъ волости мужамъ своимъ [9]). Это раздѣленіе Новгорода на волости сохранилось до позднѣйшаго времени. Во всѣхъ Новгородскихъ грамотахъ находимъ особыя статьи, въ которыхъ говорится о Новгородскихъ волостяхъ, какъ объ административномъ дѣленіи Новгорода. Въ древнѣйшей изъ нихъ читаемъ: «Что волостей всѣхъ Новгородскихъ, того ти, княже, не держати своими мужи, но держати мужи Новгородскими; а даръ имати тобѣ отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника тобѣ волостей не раздавати. А безъ вины ти мужа волости не лишити. А се волости Новгородскія: Волокъ, Торжокъ» и пр. [10]).

То же дѣленіе находимъ и въ другихъ княженіяхъ. Такъ Густ. лѣт. упоминаетъ о Галицкихъ волостяхъ, которыя также, какъ и Новгородскія, раздаются Галицкимъ мужамъ [11]). Подъ 1176 г. упоминаются Черниговскія волости, Лопастна и Свѣрилескъ; а подъ 1213 г. находимъ такое мѣсто: «и повоева всѣ волости Черниговскія по Днѣпру, державы Всеволодовы» [12]). О раздѣленіи Кіевскаго княженія на волости сохранилось свидѣтельство подъ 1195 г., гдѣ упоминается одна изъ Кіевскихъ волостей, выдѣленная Рюрикомъ зятю своему, Роману; эта волость называется «лѣпшею волостью», т. е. лучшею сравнительно съ другими Кіевскими волостями. Подъ 1211 г. сохранилось указаніе на такое же дѣленіе Владимірскаго княженія:

[9]) Лавр. 862 г. см. вар. в. Ср. еще Соф. I. 1269 г.
[10]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 1 и слѣд.
[11]) Густ. 1213 г.
[12]) Ипат. 1170 г., Густ. 1213 г.

Всеволодъ Юрьевичъ, желая передать по смерти своей Владимірскій столъ второму сыну, Юрію, созываетъ бояръ своихъ изъ городовъ и волостей. Подъ 1476 г. упоминается Псковская волость, Гостятино; а подъ 1441 г. читаемъ, что Псковскій посадникъ Тимоѳей поѣхалъ «съ волостьми» ставить городъ Опочку [13]).

Съ XIV в., по мѣрѣ того, какъ слово волость все рѣже и рѣже употребляется для обозначенія цѣлаго княженія, за нимъ исключительно остается значеніе составныхъ частей удѣла или княжества. Только въ такомъ смыслѣ встрѣчается оно въ завѣщаніяхъ и договорахъ Московскихъ князей. Изъ этихъ памятниковъ видно, что всѣ княженія, мало-по-малу вошедшія въ составъ Московскаго государства, подраздѣлялись на волости: великіе князья Московскіе, назначая эти княженія въ удѣлы своимъ сыновьямъ, къ имени главнаго города, которымъ прежде обозначалось то или другое отдѣльное княженіе, всегда прибавляютъ: «и съ волостями», напримѣръ: «Можайскъ—со всѣми волостями», «Коломну со всѣми Коломенскими волостями», «Галичъ со всѣми волостями», «Бѣлоозеро съ волостями»; въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится о Владимірѣ, Переяславлѣ, Костромѣ, Суздалѣ, Нижнемъ, Муромѣ, Твери, Рязани, Пронскѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и пр. [14]).

[13] Ипат. 1195 г., Воскр. 1211 г., Пск. I. 1476 и 1441 г.—Въ Новогр. I. подъ 1406 г., читаемъ: «Плесковичи ходиша войною къ Полотску и мало не взяша города, а волости Полотскія повоеваше и отъидоша».

[14]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 18, 21, 22, 25, 34, 48, 86, 127 и 144.—Назначая волости, князья переносили на своихъ преемниковъ право отправлять извѣстныя функціи княжеской власти, а не свою частную поземельную собственность, для обозначенія которой было употребительно выраженіе—село. Волость была правительственнымъ округомъ, отъ нея заимствовалъ свое имя и чиновникъ, которому она поручалась въ завѣдываніе, волостель. Въ договорной грамотѣ великаго князя Тверскаго, Михаила Борисовича, съ Московскимъ вел. кн., Иваномъ Васильевичемъ, читаемъ: «А кто имѣтъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, а передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина». Р. С. Г. и Д. ч. 1 № 88. Въ жалованной грамотѣ Василія Дмитріевича митрополиту Фотію читаемъ: «ослободилъ отцу своему Фотію.... купити въ (волости) Талшѣ деревню Яковлевскую волостную; а что доселя та деревня тянула судомъ и всѣми пошлинами къ волости къ Талшѣ и нынѣча та деревня потянетъ судомъ и всѣми пошлинами къ отцу моему Фотію.... опрочь дани моей и яму къ волости ей не тянути ни чѣмъ». А. А. Э. т. I № 20. Въ другихъ жалованныхъ грамотахъ весьма обыкновенна такая статья: «а волостель ѣздитъ

Волости обозначаются обыкновенно именемъ главнаго пункта поселенія, въ которомъ, по всей вѣроятности, и имѣлъ свое мѣстопребываніе волостель. Къ этимъ главнымъ поселеніямъ приписывались менѣе значительныя села и деревни, что вмѣстѣ состовляло округъ волости. Волостель для отправленія правительственныхъ дѣйствій имѣлъ право ѣздить по всему округу своей волости. Въ силу этого волости и въ этомъ второмъ смыслѣ также усвояется наименованіе уѣзда. Указаніе на это находимъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты. При исчисленіи Можайскихъ и Коломенскихъ волостей, назначаемыхъ имъ старшему сыну Семену, упоминается волость Похряне; а нѣсколько далѣе при исчисленіи селъ, передаваемыхъ тому же князю на правѣ частной собственности, читаемъ: «село на Сѣверцѣ, въ Похрянскомъ уѣздѣ».

Волостямъ противополагаются города, составляющіе по отношенію къ нимъ сораздѣленіе княжества. Къ городу приписываются окружающіе его села и деревни, съ которыми онъ и составляетъ особый правительственный округъ. Власти имѣ-

своихъ людей волостныхъ и въ правдѣ и въ вичѣ...» См. тамъ же №№ 11, 32, 33 и др. и въ А. И. т. I, № 49 и др.—Въ Москвѣ волости также раздавались мужамъ, какъ въ Новгородѣ и въ Галичѣ, въ уста умирающему Дмитрію Ивановичу лѣтописецъ влагаетъ слѣдующія прощальныя слова къ боярамъ: «съ вами царствовахъ... подъ вами грады держахъ и великія власти...» Воскр. 1389 г. Ср. еще Новгр. IV. 1447 г., гдѣ плѣнъ и ослѣпленіе в. к. Московскаго, Василія Васильевича, объяснены его привязанностью къ Татарамъ, которымъ онъ раздавалъ города и волости въ кормленіе.—Въ княжескихъ завѣщаніяхъ села, какъ частная собственность князя, обыкновенно противополагаются волостямъ. Такъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича послѣ перечисленія городовъ и волостей, назначаемыхъ имъ второму сыну, Ивану, слѣдуетъ особая рубрика: «а се села», и за тѣмъ уже идетъ перечисленіе селъ, назначаемыхъ имъ тому же сыну. Въ томъ же порядкѣ идетъ и назначеніе удѣла третьему сыну, Андрею: «А се далъ есмь сыну своему Андрею: Лопастну, Сѣверьску, Нарунижьское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовець, Тухачевъ; а се села: село Талежское, село Серпоховьское» и пр. При назначеніи удѣла старшему сыну, Семену, хотя и опущена рубрика «а се села», но все таки села перечислены отдѣльно, послѣ волостей. Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича выраженію «а изъ Московскихъ волостей» противополагается выраженіе «а изъ Московскихъ селъ». Есть волость Руза, впослѣдствіи—городъ, и есть село Рузьское, точно также есть волость Серпоховъ, впослѣдствіи городъ, и село Серпоховьское. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 21 и 22.—Московскіе князья владѣли громадной поземельной собственностью, но имъ принадлежали далеко не всѣ села и деревни, входившія въ составъ волостей. Въ договорахъ князей не рѣдко встрѣчаемъ обоюдное обязательство «селъ и деревень въ такомъ-то удѣлѣ

ютъ пребываніе въ самомъ городѣ, а приписанныя къ нему мѣста составляютъ ихъ уѣздъ, подобно тому какъ мѣста, приписанныя ко всѣмъ другимъ волостямъ. Указаніе на существованіе особыхъ городскихъ уѣздовъ находимъ между прочимъ въ Новгр. лѣт. подъ 1403 г., гдѣ читаемъ: «а въ Новгородскомъ уѣздѣ за 50 верстъ (а по другимъ спискамъ за 8) отъ Великаго Новгорода благословіемъ владыки Іоанна постави Порфирій Пнамскій церковь древяну» и пр. [15]).

Противоположность города и волости могла обнаружиться весьма рано, но съ полною опредѣленностью отразилась она въ памятникахъ только съ XIV в. Въ завѣщаніяхъ Московскихъ князей города постоянно называются отдѣльно отъ волостей; только самые незначительные изъ нихъ, городки, перечисляются заурядъ съ волостями [16]). Въ другихъ памятникахъ того же времени постоянно различаются городскіе люди и волостные, какъ принадлежащіе къ разнымъ вѣдомствамъ [17]). Въ уставной Бѣлозерской грамотѣ конца XV в. выводная куница опредѣляется въ одинаковомъ размѣрѣ какъ за переходъ

по купити». Оно не можетъ относиться къ селамъ и деревнямъ, принадлежавшимъ самому князю; здѣсь дѣло идетъ о селахъ и деревняхъ, принадлежавшихъ боярамъ, вольнымъ слугамъ и вообще — христіанамъ, которыя наравнѣ съ княжескими селами составляли округъ волости. — Съ завоеванія Новгорода въ 1478 г. начинается измѣненіе въ этомъ словоупотребленіи. Взятыя Иваномъ Васильевичемъ волости у Новгородцевъ—сдѣлались его частной собственностью, которая стала раздаваться въ помѣстья. Отъ сюда у частныхъ лицъ появляются части волостей, или волостки.

[15]) Новгр. III. 1403 г.—Сюда же относится встрѣчающееся въ княжескихъ завѣщаніяхъ выраженіе «Московскій городской уѣздъ». Московскій городской уѣздъ состоялъ изъ селъ «на Москвѣ» или «у Москвы», которымъ противополагаются «Московскія села», т. е. села въ Московскихъ волостяхъ. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 24, 86, 144.

[16]) Въ завѣщаніи Дмитрія Ивановича напр. между Звенигородскими волостями названъ «Руза городокъ», между Московскими «Шерна городокъ»; въ завѣщаніи Василія Васильевича въ числѣ Коломенскихъ волостей находимъ «городокъ Брашеву»; въ завѣщаніи Ивана Васильевича между Дорогобужскими волостями стоитъ «Лучинъ городокъ», а между Шохонскими «городокъ Княжичи». Не городскія волости по мѣрѣ усиленія главнаго поселенія переходятъ въ городскія. Такъ въ завѣщаніи Ивана Даниловича—Серпуховъ просто волость, а въ завѣщаніи внука его, Владиміра Андреевича, это главный городъ удѣла, къ которому приписываются другія волости. То же повторилось съ Звенигородомъ и нѣкоторыми другими волостями.

[17]) Въ жалованной грамотѣ Звенигородскаго князя, Юрія Дмитріевича, Савво-Сторожевскому монастырю читаемъ: «А правъ ли, виноватъ ли городской или волостной человѣкъ, и онъ въ правдѣ и винѣ намѣстникомъ моимъ и волостелямъ...;

дѣвицы изъ одной волости въ другую Бѣлозерскую волость, такъ и за ея переходъ изъ волости въ городъ и обратно, что указываетъ на то, что городъ составлялъ такой же административный округъ, какъ и волость [18]). Уѣзды волостей и городовъ были далеко не одинаковы по своимъ размѣрамъ и не рѣдко мѣняли ихъ: нѣсколько волостей соединялись въ одну, если хотѣли доставить лицу, которому онѣ поручались въ завѣдываніе, болѣе значительное содержаніе; въ противномъ случаѣ, большая волость дробилась на нѣсколько мелкихъ.

Къ концу разсматриваемаго періода для обозначенія волости начинаетъ входить въ употребленіе новый терминъ—станъ. Что станъ—въ смыслѣ административнаго округа—есть ничто иное какъ новое наименованіе волости, это видно изъ сличенія двухъ дошедшихъ до насъ Бѣлозерскихъ грамотъ, и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній. Въ началѣ уставной Бѣлозерской грамоты читаемъ: «пожаловалъ своихъ людей Бѣлозерцевъ, горожанъ и становыхъ людей и волостныхъ всѣхъ Бѣлозерцевъ»... А далѣе, гдѣ говорится о кормѣ намѣстнику и о распредѣленіи Бѣлозерскихъ мѣстъ между подвѣдомственными ему чиновниками, упоминаются только горожане и становые люди, городъ и станы. Такъ какъ намѣстнику поручалась вся Бѣлозерская земля и кормъ шелъ ему со всѣхъ Бѣлозерцевъ, то опущеніе волостей и волостныхъ людей въ этихъ двухъ случаяхъ можетъ быть объяснимо только предположеніемъ, что волости и станы суть два разныхъ названія для обозначенія одного и того же правительственнаго дѣленія [19]). Какъ станы въ

а игуменъ съ братіею въ городнаго и волостнаго человѣка не вступаются». Въ жалованной грамотѣ Углицкаго князя Троицкому Сергіеву монастырю читаемъ: «А случится судъ смѣстной городскимъ людямъ, или волостнымъ съ монастырскими, и мои намѣстники Углицкіе или волостели Кинельскія... судятъ, а игуменовъ приказникъ съ ними же судитъ». А. И. т. I. №№ 15, 74. Ср. еще тамъ же № 83 и въ А. А. Э. т. I, №№ 44, 51, 111 и др.

[18]) А. А. Э. т. I № 123.

[19]) «Взоѣзжаго корму горожане и становые люди намѣстникомъ нашимъ во взоѣздъ что кто принесетъ, то имъ взяти.... А намѣстникомъ нашимъ у нихъ держати въ городѣ и во станѣхъ два тіуна, да десять доводчиковъ, во станѣхъ десять доводчиковъ, да два въ городѣ»... А ниже, въ статьяхъ о душегубствѣ снова, упоминаются не только городъ и станы, но и волости.

Бѣлозерской грамотѣ употребляются вмѣсто волостей, такъ и наоборотъ, волости—вмѣсто становъ. Въ концѣ разбираемаго акта читаемъ: «а кто дастъ дочерь за мужъ, изъ города въ волость, или изъ волости въ городъ, или изъ волости въ волость, и онъ дастъ за выводную куницу—алтынъ». Здѣсь не упоминаются станы, но вовсе не потому, чтобы переходъ дѣвицы изъ одного стана въ другой или изъ стана въ волость и въ городъ и на оборотъ не условливалъ выводной куницы: она не бралась, какъ показано нѣсколько ниже, только въ случаѣ замужства въ предѣлахъ одного и того же города, стана или волости. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, волостями названы станы. Что станы въ Бѣлоозерѣ не составляли правительственнаго дѣленія, отличнаго отъ дѣленія на волости, это подтверждается еще таможенной Бѣлозерской грамотой, писанной 9 лѣтъ позднѣе. Въ этой грамотѣ говорится только о волостныхъ и городскихъ людяхъ, и ни разу о становыхъ, что было бы невозможно, если бы волости неозначали то же, что станы. Подобно этому и въ завѣщаніи Ивана Васильевича городъ Бѣлоозеро отказывается «съ волостьми съ путьми и съ селы и со всѣми пошлинами», а о станахъ также не говорится ни слова [20]. Указаніе на такое же значеніе стана находимъ и въ завѣщаніи Серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича. Двумъ своимъ сыновьямъ, Семену и Ярославу, онъ отказываетъ «Городецъ на Волзѣ и станы на полы». Нѣсколько далѣе, при перечисленіи становъ, встрѣчаемся съ слѣдующими именами: Бѣлогородье, Юрьевецъ, Корякова слобода и Черпякова. А въ договорѣ вел. князя Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, по которому послѣдній и пріобрѣлъ Городецъ, означенныя четыре мѣста поименованы подъ рубрикою—«Городецкихъ волостей» [21]. Въ разсматриваемый періодъ новый терминъ употреблялся далеко не повсемѣстно: въ княжескихъ завѣщаніяхъ и договорахъ имъ пользуются почти исключительно для обозначенія правительственныхъ подраздѣленій Московскаго удѣла; въ другихъ же удѣлахъ, Можай-

[20]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 144.
[21]) Тамъ же, №№ 38, 40.

скомъ, Коломенскомъ, Владимірскомъ, Переяславскомъ и пр. упоминаются только волости [22]).

По первоначальному значенію своему слово станъ вовсе не обозначало правительственнаго округа: станъ означаетъ собственно только мѣсто остановки. Еще Несторъ говоритъ о становищахъ Ольги, т. е. мѣстахъ, гдѣ она останавливалась во время объѣзда Древлянской земли [23]). Изъ позднѣйшаго времени имѣемъ извѣстіе, что мѣста остановки волостелей, во время объѣзда ими своихъ уѣздовъ, также назывались станами [24]). Хотя эти станы не составляли особыхъ правительственныхъ округовъ, одинаково вѣдались однимъ и тѣмъ же волостелемъ и произвольно переносились имъ съ одного мѣста на другое, но въ послѣдствіи, при дѣленіи крупныхъ волостей на болѣе мелкія, «пошлые» станы могли быть взяты за основаніе дѣленія и такимъ образомъ могли сообщить свое имя вновь образуемымъ волостямъ.

[22]) На значеніе стана, какъ правительственнаго округа въ Московскомъ удѣлѣ, указываетъ слѣдующее выраженіе: «а что дѣтямъ своимъ села подавалъ въ Московскихъ станѣхъ»... и под., къ которымъ приравниваются совершенно такія же выраженія о волостяхъ, напр.: «А изъ волостей изъ Дмитровскихъ даю сыну своему Василью: Селну, Гуслицу и пр., и что будеть въ тѣхъ волостѣхъ селъ»... Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 31, 144. Кромѣ Москвы въ завѣщаніяхъ княжескихъ станы упоминаются: около Городца, въ Углечѣ полѣ, въ Рузѣ и на р. Шекснѣ, станъ Веретейка, хотя и не всегда ясно, въ какомъ значеніи. Тамъ же №№ 40, 83, 144.— Въ другихъ памятникахъ встрѣчаемъ еще нѣкоторыя указанія, см. А. И. т. I, № 115. А. А. Э. т. I, №№ 4, 74.— По мнѣнію С. М. Соловьева станы составляютъ подраздѣленіе волостей, Исторія, т. III. стр. 38, изд. втор.; по мнѣнію Неволина, наоборотъ, станы дѣлились на волости. Пол. собр. его соч., т. VI. стр. 108. Ни тотъ ни другой авторъ, къ сожалѣнію, не указываетъ источниковъ, на которыхъ основывается.

[23]) Карамзинъ, основываясь на одномъ мѣстѣ лѣтописца Соловецкаго монастыря, думаетъ, что «становищами также назывались хуторы и домы, гдѣ можно было приставать». Истор. I. т. VII гл., 377 пр. Что станъ дѣйствительно означалъ иногда частную собственность князя, его хуторъ, указаніе на это можно видѣть и въ такихъ выраженіяхъ какъ напр. «бортный станъ». Бортники, бобровники и другіе дѣловые люди селились обыкновенно на земляхъ князя и составляли его промыслъ. Надо думать, что въ такихъ промысловыхъ селеніяхъ князей были ихъ собственныя становища, или станы. Отъ сюда поселенія этого рода и назывались иногда станами, такъ въ завѣщаніи вел. кн. Моск 'ж., Ивана Ивановича, упоминается «меловый оброкъ Васильцева стана», а въ завѣщаніи вел. кн. Ивана Васильевича, встрѣчаемъ «волость Юлку съ бортнымъ станомъ». Если такое промысловое селеніе князя доходило до значительныхъ размѣровъ, оно организовалось въ особую волость, при чемъ ловчій получалъ права волостеля. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 40, 87, 144; А. А. Э. т. I, № 150.

[24]) А. И. т. I № 70.

Города и волости, въ этомъ второмъ смыслѣ, дѣлятся въ свою очередь на болѣе мелкія правительственныя единицы — сотни, потуги и погосты, которыя вѣдались особыми чинами въ лицѣ сотскихъ и старостъ.

Сотни, подъ которыми никакъ не должно разумѣть дѣйствительной ариѳметической сотни, представляютъ одно изъ древнѣйшихъ дѣленій, которое было вызвано первыми потребностями военнаго и финансоваго управленія. Въ Кіевѣ сотскіе упоминаются еще при Владимірѣ Святомъ, который приглашалъ ихъ на свои придворные пиры вмѣстѣ съ боярами, гридями и нарочитыми людьми. О раздѣленіи Новгорода (самаго города) на сотни встрѣчаемъ первое извѣстіе въ уставѣ о мостовыхъ, приписываемомъ сыну Владиміра, Ярославу. Въ XII в. сотскіе упоминаются въ Псковѣ [25]). Въ Новгородѣ на сотни дѣлились только горожане, волостные же или земскіе люди дѣлились на потуги и погосты [26]). Въ другихъ мѣстахъ дѣленіе на сотни было употребительно и для волостей. Такъ въ Берестьи сотни противополагаются горожанамъ и, слѣдовательно, составляютъ дѣленіе волости [27]). Въ Московскомъ княженіи и въ выдѣлявшихся изъ него удѣлахъ сотниками вѣдаются черные и тяглые люди вообще, слѣдовательно, здѣсь на сотни одинаково дѣлятся какъ города, такъ и волости, ибо черные и тяглые люди составляютъ населеніе и тѣхъ и другихъ [28]).

Погостъ былъ собственно церковнымъ дѣленіемъ, а потому

[25]) Воскр. 996 г., Ипат. 1178 г.; ср. еще Пск. I. 1461 г. Для Галича см. Ипат. 1231 г.

[26]) Въ договорн. грам. Новгорода съ вел. кн. Московскимъ, Иваномъ Васильевичемъ, читаемъ: «а купецъ поѣдетъ во сто, а смердъ потянеть въ свой потугъ». А. А. Э. т. I № 57, Р. С. Г. Г. и Д. ч. № 20. Тамъ же въ № 9 и 13 вмѣсто «потугъ» читаемъ «погостъ». Ср. еще Новгрд. I. 1230 г.: «а добытокъ Семеновъ и Водовиковъ по стомъ раздѣлиша»; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 2· «Благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника..., тысяцкаго... и ото всѣхъ сотскихъ... и отъ всѣхъ старѣйшихъ и ото всего Новгорода, къ князю Ярославу», и А. И. т. I, № 17·

[27]) Ипат. 1289 г.

[28]) Въ жалованной грам. Звенигородскаго князя Савво-Сторожевскому монастырю читаемъ: «а которые люди имуть жити на тѣхъ земляхъ Московскихъ, и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя дань, ни ямъ, ни подводы..., ни къ сотскому, ни десятскому съ тяглыми людьми не тянутъ ни въ которые проторы и въ разметъ, ни въ иныя которыя пошлины». Ср. подобныя же выраженія: А. А. Э. т. I. №№ 19, 44, 46, 111, 120, 132, и Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 27.

мы и не встрѣчаемъ никакихъ гражданскихъ властей, которые бы заимствовали отъ него свое имя [29]). Погостъ означалъ во 1-хъ, мѣсто, на которомъ стояла церковь и дворы церковнослужителей и во 2-хъ, деревни, жители которыхъ составляли приходъ церкви [30]). Этими готовыми уже округами пользовались иногда и для правительственныхъ цѣлей, напр. для обложенія податей [31]).

Все, что находилось въ предѣлахъ княжества, подлежало вѣдѣнію общихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій; исключенія (иммунитеты) допускались только въ силу особаго акта въ формѣ завѣщанія, или жалованной грамоты. Такія исключенія обыкновенно состояли въ освобожденіи извѣстнаго округа отъ княжескихъ даней, пошлинъ и повинностей и отъ суда княжескихъ чиновниковъ, права и обязанности которыхъ переходили въ такомъ случаѣ на тѣ лица, въ пользу которыхъ установлялось исключеніе. Освобожденіе отъ суда и даней было или полное, или съ ограниченіями; въ послѣднемъ случаѣ въ вѣдѣніи княжескихъ чиновниковъ обыкновенно оставлялось душегубство и разбой, изъ повинностей же—въ пользу князя выговаривались иногда дань и ямъ, иногда одна дань и пр. Такіе исключенные изъ общаго вѣдомства участки назывались иногда волостями по отношенію къ тѣмъ лицамъ, въ пользу которыхъ дѣлалось исключеніе [32]); наименованіе волостью обусловливалось здѣсь перенесомъ на пожалованное лице права отправлять нѣкоторыя функціи княжеской власти.—Въ составъ округа, выпутаго изъ вѣдомства общихъ судебныхъ и прави-

[29]) См. Ѳ. М. Дмитріева Истор. судеб. инст. стр. 27 и Б. Н. Чичерина Област. учрежд. стр. 86, пр. 3.

[30]) См. Новгородскія писцевыя книги.

[31]) Такъ напр. въ уставѣ Смоленскаго князя, Ростислава Мстиславича, дань съ Вержавлянъ показана по погостамъ. Д. къ А. И. т. I, № 4; ср. еще тамъ же № 17, и въ А. А. Э. № 1. Кромѣ Новгорода и Смоленска въ разсматриваемое время погосты упоминаются въ Рязани, А. И. т. I, № 2, Брянскѣ, Торопцѣ и Мѣсческѣ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 144. — Относительно дѣленія на пятины см. Неволина Зап. Импер. Рус. Геогр. Общ., кн. VIII.

[32]) Въ жалов. грам. Митрополита Іоны читаемъ: «пожаловалъ Андрея Афанасьева, что сѣлъ на своей куплѣ, на Голятовской пустоши, въ волости Пречистыя Богородицы и въ моей...» А. А. Э. т. I. № 45. Ср. еще тамъ же № 153. Въ томъ же смыслѣ надо, кажется, понимать и извѣстіе Соф. I. подъ 1417 г.

тельственныхъ мѣстъ, входятъ не однѣ только земли, принадлежащія на правѣ частной собственности тому лицу, въ пользу котораго сдѣлано изъятіе; къ нимъ приписываются иногда и земли, принадлежащія третьимъ лицамъ [33]).

Исключенія дѣлались въ пользу княгинь, монастырей и церквей, и частныхъ лицъ [34]).

[33] Жалов. грамота вел. князя Василія Васильевича Ивану Петелину установляетъ исключеніе только для села и деревень, составляющихъ собственность самого Петелина, А. А. Э. т. I. № 46; наоборотъ, изъ только-что приведенной грам. митрополита Іоны видно, что въ составъ его волости входятъ и купли третьихъ лицъ.—Ср. слѣдующее прим. подъ 1).

[34]) 1) Особенно большихъ размѣровъ достигали округи, исключаемые въ пользу вдовствующихъ княгинь; не только собственныя ихъ села и деревни освобождались отъ суда княжескихъ волостелей, но изъ удѣловъ князей-сыновей вынимались цѣлые волости и города и предоставлялись княгинямъ съ правомъ суда и дани. Свѣдѣнія о такихъ передачахъ особенно обильны изъ Московскаго времени, но встрѣчаются и изъ эпохи предшествовавшей, хотя и въ слишкомъ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, см. напр. Ипат. лѣт. 1150 г., 1187, 1287 г.—Участки, которые предоставлялись княгинямъ по завѣщаніямъ, не назывались ни ихъ удѣлами, ни княжествами. Иванъ Даниловичъ назначилъ нѣсколько волостей княгинѣ своей, но въ началѣ завѣщанія онъ говоритъ: «се есмь раздѣлъ учинилъ сыномъ своимъ», а не сыномъ и княгинѣ. Точно также и сыновья его этотъ участокъ не называютъ ни удѣломъ, ни княжествомъ; въ завѣщаніи Ивана Ивановича объ немъ говорится въ такихъ выраженіяхъ: «А княгини Ульяна по отца моего кн. вел. по грамотѣ по душевной вѣдаетъ волости и семиньчье и села до своего живота».— Право суда предоставлялось княгинямъ безъ всякихъ ограниченій; см. завѣщанія Московскихъ князей, Василія Дмитріевича и Василія Васильевича.—2) Исключенія, дѣлаемыя въ пользу монастырей и церквей, весьма разнились по объему предоставляемыхъ этимъ послѣднимъ правъ. ср. А. А. Э. т. I, №№ 5, 7, 17, 20, 34, 39; и А. И. т. I, №№ 15, 28; по большей части они ограничивались землями, составлявшими собственность монастырей и церквей. 3) Исключенія, установляемыя для частныхъ лицъ, дѣлались какъ въ пользу одного лица, такъ и въ пользу цѣлыхъ обществъ. Въ первомъ случаѣ исключаемыя территоріи составлялись изъ частной собственности тѣхъ лицъ, на чье имя писалась жалованная грамота см. А. А. Э. т. I, №№ 44, 46, 111, 120, 132, 149. и А. И. т. I. № 115, и изъ земель жалуемыхъ въ помѣстья, см. А. А. Э. т, I. № 151. По всѣмъ дошедшимъ до насъ грамотамъ этого рода исключенія не простираются на душегубство и разбой.—Во второмъ случаѣ въ силу исключенія возникали слободы, права которыхъ также опредѣлялись въ жалованныхъ грамотахъ; въ договорѣ Юрія Дмитріевича съ Василіемъ Васильевичемъ читаемъ: «а у кого будутъ въ Бѣжицкомъ верхѣ грамоты жалованные отца твоего великаго князя, или твои у бояръ, или на слободы, или у иного у кого». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 39. Въ А. А. Э. ч. I, подъ № 102 отпечатана одна изъ такихъ грамотъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ исключеніе установляется не столько въ пользу самой слободы, сколько въ пользу Покровскаго монастыря.—Неволинъ думаетъ, что при вел. кн. Московскомъ, Иванѣ Васильевичѣ, уничтожились изъятія отдѣльныхъ лицъ отъ подчиненности общему управленію, Полн. собр. его сочин. т. VI стр. 121. Это мнѣніе не можетъ быть принято: Иванъ Васильевичъ самъ не рѣдко установлялъ исключенія; см. А. А. Э. т. I. №№ 111, 120, 122, 124, 131, 139.

Дошедшія до насъ жалованныя грамоты не восходятъ далѣе XIV в.; всѣ онѣ писаны отъ имени князя, въ исключительномъ завѣдываніи котораго находились судъ и дани [35]. Въ чью пользу разъ установлялось исключеніе, тотъ пользовался имъ какъ своимъ частнымъ правомъ и могъ въ принадлежащемъ ему округѣ установлять новыя исключенія—отъ своего суда и своихъ повинностей. Примѣры такихъ вторичныхъ исключеній находимъ въ жалованныхъ грамотахъ княгинь и митрополитовъ [36].

Таково было правительственное дѣленіе Русской земли. Оно представляетъ три степени округовъ, каждому изъ которыхъ соотвѣтствовали особыя органы управленія. Высшую степень составляетъ княженіе, волость, удѣлъ, или уѣздъ; за тѣмъ слѣдуетъ подраздѣленіе княженій на города, волости, станы или уѣзды; эти послѣдніе въ свою очередь дѣлятся на сотни, потуги и погосты.—Отсутствіе особыхъ терминовъ для двухъ первыхъ степеней, которые употреблялись бы исключительно для обозначенія той или другой изъ нихъ, въ значительной мѣрѣ затрудняетъ изученіе древняго правительственнаго дѣленія. Подыскиваніе въ источникахъ такихъ выраженій, какъ волость, уѣздъ, станъ, еще ничего не рѣшаетъ: для каждаго отдѣльнаго случая долженъ быть особо установленъ смыслъ этихъ выраженій, которыя то совпадаютъ, то обозначаютъ совершенно разныя понятія, иногда даже не имѣющія никакого отношенія къ правительственному дѣленію [37]. По состоянію источни-

[35]) Только въ Новгородѣ, гдѣ долѣе сохранились вѣчевые порядки, встрѣчаемъ ограниченіе права князей раздавать жалованныя грамоты. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ весьма обыкновенно слѣдующее условіе: «А безъ посадника ти, княже,.... грамотъ не даяти». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 9. Ср. еще А. А. Э. т. I № 42, 62.

[36]) См. А. А. Э. т. I, №№ 41, 45.

[37]) Такъ слово волость употребляется еще для обозначенія нѣкоторыхъ особыхъ княжескихъ правъ; въ этомъ смыслѣ право собирать тамгу напр. составляетъ волость. Въ завѣщаніи Ивана Даниловича Калиты читаемъ: «А изъ городскихъ волостей даю княгини своей осмничее; а тамгою и иными в о л о с т м и городскими подѣлятся сынове мои».... Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго в. к., Ивана Ѳедоровича, читаемъ: «... пожаловалъ игумена Ларивонья Пречистыя монастыря Солотченскаго: далъ село свое Филиповиче съ уѣздомъ, по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ и моей госпожи великой княгини Софьи».... А. И. т. I. № 36. Выраженіе «село съ уѣздомъ» означаетъ здѣсь тоже, что въ другихъ подобныхъ грамотахъ

ковъ это установленіе точнаго смысла далеко не во всѣхъ случаяхъ бываетъ возможно. По мѣрѣ того, какъ слагалось Московское государство, эти затрудненія не уменьшались, а увеличивались, ибо отдѣльныя княженія, мало-по-малу входившія въ его составъ, удерживали до нѣкоторой степени свою особность, что вносило еще большую путаницу и безъ того уже въ запутанную терминологію [38]).

слѣдующая описательная форма: «село съ деревнями и съ пустошми, и съ лѣсомъ съ пожнями, куда топоръ ходилъ, куда коса ходила, съ пашлою землею, что къ ней изстари тянуло».... а не правительственный округъ.

[38]) Объ отдѣльныхъ княженіяхъ или уѣздахъ, присоединенныхъ къ Москвѣ, источники упоминаютъ иногда въ цѣломъ, какъ объ особомъ уѣздѣ, иногда съ этимъ именемъ встрѣчаются только отдѣльныя части такихъ уѣздовъ. См. Б. Н. Чичерина Областныя учрежденія, стр. 58 пр. 1.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Органы управленія.

Обстоятельное развитіе разнообразныхъ задачь управленія есть заслуга новѣйшаго времени. Древнѣйшая эпоха довольствовалась въ этомъ отношеніи весьма немногимъ: судъ, по своимъ органамъ не отдѣленный отъ управленія, и война—составляли главнѣйшія и почти единственныя потребности того времени. Князь, призванный судить и управлять, не только сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ вѣтви не многосложной администраціи; но и вѣдалъ непосредственно своей особой военныя дѣла, судъ, финансы и всѣ другіе предметы малоразвитаго управленія. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста источниковъ, характеризующія это личное управленіе князя.

Какъ княженіе въ цѣломъ своемъ составѣ называлось волостью, такъ и князь, вѣдавшій всѣ дѣла волости, назывался волостелемъ. Лѣтописецъ сохранилъ намъ слѣдующія замѣчательныя слова Галицкаго князя, Владиміра: «Богъ поставилъ насъ волостелями въ месть злодѣямъ и въ добродѣтель благочестивымъ....» [1]).

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи дѣтямъ обязанности этого волостеля-князя: «на войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни

[1]) Ипат. 1140 г.

питью, ни ѣденью не предавайтеся, ни спанью. И сторожей сами наряжайте, и ночь, отвсюду нарядивше (сторожей), около вой сами лягте, но рано встаньте, и оружія не снимайте съ себя: лѣностью бо внезапу человѣкъ погибаетъ».... «не мозите ся лѣнити ни на что же доброе. Первое къ церкви: да не застанетъ васъ солнце на постели, тако бо отецъ мой дѣяшеть блаженный и вси добріи мужи свершеніи....; (за тѣмъ, садитесь думать съ дружиною, или людей оправливать (т. е. судить), или на ловы поѣзжайте; (послѣ этихъ дѣлъ) можете лечь отдохнуть: спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваетъ и звѣрь и птицы и человѣци».... Далѣе Владиміръ Мономахъ говоритъ о себѣ: «Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя; на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ.... тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ» [2]).

Указанія на отправленіе правосудія самимъ княземъ весьма не рѣдки въ нашихъ источникахъ, въ крыхъ и самая правда называется «княжей правдой» [3]).

[2]) Лавр. 1096 г. Въ противоположность этому, мотивомъ изгнанія Всеволода выставлено то, что онъ не соблюдалъ смердовъ, Новгород. I. 1135 г.; Давыда Ростиславича—«что не сотворилъ наряда, но пуще раздра», Соф. I. 1151 г.;—Мстислава и Ярополка Ростовскихъ—«что грабили не токмо волость всю, но и церкви» Лавр. 1176 г.

[3]) Лѣтописецъ, сѣтуя на неурядицу послѣднихъ годовъ княженія Всеволода Ярославича и сдѣланную имъ перемѣну въ своихъ совѣтникахъ, послѣдствія этой перемѣны характеризуетъ такъ: «и людемъ не доходити княже правды». Лавр. 1093 г. Въ примѣръ личнаго отправленія суда княземъ см. Ипат. 1146 г. «аще кому будетъ насъ обида, говорятъ Кіевляне Игорю,—то ты прави», о Константинѣ Новогородскомъ читаемъ: «поча ряды правити», что объяснено словами пророка: «Боже! судъ твой цареви дажь, и правду твою сыну цареви, судити людемъ твоимъ въ правду». Лавр. 1206 г.; въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу Владимірскому сказано: «судъ судилъ не лицемѣрень»... Лавр. 1212 г.; о сынѣ его Ярославѣ читаемъ: «судившу Ярославу тако», Лавр. 1229 г. Въ духовной грамотѣ в. к. Московскаго, Семена Ивановича, читаемъ: «а что буди судилъ когда въ великомъ княженіи и въ вотчинѣ своей на Москвѣ, или мои бояре... а того вы, братья моя, не восчинайте» Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 24. Въ жалованной грамотѣ в. к. Московскаго, Василія Васильевича, Марьи Кошкиной читаемъ: «иво ихъ сужу язъ самъ князь великій»... А. А. Э. т. I № 44; ср. еще тамъ же №№ 46, 111, 120 и др.: въ судебникѣ 1497 г. см. ст. подъ рубрикой «о великомъ князи», въ А. Ю. №№ 1, 17.

На войнѣ князь обыкновенно первый начиналъ бой и своимъ примѣромъ поощрялъ воиновъ во все его продолженіе. Его личное участіе въ битвѣ было положительно необходимо для успѣха самаго дѣла: въ отсутствіи князя воины «не крѣпко бьются» [4]). Когда воеводы Дмитрія Ивановича Московскаго, передъ началомъ знаменитой Донской битвы, совѣтовали своему князю не биться напереди, но стать сзади, или на крылѣ, онъ отвѣчалъ: «какъ скажу вамъ: братіе! потягнемъ вкупѣ съединаго, а самъ почну лице свое укрывать, или хоронитися на заду? Какъ хочу словомъ, такъ и дѣломъ напереди всѣхъ главу свою положити за свою братію и за вся Христіаны».—«Да яко же рече, тако и створи, прибавляетъ отъ себя лѣтописецъ: біяше-бо ся съ Татары тогда ставъ напередь всѣхъ....» [5]).

Внѣшняя обстановка жизни Русскихъ князей значительно измѣнилась къ концу разсматриваемаго періода, но существо дѣла осталось тоже: послѣдній Московскій великій князь, Василій Ивановичъ, такъ же управлялъ самъ, какъ и его отдаленный предокъ, великій князь Кіевскій, Владиміръ Мономахъ. Чрезвычайно любопытный документъ въ этомъ отношеніи представляетъ грамота Василія Ивановича къ Давыду Сырневу, изъ которой видно, что великій князь Московскій непосредственно самъ дѣлалъ указанія не только относительно размѣровъ почтовыхъ избъ и конюшенъ и способа постройки моста на почтовой дорогѣ, но даже и относительно употребленія полусгнившихъ досокъ и бревенъ, оставшихся отъ старыхъ почтовыхъ хоромъ [5*]).

[4]) Ипат. 1152 г. Ср. еще тамъ же 1151 г.: во время войны Юрія съ Изяславомъ воины послѣдняго не отстояли брода на Днѣпрѣ; лѣтописецъ такъ объясняетъ это: «бѣ бо въ то время послалъ (Изяславъ) сына своего Мстислава въ Угры, да тѣмъ не твердъ ему бѣ бродъ, зане не бяшеть ту князя, а боярина не вси слушаютъ». Въ Воскр. подъ 1220 г. при описаніи взятія болгарскаго города Ошеля читаемъ: «и потече самъ князь преди всѣхъ ко граду; видѣвше же его вои вси устремишася ко граду борже, и посѣкоша тынъ и оплоты» и т. д.—Въ Лавр. подъ 946 г. находимъ слѣдующее обращеніе воеводъ Свѣнельда и Аскольда къ воинамъ передъ началомъ битвы съ Древлянами: «князь уже почалъ, потягнѣте, дружина, по князѣ».

[5]) Воскр. 1380 г. Отступленія отъ этого порядка, объясняемыя личнымъ характеромъ князя, встрѣчаются и въ древнее время. Такъ въ похвалѣ Ярославу Галицкому читаемъ: «гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами». Ипат. 1187 г.

[5*]) Въ помянутой грамотѣ читаемъ: «Здѣсь сказывали моему казначею, пишетъ

Понятно, однако, что князь, соединяя всѣ вѣтви управленія въ своихъ рукахъ, не могъ обходиться безъ помощниковъ. И дѣйствительно, съ древнѣйшихъ временъ мы встрѣчаемъ указанія на существованіе второстепенныхъ властей, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя отрасли управленія и суда.—Систематическое дѣленіе органовъ управленія на центральные и мѣстные можетъ быть примѣнено къ нашей древней администраціи только съ оговоркою. Единственную центральную власть составлялъ князь и его дума. Но князь не былъ исключительно центральной властью. На ряду съ назначаемыми имъ мѣстными правителями, онъ удерживалъ въ непосредственномъ своемъ вѣдѣніи извѣстный округъ, къ которому былъ совершенно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ мѣстные правители къ своимъ округамъ; онъ представлялъ въ этомъ округѣ мѣстную власть. Этотъ обычай вышелъ изъ употребленія только къ концу разсматриваемаго періода. Кромѣ того, не смотря на существованіе мѣстныхъ судей, князь могъ всякое дѣло потребовать къ своему собственному суду [6]); а въ древнѣйшее время, при объ-

великій князь, Ергольскіе ямщики Сумакъ Петрушинъ да Васюкъ Левоновъ, что на Ергольскомъ яму хоромы, избы и сѣнники и конюшни погнили и тынъ обвалился: и ты бы часа того ѣхалъ въ Ергольское да на ямскомъ дворѣ хоромы велѣлъ подѣлати крестьяномъ Бѣлозерскими сохами...; да которыхъ будетъ на ямскомъ дворѣ хоромъ льзѣ подѣлати и переставити, и ты бы тѣ хоромы велѣлъ подѣлати и переставити, а которыхъ будетъ хоромъ на ямскомъ дворѣ нельзѣ подѣлати и переставити, и ты бы на ямскомъ дворѣ велѣлъ поставити новые хоромы, двѣ избы—трехъ саженъ межъ угловъ, да два сѣнника на подклѣтехъ—межъ угловъ по полутретіе сажени, а промежъ сѣнниковъ поставилъ бы конюшню четырехъ саженъ, да тѣ бы хоромы велѣлъ покрыти и ворота поставити. А тѣми бы ветхими хоромами велѣлъ вокругъ ямскаго двора заметъ заметати, или тынъ поставити. Да тѣми же сохами велѣлъ отъ Ергольскаго яму до Напорожскаго яму дороги почистити и мостовъ по рѣкамъ и по болотамъ и по гряземъ велѣлъ починити. А которые мосты погнили, а починити ихъ нельзя, и ты бы велѣлъ мосты новые мостити, а на рѣкахъ бы велѣлъ мосты мостити на клѣткахъ, что бы ихъ вешняя вода не сносила. А у наряда велѣлъ съ тобою быть и ямской дворъ ставить и хрестьянъ наряжать Ергольскимъ ямщикамъ Сумаку Петрушину, да Васку Левонову. А посуловъ бы и починковъ отъ тебя и отъ ямщиковъ хрестьяномъ не было; а кто васъ въ томъ на хрестьянѣхъ посула и починковъ возметъ, и тому отъ меня быти въ казни и продажѣ...» А. А. Э. т. I № 156.

[6]) Въ Бѣлозерской уставной грамотѣ читаемъ: «А пріѣдетъ мой приставъ великаго князя, съ Москвы, по Бѣлозерца по горожанина и по становаго человѣка и по волостнаго, и онъ имъ пишетъ одинъ срокъ въ году» и т. д. Иногда, впрочемъ, князья отказывались отъ этого права въ пользу мѣстныхъ властей. В

ѣздѣ княземъ волостей, присутствіе его въ извѣстной области исключало всякую мѣстную власть. — Съ этой оговоркой мы будемъ разсматривать князя и его думу какъ центральные органы управленія. Къ мѣстнымъ органамъ будутъ относится: во первыхъ, самъ князь, затѣмъ: посадники, намѣстники и волостели, съ зависѣвшими отъ нихъ чиновниками; сотскіе и старосты; разнаго рода приказные люди, получавшіе спеціальныя назначенія отъ князя; разнаго наименованія пошлинники, назначавшіеся для сбора княжескихъ пошлинъ и даней; наконецъ, для завѣдыванія государственнымъ и частнымъ имуществомъ князя служили: дворскіе, казначеи, ключники, дьяки, посельскіе и путные бояре.

Выше было замѣчено, что частныя дѣла князя различались отъ дѣлъ Русской земли, говоря иначе, отъ тѣхъ дѣлъ, которыя вѣдались княземъ, какъ правителемъ. Это различеніе, однако, никогда не возводилось на степень системы и князья вѣдали, обыкновенно, государственныя дѣла въ формѣ своего частнаго хозяйства: ихъ слуги, въ частномъ смыслѣ этого слова, служили нерѣдко органами управленія были слугами князя въ государственномъ смыслѣ слова.

Описанію отдѣльныхъ органовъ управленія необходимо предпослать краткій очеркъ княжескихъ слугъ вообще.

Между служилыми людьми князя должно различать два разряда лицъ—низшій и высшій; на долю перваго, обыкновенно, доставались дѣла меньшей важности, на долю втораго—большей. Согласно первоначальной простотѣ жизни и отсутствію сословій древнѣйшее различіе между этими двумя разрядами заключалось главнымъ образомъ въ различіи возраста: людямъ молодымъ, отрокамъ, прилично было исполнять мелкія службы при особѣ князя, людямъ взрослымъ, мужамъ, болѣе важныя. Къ этому первоначальному различію вскорѣ должно было присоединиться новое, коренившееся въ фактическомъ различіи лучшихъ людей и худшихъ: первые естественнымъ образомъ

Двинской грамотѣ читаемъ: «А приставомъ моимъ великаго князя въ Двинскую землю не въѣздити: всѣму управу чинять мои намѣстницы»... А. А. Э. т. I №№ 13 и 123.

наполняли высшіе ряды княжеской службы, вторые призывались для пополненія низшихъ. Такимъ образомъ, два указанные разряда княжескихъ слугъ разнились между собой двумя признаками, далеко не всегда покрывавшими другъ друга,—возрастомъ и положеніемъ въ обществѣ.

Первый разрядъ слугъ составляли отроки князя. Насколько подъ отроками надо разумѣть не только молодыхъ людей вообще, но и рабовъ,—они составляли самый низшій слой перваго разряда и назначались въ хозяйственныя должности ключниковъ, тіуновъ, конюховъ и проч. Кромѣ того, отроки составляли ближайшее окруженіе князя и во время войны служили ему въ качествѣ воиновъ [6*]. Къ тому же разряду слугъ относятся дѣтскіе. Также какъ и отроки, они непосредственно окружаютъ князя и сопровождаютъ его на войнѣ [7]. Отличіе ихъ отъ отроковъ состоитъ въ томъ, что терминъ «дѣтскіе» не употребляется для обозначенія рабовъ: это по преимуществу молодые люди свободнаго происхожденія [7*]. Обязанные по своимъ занятіямъ постоянно находиться при особѣ князя, отроки и дѣтскіе поль-

[6*]) Въ поученіи Владиміра Мономаха объ отрокахъ говорится, какъ о домашней прислугѣ: «не зрите на тіуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ ни дому вашему, ни обѣду вашему»; они же составляютъ ближайшее окруженіе князя и сопровождаютъ его во время путешествій: «куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости творити отрокомъ»... Отроки Св. Бориса остаются при немъ послѣ того, какъ отъ него разошлись всѣ вои. Лавр. 1015 г. Любопытно, что на одного изъ нихъ, Георгія, родомъ Венгра, Борисъ «возложилъ гривну злату велику»; совершенно такой же награды Владиміръ Св. удостоилъ Александра Поповича за защиту Кіева. Ник. 1000 г. и 1015 г. Ср. еще Воскр. 1019 г.—О Ярополкѣ, убитомъ на дорогѣ въ Звенигородъ, читаемъ: «и Ярополка вземше отроци на конь предъ ся... ... несоша и Володимерю». Лавр. 1086 г. Святополкъ-Михаилъ говоритъ объ отрокахъ, какъ о вояхъ: «имѣю отрокъ своихъ 500, иже могутъ противу имъ стати» противъ Половцевъ. Лавр. 1093 г. Тамъ же подъ 1096 г. говорится объ отрокѣ частнаго человѣка, Новгородца, Гюряты Роговича; это, конечно, былъ рабъ.—Ср. еще Ипат. 1241 г.—О Святославѣ, которому Греки принесли золото и паволоки, читаемъ. «И рече Святославъ отрокомъ своимъ схороните». Лавр. 971 г.

[7]) См. Ипат. 1149 и 1169 г.

[7*]) Нельзя, впрочемъ, утверждать, что эти два наименованія не смѣшивались, и что подъ дѣтскими никогда не разумѣлись отроки и наоборотъ. Сличеніе разныхъ текстовъ лѣтописей приводитъ къ противоположному заключенію: такъ гдѣ Воскр. говоритъ объ отрокѣ, тамъ Лавр. упоминаетъ дѣтскаго, сравни обѣ лѣт. подъ 1097 г. Въ угрозѣ Владиміра Мстиславича, сдѣлать себѣ бояръ изъ дѣтскихъ Ипат. 1169 г.), подъ дѣтскими надо разумѣть самый низшій разрядъ слугъ, даже рабовъ.

зуются помѣщеніемъ въ самомъ его домѣ. Отъ гридницы возникло одно изъ древнѣйшихъ наименованій княжескихъ слугъ этого рода—гридями; въ болѣе позднее время мы встрѣчаемъ ихъ подъ именемъ дворныхъ людей и дворныхъ слугъ, откуда образовался терминъ дворянинъ, мало-по-малу вытѣснившій всѣ древнѣйшія наименованія [8]). Вмѣстѣ съ этимъ и самое слово дворъ, какъ мѣстопребываніе дворныхъ слугъ, или дворянъ, сдѣлалось употребительно для обозначенія жившихъ въ немъ служилыхъ людей князя: князья стали выѣзжать на войну и вообще переѣзжать съ мѣста на мѣсто не съ отроками, или дѣтскими, какъ прежде, а «съ дворомъ своимъ» [9]). Въ этомъ разрядѣ слугъ встрѣчаемъ особыя придворныя должности—постельниковъ, стольниковъ, окольничихъ и проч. [9*]).

Въ составъ низшаго рода слугъ входили не одни только рабы, или бѣдные и не именитые люди; въ ихъ рядахъ мы нерѣдко встрѣчаемъ и сыновей лицъ, пользовавшихся самымъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ. Даже бояре отдавали своихъ дѣтей въ услуженіе князьямъ въ качествѣ дворныхъ слугъ. Такъ напр.,

Ибо, если бы здѣсь разумѣлись сыновья высоко поставленныхъ лицъ, угроза не содержала бы въ себѣ ничего колкаго по отношенію къ боярамъ, противъ которыхъ была направлена, а все дѣло единственно и заключалось въ желаніи уязвить ихъ.

[8]) Ипат. 1281 и 1288 г., Воскр. 1215 г. «Дворныхъ людей» Воскресенской лѣтописи Новгородская I называетъ «дворянами», ср. обѣ лѣт. подъ 1215 г. Слово дворянинъ употреблялось въ очень широкомъ смыслѣ и обозначало всѣхъ слугъ князя, жившихъ въ его дворѣ, хотя бы даже они и не принадлежали къ свободному состоянію.—Если не ошибаемся, древнѣйшій случай употребленія этого термина относится къ 1175 г.: Сузд. лѣт., разсказывая объ убійствѣ Андрея Юрьевича, говоритъ, что дворъ князя былъ разграбленъ гражданами Боголюбскими и дворянами; Ипат. въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говоритъ только о гражданахъ, за то выше она довольно подробно описываетъ грабежъ княжескаго имущества убійцами князя, которые въ той же лѣтописи названы слугами его. Итакъ, дворяне Суздальской лѣтописи суть ничто иное, какъ домашніе слуги Ипатьевской.—Въ жалованныхъ грамотахъ упоминаются дворяне у намѣстниковъ и даже ихъ тіуновъ; эти, конечно, принадлежали къ рабамъ. Въ Соф. I. подъ 1429 г. упоминается «свой дворъ» у воеводы Ѳедора Константиновича Добрынскаго. Ср. еще о дворянахъ древнѣйшія извѣстія Новгород. I. 1210 и 1215 г.; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I, № 1 и сл.

[9]) Воскр. 1281 г., Соф. I. 1307 г.

[9*]) Древнѣйшій случай упоминанія о постельникѣ относится къ 1175 г., см. Троицк. лѣт. Для стольника см. Новгород. I. 1228 г., Воскр. 1230 г., Ипат. 1240 г. Для окольничаго см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 23; А. А. Э. т. I. № 48; А. И. т. I. № 2; Воскр. лѣт. 1378 г.

лѣтописецъ разсказываетъ, что въ войну съ Ляхами Владимірскаго князя, Владиміра Васильковича, на сторонѣ послѣдняго былъ убитъ и дворный его слуга, любимый сынъ боярскій, Михайловичъ, именемъ Рахъ [10]. — Съ теченіемъ времени этимъ лучшимъ членамъ княжескаго двора, въ отличіе отъ другихъ, менѣе именитыхъ, усвоилось названіе дѣтей боярскихъ [11]. Что дѣти боярскіе входили въ составъ княжескихъ дворныхъ слугъ, на это, кромѣ приведеннаго, указываютъ еще и такія выраженія источниковъ, какъ напр.: «въ Костромѣ была застава: князь Иванъ Васильевичъ Стрига, да Ѳедоръ Басенокъ и съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ великаго князя», или:.... «и иные многіе дѣти боярскіе, дворовые великаго князя» [12]. Какъ часть вмѣсто цѣлаго, выраженіе «дѣти боярскіе» употреблялось иногда для обозначенія дворянъ вообще, и наоборотъ — подъ дворянами надо разумѣть и дѣтей боярскихъ; но когда лѣтописецъ хотѣлъ быть точенъ въ своихъ перечисленіяхъ, назвавши дѣтей боярскихъ, онъ прибавлялъ: «и вси дворяне», т. е. и всѣ остальные дворяне, какого бы они происхожденія ни были [13]. Въ болѣе отдаленное время подобныя же различія въ составѣ низшаго разряда княжескихъ слугъ обозначались особыми эпитетами, которые присоединялись къ имени дѣтскаго. Такъ подъ 1149 г. встрѣчаемъ «меньшаго дѣтскаго»; были, слѣдовательно, и старшіе, или лучшіе [14].

Высшій разрядъ княжескихъ слугъ составляютъ мужи и бояре. Изъ предыдущаго мы знаемъ, что наименованіе «мужами» усво-

[10] Ипат. 1181 г.

[11] По первоначальному смыслу—«дѣти боярскіе» суть ничто иное, какъ сыновья бояръ, подобно тому, какъ «дѣти посадника» означаютъ только сыновей его, а не особое сословіе; см. Ипат. 1149 г., Воскр. 1259 и 1471 г.

[12] Воскр. 1436 г., 1449 г.; ср. еще тамъ же 1468 г.: «той же весны вел. кн. посылалъ дѣтей боярскихъ, дворъ свой, на Каму воевать мѣстъ Казанскихъ».

[13] Въ примѣръ такого полнаго перечисленія можно указать на Соф. I. подъ 1433 г. Употребленіе же болѣе общаго выраженія «дворяниъ» вмѣсто «дѣти боярскіе» и наоборотъ находимъ въ Соф. I. и Воскр. подъ 1462 г.: гдѣ первая говоритъ о дворянахъ, тамъ вторая упоминаетъ только дѣтей боярскихъ.

[14] Ипат.—Различіе степеней было даже между рабами: въ завѣщаніи вел. кн. Софіи читаемъ: «а что у меня колько людей моихъ ни есть, и большихъ и меньшихъ, и азъ ихъ всѣхъ пожаловала, освободила всѣхъ, по моемъ животѣ всѣ слободни». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 83.

ялось какъ всему взрослому свободному населенію вообще, такъ и въ особенности высшимъ его слоямъ; боярами же назывались только эти послѣдніе. Мужи и бояре, состоявшіе на службѣ князя, въ отличіе отъ остальныхъ именовались княжими. Такъ Рюрикъ раздаетъ города «своимъ мужамъ»; Св. Владиміръ созываетъ на совѣтъ «своихъ бояръ»; эти бояре и старцы градскіе говорятъ ему: «имаше у собѣ мужи»; въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ «княжа мужа»; въ лѣтописяхъ въ томъ же смыслѣ встрѣчаются выраженія: Владиміровы мужи, Вячеславовы мужи и проч., т. е. мужи князя Владиміра, князя Вячеслава [15]).—Съ конца XIII вѣка выраженіе «княжъ мужъ» начинаетъ выходить изъ употребленія, и высшій разрядъ княжескихъ слугъ обозначается съ этого времени почти исключительно словомъ бояре [16]).

Княжіе бояре и мужи, поскольку послѣдніе принадлежали къ лучшимъ людямъ, пользовались независимымъ отъ княжеской службы положеніемъ, въ чемъ и заключается ихъ существенное различіе отъ слугъ низшаго разряда. Въ призваніи ихъ на службу надо видѣть стремленіе князя привлечь къ дѣламъ своего управленія лучшихъ людей земли. Что мужи и бояре составляли силу, помимо своего служебнаго отношенія къ князю, на это въ источникахъ сохранилось не мало указаній. Княжіе мужи продолжаютъ пользоваться преобладающимъ значеніемъ и по смерти своихъ князей, т. е. по прекращеніи своихъ служебныхъ отношеній. Такъ Святополкъ - Михаилъ и Владиміръ Мономахъ приглашаютъ Олега Святославича положить рядъ о Русской землѣ «предъ мужи отецъ своихъ». Владимірскій князь, Андрей Юрьевичъ, получившій Владимірскій столъ въ силу народнаго избранія и въ нарушеніе послѣдней воли отца, изгоняетъ изъ своего княженія не только братьевъ-соперниковъ, но и «мужей отца своего». И такъ, эти «мужи отца», хотя и не состояли

[15]) Лавр. 862 г., 987 г.; Русск. Пр., Карамз. сп., ст. 1; Лавр. 1102 г., Ипат. 1150 г., 1154 г.; если не ошибаемся, позднѣйшій случай употребленія термина «княжіе мужи» встрѣчается подъ 1373 г., Воскр.

[16]) Ср. Лавр. 1212 г., Ипат. 1287 и 1289 г., Льв. 1304 г, Воскр. 1380 г., 1388 г., 1447 г. Новгор. I. 1419 г.

болѣе на службѣ, продолжали, однако, быть силой, которую нельзя было игнорировать. Подобно этому Черниговскіе князья, Игоревичи, овладѣвши Галичемъ, но не надѣясь привлечь на свою сторону галицкихъ бояръ, составляютъ планъ ихъ поголовнаго избіенія. Въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу читаемъ, что онъ судилъ «судъ истиненъ и нелицемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ»... То обстоятельство, что у Даніила Романовича было больше войска и оно превосходило силою войска другихъ князей, лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что Даніилу служили «вси велицiи бояре отца его», такимъ образомъ сила князя поставлена въ прямую зависимость отъ силы бояръ [17]. На службу князя бояре приходили не одною своею особой, а со всѣми своими слугами, которыхъ вооружали на собственный счетъ. Для характеристи бояръ чрезвычайно любопытно мѣсто Ипатьевской лѣтописи подъ 1169 г. Владиміръ Мстиславичъ, задумавъ нападеніе на племянника своего, Кіевскаго князя Мстислава Изяславича, объявляетъ объ этомъ боярамъ своимъ и получаетъ такой отвѣтъ: «О собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Чѣмъ же отвѣчаетъ князь на это неповиновеніе бояръ? «Володимеръ же, продолжаетъ лѣтописецъ, воззрѣвъ на дѣтскихъ, рече: а се будутъ мои бояре». И такъ, князь не наказываетъ ослушныхъ бояръ лишеніемъ боярскаго сана. Это и понятно. Боярское сословіе обязано своимъ происхожденіемъ не пожалованію, а естественному преобладанію большихъ людей; а потому и не могло быть лишаемо своихъ преимуществъ по усмотрѣнію князя [17*]. — Но, съ другой сторо-

[17]) Лавр. 1096 г., 1212 г.; Ипат. 1162 г., 1211 г.; Густ. 1211 г. Въ Новгр. III. подъ 1428 г. читаемъ: «вел. кн. Литовскій со всѣми силами, ходи къ Новугороду, и стоялъ у Порхова. И воеводы Порховскіе добили челомъ, дали 5000 руб., и владыка съ бояры пріѣхавъ добилъ челомъ, дали другую 5000 р., да владыка далъ изъ своей казны за полонъ 6000 руб.». И такъ, бояре—богатые люди: вмѣстѣ съ владыкою они даютъ Витовту изъ своихъ средствъ 5000 р.

[17*]) Ср. ниже, гдѣ говорится о послѣдствіяхъ права отъѣзда. — Чрезвычайно любопытны переговоры, которые происходили между княземъ Нижняго-Новгорода, Борисомъ Константиновичемъ, и его боярами въ 1391 г. Узнавъ, что вел. кн. Московскій, Василій Дмитріевичъ, выпросилъ себѣ Нижній въ Ордѣ у Тохтамыша, Борисъ Константиновичъ сзываетъ бояръ своихъ и говоритъ имъ: «господіе моя и братіе, бояре, и други! Помяните господне крестное цѣлованіе, какъ есте цѣ-

ны, такъ какъ приближеніе къ князю, какъ верховному правителю,—возвышаетъ всякого служилаго человѣка, а соединенные съ службой доходы, упрочивая матеріальное благосостояніе, могутъ самому послѣднему смерду сообщить преимущества лучшихъ людей, — на службу князя можно смотрѣть какъ на одинъ изъ удобнѣйшихъ путей къ боярству. Поэтому угроза Владиміра Мстиславича, сдѣлать себѣ бояръ изъ дѣтскихъ, хотя и не могла быть приведена въ исполненіе въ одно время съ тѣмъ, какъ была произнесена, заключаетъ въ себѣ, однако, значительную долю правды: дѣтскіе, продолжая пользоваться милостями своего князя, съ теченіемъ времени дѣйствительно могли стать въ тѣ условія, въ которыхъ коренится причина преобладанія большихъ людей, или бояръ надъ другими слоями общества [18]).

Кромѣ бояръ и мужей въ составъ высшаго разряда княжескихъ слугъ входятъ еще и князья. Число ихъ значительно возрастаетъ только къ концу разсматриваемаго періода; въ это время имъ усвояется наименованіе бояръ [18*]).

Не всѣ княжіе мужи и бояре обладали, однако, равнымъ значеніемъ, а потому и въ высшемъ разрядѣ княжескихъ слугъ мы также замѣчаемъ степени, какъ и въ низшемъ. Такъ мужи встрѣчаются съ эпитетомъ: «переднихъ», «лѣпшихъ», т. е. лучшихъ, вліятельнѣйшихъ, бояре съ эпитетомъ: «великихъ» «большихъ», «сильныхъ» [19]).

ловали ко мнѣ, и любовь вашу и усвоеніе къ вамъ». На это обращеніе старѣйшій бояринъ, Василій Румянецъ, отвѣчалъ: «всѣ мы единомысленны къ тебѣ и готовы за тебя головы свои сложити». Но когда къ Нижнему приблизились войска Василія Дмитріевича, Нижегородскіе бояре измѣнили своему князю и на новое увѣщаніе его о вѣрности дали такой отвѣтъ: «господине, княже, не надѣйся на насъ, уже-бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть съ тобою есмя, но на тя есмы». Никонов.

[18]) Этою возможностью перехода изъ низшихъ слоевъ общества въ высшіе при посредствѣ службы надо объяснять слѣдующее мѣсто Ипат. лѣт. подъ 1240 г.: «Бояре же Галичьстіи Данила княземъ собѣ называху, а сами всю землю держаху», а далѣе при перечисленіи этихъ бояръ, державшихъ землю, встрѣчаемъ: «Судича, попова внука, о Лазаря Домажирича и Ивора Молибожича, отъ племени смердья»

[18*]) Для служебныхъ князей см. Ипат. 1169 г., 1258 г., 1281 г., Льв. и Новгород IV. 1379 г., Воскр. 1376 г., 1471 г., Новгород. IV. 1469 г. Въ Воскр. подъ 1452 г. читаемъ: «а послалъ... бояръ своихъ, князя Семена Ивановича Оболенскаго, да Ѳедора Басенка».....

[19]) Ипат. 1162 г., 1164 г., 1180 г.; Лавр. 1211 г., 1212 г.; Воскр. 1382 г.

Высшій и низшій разряды княжескихъ слугъ соединялись въ одномъ общимъ имъ обоимъ имени—дружины, которое при помощи различныхъ эпитетовъ служило также и для обозначенія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности: большая или старшая дружина означала мужей и бояръ, молодшая—отроковъ [19*]. Зѣрная служба естественнымъ образомъ порождала отношенія пріязни и покровительства между княземъ и служилымъ человѣкомъ, который въ такомъ случаѣ дѣлался предметомъ особыхъ милостей своего повелителя. Отъ сюда возникло для нѣкоторыхъ служилыхъ людей отличительное наименованіе, которое встрѣчаемъ хотя и рѣдко, но въ примѣненіи къ лицамъ обоего разряда: люди, пользовавшіеся особымъ расположеніемъ князя, назывались его милостниками [20].

Обязанности служить въ древней Россіи не было; служилые люди свободнаго состоянія были вольны оставить службу, когда хотѣли; только къ концу разсматриваемаго періода появились ограниченія права отъѣзда [20*].

Переходимъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ органовъ управленія.

Княжеская дума. Составъ и предметы занятій княжеской думы исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя: онъ призывалъ для совѣщаній, кого хотѣлъ, итолько въ тѣхъ случаяхъ,

[19*] Слово дружина имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ оба разряда служилыхъ людей, взятые вмѣстѣ. Въ слѣдующей главѣ мы остановимся на немъ подробнѣе.

[20] Воевода Ярополка, Блудъ, въ Сузд. лѣт. названъ милостникомъ. По Новгород. I. Андрея Юрьевича убили «свои милостницы», а по Ипат. это были домашніе слуги князя. Ср. еще Ипат. 1180 г.

[20*] Подробнѣе о правѣ отъѣзда будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Какъ на собое преимущество княжеской службы, необходимо указать на удвоенную виру, которая взималась въ случаѣ убійства служилаго человѣка. См. Русск. Прав., Троиц. сп. ст. 1 и 3.—Впрочемъ, въ назначеніи виръ, какъ уже было замѣчено, князья пользовались большею свободой, а потому отъ высоты ихъ нельзя сдѣлать заключенія къ положенію, которое принадлежало тому, или другому служилому человѣку. Такъ въ одномъ изъ списковъ Правды находимъ извѣстіе что Изяславъ взыскалъ за убійство своего конюха 80 гривенъ, вира, которая обыкновенно взималась за убійство княжихъ мужей и огнищанъ. Конюхъ же, о которомъ идетъ рѣчь, былъ ничто иное, какъ старый пастухъ, пасшій стадо князя и принадлежалъ, слѣдовательно, къ самому низшему разряду его слугъ, можетъ быть даже, къ его рабамъ. См. Акад. сп. ст. 21.

когда хотѣлъ. Особаго званія «совѣтниковъ князя», въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ думы, не было. Дума составлялась всякій разъ вновь, по особому приглашенію. Обыкновенно думу князя составляли призываемые имъ для этой цѣли служилые его люди.

Источники сохранили свидѣтельства о совѣщанія князей даже съ низшимъ разрядомъ слугъ, по мимо высшаго [21]). Но такіе случаи можно разсматривать какъ весьма рѣдкое исключеніе. Согласно естественному тяготѣнію силы обыкновенными совѣтниками князя были его мужи и бояре: для приведенія думы въ исполненіе нужна была сила, а таковою силой мужи и бояре были надѣлены преимущественно передъ другими слугами князя и, слѣдовательно, ихъ согласіемъ необходимо было заручиться, прежде чѣмъ приступать къ какому-либо дѣйствію. Лѣтописи весьма богаты указаніями на совѣщанія князей съ мужами и боярами, а по выходѣ изъ употребленія перваго термина съ одними боярами [22]). Какъ выборъ совѣтниковъ изъ мужей и бо-

[21]) О Всеволодѣ Ярославичѣ читаемъ: «И нача любити смыслъ уныхъ, совѣтъ творя съ ними; си же начаша заводити негодовати дружины своея первыя».... Лавр. 1093 г.—Въ Ипат. подъ 1180 г. находимъ такое извѣстіе: «и тогда Святославъ, сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостникомъ своимъ, и не повѣда мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея».....

[22]) Ипат. 1147 г.: «Изяславъ и Ростиславъ... начаста думати съ мужи своими»..... Лавр. 1150 г.: «бояре размолвиша Гюргя и рѣша: брату твоему Кыева не удержати; да не будетъ его тобѣ, ни тому, Гюргеви же послушавшю боляръ»... Ипат. 1161 г.: «сеже створи княгиня (по смерти мужа), сгадавши съ епископомъ и съ мужи князя своего съ передними».... 1170 г.: «И угодна бысть рѣчь его (Мстислава Изяславича Кіевскаго) преже Богу и всей братьѣ, и мужемъ ихъ». Подъ 1178 г. о Мстиславѣ Ростиславичѣ читаемъ: «всегда бо на великія дѣла тъсняся, размышливая съ мужи своими».... И далѣе: «но понудиша и братья своя и мужи свои.... онъ же послушавъ братьи своей и мужей своихъ».... 1195 г.: «Рюрикъ же сдума съ братьею и съ мужи своими»; подъ тѣмъ же годомъ: «Романъ...... сдума съ мужи своими»...; 1227 г.: «И рѣша ему (Даніилѣ Галицкому) бояре его, «пріими Луческъ, здѣ ими князя ихъ».—Въ завѣщаніи Московскаго князя, Семена Ивановича, находимъ слѣдующія слова, обращенныя имъ къ братьямъ, Ивану и Андрею: «а лихихъ бы людей не слушали..., слушали бы отца нашего, владыки, Алексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ».—Подобныя же слова Воскр. лѣт. влагаетъ въ уста умирающему Дмитрію Ивановичу; его прощальное наставленіе дѣтямъ такъ оканчивается: «бояры своя любите...., безъ воли ихъ ничтоже не творите»... 1389 г. Тамъ же подъ 1432 г. находимъ слѣдующее выраженіе «Бояринъ же бѣ тогда съ в. к. Иванъ Дмитріевичъ, и той сдумавъ великому князю»...... Подъ 1480 г. читаемъ: «Князь великій ѣха съ Коломны на Москву,... на

яръ, такъ и самое число ихъ исключительно зависѣли отъ усмотрѣнія князя [23]).

Что касается до порядка рѣшенія вопросовъ, обсуждавшихся въ княжеской думѣ, то согласно характеру княжескихъ совѣтниковъ имъ могъ принадлежать только совѣщательный голосъ. Дума собиралась обыкновенно княземъ, который и предлагалъ ей на обсужденіе тѣ или другіе вопросы. Есть, однако, указанія и на то, что инціативу въ послѣднемъ дѣлѣ иногда брали на себя бояре [24]); отъ князя, конечно, зависѣло принять предлагаемое ими мнѣніе, или нѣтъ. Возраженія, которыя дѣлались въ думѣ противъ мнѣнія князя носили техническое наименованіе «встрѣчи». Нѣкоторые князья любили такія встрѣчи и жаловали за нихъ, другіе наоборотъ «опалялись» [25]). Въ засѣданіяхъ княжеской думы подвергались обсужденію всѣ предметы тогдашняго управленія. Всего чаще собиралась дума для обсужденія вопросовъ внѣшней политики: войны и мира, уступки своихъ городовъ, захвата чужихъ и под. Рядомъ съ этимъ находимъ указанія и на совѣщанія о порядкѣ княжескаго суда, размѣрахъ виръ, продажъ и проч. Въ Русской Правдѣ читаемъ: «по Ярославѣ же паки совокупишася сынове его, Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, и мужи ихъ, Коснячко, Перенегъ, Никифоръ, и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все,

совѣтѣ и на думу къ отцу своему Митрополиту, Геронтію, къ своей матери къ кн. Марѳѣ..... и ко всѣмъ своимъ боярамъ».—Ср. еще Рус. Пр. Карамз. сп. ст. 2 и Судеб. 1497 г., вступленіе; по Рус. Пр. князь думаетъ съ мужами, по Судеб.—съ боярами.

[23]) Въ приведенномъ уже мѣстѣ Ипат. лѣт. подъ 1180 г. число совѣтниковъ князя ограничивалось только однимъ милостникомъ, Кочкаремъ. Подобно этому Иванъ Берсень жалуется, что в. к. Московскій, Василій Ивановичъ, «запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ». А. А. Э. т. I № 172. Но обыкновенно число совѣтниковъ князя не могло очень разниться съ числомъ лучшихъ мужей и бояръ, состоявшихъ у него на службѣ, и поддержка которыхъ могла быть ему необходима.

[24]) Такъ напр. слабый Вячеславъ, послушавъ бояръ своихъ, снова занимаетъ города, отнятые у него Всеволодомъ. Ипат. 1146 г. Подобно этому въ приведенномъ уже мѣстѣ Ипат. лѣт. подъ 1224 г. бояре стараются подбить Даніила къ нападенію на Луческъ. Ср. еще тамъ же 1289 г.

[25]) Въ дѣлѣ объ Иванѣ Берсенѣ читаемъ: «Государь (Василій Ивановичъ) встрѣчи противъ себя не любитъ, кто ему встрѣчу говоритъ, а онъ на того опалается. А отецъ его, к. в., противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ него говаривали». А. А. Э. т. I № 127.

якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша» [26]. Судебникъ вел. князя Ивана Васильевича начинается такъ: «Лѣта 1497 мѣсяца септемврія уложилъ князь вел. Иванъ Васильевичъ всея Руси съ дѣтьми своими и съ бояры о судѣ, како судити бояромъ и окольничимъ».

Мѣстные правители, вѣдѣнію которыхъ поручались отдѣльныя волости, въ древнѣйшее время именовались посадниками. Мы встрѣчаемъ ихъ при первыхъ князьяхъ и по всей Россіи. Такъ Кіевскій князь Ярополкъ, узнавъ о бѣгствѣ за море Новгородскаго князя Владиміра, сажаетъ въ Новгородѣ своихъ посадниковъ, чѣмъ и выражается присоединеніе Новгорода къ его Кіевскому княженію. Такъ же поступаетъ Черниговскій князь Олегъ: отнявъ у Владиміра Мономаха Ростовскую и Муромскую волости, онъ занимаетъ города этихъ волостей своими посадниками. По всей Семи встрѣчаемъ посадниковъ Переяславскаго князя, Ярополка; въ Лучскѣ—посадника Кіевскаго князя, Святополка Михаила; въ Путивлѣ—посадника Сѣверскаго князя, Святослава Ольговича. — Изяславъ Кіевскій, отнявши Путивль у Святослава, занимаетъ его своимъ посадникомъ, а Святославова выводитъ. Въ 1175 году по городамъ Суздальской земли встрѣчаемъ посадниковъ Суздальскихъ князей, Ростиславичей; а нѣсколько ранѣе въ княженіе ихъ предшественника, Андрея Боголюбскаго, города эти вѣдались его посадниками [27].

Какъ въ лицѣ князя судъ не былъ отдѣленъ отъ упра-

[26]) Карамз. сп., ст. 2; ср. еще ст. 68.

[27]) Сузд. 977 г., Лавр. 1096 г., 1097 г., 1127 г.; Ипат. 1146 г., 1175 г. Ср. еще: Сузд. 996 г.: «И сотвори праздникъ (Владиміръ Св.)...... и созва боляры своя и посадники по всѣмъ градомъ». Ипат. 1116 г.: «Въ се же лѣто в. к. Володимеръ посла Ивана Воитишича, и посажа посадники по Дунаю». Лавр. 1138 г.: «и тако бысть пагуба Посульцемъ ово отъ Половецъ, ово же отъ своихъ посадникъ»; 1146 г.: «Изяславъ же.... отъя у него городы опять (у Вячеслава) и посадники, исковавъ, приведе».... Ипат. 1147 г.: «въ тоже время выбѣгоша посадници Володимери и Изяславли изъ Вятичь, изъ Брянска, и изъ Мченска, и изъ Блове»...; 1171 г.: «Мстиславу же городы предавъуся и възведе городъ Шюмескъ и посла Володимерю, посадника Паука.... таможе посла».....; 1195 г.: «И да Всеволодъ Торцькій зяти своему, Ростиславу, а въ иныи городы посла посадники своя».... Лавр. 1206 г.: «Всеволодъ Чермный сѣде въ Кіевѣ и посла посадники по всѣмъ городомъ Кіевскимъ».

вленія, а управленіе военное отъ гражданскаго; также точно управленіе и судъ были слиты и въ лицѣ мѣстныхъ представителей его власти. Одна изъ главнѣйшихъ обязанностей посадника заключалась въ охраненіи власти своего князя надъ ввѣренною ему волостью. Для защиты ея онъ ставилъ «города» и въ случаѣ нападенія отражалъ непріятеля силой [28]). Кромѣ того, находимъ указанія на отправленіе посадниками суда. О посадникахъ, назначенныхъ Ростиславичами въ Суздальскіе города, лѣтописецъ говоритъ, что «они многу тяготу людямъ створиша — продажами и вирами», они, слѣдовательно, судили. Болѣе подробныя извѣстія сохранились о судѣ Новгородскихъ посадниковъ [29]). Правительственная и судебная дѣятельность посадника могла быть ежеминутно прервана княземъ: какъ скоро послѣдній пріѣзжалъ въ городъ, онъ вступалъ, обыкновенно, въ личное завѣдываніе всѣми дѣлами. Этимъ объясняются приведенныя выше слова Владиміра Мономаха: «самъ есмь створилъ дѣла.... на посадники не зря, ни на биричи...». Конечно, примѣненіе этого правила къ отдѣльнымъ случаямъ условливалось степенью личной энергіи князя: одни, какъ Мономахъ, дѣлали все сами, другіе, какъ напр. Вячеславъ, замѣняли себя посадниками даже и въ такихъ городахъ, въ которыхъ имѣли постоянное пребываніе.

Право избирать въ должности посадниковъ принадлежало князьямъ. Обыкновенно они назначали своихъ мужей [30]); при

[28]) Согласно древнѣйшему извѣстію о назначеніи посадниковъ имъ были розданы волости съ тѣмъ, чтобы они укрѣпили ихъ городами: «... и пріа власть Рюрикъ (по смерти братьевъ), и раздая мужемъ своимъ волости и грады ставити».... Суз. 862 г., и Лавр. см. вар. е — Въ Ник. подъ 1037 г. находимъ извѣстіе о походѣ Новгородскаго посадника Остромира на Чюдь. Въ Новгород. I. подъ 1164 г. читаемъ: «Придоша Свеи подъ Ладогу, и пожгоша Ладожане хоромы своя, а сами затворишася въ градѣ съ посадникомъ съ Нѣжатою».... и тамъ же подъ 1228 г.: «Володиславъ, посадникъ Ладожскій, съ Ладожаны, не жда Новгородецъ, гонися въ лодьяхъ по нихъ въ слѣдъ, гдѣ они Ѣмь воюютъ, и постиже я, и бися съ ними»......

[29]) См. договорныя грамоты Новгорода съ князьями въ А. А. Э. т. I. и въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I; ср. еще Новгород. IV. 1318 и 1384 г. — Для суда смоленскихъ посадниковъ см. уставную грамоту Смоленскаго князя Ростислава: Д. къ А. И. ч. I. № 4. — Для суда псковскихъ посадниковъ см. Псковскую судную грамоту, издан. Мурзакевича.

[30]) Такъ Рюрикъ раздаетъ волости «мужамъ своимъ», Лавр. 862 г., Олегъ сажаетъ «мужей своихъ» въ Смоленскѣ и Любечѣ, тамъ же 882 г. и пр.

первыхъ князьяхъ эти мужи избирались преимущественно изъ Варяговъ. Лаврентьевская лѣт. сохранила слѣдующую характеристику лицъ, назначаемыхъ въ посадники: «избра (Владиміръ Св.) мужи добры, смыслены и храбры, и раздая имъ грады» [31]). Храбрость и, употребляя болѣе общее выраженіе, знакомство съ военнымъ дѣломъ были до такой степени необходимыми качествами посадниковъ, что ихъ должности не рѣдко замѣщались **воеводами**. Такъ Даніилъ Галицкій роздалъ города «боярамъ и воеводамъ». Подобно этому Владимірскій князь, Ярославъ Всеволодичъ, получивъ отъ Батыя Кіевъ, посылаетъ туда посадникомъ воеводу своего Дмитра. Вслѣдствіе этого вмѣсто посадника говорилось иногда просто «воевода». Въ описаніи осады Галицкой волости, Звенигорода, Черниговскими князьями находимъ такое мѣсто: «и бѣ у нихъ воевода, Володиміръ мужъ, Иванъ Халдѣевичъ»... [32]). Мужи назначаются посадниками **обыкновенно**, но **не исключительно**; князь былъ воленъ назначить, кого хотѣлъ, и лѣтописи сохранили примѣры назначенія въ эти должности низшихъ слугъ князя, его дѣтскихъ [33]). Кромѣ служилыхъ людей въ должности посадника встрѣчаются очень часто сыновья князя. По чувству естественной привязанности интересы отца никому не были такъ дороги, какъ его сыну; а потому понятно, что сыновья назначались даже преимущественно передъ мужами [34]).

Право князя назначать посадниковъ подверглось съ теченіемъ времени нѣкоторымъ измѣненіямъ въ Новогородской волости. Еще въ XII вѣкѣ новогородскіе посадники назначались князьями; но со второй четверти этого вѣка встрѣчаются случаи назначенія ихъ самимъ Новгородомъ, а въ началѣ XIII-го новгородскій посадникъ Твердиславъ, обращаясь къ вѣчу, высказываетъ такое общее положеніе: «а вы, братье, въ посадниче-

[31]) 980 г.

[32]) Ипат. 1235 г.; Густ. 1243 г.; Ипат. 1140 г.; ср. еще Новгород. I. 1398 г.: «...воеводы же Новгородскіе, посадникъ Тимоѳей, посадникъ Юрій и Василій, и вси вои поидоша за Волокъ на Двину».....

[33]) О Ростиславичахъ Ростовскихъ читаемъ: «роздаяла бѣста посадничества Русскимъ дѣтскимъ»... Ипат. 1175 г.

[34]) Такъ поступалъ каждый князь, у котораго были сыновья.

ствѣ и въ князѣхъ (вольны)». Такимъ образомъ, съ XIII в. и даже ранѣе новгородскій посадникъ назначался уже не княземъ, а Новгородомъ, какъ и самъ князь [35]). Вмѣстѣ съ этимъ подверглось ограниченію и право князя назначать посадниковъ въ Новгородскія волости. Онъ назначаетъ ихъ уже не одинъ, а вмѣстѣ съ новгородскимъ посадникомъ, и не изъ своихъ служилыхъ людей, а изъ мужей новгородскихъ [36]).

Увольненіе посадниковъ также зависѣло отъ князя, какъ и ихъ опредѣленіе. Въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы посадники назначались на опредѣленный срокъ; они оставались въ своей должности до тѣхъ поръ, пока это нравилось князю. — Позднѣйшая Новогородская исторія представляетъ и въ этомъ отношеніи важное отступленіе. Съ самаго начала XIII в. мы встрѣчаемся здѣсь съ началомъ несмѣняемости посадниковъ иначе, какъ по преступленію. Въ договорахъ Новгорода съ князьями это начало выражалось въ слѣдующей формулѣ: «а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити» [37]).

[35]) Ср. Ник. 1120 г., 1126 г., 1129 г., 1130 г., 1140 г.; Новгород. I. 1218 г. См. ниже, гл. III Устр., пр. 44.

[36]) См. Новогородскія договорныя грамоты въ Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. и въ А. А. Э. т. I. Исключеніе представляетъ только Торжокъ и Волокъ, Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 10.

[37]) Тамъ же. Древнѣйшее упоминаніе о такомъ условіи относится къ началу XIII в.; см. Новгород. I. 1218 г., 1220 г., Соф. I. 1269 г.—Въ лѣтописныхъ источникахъ Новгорода и Пскова встрѣчаемъ единовременно нѣсколькихъ посадниковъ и кромѣ того—степеннаго посадника и старыхъ посадниковъ, см. Воскр. 1386 г., Пск. I. 1410 г. Пск. II. 1417 г., Новгород. I. 1418 г., 1420 г., Воскр. 1428 г., Пск. I. 1438 г., 1464 г., 1463 г.. Воскр. 1471 г.. 1478 г. Тоже встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями, см. А. А. Э. т. I №№ 8, 42, 62, 87, 93, 104; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 20. — Въ Новгородѣ былъ только одинъ посадникъ, всѣ договоры пишутся отъ имени одного. Другіе посадники упоминаются въ договорахъ только въ качествѣ пословъ, на ряду съ другими послами отъ житьихъ и пр. Эти другіе посадники — ничто иное, какъ бывшіе посадники, упоминаемые особо при посольствахъ только для большей ихъ торжественности. Въ отличіе отъ состоящаго на службѣ посадника они называются иногда—старыми, а дѣйствующій посадникъ—степеннымъ, но далеко не всегда. Въ Новогородскихъ памятникахъ степенный посадникъ упоминается только въ единственномъ числѣ.—Тоже и въ Псковскихъ, хотя и не всегда, такъ въ Пск. I. подъ 1463 г. встрѣчаемъ двухъ степенныхъ посадниковъ; а подъ 1478 г. въ этомъ городѣ упоминается снова только одинъ степенный посадникъ и рядомъ нѣсколько старыхъ, какъ и въ Новгородѣ. Надо думать, что въ Псковѣ, по крайней мѣрѣ иногда, избирались по два посадника. См. И. Д. Бѣляева. Разсказы кн. III.—Яро-

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ посадникъ новогородскій изъ княжаго мужа сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова новгородскимъ мужемъ, для перваго входитъ въ употребленіе новое наименованіе. Съ самаго начала XIII в. представители князя въ Новгородѣ называются уже не посадниками, а **намѣстниками** князя [38]. Намѣстникъ, какъ показываетъ самое слово, занимаетъ мѣсто князя, замѣняетъ его; это тотъ же посадникъ, но на этотъ разъ обозначенный по существу представляемой имъ власти, а не по дѣйствію посаженія его княземъ. Новое имя, потребность въ которомъ первоначально почувствовалась только въ Новгородѣ, мало-по-малу сдѣлалось общимъ терминомъ. Съ XIV в. мы не встрѣчаемъ болѣе посадниковъ: назначаемые княземъ органы мѣстнаго управленія съ этого времени носятъ исключительно наименованіе **намѣстниковъ** и **волостелей**. Единовременное существованіе двухъ разныхъ властей, намѣстниковъ и волостелей, объясняется замѣченною уже выше противоположностью города и волости, какъ ораздѣленія княжества. Обыкновенно, намѣстники назначались въ города и ихъ уѣзды, а волостели въ волости и ихъ уѣзды.

Это доказывается: во 1-хъ, названіями намѣстниковъ и волостелей. Первые обозначались, обыкновенно, по именамъ значительныхъ городовъ, служившихъ нерѣдко мѣстопребываніемъ для самихъ князей; мы имѣемъ намѣстниковъ—Углицкихъ, Бѣлозерскихъ, Городецкихъ, Переяславскихъ, Ростовскихъ, Вологодскихъ, Каширскихъ, Муромскихъ, Верейскихъ, Юрьевскихъ, Бѣжецкихъ, Московскихъ, Новоторжскихъ, Дмитровскихъ, Владимірскихъ, Устюжскихъ, Коширскихъ, Суздальскихъ, Галицкихъ и пр. [39]. Вторые же или вовсе не обозна-

полкъ въ 977 г. послалъ въ Новгородъ не одного, а многихъ посадниковъ, но они были посланы въ Новгородъ и волости. — Въ Новгород. I подъ 1211 г. читаемъ: «Приде Дмитръ Якуничь изъ Руси, и сотниси Твердиславъ посадничество по своей воли старѣйшино себѣ». Въ чемъ состояло это старѣйшинство, для насъ не ясно.

[38] Древнѣйшій случай, если не ошибаемся, относится къ началу XIII в., см. Новгород. I. 1230 г.; ср. еще Льв. 1341 г., Новгород. I. 1360 г., Воскр. 1386 г.

[39] А. А. Э. т. I. №№ 19, 28, 36, 37, 44, 51, 56, 60, 64, 79, 102, 111, 119, 120, 122, 123, 124, 126, 130, 131, 139, 141, 143, 147, 148, 158, 159, 164, 166, 167, 169, 173, 371, 373, 374, 377; А. И. т. I. №№ 83, 87, 88, 125, 131.—Иногда просто—«городскіе намѣстники», А. А. Э. т. I. № 77; въ № 111 А. И. читаемъ: «а намѣстники наши Новгородскіе, и пригородскіе намѣстники»......

чались никакимъ прилагательнымъ именемъ, напр. «намѣстники Московскіе и волостели»... т. е. волостели Московскихъ становъ и волостей [40]), или обозначались по имени незначительныхъ поселеній, составлявшихъ правительственный центръ волости; въ послѣднемъ случаѣ встрѣчаются волостели: Медушскіе, Усольскіе, Кипельскіе, Колскіе или Койскіе, Топенскіе, Лоскомскіе, Ворьскіе, Пироговскіе, Угольскіе, Югскіе, Шубачскіе, Кобылинскіе, Масленскіе, Янгосарскіе, Чухломскіе, Кривандинскіе, Клечанскіе, Вышегородскіе, Вѣдокурскіе, Мещерскіе, Гороховскіе, Задубровскіе и пр. [41]). Во 2-хъ, противоположеніемъ городскихъ и волостныхъ людей, съ одной стороны, и намѣстниковъ и волостелей, съ другой, изъ котораго видно, что городскіе люди живутъ въ округѣ, подвѣдомственномъ намѣстнику, а волостные—волостелю. Въ жалованныхъ грамотахъ это противоположеніе выражается въ слѣдующей формулѣ: «а правъ ли будетъ, виноватъ ли—городской человѣкъ или волостной, и онъ въ правдѣ и въ винѣ намѣстникомъ и волостелемъ»—т. е. городской—намѣстникамъ, а волостной — волостелямъ [41*]). Еще съ большею ясностью выражена эта противоположность въ судебникахъ. Въ первомъ читаемъ: «А въ который городъ или волость въ которую пріѣдетъ недѣльщикъ съ приставною, и ему приставную явити намѣстнику или волостелю», т. е. смотря по тому, куда пріѣдетъ: въ городѣ намѣстнику, въ волости—волостелю; и во второмъ: «лѣта 1550 мѣсяца іюня царь и вел. князь Иванъ Васильевичъ всея Руси съ своею братьею и съ бояры сесь судебникъ уложилъ: какъ судити бояромъ... и всякимъ приказнымъ людямъ, и по городомъ намѣстникомъ, и по волостемъ волостелемъ»...

[40]) А. А. Э. т. I. №№ 130, 166; ср. еще №№ 30, 175.—Изъ всѣхъ грамотъ, сохранившихся отъ разсматриваемаго времени и помѣщенныхъ какъ въ I. т. А. А. Э., такъ и въ I. т. А. И., только въ одной намѣстники названы также, какъ и волостели: въ жалованной грамотѣ Звенигородскаго князя Савво-Сторожевскому монастырю читаемъ: «А намѣстники мои Звенигородскіе и волостели Звенигородскіе, и Рузскіе мои намѣстники и волостели мои Рузскіе»... А. И. т. I. № 15.

[41]) А. А. Э. т. I. №№: 23, 44, 46, 52, 56, 60, 75, 81, 88, 95, 136, 149, 169, 183, 377, 379; А. И. т. I. №№: 25, 28, 70, 125.—Только въ Волокѣ упоминаются то волостели, то намѣстники. А. А. Э. т. I. №№ 4, 377 и А. И. т. I. № 15.

[41*]) А. А. Э. т. I. №№: 136, 139, 149, 159, 164, 166; А. И. т. I. № 74.

Итакъ, намѣстники вѣдаютъ, обыкновенно, города, а волостели—волости. Но, какъ выше было замѣчено, города и волости не составляли правильнаго, единообразнаго дѣленія Русской земли; уѣзды городовъ и волостей далеко не равнялись между собой и не рѣдко увеличивались, или уменьшались, смотря по требованіямъ данной минуты. Для доставленія большаго содержанія волостелямъ и намѣстникамъ нѣсколько волостей соединялись въ одну, или приписывались къ городу и увеличивали его уѣздъ. Въ первомъ случаѣ въ соединенную волость назначался одинъ волостель, во второмъ—въ городъ и приписанныя къ нему волости назначался одинъ намѣстникъ и одинаково вѣдалъ какъ городъ, такъ и волости, которыя, несмотря на то, что утрачивали значеніе самостоятельныхъ правительственныхъ округовъ, продолжали, однако, называться волостями [42]).

Какъ города и волости, составляя сораздѣленіе княжества, не зависѣли другъ отъ друга, такъ точно не были подчинены одинъ другому и завѣдывавшіе ими чиновники. Волостель пользовался совершенно независимымъ положеніемъ отъ намѣстника и на ряду съ нимъ состоялъ въ непосредственномъ подчиненіи князю [43]).

Предметы вѣдомства намѣстниковъ и волостелей не совершенно совпадали между собой. Намѣстники обладали тою же властью, которая прежде принадлежала посадникамъ: они вѣдали судъ какъ гражданскій, такъ и уголовный, и мѣстное

[42]) Въ примѣръ такого соединенія можно указать на Бѣлоозеро. Въ 1438 г. тамъ упоминаются намѣстникъ и волостели, а по уставной грамотѣ 1488 г. Бѣлозерскій намѣстникъ получаетъ право подѣлить Бѣлозерскія волости между своими тіунами. Итакъ, въ первомъ случаѣ Бѣлоозеро распадается на нѣсколько отдѣльныхъ округовъ, управляемыхъ намѣстникомъ и волостелями; во второмъ—оно соединено въ одинъ подъ властью намѣстника и зависящихъ отъ него тіуновъ. А. А. Э. т. I. №№ 36 и 123.—Впрочемъ, очень можетъ быть, что Уст. Бѣл. гр. при назначеніи намѣстника не была приведена въ исполненіе во всей точности: еще въ томъ же году рядомъ съ Бѣлозерскими намѣстниками упоминаются — волостели Угольскіе. Тамъ же № 124.

[43]) Въ дѣлахъ управленія и суда жалобы на волостелей, также какъ и на намѣстниковъ, приносились прямо князю. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 24. А. А. Э. т. I. №№ 13, 123, 144.

военное управленіе [43*]). Вслѣдствіе этого намѣстники, также какъ и посадники, назывались иногда воеводами. Чрезвычайно любопытное указаніе на это находимъ въ договорныхъ грамотахъ князей. Въ договорѣ Василія Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, въ статьяхъ, опредѣляющихъ порядокъ выступленія въ походъ, читаемъ: «а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ...» [44]). Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что въ городахъ сидѣли воеводы, которые посылались иногда съ войскомъ въ качествѣ его предводителей. При отсутствіи всякого раздѣленія гражданской власти отъ военной, нѣтъ никакой возможности допустить, что рядомъ съ этими воеводами въ городахъ сидѣли еще намѣстники — для суда и другихъ гражданскихъ дѣлъ. Эти воеводы и были намѣстники. Городовые воеводы, которые кромѣ войны вѣдали еще и гражданское управленіе, естественно, отличались отъ воеводъ, назначаемыхъ съ исключительной цѣлью предводительства въ извѣстномъ походѣ. Это различіе отразилось и на ихъ наименованіяхъ: первые назывались «мѣстными», вторые «ратными» [45]). Къ имени мѣстнаго воеводы, какъ намѣстника, присоединялось наименованіе отъ города, въ которомъ онъ сидѣлъ [46]). Какъ прежде посадники-воеводы стро-

[43*]) Въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями, послѣ статьи, опредѣляющей порядокъ выступленія въ походъ, читаемъ: «А что ся учинитъ просторожа отъ мене, или отъ васъ, или отъ моего тысяцкаго и отъ нашихъ намѣстниковъ, исправа ны учинити, а нелюбья не держати». Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 23. «Просторожа» очевидно относится къ военному дѣлу, къ содержанію стражи. Итакъ, на намѣстникахъ вел. кн. Семена и его братьевъ, также какъ и на тысяцкомъ, лежитъ обязанность содержать военную стражу для наблюденія за непріятелемъ. О судѣ намѣстниковъ смотри жалованныя и уставныя грамоты въ А. А. Э. т. 1. и въ А. И. т. 1., а также Суд. 1497 г.

[44]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 35; ср. еще тамъ же № 54.

[45]) Въ Воскрес. лѣт. подъ 1380 г., при описаніи сборовъ вел. кн. Дмитрія Ивановича къ борьбѣ съ Мамаемъ, читаемъ: «собра вой своихъ сто тысящь и сто, опроче князей Русскихъ и воеводъ мѣстныхъ». Для «ратныхъ воеводъ» см. жалованную грамоту Иванкѣ Глядящему А. А. Э. т. 2 № 120.

[46]) Въ Воскр. лѣт. подъ 1408 г. читаемъ: «тогда же (въ войну Рязанскихъ князей) убиша Игнатія Семеновича Жеребцова, воеводу Коломенскаго, и Коломничъ побиша многихъ». Любопытно мѣсто той же лѣт. подъ 1370 г.: «Пріиде Ольгердъ со всѣми силами къ Волоку и ста около города, тогда же на мосту у града столпшо к. Василій Ивановичъ Березуйскій, бѣ ту воеводствуя», т. е. занимая мѣсто Волоцкаго воеводы, или намѣстника.

или города, такъ теперь это дѣлаютъ ихъ преемники, намѣстники-воеводы. Въ Воскресенской лѣт. подъ 1408 г. читаемъ: «повелѣніемъ великаго князя срубленъ бысть Ржева городъ, а воевода (вмѣсто: а намѣстникъ) бѣ (при построеніи) князь Юрій Козельскій, да Юрій Васильевичъ».— Такимъ образомъ, для намѣстника было также необходимо знакомство съ военнымъ дѣломъ, какъ и для посадника. Согласно съ этимъ, должности намѣстниковъ также поручались ратнымъ воеводамъ, какъ прежде должности посадниковъ [46*]).

Волостели, также какъ и намѣстники, вѣдали судъ гражданскій и уголовный. Обыкновенно имъ принадлежалъ наравнѣ съ намѣстниками и высшій уголовный судъ въ душегубствахъ, разбояхъ и пр. [47]). Но иногда высшій уголовный судъ вынимался изъ ихъ вѣдѣнія и предоставлялся намѣстнику [48]). Это изъятіе не установляло, однако, подчиненія волостеля намѣстнику, оно только ограничивало объемъ дѣятельности перваго въ пользу послѣдняго. — Что же касается до мѣстнаго военнаго управленія, то мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы оно принадлежало и волостелямъ. Надо думать, что военное управленіе исключительно сосредоточивалось въ рукахъ намѣстниковъ, и что волостели не имѣли къ нему никакого отношенія. Это различіе дѣятельности намѣстниковъ отъ дѣятельности волостелей условливалось тѣмъ, что первые сидѣли въ городахъ, а города и составляли центры мѣстной обороны.

Кромѣ того, на намѣстниковъ и волостелей возлагалась еще обязанность «блюсти» людей и нѣкоторыя другія заботы по части благоустройства, какъ напр., наблюденіе за исполненi-

[46*]) Новгор. 1. 1348 г., 1464 г., 1467 г.

[47]) Это видно изъ большинства дошедшихъ до насъ жалованныхъ грамотъ; см. А. А. Э. т 1. №№ 4, 23, 31, 41, 46, 47, 52, 53, 75, 88, 136 и А. И. т. I. №№ 25, 28.

[48]) Такіе случаи весьма рѣдки. Мы имѣемъ три грамоты, въ которыхъ встрѣчается указаніе на подобное изъятіе. Впрочемъ, эти грамоты не отличаются совершенною ясностью по отношенію къ разсматриваемому вопросу. см. А. А. Э. т. 1. №№ 143, 144, 150.

емъ рабочими людьми установленныхъ сроковъ перехода отъ одного владѣльца къ другому и пр. [49]).

Намѣстники и волостели назначались княземъ и оставались въ своихъ должностяхъ, пока это ему нравилось [49*]). Выборъ ихъ, какъ и выборъ посадниковъ, главнымъ образомъ дѣлался изъ высшаго разряда слугъ, изъ бояръ; рядомъ съ этимъ встрѣчаются указанія и на назначеніе боярскихъ дѣтей [50]). Число намѣстниковъ и волостелей не было одинаково: иногда назначался одинъ, иногда нѣсколько [51]). Такъ какъ въ древней Россіи при рѣшеніи дѣлъ коллегіальнымъ порядкомъ права простаго большинства не были признаны, то при назначеніи нѣсколькихъ намѣстниковъ въ одинъ и тотъ же городъ, надо предполагать или рѣшеніе дѣлъ «съ единаго», или раздѣленіе города на участки, которые и распредѣлялись между отдѣльными намѣстниками, какъ особые, независимые одинъ отъ другаго округа [52]).—Въ Москвѣ и другихъ городахъ, состоявшихъ въ нераздѣльномъ завѣдываніи нѣсколькихъ князей, — каждый изъ соправителей назначалъ своего намѣстника. По числу соправителей такіе намѣстники назывались иногда третчиками; если

[49]) А. А. Э. т 1. №№ 4 и 83. Въ жалованной грамотѣ вел. кн. Василія Ивановича Смоленскимъ жителямъ читаемъ: «А отъ ябедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольничимъ—бояръ и мѣщанъ и черныхъ людей *б е р е ч и*; а котораго ябедника утяжутъ; и они его казнятъ по его винѣ». Р. С. Г. Г. и Д. ч. 1. № 148.

[49*]) Назначеніе совершалось посредствомъ двухъ грамотъ: одна на имя намѣстника или волостеля, другая на имя города или волости. Въ послѣдней писалось: «Се язъ, князь великій, Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми боярина своего.....городомъ Володимеромъ. И вы бы, всѣ люди того города Володимера, его слушали, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежъ сего». А. И. т. 1. № 110 ср. еще А. Ю. № 161.—Б. Н. Чичеринъ на стр. 7. Областныхъ учрежденій Россіи XVII в. говоритъ: «иногда кормленіе, бывшее за отцами и дѣдами, утверждалось за сыновьями, внуками и другими родственниками и принимало характеръ наслѣдственности». Что должности намѣстниковъ и волостелей по смерти отцевъ передавались иногда ихъ сыновьямъ, это дѣйствительно случалось и доказывается двумя ссылками, приведенными авторомъ; но чтобы замѣщеніе этихъ должностей принимало характеръ наслѣдственности, т. е. чтобы онѣ переходили отъ отца къ сыну въ силу правилъ о порядкѣ наслѣдованія по закону и, слѣдовательно, по мимо назначенія со стороны князя, на это нѣтъ указаній.

[50]) А. А. Э. т. 1. № 13; ср. еще № 7, гдѣ подъ боярами надо, конечно, разумѣть —намѣстниковъ и волостелей. Точно также въ Судебникѣ 1497 г. въ статьѣ подъ рубрикой: «указъ намѣстникомъ о судѣ городскомъ» —бояре и дѣти боярскіе сказано вмѣсто намѣстниковъ и волостелей.

[51]) А. А. Э. т. I. №№ 110, 120, А. И. т. I. № 115.

[52]) Такъ напр. Кострома была раздѣлена на двѣ половины между двумя намѣстниками. А. И. т. I. № 110.

въ рукахъ одного князя соединялось болѣе одной трети, его представитель въ отличіе отъ третчика именовался просто намѣстникомъ, или большимъ намѣстникомъ [52*]).

При князьяхъ, какъ мѣстныхъ правителяхъ, посадникахъ, намѣстникахъ и волостеляхъ состояли помощники.—Князья, часто отвлекаемые изъ городовъ, которые они оставляли въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи, то войной, то объѣздомъ другихъ городовъ и волостей, то, наконецъ, частнымъ своимъ хозяйствомъ, имѣли въ этихъ городахъ особыхъ чиновниковъ, главною обязанностью которыхъ было отправленіе суда. Въ древнѣйшее время эти чиновники назывались тіунами [53]); позднѣе удерживаемый княземъ для себя лично судъ передавался обыкновенно введенымъ боярамъ [54]).—Мужи князей, которымъ не рѣдко поручались весьма значительные уѣзды съ соединеніемъ въ ихъ рукахъ военной и гражданской власти, также нуждались въ помощникахъ. Мы весьма часто встрѣчаемъ ихъ при намѣстникахъ и волостеляхъ также подъ именемъ тіуновъ [55]).—О военномъ управленіи тіуновъ нѣтъ указаній; надо думать,

[52*]) Въ примѣръ третчика см. дог. грам. Рязанскихъ князей Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 127; большой намѣстникъ упоминается въ Москвѣ, тамъ же № 144.

[53]) Тіунъ означалъ собственно человѣка, завѣдующаго чьимъ-либо частнымъ хозяйствомъ; съ такимъ характеромъ является онъ въ поученіи Владиміра Мономаха. По Рус. Пр. тіунъ тоже, что ключникъ. Карамз. сп., ст. 121. Но такъ какъ государственное управленіе не отличалось строго отъ частнаго хозяйства князя, то тіуны и являются въ качествѣ чиновниковъ.—Въ Лавр. лѣт. подъ 1093 г. читаемъ «начаша тіуны грабити, людей продавати, ему (Всеволоду Ярославичу) не вѣдущю въ болѣзнихъ своихъ». И такъ, тіуны судили и брали произвольныя продажи,—чѣмъ и возбудили противъ себя неудовольствіе. Подобное же извѣстіе находимъ и подъ 1146 г.: «....а что были тіуны брата нашего, Ратша и Тудоръ, говоритъ Святославъ Игорю, а тѣмъ не быти, а коимъ будетъ быти, ино имъ имати съ суда урокомъ, а въ свою волю имъ людей не продавати». Ратша и Тудоръ, тіуны Всеволода, именно обвинялись Кіевлянами въ томъ, что брали произвольныя продажи и погубили Кіевъ и Вышгородъ. Воскр. и Ипат. Ср. еще Ипат. 1169 г., 1257 и Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 1; въ послѣднемъ случаѣ тіунъ князя ничѣмъ не отличается отъ посадника.

[54]) Въ жалованныхъ грамотахъ Московскаго періода весьма употребительна слѣдующая формула: «а кому будетъ чего искать.... (на лицѣ, въ пользу котораго дѣлается исключеніе территоріи), ино—я сужу, князь великій, или бояринъ мой введеный». См. А. А. Э. т. I. №№ 44, 46, 111, 120, 132 и др. Въ Судеб. 1497 г. «тіунъ великаго князя»—является только въ качествѣ исполнителя смертныхъ приговоровъ, см. ст. подъ рубрикой «о татьбѣ».

[55]) А. А. Э. т. I. №№ 18, 21, 23, 37 и др. Хотя источники и не сохранили указаній на существованіе тіуновъ при посадникахъ, но мы должны допустить ихъ на

что на нихъ переносилась только одна судебная власть, о чемъ говорится во многихъ жалованныхъ грамотахъ. Что же касается до пространства судебной власти тіуновъ, объ этомъ предметѣ нельзя составить себѣ точнаго представленія. Хотя въ жалованныхъ грамотахъ о судѣ тіуновъ говорится въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и о судѣ намѣстниковъ и волостелей, безъ всякаго противъ нихъ ограниченія; но такъ какъ наши древніе юридическіе памятники далеко не исчерпываютъ тѣхъ предметовъ, которыхъ имъ приходится касаться, а по большей части ограничиваются только краткими указаніями на то, что считается уже извѣстнымъ, — то изъ этого безразличнаго упоминанія о судѣ тіуновъ наравнѣ съ судомъ намѣстниковъ и волостелей никакъ еще нельзя заключить о томъ, чтобы послѣдніе имѣли право весь принадлежащій имъ судъ переносить на своихъ помощниковъ [56]).—Право назначенія и увольненія тіуновъ принадлежало тѣмъ лицамъ, при которыхъ они состояли: князь назначалъ своихъ, намѣстники и волостели своихъ; но въ этомъ послѣднемъ случаѣ, князь иногда опредѣлялъ — сколько должно быть тіуновъ при томъ или другомъ изъ его чиновниковъ [57]).—Хотя тіуны князя и имѣли много общаго съ посадниками, но, какъ показываетъ ихъ имя, они назначались преимущественно изъ низшаго разряда княжескихъ слугъ и даже изъ рабовъ. Что касается до намѣстниковъ и волостелей, они были свободны въ выборѣ своихъ тіуновъ и только по отношенію къ увольненію подлежали одному ограниченію, впрочемъ, исключительно финансоваго свойства: они не могли мѣнять тіуновъ ранѣе года послѣ ихъ назначенія [58]).—Тіуны

томъ основаніи, что при намѣстникахъ и волостеляхъ, которые только замѣнили посадниковъ, тіуны составляютъ общее учрежденіе.

[56]) Ср. Судеб. 1497 г., ст. подъ рубрикой «о правой грамотѣ», гдѣ установленъ по нѣкоторымъ дѣламъ докладъ отъ тіуна къ намѣстнику, или волостелю.

[57]) А. А. Э. т. I. № 123. Тіуны намѣстниковъ и волостелей обыкновенно называются «ихъ» тіунами, тогда какъ чиновники, назначаемые княземъ, называются «его» чиновниками, т. е. княжескими. Кромѣ того о назначеніи тіуновъ намѣстниками прямо сказано въ Бѣлоз. уст. гр.

[58]) А. А. Э. т. I. №№ 123. 130, 181. Тіуны намѣстниковъ и волостелей также могли быть назначаемы изъ рабовъ, какъ и княжескіе. Въ Судеб. 1497 г. читаемъ: «А тіуну его (намѣстника) правые грамоты безъ доклада государя не дати». См. ст. «о правой грамотѣ».

вѣдали судъ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей, они замѣняли ихъ, а не составляли съ ними одной коллегіи [58*]).

Князья, посадники, намѣстники и волостели вѣдали крупныя подраздѣленія княжества, города и волости; въ болѣе мелкихъ, сотняхъ, погостахъ или потугахъ, встрѣчаемъ сотскихъ и старостъ. Эти два разныя наименованія служатъ для обозначенія одной и той же власти. Первое изъ нихъ заимствовано отъ древнѣйшаго военнаго дѣленія на сотни; второе же отъ свойства самыхъ лицъ, которыя избирались въ сотники или сотскіе: это были пожилые люди, старосты. Что сотскій и староста только разныя наименованія одной и той же власти, это ясно изъ жалованныхъ грамотъ конца разсматриваемаго періода, въ которыхъ сотскимъ и старостамъ усвояется совершенно одинакая дѣятельность [59]). Къ тому же заключенію приводятъ и нѣкоторыя свидѣтельства, сохранившіяся отъ болѣе древняго времени [60]).

Первоначальная дѣятельность сотскихъ, имя которыхъ образовалось совершенно аналогично съ именемъ тысяцкихъ, за-

58*) А. Ю. №№ 18, 19.

59) А. А. Э. т. I. №№ 123, 144, 150, Судеб. 1497 г. подъ рубрикой «Ук. Нам. о с. город.»—Ср. еще Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 6, 7, 8, 20.—Иногда вмѣсто «сотниковъ» въ источникахъ встрѣчаемъ «становщиковъ». Въ договорѣ в. к. Московскаго, Дмитрія Ивановича, съ Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: «а которые слуги потягли къ дворскому, а черные люди къ сотникамъ».... Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 27; подобныя же выраженія находимъ тамъ же въ №№ 35, 40, 45, 71, 73 и 78. А въ третьемъ договорѣ того же Дмитрія Ивановича съ тѣмъ же Владиміромъ Андреевичемъ читаемъ: «а которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику».... тамъ же № 33, ср. такое же выраженіе и въ № 95. Очевидно, становщикъ означаетъ здѣсь тоже, что въ другихъ договорахъ сотникъ. Но какъ объяснить это наименованіе, заимствованное отъ стана? какой это станъ? Выше было замѣчено, что разнаго наименованія власти при объѣздѣ своихъ уѣздовъ имѣли мѣста остановокъ, которыя назывались станами. Весьма вѣроятно, что эти станы находились въ лучшихъ селеніяхъ, въ которыхъ жили сотники, или старосты. Въ силу этого совпаденія мѣста жительства сотниковъ съ мѣстами остановокъ властей, на сотниковъ и могло переноситься наименованіе, заимствованное отъ стана, какъ мѣста остановки.—Становщики въ стану вовсе не то, что волостели въ стану, или въ волости. Объ нихъ никогда не говорится, какъ о лицахъ имѣющихъ право суда. Изъ случаевъ, въ которыхъ упоминаются становщики, видно только, что они занимались сборомъ разнаго рода повинностей. Ср. А. А. Э. т. I. № 17 и А. И. т. I. № 25.

60) Въ Воскр. лѣт. подъ 1019 г. читаемъ: «И нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новогородцемъ по 10 гривенъ».... Старосты, какъ военачальники, очевидно замѣняютъ здѣсь сотскихъ.

нимавшихъ первое послѣ князя мѣсто въ военной администраціи, относилось главнымъ образомъ къ этой послѣдней области. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ измѣненія въ составѣ войска и усиленія въ немъ княжескаго служилаго элемента на счетъ народнаго, военная дѣятельность сотскихъ и старостъ должна была значительно сократиться. — Область ихъ гражданскаго вѣдѣнія, на сколько объ этомъ предметѣ можно составить понятіе по памятникамъ второй половины разсматриваемаго періода, составляли: 1) исполненіе разнаго рода натуральныхъ и денежныхъ повинностей, какъ напр., сооруженіе городскихъ укрѣпленій, постройка дворовъ для князя, намѣстника и волостеля, нарядъ подводъ для княжескихъ ѣздоковъ, — дворовъ для ихъ остановокъ и ночевокъ, нарядъ людей для косьбы княжескаго сѣна,—въ помощь княжескимъ ловчимъ и проч.; сюда же относится сборъ и взносъ кормовъ намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ чиновникамъ; а также сборъ и взносъ оброка, особой повинности, которая назначалась взамѣнъ разнообразныхъ пошлинъ, какъ денежныхъ, такъ и натуральныхъ, лежавшихъ на волостныхъ и городскихъ людяхъ [61]); 2) мѣстная полиція [62]); 3) присутствіе на судѣ княжескихъ чиновниковъ [63]).

[61]) А. А. Э. т. I. №№ 19, 28, 43, 44, 48, 109, 111, 121, 123, 132, 144, 371 и др. А. И. т. I. №№ 15, 83, 115, 117 и др.—Вотъ какъ разлогались эти разнообразныя повинности, извѣстныя подъ общимъ именемъ «разметовъ и проторовъ»: «А тѣ кормы... и поборъ дворскій (со старостой), съ десятскими и съ добрыми людьми межъ себя мечутъ съ столца по дани и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню больше корму и поборовъ положатъ; а которая деревня меньше пашнею и угодьемъ, и они на ту деревню меньше корму и поборовъ положатъ. Да собравъ тѣ кормы староста съ десятскими, да платятъ.... поборъ въ городѣ». А. А. Э. т. I. № 150. Въ Новгород. I. подъ 1430 г. читаемъ: «Того же лѣта пригонъ былъ христіаномъ къ Новугороду, городъ ставити, а покручалъ четвертый пятаго».

[62]) А. А. Э. т. I. № 137: «Отъ в. к. Василія Ивановича.... въ Бѣлозерскіи волости въ Своару, да въ Гнену, старостамъ и десятскимъ и всѣмъ христіаномъ. Били ми челомъ старцы Нилова пустыни, чтобы мнѣ велѣти ихъ беречи отъ татей и отъ разбойниковъ: и вы бы ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ на крѣпко, чтобы имъ не было обиды» и пр. Кромѣ того съ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшихъ волостные и городскіе люди обязаны были платить виру въ тѣхъ случаяхъ, когда не могли выдать головника, Рус. Пр., Троицк. сп., ст. 3, А. А. Э. т. I. №№ 123, 144, 181. Обязанность поймать убійцу лежала слѣдовательно на мѣстныхъ жителяхъ, и конечно, прежде всего на ихъ ближайшихъ властяхъ—старостахъ и десятскихъ.—Въ Псковѣ встрѣчаемъ извѣстіе о разрѣшеніи купецкихъ старостъ на постройку церкви. Пск. II. 1415 г.

[63]) Въ источникахъ говорится: «а безъ старосты суда не судити»—волостелю или

Сотскіе и старосты были выборные люди, а не назначались князьями, или ихъ чиновниками [64]). О порядкѣ выборовъ и срокѣ, на который они дѣлались, не сохранилось указаній.

Десятскіе, какъ показываетъ ихъ имя, относятся къ одному роду властей съ сотскими; они были ихъ помощниками [65]).

Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ особыхъ приставовъ, назначавшихся для восполненія мало развитыхъ органовъ мѣстнаго полицейскаго управленія. Эти приставы получали разныя спеціальныя назначенія, какъ напр.: оберегать извѣстныя селенія отъ воровъ и разбойниковъ, лѣса—отъ порубокъ, наблюдать за ненарушеніемъ жалованныхъ грамотъ и проч. Назначались они самимъ княземъ и по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ [65*]).

Управленіе финансами находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самого князя. Для сбора пошлинъ и даней назначались имъ особые чиновники,—мытники, таможники, даньщики, пятенщики и другіе пошлинники, которые стояли внѣ всякой зависимости отъ намѣстниковъ и волостелей. Что сборщики пошлинъ и даней не были подчинены мѣстнымъ правителямъ, видно во 1-хъ изъ того, что всякаго рода правитель-

намѣстнику. А. А. Э. т. I. №№ 123, 154. И такъ, судятъ судьи, а старосты присутствуютъ на судѣ. Такой выводъ согласенъ и съ общимъ характеромъ древняго устройства: отсутствіе своего суда и сдѣлало необходимымъ призваніе князя для суда и управленія. Только въ Новогород. договор. грам. говорится о судѣ сотскихъ. Это явленіе составляетъ особенность Новгорода, который мало-по-малу переносилъ на своихъ чиновниковъ то, что первоначально принадлежало одному князю. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 20. Ближайшее разсмотрѣніе той доли участія, которая принадлежала сотскимъ и старостамъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей, выходитъ изъ предѣловъ настоящаго труда.

[64]) Что сотскіе и старосты были выборные люди, заключаемъ изъ того, что князья не называютъ ихъ своими, какъ это они дѣлаютъ съ намѣстниками, волостелями и др. чиновниками, которыхъ назначали сами. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Воскр. лѣт. подъ 1019 г. «свои» относится къ старостамъ Кіевской рати и употреблено для различенія ихъ отъ старостъ Новогородскаго войска.

[65]) Сравнительно, упоминаются рѣдко, см. Воскр. 996 г. и А. И. т. I. № 15. На одного старосту полагается, обыкновенно, нѣсколько десятскихъ. А. А. Э. т. I. № 150

[65*]) А. А. Э. т. I. №№ 82, 112, 113.

[66]) На назначеніе пошлинниковъ самимъ княземъ указываетъ наименованіе ихъ княжескими. А. И. т. I. № 119. Ср. еще Воскр. 1376 г. Въ княжескихъ договорахъ встрѣчаемъ такое выраженіе: «а коли, господине к. в., тобѣ въ городѣ на Москвѣ и въ станы въ Московскіе послати своего даньщика, и мнѣ послати съ твоимъ даньщикомъ своего даньщика». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 45.

ственныя распоряженія дѣлались княземъ прямо на ихъ имя [67]); во 2-хъ, собираемыя ими деньги вносились самому князю, или кому онъ приказывалъ [68]); въ 3-хъ, жалобы на ихъ неправильныя дѣйствія подавались также князю непосредственно [69]).

Въ памятникахъ говорится иногда о намѣстникахъ и волостеляхъ, какъ лицахъ, занимающихся сборами извѣстныхъ пошлинъ [70]). Въ этихъ случаяхъ намѣстники и волостели являются не финансовыми чиновниками князя, обязанность которыхъ состоитъ въ сборѣ его пошлинъ, а правителями, которымъ князь жаловалъ ту или другую пошлину для увеличенія ихъ содержанія, и которые взимали ихъ на себя. Эти жалованныя пошлины вынимались изъ вѣдѣнія княжескихъ пошлинниковъ и собирались особыми сборщиками по назначенію самихъ мѣстныхъ правителей [71]).

Храненіемъ княжескихъ пошлинъ и даней и выдачею ихъ по назначенію князя занимались особые чиновники, которые одинаково вѣдали имущества князя, какъ правителя, и его имущества, какъ частнаго человѣка. Первое мѣсто между этими чиновниками занимаютъ дворскіе, или дворецкіе, за тѣмъ слѣдуютъ —казначеи, ключники и дьяки.

Какъ показываетъ самое имя, дворскій вѣдалъ дворъ князя. Древнѣйшее упоминаніе о немъ относится къ XII в. [72]); въ XIII встрѣчаемъ дворскаго въ качествѣ человѣка, пользующагося высокимъ положеніемъ [73]). Но только по позднѣйшимъ памятникамъ XIV и XV в. можно составить о должности дворскаго сколько-нибудь опредѣленное представленіе. Въ этомъ отношеніи особенно

[67]) А. А. Э. т. I. №№ 70, 78, 133, 140, 146.

[68]) А. А. Э. т. I. №№ 134, 153. [69]) А. А. Э. т. I. № 76, А. И. т. I. № 70.

[70]) А. А. Э. т. I. №№ 77, 148, 167, 170, А. И. т. I. № 110.

[71]) Такъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ читаемъ: «и намѣстники мои Углицкіи и ихъ тіуны и мытчики»... А. А. Э. т. I. №№ 167, 170. Для Новгорода ср. тамъ же №№ 42, 101.

[72]) Ипат. 1171 г. Мѣсто Ник. подъ 1097 г.: «и устрѣте и дѣтскый его, сирѣчь дворецкій» есть ничто иное, какъ объясненіе позднѣйшаго переписчика мало извѣстнаго ему слова «дѣтскій» болѣе извѣстнымъ и созвучнымъ «дворецкій».

[73]) Въ Ипат. подъ 1235 г. дворскій поставленъ рядомъ съ епископомъ; а подъ 1240 г. находимъ извѣстіе о посылкѣ дворскаго Галицкимъ кн. Даниломъ воеводою въ Перемышль.

важно завѣщаніе Серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича [74]). На 77 стр. въ концѣ втораго столбца читаемъ: «А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ,—вольнымъ воля». Отсюда слѣдуетъ: во 1-хъ, что подъ дворскимъ состоятъ какіе-то слуги, а можетъ быть даже и бояре; во 2-хъ, что эти слуги не пользуются правомъ свободнаго отъѣзда. Двѣ строки далѣе находимъ опредѣленіе послѣдствій отъѣзда этихъ невольныхъ слугъ: «а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себѣ не принимаютъ....(повтореніе выписаннаго уже положенія, но съ обращеніемъ къ дѣтямъ); а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ..... инъ земли лишенъ, а земли ихъ сыну моему».... Вольные слуги переходили отъ одного князя къ другому съ сохраненіемъ права собственности на принадлежавшія имъ земли; здѣсь на оборотъ, слуги подъ дворскимъ съ переходомъ лишаются земель. Въ объясненіе этого различія можно сдѣлать только одно предположеніе: различіе послѣдствій перехода условливалось различіемъ земель. Земли вольныхъ слугъ составляли ихъ частную собственность, земли слугъ подъ дворскимъ были землями, пожалованными имъ княземъ на условіи службы; какъ скоро не исполнялось условіе пожалованія, теряло силу и самое пожалованіе. Этимъ предположеніемъ объясняется зависимость помянутыхъ слугъ отъ дворскаго. Дворскій завѣдуетъ дворомъ князя и всѣмъ его имуществомъ; онъ раздаетъ по назначенію князя земли—его слугамъ; эти-то слуги и состоятъ подъ дворскимъ. — Что дворскій завѣдывалъ недвижимою собственностью князя и принималъ участіе въ ея раздачѣ, на это находимъ и прямое указаніе въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Ивановича Іосифову Волоколамскому монастырю. Эта грамота, въ которой назначалось мѣсто для монастырскаго двора, носитъ слѣдующую подпись: «А приказалъ дворецкій Михайло Юрьевичъ» [75]).

И такъ, дворскіе вѣдали недвижимыя имущества князя; вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣдали и всѣ тѣ повинности, которыя лежали

[74]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 40.
[75]) А. А. Э. т. I. № 169. Ср. еще: Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 33.

на городскихъ и волостныхъ людяхъ по отношенію къ этимъ имуществамъ, какъ напр., постройка княжескаго двора, косьба княжескаго сѣна и проч. По этому въ жалованныхъ грамотахъ, которыми установляются въ чью-либо пользу исключенія изъ подвѣдомственности княжескихъ чиновниковъ, эти исключенія простираются и на дворскихъ [76]), которые въ противномъ случаѣ могли бы требовать отъ сотскихъ и старостъ исполненія извѣстныхъ службъ въ пользу княжескаго двора.— Кромѣ недвижимыхъ имуществъ князя въ завѣдываніи дворскаго находились также и его движимости: во 1-хъ деньги, во 2-хъ серебряная посуда и всякая домашняя рухлядь [77]). Впрочемъ, завѣдываніе движимостями принадлежало дворскому далеко не исключительно; онъ раздѣлялъ его со многими другими придворными чиновниками, изъ которыхъ нѣкоторые, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, имѣли даже болѣе близкое отношеніе къ денежной княжеской казнѣ, чѣмъ онъ самъ. У великаго князя Московскаго, Ивана Васильевича, встрѣчаемъ трехъ дворскихъ: одинъ изъ нихъ носитъ наименованіе «великаго», два другихъ обозначены по городамъ—тверскій и новгородскій. По общему порядку, каждый изъ нихъ вѣдалъ свою часть; великимъ же названъ московскій только потому, что область вѣдѣнія его была больше.

Собственно для завѣдыванія княжеской денежной казной назначались казначеи. Съ такимъ характеромъ выступаетъ казначей вел. кн. Московскаго Ивана Васильевича «Дмитрій Владиміровъ»: вмѣстѣ съ печатникомъ и дьяками великаго князя онъ хранитъ ключи отъ княжеской казны. Рядомъ съ Дмитріемъ Владиміровичемъ въ завѣщаніи Ивана Васильевича встрѣчаются и и другіе казначеи. Между этими послѣдними и Дмитріемъ Владиміровичемъ существуетъ большое различіе: онъ поименованъ въ числѣ бояръ, подписавшихся свидѣтелями въ завѣщаніи этого князя, тогда какъ нѣкоторые изъ другихъ казначеевъ принадлежатъ къ числу его рабовъ. Надо думать, что Дмитрій Влади-

[76]) А. А. Э. т. I. № 5 и др., А. И. т. I. № 15 и др.
[77]) См. завѣщаніе в. к. Московскаго Ивана Васильевича.

міровичъ вѣдалъ большую или главную казну Ивана Васильевича находящуюся въ Москвѣ; а другіе казначеи и въ томъ числѣ рабы занимались полученіемъ доходовъ князя въ мѣстахъ ихъ сбора и доставляли ихъ или въ московскую казну, или кому князь приказывалъ, или наконецъ хранили у себя до востребованія [77*]). Званіе казначея довольно поздняго происхожденія, оно не встрѣчается ранѣе XIV в. Въ болѣе отдаленное время обязанности казначеевъ исполнялись—мужами вообще, дворскими, домашними тіунами и ключниками. Когда Кіевскій князь, Ростиславъ, захотѣлъ привести въ извѣстность оставшееся послѣ смерти князя Вячеслава имущество, онъ обратился къ его мужамъ, тіунамъ и ключникамъ и приказалъ имъ нести имѣніе отца своего Вячеслава «предъ ся, и порты, и золото, и серебро» [78]).

На ряду съ казначеями и дворскими движимымъ имуществомъ князя завѣдуютъ еще дьяки и подъячіе. Послѣднимъ поручается иногда сборъ княжескихъ доходовъ съ мытниковъ и таможниковъ; первые же упоминаются въ числѣ лицъ, которымъ княжеская казна—въ деньгахъ и вещахъ отдавалась на сохраненіе [79]). Дьяки также не рѣдко принадлежали къ рабамъ князя [80]).

Болѣе второстепенное значеніе въ распоряженіи княжескимъ имуществомъ играли ключники, или тіуны. Они хранили у себя ключи зданій, въ которыхъ складывались всякого рода дворцовые запасы, напр. пшеница, рожь и пр. Распоряженія о производствѣ кому-либо единовременныхъ или постоянныхъ выдачъ изъ этихъ запасовъ дѣлаются князьями на ихъ имя [81]); кромѣ того, встрѣчаемъ извѣстія о покупкѣ ключниками деревень для князя, за его ключемъ [82]). Ключники и домашніе тіуны назначались по большей части изъ рабовъ князя [83]).

77*) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 144; ср. еще также №№ 25, 86. 78) Ипат. 154 г.

79) А. А. Э. т. I. № 134, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 144.

80) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 25, 144.

81) А. А. Э. т. I. № 127.

82) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 40. Этимъ непосредственнымъ отношеніемъ ключниковъ къ недвижимымъ имуществамъ князя объясняется и то, что приказы объ отводѣ кому либо княжеской земли даются иногда на ихъ имя А. А. Э. т. I. № 160. Въ приведенной грамотѣ рядомъ съ ключникомъ упоминается «городовой прикащикъ», о дѣятельности котораго по отсутствію другихъ указаній, неможемъ составить опредѣленнаго представленія.

83) Они чаще казначеевъ и дьяковъ встрѣчаются въ духовныхъ завѣщаніяхъ кня-

Послѣднее мѣсто на лѣстницѣ разсматриваемыхъ властей занимаютъ княжескіе посельскіе. Имъ принадлежало хозяйственное управленіе въ деревняхъ князя, наемъ работниковъ и пр. Иногда посельскіе наравнѣ съ тіунами занимаются храненіемъ и выдачею сельско-хозяйственныхъ запасовъ [84]). Назначаются изъ рабовъ.

Въ заключеніе необходимо остановиться на особенностяхъ управленія тѣми княжескими имуществами, которыя носили наименованіе путей [85]). Князья жаловали свои земли разнымъ дѣловымъ людямъ съ тѣмъ, чтобы они занимались содержаніемъ и разведеніемъ княжескихъ лошадей, пчелъ, собираніемъ меда, варкой воска, ловлей бобровъ и рыбы, содержаніемъ собакъ, необходимыхъ для княжеской охоты, соколовъ для той же цѣли. Такія земли встрѣчаются у бортниковъ, садовниковъ, бобровниковъ, псарей и пр. Отъѣздъ такихъ дѣловыхъ людей или слугъ, соединенный съ прекращеніемъ взятыхъ ими на себя занятій, велъ къ лишенію пожалованныхъ имъ земель [86]). Лошади, воскъ, медъ, рыба и мѣха—составляли главнѣйшее движимое богатство древней Россіи, а разные виды охоты—любимѣйшее развлеченіе князей; благодаря этому, промышленныя поселенія занимали очень видное мѣсто между разнообразными источниками княжескихъ доходовъ. Соединяемыя въ разныя группы съ цѣлями управленія, они носили наименованіе путей. Въ источникахъ мы встрѣчаемъ сокольничій путь, къ которому относились сокольни-

зей въ числѣ лицъ, отпускаемыхъ на волю; Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 24, 25, 86 96, 144. Впрочемъ, несмотря на низость происхожденія ключники достигали иногда преобладающаго значенія. Такъ объ Анбалѣ, ключникѣ Андрея Боголюбскаго, лѣтописецъ говоритъ, что князь «надо всѣми волю ему далъ бяшеть». Ипат. 1175 г.

[84]) А. А. Э. т. I. № 83, 126. посельскіе князя иногда называются старостами. На это наводитъ завѣщаніе Семена Ивановича, въ каторомъ на волю отпускаются вмѣстѣ съ посельскими также и старосты. Управители имѣніями частныхъ лицъ также назывались посельскими. А. А. Э. т. I. №№ 43, 83.

[85]) Въ завѣщаніи Юрія Дмитріевича читаемъ: «А изъ волостей Дмитровскихъ даю сыну моему: Селну, Гуслицу..., или что будетъ въ тѣхъ волостяхъ села или пути, а то все даю сыну Василію». Въ завѣщаніи Василія Дмитріевича: «А княгини своей даю волости Коломенскіе... и съ путьми и съ селы съ своими, что въ тѣхъ волостяхъ ни есть». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 51 и 42; ср. еще тамъ же №№ 40, 86, 144.

[86]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 40.

ки, и который поручался сокольничему; конюшій путь, состоявшій въ вѣдѣніи конюшаго; ловчій путь, который одинаково могъ заключать въ себѣ—псарей, бобровниковъ и рыбниковъ, поручался ловчему; рыбники еще упоминаются и подъ рубрикой—стольнича пути [87]). Бояре, вѣдѣнію которыхъ поручались эти разные пути, носили наименованіе путныхъ бояръ. Происхожденіе термина «пути» и «путные бояре» не старѣе XIV вѣка; въ болѣе древнее время и при меньшемъ развитіи этихъ отраслей княжескаго хозяйства онѣ вѣдались наравнѣ съ остальнымъ его имуществомъ—дворскими, тіунами, ключниками и посельскими.

На волостныхъ и городскихъ людяхъ по отношенію къ этимъ промысловымъ селеніямъ князя лежали своего рода повинности: для лова рыбы они забивали на рѣкахъ ѣзы; бобровникамъ, псарямъ и всѣмъ княжескимъ ловчимъ отводили квартиры для постоя, снаряжали подводы для дальнѣйшаго слѣдованія, давали кормъ во время остановокъ; мясники давали мясо для корма княжескихъ соколовъ и проч.; эти натуральныя повинности переводились иногда на деньги [88]).

Таковъ былъ личный составъ княжеской администраціи. Переходимъ къ вопросу о способахъ ея содержанія.

1) Самый обыкновенный источникъ вознагражденія служилыхъ людей князя, завѣдывавшихъ его судомъ, составляли судебныя пошлины. Пошлины съ суда, какъ и всякія другія пошлины и дани, взимались на князя и составляли его собственность; этою собственностью онъ могъ распоряжаться по усмотрѣнію. Отъ первой половины разсматриваемаго періода не сохранилось извѣстій о томъ, чтобы князья отдавали судьямъ всѣ свои судебныя пошлины; въ это время встрѣчаемъ указанія

[87]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 23, 34, 40, 148, А. А. Э. т. I, № 143.

[88]) А. А. Э. т. I. № 120, Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 148. Для освобожденія отъ поименованныхъ повинностей въ жалованныхъ грамотахъ употребительны слѣдующія выраженія: «ѣзовники не ѣздятъ ни почто, ни ѣзу имъ (т. е. жителямъ извѣстнаго села) не бити», или «не надобѣ имъ ни которая моя дань.... ни медовое, ни бобровое, ни ѣзовое»... или: «также есмь пожаловалъ: въ томъ селѣ и въ деревняхъ ловчіи мои, и бобровники и псари не ставятся, ни подводъ, ни кормовъ, ни проводниковъ не емлютъ»... или: «и рыбники мои рыбнаго не емлютъ»... и пр. А. А. Э. т. I, №№ 17, 34, 39, 371, 374.—

на существованіе особыхъ пошлинъ въ пользу суда, которыя взимались помимо княжескихъ продажъ и виръ [89]). Съ конца же XIV в. вошло въ обычай передавать въ пользу намѣстниковъ и волостелей всѣ судебныя пошлины. Опредѣленіе размѣра этихъ пошлинъ дѣлалось въ такъ называемыхъ «наказныхъ спискахъ», или «грамотахъ» [90]). Судебникъ 1497 г. не установляетъ въ этомъ отношеніи единообразныхъ нормъ для всѣхъ областей Московскаго княженія. Имъ прежде всего подтверждаются распоряженія отдѣльныхъ наказныхъ списковъ или грамотъ, выданныхъ или имѣющихъ быть выданными; собственныя же постановленія судебника относятся только къ тѣмъ областямъ, правители которыхъ не получили особыхъ грамотъ [91]). Что касается до полноты опредѣленій, то судебникъ не только не полнѣе современныхъ ему грамотъ, но даже не исчерпываетъ и того матеріала, который въ нихъ находится. Судебные доходы намѣстниковъ и волостелей, на сколько объ этомъ предметѣ можно составить себѣ понятіе по судебнику и уставнымъ грамотамъ, сохранившимся отъ конца разсматриваемаго періода, опредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

а) Съ гражданскаго суда пошлины назначались въ разномъ объемѣ, смотря по тому, какъ кончилось дѣло, миромъ сторонъ, или, за ихъ нежеланіемъ мириться, судебнымъ приговоромъ. Съ цѣлью покровительства миролюбивымъ соглашеніямъ самый меньшій размѣръ пошлинъ назначался съ примирившихся; въ одной изъ грамотъ онъ опредѣленъ въ гривну съ рубля, въ другой въ 20 денегъ [92]). Самый большій—съ тѣхъ дѣлъ, кото-

[89]) Русск. Пр., Троиц. сп., ст. 8, 16, 82, 99, 100.

[90]) А. Ю. № 161; Судеб. 1497 г. подъ рубр.: «Ук. нам. о с. городскомъ».

[91]) Подъ рубр. «Ук. нам. о с. город.» читаемъ: «А имати ему съ суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватомъ противенъ п о г р а м о т а м ъ; а н е б у д е т ъ г д ѣ г р а м о т ы, и ему имати противъ исцева.... А досудятся до поля да помирятся, и ему имати п о г р а м о т ѣ; а побьются наполѣ, и ему имати вина и противень п о г р а м о т ѣ; а г д ѣ н ѣ т ъ г р а м о т ы, а помирятся, и ему имати противень въ полы исцева» и т. д.

[92]) А. А. Э. т. I. №№ 123, 181.—Судеб. 1497 г. ничего не знаетъ объ этомъ случаѣ точно также какъ и нѣкоторыя другія грамоты отъ того же времени; см. тамъ же №№ 13, 144, 150.—Въ № 143 читаемъ: «а кто кого поимаетъ приставомъ въ бою, или въ лаѣ, или въ займѣхъ, а на судъ итти не вехотятъ, и они доложивъ судьи помирятся, а судьѣ на нихъ продажи нѣтъ, опричь ѣзду и хоженаго».

рыя были рѣшены на основаніи судебнаго поединка, виноватый платилъ въ этомъ случаѣ всю цѣну иска [93]). Средину между тѣми и другими составляютъ дѣла, рѣшенныя безъ помощи поединка; по грамотамъ въ этихъ случаяхъ платилась то половина цѣны иска, то четверть и пр. [94]) Въ случаѣ мира судебныя пошлины падали на обѣ стороны; въ случаѣ судебнаго приговора на—обвиненнаго [95]).

б) Въ уголовныхъ дѣлахъ доходъ суда составляли пени. Въ душегубствѣ, разбоѣ, поджогѣ и татьбѣ—все имущество виновнаго и самъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему сохранялась жизнь, подвергались продажѣ въ пользу судьи [96]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда душегубцу удавалось скрыться, волость, въ предѣлахъ которой совершилось преступленіе, платила судьѣ виру. Размѣры этой виры опредѣляются въ разныхъ грамотахъ различно: всего чаще встрѣчаемъ виру въ 4 р., въ древнѣйшей изъ сохранившихся грамотъ она опредѣлена въ 10, въ позднѣйшей—въ 2 рубля [97]). Въ случаяхъ самосуда, именно опредѣленнаго въ уставныхъ грамотахъ, въ пользу судьи взималось отъ 1-го до 4 рублей [98]). Накопецъ, особая пошлина въ пользу судьи была назначена за нарушеніе межи [99]).

с) За выдачу правой грамоты [100]).

[93]) А. А. Э. т. I. №№ 123, 143, 144, 150, 181 и Судеб. 1497 г.

[94]) А. А. Э. т. I. № 143, 144, 150; въ Двинской гр.—полтина. Судеб. уравниваетъ этотъ случай съ предшествовавшимъ и назначаетъ, если нѣтъ грамоты, противень противъ исцева.

[95]) Ср. А. А. Э. т. I. № 123, 143, 144, 150, 180 и Судеб.

[96]) Въ пользу судьи шло все имущество преступника за удовлетвореніемъ пострадавшаго отъ преступленія. Такъ въ Судеб. и въ Уст. грам. А. А. Э. т. I №№ 123, 143, 144, 150, 181. Только въ Двинской гр. продажа съ татя, уличеннаго въ первый разъ, ограничена размѣрами поличнаго. Эти постановленія о пени, поскольку они касаются разбоя и поджога, совершенно совпадаютъ съ постановленіями Рус. Пр., гдѣ за нихъ назначался потокъ и разграбленіе, съ тѣмъ только различіемъ, что потокъ шелъ въ пользу князя. Троицк. сп., ст. 5, 79.—Въ Двинской грам. упоминаются еще нѣкоторыя другія преступленія, пеня за которыя также шла въ пользу судьи. Въ другихъ грамотахъ и Судеб.—эти преступленія опущены.

[97]) А. А. Э. т. I №№ 13, 123, 143, 144, 150, 181. Въ Судеб. этотъ случай также опущенъ. Въ Рус. Пр. онъ встрѣчается подъ именемъ «дикой виры», собиравшейся въ пользу князя.

[98]) А. А. Э. т. I №№ 13, 123. 144. 150, 181, въ Судеб. этой ст. нѣтъ.

[99]) Тамъ же. [100]) Судеб. подъ рубр. «о правой грамотѣ» и Двинск. грам.

[101]) А. А. Э. т. I. №№ 123, 144, 150, 181.

2) Въ пользу намѣстниковъ и волостелей шли пошлины съ заключаемыхъ браковъ, извѣстныя подъ именемъ выводной куницы и новоженаго убруса [101]).

3) Къ этимъ двумъ видамъ доходовъ иногда присоединялся третій—съ торговли. Размѣры, въ которыхъ князья жаловали намѣстникамъ и волостелямъ свои торговыя пошлины, были весьма различны: иногда они получали только нѣкоторые виды торговыхъ пошлинъ, напр. явку, пятно; иногда, наоборотъ, имъ отдавались всѣ княжескіе доходы съ полнымъ исключеніемъ княжескихъ пошлинниковъ [102]). Для опредѣленія размѣра пожалованія служили тѣ же наказные списки, или выдавались особыя «таможныя грамоты» [103]).

4) Послѣдній видъ намѣстничихъ доходовъ составляли кормы. Собственно подъ кормомъ разумѣлось извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ для ежедневнаго прокормленія какъ самого судьи, такъ и его слугъ и лошадей во время совершаемыхъ ими объѣздовъ волости. Первоначально кормъ, согласно его цѣли, опредѣлялся поденно; указаніе на это находимъ въ древнѣйшемъ изъ относящихся сюда памятниковъ [104]). Такъ какъ мѣру корма въ этомъ первоначальномъ смыслѣ составляютъ обыкновенныя потребности здороваго человѣка, то размѣры его опредѣлялись иногда однимъ указаніемъ на эти потребности: «а хлѣба и пшена по кольку могутъ ясти», или «а инѣмъ кормомъ, что има черево возьметъ», или «конѣ 4 поставити и сути имъ на ротъ, колько могутъ зобати», или, какъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ: «а корму имъ имати собѣ и конемъ довольно»; объективному опредѣленію подлежало въ такомъ случаѣ только число слугъ и коней [105]). Рядомъ съ этимъ естественнымъ пониманіемъ уже въ самыя древнія времена образовалось

[101]) А. А. Э. т. I. №№ 123, 144, 150, 181.

[102]) А. А. Э. т. I. №№ 1 3, 77, 123, 134, 144,148, 167, 170; А. И. т. I. № 110. Ср. еще въ А. И. т. I. № 17, 106.

[103]) А. А. Э. т. I. № 170 II, А. Ю. № 101.

[104]) Въ Рус. Пр. читаемъ: «....въ среду сыръ, въ пятницу такоже; а куръ (въ скоромные дни) по двою на день; а хлѣбовъ 7 на недѣлю» (т. е. по одному на день), также показана мѣра солода, пшена и соли. Троиц. сп. ст. 7.

[105]) Рус. пр., сп. Акад., ст. 42, сп. Троиц. 67; А. А. Э. т. I. № 27.

другое, болѣе искусственное, въ силу котораго кормъ составлялъ повинность въ пользу судьи, которую надо было отбыть независимо отъ того, голоденъ онъ или сытъ. Это новое воззрѣніе проявляется въ переводѣ корма на деньги, чѣмъ, надо думать, и были вызваны первыя объективныя опредѣленія его размѣровъ[106]). Въ уставныхъ грамотахъ позднѣйшаго времени кормъ опредѣлялся уже не по днямъ или недѣлямъ, а на три, или на два срока въ году; къ натуральному корму всегда прилагалась денежная его оцѣнка; право выбора предоставлялось самому судьѣ[107]). Подъ рубрикою корма уставныя грамоты упоминаютъ еще даръ, который жители приносили намѣстнику и волостелю въ день его пріѣзда—на въѣздъ. Размѣры этого дара зависѣли отъ воли приносителей [108]).

Особаго термина для обозначенія всѣхъ доходовъ, получаемыхъ должностными лицами, въ ихъ совокупности—не было; для этой цѣли употреблялось то же выраженіе, какимъ пользовались для обозначенія послѣдне разсмотрѣнной вѣтви ихъ. Все содержаніе намѣстниковъ и волостелей, изъ какихъ бы источниковъ ни происходило, называлось кормомъ или кормленіемъ. Такъ, при опредѣленіи размѣровъ дани съ чиновниковъ, говорится, что она должна быть взята по «кормленіямъ», т. е. смотря по размѣрамъ получаемыхъ ими доходовъ [109]).

[106]) Опредѣленіе корма въ деньгахъ встрѣчается еще въ Рус. Пр., Троиц. сп., ст. 7.

[107]) А. А. Э. т. I. № 123, 144, 150, 181; А. И. т. I. № 38. Опредѣленіе корма опущено не только въ Двинской грамотѣ, древнѣйшей изъ сохранившихся, но и въ грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ, писанной цѣлымъ столѣтіемъ позднѣе. Искусство составлять исчерпывающіе свой предметъ уставы не было знакомо древней Россіи. Позднѣйшій памятникъ далеко не включалъ въ себѣ всего юридическаго матеріала, выработаннаго предшествовавшимъ временемъ; примѣръ этому даетъ Судебникъ 1497 г., тоже находимъ въ Уставной грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ, и наконецъ въ Двинской гр., которая кромѣ корма опускаетъ упомянуть пеню съ обвиненныхъ въ душегубствѣ и еще нѣкоторыя постановленія, встрѣчающіяся въ другихъ грамотахъ. Изъ этого умолчанія еще нельзя заключать, что размѣры корма обыкновенно не опредѣлялись. Тѣмъ менѣе можно изъ него выводить право намѣстника брать столько корму, сколько онъ хотѣлъ. Предоставленіе намѣстнику права брать произвольный кормъ равнялось бы праву произвольной продажи всѣхъ и каждаго, чего Двинскимъ намѣстникамъ не было предоставлено даже по отношенію къ татямъ, уличеннымъ въ первомъ воровствѣ. Ср. слѣд. главу, прим. 73.

[108]) Тамъ же. Въ № 143—этотъ даръ переведенъ на деньги и опредѣленъ въ полтину.

[109]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 33.

Раздача мѣстъ съ большими доходами служила для князей главнѣйшимъ средствомъ отличія и награды вѣрныхъ имъ слугъ. Усердная служба награждалась, обыкновенно, пожалованіемъ доходнаго мѣста. Въ одной изъ грамотъ вел. князя Московскаго, Василія Васильевича, читаемъ: «пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расля.... волостью Лузою, за его къ намъ выѣздъ (т. е. за выѣздъ на помощь князю въ одну изъ тяжелыхъ минутъ его злополучнаго княженія) въ кормленья» [110]. Эти кормленія достигали значительныхъ размѣровъ и составляли для боярскаго сословія сильную приманку къ поступленію на службу; а съ другой стороны, надежда получить хорошее кормленіе, сосредоточивая около щедраго князя значительное число служилыхъ людей, прямо вела къ увеличенію его военныхъ силъ.

О содержаніи другихъ чиновниковъ, назначаемыхъ княземъ, почти не имѣемъ извѣстій. Есть указаніе на существованіе таможеннаго корма [111]). Кромѣ того, встрѣчаемъ указанія на передачу путнымъ боярамъ разнаго рода доходовъ, собиравшихся въ пользу путей [112]).

Выше было замѣчено, что служилые люди были свободны служить или отъѣхать; эта свобода не имѣла, однако, мѣста по отношенію къ тѣмъ изъ нихъ, которые получали опредѣленныя назначенія съ жалованьемъ. Чрезвычайно любопытное указаніе на это сохранилось въ договорной грамотѣ вел. князя Московскаго, Дмитрія Ивановича, съ Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ. Во второмъ столбцѣ на стр. 45 читаемъ: «а который бояринъ поѣдетъ изъ кормленья отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправѣ; а любо служба отслужити ему». Какъ собственно давалось кормленіе «по исправѣ», по недостаточности

110) А. Ю. № 161. Отъ сюда самая должность называлась кормленіемъ. Въ Судеб. читаемъ: «А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ»....

111) А. А. Э. т. I. № 15.

112) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 14. Эта зависимость дохода путныхъ бояръ отъ путей объясняетъ частью уже разобранное выраженіе договорной грамоты Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ. «А.... на боярѣхъ на большихъ и на путныхъ.... дань взяти по кормленью и по путемъ»....

источниковъ, не можемъ сказать. Но изъ приведеннаго мѣста ясно, что бояре, которымъ жаловались кормленія, также какъ и бояре и слуги подъ дворскимъ, не могли входить въ составъ вольныхъ бояръ и слугъ, которымъ выговаривается во всѣхъ договорныхъ грамотахъ право свободнаго отъѣзда [113]).

[113]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 27. Ограниченіе права свободнаго отъѣзда касается только тѣхъ служилыхъ людей, которые дѣйствительно занимаютъ извѣстное мѣсто, приносящее доходъ, а не тѣхъ, которые были въ кормленіи, да вышли изъ него. Условіе это разумѣется само собой; но мы встрѣчаемъ его и прямо выраженнымъ въ договорѣ в. к. Московскаго, Семена Ивановича, съ его родными братьями, Иваномъ и Андреемъ; во 2 столбцѣ 36 стр. читаемъ: «А вольнымъ слугамъ воля, кто въ кормленьи бывалъ и въ доводѣ при нашемъ отцѣ и при насъ», тамъ же № 24; а далѣе встрѣчаемъ обыкновенную формулу: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля». Надо думать, что первое условіе, заключающееся собственно во второмъ, внесено въ разъясненіе какого-либо частнаго случая, подавшаго поводъ къ вопросу: можетъ ли извѣстное лицо, бывшее въ кормленіи, отъѣхать, или нѣтъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Войско.

Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ: составныя части княжескаго войска, его управленіе и средства, обезпечивавшія его содержаніе.

Княжеское войско составлялось изъ народа, служилыхъ людей и иноземныхъ наемниковъ.

Въ составъ народнаго ополченія входили всѣ слои населенія, начиная съ лучшихъ людей или бояръ, и оканчивая — худшими или смердами. Такъ, въ войскѣ Ярослава Владиміровича встрѣчаемъ смердовъ, а позднѣе въ войскѣ Игоря Святославича упоминаются—черные люди [1]); наоборотъ, въ походѣ Всеволода Юрьевича на Черниговъ принимаютъ участіе Новогородскіе мѣщане и купцы [2]). При описаніи ночнаго нападенія Даніила Романовича на Бѣльзъ читаемъ: «бояринъ боярина бралъ въ плѣнъ, смердъ-смерда, градъ-града»(т. е. горожанинъ горожанина [3]). На помощь къ Новому-городку изъ Пскова выступаютъ: «посадники, бояре и Псковичъ не много» (т. е. горожанъ въ тѣсномъ смыслѣ) [4]).—Великій князь Московскій, Иванъ Васильевичъ, посылаетъ съ Москвы на Казань: сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ Москвичъ».... [5]); по-

[1]) Воскр. 1019 г., Ипат. 1185 г. [2]) Новгрд. I. 1195 г. [3]) Ипат. 1221 г.
[4]) Псков. I. 1463 г. [5]) Воскр. 1469 г.

добно этому Новогородцы въ борьбѣ съ тѣмъ же княземъ выставляютъ противъ него: «купцевъ, житьихъ людей и мастеровъ всякихъ, плотниковъ и горнчаровъ» [6]). Въ лѣтописяхъ весьма часты извѣстія объ оборонѣ городовъ — горожанами, т. е. всѣмъ городскимъ населеніемъ [7]); еще чаще городское ополченіе обозначается общимъ именемъ—Кіевлянъ, Новогородцевъ, Лучанъ, Москвичей, Галичанъ, Вятчанъ и пр. [8]).

Участіе народа въ войскѣ князя условливалось или опредѣленіемъ вѣча [9]), или личнымъ желаніемъ—охотниковъ. Въ первомъ случаѣ вѣче во всемъ его составѣ нерѣдко обращалось въ войско [10]).—Если вѣче находило необходимымъ войну, оно же

[6]) Тамъ же 1471 г. Это мѣсто объясняетъ слова воеводы Святополка, обращенныя имъ къ Новгородцамъ, составлявшимъ войско Ярослава Владиміровича: «что придосте съ хромцемъ симъ, о вы плотнице суще! а поставимъ вы хоромомъ рубити нашимъ». Лавр. 1016 г.

[7]) Въ Ипат. подъ 1185 г. читаемъ: «Римовичи же затворишася въ городѣ и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божіемъ судомъ, летѣста двѣ городницы съ людьми, тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ. Да которыи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться, ходяще по римскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, и тѣ вси взяти быша». Въ Густ. подъ 1240 г. находимъ извѣстіе о защитѣ Кіева отъ Татаръ — «гражанами». Въ Ипат. подъ 1259 г. о Владимірцахъ на Волыни читаемъ: «изыдоша пѣшь на Татаръ, гражане пѣшцы»... Такъ же гражданами защищается отъ Татаръ—Тверь, Москва и Переяславль Рязанскій, а Смоленскъ отъ Витовта. Новгрд. IV. 1375 г. Воскр. 1382 г., 1404 г., 1460 г. Ср. еще подобныя же извѣстія въ Ипат. подъ 1249 и 1258 г. и въ Воскр. подъ 1468 г.

[8]) Для примѣра см. Лавр. 1015 г., 1036 г., Ник. 1059 г., Лавр. 1085 г., Ник. 1125 г., 1135 г., 1138 г., 1142 г., Ипат. 1151 г., 1152 г., 1154 г., 1167 г., 1171 г., 1174 г., Сузд. 1213 г., 1214 г., Лавр. 1223 г., Ипат. 1224 г., Воскр. 1282 г., Льв. 1285 г., Новгр. IV. 1372 г., Воскр. 1417 г., 1434 г., 1468 г.

[9]) О вѣчевыхъ рѣшеніяхъ вопросовъ мира и войны см. выше, гл. III.

[10]) Лѣтописи сохранили нѣсколько весьма ясныхъ указаній на такое единство вѣча и войска. Дручане, призывая къ себѣ князя Рогволода, даютъ ему обѣщаніе «битися за него и съ дѣтьми». Ипат. 1151 г. Подобно этому о Пронянахъ читаемъ: «Проняне же поя ша къ себѣ Изяслава Владиміровича и за твориша ся съ нимъ въ градѣ. Князь же великій, пришедъ ста у града и посла къ нимъ мужа своего омирить ихъ. Они же не вняша глаголъ его, надѣющеся на градную твердость. Слышавъ же к. в. рѣчь ихъ буюю и повелѣ приступити къ граду; они же бьяхутся крѣпко изъ града».... Лавр. 1207 г.—Ярославъ Всеволодичь, пріѣхавъ въ назначенный ему отцемъ Переяславль, созываетъ Переяславцевъ на вѣче и спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они имѣть его своимъ княземъ и сложить за него свои головы? Сузд. 1213 г. Особенно любопытно извѣстіе Новгород. I. подъ 1200 г. Всеволодъ Юрьевичъ, отпуская съ Коломны пришедшихъ къ нему на помощь Новогородцевъ, даетъ имъ «волю всю, и уставы старыхъ князь»; и такъ, Владимірскій князь обращается съ Новогордцами-воинами совершенно такъ, какъ бы они со-

опредѣляло и самые размѣры военной повинности. Смотря по требованіямъ обстоятельствъ, тягость военной повинности была различна: самый высшій размѣръ ея составляло поголовное ополченіе [11]), въ менѣе важныхъ случаяхъ къ участію въ войнѣ призывалась только часть населенія [12]).

Право сходиться на вѣче, какъ мы уже видѣли, народъ удерживалъ за собой и во время похода.

Отказъ вѣча принять участіе въ предложенной княземъ войнѣ не лишалъ еще послѣдняго всякой надежды на народное содѣйствіе: онъ могъ сдѣлать воззваніе къ охотникамъ и воевать съ ихъ помощью. Ипатьевская лѣт. подъ 1147 г. совершенно ясно различаетъ эти два случая. Когда кіевское вѣче отказало своему князю поднять руку на Владимірово племя, Изяславъ Мстиславичъ обратился къ Кіевлянамъ съ такимъ воззваніемъ: «а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ!» и собралъ такимъ образомъ множество воиновъ. Но такія ясныя различенія весьма рѣдки [13]). Въ большинствѣ случаевъ нельзя опредѣлить дѣйствительный характеръ народнаго ополченія. Надо, однако, думать, что война съ помощью народнаго войска, составленнаго изъ охотниковъ, была весьма обыкновеннымъ явленіемъ. Военная добыча составляла одинъ изъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія въ древнѣйшее время, и охотниковъ повоевать, что собственно

ставляли Новогородское вѣче. Ср. еще подобныя же извѣстія: Ипат. 1135 г., 1147 г., Новгрд. I. 1169 г., Сузд. 1175 г., Воскр. 1371 г.

[11]) Случаи поголовнаго ополченія приведены выше, см. III главу.

[12]) Въ Псков. лѣт. сохранились нѣкоторыя указанія на порядокъ распредѣленія военной повинности. За основаніе при обложеніи военной повинностью брали имущество; съ извѣстной мѣры имущества, всякій разъ особо опредѣляемой, выставлялся одинъ вооруженный человѣкъ. Въ Пск. I. подъ 1495 г. читаемъ: «И Псковичи срубилися съ 10 сохъ человѣкъ конный»... Такіе воины назывались рублеными и отличались отъ охвочихъ людей, которые выступали по личному желанію и вооружались на собственный счетъ. Тамъ же подъ 1463 г. читаемъ: «А иная сила Псковская, не рубленіи люди, охвочей человѣкъ, въ то же время ходиша за Нарову въ слободу и воеваша нѣмецкую власть»....—На такое же распредѣленіе военной повинности по имуществу находимъ указаніе и въ Воскр. лѣт. подъ 1469 г. В. к. Иванъ Васильевичъ посылаетъ на Казань «всѣхъ Москвичъ, коихъ пригоже, по ихъ силѣ». Въ Новогородскихъ лѣтописяхъ вмѣсто «срубиться» встрѣчаемъ выраженіе «крутитися навойну». Новгрд. IV. 1137 г.

[13]) Ср. Лавр. 882 и 964 г., воины Олега и Святослава, по всей вѣроятности, были охотники.

равносильно понятію — пограбить, было не мало; а потому князь, взывавшій къ охвочимъ людямъ, рѣдко оставался одинъ [14]). Съ другой стороны, непосредственное обращеніе къ желающимъ воевать, по мимо вѣча, имѣло и то удобство, что оно относилось къ однимъ только охотникамъ, которые и соединялись вокругъ князя, тогда какъ на вѣчѣ могла получить перевѣсъ партія, не расположенная къ войнѣ.

По мѣрѣ уничтоженія вѣчевыхъ порядковъ и сосредоточенія всей власти въ рукахъ князя, призваніе народа къ войнѣ становится исключительно дѣломъ послѣдняго.

Народное ополченіе не составляло постояннаго войска. Оно созывалось только на случай войны и распускалось по домамъ, какъ скоро война была кончена.

Второй видъ княжескихъ войскъ составляютъ служилые люди князя. Въ предшествовавшей главѣ мы ознакомились съ разными наименованіями, которыми обозначался низшій разрядъ княжескихъ слугъ. Согласно съ послѣдовательнымъ измѣненіемъ этихъ наименованій въ войскахъ князя встрѣчаемъ: въ древнѣйшее время—отроковъ, дѣтскихъ, гридей [15]); въ болѣе позднее—дворянъ и дѣтей боярскихъ [16]). Высшій разрядъ служилыхъ людей также принималъ непосредственное участіе въ составѣ княжескихъ войскъ [17]). Но мужи и бояре, какъ уже

[14]) Даже частные люди соединяли около себя шайки охотниковъ съ цѣлью войны, см. Воскр. 1032 г., Новгрд. I. 1219 г., Воскр. 1366 г.

[15]) Лавр. 1093 г., Ипат. 1149 и 1231 г. При описаніи пораженія Мстислава Изяславича читаемъ: «и много изоимаша дружины около его:.... дворьскаго,.... тіуна и ины многи». Ипат. 1171 г.—Въ числѣ этого рода служилыхъ людей встрѣчаемъ мечниковъ, спеціальное названіе воиновъ по оружію, Ипат. 1150 г., 1175 г.—Гридей встрѣчаемъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и Владимірѣ Сѣв. См. Лавр. 996 и 1014 г. и Сузд. 1177 г. Въ гридяхъ, о которыхъ упоминаетъ Новгрд. I. лѣт. подъ 1166 и 1195 г., можно видѣть только потомковъ древнихъ гридей, состоявшихъ при Владимірѣ на жалованьи. Они принадлежатъ къ лучшимъ людямъ Новгорода и вмѣстѣ съ огнищанами и вячшими купцами призываются князьями для заключенія ряда.

[16]) Новгород. I. 1245 г.: «а князь (Александръ Новгородскій) погонися по нихъ (за Литвой) съ своимъ дворомъ и би я подъ Зижьчемъ и не пусти ихъ ни мужа».... Воскр. 1310 г.: «князь же Святославъ (Брянскій) дворомъ своимъ токмо много бився»... О Псковскомъ князѣ Александрѣ Черторижскомъ читаемъ: «а двора его, кованой рати, боевыхъ людей—300 человѣкъ»... Псков. I. 1460 г.—См. еще Новгород. I. 1220 г., Воскр. 1443 г., 1445 г., 1432 г., 1435 г., 1469 г., 1478 г. и мѣста, приведенныя въ пр. 12 предш. гл.

[17]) Въ Лавр. подъ 1093 г. читаемъ: «мнози бо падоша отъ полка его (Владиміра

было указано, выходили на войну не одиночно, а въ сопровожденіи своихъ собственныхъ слугъ [18]).

Выше было уже замѣчено, что древняя Россія не знала обязанности служить: служилъ кто хотѣлъ и кому хотѣлъ. Бояринъ и всякій другой «людинъ», жившій въ Тверскомъ княженіи, т. е. имѣвшій тамъ недвижимую собственность, могъ служить Московскому князю и наоборотъ. Указанія на это весьма нерѣдки въ договорныхъ грамотахъ [19]). Въ пользу этихъ подданныхъ одного князя, служившихъ другому, въ княжескихъ договорахъ выговаривается такое же покровительство ихъ территоріальнаго государя, какое онъ оказывалъ и тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые состояли на его собственной службѣ [20]). Со второй половины XIV в. встрѣчаемъ нѣкоторыя о-

Мономаха), и бояре его ту падоша»; въ Ипат. подъ 1277 г.: «Мстиславъ и Юрій посласта лутшѣи своѣ бояре и слуги воевать съ Тюимою»....; тамъ же подъ 1280 г.: «убиша бо Ляхове отъ полку его (Льва Даниловича) многи бояре и слуги добрые».—Въ договорныхъ грамотахъ позднѣйшаго времени постоянно встрѣчаемся съ условіями, опредѣляющими порядокъ выступленія бояръ въ походъ, см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I №№ 33, 36, 37, 45 и др.

[18]) Древнѣйшее свидѣтельство въ пользу этого относится къ X вѣку; въ Лавр. лѣт. подъ 945 г. читаемъ: «отроци Свѣнельжи (воеводы Игоря) изодѣлися суть оружіемъ и порты». Тамъ же подъ 1095 г.: «и начаша думати дружина Ратиборя (мужа Владиміра Мономаха, со княземъ Владиміромъ». Тамъ же подъ 1127 г. встрѣчаемъ «своихъ отроковъ» у тысяцкихъ князей Андрея и Вячеслава Владиміровичей, которые сопровождаютъ ихъ во время войны и посылаются ими ночью для ограбленія побѣжденнаго города. Особенно любопытное мѣсто Ипат. лѣт. подъ 1211 г.: «бѣ бо вой Даниловыхъ больши и крѣплѣйши, бяху бояре велиціи отца его вси у него» было уже указано выше. Въ томъ же смыслѣ надо понимать и мѣсто той же лѣт. подъ 1231 г.: «Мирославу (галицкому боярину), пришедшу къ нему (къ князю Даніилу) на помощь съ малымъ отрокъ»....

[19]) Въ договорѣ Ивана Андреевича съ Василіемъ Васильевичемъ читаемъ: «А кто иметъ которому князю служити, гдѣ бы ни жилъ».... Въ договорѣ Дмитрія Юрьевича съ Василіемъ Васильевичемъ: «А гдѣ, господине, ты князь великій пошлешь своего воеводу котораго города, а которые люди того города мнѣ служатъ»..... (городъ одного князя, а жители его служатъ другому). Въ договорѣ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ: «А коли ми будетъ.... дань взяти на своихъ бояръхъ въ великомъ княженьи, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княженьи (жити).... и ми дань взяти, какъ и на своихъ (т. е. съ ихъ имущества, находящагося въ великомъ княженіи). Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 66, 54, 27; ср. еще тамъ же №№ 43, 46, 50, 78, 84, 90, 110 и др.

[20]) Въ договорѣ Ивана Васильевича Рязанскаго съ братомъ его Θедоромъ читаемъ: «А кто иметъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей отчинѣ великомъ княженьи и мнѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ; а отчинъ ми у нихъ и купленыхъ земель не отнимати. А кто иметъ жити моихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ твоей отчинѣ, и тобѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ, а отчинъ ти

граничешя этой свободы вступленія на службу, впрочемъ, крайне частнаго свойства [21]). — Для опредѣленія на службу того или другаго князя было, конечно, необходимо согласіе князя; но такъ какъ всякій новый слуга прямо увеличивалъ его силу, не принося ему ни малѣйшаго ущерба, то въ его согласіи и не могло быть сомнѣнія. Такимъ образомъ, главный моментъ при поступленіи на службу принадлежитъ не столько волѣ князя, сколько волѣ служилаго человѣка, избирающаго себѣ князя. Согласно съ этимъ въ договорныхъ грамотахъ употребительно такое выраженіе: «а кто иметъ которому князю служити...» [22]).

Выходъ изъ службы былъ также свободенъ какъ и поступленіе: служилый человѣкъ могъ оставить службу своего князя, отъѣхать отъ него, когда хотѣлъ. Право отъѣзда, однако, существовало только для вольныхъ служилыхъ людей. Въ княжескихъ договорахъ оно выражается въ слѣдующей формулѣ: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ—вольнымъ воля» [23]). Отъѣхавшій слуга ни въ какомъ отношеніи не терпѣлъ умаленія своихъ правъ; его имущество оставалось за нимъ, если бы даже оно и находилось въ предѣлахъ владѣній того князя, службу котораго онъ оставлялъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ это свойство свободнаго отъѣзда прямо выражено; такъ, въ договорѣ Тверскаго князя, Бориса Александро ча, съ Московскимъ, Василіемъ Васильевичемъ, читаемъ: «А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а домы имъ свои

у нихъ и купленыхъ земель не отнимати». Въ договорѣ Василія Васильевича съ Василіемъ Ярославичемъ: «А кто, брате, иметъ жити моихъ бояръ и слугъ... въ твоемъ удѣлѣ, и тобѣ ихъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ; а кто, брате, иметъ жити въ моей отчинѣ въ великомъ княженьи.... твоихъ бояръ и слугъ, и намъ ихъ блюсти, какъ и своихъ, и дань взяти, какъ и на своихъ». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 127, 84; ср. еще тамъ же №№ 40, 56, 73, 78, 110 и друг.

[21]) Такія ограниченія касаются только численныхъ людей, черныхъ и слугъ, стоявшихъ подъ дворскими; встрѣчаются они въ завѣщаніи Владиміра Андреевича и въ договорахъ того же князя и внука его, Василія Ярославича, съ Московскими князьями. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 27, 33, 35, 40, 45, 71, 73, 78.

[22]) См. прим. 19.

[23]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 113, 123, 125, 127 и др.; болѣе краткая формула опускаетъ дѣтей боярскихъ, см. тамъ же №№ 115, 119 и др.

вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати» [24]). Гдѣ такого особаго условія нѣтъ, тамъ его надо подразумѣвать въ общей формулѣ: «вольнымъ воля», которая безъ этого не имѣла бы никакого смысла [25]).—Ограниченія права отъѣзда встрѣчаются очень рѣдко и притомъ съ крайне частнымъ характеромъ [26]). Только по отношенію къ служебнымъ князьямъ достигли они болѣе общаго значенія [27]). Эти ограниченія не простираются, однако, на личность служилаго человѣка: князья никогда не договариваются о выдачѣ самовольно отъѣхавшихъ; лично могъ отъѣхать всякій, за исключеніемъ рабовъ и совершившихъ преступленіе. Ограниченія имѣютъ силу только по отношенію къ имуществамъ тѣхъ лицъ, которымъ воспрещается отъѣздъ: если они отъѣзжали не смотря на запрещеніе, имущества ихъ подвергались отобранію въ пользу того князя, службу котораго они покидали [28]). Выше мы уже

[24]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 76. Въ договорѣ Дмитрія Ивановича Московскаго съ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ читаемъ: «А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ, а села ихъ въ нашей отчинѣ въ великомъ княженіи, или въ твоей отчинѣ во Твери, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися», тамъ же № 28; ср. еще тамъ же № 119.

[25]) Отъѣхать лично, съ потерею имущества, могли и лица, не имѣвшія права свободнаго отъѣзда, см. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 40, 144.—Само собой разумѣется что послѣдствія права отъѣзда имѣли мѣсто только между князьями, которые состояли въ мирѣ одинъ съ другимъ, и по отношенію къ служилымъ людямъ, не совершившимъ преступленія. Въ лѣтописномъ извлеченіи изъ княжескаго договора XII вѣка находимъ слѣдующее любопытное условіе: «Оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову». Ипат. 1177 г. Впрочемъ, и безъ такихъ спеціальныхъ условій, необходимость выдачи между князьями-союзниками служилыхъ людей, совершившихъ преступленіе, легко выводится изъ общихъ условій дружественнаго договора.

[26]) Такъ въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, ограниченіе установляется только по отношенію къ одному «Олексѣ Петровичу» и то за коромолу его къ великому князю. Подобно этому въ завѣщаніи Ивана Васильевича встрѣчаемъ ограниченіе отъѣзда однихъ только Ярославскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 23, 144.

[27]) Служебные князья лишаются, обыкновенно, правъ свободнаго отъѣзда — всѣ, сколько бы ихъ ни было. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 43, 49, 56, 73, 76, 78, 119, 123, 125 и др.—Очень можетъ быть, что служебные князья именно на такомъ условіи и поступали на службу; см. ниже прим. 78.

[28]) Въ завѣщаніи Ивана Васильевича читаемъ: «а бояромъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и куплями отъ моего сына Василья не отъѣхати ни кому ни кудѣ; а кто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему»... Въ договорѣ Бориса Александровича Тверскаго съ Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ: «А кто моихъ князей служебныхъ къ тобѣ отъѣдетъ, въ тѣхъ ти вотчину не вступатися, кого ми Богъ поручилъ»..... Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 144, 76. Тамъ же въ № 43 читаемъ: «А князей ти моихъ служебныхъ съ вотчиною собѣ въ службу не пріимати; а которыи имутъ тобѣ служити, и имъ въ вотчину свою не вступатися»

имѣли случай показать, что подъ категорію вольныхъ слугъ не подходили тѣ, которые получали опредѣленныя должности, или надѣлялись княжеской землей.

Служилые люди, находясь не отлучно при князѣ или на его службѣ, составляютъ постоянное войско. Къ концу разсматриваемаго періода число такого войска достигло значительнаго развитія. Чтобы дать понятіе о его силѣ и значеніи въ это время довольно указать на событія 1433 г. Въ этомъ году, какъ извѣстно, Юрій Галицкій успѣлъ овладѣть Москвой и всѣмъ великимъ княженіемъ подъ племянникомъ своимъ, Василіемъ Васильевичемъ Темнымъ. По заключенному вслѣдъ затѣмъ миру, Василій отказался въ пользу Юрія отъ сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній; а Юрій, съ своей стороны, уступилъ Василію Коломну. Но еще въ томъ же году Юрій добровольно возвратилъ племяннику какъ Москву, такъ и все великое княженіе. Что же вынудило его къ этому? Московскіе служилые люди, разсказываетъ лѣтописецъ, князья, бояре, дѣти боярскіе и всѣ дворяне не повыкли Галицкимъ князьямъ служить и начали отказываться отъ князя Юрія за князя Василія и отъѣжать къ Коломнѣ безъ перестани[29]). Этого отъѣзда служилыхъ людей было довольно, чтобы Юрій счелъ свое дѣло проиграннымъ, не смотря на только что одержанную побѣду и выгодный миръ.—По мѣрѣ возрастанія постояннаго войска, къ народному ополченію князья обращаются только въ случаяхъ особенной важности, какъ напр. война съ Казанью, Новгородомъ и под.

Третій видъ войскъ составляютъ призываемые князьями въ помощь иностранцы—Варяги, Половцы, Татары и проч.

Въ древнѣйшее время эти разные виды княжескихъ войскъ, взятые отдѣльно и въ соединеніи одинъ съ другимъ, назывались дружиной. Въ примѣръ обозначенія дружиной народнаго ополченія укажемъ на слова Ярослава Владиміровича, обращенныя къ Новгородцамъ: «заутра же, говоритъ лѣтописецъ, собравъ остатокъ Новгородцевъ Ярославъ рече: о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ (для войны съ Свято-

[29]) Соф. I. и Воскр. 1433 г.

полкомъ)» [30]). Подъ 1036 г. находимъ примѣръ обозначенія дружиной всего войска, изъ какихъ бы частей оно ни состояло: «Ярославъ выступи изъ града и исполчи дружину: постави Варяги посредѣ, а на правой сторонѣ Кыяне, а на лѣвомъ крылѣ Новгородцы» [31]). Такимъ образомъ, народное ополченіе изъ Кіевлянъ и Новгородцевъ входитъ въ составъ дружины наравнѣ съ Варягами. Кромѣ того, тоже слово употребляется и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ для обозначенія однихъ только княжескихъ слугъ въ отличіе ихъ отъ другихъ составныхъ частей войска. Подъ 1024 г. читаемъ: «Мстиславъ же рече: кто сему не радъ? Се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя—цѣла» [32]). Наконецъ, слово дружина обозначаетъ и отдѣльные разряды служилыхъ людей. Такъ, Владиміръ святой созываетъ бояръ своихъ и старцевъ и обращаясь къ мужамъ, которые были посланы имъ для изученія разныхъ религій, говоритъ: «скажите предъ дружиною». Здѣсь наименованіе дружиной помимо старцевъ градскихъ относится только къ боярамъ князя, т. е. высшему разряду его слугъ. Такое же словоупотребленіе находимъ и подъ 1169 г. [33]). Но иногда слово дружина употреблялось для обозначенія низшаго разряда слугъ и именно въ отличіе его отъ

[30]) Лавр. 1015 г. Въ Ипат. подъ 1147 г. читаемъ: «Изяславъ же созва бояры своя и всю дружину свою, Кіяне» (т. е. Кіевское вѣче); а далѣе: «Изяславъ же съ братомъ своимъ Ростиславомъ.... пойдоста Кіеву, рекше своей дружинѣ, Кіяномъ и Смольняномъ».... Тамъ же подъ 1150 г. «дружина» Изяслава даетъ такой совѣтъ своему князю: «княже! поѣди Кіеву, своей дружинѣ», въ первомъ случаѣ дружина означаетъ только тѣхъ, кто сопровождалъ Изяслава въ походѣ; во второмъ—всѣхъ Кіевлянъ. Въ Лавр. подъ 1096 г. читаемъ: «къ Мстиславу же собрашася дружина въ тотъ день и въ другой, Новгородци, и Ростовци, и Бѣлозерцы».

[31]) Лавр.; тамъ же подъ 1024 г. читаемъ: «Мстиславъ же съ вечера исполчивъ дружину, и постави Сѣверъ въ чело противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по крылома». Въ первомъ случаѣ дружина означаетъ и Сѣверянъ, во второмъ—только служилыхъ людей князя.

[32]) Лавр.; въ Ипат. подъ 1147 г. читаемъ: «Мстиславъ же совокупився съ дружиною и съ Переяславци»...., и тамъ же подъ 1151 г.: «дружина же Вячеславля и Изяславля и Ростиславля и всихъ князей утягивахуть отъ того, и Кіяне, наипаче же Черніи Клобуци».....

[33]) Ипат.: «И рекоша ему дружина его: о собе еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали. Володимерь же рече, възрѣвъ на дѣцкы: а се будуть мои бояре». Изъ отвѣта князя видно, что дружина, отказавшаяся слѣдовать за нимъ,—состояла изъ бояръ. Подобно этому Нижегородскій князь, Константинъ Борисовичъ, обращаясь къ боярамъ своимъ говоритъ: «Господіе моя и братія и молодая дружина». Никон. 1391 г.

высшаго, которое въ такомъ случаѣ являлось подъ именемъ бояръ. Такъ подъ 1186 г. читаемъ: «а дружину Всеволожю повязаша, а жену его ведоша въ Рязань и бояръ его» [34]). Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и мѣсто Лаврентьевской лѣт. подъ 945 г.: «рекоша дружина Игореви: отроци Свѣнельжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази»... Эта дружина, лишенная всего необходимаго, и ставящаясе бя въ уровень съ отроками Свѣнельда, состояла, конечно, изъ самаго нисшаго слоя княжескихъ слугъ [35]).

Итакъ, слово дружина, употребляется въ очень широкомъ смыслѣ; оно служитъ для обозначенія всѣхъ сторонниковъ князя, къ какому бы роду людей они ни принадлежали. Но такъ какъ служилые люди князя принадлежатъ по преимуществу къ его сторонникамъ и друзьямъ, то, понятно, что всего чаще мы и встрѣчаемъ ихъ подъ этимъ именемъ [36]).

Кромѣ дружины для обозначенія войска съ древнѣйшихъ временъ было употребительно слово «полкъ». Въ отличіе полковъ народныхъ отъ полковъ, составлявшихся изъ княжескихъ слугъ, первые назывались по городамъ, напр. кіевскій полкъ, новогородскій, бѣлозерскій и пр., вторые по князьямъ, напр. полкъ Изяслава, Юрія, Вячеслава и пр. [37]). Городовые полки называ-

[34]) Суздал.

[35]) Кромѣ того, слово дружина употребляется и еще въ нѣкоторыхъ другихъ смыслахъ; напр. для обозначенія товарищей вообще и соратниковъ въ особенности, въ Ипат. подъ 1180 г. читаемъ: «крило же ихъ (воиновъ) въ малѣ отлучивше отъ дружинѣ своеѣ» (т. е. отъ центра); для обозначенія особаго отряда воиновъ, составленнаго съ какой либо специальной цѣлью, тамъ же подъ 1151 г. читаемъ: «повелѣ нарядити дружину изъ полковъ, а полковъ не рушити»; въ Лавр. подъ 1067 г. Кіевляне называютъ своею дружиною князя Всеслава: «поидемъ, говорятъ они, высадимъ дружину свою изъ погреба».

[36]) Что же касается до разныхъ разрядовъ служилыхъ людей, то не всегда бываетъ легко опредѣлить, который именно изъ нихъ разумѣлъ лѣтописецъ въ томъ, или другомъ случаѣ. Если говорится о думѣ князя съ дружиною, можно предполагать, что дѣло идетъ о высшемъ разрядѣ служилыхъ людей, ибо они составляли обыкновенныхъ совѣтниковъ князя; то же самое, когда говорится о передней, или старшей дружинѣ. На оборотъ, эпитеты—«уная», «молодшая»—указываютъ на отроковъ и дѣтскихъ.

[37]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1150 г. встрѣчаемъ чрезвычайно ясное различение народнаго полка отъ княжескаго: «а мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, говоритъ Изяславъ Мстиславичъ, а въ сильный полкъ кіевьскій аже въѣдемъ въ нѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя бьютъ». Тамъ же подъ 1160 г. читаемъ: «бяше бо Володимеръ притягалъ

лись еще тысячами [38]). Позднѣе для обозначенія войска вообще входитъ въ употребленіе слово «рать» [39]); полкъ же встрѣчается только въ смыслѣ боеваго подраздѣленія рати: большой полкъ или центръ арміи, сторожевой или авангардъ и пр.

Что касается до военнаго управленія, то завѣдываніе мѣстной обороной находилось въ рукахъ посадниковъ и намѣстниковъ, которымъ въ силу этого и усвоялось наименованіе воеводъ. Подъ ихъ начальствомъ состояло не одно только мѣстное народное ополченіе, съ цѣлью усиленія мѣстныхъ средствъ въ ихъ распоряженіе предоставлялись иногда и особые отдѣлы изъ служилыхъ людей князя [40]).

Центральное военное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ

съ полкомъ своимъ и съ Кіевскимъ полкомъ»; подъ 1148 г.: «Изяславъ поя полкъ у стрыя своего Вячеслава и володимерски полкъ приведе»; подъ 1153 г.: «И пойде Изяславъ на Галичъ, и Вячеславль полкъ поя съ собой. Изяславъ Давыдовичь пусти съ нимъ свой полкъ, и сынъ его Мстиславъ приде съ переяславскимъ полкомъ»; подъ 1180 г.: «Святославъ же сняся на пути съ сыномъ Володимеромъ и со всимъ полкомъ новогородьскимъ, бѣ бо сынъ его Володимеръ князь въ Новгородѣ великомъ». Ср. еще Ипат. 1149 г., 1150 г., 1152 г., 1162 г., 1180 г., 1185 г.— Что полки князя состояли изъ его служилыхъ людей, видно изъ слѣдующаго мѣста Ипат. лѣт. подъ 1291 г.: «Левъ (Галицкій) пріѣха къ своимъ полкомъ, и рады быша ему бояре его и слуги его»; народъ Галицкій не входилъ въ составъ этихъ полковъ, иначе и объ немъ было бы упомянуто. Ср. еще тамъ же 1280 г. — Но нельзя утверждать, чтобы именемъ князя не называлось иногда и все его войско, изъ кого бы ни состояло.—«Исполчить дружину» или «нарядити полкъ» значило построить войско къ бою. Лавр. 1096 г. Съ этою цѣлью всѣ воины составляли или одинъ полкъ, или нѣсколько. Такъ въ Новгородѣ въ 1220 г. приверженцы посадника Твердислава становятся у Бориса и Глѣба «полкомъ, урядивше на 5 полковъ». Новгород. 1.—Если воиновъ распускали изъ строя для отдыха, говорили: «людье... безъ ряду». Ипат. 1277 г. Пойдти на непріятеля «полкомъ» значило двинуться на него въ боевомъ порядкѣ, Лавр. 1096 г. «Дать полкъ»—значило сразиться. Ипат. 1195 г.

[38]) Лавр. 1089 г., 1231 г., Ипат. 1213 г. Но тысяча не была дѣйствительной ариѳметической тысячью. Въ Кіевѣ была одна тысяча и одинъ тысяцкій, точно такъ же въ Перемышлѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ и пр. Тысячи совпадали съ городовыми полками.

[39]) Воскр. 1469 г.: «послалъ к. в. на казанскія мѣста рать въ судѣхъ, воевода К. А. Беззубцевъ, а съ нимъ многіе дѣти боярскіе, дворъ свой, также и отъ всей земли своей дѣти боярскіе; а съ Москвы послалъ сурожанъ» и т. д.

[40]) Черниговскій епископъ, призывая Святослава Всеволодича на Черниговскій столъ, приказываетъ сказать ему: «стрый ти умерлъ, а дружина (умершаго князя) ти по городомъ далече». Ипат. 1164 г. Подобно этому Воскр. подъ 1468 г. упоминаетъ «заставы по городомъ», разосланныя великимъ княземъ для обороны отъ Казани. Сюда же надо относить и древнѣйшее извѣстіе о гридяхъ, состоявшихъ въ Новгородѣ на жалованьи.

самого князя и особыхъ чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именами воеводъ и тысяцкихъ. Эти оба названія означаютъ собственно одну и ту же военную власть. На это указываютъ такія выраженія источниковъ, какъ напр.: «воеводство держащю Кіевскія тысяща Яневи» [41]). Такимъ образомъ, тысяцкій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и воевода: первое наименованіе перенесено на него отъ военнаго дѣленія на тысячи, второе же отъ самаго рода его занятій. Но въ употребленіи этихъ терминовъ усматривается нѣкоторое различіе, условливаемое указаннымъ уже различіемъ въ составныхъ частяхъ княжескаго войска. Слово воевода употребляется въ самомъ широкомъ смыслѣ: такъ называется всякій военачальникъ, какимъ бы разрядомъ княжескихъ войскъ онъ ни командовалъ, и на какое бы короткое время ни былъ назначенъ. Болѣе въ тѣсномъ смыслѣ употребляется наименованіе тысяцкаго: такъ называются преимущественно начальники городовыхъ полковъ, или тысячъ, откуда и возникло самое ихъ имя. Мы остановимся прежде на тѣхъ немногочисленныхъ свидѣтельствахъ источниковъ которыя характеризуютъ должность тысяцкаго, и за тѣмъ уже перейдемъ къ остальнымъ воеводамъ.

Должность тысяцкаго есть постоянная должность. Онъ назначался непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ извѣстный князь добывалъ себѣ извѣстный столъ, и независимо отъ того, предстояла война, или нѣтъ [42]). Согласно съ этимъ характеромъ тысяцкихъ, какъ постоянныхъ чиновниковъ, источники сохранили указаніе на существованіе ихъ въ мирное время [43]).

[41]) Лавр. 1089 и 1231 г. Кромѣ того, иногда одно наименованіе употребляется вмѣсто другаго. Такъ «воевода» Густинской лѣтописи въ Воскресенской названъ «тысяцкимъ», см. 1240 г.

[42]) Любопытное указаніе на это находимъ въ Ипат. лѣт. подъ 1146 г. Игорь Ольговичъ, получивъ Кіевскій столъ по смерти брата своего Всеволода, призываетъ къ себѣ Глѣба, кіевскаго тысяцкаго, и говоритъ ему: «держи ты тысячю, какъ еси у брата моего держалъ». Извѣстно, что въ томъ же году Кіевляне отступили отъ Игоря и призвали Изяслава Мстиславича; вмѣстѣ съ тѣмъ они испрашиваютъ у него и новаго для себя тысяцкаго.—Впрочемъ, одна перемѣна князя, сама по себѣ, еще не условливала смѣны тысяцкаго, см. Лавр. 1252 г.

[43]) См. Ник. 1138 г.; Ипат. 1147 г., 1164 г., 1187 г., 1213 г.; Новгород. I. 1215 и 1219 г. Лавр. 1252 г., Воскр. 1374 г. Новгородскіе договоры съ князьями пишут-

Назначеніе тысяцкаго принадлежало князю, такъ же какъ и увольненіе [44]). Разъ назначенный, онъ являлся во главѣ городовыхъ полковъ во всѣхъ войнахъ, которыя велись въ теченіи его служебнаго періода, безъ всякого новаго назначенія, въ силу того, что онъ возведенъ въ званіе тысяцкаго. Тысяцкій назначался для предводительства только тѣмъ народнымъ ополченіемъ, которое собиралось по опредѣленію вѣча. Согласно съ этимъ, если князь выступалъ на войну противъ воли вѣча, тысяцкій не слѣдовалъ за нимъ, а оставался въ городѣ [45]).— Должность тысяцкаго не могла пережить тѣхъ условій, которыя ее вызвали, т. е. вѣча и зависѣвшихъ отъ него городовыхъ полковъ. Позднѣйшее указаніе на существованіе тысяцкихъ въ Москвѣ относится къ концу XIV в. Въ Воскр. лѣт. подъ 1374 г. находимъ извѣстіе о кончинѣ послѣдняго московскаго тысяцкаго, Василія Васильевича Протасьева; эпитетъ «послѣдній» указываетъ на то, что по смерти Протасьева, Московскіе князья не назначали болѣе тысяцкихъ, а довольствовались воеводами [45*]). Значеніе этой перемѣны уяснится изъ того, что будетъ сказано о воеводахъ.

Должность ратныхъ воеводъ не была постоянною: они на-

ся и отъ имени тысяцкаго; въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями встрѣчаемъ подпись тысяцкаго, какъ свидѣтеля.

[44]) См. прим. 42.—Въ Новгородѣ и въ учрежденіи тысяцкаго встрѣчаемъ тѣ же отступленія отъ общихъ порядковъ, какія были уже указаны въ учрежденіи посадника. Съ начала XIII в. тысяцкіе назначаются не княземъ, а вѣчемъ. Новгород. I. 1219 г. Кромѣ того, у Новгородскихъ тысяцкихъ былъ свой судъ, Новгород. IV. 1384 г.

[45]) Чрезвычайно любопытное указаніе на это сохранилось въ Ипат. лѣт. подъ 1147 г. Въ этомъ году, какъ извѣстно, Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ предпринялъ въ союзѣ съ нѣкоторыми изъ Ольговичей войну противъ Юрія Владимірскаго. Кіевское вѣче не хотѣло поднять руки на Владимирово племя и отказалось принять участіе въ войнѣ. Согласно съ этимъ, кіевскій тысяцкій Лазарь не послѣдовалъ за княземъ, выступившимъ къ Суздалю съ одними охотниками, да служилыми людьми.—Узнавъ объ измѣнѣ Черниговскихъ князей, Изяславъ посылаетъ въ Кіевъ посольство «къ брату своему Владиміру, того бо бяшеть оставилъ Изяславъ въ Кіевѣ, и къ митрополиту Климови, и къ Лазореви, тысяцкому»...

[45*]) Но и по уничтоженіи званія тысяцкого городовые полки не слились совершенно съ княжескими. Они продолжали выходить въ походъ подъ начальствомъ особо назначаемаго для нихъ воеводы. Эта особность выразилась и въ княжескихъ договорахъ въ условіи: «А московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и подъ вѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріимати». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I № 33.

значались по мѣрѣ надобности, для предводительства въ извѣстномъ походѣ [46]). Съ окончаніемъ войны, для которой они были назначены, сами собой прекращались и данныя имъ полномочія. Предводительству воеводъ поручались какъ служилые люди князя, такъ и охотники изъ народа. Число воеводъ было совершенно произвольное и исключительно зависѣло отъ усмотрѣнія князя, которому принадлежало ихъ назначеніе и увольненіе [46*]). Такимъ образомъ, учрежденіе воеводъ оставляетъ гораздо большую свободу волѣ князя, чѣмъ учрежденіе тысяцкихъ; въ этомъ различіи и коренится объясненіе только-что указаннаго уничтоженія послѣдней должности.

На подчиненіе однихъ воеводъ другимъ не находимъ указаній. Если для одной и той же войны назначалось нѣсколько воеводъ, каждому изъ нихъ давался особый отрядъ войскъ и особое поле дѣйствій [47]). Въ случаѣ же совокупнаго дѣйствія, по общему обычаю древней Россіи, они должны были руководствоваться началомъ единенія, дѣйствовать «за одинъ мужъ».

Въ должности воеводъ назначались—князья, бояре, мужи, дѣти боярскіе, дворскіе, окольничіе и пр. [48]). Должности тысяцкихъ, надо думать, поручались лучшимъ людямъ изъ мѣстныхъ бояръ.

Подъ тысяцкими стояли сотскіе, а подъ ними десятскіе.

Наши древнія войска вовсе не были знакомы съ требованіями правильной военной дисциплины; подчиненіе начальникамъ

[46]) Такъ напр. Ярославъ назначаетъ особаго воеводу для войны съ Греками. Воскр. 1043 г.; подобно этому Даніилъ Романовичъ поручаетъ своему дворскому предводительство войсками въ походѣ на Перемышль, Ипат. 1241 г.; въ Галичѣ воеводамъ раздаются города, чего не могло бы быть, если бы съ званіемъ воеводы соединялась постоянная должность. Ипат. 1233 г.

[46*]) Позднѣйшая исторія Пскова и по отношенію къ этому вопросу представляетъ особенность. Мы встрѣчаемся здѣсь съ случаями назначенія ратныхъ воеводъ—вѣчомъ, см. Псков. Л. подъ 1403 г.

[47]) При описаніи Новогородскаго похода 1471 г. читаемъ: «такоже и князя великаго воеводы творяху, кійждо на свое мѣсто посланъ». Воскр. Въ источникахъ встрѣчаемъ «великихъ» и «большихъ» воеводъ. Воскр. 1380 и 1450 г., но это не отъ власти надъ другими, а отъ числа поручаемаго ихъ вѣдѣнію войска.

[48]) Въ Ипат. подъ 1180 годомъ читаемъ: «Лѣпшіи мужи осталися бяху: Лаворъ, воевода, съ полкомъ Рюрика, и Борисъ Захарьичъ съ полкомъ своего княжича Володимера» и пр. Ср. еще Ипат. 1241 и 1281 г.; Воскр. 1378 и 1445 г.

было далеко небезусловное [49]). Воины сражались не столько по сознанію долга службы, сколько по охотѣ и воодушевленію, за отсутствіемъ которыхъ не было ни какой возможности разсчитывать на успѣхъ дѣла [50]).

Въ заключеніе, необходимо остановиться на порядкѣ управленія военными силами въ тѣхъ случаяхъ, когда война велась не однимъ княземъ, а нѣсколькими союзниками вмѣстѣ. Въ древнѣйшее время, въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ князей для одного общаго дѣла, каждый изъ нихъ удерживалъ начальство надъ принадлежащими ему войсками. Другая особенность состояла въ томъ, что князьямъ-союзникамъ совершенно чужда мысль объ учрежденіи главнаго начальника, которому принадлежало бы верховное распоряженіе всѣми военными дѣйствіями. Князья-союзники дѣйствовали или по общему соглашенію, или врознь, каждый за себя, кромѣ тѣхъ случаевъ, конечно, когда извѣстный князь подчинялъ себя волѣ другаго [51]). Въ лѣтописныхъ источни-

[49]) Примѣры непослушанія князю и самовольныхъ распоряженій воиновъ во время самаго хода военныхъ дѣйствій встрѣчаются какъ въ древнее время, такъ и въ новое. Въ Лавр. лѣт. подъ 1096 г. читаемъ: «Володимеръ же хотѣ нарядити полкъ, они же (т. е. воины) не послушаша, но удариша въ конѣ къ противнымъ». Въ 1127 г. жители города Изяславля сдались Вячеславу подъ условіемъ, что онъ «не дастъ ихъ на щитъ». Не смотря на это, Воротиславъ, тысяцкій князя Андрея, и Иванко, тысяцкій Вячеслава, ночью послали своихъ отроковъ грабить городъ. Остальные воины, узнавъ объ этомъ на разсвѣтѣ, бросились на Изяславль и взяли его на щитъ «одва Мстиславны товаръ убллюдоша», (дочери Мстислава Кіевскаго и жены Брячислава, оставленной мужемъ въ Изяславлѣ. Ипат. 1127 г. Ср. еще приведенное уже мѣсто объ оборонѣ Днѣпровскаго брода, Ипат. 1151 г.—Въ Воскр. лѣт. подъ 1433 г. при описаніи битвы в. к. Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ читаемъ: «Съ княземъ Юріемъ множество бѣ вой, а у великаго князя добрѣ мало, но еднако сразишася съ ними; а отъ Москвичъ не бысть ни коея помощи, мнози бо отъ нихъ піяни бяху, а ини съ собою медъ везяху, что пити еще».

[50]) Въ Ипат. подъ 1185 г. при описаніи нападенія Половцевъ на Переяславль, читаемъ: «Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерзнувъ дружинѣ, и бися съ ними крѣпко. И обступиша и́ мнозіи Половцѣ, тогда прочии, видѣвше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена суща треми копьи». Константинъ Всеволодовичъ передъ Липецкой битвой на совѣтъ союзниковъ своихъ,—обойдти непріятельскую рать и направиться прямо къ Владиміру, отвѣчалъ: «Люди мои къ боеви не дръзи, и если пойдемъ къ Владиміру, они разойдутся по городамъ». Воскр. 1216 г.

[51]) Проистекающее отсюда отсутствіе единства команды было главною причиною пораженія Русскихъ князей на Калкѣ, см. Ипат. подъ 1224 г.—Во время совокупнаго похода на Литву южныхъ князей, Мстислава, Юрія и Володимера, двое пер-

кахъ встрѣчаемъ обычай—посылать одного изъ князей «ѣздить на переди». Ѣздить па переди значило ѣздить съ авангардомъ для предварительныхъ развѣдокъ. Для этой цѣли избирались князья «бодрые, дерзкіе и крѣпкіе на рать». Избраніе ихъ, какъ и всѣ другія распоряженія во время похода, зависѣло отъ соглашенія всѣхъ князей участниковъ [52]). Съ тѣми же порядками встрѣчаемся и во времена позднѣйшія. Начало единства команды одинаково чуждо всѣмъ дошедшимъ до насъ княжескимъ договорамъ XIV и послѣдующихъ вѣковъ. Каждый изъ князей-союзниковъ, па основаніи этихъ договоровъ, удерживалъ за собой право команды своими войсками—лично, или чрезъ посредство назначаемыхъ имъ воеводъ [53]). При отсутствіи особыхъ статей, опредѣляющихъ порядокъ распоряженія союзными войсками, нѣтъ никакого основанія допустить подчиненіе одного союзника другому на случай похода по крайней мѣрѣ для тѣхъ князей, въ договоры которыхъ не внесено никакого односторонняго ограниченія воли одного изъ договаривающихся въ пользу другаго [54]). Въ кня-

выхъ, «утаившеся Володимера», послали войска свои въ отдѣльную экспедицію. Ср. еще Суз. 1186 г.

[52]) Въ Ипат. подъ 1187 г., при описаніи похода Русскихъ князей на Половцевъ, читаемъ: «Володимеръ же Глѣбовичъ пріѣха къ нимъ (къ Святославу, Рюрику и друг. князьямъ, собравшимся въ походъ) изъ Переяславля съ дружиною своею, и испросися у Святослава и у Рюрика ѣздити напереди съ Черными Клобуками. Святославу же (Кіевскому князю) не любо бяшеть пустити Володимера напередъ передъ сыны своими, но Рюрикъ и инія вси улюбиша, зане бѣ мужь бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати, всегда бо тосняся на добра дѣла».

[53]) Относительно войны наступательной (этотъ терминъ мы употребляемъ въ самомъ ближайшемъ смыслѣ) начало это выражалось въ слѣдующей формулѣ: «а которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ великомъ княженьи, а тѣ бояре съ тобою (выступаютъ въ походъ); а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ моимъ воеводою, а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ; а кто живетъ нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тѣмъ по тому же». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 35; Ср. еще тамъ же №№ 37, 43, 46, 47, 49, 53, 61, 64, 91, 92, 95, 108, 128, 133, 160. Наоборотъ, для войны оборонительной существовало другое начало, выражавшееся въ слѣдующей формулѣ: «а городная осада, гдѣ кто живетъ, тому туто сѣсти», т. е. во время осады города для его защиты должны явиться всѣ, живущіе вблизи города, хотя бы они служили и не тому князю, которому принадлежитъ городъ; изъ этого исключались только бояре введеные и путные, которые, какъ имѣющіе особое назначеніе, не обязывались являться на защиту своего города. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 35, 45, 64 и др. Тамъ же въ № 33 это начало принято и для войны наступательной.

[54]) О подчиненіи воеводъ князей-союзниковъ одного другому также нѣтъ указаній. Выраженіе договора Дмитрія Юрьевича съ Василіемъ Васильевичемъ: «а моимъ

жескихъ договорахъ встрѣчаемъ только опредѣленіе лица, подъ предводительствомъ котораго въ извѣстныхъ случаяхъ войска должны были выступать въ походъ. Изъ предыдущаго мы знаемъ, какое важное значеніе имѣло личное предводительство князя. А потому князья, выговаривавшіе въ свою пользу содѣйствіе другихъ князей, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляли и самые случаи, когда это содѣйствіе должно было быть оказываемо подъ личнымъ предводительствомъ ихъ союзниковъ. Случаи эти опредѣлялись различно: иногда союзники обязывались выступать лично въ походъ только тогда, когда выступалъ лично и самъ нуждавшійся въ помощи; иногда они предоставляли ему право требовать ихъ личнаго участія въ войнѣ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ онъ оставался дома и вмѣсто себя высылалъ сына, или воеводъ [55]).

Въ договорахъ встрѣчаемъ еще одно частное опредѣленіе относительно назначенія воеводъ для московской рати. Такъ какъ Москва находилась въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ князей, то, естественно, между ними возникалъ вопросъ о правѣ назначенія воеводы въ эту общую рать. Въ договорѣ Боровскаго князя, Василія Ярославича, съ вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ право это передано послѣднему [56]). Гдѣ такого условія нѣтъ, надо предполагать назначеніе воеводы по общему соглашенію всѣхъ князей совладѣтелей.

Переходимъ къ вопросу о содержаніи войска. Постояннымъ содержаніемъ пользовалась только небольшая часть воиновъ—

воеводамъ идти подъ твоимъ воеводою» надо считать опиской, ибо оно не повторено во второмъ экземплярѣ того же договора и не вошло ни въ одинъ изъ послѣдующихъ договоровъ между тѣми же князьями. Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 54. 55, 56, 57, 58, 59.

[55]) Условія перваго рода выражались въ слѣдующей формулѣ. «А гдѣ, господине князь великій, самому тебѣ всѣсти на конь противу своего недруга, и мнѣ пойти съ тобою безъ ослушанія; а гдѣ пошлешь на свою службу своихъ воеводъ, и мнѣ послати съ твоими воеводами своего воеводу съ своими людьми». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 28, 45, 48, 62, 63 и пр. Для втораго рода условій служила формула: «А гдѣ ми будетъ самому великому князю всѣсти на конь, и тобѣ со мною пойти; а гдѣ ми тобя послати, и тобѣ пойти безъ ослушанія; а гдѣ пошлю своихъ воеводъ и тобѣ послати съ моими воеводами своего воеводу съ своими людьми»; тамъ же №№ 23, 46, 47, 52, 84, 92, 97, 99, 113 и пр. Ср. еще тамъ же №№ 43, 115, 110. Эти условія, опредѣлявшія исключительно порядокъ выступленія въ походъ союзныхъ войскъ, соединяются съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ договоровъ, ср. тамъ же №№ 80 и 84.

[56]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 45.

отроки, гриди, дворяне, словомъ только тѣ, кто жилъ въ домѣ князя и на его счетъ. Источники не сохранили никакихъ подробностей о мѣрѣ и родѣ этого содержанія [57]). Остальное войско не получало постояннаго содержанія, и вознаграждалось нѣкоторыми случайными выгодами войны, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ военной добычѣ.

По первоначальному взгляду, воевать значило—обогащаться добычею, брать въ плѣнъ людей, овладѣвать ихъ скотомъ и всякого рода движимостями [58]). Возможность легкаго обогащенія сильно привлекала народъ къ участію въ княжескихъ войнахъ. Бытвы могло и не быть, но безъ грабежа дѣло необходилось. Онъ начинался обыкновенно вмѣстѣ со вступленіемъ въ непріятельскую землю. Такъ, при описаніи похода Андрея Боголюбскаго на Новгородъ, читаемъ: «и пришедше только въ землю ихъ (Новгородскую), много зла створиша (воины Андрея): села взяша и пожгоша, и люди посѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша и скоты поимаша....» [59]). И все это—по отношенію къ мирнымъ жителямъ, которые не вошли въ составъ собравшагося въ Новгородѣ войска, а остались дома за своими обычными занятіями. Эти суровые обычаи войны объясняютъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи о Полочанахъ. Узнавъ о походѣ на нихъ Смольнянъ и Новогородцевъ, Полочане такъ разсуждаютъ

[57]) Только о Новгородскихъ гридяхъ находимъ извѣстіе, что въ XI в. они получали содержаніе жалованьемъ, а не натурою: въ Лавр. подъ 1014 г. читаемъ: «Ярославу же сущю Новѣгородѣ и урокомъ дающю Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячю Новѣгородѣ гридемъ раздаваху».

[58]) Въ Ипат. подъ 1142 г. читаемъ: «Изяславъ же слышавъ, что братъ его (Ростиславъ Смоленскій) воюетъ волость ихъ (Черниговскихъ князей), и ѣха изъ Переяславля вборзѣ въ землю Черниговскую и повоева около Десны села ихъ и около Чернигова; и тако повоевавъ волость ихъ возратися въ свояси съ честью великою». Тамъ же подъ 1229 г. Русскіе князья заключаютъ міръ съ Польскими съ условіемъ: «не воевати Ляхомъ Руское челяди, ни Руси лядской», т. е. не брать въ плѣнъ. Въ Воскр. лѣт. подъ 1471 г. читаемъ: «Вои же князя великаго послѣ бою того воевали много посады Новгородскіе и до нѣмецкаго рубежа по рѣку Нерову, и великое мѣсто, зовомое Новое село, поплѣниша и пожгоша». Въ договорѣ Ивана Федоровича Рязанскаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ читаемъ: «А что есмя посылалъ свою рать съ твоимъ братаничемъ, съ княземъ Василіемъ, и воевали, и грабили, и полонъ имали; ино грабежу тому всему погребъ». Въ послѣднемъ случаѣ слово грабежъ употреблено вмѣсто: «воевали, и грабили, и полонъ имали». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 48.

[59]) Ипат. 1173 г.

на вѣчѣ: «не можемъ стати противу Новогородцемъ и Смолняномъ, аще пустимъ ихъ въ свою землю, то и миръ хотя съ ними будетъ, а зла много сдѣлаютъ намъ и землю нашу пусту сотворятъ: поидемъ къ нимъ на рубежъ» [60]). Этотъ характеръ войны не измѣнился и въ позднѣйшее время. Подъ 1382 г. читаемъ: «Не помнозѣхъ же дняхъ великій князь Дмитрій Ивановичъ посла рать свою на князя Олега Рязанскаго; князь же Олегъ самъ не въ мнозѣ людей убѣжа, а землю его до остатка пусту ратніи учиниша, пуще ему бысть и Татарскія рати» [61]). Война великаго князя Ивана Васильевича съ Новгородомъ описана въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «братія же великаго князя всѣ съ многими людьми, кійждо изъ своея отчины, поидоша разными дорогами къ Новугороду, плѣнующе и жгуще и люди въ плѣнъ ведуще. Также и князя великаго воеводы тоже творяху, кійждо на свое мѣсто посланъ»; и далѣе: «не токмо бо тѣ воевали, кои съ великимъ княземъ и братіею его, но и изо всѣхъ земель ихъ пѣшею ратью ходили на нихъ, а Псковская вся земля отъ себя ихъ же воевала» [62]). Вести такую войну значило «брать землю на щитъ». «Того же лѣта, разсказываетъ лѣтописецъ подъ 1401 г., на миру, на крестномъ цѣлованіи, князя великаго Василія повелѣніемъ, Анфалъ Микитинъ, да Герасимъ Растрига съ князя великаго ратью наѣхавъ войною за Волокъ, и взялъ всю Двинскую землю на щитъ, безъ вѣсти, въ самый Петровъ день, христіянъ посѣкли и повѣшали а животы ихъ и товаръ поимали....» [63]). — Конечно, не всѣ войны отличались одинаковой суровостью, но эта суровость лежала въ существѣ дѣла, условливалась особенностями тогдашней военной организаціи, а потому и составляетъ отличительную черту нашихъ древнихъ войнъ. Какъ скоро народъ всею своей массой переходилъ въ воиновъ, было трудно и опасно отличать мирныхъ жителей отъ немирныхъ и щадить

[60]) Воскр. 1186 г. Въ Ипат. подъ 1148 г. читаемъ: «И прійдоста (Изяславъ и Ростиславъ) къ Кснятину, и ту имъ отъ Юрія вѣсти не бысть, и начаста городы его жечи и села и всю землю его воевати обаполъ Волги».... Ср. еще тамъ же 1152 г., 1170 г., 1171 г., 1191 г., 1193 г., 1129 г. [61]) Воскр.
[62]) Тамъ же 1471 г. [63]) Новгород. I. Ср. еще Лавр. 1127 г.

жизнь и имущество первыхъ. Съ другой стороны, при маломъ развитіи государственнаго хозяйства, для продовольствія войскъ во время похода не существовало другихъ средствъ кромѣ собственности непріятеля. Конфискація же ея только въ мѣрѣ, необходимой для обезпеченія продовольствія, была не возможна по отсутствію всякой дисциплины въ рядахъ княжескаго войска, и кромѣ того лишила бы войну всей ея привлекательности въ глазахъ народныхъ массъ. — Согласно съ этимъ характеромъ нашихъ древнѣйшихъ войнъ, при выборѣ пункта для нападенія князей занимали не столько стратегическія соображенія, сколько желаніе выбрать мѣстность способную и прокормить ихъ воиновъ и обогатить ихъ полономъ. «Оже пойдемъ къ Новугородку, думаютъ южные князья, Мстиславъ, Владиміръ и Юрій, во время похода на Литву, — а тамо уже Татарове извоевали все; пойдемъ гдѣ къ цѣлому мѣсту!» [64]).—Право дѣлать добычу принадлежало всѣмъ разрядамъ княжескихъ войскъ, безъ всякаго между ними различія: каждый воинъ пріобрѣталъ то, чѣмъ завладѣвалъ [65]). Въ мирныхъ договорахъ князей находимъ статьи, которыми военная добыча признается собственностью пріобрѣтателя [66]). Исключенія дѣлаются только въ пользу

[64]) Ипат. 1277 г.

[65]) Изъ указаннаго уже мѣста Лавр. лѣт. подъ 1127 г. видно, что грабежъ Изяславля начали отроки тысяцкихъ, посланные ими для этой цѣли тайкомъ; на разсвѣтѣ же къ нимъ присоединились и всѣ остальные воины.—По взятіи Кіева въ 1171 г., его грабятъ въ теченіи 2 дней. Смольняне, Суздальцы, Черниговцы, Ольгова дружина, а также и дружины прочихъ князей. Дружина Владимира Андреевича отличилась при этомъ не менѣе другихъ. Когда, по смерти этого князя, пришлось везти тѣло его въ Кіевъ, она отказалась слѣдовать за нимъ: «Княже, говорятъ служилые люди покойнаго князю Давыду въ отвѣтъ на предложеніе его—проводить до Кіева тѣло умершаго, ты самъ вѣдаеши, что есмы издѣяли Кияномъ; а не можемъ ѣхати, избьють ны». Ипат.

[66]) Это начало выражается въ слѣдующей формулѣ: «А что были межи насъ въ наше нелюбье войны и грабежи.... и тому грабежу всему погребъ на обѣ стороны». Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. №№ 43, 48, 50, 65 и др.—Но для этого требовалось, чтобы добыча была сдѣлана въ періодъ—«нелюбья» или «розмирья», т. е. въ періодъ войны, открывшейся установленнымъ порядкомъ, возвращеніемъ складныхъ грамотъ. Согласно съ этимъ, въ договорныхъ грамотахъ встрѣчаемъ условія, коими выговаривается возвращеніе добычи, сдѣланной до формальнаго объявленія войны, или по заключеніи мира. См. тамъ же №№ 28, 54.—Въ договорѣ Дмитрія Ивановича Московскаго съ Михаиломъ Тверскимъ, находимъ мѣсто, изъ котораго видно, что это право освоенія не простиралось на церковныя вещи — колокола, книги, кузнь, онѣ подлежали возвращенію; тамъ же № 28.

плѣнныхъ, относительно которыхъ встрѣчаемъ условія о возвращеніи ихъ даже и въ томъ случаѣ, если бы они были уже кому и проданы [67]). Въ Ипат. лѣт. подъ 1229 г. находимъ любопытное указаніе на ограниченіе права дѣлать добычу. Въ мирный договоръ Русскихъ князей, Даніила и Василька, съ Польскими было внесено условіе, по которому обѣ стороны, въ случаѣ войны между ними, — обязались не дѣлать плѣнниковъ [68]).

Второй видъ вознагражденія воиновъ составляли единовременныя денежныя награды, которыя выдавались князьями и обыкновенно вслѣдъ за окончаніемъ извѣстной войны. Для этой цѣли назначались или собственныя суммы князя, или особыя контрибуціи, которыя выговаривались съ побѣжденныхъ при самомъ заключеніи мира [69]). Единовременныя награды выдавались всѣмъ воинамъ, безъ различія рода войскъ [70]); но понятно, что дружина въ тѣсномъ смыслѣ, состоя постоянно при князѣ, имѣла гораздо болѣе случаевъ получать такія награды, а потому и обогащалась скорѣе. — Лѣтописи отмѣтили имена нѣкоторыхъ князей, особенно щедрыхъ въ этомъ отношеніи. Такъ, о Владимірѣ Глѣбовичѣ читаемъ: «и плакашася по немъ всѣ Переяславцы, бѣ бо любя дружину, и злата не сбирашеть, но даяшеть дружинѣ» [71]).

Для продовольствія войска во время его переходовъ въ пре-

[67]) См. тамъ же №№ 43, 47, 48, 51, 56. 65.

[68]) Означенное мѣсто лѣтописи читается такъ: «Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ. Створиша же межи собою клятву Русь и Ляхове: аще по семъ межи ими коли будеть усобица, не воевати Ляхомъ Руское челяди, ни Руси Лядьской». Надо думать, что разсматриваемое условіе не совсѣмъ точно записано лѣтописцемъ. Судя по поводу, его вызвавшему: «Руси бо бѣаху полонилѣ многу челядь и боярынѣ», необходимо допустить, что союзники обязались не брать въ плѣнъ не одну челядь, но и вообще плѣнниковъ, кто бы ни былъ.

[69]) Ипат. 1144 г., Новгрд. I. 1214 г.. Воскр. 1376 г.—Эти контрибуціи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли имѣть значеніе откупа отъ взятія на щитъ.

[70]) Ярославъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ одѣляетъ «смердовъ, старостъ и Новгородцевъ»—всѣхъ безъ различія. Воскр. 1019 г. Подобно этому тамъ же подъ 1376 г. читаемъ: «Князь же Болгарскій.... доби челомъ великому князю и тестю его Дмитрію Костянтиновичу двѣма тысячеми рублевъ; а ратемъ ихъ трема тысячема рублевъ».

[71]) Ипат. 1187 г.; ср. еще подобную же похвалу Святославу и Давыду Ростиславичамъ, тамъ же 1172 и 1197 г.

дѣлахъ собственнаго княжества встрѣчаемъ учрежденіе корма, какъ натуральной повинности, лежавшей на волостныхъ и городскихъ людяхъ. Древнѣйшее указаніе на кормъ относится къ XI вѣку [72]).—Въ договорныхъ грамотахъ князей встрѣчаемъ условія, которыми князья-союзники обязываются давать другъ другу кормъ при переходѣ ихъ войскъ чрезъ предѣлы союзнаго княжества [73]). Согласно съ этимъ встрѣчаемъ и учрежденіе особаго чиновника, обязанность котораго состояла въ наблюденіи за собираніемъ корма для продовольствія союзныхъ войскъ [74]).—Рядомъ съ обязанностью давать кормъ существовала обязанность отводить квартиры проходящимъ войскамъ, давать имъ подводы и проводниковъ. Въ нѣкоторыхъ жалованныхъ грамотахъ встрѣчаются освобожденія отъ этихъ повинностей [75]).

Къ концу разсматриваемаго періода въ образѣ вознагражденія служилыхъ людей произошло важное измѣненіе, положившее начало новому порядку вещей. Вмѣсто того, чтобы раздавать служилымъ людямъ свое золото и серебро, князья начали

[72]) Лавр. 1018 г., здѣсь дѣло идетъ о продовольствіи союзныхъ войскъ Польскаго короля, Болеслава Храбраго.—Тотъ же кормъ означаетъ и древній терминъ «зажитье». Въ Новгрд. I. подъ 1216 г. читаемъ: «Мстиславъ же поиде Серегеремъ, и вниде въ свою волость, и рече Новгородцемъ: идѣте въ зажитья, толико головъ не емлѣте;—икопа, исполнившася корма и сами и кони».—Въ выраженіи «толико головъ не емлѣте» заключается указаніе на размѣры корма: воины не должны были ни уводить съ собою стадъ, ни бить скотину на мѣстѣ.—Указаній на болѣе точное опредѣленіе корма источники не сохранили; см. слѣдующее прим.—Въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ жалобы на превышеніе воинами всякой мѣры при собираніи корма. Въ Воскр. подъ 1438 г. читаемъ: «Идущимъ же имъ къ Бѣлеву (воинамъ в. к. Василія Васильевича), все пограбиша у своего же православнаго христіянства, и мучаху людей изъ добытка, и животину біюще, назадъ себѣ отсылаху».... Ср. еще Пск. I. 1474 г.—Слово «зажитье» съ присоединеніемъ слова «воевать» употребляется и для обозначенія способа продовольствія войскъ въ непріятельской землѣ. Въ Пск. I. подъ 1231 г. читаемъ: «Иде Ярославъ на Нѣмцы и пусти вои воевати въ зажитье; Нѣмцы же изъ городовъ высунушася.... на сторожей, и бишася съ ними до полку».

[73]) Р. С. Г. Г. и Д. ч. I. № 70: «а кормъ взяти, а не корыстиватися ни чѣмъ». Это различеніе «корма» и «корысти» указываетъ на то, что подъ кормомъ разумѣлось нѣчто опредѣленное, хотя, можетъ быть, только-обыкновенными потребностями здороваго человѣка.

[74]) Въ Воскр. подъ 1478 г. читаемъ: «Еще же князю великому на Волоцѣ сущу, присла противу ему князь великій Михайло Тверской сына боярскаго своего, отдавати кормы по отчинѣ своей» (на походѣ къ Новгороду).

[75]) А. А. Э. т. I. №№ 24, 89, 98.

надѣлять ихъ недвижимыми имуществами съ обязанностью служить до тѣхъ поръ, пока длилось владѣніе пожалованными недвижимостями. Вслѣдствіе этого, на ряду съ вольными боярами и слугами, имѣвшими право отъѣзда безъ малѣйшаго ущерба ихъ личнымъ интересамъ, образовался новый разрядъ слугъ, члены котораго хотя и сохраняли личную свободу, но могли отъѣхать не иначе, какъ съ потерею полученныхъ ими отъ князя земель. Особенности новаго порядка, съ одной стороны, заключались въ томъ, что князь имѣлъ служилыхъ людей, обязанныхъ ему службою; съ другой, ихъ отъѣздъ не причинялъ того ущерба его интересамъ, какъ отъѣздъ вольныхъ слугъ, которые удерживали за собой и всѣ полученные ими подарки даже и въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтали на нихъ недвижимую собственность. Отобраніе пожалованныхъ земель у отъѣхавшихъ давало князю возможность пополнять ряды убылыхъ служилыхъ людей безъ новаго отягощенія своей казны. Такимъ образомъ, власть князя становилась внѣ зависимости отъ доброй воли его слугъ.—Первые слѣды новаго порядка относятся къ началу XIV в., мы встрѣчаемъ ихъ въ завѣщаніи Московскаго князя Ивана Даниловича; но только къ концу разсматриваемаго періода достигаетъ онъ сколько нибудь значительнаго развитія; тогда же появляется и слово «помѣстье» какъ особый терминъ для обозначенія владѣній, служба съ которыхъ была обязательна [76]).

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ нашего древнѣйшаго помѣстнаго права.

Въ помѣстья князья назначали свою недвижимую собственность, села, деревни и дворы [77]). Рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ и другой болѣе сложный видъ возникновенія помѣстій. Частные собственники—служилые князья, бояре, дѣти боярскіе, житьи

[76]) См. мѣста о пожалованіи недвижимостей: Р. С. Г. Г. и Д. ч. І. №№ 22, 40, 6, 87, 103, 106, 112, 144; Воскр. 1484, 1489, 1493 г.

[77]) Въ духовной Ивана Даниловича читаемъ: «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородическое, а далъ есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будеть за нимъ».... Въ духовной Ивана Васильевича читаемъ: «А что которые мои дворы внутри города на Москвѣ и за городомъ за моими бояры, и за князьми, и за дѣтьми боярскими, и за дворяны за моими» и пр.

и пр., чтобы снискать расположеніе и покровительство сильнаго князя, поступали къ нему на службу «съ своими отчинами». Т. е., предлагая ему свою службу, они вмѣстѣ съ тѣмъ передавали въ его распоряженіе и свою поземельную собственность. Князь, съ своей стороны, принимая ихъ службу, жаловалъ ихъ ихъ же отчинами, но уже условно—съ обязанностью служить[78]). Такимъ образомъ, на помѣстномъ правѣ извѣстному лицу могли принадлежать не только княжескія земли, но и его собственная отчина и купли.—Такія явленія не старѣе XV вѣка.

Что касается вопроса о томъ, кому давались помѣстья, то на него можно отвѣчать только въ самомъ широкомъ смыслѣ: помѣстья жаловались всѣмъ свободнымъ; мы находимъ ихъ—у князей, бояръ, дѣтей боярскихъ, дворянъ, гостей и житьихъ[79]).

Помѣстья жаловались на условіи службы[80]). Лично пожалованный оставался свободнымъ и могъ отъѣхать. Послѣдствія

[78]) Такъ надо понимать такія мѣста источниковъ, какъ напр.: «Того же лѣта пріѣхаша къ великому князю служити князи Воротынскіе.... и съ своими отчинами», или: «Того же лѣта пріѣде служити къ великому князю князь Михайло Романовичъ Мезецкой, да изымавъ приведе съ собою дву братовъ, князя Семена, да князя Петра. И князь великій ихъ послалъ въ заточеніе въ Ярославль, а князя Михайла пожаловалъ его же отчиною и повелѣлъ ему себѣ служити». Воскр. 1492 и 1493 г.—Можно предположить, что на такомъ же условіи поступали на службу и всѣ другіе служебные князья, упоминанія о которыхъ находимъ въ договорныхъ грамотахъ, начиная со второй четверти XV в. Это предположеніе объясняетъ то условіе договоровъ, по которому они одни не могли отходить съ своими вотчинами.—Въ 1478 г. новгородскіе бояре, дѣти боярскіе и житьи, лишенные своихъ вольностей, «били челомъ великому князю въ службу; да приказався вышли отъ него». Въ той же лѣтописи подъ 1489 г. читаемъ: «К. в. Иванъ Васильевичъ приведе изъ Новгорода многихъ бояръ и житьихъ людей и гостей.... жаловалъ ихъ на Москвѣ, давалъ помѣстія....; а въ Новгородъ на ихъ помѣстья послалъ Московскихъ лучшихъ людей».... Воскр. И такъ, у новгородскихъ бояръ и житьихъ въ Новгородѣ были не отчины, а помѣстья. Гдѣ же ихъ отчины? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно сдѣлать только одно предположеніе. Въ 1478 г., доведенные до крайности превозмогающими силами великаго князя, они били ему челомъ въ службу и съ своими отчинами и получили ихъ обратно съ характеромъ помѣстій. Къ этой же категоріи относятся, вѣроятно, и Ярославскіе бояре и дѣти боярскіе, о которыхъ упомянуто въ прим. 26.

[79]) Воскр. 1489 г. 1492 г., 1493 г. Въ духовной Ивана Даниловича — древнѣйшій помѣщикъ названъ «Борискою Борковымъ». Судя по этой уменьшительной формѣ его имени, надо думать, что онъ не принадлежалъ къ очень высокому слою людей.

[80]) Въ духовной Ивана Даниловича читаемъ: «Не иметь ли служити дѣтемъ моимъ (Бориска Борковъ), село отоимуть». Ср. еще подобныя же условія въ духовной Бориса Васильевича Волоцкаго и Ивана Васильевича Московскаго.

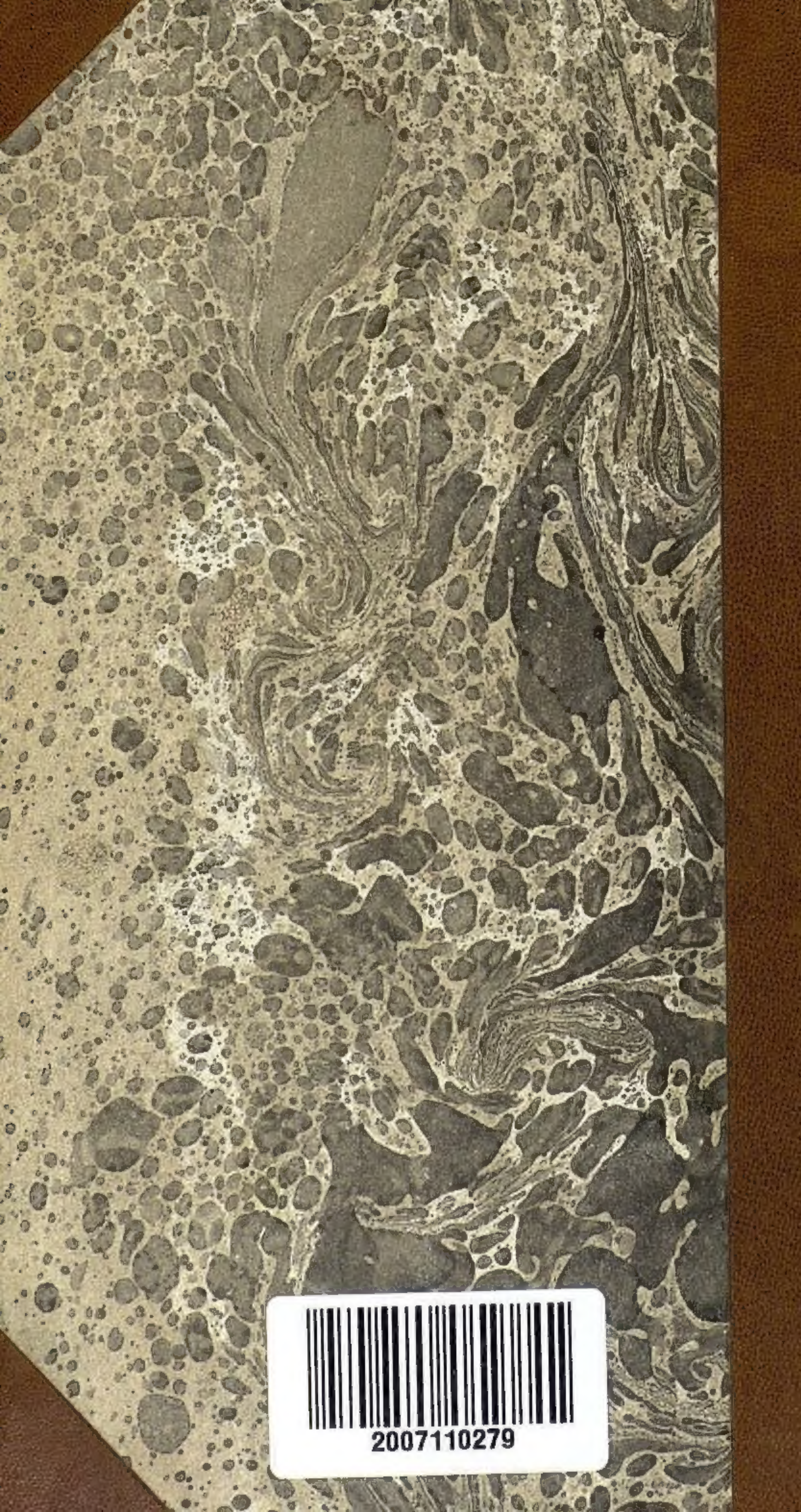
отъѣзда касались только пожалованнаго ему имущества, которое въ такомъ случаѣ отбиралось въ пользу князя. — Если условіе пожалованія не нарушалось, владѣніе помѣстьемъ продолжалось пожизненно [81]).

О размѣрахъ служебной повинности помѣщиковъ современные источники не сохранили указаній.

[81]) Если въ помѣстья жаловались отчины и купли служилыхъ людей, они, обыкновенно, по смерти ихъ утверждались за ихъ дѣтьми. Указаніе на это находимъ въ духовной Ивана Васильевича. О Ярославскихъ боярахъ сказано: «а служатъ ему (Василію Ивановичу), и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается, ни у ихъ женъ, ни у ихъ дѣтей».

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

страница:	*напечатано:*	*вмѣсто:*
13	слоло	слово
23	(въ прим.) либо	любо
31	лѣстнипы	лѣстницы
79	Несмотря на: всю краткость подобныхъ извѣстій, они тѣмъ не менѣе драгоцѣнны	Не смотря на всю краткость подобныхъ извѣстій, они тѣмъ не менѣе драгоцѣнны:
97	(въ прим.) въ 1349 г.	въ 1347 г.
106	въ осужденіи и казни,	въ осужденіи и казни
112	даютъ, такое обѣщаніе	даютъ такое обѣщаніе
113	не столько	на столько
132	и угодна быть	и угодна бысть
134	пощоць	помощь
162	(въ прим.) Ивятославъ	Святославъ
196	Выставивъ условіемъ занятіе	Выставивъ условіемъ занятія
220	единенія князей	единеніе князей
283	что же касается до завѣщанія Дмитрія Васильевича	что же касается до завѣщанія Дмитрія Ивановича
317	Бориса, Глѣба, Святополка	Бориса, Глѣба, Святослава

2007110279